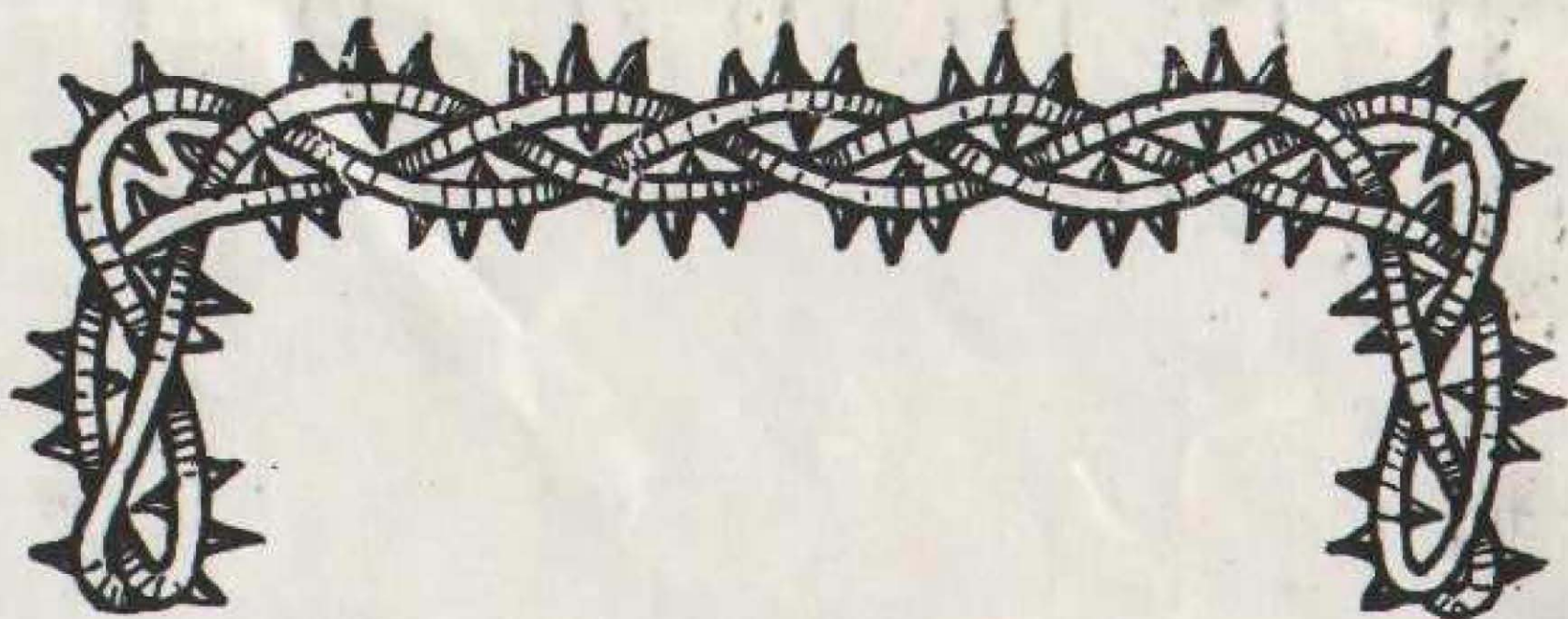

BOOK-OLDS.RU

ПАРКОВЫ
В БОЯХ И ПОХОДАХ

ЗА

ПОБЕДУ

1917-1918

МАРКОВЦЫ

В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ

в освободительной войне 1917-1920 годов

—
КНИГА ПЕРВАЯ
1917-1918 г. г.

Зарождение Добровольческой Армии
1-ый и 2-й Кубанские Походы

—

Составил подполковник Марковского Пехотного Полка
В. Е. ПАВЛОВ

ПАРИЖ
1962

Рисунок обложки худ. С. Г. Двигубского

Union des Combattants de la Division du Général Markoff

© by B. Pavloff. Paris, 1962.

27, rue des Bateliers, Clichy (Seine) - France.

О Т Р Е Д А К Ц И О Н Н О Й К О М И С С И И

Редакционная Комиссия, предоставляя читателям настоящую летопись: «МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ», этот многолетний труд нашего соратника — подполк. В. Е. Павлова, почитает своим первейшим долгом выразить от лица всех Марковцев глубокую и сердечную благодарность автору, который, движимый стремлением запечатлеть беспримерный подвиг верных сынов Родины этой эпохи, блестяще выполнил возложенную на него Марковцами задачу.

В летописи подполк. Павлов красочно, правдиво и всесторонне изображает не только боевые эпизоды и походы Марковцев, но и все внутренние, душевные переживания Добровольцев, иллюстрируя повествование многочисленными выдержками из записок и дневников соратников, а также и дает верную оценку отношения русской общественности и простого народа к Идее Белой Борьбы.

Автор, окончивши Алексеевское Воен. Училище в октябре 1914 г., сразу же отправляется на фронт Действующей Армии и, будучи трижды раненым и награжденным Орденом Св. Георгия Победоносца, прошел всю страду Русской Армии почти от начала до самого конца, что обогатило его большим боевым опытом и познанием психологии Русского офицера и солдата. Революции он не воспринял и устремился туда, на Дон, где обрисовывалась возможность борьбы за честь и достоинство поруганной Родины.

Вдумчиво переживая все проходившее перед глазами, он схватывал своим взором не только узкий сектор зрения рядового бойца и офицера, но выходил и далеко за пределы его.

От читателя этой книги скрыта оборотная сторона медали и ему более чем трудно представить себе, сколько упорного и кропотливого труда стоило автору собирание всех матерьялов и показаний в условиях эмиграции и разбросанности по всему свету живых свидетелей этой эпохи.

При этом, надо сказать, что с первых же дней эмиграции Марковцы, под руководством покойного генерала Г. В. Жданова, стали собирать по горячим следам и систематизировать обильный архив Белой Борьбы и, когда почти вся работа в этом направлении была закончена, — вихрь 2-ой Мировой войны дотла уничтожил все собранное с таким трудом.

И вот, лишь тогда, когда миновала гроза, подполк. Павлов, по предложению Возглавлявшего в то время Объединение Марковцев, подполк. С. А. Касьянова, принялся за восстановление утерянного.

На эту жертвенную работу потребовалось несколько лет.

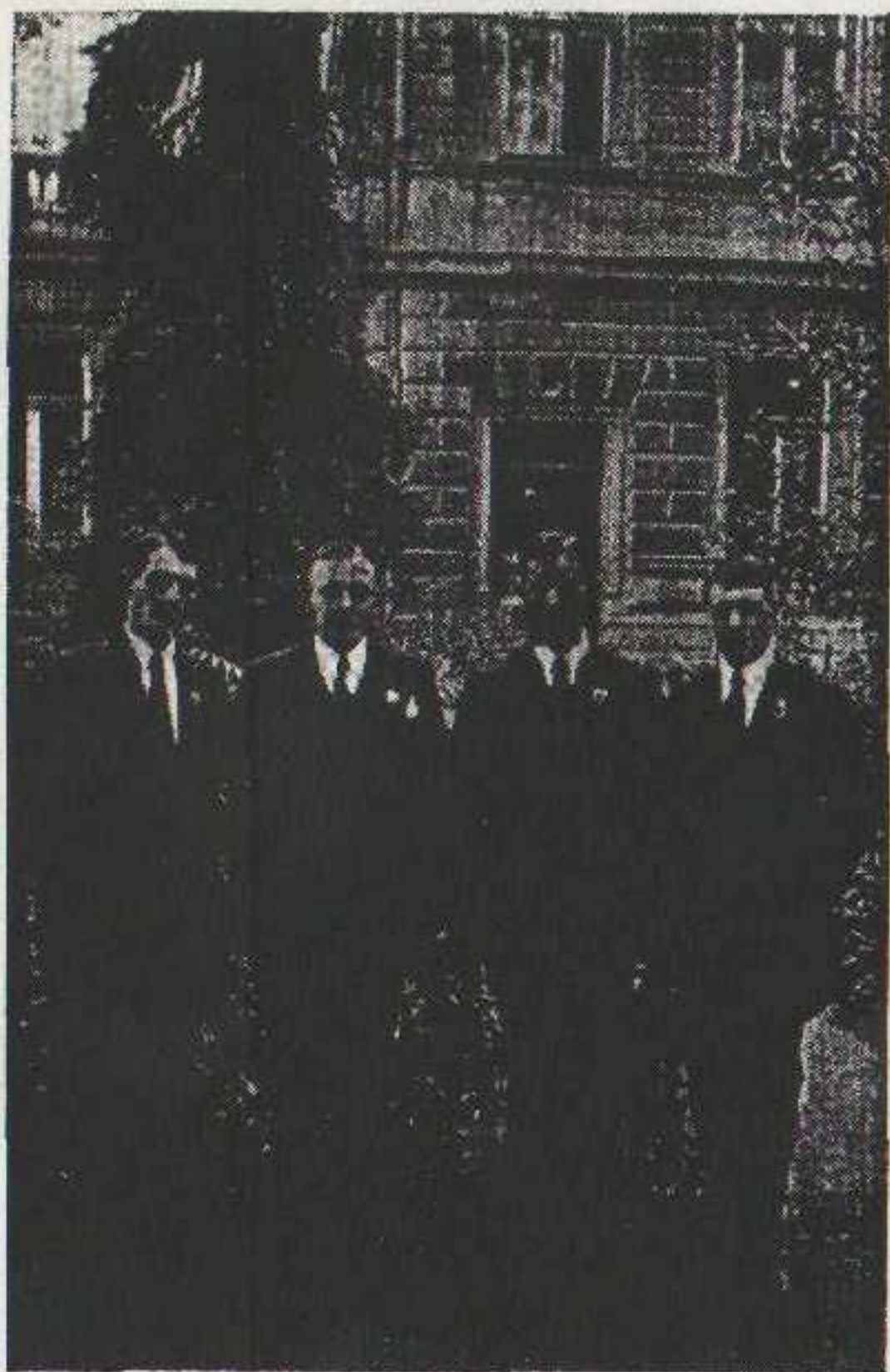
И мало было только написать Историю — еще нужны были материальные средства, чтобы достойно издать ее.

И в этом почин был сделан им, подполк. Павловым, и его призывы к соратникам дали свой результат: был основан «ФОНД ИЗДАНИЯ ИСТОРИИ МАРКОВЦЕВ», который, успешно развиваясь, дал возможность довести дело до желанного конца и печатным словом закрепить для грядущих поколений славу Марковских подвигов и жертвенности.

Книга эта и есть венок на безвестные могилы нашего Шефа, генерала МАРКОВА и его сподвижников.

Председатель Редакц. Комиссии: Полковник РЯБУХИН.

Члены: Ген. Шт. Полковник НИКОЛАЕВ,
Подполковник КАСЬЯНОВ,
Капитан ОРЕХОВ
и Поручик МАЙБОРОДА.

Ген. Жданов (второй справа)
с Марковцами в г. Софии.

ВСТУПЛЕНИЕ

Издание книги (в 2-х томах) «Марковцы в боях и походах за Россию» имеет целью оставить в истории Родины след об освободительной борьбе за Нее в 1917-1920 гг. и тем поставить «нерукотворный памятник» русским Солдатам, носившим черные «Марковские» погоны, погибшим и умершим как во время самой борьбы, так и тем, кто погиб и умер за рубежом Родины, сохранив Ей верность.

Отсутствие официальных документов, за невозможностью их вывести из России, а во время 2-й Мировой войны из Болгарии, привело к тому, что книга написана на основании — частично, разных книг, изданных за рубежом, а главным образом, на базе личных воспоминаний участников борьбы, их сохранившихся дневников, записных книжек (список приводится в конце книги) и составленной на таковой же базе в 1933 г. «Истории Марковской артиллерийской бригады». Поэтому, книга в своем заглавии избегла слова «история», что, однако, не лишает ее характера исторического.

Свыше 100 Марковцев (как и свыше 20 Марковцев-артиллеристов для «Истории Марковской артиллерийской бригады») дали свои воспоминания, позволившие составить полную картину походов и боев всех частей Имени ген. Маркова. Более того — они дали материал и для описания ж и з н и Марковцев, не только в рядах своих частей, но и вне их; жизни, на которую не могли не отражаться настроения, действия и пр. окружавшего их народа во всем его разнообразии. Написанная по материалам рядовых участников, книга является, таким образом, отражением их деяний, мыслей, настроений, почему и название ей дано: «Марковцы в походах и боях за Россию».

Еще в 1938 г., последний командир Марковского полка, ген. Жданов, решительно взявшийся осуществить давнишнее желание Марковцев иметь свою историю, писал:

«Общие положения мои таковы: помнить, что пишем историю полка (тогда была мысль об истории только полка. В. П.), т. е. описание должно носить в с е с т о р о н н и й и в с е о б ъ е м л ю щ и й характер. Должно касаться не только внешней, но и в н у т р е н н е й, д у х о в н о й стороны. Поэтому, кроме описания боев и маршей, успеха и неудач, надо указывать и м о р а л ь н ы е и и н т е л л е к т у а л ь н ы е причины их».

«Должна быть достаточно охарактеризована руководящая идея борьбы. Для чего должны приводиться слова и мысли, высказанные старшими начальниками и рядовыми бойцами при разных случаях».

В другом месте он писал:

«Марковцы — не полк в обычном, шаблонном смысле с таким-то штатным числом командиров, унтер-офицеров и штыков, организованный по казенному трафарету, а — проявители русского духа в широком смысле, самородки на родной почве...».

Пожелания ген. Жданова, умершего в борьбе с большевиками в 1945 г., осуществлены полностью.

В основе книги лежит Правда. Ошибки, упущения, преступления, сомнения, колебания, неудачи, поражения — ничто не скрыто. Может быть кое-что в ней будет неодобрено, осуждено, как неподобающее для истории, идущее вопреки принятым трафаретам, но Правда требует! Ведь тяжкую судьбу переживала и переживает Родина. В совершенно необычной обстановке боролась Белая Армия. Исключительными были в русской массе русские Белые Добровольцы...

Содержание книги не делает выводов, кроме одного: В ДНИ РУССКОЙ СМУТЫ ДОЛЖНО БЫЛО НАЙТИ ПУТЬ К СПАСЕНИЮ РОДИНЫ, ВСТАТЬ НА НЕГО И ТВЕРДО ПО НЕМУ ИДТИ ДО КОНЦА, КАКИЕ БЫ СРОКИ ДЛЯ ЭТОГО НИ ТРЕБОВАЛИСЬ.

Книга обращает внимание и делает упор на роль и значение Русского Офицера. Это вызвано не предумышленно, а ходом и развитием событий.

В дни всеобщей разрухи и растерянности, надежда на прекращение смуты возлагалась, естественно, на тот элемент страны, который, казалось, должен быть наиболее привержен чувству Долга и который тогда организационно мог создать силу для вооруженного сопротивления разрушителям Родины. Этим элементом было Офицерство, включавшее в себе тогда представителей от всех классов и сословий.

Как выполнило оно свой Долг — неизбежно и стало одной из тем книги. И это тем более потому, что Марковцы в начальный период своего служения Родине состояли почти исключительно из Офицеров, для которых Честь имени — Русские Офицеры — имела абсолютное значение.

Рядом с Офицерством в книге говорится о Русской молодежи, вставшей в ряды Офицеров. Говорится и о Русской женщине, пошедшей с ними как сестра-милосердия и, даже, как боец.

Книга написана не столько для немногих сотен еще здравствующих «Солдат России Великой», сколько для потомков всех Россиян, в руках которых судьба Родины.

«Да ведают потомки...»

Подполковник В. Е. Павлов.

1962 г.

“Не положу оружия до тех пор, пока хоть один вооруженный неприятельский солдат будет на земле нашей”.

Слово Государя Императора при объявлении войны в 1914 году.

“Кто думает теперь о мире, кто желает его, — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит”.

Из прощального приказа Государя по Армии — 7 марта 1917 года.

1917 ГОД

ОФИЦЕРЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Конец февраля 1917 года.

По газетам на фронте узнали о начавшихся на экономической почве беспорядках в Петрограде. Эти беспорядки усиливались изо дня в день. Армию охватило беспокойство, особенно когда волею ИМПЕРАТОРА была распущена Государственная Дума. Офицеры в этом факте увидели, что беспорядки переходят их области экономической в область политическую. Но они хотели верить, что порядок будет восстановлен.

В начале марта армии было сообщено об отречении от Престола ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Беспорядки вылились в революцию...

— Господа Офицеры! Мы будем продолжать с полным напряжением наших сил и сознанием ответственности перед Родиной, наш Долг! — сказал к-р одного из полков. В этот же вечер на обычной вечерней поверке, резервной роте было сообщено об отречении Императора. Рота застыла, охваченная ужасом совершившегося. Через несколько мгновений из рядов роты раздался крик полный отчаяния: — «Теперь все пропало!»

— Нет! Не пропало, если мы выполним до конца наш Долг! — ответил ком-щий б-ном. — На молитву шапки долой!

Рота пропела молитвы... «Спаси Господи люди Твоя... победу Благочестивому Государю Николаю Александровичу на сопротивных даруй...» истово крестясь, молились двести человек. Это был последний раз, когда в молитве упоминалось Имя Государя и когда просилась милость Господа — победы Его армии. В последующие дни, эта молитва всегда

срывалась там, где уже было опущено Имя Государя и все в этот момент чувствовали какую-то, вдруг открывшуюся перед всеми, темную и страшную бездну.

Была трагедия в душах Русских солдат. Низвержен был Закон, которым столетиями жила страна; низвержена была вековая Российская традиция и традиции Ее армии.

*
**

Газеты на фронте ожидалось с нетерпением и читались с чувством людей, потерявших почву под собой. Официальные сообщения по армии не касались существа событий, а лишь службы.

— Мы не разделяем газетных оптимистических настроений... — говорили офицеры. Их не успокаивало сообщение о Временном Правительстве и его составе — монархическом, за исключением одного социалиста — Керенского.

— Революция — вот факт. А всякая революция — драма для страны и в военное время в особенности.

Но среди офицеров были и оптимисты, верящие, что «все образуется».

*
**

События шли тяжелой поступью. Врем. Правительство меняло свой состав и левело. Революцию величали уже «Великой и безкровной», хотя и пролита была кровь. Ей кричали: «Да здравствует революция!» В Петрограде некоторые воинские части получили название: «Краса и гордость революции». Красные банты, красные флаги в тылу. А на фронте полковые святыни — знамена и штандарты «украсились» красными лентами; более того — кусками красной материи были зашиты вензеля Верховного Вождя Русской армии. Эти святыни, в молениях освященные и в торжестве врученные полкам, теперь были осквернены. Изменен был и Государственный герб — Двуглавый орел: с него были сняты короны, скипетр и держава. Вместо народного гимна игралась чужая России революционная Марсельеза.

Армия волею Вр. Правительства перестраивалась на демократических основах: в систему ее организации вводились войсковые комитеты. Никто толком не знал их назначение и роль. Вопрос о комитетах вызвал большие разговоры среди офицеров. Последние разделились: одни считали, что комитеты сыграют благотворную роль, другие — вредную. Но революция их ввела и офицерам ничего не оставалось, как отнестись к этому необычному статуту лояльно, как вынуждены были они лояльно отнестись к Вр. Правительству, будучи неожиданно поставленными перед совершившимся фактом.

В штабе X армии молодой ген. Марков, отмеченный высшими боевыми наградами, записал о «медовом месяце» революции в свой дневник.

«1 марта. Дай Бог успеха тем, кто действительно любит Россию. Любопытна миссия Иванова (Отряд ген. Иванова, направленный на Петроград).

«2-4 марта. Мое настроение выжидательное; я боюсь за армию; меня злит заигрывание с солдатами, ведь это разврат и в этом поражение. Будущее трудно угадать; оно трезво может разрешиться (если лишь) когда умолкнут страсти. Я счастлив буду, если Россия получит конституционно-демократический строй и пока не представляю себе Россию — республикой.

«5 марта. Наша поездка на вокзал; говорил с толпой на дебаркадере; все мирно, хорошо...

«6 марта. Все ходят с одной лишь думой: что-то будет? Минувшее все порицают, а настоящего не ожидали. Россия лежит перед пропастью и вопрос еще большой — хватит ли сил достичь противоположного берега?

«7-9 марта. Все то-же. Руки опускаются работать. История идет логически последовательно. Многое подлое ушло, но всплыло много накипи. Уже в № 8 от 7 марта «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» появились постановления за немедленное окончание войны. Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с ней и Россию».

Далее в записках ген. Маркова говорится о длительных разговорах, о начавшихся военных бунтах, митингах, уговорах, не приводящих к положительным результатам. В Брянске ген. Марков едва не стал жертвой солдатской толпы.

«18 марта. Я, оказывается, уже выбран почти единогласно в наш офицерский комитет.

«19 марта. Организуем офицерско-солдатский комитет штаба X армии и местного гарнизона. После обеда первое собрание, в которой я попал в числе шести единогласно».

В течение следующих дней — успешная работа в комитете, но...

«3 апреля. Продолжаю чувствовать физическую слабость и моральную подавленность.

«10 апреля. Утром подал заявление в оба комитета о своем отказе. Устал я...

«13 апреля. Я верю, что все будет хорошо, но боюсь — какой ценой? Мало говорить: война до победного конца, но надо и хотеть этого».

Подобную тревогу ген. Маркова за армию и за победу переживало все фронтовое офицерство и лучший элемент кадрового состава армии. Напрасны были все предупреждения и все доказательства, исходящие от армии через ее Верх. Глав-щего ген. Алексеева: Вр. Пр-во продолжало вести свою революционную линию.

На Вр. Пр-во не производили впечатления даже начавшиеся на фронте тяжелые нарушения дисциплины, когда власть начальников выпадала из их рук.

Часть офицеров пала духом, примирилась с создавшимся положением. Оппортунистические настроения среди них усиливались. Этому способствовали вести из тыла об энтузиазме и идеалистическом отношении к революции.

«Демократизация» армии, как называлось официально введение новых порядков, а в сущности — развал армии, шел непрерывно изо дня в день. Был «приказ № 1»; за ним следовал «приказ № 2-й», хотя официально и отмененный свыше, но неофициально проводимый велением «Совета солдатских, матросских, рабочих депутатов», революционного органа, постепенно подчиняющего себе всю жизнь России благодаря слабости и попустительству Вр. Пр-ва.

— Почему Совет не арестуют? — задавали вопрос офицеры. — Почему Вр. Правительство не считается с Верховным Главнокомандующим, а считается с Советом?

Во Вр. Пр-во офицеры окончательно перестали верить, тем более потому, что оно постоянно меняло свой состав. Этот факт показывал ясно, что в Правительстве сидели и сидят люди безответственные, которые из боязни ответственности свободно складывают свои полномочия, подают в отставку. Что будет далее — их не касается. В результате на посту Военного Министра оказался г-н Керенский, «Первенец революции», неизвестный до нее и теперь выдвинувшийся своим красноречием и революционным духом. Он играл первую роль во Вр. Пр-ве: он полностью распоряжался судьбой армии.

ОФИЦЕРСКИЙ СЪЕЗД В СТАВКЕ

В начале мая месяца офицеры на фронте узнали об организации «Союза офицеров Армии и Флота». Цель Союза объяснялась так:

«Необходимо едино мыслить, чтобы одинаково понимать происходящие события, чтобы работать в одном направлении; необходимо выразить общий голос и общий взгляд офицерства, ибо до настоящего времени голоса всех офицеров никто не слышал. Мы ничего не сказали по поводу переживаемых событий. За нас говорит всякий, кто хочет и что хочет. За нас решают вопросы нашего быта и внутреннего уклада всякий, кто желает и как желает».

Зачисление в Союз фронтового офицерства было поголовное.

Вскоре в г. Могилеве, при Ставке Верховного Главнокомандующего ген. Алексеева, был созван Съезд офицеров. Г-н Керенский не запретил ни организацию Союза, ни съезд офицерства, т. к. это отвечало духу демократичности.

Резолюция Съезда горячо обсуждалась офицерами на фронте. Съезд исключал «всякие политические цели». Это положение разделялось офицерами, но часть из них ставила условие отказа власти от внедрения «политических целей» в ряды армии. Съезд ставил задачей: «Поднятие боевой мощи армии во имя спасения Родины». С этим решением соглашались все, но часть задавала вопрос: «А как все же можно поднять боевую мощь армии, когда из тыла, из центра России в нее проникают микробы развала, когда само Пр-во до сего времени принимало меры, ведущие лишь к падению боевой мощи?»

На этот вопрос как будто отвечало требование Съезда: твердая власть над страной и армией и как производное к этому: восстановление дисциплины, авторитета начальников, замена метода увещевания в отношении нарушителей долга — самыми высшими наказаниями. В введении «твердой власти» офицеры сомневались, но, в то время, как одни считали возможным установление твердой власти только путем подавления революции, другие говорили:

— Революцию не остановить никакими силами, она будет продолжаться и... когда-нибудь закончится; так продолжаться долго не может.

Выявилось новое течение мысли у части офицеров — упование.

Съезд констатировал положение армии близкое к развалу и что в этом виновны, как несознательные группы солдат, так и несознательная и недобросовестная часть офицерства, в среде которого выявилась растерянность начальников, не исключая и старших, а также искание иными популярности в солдатской массе.

На Съезде говорил ген. Алексеев.

«Отечество в опасности! Мы слишком привыкли к этой фразе». Он выразил желание: Чтобы единение водворилось в нашей семье; чтобы общая дружная семья образовалась из Корпуса русских офицеров; чтобы подумать, как вдохнуть порыв в наши сердца, ибо без порыва — нет победы, без победы — нет спасения, нет России.

Смысл и призыв слов ген. Алексеева великолепно понял г-н Керенский; он увидел опасность для... революции и через несколько дней ген. Алексеев был смещен с поста Верх. Глав-щего.

«Рассчитали! Выбросили! — говорил он.

На этом же Съезде говорил и ген. Деникин.

«Я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции совершили свое каниво дело над офицерским корпусом... Я имею право бросить им:

«Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником. Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни:

«Берегите офицера! Ибо от века и до ныне он стоит верно и бес-
сменно на страже русской государственности. Сменить его может только
смерть»

Последние слова ген. Деникин обращал к представителям от солдат, которые были допущены на Съезд, дабы устранить возможность всяческих подозрений в отношении офицеров.

Но, ни все сказанные на Съезде слова, ни резолюции, на «строителей новой жизни» и солдат не оказали никакого влияния и все осталось по-прежнему. Единственный результат — смещение ген. Алексеева.

Проходили недели, а положение не менялось. Армия стояла в окопах в бездействии. Предполагаемое весеннее генеральное наступление не состоялось: солдатская распропагандированная масса не желала наступать, она желала мира «без аннексий и контрибуций». Новый Верховный Главнокомандующий, ген. Брусилов, «попутчик революции», бездействовал. Дисциплина в армии падала с каждым днем; эксцессы учащались: офицерам наносились оскорбления, над ними совершались насилия за побуждения солдат к наступлению, за требования подчинения, и за запрещение братания с врагом.

У Вр. Пр-ва оставалось одно средство, чтобы как-нибудь побудить армию перейти в наступление: уговаривание. По всему фронту стали разъезжать разные делегации от комитетов, от матросов, члены Пр-ва и сам г-н Керенский — Военный Министр. Внешний успех пожинал лишь Керенский, до потери голоса произнося зажигательные речи и принимая с самодовольством громкое «ура». Он говорил о революции, о закреплении ее достижений победой над внешним врагом; звал к наступлению ради революции. Он считал себя сердцеведом и был уверен в успехе своей миссии.

Успех красноречивых речей «главноуговаривающего», как прозвали г-на Керенского, завершился позорным бегством революционных солдат на третий день удачно начавшегося наступления, названного «наступлением Керенского». Виновный нашелся — это ген. Брусилов. Он был смещен и заменен ген. Корниловым.

Первое испытание сознательности и патриотизма революционной армии завершилось позором. За ним последовали другие на западном и северном фронтах с тем же результатом.

Назначение ген. Корнилова Верховным Главнокомандующим не было случайным и вызванным лишь теми мерами, которые он принял в отношении бегущих солдат революции, сдававших без сопротивления не только результат успеха первых двух дней наступлений, но и занимаемую ими до этого территорию с огромными боевыми запасами; не только потому, что за ним была подлинная слава боевого начальника, но и генерала, заявившего в начале революции:

— Старое рухнуло! Народ строит новое здание свободы и задача народной армии всемерно поддерживать новое Пр-во.

Офицеры знали политические симпатии ген. Корнилова, но для них в данный момент нужен был Вождь, который бы остановил развал фронта. И они не ошиблись: ген. Корнилов, как и они, учел уроки пяти месяцев революционных экспериментов над армией и, чтобы спасти армию и страну, обратился к Вр. Пр-ву уже не с предупреждениями и пожеланиями, а с требованиями решительного изменения политики демократизации армии.

Ген. Корнилов опирался на сохранившиеся элементы армии: офицерство и лучшую часть солдат; на воинские организации, возникшие во время революции: Союз офицеров Армии и Флота, Союз казачьих войск, возглавляемый ген. Калединым, и Союз Георгиевских Кавалеров. Кроме того, он опирался и на образумевшуюся часть российской общественности.

Союз офицеров был морально сильной организацией, но у него были слабые стороны: распыленность офицерства и далеко не удовлетворительная деятельность центра Союза в смысле руководства всей массой офицеров.

Союз казачьих войск был также сильной организацией, и сила его была в том, что он имел большое влияние на боевую казачью силу: полки, дивизии и был с ними тесно связан.

Союз Георгиевских Кавалеров, как офицеров, так и солдат, быстро вырос в крупную и сплоченную организацию; он должен был создать воинские части, состоящие из Георг. Кавалеров: б-ны, полки и даже дивизии. Деятельность Центрального Комитета Союза, находящегося в Москве, сразу же обратила на себя внимание и ген. Корнилова, и Военного Министра — Керенского.

Ген. Корнилов лично беседовал со всем составом Центр. К-та, вызвав его в Могилев.

Один из членов этого К-та, пор. Кузминский, записал эту встречу:

«Я отчетливо помню тот знаменательный день, когда к выстроившимся в зале верхнего этажа губернаторского дома в Могилеве членам Комитета быстрым шагом вошел небольшого роста генерал.

«Первое впечатление: выразительные глаза, худощавое лицо со скулами, делающими его похожим на монгола, чуть-чуть мешковато сидящий френч с эксельбантами и широкими погонами; Георгий на шее и на груди.

«С того момента, когда ген. Корнилов поздоровался с нами, мы были загипнотизированы им. Я не помню слов приветствия кап. Скоржинского (Предс. Центр. К-та), стоявшего впереди нас и опиравшегося на палку, но каждый из нас буквально впился глазами в генерала и жадно ловил его медленные, чеканные слова. Он говорил о том, что наступает время, когда каждый из нас должен быть готов не только

исполнить свой долг, но и не задуматься принести к жертву Родине все, что он имеет. Он уверен, что Георгиевские Кавалеры, носители эмблемы героизма, ни на шаг не отступят от заветов наших славных вождей».

Пожелания Вождя Центр. К-т широко распространил по всему фронту в среде Георгиевских Кавалеров.

Деятельность Союза Г. К. особенно горячо интересовался ген. Марков, в это время Нач-к Штаба Зап. фронта, всячески помогая ему. Делегату от Зап. фронта, пор. Кузминскому, пришлось по делам Союза быть в штабе Зап. фронта и разговаривать с ген. Марковым.

«В приемной приветливый адъютант, провожая меня (из записок Пор. Кузминского) к дверям кабинета Нач. Штаба, улыбаясь заметил:

— Вы — единственный комитетчик, которого генерал будет рад видеть.

Стройный, моложавый, с правильными чертами лица и бородкой а ля Генрих Четвертый, генерал поднялся навстречу мне из-за стола, заваленного бумагами и картами. Живые глаза смотрели молодо и пылко. Протягивая обе руки, с подкупающей простотой, он сразу же пожаловался мне:

— Я рад, что вы с нами. Вы не можете себе представить, как нас одолели эти проклятые комитеты. Главнокомандующий (ген. Деникин) не выносит их и шлет всех ко мне. Сколько времени уходит у меня на разговоры и обуздание их аппетитов. Садитесь и рассказывайте, чем мы можем быть вам полезны.

— Ваше Превосходительство! Я должен доложить нашему Центр. Ком-ту ваше мнение об использовании наших организующихся сил.

— Удивительно! Вы — кажется, единственный, кто от нас ничего не хочет.

— Разрешите мне, Ваше Пр-во, предостеречь вас от преждевременных заключений...

На следующий день я уезжал в Москву под впечатлением его продуманных и проницательных советов и указаний для нашей зарождающейся в революционной свистопляске «контрреволюционной», по определению Керенского, организации.

*
**

Присмирившая на некоторое время, после вступления в Верховное Командование ген. Корнилова, солдатская масса, разлагаемая пропагандой из тыла и, видя усилия лишь офицеров в поддержании дисциплины, стала снова быстро разлагаться. И теперь среди офицеров еще глубже и шире происходил раздел и разложение. В то время, как одни волю ген. Корнилова принимали и на себя, другие предоставляли событиям течь своим путем.

Не потерявшая дух и волю часть офицеров искала путей и средств к спасению положения. Она обращалась не только за советами и при-

казами к своим нач-кам, но и предлагала им решительные меры для борьбы с разложением, включая формирование частей специально для этой цели из офицеров и верных солдат. Доходили ли эти предложения офицеров до высшего командования? Казалось, не могли не дойти. Офицеры пытались связаться с Союзом офицеров, но «перепуганный представитель этого Союза всеми силами старался от меня поскорее избавиться и никаких директив я от него получить не мог».

Офицеры иных полков принимали меры даже через головы своих ком-ров. Вот запись офицера 127 Путильского полка:

«Все мы принадлежали к той полковой «элите», которая сложилась из бывших «прапорщиков армейской пехоты», постепенно заменявших кадровых офицеров на ротах, командах и даже батальонах. Эта «элита» спаялась в дружную семью со строгой моралью взаимной выручки, независимо от приказаний свыше. Часто собирались и обсуждали положение, вырабатывали общую линию поведения. Была вера в ген. Корнилова и в самый разгар его выступления от имени всех офицеров полка была послана ему телеграмма с предложением оставить полк и явиться ему на поддержку. После его неудачи, строили планы пробраться на Дон к Каледину».

А между тем, все требования ген. Корнилова, поддержанные ген. Деникиным, Марковым и др., оставались без должных последствий: сохранению армии Керенский предпочел сохранение революции. В ген. Корнилове, вслед за революционными организациями, он стал видеть прага революции, и 7 сентября ген. Корнилов, а вскоре ген. Деникин, Марков и др., были арестованы и посажены в тюрьму. В эти же дни из тюрьмы были освобождены Троцкий и др. большевики, арестованные за июньское восстание.

Верховным Главнокомандующим стал сам Керенский.

Все то, что делалось в армии и вселяло какие-то надежды, рухнуло. Развал армии стал прогрессировать быстрым темпом. «Долой войну!» — стало злободневным лозунгом масс. «Немцы также не хотят войны! Они наступать не будут!» — твердили они. «Долой войну!» — оставалось требованием на митингах и после того, как немцы все же перешли в наступление и заняли г. Ригу.

Для Керенского «самые свободные солдаты в мире» стали «взбунтовавшимися рабами».

Но своей политики он не изменил. Потерявшее воинский вид части еще не оставляли фронты и это позволяло ему надеяться на лучшее, хотя он, конечно, знал, что они просто выполняли задания Петроградского Совета солдатских и пр. депутатов.

Положение офицеров стало нестерпимым: за оскорблениями следовали издевательства, насилия, покушения на жизнь и убийства в диких самосудах. Особенно тяжело было положение офицеров пехоты. Они оказались песчинками в разбушевавшейся стихии. Разбитые морально, они стали искать легальных и даже нелегальных возможностей оставить ряды своих частей...

ОФИЦЕРСКИЙ СЪЕЗД ТРЕТЬЕЙ АРМИИ

В конце сентября в м. Будслав, на линии жел. дороги Молодечно — Полоцк, при штабе 3-й армии был созван съезд представителей офицеров от частей для выяснения положения в армии и выработки мер для ее сохранения. На этот раз Офиц. Съезд собирался по инициативе Вр. Пр-ва, в лице комиссара армии полк. Постникова.

Съезд длился три дня.

Первый день — открытие съезда комиссаром и доклады с мест о положении. Начался он громким инцидентом: первые же слова комиссара, повторенные несколько раз: «Я комиссар 3-й армии, полк. Постников» — сразу же прерывались криками: «Полковник? Где погоны?» И только заявление Ком-щаго армией, что полк. Постников носит «присвоенную ему по должности форму одежды» (форма а-ла-Керенский) заставило прекратить вышадцы.

Доклады с мест рисовали картину полного разложения пехотных частей и небезнадежное положение в других, «если в пехоте будет порядок». Роль офицера в пехоте свелась, от причин не от него зависящих, быть «мишенью для стрельбы» и «чучелом для штыковых ударов». О продолжении войны думать не приходится. Сохранить хотя бы фронт, т. е. продолжать сидеть в окопах, по мнению одних еще возможно, при условии изменения некоторых порядков в армии и при главном условии, если противник не будет наступать; по мнению других — только при условии полного проведения мер, предъявленных ген. Корниловым.

Как взрыв бомбы поразила всех прочитанная делегатом от 24-го пехотного Симбирского полка резолюция гг. офицеров полка. В резолюции подводились итоги борьбы офицеров и лучших солдат за сохранение боеспособности полка. Достижения следующие: был изъят из полка один из опасных демагогов (под видом командировки), а затем и главный демагог, ненавистник офицеров, председатель полкового комитета, солдат Иваночкин. (Он был захвачен ночью в доме деревни где он жил и... исчез.) Разгон силою собрания полков. комитета, который, несмотря на протесты офицеров, разбирал вопросы не относящиеся к его компетенции; по настоянию офицеров полка был устранен вр. ком-щий полком, подполк. Гр., занскивающий перед толпой, ей послушный и... ею любимый. Все эти случаи, не вызвали никаких эксцессов и полк, по словам нач. дивизии, оставался наиболее сохранившимся.

Но одновременно «силы порядка» в полку несли потери. Пришлось перевести из полка двух командиров рот; пришлось оставить полк к-ру полка, на которого готовилось покушение; было два покушения на нач. пул. команды (стрельба в него) и на ком-щего б-ном (в убежище которого была брошена ручная граната, контузившая его и двух находившихся с ним офицеров). И, наконец, апогей всего: самосуд над ком-щим б-ном, кончившийся, к счастью, без смерти, благодаря реше-

тельными действиям офицеров, но вышедшим из схватки с сорванными погонами и с полученными ударами.

Резолюция заключалась следующим: теперь офицерам в полку больше нечего делать и, если, без промедления, не будут восстановлены власть и дисциплина, то они, офицеры 24-го пех. полка, будут считать себя свободными от несения службы.

Впечатление на всех эта резолюция произвела потрясающее. Помещение огласилось криками: «Правильно! Иного выхода нет! Браво!» и... «Позор! Предательство! Пусть уходят!»

Второй день Съезда был посвящен прениям по докладам и выводам.

Некоторые делегаты были многословны и красноречивы и столь же несправедливы к пехотным офицерам. Вскрывались язвы, благодаря которым, якобы, и создалось такое тяжелое положение: отчужденность пех. офицера от своего солдата, отсутствие близкого интереса к его духовным и физическим запросам, неуважение к его личности... и основа всего этого — недостаточная культурность пех. офицера.

— У нас, в артиллерии, нет и не может быть такого положения, хотя мы и признаем, что зараза может проникнуть и в наши ряды, — говорили иные делегаты.

Возмущению и негодованию такими заявлениями не было границ. Согласны с ними были немногие и в их числе комиссар.

Третий день Съезда — выработка резолюции. Резолюция ничего нового не дала и вся она была составлена в духе требований ген. Корнилова. Принята была единогласно. Но разъезжались со Съезда офицеры без всяких надежд и оказались правы: Вр. Пр-во ответило молчанием и... продолжением своего дела. Развал в армии продолжался. Окончательно развалилось и то, что должно было быть Корпусом или Союзом Офицеров. Одни офицеры «поплыли по течению», другие — вдруг объявили себя сторонниками Вр. Пр-ва; третьи — отрешившись от всяких дел, ждали когда им удастся уехать домой, отдохнуть и заняться своим частным делом; четвертые — видели дальше: и дома им не удастся обрести покой, пока не будет сброшена революционная власть. Офицеры разбились по группам, чуждым и даже враждебным друг другу.

В м. Будслове в распоряжении комиссара армии находилось сначала 20, затем 40 и более офицеров и, кроме того, такое же количество в г. Полоцке; офицеров, отозванных из полков из-за происшедших между ними и подчиненными столкновений. Они находились там для производства по их «делам» дознаний.

Тяжело было их моральное состояние. В большинстве — ком-рот, бат-нов, прошедшие многие бои, отмеченные высокими боевыми наградами; офицеры не чувствующие за собой никакой вины, кроме одной — в условиях революционного времени осмелились требовать соблюдения дисциплины и стоять за продолжение войны до победы. Угнетало их отношение комиссара армии, который был убежден, что

революционные солдаты не могли оскорбить их только за требования дисциплины; по его понятиям тут были и другие причины, зависящие от офицеров.

Эти подследственные офицеры получили право присутствовать на Офицерском Съезде. С его собраний они возвращались в свой барак в еще более угнетенном состоянии: их обвиняли даже в их собственной офицерской семье в недостатке выдержки, спокойствия, такта и даже просто культурности; их обвинили свои же чуть ли не в провокаторстве за то, что своими требованиями они настраивали массу против всех офицеров.

Суждения изгоев были тверды и решительны:

— Армию и Россию погубила революция. И офицерская слабость, мягкотелость, сваливание с себя ответственности, забвение своего долга.

— Корпус офицеров? Союз офицеров? — громкие слова! Единство, сплоченность? Где они?... Оставили Императора, не поддержали Корнилова...

— Все целяются за звание «офицер», но сколько из нас действительно стояло и стоит на «страже российской государственности»?

— Мы знали и понимали, как нужно бороться с врагом внешним, но превратились в ничто перед врагом внутренним, перестав быть едиными; даже более — становясь враждебными друг другу.

— Что мы могли предпринять? Да, армию разложили демократическими экспериментами; да, офицерам «плюнули в душу»; да, прав ген. Деникин, сказав: «Берегите офицера...» Но мы-то, 300.000, решились ли на твердые требования и на твердые дела?

— Да! Не было приказов начальников, не было руководства... Но... Неужели все тот же корпус офицеров живет и действует только распоряжениями сверху, а не выявлением и проявлением духа и дел снизу?

— Не забывайте — как мы, рядовые офицеры, нуждаемся в воле свыше, так и те, кто наверху нуждается в помощи от нас, в наших делах, нашей инициативе, нашем дерзании. Не обращался ли ген. Алексеев к нам: «Подумать, как вдохнуть порыв!»

— Нас солдаты называют «несознательными»! Приходится признать — это правильным; мы не сознали своего долга и своей ответственности.

— Так чего же нам желать? Установление порядка, дисциплины? Да. Но для этого нужно бороться за лучшее, а не уповать, что оно придет само собой через что-то худшее. Нет возможности бороться? Нужно найти эти возможности... нужно их создать!

— Главное — решиться на борьбу.

— Ведь говорили же мы, что «так долго продолжаться не может». Значит должны допустить возможность перемены. Так пусть же эта перемена будет проявлением нашей воли и нашей силы...

Так в бесконечных разговорах рождался заговор в сердцах части офицеров против существующего положения.

НА ПУТЯХ К БОРЬБЕ

**«Чтобы оказаться правым в будущем,
необходимо иметь мужество, в известные
сроки, идти против течения».**

Ренан

«Попутчики» революционной власти среди офицеров сами фактически исключили себя из состава «стражей российской государственности». «Непротивленцы» помимо собственного желания остались в русле политики этой власти. Остальная, меньшая часть, офицеров, затаившая «заговор» против власти, чувствуя себя бессильной в стихии революции, тем не менее не теряла надежды на перемену положения, считая, однако, что перемена может быть только выявлением их воли и их силы, что для этого необходимо искать путей к борьбе. Эта часть офицерства искала вождей, которые бы возглавили, объединили и повели их.

Два имени произносились офицерами: ген. Алексеев и ген. Корнилов. Иных не находили. Но... все знали, что ген. Алексеев устранен из Армии и находится в Петрограде под наблюдением Вр. Пр-ва и Совета Депутатов, а ген. Корнилов предан суду и сидит в Быховской тюрьме. Однако, «заговор в сердце» не терял свою силу: возможен ничтожный шанс, возможно чудо, и к этому должно быть готовым.

И, действительно, подготовка к борьбе шла: ее вели оба Вождя; подготовка осторожная и в возможной тайне. Без упоминания имен Вождей, но используя остатки свободы, моральная подготовка велась возникшими политическими и сохранившимися здоровыми общественными организациями и велась при помощи еще окончательно не убитых патристически настроенных газет.

В Петрограде ген. Алексеев идейную и моральную подготовку вел через политич. организацию «Русской Государственной Карты», возглавляемую В. Пуришкевичем. Эта организация становилась центром связи всех объединяющихся сил. Подготовку военную секретно ген. Алексеев вел с помощью верных и надежных офицеров, стремясь объединить и связать сохранившие порядок и дисциплину воинские части, главным образом военные училища и школы прапорщиков.

В Петрограде находилась масса офицеров, как служивших в запасных частях, военных школах, так и случайно оказавшихся в нем. Ген. Алексеев стал проводить объединение их в Офицерскую организацию, с тем, чтобы в нужный момент сформировать из них воинские части. Дабы держать в Петрограде офицеров, случайно там оказавшихся, т. е. не живущих в нем постоянно, нуждающихся в помещении и питании, по поручению ген. Алексеева полк. Веденяпин вошел в состав общества

борьбы с туберкулезом — «Капля молока», превратив общество одновременно и в питательный пункт, и в нелегальное «управление этапного коменданта». Затем, ген. Алексеев при посредстве торгово-промышленных кругов вел подготовку к пуску в ход бездействующих заводов, чтобы разместить в них офицеров под видом рабочих.

Так зародилась «Алексеевская организация» в Петрограде, затем в Москве. Она держалась в секрете. Цель ее такова: при неизбежном новом восстании большевиков, когда Вр. Пр-во безусловно окажется неспособным его подавить, выступить силами организации, добиться успеха и предъявить Вр. Пр-ву категорические требования к изменению своей политики.

Но ген. Алексеев учитывал и возможность победы большевиков, тем более потому, что его организация едва начала свое дело и была еще очень слаба. На этот случай он договорился с атаманом Дона, ген. Калединым, о переброске своей организации на Дон, чтобы оттуда продолжать борьбу.

В Быховской тюрьме. Вместе с ген. Корниловым там находилось около 20 чел. генералов, офицеров, и в их числе, переведенные из Бердичева, арестованные там, ген. Деникин, ген. Марков и др. Каково могло быть настроение в тюрьме, можно судить по тому, что испытывали в пути переводимые из Бердичева: злобно ревели озверевшая толпа солдат, в них летели камни... и только хладнокровие роты юнкеров 3-й Житомирской школы прапорщиков и ее командира шт.-капитана Бетлинга, спасло их. Но весьма сносные условия жизни узников не создавали отрадных иллюзий: впереди всех ожидал революционный суд: это в лучшем случае, а то и жестокая расправа.

Тем не менее ген. Марков в тюрьме записал:

«Я был бы окончательно сражен, если бы почему либо тов. Керенский со своими присными не признал меня достойным быховского заключения».

Тревожиться о своей судьбе были основания:

«Зачем нас судят, когда участь наша предрешена! Пусть бы уж сразу расстреляли... Люди жестоки, и в борьбе политических страстей забывают человека. Я не вор, не убийца, не изменник. Мы иначе мыслим, но каждый ведь любит свою родину, как умеет, как может: теперь на смарку идет 39-летняя упорная работа. И в лучшем случае придется все начинать с начала... Военное дело, которому целиком отдал себя, приняло формы, при которых остается лишь одно: взять винтовку и встать в ряды тех, кто готов еще умереть за родину».

Тревога ген. Маркова не помешала ему решиться на «заговор» и в какой-то момент «взять винтовку».

«Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной и униженной России», — писал он.

Не отбрасывая от себя возможности насильственной смерти, ген. Марков все же верил в возрождение Родины:

«Как бы мне страстно хотелось передать всем свою постоянную веру в лучшее будущее! Даже теперь, когда уже для себя я жду одно плохое».

«Нет, жизнь хороша, и хороша во всех проявлениях», — твердо заявлял он. Одно из «проявлений» жизни Быховских узников было решение — борьбу продолжать!

Непосредственную охрану заключенных нес Текинский конный полк, беспредельно преданный своему «Бояру» — ген. Корнилову. Нач. Штаба Верховного Главнокомандующего, ген. Духонин, ответственный за узников, не выполнял обязанности полной изоляции их от окружающего мира: им разрешалось писать письма и с верными людьми отправлять их, и даже к ним допускались посетители без того, чтобы кто-либо присутствовал при разговорах. Такой свободой ген. Корнилов и остальные пользовались и рассылали во все здоровые политич., общественные и военные организации свое твердое и единодушное решение — «борьбу продолжать». Из тюрьмы была разослана политич. программа без указания ее авторов и места составления.

«Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций — впредь до Учредительного Собрания».

«Война в полном единении с союзниками, до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достоинство и жизненные интересы России».

«Создание боеспособной армии и организованного тыла без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной».

«Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного Собрания».

Ген. Корнилов знал, что взоры русских людей обращены к нему, как Вождю, и он брал бремя власти на себя. Он писал верным людям, а через них и всем:

«Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, в храмы, молитесь Господа Бога об явлении величайшего чуда — спасения родной страны».

Ген. Корнилов, так же как и ген. Алексеев, условился с атаманом Дона для крайнего случая о сборе сил для борьбы на Дону, о чем и требовал широко распространить в Армии.

Так ген. Алексеев и ген. Корнилов в разных условиях, при разных возможностях, один в тылу, другой на фронте, делали одно дело: готовили и собирали русских людей, и в первую голову верных офицеров и юнкеров для неизбежной вооруженной борьбы за Родину.

Но события в России развивались очень быстро.

БОЛЬШЕВИКИ У ВЛАСТИ

25 октября большевики во второй раз подняли в Петрограде восстание и на этот раз удачно. Вр. Пр-во, зная о готовящемся восстании, не только не принимало никаких должных мер, но и оказалось застигнуто им врасплох. Оно имело смелость действовать только против сил, препятствующих «углублению революции». Кроме того, оно сразу же оказалось без своего главы: тов. Керенский скрылся в неизвестном направлении. Члены Правительства некоторое время оставались в Зимнем дворце под охраной юнкеров и женского ударного б-на, пока сопротивление последних не было прекращено осадившими дворец большевиками.

Не предупрежденные о восстании военные училища, и то лишь некоторые, смогли выдержать их осаду в течение нескольких дней, чтобы потом, не получая никаких распоряжений, слиться. Начальство училищ не проявило никакой инициативы, оставалось пассивным, несмотря на желание юнкеров выступить для подавления восстания. Через несколько дней декретом новой власти — Совнаркома, военные училища были распущены, и только в этот момент у начальников училищ нашлись соответствующие слова... слова благодарности, что юнкера «с честью держались до конца», и слова надежды о скорой встрече снова в стенах училищ, но — не слова, чтобы побудить юнкеров к выполнению долга перед Родиной.

Из тысяч офицеров, зарегистрировавшихся в «Алексеевской организации», только около ста собралось в здании одного из женских институтов, согласно раннее объявленному распоряжению. Командовал ими старший из них, шт.-кап. Парфенов. Эта сводная рота, не имевшая полного комплекта оружия, действовала активно: производила вылазки, обезоруживала красногвардейцев, освобождала захваченных последними офицеров и юнкеров. К роте стали присоединяться юнкера, оставляя своих пассивных начальников. Но напрасны были ожидания ротой каких-либо распоряжений и шт. кап. Парфенов повел ее для соединения с 14-м Донским полком. Полк, оказалось, объявил о своем нейтралитете. Роте здесь было делать нечего и она пробилась к Инженерному училищу, продолжавшему активное сопротивление. Но отсутствие распоряжений свыше и получаемые сведения о полном успехе восставших, побудили офицеров и юнкеров к распылению. Последними, 30 октября, прекратили сопротивление юнкера, бывшие на телефонной станции.

В течение пяти дней весь Петроград оказался в руках большевиков. В неравной и ставшей быстро безнадежной борьбе, сопротивляющиеся понесли немалые потери убитыми и ранеными, многие попали в тюрьму.

**

Утром, в день восстания, ген. Алексеев, не зная о нем, пошел на заседание Предпарламента, особого органа, разрабатывающего положение к переходу России на республиканский образ правления, но у

вход в здание не был пропущен в него часовым. Часовой не узнал генерала, но генерал по часовому и другим признакам понял, что в городе восстание большевиков. В течение целого дня он стремился связаться с «власть имущими», но те, с которыми ему удавалось встречаться, были в полной растерянности. Такую же растерянность он нашел и в Штабе Округа; ему отказали даже дать конвой, чтобы связаться с Вр. Пр-ом в Зимнем дворце. Из последнего его убедительно просили не предпринимать никаких мер и... скрыться.

При создавшемся положении ген. Алексееву оставалось только это. Ежедневно он менял места своего пребывания, зная, что его разыскивают, но в бездействии не оставался: он отдавал по своей тайной организации распоряжения о продолжении регистрации желающих продолжать борьбу, о подготовке их отправки на Дон, о снабжении их подложными документами, деньгами на проезд и пр. Ген. Алексеев обратился со словесным воззванием ко всем офицерам и юнкерам встать на борьбу за родину. Это воззвание передавалось из уста в уста.

В Москве восстание большевиков началось несколькими днями позже. Казалось бы, что этих нескольких дней было достаточно, чтобы организовать подавление восстания, собрать нужные силы в помощь двум военным училищам. Но ставленник Керенского, подполк. Рябцов, К-щий Округом, мямлил: он не доверял офицерам, в частности Союзу Георгиев. Кавалеров. В результате в руках восставших сразу же оказалась вся Москва кроме двух очагов сопротивления: в районе Кремля — Александровского воен. училища с присоединившимися к нему несколькими десятками офицеров, собранными членом Центр. Правл. Союза Георг. Кавалеров, полк. Дорофеевым, по его личной инициативе, и в Лефортово — Алексеевского воен. учил. с кадетами трех кадетских корпусов.

Безнадежное положение обороняющихся, не получавших никаких распоряжений, принудило их согласиться на приказ Штаба Округа «прекратить огонь» и обещание, что все участники будут выпущены. 3 ноября были выданы пропуска и все вышли «на свободу», где царила анархия, господство черни и красной гвардии.

«Алексеевская организация» в Москве только что начинала свою деятельность и о ней мало кто знал. Причины: поражающая медлительность в деле и совершеннейшая неспособность к тайной работе.

В Быховской тюрьме известие о победе большевиков было встречено как нормальное и неизбежное следствие правления страной Вр. Пр-вом. Теперь не оставалось делать ничего другого, как собирать силы для открытой борьбы с ними и ген. Корнилов передал в армию

свой зов — на Дон! Но сам он со всеми узниками оставался в тюрьме, зная, что ген. Духонин, с бегством со своего поста г. Керенского ставший фактически Верховным Гл-щим, предупредит, когда назовет для него непосредственная опасность.

Цель задержки: дать время едущим на Дон более свободно добраться туда, т. к. с момента бегства Корнилова, большевики объявят о поимке не только Быховцев, но и всех едущих на Дон. А, что ген. Корнилов и все их противники поедут на Дон, для большевиков не было тайной: там власть атамана и выборного правительства, не признавших власть Совнаркома; атаман Каледин, еще Керенским объявленный «мятежником» — их враг; там — порядок...И еще — у донских казаков есть старое правило: с Дона выдачи нет!

На фронте захват власти большевиками прошел без всяких препятствий. Всю власть по всем инстанциям взяли в свои руки комитеты, очищенные от сторонников продолжения войны и действующие под руководством военно-революционных комитетов.

Через 4 дня Совнарком уже объявил о прекращении войны и о скорой демобилизации армии. Армейская масса стала жить одним: скорее бы по домам.

«Домой» — было и страстной мечтой офицерства. Для него уже не стало цели и смысла оставаться на фронте: его роль низведена была почти к нулю. И, кроме того, оно продолжало испытывать тяжелый моральный гнет со стороны солдатской массы.

Мечта — «быть дома», таила в себе некоторую надежду на долю «свободы», хотя и там, в городах и селах, у власти находились те же комитеты и созданы. Но использование этой доли свободы офицерами понималось по-разному; для одних — как-нибудь устроить свою личную жизнь, все равно в каких условиях и что бы ни стало с Родиной; для других — как возможность быть более осведомленным о судьбе Родины, которая, по их мнению, по их глубокому внутреннему чувству, не может зависеть всецело от большевиков; по их разумению, она зависит и от каждого из них.

Разъединившееся раньше в своих отношениях к Вр. Пр-ву офицерство, теперь раздробилось и во взгляде и отношениях к власти большевиков: одна часть его примирилась с нею, другая — не примирилась; одна потеряла дух, другая — его сохранила.

Но и сохранившая дух непримиримости часть офицерства не имела полного единодушия: она разделилась на пассивных и активных. Пассивные скрывали свою непримиримость в себе, ничем, разве только в осторожных словах, ее не проявляя, тогда как другие, активные, искали «выхода», искали возможностей спасения Родины, путей к этому. Одни говорили: «Так долго продолжаться не может», и — бездействовали; другие, говоря то же — действовали. Выступали на сцену жизни, как

никогда до этого, роль воли, воли каждого в отдельности и воли многих, до воли всего народа включительно, в судьбе Родины.

И — в жизненном, огромного значения вопросе о роли воли, не нашлось единства ее выявления: одни были ущемленной воли, другие — непреклонной, доброй. Все события, деяния протекают во времени и вот, когда для людей ущемленной воли — «время терпит», для людей доброй воли — «потеря времени смерти безвозвратной подобно». И это различие отразилось на судьбе родины.

В результате, оставалась какая-то, незначительная часть, как среди офицерства, так и среди всего русского народа, которая судьбу Родины не только связывала со своей, но и ставила ее выше своей. Эта часть, сохранив в себе заговор в непримиримости к красной власти, отдала «приказ себе» немедленно, твердо и решительно встать на борьбу для спасения России.

Те офицеры и русские люди, которые любили родину горячей и жертвенной любовью, были непримиримы с захватом ее красной властью, ввергнувшей ее в бездну падения, люди — доброй воли, пошедшие на борьбу и стали РУССКИМИ ДОБРОВОЛЬЦАМИ.

НА ДОН

Устремление добровольцев на Дон затянулось на много месяцев. Для одних началось в ноябре, для других позднее, до середины 1918 года. Столь длительный период объяснялся задержкой демобилизации армии на фронте В. войны; для немалого числа их — поздно полученными сведениями о формировании армии на Дону, дальности расстояния и встретившимися на пути препятствиями. Главнейшим препятствием был «красный барьер», сначала проходивший непосредственно у места ее формирования, а с апреля 18-го года, на границе советской и германской зон оккупации.

На Дон вело 6 жел.-дор. линий: с севера: Москва—Воронеж—Новочеркасск; с запада: Харьков—Лихая—Новочеркасск и Синельниково—Ростов; с юга — Владикавказская и с востока две линии от Царицына, с пересадками на ст. Лихая и на ст. Тихорецкая. Продвижение по ним неизбежно должно было встретить неоднократный контроль революционной власти.

Контроль был вначале слабый, неорганизованный, поверхностный, но затем ставший серьезным и даже психологическим: контролю мог броситься в глаза «офицерский» вид, несмотря на внешнее одеяние; культурная речь; случайные, не «пролетарские» манеры... Могло быть и недоверие к представленным документам, если они не подтверждены убедительными объяснениями. Едущим нужно было быть готовыми ко всему, даже быть поставленным «к стенке», но в какой-то момент суметь убежать, скрыться и продолжать свой путь пешком, незаметно, м. б. даже только ночами, не страшась зимы, голода...

30 октября, убедившись, что в Петрограде «все потеряно», ген. Алексеев, изменив свой внешний вид на штатского человека, с небольшим чемоданчиком, в сопровождении своего адъютанта, ротм. Шапрона, выехал на Дон. Последнее его распоряжение было: начать отправку добровольцев немедленно, как только от него будет получена условная телеграмма.

Путь на Дон ген. Алексеевым был избран следующий: Москва, далее на Царицын, Тихорецкую, Ростов и Новочеркасск. Сомневаться, что большевиками уже отдано распоряжение о поисках его, было трудно. Но путь проделан благополучно, и 2 ноября утром, в Ростове, ген. Алексеев пересаживался в поезд на Новочеркасск. На перроне вокзала перед проходившим стариком вытянулись во фронт шесть офицеров и юнкеров, также приехавших из Петрограда. Все вместе выехали в Новочеркасск, куда вскоре и прибыли.

Вообще, в ноябре еще не был организован большевиками строгий контроль. Из Петрограда смог пробраться в Новочеркасск маленькими группами весь старший курс Константиновского арт. училища, несколько десятков Михайловского и др. воен. училищ. Офицеров из Петрограда оказалось очень мало: зачислившиеся в «Алексеевскую организацию» немалые их сотни, получившие от нее нужные документы и деньги — однако не оказались добровольцами. С сотней с лишним юнкеров Констант. арт. училища не оказалось ни одного их курсового офицера. Видимо у них было своеобразное представление о своем долге, о своих правах и обязанностях.

Очень мало дала добровольцев и Москва, хотя зачислившихся в Алексеевскую организацию было много. За ноябрь и декабрь перебрались на Дон немногие десятки. Организация хорошо развивала свою работу: где-то регистрировали, где-то выдавали старое солдатское обмундирование, деньги... Не была организована лишь отправка добровольцев. Но как могла быть она организована в создавшихся условиях? Был лишь один способ — предоставить каждого его собственной решимости и дерзанию. Говорили о молоденькой сестре милосердия М. А. Нестерович, которая по собственной инициативе собирала группы добровольцев и под видом раненых и больных отвозила их в Новочеркасск.

Сес. мил. М. Нестерович за два месяца совершила 7 поездок на Дон и всегда возвращалась в Москву с поручениями от ген. Алексеева. В конце концов она была схвачена большевиками и только чудом не погибла. Эта героическая сестра милосердия была в германском плену и освобождена из него благодаря серьезной болезни туберкулезом.

В Москве, в конце декабря, передавали, что на Дону уже собралась у ген. Алексеева большая армия в несколько десятков тысяч человек. Этому верили и этому радовались, но... выжидали. Выжидание очень многих не могло не стать явным; стало явным и то, что многие

уехавшие из Москвы оказалось уехали не на Дон, а в места более спокойные и менее голодные. Тогда стали говорить о неясности положения на Дону, включая даже сомнения о сборе там армии.

Такое положение и настроение в Москве, как и в других городах, застали офицеры в январе и феврале, прибывшие по демобилизации армии с фронта войны. Обстановка не способствовала тому, чтобы они могли решиться ехать на Дон и тем более еще и потому, что Алексеевская организация была вынуждена из-за красного террора ослаблять свою деятельность. Нужно было быть добровольцем по духу, сметь отдать «приказ себе», чтобы дерзнуть ехать на Дон. И таковые находились. Их было очень мало.

Во второй половине ноября положение на путях на Дон резко ухудшилось. 19 ноября Быховские узники, во главе с ген. Корниловым, оставили тюрьму и разъехались в разных направлениях, с целью собраться на Дону. А 22 ноября, когда в Ставку Верх. Глав-щего прибыл ставленник Советов на пост Верховного, прап. Крыленко и узнал о бегстве узников; матросы, сопровождавшие Крыленко растерзали ген. Духонина...

Ген. Духонин погиб на своем посту, зная какая судьба ждет его. Он не согласился с советом оставить Ставку или перевести ее в Киев. Он не принял предложения ком-ров ударных частей не допустить в Ставку Крыленко, не желая кровопролития. Первая его «вина» перед новой властью: отказ от переговоров с внешним врагом о сепаратном мире; вторая — выпуск из заключения ген. Корнилова.

...а Крыленко в этот же день сообщил в центр о бегстве ген. Корнилова и по всей стране была послана телеграмма:

«Ген. Корнилов бежал из Быхова. Военно-революционный комитет призывает всех сплотиться вокруг комитета, чтобы решительно и беспощадно подавить всякую контрреволюционную попытку...»

Всюду, а на путях на Дон в особенности, были поставлены на ноги советские организации, железнодорожники, красногвардейские отряды. Контроль усилился. Начались аресты.

Морозной и снежной зимой конный отряд Текинцев вместе с ген. Корниловым двигался на юго-восток форсированным маршем. За семь дней было сделано до 350 верст. Уставшие люди и кони теряли порыв. При подходе к жел. дороге из Москвы на Гомель, отряд натолкнулся на заставу, обстрелявшую его. Свернув в сторону, при новой попытке в другом месте перейти жел. дорогу, отряд подвергся артиллер. и пулеметному обстрелу из жел.-дорож. состава и понес потери. Здесь Текинцы потеряли свой дух, однако пошли за ген. Корниловым, но в

беспорядке, не представляя никакой силы. Ген. Корнилов решил оставить отряд, чтобы не подвергать его опасности и, распрощавшись с ним, переодевшись в штатское платье, на одной из станций сел в поезд и поехал на юг один, хотя и был больным и сильно уставшим. Это было 30 ноября.

6 декабря в Новочеркасск приехал старик, хромой, в старой заносенной одежде, в стоптанных валенках — беженец из Румынии, по фамилии Мариан Иванов. Это был ген. Корнилов.

*
**

В Саратов, к себе домой в начале декабря по фиктивному документу прибыл с фронта поруч. Б. со своим вестовым Кузьмой. Там до него дошел слух — «На Дон!» Слух, отвечавший его чаяниям. И он немедленно отправляется в путь — по Волге до Царицына и далее по жел. дороге через ст. Лихая на Новочеркасск. Распоряжается Кузьма:

— *Вы больной и я вас везу. Я буду разговаривать с большевиками. Как ни наряжай вас, а на солдата не похожи. Ну, запрячьте свое пенсне подальше. Авось, сойдет, — ворчит Кузьма.*

Поруч. Б. благополучно доехал до Новочеркасска и был зачислен в 1-й Офиц. б-н

*
**

В Тамбове офицеры посылают на разведку 18-летнего гимназиста на Дон, до которого из города прямой и сравнительно короткий путь. Гимназист возвращается, не доехав до Новочеркасска, с неутешительными сведениями: отсутствие порядка, с офицеров срывают погоны... Эти сведения поколебали решение офицеров: по их мнению благоразумней несколько подождать и это «несколько» растянулось до лета 1918 г. «Упущение времени смерти невозвратной подобно».

*
**

В поездах жел. дорог на Киев и от него на восток, переполненных людьми главным образом в военной форме, подтянутыми и разнузданными, спокойными и наглыми, ехали и группы офицеров с документами по разным обстоятельствам службы, здоровья и пр.

В купе вагона одного поезда сидели прапорщик и поручик и вели разговор. В дверях купе стоял в вольной позе разнузданного вида солдат, слушавший разговор офицеров, но не вмешиваясь в него. На станциях солдат выходил, толкался среди толпы, читал объявления, покупал что-либо из съестного, иногда приносил чайник кипятка и докладывал «г-ну прапорщику» бойко и остро о прочитанном или услышанном им, при этом грызя семечки и ловко выплевывая их.

— Мой вестовой! — сказал прапорщик поручику.

— Разрешите просить вашего вестового купить мне пачку папирос? — спросил поручик.

— Пожалуйста!

Вестовой принес папирос и получил от поручика лестный отзыв и папиросу.

В Харькове, при пересадке в поезд на Ростов прапорщик и его вестовой увидели «буржуя» в пальто с меховым воротником, но ни они, ни он не «узнали» друг друга. Когда поезд уже был на территории Дона и на станциях стояли блюстители порядка — донцы, «буржуй» перешел в купе, занимаемое прапорщиком, поручиком и вестовым и перекинулся несколькими фразами. Тут поручик заметил что-то «неладное» и стал внимательно присматриваться ко всем. В «буржuae» он узнал будто бы заведующего летучкой. И только при приближении к Ростову, были открыты инкогнито всех его спутников: «буржуй» оказался ген. Деникиным, имевшим удостоверение «Помощника начальника перевязочного отряда» польской дивизии Александра Домбровского, прапорщик оказался ген. Романовским, а его вестовой, типичный «сознательный товарищ» — ген. Марковым. Смущению поручика не было границ.

В Ростов генералы приехали вскоре после подавления там большевистского восстания. Положение было неясно и они решили продолжать конспирацию. Ген. Деникин и Романовский уехали в Новочеркасск, а ген. Марков остался в Ростове, где была его семья. Здесь он снова изменил и вид и роль. Теперь он общипанный, неопределенного вида и рода занятий штатский.

В Киеве, в конце декабря, анархия: большевики, украинцы-самостийники. Последние не лучше большевиков, к тому же ярые шовинисты. И те и другие преследуют офицеров. Среди последних определенно говорят о формировании на Дону армии для борьбы за Россию. Будто бы ген. Корнилов уже там. Но говорят и другое, порождающее недоверие и сомнение.

Пполк. Плохинский давно уже таил в сердце «заговор» против большевиков и вообще против разрушителей русской государственности и, отбросив все пессимистические и пораженческие слухи, принял решение ехать на Дон. Собрав группу своих однополчан, он с ними трогается в путь. Ведет группу прапорщ. Махнушка, произведенный в офицеры за боевые отличия. Ведет умело, сам производя разведку. Группе пришлось частью ехать на подводах, частью идти пешком, выбирая проселочные дороги. Наконец вся группа в 1-м Офицерском батальоне.

С декабря на жел. дорогах, ведущих на Дон, уже лилась кровь и особенно на главных: из Москвы, Харькова. Строгий контроль.

На ст. Воронеж остановился поезд переполненный людьми. В вагоны вошли красногвардейцы. Осмотр документов, багажа. Крики, ругань. Некоторым приказано выгрузиться. Около часа стоял поезд, но и половина пассажиров не была осмотрена. В момент отхода поезда, к нему быстро направилось двое молодых в военной форме. Момент, и два друга лежали на платформе, заколотые штыками.

— Убили офицеров! — пронеслось по вагонам.

То же и на ст. Волноваха и других. Десятки арестованных.

Военно-революционные комитеты на фронте с первого же дня своего прихода к власти воспылали особенно жгучей ненавистью к тем офицерам, которые, состоя в войсковых комитетах, до последнего момента говорили о необходимости продолжения войны до победы. Был отдан приказ арестовать таких офицеров.

Прапорщ. Р. успел скрыться. Сделав несколько переходов, на одной из глухих станций он сел в поезд, идущий в Петроград. Прибыв туда он связался с тайным центром, направлявшим офицеров на Дон. В Москве он еще раз меняет подложные документы и «форму одежды». Ему сообщают: путь на юг указать не могут, т. к. любое направление небезопасно. На каждом жел.-дор. узле разная обстановка и притом меняющаяся, учесть которую можно лишь на месте.

Офицер решает ехать не прямым путем, а боковым, через Брянск. Кстати, может быть ему удастся увидаться с родными, живущими недалеко от него. В Брянске — усиленное внимание ко всем приезжающим и отъезжающим, облавы, проверки документов в городе. Надо немедленно скрыться и узнать обстановку. По знакомству найдено надежное место — тюрьма.

В тюрьме сотни арестованных и каждый день прибывают все новые и новые. Среди них 30 чинов Корниловского Ударн. п-ка, захваченных в разных местах. Эти корниловцы сообщили новость: ген. Корнилов бежал из Быхова, Корниловский полк распущен, но его чины получили приказание пробираться на Дон. Сообщили они еще и о том, что всюду на станциях строжайший контроль и арестовывают просто «по подозрению». Прап. Р. делает вывод: ехать от Брянска на юг опасно и решает: пробираться придется каким-то более восточным путем, хотя он раньше и казался более опасным. Но... как выбраться из тюрьмы, охраняемой 50 красногвардейцами? Его знакомый начальник тюрьмы, «посадивший» его, но не могущий освободить без нужных документов, утешает каким-либо благоприятным случаем.

Однажды вечером нач. тюрьмы сообщил прап. Р., что ночью на тюрьму готовится нападение с целью освобождения заключенных и предлагает ему оказать помощь нападающим изнутри, причем он к этому времени отперет камеры. Без единого выстрела охрана была обезоружена и заперта в камеры, а сидевшие в камерах и вместе с ними их освободители — офицеры и гимназисты быстро скрылись.

Не раздумывая прап. Р. направился на вокзал и сел в первый прибывший поезд. Этот поезд шел на Смоленск, т. е. в противоположном задуманному им направлению.

В Смоленске спокойно. Там стояла польская дивизия, сформированная при Вр. Пр-ве, как воинская часть будущей свободной Польши. Прап. Р. встречается с соратниками и со своими освободителями из тюрьмы. Он не оставляет задуманного им решения, несмотря на отговоры друзей.

Через несколько дней, отдохнув, он едет на Тамбов. В Козлове пересаживается в поезд на Дон. Поезд набит пассажирами, контроль затруднен. Скоро Донская область — надежда проскочить.

Последняя станция — Кантемировка. Длительная остановка, строгий контроль, осмотр багажа...

— Выходи! — приказано прап. Р.

Его вывели из вагона в помещение вокзала, разули и, оставив лишь в кальсонах, отвели в комнату, где находилось уже около 20 чел. в таком же виде. Температура ниже нуля. Во всех отношениях положение скверное. Задержанные познакомились. Оказались почти все офицеры. Они узнали свою судьбу: военно-революционный суд, скорый, но не милостивый и... расстрел, как это было в минувший день с пятьюдесятью арестованными. Судьба их решится с наступлением ночи.

Старший в чине оказался поруч. Михайлов, 3-го Кавказск. конн. корпуса. Он, несмотря на то, что создавшееся положение стушевало все чины и всех равно сделало смертниками, восстановил свой авторитет старшего твердым заявлением: «Нам нужно попытаться бежать!» и предложением плана бегства.

План, им предложенный, был таков: вечером прибудет с севера пассажирский поезд. Красногвардейцы будут заняты контролем, арестами, вещами арестованных. Когда поезд тронется дальше, использовать этот момент, как и то, что часовые у их комнаты естественно отвлекут свое внимание от них, вырваться из комнаты (двери оказались не запирающимися), обезоружить и расправиться с часовыми и разбежаться. Кто успеет вскочить на отходящий поезд, кто пользуясь наступавшей темнотой, бежать под прикрытием стоявших на путях составов. Дальнейшее — по усмотрению каждого в отдельности.

План был принят, роли распределены. Момент «атаки» — по сигналу поруч. Михайлова.

Все произошло так, как было решено.

Прап. Р. сбил с ног часового и отбросил его винтовку. Он успел вскочить на подножку одного из вагонов. Поезд набирал ход. Двери на платформу вагона не открывались: вагон набит людьми.

— Тут красные! На Миллерово (следующая станция) красные! — говорят ему сдущие доброжелатели. Раздетый прап. Р. коченеет от дующего холодного ветра и... спрыгивает с подножки вагона уже на большом ходу поезда. Неудачно: он сдирает о гравий настила кожу с плеча и руки. Превозмогая боль, он отходит в сторону от жел. дороги и берет направление туда, куда стремился — на Новочеркасск. Идет быстро, чтобы ему, голому, согреться. Пересекавшую ему путь речонку переходит вплавь.

Утро. Встреча со стариком-казакон, который дал ему какую-то шерстяную попону, хлеба и указал направление к «Калединцам», предупредив, что ст. Миллерово занята красными и что ему не следует заходить в хутор. — Добыют! — Дневной, затем ночной и снова дневной переход вдали от жел. дороги, прямо по степи, ориентируясь по норкам сусликов. И... присоединение к отряду Есаула Чернецова, а 17 декабря — Новочеркасск и зачисление в 1-й Офицер. б-н. В нем радостная встреча с поруч. Михайловым и еще пятью офицерами, спасшимися со ст. Кантемировка и печаль о неизвестной судьбе остальных.

В записях прап. Р. есть такая заметка: «Вообще же находившиеся в роте (1-я рота 1-го Офиц. б-на) прошли на Дон куда более тяжело, чем это выпало на мою долю».

Развал армии на Кавказском фронте, хотя и начавшийся позднее, чем на фронтах Вел. войны, протекал так же, как и на последних. Армия занимала значительную часть турецкой территории, турецкая армия не могла оправиться от понесенных поражений, но лозунг «мир без аннексий и контрибуций» для массы русских солдат был законом, требующим своего выполнения. Офицеры теряли свою власть.

О формировании ген. Алексеевым армии на Дону в Тифлисе уже знали в ноябре; однако, отсутствие прямого приказа ехать на Дон удерживало там офицеров. Но было и оправдание: из Закавказья вела на Дон одна лишь желез. дорога, на которой проводился строгий контроль революционными комитетами, как ими контролировалась и сухопутная дорога на Владикавказ.

Лишь одна дивизия — 39-я пехотная, в это время стояла в глубоком тылу Кавказского фронта — на Северном Кавказе в станицах и хуторах Кубани и селах Ставропольской губернии. Один полк этой дивизии частично стоял в селе Лежанка Ставрополь. губ., на границе с Донской обл.. Что творилось на огромной территории России, там не знали. Не знали даже, что происходило на Дону. Офицеры при всем

своим желанием узнать что-либо не могли, т. к. им были строго запрещены отлучки из своих частей и за ними велось наблюдение.

В середине декабря вдруг стало известно о снятии погон и о выборном начале на командные посты и что ожидается приезд из Царицына комиссара, который объявит об этом постановлении Совета Народных Комиссаров и приведет его в исполнение. Это известие встревожило офицеров и в первую же ночь из Лежанки ушло 15 офицеров с единственным намерением пробраться к себе домой, т. к. ничего иного они не могли себе представить. Быстрым маршем они шли к Владикавказск. жел. дор. От кубанцев узнали, что на Дону формируются части для борьбы с большевиками. Узнали — в Екатеринодаре такие же части формирует ген. Эрдели, а у Владикавказа находятся противобольшевицкие части осетин.

Решение беглецов единодушное — бороться с большевиками, но мнения куда ехать оказались разными. Шесть офицеров решили пробираться на Дон. Приняв «солдатский» вид, они сначала шли пешком, затем рискнули сесть в поезд, будучи еще не вполне уверены в возможности действительно попасть к «своим». Но в Батайске они увидели военных в погонах, а в Ростове, до которого только шел их поезд, они встретились с офицером с винтовкой в руке, стоявшим на посту. Он него узнали: формируется Д. А., во главе которой ген. Корнилов. В этот же день они зарегистрировались и были назначены во 2-й Офиц. б-н. Оказалось, что в нем уже были офицеры их дивизии.

**

В Екатеринодаре действительно формировались противобольшевицкие отряды, но были они незначительной численности. Чувствовалось отсутствие общего руководства. Настроение населения города граничило с безнадежностью и передавалось и отрядам. Надежды на подъем казаков не было.

Часть офицеров решила пробираться на Дон к ген. Алексееву, определенно зная о формировании им армии. Желаящих набралось 13 чел. Однако, ни пешим порядком, ни по жел. дороге пробраться не представлялось возможным без того, чтобы часть их, если не все, не попали в рук красных, в конце декабря уже окружавших Екатеринодар. Организовал их переброску поруч. Ф. Он узнал, что из Екатеринодара должен выехать в Москву товарный поезд, груженный продовольствием в запломбированных вагонах. Он вошел в связь с сопровождавшими этот поезд людьми и, благодаря содействию железнодорожников в один из вагонов погрузились 12 офицеров, а сам поехал с документами, как сопровождающий груз. В Куцевке строгий осмотр документов и допрос сопровождающих поезд, но все прошло благополучно.

1 января в Ростове из вагона высаживаются радостные офицеры. Все 13 чел. после регистрации назначаются во 2-й Офиц. б-н.

**

Январь 1918 г. На путях на Дон стоят уже не заставы красных, а почти сплошной фронт их войск. Единственная возможность пройти только по глухим, незначительным проселочным дорогам, обходя населенные пункты. Просачиваются немногие, державшие до конца. Их число возросло снова, когда в конце января началась демобилизация армий на фронтах Вел. войны.

Те офицеры, которые еще на фронте слышали призыв «на Дон!», которые приняли его и «отдали приказ себе», направились туда. Часть их ехала через Харьков. Положение в Харькове почти ничем не отличалось от положения в любом городе, в котором господствовали большевики. Но в нем была тайная офицерская организация, узнать о которой и найти ее было дело счастливого случая.

Встречи с офицерами, теперь уже не имевшими офицерских отличий, но узнаваемыми по обмундировке, по интеллигентному виду, по манерам... Разговоры, расспросы... Разговоры разные: короткие, с явным нежеланием вести их на поставленную вопрошающим тему, более длительные о Д. А., о путях к ней, но противоположные по характеру... Офицерам с фронта здесь, в первый раз пришлось услышать крайне резкие и определенно враждебные отзывы о Д. А.: «Казачье! Кадетня!» и даже «Авантюристы!» Оказалось, что «авантюризм» Д. А. заключался не только в том, что она вела борьбу за родину, когда страна определенно распадается, но и в том, что у нее нет ни оружия, ни снарядов, ни патронов, ни снаряжения...

Такая «аттестация» Д. А. и информация о ней на офицеров влияла по-разному: одни им верили, другие не верили и продолжали расспрашивать, наталкивались на благожелателей и, наконец, находили тайный центр. То немногое, без прикрас сказанное о Д. А., было достаточным, чтобы осуществить свое стремление, невзирая на явную опасность.

Вот и территория Дона. Говорят, что красные наступают. Говорят «Калединцы» разбиты и убежали в степи. Что делать? Что теперь делать? Вопрос, ставший перед пробиравшимися на Дон. Им пришлось остановиться в тех станицах и хуторах, до которых они дошли и заняться выяснением обстановки. Но не все решились на это. Многие пошли обратно.

**

Станица Митякинская. Большевицкая власть в ней еще не пустила глубокие корни. Сорок офицеров, помимо казачьих, осторожно встречаются и обсуждают свое положение. Просвета не видно. Проходят недели... Уже апрель. Вдруг слух: наступают немцы. Больно защемило сердце: результат революции налицо. И вот в эти дни тяжелых переживаний в руки офицеров попадает обращение к русским людям, призывающее их вступить в русский отряд для борьбы за родину против

всех ее врагов. Подписано обращение «Полк. Дроздовский». Откуда оно взялось? Где этот отряд? — никто не знал. Собравшиеся офицеры, прочитав обращение, похмурились и разошлись, не приняв решения. Лишь двое: пор. Незнамов и прап. Зверев решили узнать, где этот таинственный отряд и присоединиться к нему.

Немцы уже близко. Большевицкие комиссары оставили станицу. Положение между двух огней: «внешним» и «внутренним» врагами. Казаки решили дать отпор большевикам, если те вернутся в станицу. 40 офицеров присоединились к казакам. В соседней станице Луганской, то же решение. Там было до 100 офицеров неказаров. Но никакого отпора большевикам дано не было. Когда к ст. Митякинской подошел отряд матросов в 40 чел. с двумя пулеметами, то шт.-кап., старший среди офицеров неказаров, увидев, что казаки вдруг отказались оказать сопротивление, решил «сдаться народной власти». Он и несколько офицеров сдались и были взяты с собой матросами, а остальные укрылись в станице.

Где-то стороной прошли немцы, а дня через два в станицу дошел слух: отряд полк. Дроздовского в Ростове, донцы подняли восстание против большевиков... Пор. Незнамов и прап. Зверев решают идти искать отряд: для них одинаково неприемлемы и немцы и большевики. На их предложение присоединиться к ним из офицеров никто не откликнулся, а из казаков лишь два старика. Через несколько дней эти 4 чел. прибыли в Новочеркасск, освобожденный от большевиков. В бюро записи в Д. А. они и еще 10 офицеров получили назначение в Офицерский полк, стоявший тогда в ст. Егорлыкской.

**

В Смоленске. Начало февраля. Возвращаются по своим домам демобилизованные офицеры. Напрасно их страстное желание знать о событиях. Очевидно только одно: Совет. власть крепнет. Узнают однако передаваемое в строго секретном порядке, что есть тайная организация Б. Савинкова, готовящая поднять восстание. Таковую возглавляет какой-то полковник. К ней многие относятся с недоверием. О каких-либо иных тайных организациях — ни слова. Их нет. Но все чего-то ждут.

Вдруг, во второй половине марта, среди офицеров суется: ловят друг друга, чтобы поделиться новостью, прочитанной в «Известиях», но чрезвычайно лаконической:

«Банды Корнилова разбиты и преследуются красными войсками в степях Кубани».

Впечатление от этой заметки огромное. Корнилов! На Кубани идет борьба! Какой-то просвет во мраке. Убеждение почти всех, что что-то должно быть, нашло подтверждение. Но... «Банды разбиты и преследуются»? Хочется не верить, но как проверить?

— Лучшая проверка — самому ехать туда, на Кубань!

Такое мнение не разделяется. Появляется роковое предложение:

— Нужно выждать, когда обстановка будет ясней. — Но возражение:

— Так что же? Вы соглашаетесь служить в красной армии? Знаете ли вы, что завтра Совдеп вынесет постановление о привлечении офицеров на службу? — молчание.

25 марта, на следующий день после этого разговора, из Смоленска выехали лишь двое, запасшись документами внушительного внешнего вида для переезда в Железноводск, «вооружившись» книгами и вполнечелю и решивших действовать, сообразуясь с положением на местах.

В Козлове кап. П. неожиданно встретил офицера своего полка по Велик. войне, инвалида. От него он узнал не только все новости о полку, об офицерах, но и то, что 6-я пех. д-я, теперь представленная лишь ее канцеляриями, расформировывается здесь, в Козлове. Здесь же и нач. дивизии ген. Климович.

Задержав на сутки свой дальнейший путь, кап. П. решил увидеться со своим бывшим начальником. Искренне радостная встреча с объятиями, но разговор был короткий.

— Куда вы едете? — спросил генерал, конечно, уже не имевший погон на плечах.

— На юг, к ген. Корнилову, — был ответ. Генерал как-то встре-пенулся и насторожился.

— Откуда вы узнали, что он там?

— Из «Известий», — ответил кап. П. и сообщил подробности.

Минута молчания, выдававшая большое волнение генерала.

— Но, ведь вы же говорите, что писалось о безнадежном положении его армии? Так зачем же вы туда едете?

— Я не верю в безнадежность положения, — ответил капитан.

Пауза. Генерал перьяно перекладывал на столе бумаги, не смотря на своего собеседника. Наконец сказал:

— Я так думаю: ваше место там, где собираются силы для борьбы с внешним врагом. Какая бы ни была эта армия, под каким бы флагом она ни шла — она защищает родину. Я вас хорошо знаю и ваше место в рядах защитников родины...» — а после небольшой паузы, как бы пересилив себя, генерал продолжал: — а не тех, кто поднимает вос-стание против них!

— Нет! — твердо и немедленно ответил капитан: — быть в крас-ной армии я не хочу!

Генерал болезненно-растерянно смотрел на своего офицера, по-степенно падая духом и уже почти умоляюще проговорил:

— Подумайте серьезно! Я ваш старый соратник и начальник... Я решил поступить в красную армию.

Капитан подтвердил свое решение.

Генерал встал. Сухо пожав друг другу руки, соратники расстались.

Капитан П. зашел в канцелярию своего полка, где узнал, что сохранились послужные списки офицеров. Через несколько часов он получил свой, доведенный до последнего дня — 3 февр. 1918 г., своей службы в полку, но подписанный «Инструктором» 6-й пех. див. — Климовичем и «инструктором» штаба — Вилумсоном.

**

28 марта. Ростов. Едва остановился поезд, раздался крик десятков голосов вооруженных, стоявших у вагонов: «Вылезай из вагонов!» Пассажиры устремились в вокзал, набитый уже людьми. В чем дело? Говорили — поезда на Кубань не идут, т. к. там, якобы, идут бои. Вокзал оцеплен красными. Никого из него не выпускают. У всех мысль: в ловушке! Грубый контроль документов, багажа. — «Демобилизованные? Все вы демобилизованные!»

На следующий день подается поезд на Кубань, но у входа на перрон — контроль. Он никого не пропускает из молодых мужчин. Короткое, строгое: «назад!» А в полдень опять крики: «Немедленно очистить вокзал!» Толпа рванулась в город и стала заполнять все гостиницы, набиваясь в комнаты по 12—15 чел. Что случилось? Почему? Говорят — казаки подняли восстание.

Три дня жуткого пребывания в гостинице. По улице к вокзалу проходили небольшие колонны войск с красными и черными флагами, с нестройным пением революционных песен, с криками. Метались грузовики, наполненные красными. Куда-то вели арестованных, почти исключительно молодых. Контроль в гостиницах и аресты.

Злополучным двум офицерам посчастливилось: их контролировал молодой, высокий, вполне интеллигентного вида матрос. Он пытливо всматривался им в глаза... «Все в порядке! Не беспокойтесь. Не выходите из гостиницы!» — добавил он. У офицеров отчаянное настроение. Что они могут предпринять теперь? Страх овладел ими. В окно они видят паническое состояние у пробегающих по улице людей. Они видят оскал революции под красным — большевистским, и черным — анархическим флагами. Их единственное осознанное желание — уйти куда-нибудь с этой большой улицы, чтобы ничего не видеть. Они рискнули выйти из гостиницы, почти бежали в боковые улицы и пытались найти убежище в домах. Им всюду отказывали.

1 апреля. По улице с раннего утра бегали мальчишки, что-то крича, предлагая газеты. Шли толпы вооруженных с дикими и, видимо, радостными криками. Один из жильцов комнаты вышел и купил газету. В ней офицеры прочли жирным шрифтом написанное:

«Под Екатеринодаром банды Корнилова разбиты, а сам Корнилов убит!»

Этому сообщению они поверили. Поверили, не сказав друг другу ни слова. Теперь — конец! Их цель разбита. Одно охватило их: вон из Ростова! И не только их, но и всех, кто был в комнате.

Слух: поезда стали ходить. Все поспешно двинулись на вокзал. Гостинница опустела. На вокзале уже нет массы вооруженных. Настроение у всех более спокойное. Сказали, что утром пойдет поезд на Новочеркасск и далее на север. «Поедем и мы!» — сказали офицеры, совершенно не думая о том, что поезд их повезет в обратном их стремлении направлении.

Офицеры испытывают сильный голод. Один из них пошел к буфету, но ничего не взял: они потеряли бумажник с деньгами, а золотые и серебряные монеты буфетчица рассчитывала по их номинальной цене. Досада! Но она исчезла моментально, когда офицеры заметили, что за ними следит блюститель порядка на вокзале — бравый военный с черным бантом на шинели. Он подошел к ним.

— Вы хотите есть? — тихо и сердечно спросил он.

— Н-нет! — ответили ему.

— Не бойтесь. Я видел все... — сказал он и, подойдя к буфету, набрал целую тарелку бутербродов и котлет и принес их офицерам.

— Ешьте! Я вас угощаю. — И тихо продолжал: — Не бойтесь меня! До тех пор, пока я здесь, вы можете быть спокойны. Я знаю, вы — офицеры! Я анархист, — продолжал он почти шепотом, — но я люблю офицеров. Я сам унтер-офицер Императорской армии. Я — кулак! Был им. Большевики сожгли мой хутор, убили мою семью и я решил мстить: записался в анархисты и уничтожаю всякую сволочь, но не офицеров!

Ночью молоденькая девушка срезала с рукава гимнастерки у заснувшего офицера три выцветшие нашивки за ранения. — Вы неосторожны! — сказала она вдруг проснувшемуся офицеру.

Утром офицеры сели в поезд на Новочеркасск. Рядом с ними сидела скромно одетая женщина, с беспокойством посматривавшая на них, и из глаз ее текли слезы. Наконец она сказала им:

— Ради Бога! Куда вы едете? В Новочеркасске таких, как вы, убивают. Выходите, умоляю вас!

Офицеры, почти бессознательно, высадились в Аксайской станице. Там, нарвались на злую бабу, кричавшую им на всю площадь: «Кадеты! Кровопийцы!» Подошел «товарищ комиссар». Он указал офицерам дом, где они должны остановиться и приказал утром следующего дня явиться к нему.

В доме — встреча с добрейшей хозяйкой, сразу же захлопотавшей об их устройстве и питании, с непрерывным повторением: «Бедненькие вы мои! Страдальцы!» — и встреча с ее сыном, юнцом в 15—16 лет, который, злобно глядя на пришедших, говорил: «Мать! Кого это ты устраиваешь? Офицеров? Я скажу комиссару...»

За многие дни офицеры в первый раз так хорошо и сытно поели и могли бы отлично поспать, но сон не приходил к ним. Они промолчали всю ночь. «И стены имеют уши». Но все же решили к комиссару не идти, а уехать из Аксайской. На их счастье скоро пришел поезд на Новочеркасск.

Новочеркасск. На вокзале полно вооруженных красных. На площади стоит 4-орудийная батарея, направленная на восставшую станцию Кривянскую. Никакого контроля. Поезд трогается дальше. Один из офицеров заболевает тифом. Куда они едут? Ночью проезжают ряд станций, а утром поезд останавливается на ст. Каменская. Нужно, наконец оставить поезд, чтобы не вернуться к себе в Смоленск, да и нельзя везти дальше заболевшего в сильной степени офицера.

Выручил новый случай: поезд загоняется в тупик. Больного его друг отводит в станичную больницу.

Больной офицер? — спрашивает сестра милосердия.

Да-а!

— Не беспокойтесь за него, но и не навещайте его.

Загнанный в тупик поезд обречен долго стоять там. Он заставлен другими составами, как и заставлены ими все станционные пути. Но пассажиры не покидают свой состав. В нем покойнее, нежели в станице, куда они производят «вылазки» за покупками питания.

21 апреля. Страстная суббота. Кап. П. пошел в станицу, чтобы купить себе что-либо к завтрашнему дню Св. Пасхи и попал в облаву. Его, как и других, повели в комендантское управление. Там собралось свыше 20 чел., все таких же, как и он, молодых и для красной власти подозрительных. Арестованные под охраной в комнате. Они слышат угрожающие по их адресу разговоры:

— Каледины! Офицеры! Хотят передаться немцам!

Недоумение: почему немцам? Кто-то из арестованных разъяснил: он слышал, что будто бы приближаются немцы. Новое волнение. О себе и своей судьбе арестованные не говорили.

Вдруг им объявляется, что они пойдут на станцию грузить снаряды на бронепоезд, а теперь: «Быстро получай борщ!»

Их, двадцать с лишком человек, повели под сильным конвоем. На станции из них построили две цепочки, по которым и стали передаваться ящики с артиллер. снарядами на бронепоезд, стоявший отделенным от состава со снарядами тремя-четырьмя другими составами. Вскоре цепочки расстроились: два звена их, работавшие рядом, используя момент отсутствия за ними наблюдения, бежали.

2 апреля, в 1-й день Св. Пасхи, после небольшого боя, в ст. Каменская вошли немцы и в этот же день кап. П. записался и записал своего больного друга в Донской отряд. Вскоре, узнав о Д. А., он

уехал в Новочеркасск и получил назначение в 1-й Офиц. полк. Одновременно с ним зарегистрировались десятки офицеров, получивших то же назначение.

*
**

В Москве. Апрель-май. Офицеров многие тысячи и их пополняют прибывающие по демобилизации фронта Вел. войны. Ходят слухи о смерти ген. Корнилова, о неясном положении Д. А. Ее существование никто теперь не отрицает, тем более, что определенно известно о восстании казаков. Однако о стремлении офицеров в Д. А. говорят слабо, больше о немцах, которые заняли весь юг России. Ехать в зону, занятую внешним врагом, трудно решиться. Решившихся было весьма мало и тем более таких, которые ставили своей целью попасть в Д. А. Главное препятствие — красные барьеры по всей линии фронта германской оккупации. Их решили преодолеть немногие. Совсем одиночки решили двигаться прямо к восставшим донцам, хотя было совершенно неясно протяжение там фронта.

Пробравшиеся через красные барьеры в большинстве попадали в Харьков. Капитан М. записал:

«Харьков, где в те дни жизнь была ключом, представлял собой разительный контраст умирающей Москве. Бросалось в глаза обилие офицеров всех рангов и всех родов оружия, фланирующих в блестящих формах по улицам и наполнявших кафе и рестораны. Казалось, что они наслаждались «миром» после победоносной войны. Их веселая беснечность не только удивляла, но и наводила на очень грустные размышления. Им, как будто, не было никакого дела до того, что совсем рядом горсть таких же, как они, офицеров, вела неравную и героическую борьбу с красным злом, заливавшим широким потоком просторы растерзанной родины».

Это записал отдавший «приказ себе» доброволец. Его не могли остановить на пути к цели ни уют и покой в своей семье, ни увещевания родных и друзей, ни то, что «с долей немалого удивления и даже сожаления смотрели (иные офицеры) на меня, когда я старался узнать у них каким путем я мог бы попасть в Новочеркасск. Все же мне указали адрес какого-то «чудака»-полковника, вербовавшего офицеров в Д. А.».

Для таких офицеров не могло быть никаких препятствий. «С вечерним поездом наша четверка выехала на Дон» и прибыла в Новочеркасск. Немцы препятствий не чинили.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первый период существования Д. А. в ней было три полка, и каждый из них дал пример того, как можно было начать борьбу с надеждой на успех, если бы так поступили не немногие тысячи жертвенно любящих родину, а хотя бы десятки тысяч.

Первая воинская часть Д. А. — Офиц. п., сведенный из отдельных б-нов и рот, сформированных из офицеров. Офицеры распыленные, разобщенные стихией революции, сохранившие в себе «заговор» против нее и отдавшие себе «приказ» — «на Дон!» — одиночным порядком или небольшими группами, преодолев все препятствия, выполнили его.

Корниловский ударный полк просуществовал крепкой, неразложившейся частью до конца ноября, когда его командиру, полк. Нежинцеву, стало ясно, что п-ку не миновать расформирования. Тогда он объявил официально о роспуске полка, а неофициально отдал приказ: полку собраться на Дону, предоставив каждому его чину выбор пути туда. Более четверти его состава добралась до Новочеркасска, где полк и был восстановлен. Полк. Нежинцев показал пример нерастерявшегося начальника.

Третьим полком Д. А. был Партизанский. Он сформировался из мелких партизанских отрядов, начавших борьбу с красными на Дону. Эти отряды состояли из местных уроженцев и по преимуществу молодежи, которая не спрашивала кто у них начальник, не обращала внимания на количество своих сил, как и начальники не считали числа своих партизан. Все боролись с полным напряжением сил.

Четвертый пример показал отряд полк. Дроздовского, соединившийся с Д. А. позднее. На Румынском фронте Вел. войны, чего не было на других фронтах, стали формироваться офицерские добровольческие отряды для борьбы с большевиками. Полный развал фронта ставил перед ними задачу идти на Дон для соединения с Д. А. Но высшее командование фронтом пало духом при виде быстро растущей большевицкой стихии и давлении со стороны румын, требовавших роспуска отрядов. Не подчинился приказу командования лишь полк. Дроздовский. Он сохранил свой маленький отряд и повел его на Дон. В пути к нему присоединился еще меньший отряд из Одессы под командой полк. Жебрака, командира одного из полков, со знаменем этого полка. Имея около тысячи человек во всем отряде, полк. Дроздовский с боями привел его на Дон. Поход начался 26 февраля и 25 апреля, закончился победным боем у Новочеркасска.

Эти четыре примера показали, что были полные возможности собрать и организовать силы для борьбы и в гораздо большем числе, чем они оказались на Дону. Упущено было масса возможностей, проявлена была нерешительность и, главное — смертельное для России — забвение долга перед ней.

«Истинных сынов России» в то время оказалось слишком мало.

«...Должно упрекать всех и самого себя за проявленные слабости, нерешительность, отсутствие дерзания и пр., как бы все это по степени ни разнилось в деле. Эти упреки опровергнуть невозможно. Отвратительны самооправдания. С 1917 г. поставлен крест на всю прошлую службу каждого, где бы он ни служил, кем бы он ни был, если она не оправдана дальнейшими делами во благо родины».

Генерал Михаил Васильевич Алексеев

В большом, беспомощном шестидесятилетнем смарике, в запосенной, некогда широкополой, а ныне обвисшей трибон, сижей шляпе, с повязанной красным фидларом щетишестой, давно не бритой, щекой, в затрепанном неопределенного цвета пальто, с выставанными по нем ислесыми оранжевыми таронниками, не узнал матросский караул Московского Николаевского вокзала Начальника Штаба величайшей, никогда во мого не создававшейся миром, двадцатимиллионной Русской армии, генерала Михаила Васильевича Алексеева.

Обессиленный мучительными престоурными неизлечимой болезнью, прибыл он в Новочеркасск для того, чтобы здесь приступить к созданию своего последнего земного дела, воспоминание о котором не раз сломит краску жгучего стыда с лица блдтнего русского человека, преисполняя гордостю всякое честное русское сердце, откем восторга зажжет глаза юности и исучит ее, как надо любить Россию.

Вся Добровольческая армия есть плод безграничной веры ген. М. В. Алексеева в Святыню Земли Русской, Ее великих страстотерпцев вождей и воинов, в торжество вечной жизни над переходящим торжеством смерти.

Понимала, чувствовала и любила армия своего мудрого Вождя, и, вместе с ним, не считая жертв, сквозь удручающие клубы красного тумана, рвалаась и веровала сияющему впереди свету. Пля смь — Р... ая!

www.elain-kazak.ru

ЗА РОССИЮ!

“...Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую Родину — это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока.

К счастью мы принадлежим к замученному, но великому Русскому народу.”

Генерал ДЕНИКИН.

Благоговейной рукой на черном аналое, при тусклом мерцании восковых свечей, я открываю старый фолиант. Тихо шелестят пожелтевшие страницы. В сплошном орнаменте черных крестов смотрят на меня длинные столбцы знакомых и дорогих имен...

Мир мертвым!

Колеблется пламя свечей, бегут по стенам робкие тени...

А там, за черным аналогом, зияет глубокий внутренний скат необозримой Чаши — Чаши страданий и крови — страшной меры Воскресения.

Я подхожу к Ее сверкающему краю и гляжу в глубину. Она пуста... И только на самом дне едва тусклое темное пятно...

Тогда я иду к оставленному мною фолианту и, охватив руками края аналога, роняю на него голову и в гордой радости целую его священные страницы.

Слава России — хвала Марковцам!

ЗАРОЖДЕНИЕ АЛЕКСЕЕВСКОЙ ДОБР. ОРГАНИЗАЦИИ

2 ноября 1917 г. на перрон вокзала г. Новочеркаска из пришедшего из Ростова поезда высадилась группа человек в двенадцать, в военных, но без погон и штатских костюмах, с небольшим багажом в руках. На вокзале был образцовый порядок: люди спокойно, одни выходили из вагонов, другие входили в них и никого из них не интересовала прибывшая группа, почтительно окружавшая старика в штатском. Никто не замечал ее радости — достижения ею цели — Земли Обетованной.

Но не прошло и нескольких минут, как к группе быстрым шагом подошел офицер — донец, взял «под козырек» и что-то отрапортовал старику, снявшему сейчас же свою шляпу. Еще минута — другая и старик, это был ген. Алексеев, со своим адъютантом, ротм. Шапрон-де-Ларе, также, как и генерал одетый в штатское, сопровождаемые офицером, отбыли к Атаману Дона, ген. Каледину.

К оставшимся подошел другой офицер и повел их в город.

— Как тут у вас? — спросили его.

— Неважно! — ответил тот.

*
**

Ген. Алексеев, генерал без положения, без должности, но с именем и с идеей, которой теперь он жил и осуществить которую стремился, был принят Атаманом, Правителем целой области. Он сообщил Атаману, что теперь настало время осуществить его намерение создать на территории Дона вооруженную силу для борьбы с большевиками, просил его еще раз дать приют офицерам и добровольцам и содействовать ему в его патриотическом начинании. Атаман Каледин разделыл цели и намерения ген. Алексеева и обещал ему всемерную помощь.

Немедленно в Петроград полк. Веденяпину была выслана условная телеграмма о направлении добровольцев в Новочеркасск.

2 н о я б р я 1 9 1 7 г. стало днем зарождения «Алексеевской Добровольческой организации» на Дону, позднее ставшей Добровольческой Армией. Неделью спустя после захвата власти в России большевиками, патриоты Родины ответили созданием противоборствующей им силы.

*
**

Группа спутников ген. Алексеева была приведена на Барочную ул. № 39, где помещался лазарет № 2, теперь освобожденный от раненых и больных, но с оставшимся медицинским персоналом. Прибывших приветливо и радушно встретили, отвели им комнату, накормили. Скоро все уснули крепким сном после долгого, тяжелого и беспокойного пути. Так, лазарет на Барочной № 39 стал «колыбелью» Д. А.

На следующий день в госпитале был объявлен порядок, которому должны были подчиняться все в нем находящиеся: во-первых — считать себя ранеными или больными, и, во-вторых — выход из госпиталя разрешался только по госпитальным запискам.

В этот день госпиталь пополнился еще несколькими добровольцами, а 4 ноября и целой партией в 25 чел. со шт. кап. Парфеновым во главе, выехавшими из Петрограда еще до получения там условной телеграммы.

Приветствовать первых добровольцев пришел сам ген. Алексеев. Он выразил им свою уверенность в успех начинаемого дела и просил только сохранить в тайне цели и намерения, с которыми они прибыли в Новочеркасск. О нем, о ген. Алексееве, никто не должен знать: он неизвестный штатский человек, а поэтому при встрече приветствовать его не следует.

В этот свой первый визит к своим добровольцам, которых было до 40 человек, он положил начало 1-й воинской части — Сводно-Офицерской роте, командиром которой назначил шт. кап. Парфенова.

В дальнейшем эта рота развернулась в более крупные соединения, и, наконец, в Сводно-Офиц. п-к, ставший позднее Офиц. ген. Маркова полком. Так, обр. 4 ноября 1917 г. является датой старшинства этого полка.

Ночью в роту скрытно были доставлены винтовки и небольшое количество патронов. Настроение чинов роты было отличное и уверенное.

*
**

Ген. Алексеев почти ежедневно посещал роту, расспрашивал вновь прибывших. Он не подымал вопроса о медленном росте роты. Этот вопрос подняли сами добровольцы, заговорив о том, что много офицеров едут из Петрограда и Москвы через Новочеркасск и Ростов на Кавказ, о том, что в Новочеркасске и Ростове тысячи офицеров определенно уклоняются от поступления в организацию. Ген. Алексеев спокойно и в мягких тонах отзывался на упреки добровольцев по адресу пассивного офицерства и утверждал, что обстановка все же, в конце концов, заставит его принять положительное решение. «Хотя время не терпит промедления, однако оно еще есть», — говорил он.

В середине ноября была введена официальная запись в Алексеевскую орг-цию. Все, как уже прибывшие, так и вновь прибывающие, регистрировались в Бюро записи, подписывали особые записки, свидетельствующие об их добровольном желании служить в орг-ции и обязывающие их сроком на 4 месяца. Денежного оклада не существовало. Все содержание ограничивалось лишь пайком. Все добровольцы без

колебаний подписывали такие записки, удивляясь, однако указанному сроку обязательства — 4 месяца. Они, ведь, явились служить бессрочно, т. е. до освобождения родины от большевиков.

О таком настроении добровольцев ген. Алексеев знал и считал необходимым не скрывать от них, что в орг-ции в данное время совершенно отсутствуют денежные средства. Но добровольцев этот вопрос интересовал только относительно нужд орг-ции в целом, но ни как не в смысле какого-то им жалования, о чем они и говорили ген. Алексееву.

В один из дней ген. Алексеев пришел в роту в несколько явно взволнованном настроении. Его, как всегда, окружили добровольцы. Он им сказал о следующем: зная их преданность делу борьбы за родину, их непоколебимую решимость на все, он не может скрывать от них появившиеся трудности для дела. Обстановка сложилась так: пребывание орг-ции в Новочеркасске известно врагу. Большевики уже говорят о росте «Калединской контр-революции» и о необходимости ее задуть в корне. Естественно, что руководители политики Дона очень беспокоятся за судьбу Дона и находят главной причиной враждебного отношения к нему — сбор здесь Добр. орг-ции. Это привело их к решению побудить Атамана заставить последнюю оставить пределы Дона. Связанный конституцией Дона и бессильный убедить политических деятелей в необходимости оставления на Дону добровольцев, Атаман высказал ген. Алексееву просьбу перенести формирование орг-ции в ближайший к Дону район, на что был дан срок в две недели.

Это сообщение сильно встревожило добровольцев, но их успокоило заявление ген. Алексеева: «хотя две недели и малый срок, но события идут таким темпом, что многое может в течении их решительно измениться и орг-ция может еще понадобиться Дону».

На все сказанное ген. Алексеевым добровольцы ответили утверждением своей полной ему преданности и готовности выполнить все его приказания. На их заявление о нехватке винтовок и патронов, ген. Алексеев сказал, что, хотя отношение Дона к орг-ции и препятствует получению оружия, но «мы его добудем своевременно».

Эта встреча ген. Алексева с добровольцами до высшего предела укрепила их взаимную и неразрывную связь. Вождь в это время имел в своем распоряжении всего лишь 180 человек.

С началом второй половины ноября положение стало резко меняться: во-первых, увеличился приток добровольцев, что усиливало Добр. орг-цию и, во-вторых, осложнилось и ухудшилось положение Дона в смысле сохранения порядка и внутренней безопасности. Тысячи дезертиров с фронта Вел. войны ехали через его территорию, торопясь к себе домой. Они на каждой станции грабили население, добывая себе пропитание; они угрожали жел. дор. администрации, требуя отправки их поездов, не считаясь с установленным расписанием. Порядок

нарушился. У Дона не было сил его поддерживать, тем более, что дезертиры в большинстве ехали с оружием. Кроме того, таким беспорядком пользовались большевики, настраивая массу против «контр-революционного» Дона. Донским властям не оставалось иного, как просить Атамана обратиться к ген. Алексееву за помощью.

Ген. Алексеев не отказался дать ее. Он распорядился назначать в распоряжение донск. властей необходимое им число добровольцев. Группами в 5 и более человек, они под командой донских офицеров, получив винтовки, патроны и по 10 руб. суточных на 10 дней, отправлялись на разные узловые станции и не только Дона, но и близлежащие к его границе.

Такие командировки были весьма опасны. На ст. Дебальцево группа не только не смогла водворить порядок, но под угрозой оружия, вынуждена была ее оставить. Ей вслед неслись пули. На ст. Иловайской такая же группа едва не была растерзана толпой вооруженных, если бы ей не помог сотн. Греков с группой Кубанцев, возвращающихся на Кубань. Но и соединенной группе все же пришлось оставить станцию. Сотн. Греков сформировал из нее партиз. отряд, вошел в подчинение Донскому Ком-нию и в дальнейшем производил отрядом налеты на станции, где останавливались слишком буйные эшелоны дезертиров, чем умерял их страсти. В районе каменно-угольных шахт среди местных жителей развивались большевистско-коммунистические идеи, организовывались совдепы и сотн. Греков со своим отрядом беспощадно расправлялся с захваченными вожаками.

Но волны революции все же постепенно захлестывали и территорию Дона. Им не могли противостоять формирующиеся из донских добровольцев партиз. отряды. Начала литься кровь защитников Дона. Не все группы посланных в командировки добровольцев возвращались в Новочеркасск. Это были первые жертвы орг-ции в борьбе, которых никто из добровольцев не видел и лишь их фамилии в Бюро Записи говорили о них.

Благополучно вернувшиеся из таких командировок в большинстве попадали в офицерские и юнкерские части, позднее сведенные в Офиц. полк.

На ст. Зверево порядок наводила группа в 4 добровольца с донским офицером. Она не знала покоя ни днем, ни ночью. Окружена она была большевистки настроенным населением. Однажды на станцию прибыл эшелон с 28 Донск. п-ком, вернувшимся с фронта, поразивший добровольцев своим порядком. «Теперь у Дона есть свои боевые части» — говорили они. Но радость их была коротка: казаки узнали в них «чужаков». Зло помахивая плетью, заявили им: «Убирайтесь отсюда! Вам тут нечего делать».

Незаметной для добровольцев протекала работа ген. Алексеева, на которого легла вся ее тяжесть и при том в условиях весьма неблагоприятных. Ему нужно было заботиться не только о помещениях для добровольцев, но и об их питании и снабжении самым необходимым. Необходимы были денежные средства. Ген. Алексеев попробовал обратиться к богатым людям и получил от них всего лишь... 400 руб. Кое в чем помогали благотворительные орг-ции. Ожидалось поступление средств от торгово-промышленных кругов Москвы и Петрограда.

Несмотря на материальные трудности, ген. Алексеев продолжал дело привлечения на Дон возможно большего числа добровольцев, посылая с этой целью своих гонцов в Москву, Петроград и др. города к политическим, общественным и военным орг-циям. Но он не строил себе иллюзий относительно их активности, как не строили и добровольцы. Они уже имели возможность убедиться в их пассивности, прикрываемой «благими порывами». Ген. Алексеев побуждал их к делу. Результат был ничтожный.

Слал ген. Алексеев своих гонцов к Глав-шему Румынским фронтом, ген. Щербачеву, части которого еще не были столь разложены, как на других фронтах. У него была большая надежда на формирование там крепких частей из добровольцев и возможности начать борьбу с большевиками оттуда, в крайнем случае, на переход этих частей на Дон. Ген. Щербачев разделял идею ген. Алексеева, но у него не хватило воли осуществить ее.

Не оставлено было без внимания и офицерство, собравшееся в последнее время на Северн. Кавказе, в городах Минеральных вод. Там же находились генералы Рузский, Радко-Дмитриев и др. Неоднократно ездили туда посланцы ген. Алексеева рискуя жизнью и привозили оттуда лишь «утешительное»: офицеры объединились, готовы к выступлению. Между прочим, там в это время проживал и быв. Воен. Министр Вр. Пр-ва А. И. Гучков. Но ни министр, ни генералы реальной силы для ген. Алексеева не дали.

Сам ген. Алексеев дважды инкогнито ездил в Екатеринодар к Атаману Кубанской области, побуждая его, если и не дать добровольцев, то хотя бы сформировать на Кубани противобольшевицкие отряды. Весьма туго шло их формирование.

Обращался ген. Алексеев за содействием ко многим лицам. Весьма популярный среди офицерства ген. Брусилов, живший в Москве, отвечал полным сочувствием делу ген. Алексеева, но через несколько месяцев он стал помогать большевикам. Высший генералитет русской армии вообще оказался беспомощным и бездеятельным. Исключение составляла группа во главе с ген. Корниловым, но она в ноябре была изолирована от Дона. Удастся ли ей пробраться на Дон, было тогда под большим вопросом.

Все дела орг-ции ген. Алексею приходилось вести одному, имея опору и возлагая надежды на рядовых офицеров-добровольцев. У ста-

рого Вождя блестяли глаза, появлялась улыбка при встречах с ними и тускнели глаза, когда он задумывался над судьбой этих немногих, пошедших за ним. Но Вождь верил в успех и, не опуская рук, с полным напряжением своих надломленных годами и недомоганием сил, продолжал работать. Добровольцы не раз видели ген. Алексеева молящимся в величественном Новочеркасском соборе, там просящего у Бога сил и поддержки себе и своему делу — За Веру, за Родину!

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВЫХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ЧАСТЕЙ

Сводно-Офиц. рота, сформированная 4 ноября, к 15 ноября значительно пополнившаяся новыми добровольцами, уже заполнила весь лазарет на Барочной. Тогда все юнкера, кадеты и учащаяся молодежь были выделены из роты, переведены в лазарет № 23 на Грушевской ул., создав новую воинскую часть — Юнкерскую роту.

В обеих ротам — Офицерской и Юнкерской было приблизительно по 150 чел. Командовать первой назначен шт.-кап. Некрашевич, Юнкерской — шт. кап. Парфенов. В Юнкер. роте 1-й взвод был из юнкеров пехотных училищ (гл. обр. Павловского), 2-й — из юнкеров артилл. училищ, 3-й — из юнкеров и кадет морских училищ и 4-й — из кадет и учащейся молодежи. В таком составе Юнкер. рота и просуществовала лишь четыре дня. 19 ноября, ввиду прибытия до 100 чел. юнкеров-артилл., 2-й ее взвод был выделен и вместе с пополнением образовал особую часть — «Свободную Михайловско-Константиновскую батарею», получившую такое название по артилл. училищам, давших добровольцев. Батарея скоро достигла численности до 250 чел. (60 юнкеров Михайловцев, остальные — Константиновцы). Командовать ею назначен кап. Шаколи, курсовой офицер. Мих. арт. училища, единственный курсовой офицер из обеих училищ, последовавший со своими юнкерами и подтвердивший свою запись в «Алексеевскую орг-цию» делом. Батарея разместилась в здании Платовской гимназии.

Юнкер. рота, несмотря на выделение артиллеристов, тоже пополнялась добровольцами. Через несколько дней она снова имела 150 чел. и развернулась в Юнкер. б-н 3-х ротного состава: две роты были юнкерскими, а третья называлась «кадетская» и состояла из кадет и учащейся молодежи.

Таким образом во второй половине ноября в Добр. орг-ции были следующие части:

1. — Сводно-Офицерская рота, имевшая уже до 200 чел.
2. — Юнкерский батальон — свыше 150 чел.
3. — Сводная Мих.-Конст. батарея, численностью до 250 чел.

Все они, впоследствии организационно слившись, образовали Офицерскую, генерала Маркова дивизию.

Формировалась еще и четвертая часть — Георгиевская рота, бывшая в это время в составе 50—60 чел., кадр которой дали офицеры

и солдаты Георгиевского полка, бывшего при Ставке Верх. Главного на фронте Вел. войны. Эта рота позднее была влита в Корниловский полк.

**

Всего лишь треть числа первых добровольцев составляли офицеры. Солдат-добровольцев были одиночки. Но можно ли их упрекнуть, когда зов ген. Алексеева был прежде всего обращен к офицерам, и уж офицерское дело было обратиться с побуждением к своему младшему по службе бойцу?

Много, до 50%, в организации было юнкеров. Присяга и долг горели ярким пламенем в их сердцах. Честь им — молодым бойцам!

Совсем юная молодежь, в кадетской форме или в форме учащихся светских и духовных школ, составляла 10%. Она еще не приносила присяги служения родине, но ее молодые сердца несли в себе чистую, горячую, беззаветную любовь к родине, откликнувшись немедленно, без колебаний не на прямой, обращенный к ней зов, а косвенно узнав о нем, обращенном к офицерам.

Слава этой доблестной русской молодежи!

**

Для формирования крепких боевых частей в Алексеевской орг-ции были все главные и основные данные: идея, цель, полное признание Вождя, абсолютная решимость на борьбу, сознание силы дисциплины и порядка. Авторитет назначенных начальников стоял высоко и они не только поддерживали свой авторитет, но всеми мерами подымали его. Боевая подготовка необходима была только для части учащейся молодежи. В некоторой степени она нужна была и для юнкеров, особенно артиллеристов, т. к. за отсутствием орудий им предстояло иметь дело лишь с винтовкой и с пулеметом в пехотном строю. Пехотные офицеры были назначены инструкторами в батарею.

Но явная слабость Добр. орг-ции — в отсутствии достаточного количества винтовок: было 100 винтовок на 600 чел. Пулеметов вообще не было. Все просьбы ген. Алексеева о выдаче хоть бы винтовок и патронов не давали результатов. Атаман Каледин был бессилен помочь, т. к. все оружие, бывшее в донских складах, находилось в ведении комитетов, которые решительно отказывались его выдать.

Уже подходил к концу данный для Добр. орг-ции двух-недельный срок ее пребывания на Дону. Но куда она безоружной могла уйти? Ген. Алексеев не хотел уходить, предвидя, что его организация понадобится Дону. Атаман Каледин всячески оттягивал конечный срок, как-то убеждая донских руководителей повременить с принятием окончательного решения.

Тем временем у помещений добр. частей стояли безоружные диспальные, а в помещениях, скрыто, велась боевая подготовка.

ПЕРВЫЕ БОЕВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Сведения разведки говорили определенно, что большевики готовят восстание в городах Донской области, используя для этого рабочее население и распропагандированные ими запасные полки тысячного состава, имеющих большое количество оружия и патронов. Восстание двух запасных полков, расположенных в пригороде Хотунок под Новочеркасском, в случае удачи могло быть печальным для Добр. орг-ции, а удача была вполне вероятна, т. к. у Атамана Каледина были надежными частями только военное училище и его конвой.

Ген. Алексеев предложил Атаману разоружить запасные полки. Атаман согласился. Для проведения этой операции были назначены: сотня Новочеркасского воен. училища, Юнкерский б-н и взвод юнкер. бат-и. Для добров. частей было выдано незначительное количество винтовок и патронов.

22 н о я б р я без единого выстрела запасные полки были разоружены. Взятым оружием был восполнен недостаток в частях... с разрешения донских властей. Появился небольшой запас патронов и даже ручные гранаты. После этой операции в первый раз по улицам Новочеркаска стройно проходили вооруженные части добровольцев.

Разведка, однако, донесла, что в ночь на 26 ноября во всех городах Дона назначено восстание большевиков. С наступлением этой ночи ген. Алексеев, по сговору с Атаманом, сосредоточил все свои части у расположения Сводно-Офиц. роты. Ночь в Новочеркасске прошла совершенно спокойно и части вернулись в свои помещения, но там они узнали: Ростов захвачен восставшими, где донской пластунский б-н не оказал никакого сопротивления восставшим, поддержанным приплывшим на яхте «Колхида» и других судах матросами.

26 н о я б р я. Положение для Дона создалось критическое. Это поняла донская демократия, увидевшая, что спасение положения возможно только с помощью добровольцев. Теперь Ат. Каледин мог с легким сердцем, не опасаясь возражений и упреков, обратиться за помощью к ген. Алексееву.

— Все, что у меня есть, рад отдать для общего дела, — ответил ген. Алексеев и приказал частям своей маленькой армии быть готовыми к походу. Днем к Ростому уехали донские части: пласт. б-н и сотня воен. училища с приданной им Георгиевской ротой добровольцев. А ночью туда тронулся отряд полк. Хованского: Офиц. рота и Юнкерский батальон.

27 н о я б р я. Отряд полк. Хованского, едва светало, под ружейным огнем красных высаживался из вагонов на ст. Нахичевань. В распоряжение полк. Хованского поступил пласт. б-н. Немедленно части стали разворачиваться в боевой порядок для наступления: в центре вдоль жел. дороги — Офиц. рота, правее ее, в направлении на пред-

местье города — Темерник — пласт. б-н., левее — юнкерский, причем его «кадетская рота» на самом левом фланге. Развернувшись, немедленно же перешли в наступление под сильным огнем красных.

Но в то время, когда офиц. рота и правый фланг Юнкер. б-на уже ворвались на окраину города, пластуны, заняв без боя Питомник, остановились. Остановилась и «кадетская» рота, встретив сопротивление красных из-за каменной стены казарм. Должно ожидать контратаки на фланги отряда и полк. Хованский отдает приказание центру остановить наступление. Он приказывает от офиц. роты выслать взвод для оказания моральной поддержки пластунам. Взвод подошел к пластунам в то время, когда те завели переговоры с вышедшими им навстречу из Темерника парламентариями. Офицеры захватили парламентариев и расстреляли. Это послужило сигналом для красных к переходу их в к.-наступление из Темерника. Перешли они в наступление и на левом фланге, против «кадетской» роты. Пластуны быстро отходили, не оказывая сопротивления. «Кадетская» рота отходила в порядке, оказывая упорное сопротивление.

Резервов нет и полк. Хованский приказывает центру отходить. В офиц. роте, из-за того, что ей пришлось часы вести перестрелку с красными, патроны на исходе. Роте грозит обход справа. К-р роты, шт. кап. Некрашевич, видя эту опасность, оставляет один взвод сдерживать наступление красных, приказав передать ему часть патронов из других взводов, а тремя взводами атакует красных вправо. Красных масса. Их обход глубок. Взводы сминают ударом во фланг ближайшие их цепи, но вынуждены отходить.

Наступает вечер. Отходящий вдоль жел. дороги взвод подходит к ст. Нахичевань, но на нее уже ворвались красные. Стоявшие на жел. дор. линиях составы и сумерки, спасают лишь часть взвода...

Отряд отошел к ст. Кизитеринка. Его потери доходили до четверти его состава — до 80 чел. Около 20 офицеров погибло у прикрывавшего отход взвода. Бой оказался неудачным, но он не сломил духа добровольцев. Они видели огромное превосходство в численности врага и свое, охватываемое им с флангов, положение. Но видели они и другое: несмотря ни на что, они соблюдая порядок, оказывая сопротивление, не дали врагу разбить себя. Даже кадетская молодежь, возбужденная первым для них боем, почувствовала силу духа, порядка и дисциплины. Офицеры не без оснований говорили о недостатках руководства и неучете способностей пласт. б-на.

28 ноября. Юнкер. б-н и пластуны на позиции у ст. Кизитеринка и ст-цы Александровской. Офиц. рота в резерве. Красные остановились на расстоянии дальнего ружейного выстрела.

Утром из Новочеркасска, получив пулеметы, выехала в отряд Мих.-Конст. бат-я с сотней казаков и донским артил. взводом, причем машинистами на паровозе были юнкера, знакомые с техникой

управления им, т. к. машинисты сбежали. Батарея сразу же сменила на позицию Юнкер. 6-н. В Новочеркасск вернулась Офиц. рота, оставив при отряде один взвод.

У юнкеров-артиллеристов возникла мысль: раз есть свои машинисты, то почему бы не сформировать «блиндированный» шпалами и вооруженный пулеметами поезд? Сказано — сделано. Появился «блиндированный» поезд, полностью обслуживаемый юнкерами.

Во второй половине дня красные пытались наступать, но были отбиты, при чем в этом деле принял участие и Юнкер. 6-н, подошедший из резерва на помощь, начавшим было отходить, пластунам.

29 н о я б р я. Красные атаковали снова и с большой решимостью. Их атака поддерживалась артил. огнем с судов на р. Дон. Но у обороняющихся было два орудия и «блиндированный» поезд. Бой был затяжной. Противник отброшен. Поразительно храбро держала себя юнкерская молодежь батальона и батареи. Батарея понесла первые потери — убитыми и ранеными 34 юнкера.

30 н о я б р я. В отряд прибыл еще взвод донских орудий. Ввиду ненадежности казаков, обслуживать их были назначены юнкера-артиллеристы. Откуда-то появились и два бомбомета. Юнкера-артил. сейчас же сформировали бомбометную команду и, заняв позицию на левом фланге отряда, пристреляли из бомбометов середину течения р. Дона для обстрела могущих снова появиться красных судов.

День прошел в перестрелке. Юнкера рвались в атаку, но их сдерживали.

В этот день в расположение отряда прибыл поездом ген. Каледин. У его вагона стали почетные часовые от Мих.-Конст. бат-и. Атаман лично вступил в руководство операцией по взятию Ростова, атака которого назначена на следующий день и которая будет вестись, как со стороны Новочеркасска, так и со стороны Таганрога, где возвращающиеся с фронта В. войны донские части, решили очистить себе путь через Ростов.

1 д е к а б р я. После нескольких орудийных очередей, отряд перешел в наступление. Впереди «блиндированный» поезд. Красные, оказав слабое сопротивление, бежали в Ростов, где и рассеялись. Матросы уплыли на своих судах. Ростов взят.

Юнк. 6-н со взводом офиц. роты остановились в районе вокзала и через день выехали в Новочеркасск. Юнк. бат-я стояла до 6 декабря в центре города. Ее радостно приветствовали жители, которые, между прочим, поднесли ей подарок — 10.000 руб. 6 декабря она вернулась в Новочеркасск. В Ростове остались донские части.

Первые бои, растянувшиеся на 5 дней и ведомые частями — будущими Марковцами, вырвали из их слабых рядов около 150 чел. Синодик потерь со смертельным исходом насчитывает до 40 чел.

Слава и вечная память первым павшим!

С момента подавления восстания в Ростове, пребывание воинских частей добровольцев на Дону стало не только открытым, но и признанным местной властью. Однако, это признание было ограничено одним существенным условием: быть силой для защиты Дона и только. Поэтому добр. части находились в зависимости от донских властей.

В силу этого же, ген. Алексеев, оставаясь негласным руководителем этих частей, вынужден был продолжать жить в Новочеркасске, соблюдая возможную тайну. В силу этого же, прибывшие на Дон быховские узники, вынуждены были жить вне территории Дона в полной конспирации.

6 декабря в Новочеркасск приехал ген. Корнилов, но и его приезд хранился в полной тайне. Отдохнув несколько дней, он вступил в негласное командование формирующимися добр. частями, каковую работу ему передал ген. Алексеев. Ген. Корнилов вызвал в Новочеркасск генералов и назначил ген. Деникина Начальником уже сформированных частей, а ген. Маркова — Нач. Штаба последнего; ген. Лукомского — Нач. своего штаба, вскоре передавшего эту должность ген. Романовскому, т. к. он был отправлен в секретную командировку в Москву. Ген. Эрдели был послан в Екатеринодар, содействовать формированию воинских частей там.

Когда добр. части вернулись из Ростова в Новочеркасск, их там ожидало пополнение. Ввиду этого было произведено переформирование частей и формирование новых.

1. — Св.-офиц. рота развернулась в четыре роты под №№ 2, 3, 4 и 5, численностью каждая около 60 чел. (Под № 1 была Георгиевская рота). Роты не были сведены в б-н, оставались самостоятельными частями, т. к. в дальнейшем каждую из них предполагалось развернуть в б-н. Особенностью 3-й роты было то, что в ней были собраны чины Гвардейских частей, почему она в обиходе называлась «Гвардейской».

2. — Была сформирована Морская рота, включившая всех моряком, численностью около 50 чел.

3. — Юнк. б-н, ввиду того, что он понес потери в минувших боях и из него ушли юнкера моряки, был сведен в двух-ротный состав с «юнкерской» и «кадетской» ротами. Его численность до 120 чел.

4. — Прибывшие добровольцы-артиллеристы назначались на формирование 2 и 3 батарей. 1-я юнкерская Мих.-Конст. бат-я оставалась в прежнем составе. Батареи сведены в дивизион.

В эти дни Атаман Каледин окончательно избавил Новочеркасск от опасности, которую представляли хотя и обезоруженные, но распропа-

гандированные большевиками запасные полки: остававшиеся в них люди были посажены в жел. дор. составы и отправлены на север. В этой операции вместе с донскими частями принимал участие и Юнк. б-н.

Через несколько дней после этого 2, 3 и Морская роты, 2 и 3 батареи, а затем и Юнк. б-н, были перевезены в Ростов, как для усиления его гарнизона, так и для пополнения там добровольцами.

В Новочеркасске остались: две офиц. и Георг. роты, юнк. бат-я и начавшийся собираться по приказанию своего ком-ра, пполк. Нежинцева, Корниловский Ударный полк.

РЕГИСТРАЦИЯ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Несмотря на усилившийся контроль на жел. дорогах, добровольцы продолжали просачиваться в Новочеркасск. Поруч. Бенедиктов так записал свое прибытие:

«Вечером, 5 декабря, я вышел из поезда на ст. Новочеркасск. По рассказам и слухам я представлял себе Новочеркасск вооруженным и переполненным юнкерами и офицерами лагерем. Я думал, что большинство чинов Союза офицеров армии и флота пробрались уже в Новочеркасск. На вокзале, действительно, было много юнкеров и кадет.

После явки у коменданта станции, мне и другим прибывшим дали провожатого. Был хороший морозный, зимний вечер. По колено в снегу мы подымались от вокзала на гору. Провинциальная тишина, от которой уже отвыкли наши уши. Триумфальная арка; направо огромный собор; Платовский бульвар с одиночными, мирно воркующими парочками. Давно забытая обстановка мирного времени. Не думали, вероятно, барышни, что их кавалеры через несколько дней переменят свои ученические шинели на чернецовские овчинные полушубки. На улицах была совершенно мирная обстановка, не соответствующая тому, что мы ожидали видеть.

Но, вот, мы пришли на Барочную № 36. Там мы сразу же увидели то, что соответствовало нашему представлению о добровольческом лагере. В дверях нас встретил довольно строгий часовой с Георгиевским крестом на шинели — доброволица Александрова, как потом оказалось. В вестибюле вывешены объявления с условиями принятия в Добр. орг-цию: 4 месяца службы; казарменное общее помещение; общее питание и жалование — 200 руб. офицерам, рядовым соответственно меньше.

Представление дежурному офицеру; предъявление документов, у кого они были; краткий допрос и... любезное приглашение пользоваться тем, что есть, до утра. Кружка чая и кусок хлеба в столовой, где на столах уже расположились прежде прибывшие.

После нескольких суток сидячей, стоячей, ходячей жизни, среди кошмара, через который пришлось переехать — наслаждением было растянуться на столе в спокойном сознании, что я — у себя дома.

Холодно было утром вставать по раздавшейся команде, но хорошо, бодро чувствовалось. Воинский дух, дисциплина, сознание чувства долга, готовность ко всему...

Утром начался прием в бюро записи в орг-цию. Довольно странная анкета; среди вопросов были такие: в каком состоянии находился фронт к моменту вашего его оставления? и — цель приезда в Новочеркасск? На последний вопрос все давали один ответ: «для активной борьбы с большевиками».

Мой явочный номер был — 1801. Меня поразила малочисленность нашей орг-ции. Затем вновь прибывшие получили назначение: 5 особая офиц. рота, — Грушевская, 23.

Перед отправкой на Грушевскую, мне предложили побыть некоторое время при входе для дачи объяснений вновь прибывающим. Я уже видел, что Движение имеет хороших руководителей, повинующихся Долгу и Чести. Я убедился воочию, что налаживается Дело надежными и чистыми руками.

Затем все записавшиеся явились в роту, представились ее командиру, кап. Некрашевичу, его помощнику кап. Наинскому, фельдфебелю роты шт. кап. Козыра; своим взводным командирам. От «протирки», бравого портупей-юнкера Козлова, принимавшего участие в защите Зимнего Дворца, получили винтовки и по 5 патронов.

У нас в роте большей частью были фронтовые офицеры; но не мало было людей случайно оказавшихся военными».

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕРСКИЙ БАТАЛЬОН

13-го декабря ген. Алексеев произвел смотр 5-й роте, переименованной в 1-ю. Обойдя строй роты, ген. Алексеев собрал вокруг себя офицеров и обратился к ним с речью. Он говорил о том, что в охватившем Россию мраке, мы являемся той светлой искрой, которая, постепенно разгораясь, осветит наконец, всю Россию. Он говорил о невозможности рассчитывать на какую бы то ни было поддержку со стороны и о необходимости полагаться только на свои силы. Он указал на то, что собравшиеся здесь офицеры, это — кадр возрождаемой Русской армии и требовал напряжения, дабы быть на высоте положения. Далее ген. Алексеев обратил внимание на необходимость соблюдения добрых взаимоотношений с казаками, т. к. «мы пользуемся их гостеприимством».

15 декабря 1-я рота развернулась в 1-й офиц. б-н, численностью в 200 чел. Взводы стали ротами. К-ром б-на был назначен полк. Борисов, к-рами рот: шт. кап. Некрашевич, шт. кап. Добронравов, шт. кап. Пейкер и пор. Кром. Едва половина б-на была вооружена винтовками с 2—3 обоймами патронов на каждую. Стали выделяться кадры различных команд.

**

Возникшая мысль — закрепить единство первых добровольцев, идущих к одной цели, одним путем, в общих рядах, установлением формы одежды для нового формирования, распоряжением полк. Борисова была осуществлена.

Комиссия, в составе к-ров рот и адъютанта б-на, пор. Полухина, приступив к порученной ей работе, исходила из следующего соображения: сформированный б-н не является окончательной боевой организацией, а лишь основным кадром будущих формирований. Создаваемые части должны быть проникнуты той же жертвенностью и готовностью к борьбе за родину, которые объединили чинов 1-го Офиц. б-на и на которой должна быть построена будущая Русская Армия.

Такая постановка вопроса сразу исключала поиски в сторону создания красочно-эффектной формы. В основу ее были взяты два слова: «Смерть и Воскресение». Основным цветом стал черный, цвет — «Смерти за родину». Белый цвет — «Воскресения родины», ради которого и для которого создаются новые части.

Зарождение б-на на казачьей земле знаменовалось черной барашковой папахой (гвардейского образца) с белым, плоским верхом, перекрещенным черным шнурком. Обычная офиц. шашка, заменена казачьей; черный башлык с белой кистью и белым шейным шнурком. Походно-служебная форма состояла из фуражки с белым верхом с черным кантом и черным околышем; черной гимнастерки с белым кантом по нижнему шву воротника и черных бриджей с белым кантом; шинель с черными петлицами, обрамленными белыми кантами; черные погоны, обрамленные белыми кантами и белыми просветами. Для офиц. чинов околыш фуражки, погоны и петлицы из черного бархата, для рядовых — из черного сукна — (отсюда пошло название, данное впоследствии красными: «чернопогонники»).

Этот проект предусматривал и парадную форму, в которой преобладал белый цвет.

Полк. Борисов одобрил проект и представил его на утверждение ген. Деникину, который утвердил и подписал его. На будущую замену цветов, предусмотренную проектом, ген. Деникин заметил: «Это дело далекого будущего».

Утверждение формы одежды, однако, не послужило толчком к обмундированию чинов б-на, т. к. отсутствовали хозяйственные суммы и личные средства у его чинов.

*
**

17 декабря 1-й Офиц. б-н в первый раз посетил ген. Деникин, которого многие офицеры хорошо знали в лицо, знали о славных боевых делах его 4 Железной стр. дивизии и почти все слышали о нем по его смелой речи на офиц. съезде в Ставке. Сняв при входе черное

пальто с черным барашковым воротником и треух с головы, генерал, одетый в полевую форму, с двумя Георгиями, обошел строи рот, пожимая руку каждому. Затем он попросил чинов б-на окружить его и, сказав всего несколько фраз о деле, ради которого все собрались в Новочеркасске, повел беседу по вопросам хозяйственного обихода и только в конце недолгой беседы ген. Деникин сообщил: ген. Корнилов в Новочеркасске, о чем, однако, не следует говорить.

С ген. Деникиным пришел, и при обходе рот следовал за ним, некто в обветшалом пиджаке, явно не по росту, в обшарпанных и украшенных длинной бахромой брюках. Неизвестный не носил ни усов, ни бороды, но, видимо, не брился уже с неделю. На него невозможно было не обратить внимание не только за его вид, но и свободную манеру держаться, пытливость, живость. Добровольцы решили: он вероятно адъютант ген. Деникина. Личность неизвестного сильно заинтриговала всех. Представился удобный момент, когда ген. Деникин из одной комнаты, поздоровавшись с частью б-на, переходил в другую, неизвестный подошел к кроватям и стал заглядывать под одеяла.

— А вот у меня, так и подушки нет. Налегке приехал! — весело заметил он. И тут один офицер, ответив на заданный ему вопрос предполагаемым адъютантом, спросил его:

— Простите! А ваш чин?

— А как вы думаете? — игриво был поставлен вопрос.

— Поручик?

— Давненько был. Уже и забыл...

Такой ответ заставил офицеров прибавить сразу два чина:

— Капитан?

— Бывал и капитаном, — засмеялся он.

— Полковник? — спросили его, уже начиная подозревать что-то неладное.

— Был и полковником!

— Генерал? — и даже зажмурились: уж вид-то больно не подходящий.

— А разве вы не помните, кто был в Быхове с ген. Корниловым?

— Ген. Марков?

— Я и есть!

Попрощавшись с батальоном, ген. Деникин начал одеваться.

— Одевайся, одевайся, буржуй! — смеясь сказал ген. Марков, натягивая на себя заношенное серое пальтишко, рукава которого оканчивались где-то посередине между локтем и кистями руки, а воротник украшался имитацией барашка с вытертыми лысынами.

Встреча добровольцев с ген. Деникиным произвела на них большое и радостное впечатление. Они почувствовали в нем не просто Генерала, боевого и славного, но Генерала-Добровольца одного с ними духа и одним стремлений. Они увидели в нем первого авторитетного Генерала,

который прибыл вести дело с ген. Алексеевым, до сего времени оставшегося одним и ведущего самостоятельно всю сложную работу по формированию Добр. Орг-ции.

Новость о приезде ген. Корнилова произвела огромное впечатление и вызвала исключительный подъем настроения и надежд. Формирование воинских частей, разворачивание в будущем организации в армию и водительство этой армией, добровольцы стали возлагать на долю ген. Корнилова. Всю огромную остальную работу — на долю ген. Алексеева. Два имени для них стали нераздельны. В ближайшие дни они узнали об осуществлении их мыслей. Узнали они также, что ген. Деннинкин является негласным помощником и заместителем ген. Корнилова.

Восторженные разговоры велись о ген. Маркове, которого сразу же все причислили к главным начальникам Добр. орг-ции.

Ген. Марков неоднократно посещал юнкерскую батарею. В первый раз часовой не хотел пустить в помещение плохо одетого штатского, хотя входившего с штаб-офицером, пока штатский не заявил: «Я ген.-лейт. Марков».

— Мне особенно приятно видеть вас здесь, — сказал ген. Марков, — юнкеров двух артил. училищ, честию которых я всегда дорожил. Константиновское училище я окончил, а в Михайловском преподавал.

Однажды ген. Марков прочел юнкерам лекцию о патриотизме. Ясный ум, всесторонняя образованность, обширные специальные познания в военном искусстве, рисовали его устами картины честного исполнения долга перед Родиной. Он передавал заветы великих людей и рыцарских орденов о беспредельной, бескорыстной любви к Ней и приводил примеры, где лучшие люди, во имя спасения Отечества, приносили в жертву свою жизнь.

«Легко быть честным и смелым, но лучше смерть, чем прозябание в униженной и жалкой стране», — сказал он, закончив свою лекцию. Позор страны, по мнению ген. Маркова, должен смыться кровью лучших ее граждан.

— Верьте, Россия снова будет великой, единой и могучей!

С именем ген. Маркова по его приезде в Новочеркасск была тесно связана вся последующая жизнь юнкер. бат-и (Из истории Марков. Артил. бригады).

В ПОИСКАХ ВООРУЖЕНИЯ

В декабре, после подавления восстания большевиков в Ростове, несмотря на существенную помощь, оказанную Дону Добр. орг-цией, донские власти, тем не менее, решительно отказывали последней в вооружении. Орудий у нее не было, винтовок не хватало, патронов было ничтожное количество. Как будто отпала опасность «выселения» с территории Дона, но оставалась опасность ее собственного бессилия. Атаман Каледин помочь никак не мог.

Оставалось одно — приобрести оружие вне территории Дона. Ген. Алексеев и Атаман разработали план налета на с. Лежанка, Ставроп. губ., где стояли части 39 пех. дивизии с батареей. Захват батареи стал целью предположенного налета.

План, хранившийся в полном секрете, заключался в следующем: в станицу Великокняжескую отправляется транспорт с оружием под охраной 25 чел. офицеров и юнкеров Новочерк. воен. училища и с ними от юнкер. бат-и — 1 офицер, 5 юнкеров и вахмистр княжна Черкасская, молодая, полного самообладания девушка, могущая послужить в качестве разведчицы. Из зимовника Сопрунова транспорт с оружием под охраной нескольких человек отправляется к месту назначения, а 25 чел. офицеров и юнкеров, под командой решительного лейт. Герасимова, сворачивают на с. Лежанка и производят на него ночной налет с поддержкой внушающей некоторое доверие сотни донцов одной из станиц.

Транспорт выступил из Новочеркасска 2 декабря и вечером был в хут. Веселом. Здесь произошло столкновение с жителями, заподозрившими в княжне Черкасской Великую Княжну Татьяну Николаевну и потребовавшими объяснения куда ее везут? Пришлось силой разогнать толпу. Затем ночевки в зимовниках Королькова и Сопрунова. Выступление отряда к с. Лежанка; еще одна ночевка и разведка.

6 декабря отряд остановился в 7 вер. от села и в 22 часа тронулся в Лежанку, уже точно зная расположение батареи и частей в селе и о полной беспечности их нарядов. В глубокую ночь, под лай лишь собак, 25 чел. отлично сделали свое дело и под утро из села выехало два орудия, 4 зарядных ящика, несколько подвод с 501 снарядом и др. имуществом. И только к моменту выезда из села, в нем была поднята тревога, но погоня не догнала батарею.

Между прочим, один из юнкеров во время операции вошел в дом к-ра батареи, разбудил его, обезоружил и «доложил», что его батарея «выступает по приказанию ген. Алексеева». Увидев на юнкере погоны Мих. арт. училища, капитан, к-р батареи сказал:

— Как обидно, что меня разоружает мой младший одноклассник...

9 декабря экспедиция вместе с трофеями прибыла в Новочеркасск. Среди Добр. орг-ции — ликование.

Ген. Алексеев перед этим, в одно из своих посещений батареи, назначил к-ром ее подполк. Миончинского, сразу же внушившего к себе большое уважение юнкеров. С приобретением двух орудий, пполк. Миончинский провел переформирование батареи. Был произведен расчет на 4 орудия — 2 взвода, один из которых получил орудия; была выделена команда разведчиков, частично на приобретенных конях, команды телефонистов, подрывников и хозяйственные чины. Невошедшие в расчет юнкера — до 50 чел., были сведены в пеший взвод, который должен служить прикрытием батареи. При нем пулеметная команда в два пулемета

После посещения 1-го б-на ген. Деникиным, последовал приказ о назначении 40 офицеров для отправки их в г. Таганрог, чтобы там обезоружить гарнизон, состоящий из двух зап. полков и т. обр. приобрести оружие. Ком-ром этого маленького отряда был назначен шт. кап. Папков. Для операции нужно было снабдить участников ее патронами, для чего б-н оставив у себя около сотни обойм, остальные отдал им, что составило 3—4 обоймы на человека.

Слухи о движении эшелона добровольцев донесли в Таганрог ранее появления в нем отряда и заставили разбежаться «героев революции». Т. обр. шт. кап. Папков застал уже пустые казармы, с разбросанным повсюду оружием. На месте оставался только к-р одного из полков и канцелярия другого. Собранное и погруженное в эшелон оружие состояло из пулеметов, бомбометов, винтовок и большого количества ружейных патронов. Там же были и телеграфные аппараты Юрингсона, которые к-р зап. полка сперва никак не соглашался отдать без «требования», которое ему и было выдано от имени «К-ра 1-й роты 1-го Особого, ген. Корнилова, б-на», за подписью шт.-кап. Захарова, чем к-р полка и удовлетворился.

Ночью местные большевики обстреляли заночевавшую в казармах группу, но на большее не решились.

На следующий день по прибытии в Новочеркасск, доставленное оружие, как захваченное на донской территории, пришлось сдать в донской арсенал. Себе удалось оставить только до 20 цинков патронов, скрытых от наблюдавших за сдачей донских комитетчиков.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТЕЙ В РОСТОВЕ

Кратковременное господство большевиков в Ростове и Нахичевани оказалось слишком малым, чтобы многотысячное офицерство этих городов и интеллигенция пришли бы к серьезному пониманию положения и выводам. Соображение простолюдина — «Мы рязанские! До нас враг не дойдет» — было покрыто еще более примитивными соображениями.

На организованном ген. Череповым, жившим в Ростове, собрании офицеров, собравшихся в числе около 300 чел., было «после длительного обсуждения решено сформировать воинский отряд для несения службы по охране города и поддержания в нем порядка. Большинство офицеров охотно поддержало эту идею. Никаких мыслей о широком образовании армии обще-государственного значения еще не было, а лишь о самообороне» (ген. Черепов). Нач-ком отряда был избран ген. Черепов. Численность: едва доходила до 200 чел.

Через несколько дней ген. Черепов поехал в Новочеркасск с докладом к Атаману Дона.

— Я ведаю только казачьими делами, а все армейское в руках ген. Алексеева. К нему и обратитесь, — сказал Атаман.

Ген. Алексею ген. Черепов делал доклад на его квартире. «Небольшая, узкая, в одно окно комнатка, в которой стояла узкая кровать, стол и 3—4 стула. У меня невольно сжалось сердце. В таком убогом помещении живет второй после Государя человек Великой Российской Империи», — записал ген. Черепов.

«Внимательно выслушав меня, генерал воскликнул:

— Неужели в Ростове возможно провести формирование? С Божьей помощью начинайте! — заключил разговор ген. Алексеев и назначил ген. Черепова Нач-ком отряда в Ростове. Т. обр. формирующийся для самообороны отряд вошел в Добр. орг-цию».

В Ростове было открыто Бюро Записи добровольцев. Но мало их дали Ростов и Нахичевань. Несколько офицеров, записавшихся в отряд для самообороны, сочли для себя чрезмерным быть в Добр. орг-ции и выписались. Обычным вопросом многих, приходящих в Бюро, был: «Что дает Добр. орг-ция?» На него мог быть лишь один ответ: «Винтовку и пять патронов» и предупреждение для задумавшихся, что от большевиков можно получить пулю в затылок. Ответ не удовлетворял, а предупреждению не верили. Не верили, т. к. большевики в Ростове не трогали соблюдавших «нейтралитет» офицеров. Об этом открыто говорили и разговоры были явно пропагандного в пользу нейтралитета характера.

В результате, в течении двух недель Ростов и Нахичевань дали всего лишь около 300 добровольцев, хотя их улицы, кафе и рестораны были наполнены людьми в офицерской форме, превышающим это число в десятки раз. «Нейтралистам» приходилось слышать упреки добровольцев. Это оскорбляло их самолюбие и они не оставались в долгу: «нагло насмехались над проходящими командами», «громко шинтели: в солдатики играют». Не упускали случая, чтобы не задеть юного добровольца, стоящего на посту и иронически не спросить: «Почему вы здесь стоите? Ну, ну, постойте, молодой человек!» и смеясь пойти

далее. Смыслась и дама, шедшая с одним из таковых, видимо довольная остроумием своего кавалера». Нейтралитет соблюдался, но только не полным он был в отношении добровольцев.

Через некоторое время ген. Черепов снова поехал в Новочеркасск с докладом, но на этот раз ему пришлось делать его ген. Корнилову.

«Я ожидал увидеть ген. Корнилова», — записал ген. Черепов, — «в военной форме, а здесь все были в штатской одежде и все незнакомые мне лица. Но потом, видя твердую и решительную походку шедшего впереди, я невольно встал. Подойдя к столу, на котором лежали списки, мною привезенные для доклада, он властным голосом спросил меня:

— Что вы скажете?

— Привез списки формирования для доклада ген. Алексееву, Ваше Высочайшее Превосходительство!

Тут только я сообразил, что передо мной ген. Корнилов. За ним стоял господин в темно-синем костюме, с седеющей бородкой с благодушной улыбкой на лице — ген. Деникин. Затем бросился в глаза худощавый, весьма подвижной господин — ген. Марков.

Ген. Корнилов, просмотрев списки, сказал:

— Ну-да! Это все офицеры, а где же солдаты?

Я доложил, что солдаты не идут к нам, мы их только разоружаем. Ген. Корнилов, ударив рукой по списку, громким, с требовательной интонацией голосом, возразил:

— Солдат мне дайте! Офицер хорош на своем месте. Солдат дайте мне!»

Первоначальное предположение и надежда первых добровольцев Ростова сформировать Ростовский Офиц. полк, быстро стали явно неосуществимыми, даже, если бы и был объявлен приказ о мобилизации офицеров. Последние не шли добровольно, не отзывались бы и на приказ: у них был свой «взгляд» на роль офицера в создавшемся положении.

Записавшиеся в Бюро Записи в первые же дни только и составили единственную воинскую часть — Ростовскую Офиц. роту, численностью до 200 чел., ком-ром которой был назначен кап. Петров. Эта рота участвовала в боях по защите своего города, понесла серьезные потери и была приблизительно третьей частью своего состава с кап. Петровым влита в Офиц. полк, сформированный после оставления Ростова.

Около ста офицеров попали в начавшие формироваться: Студенческий б-н, Техническую роту и переведенные из Новочеркасска — 2-ю Офиц., Гвардейскую и Морскую роты.

СТУДЕНЧЕСКИЙ БАТАЛЬОН

Два месяца спустя, эта часть слилась с Юнк. б-ом, а затем была влита в Офиц. полк, получив вместе с ним имя ген. Маркова.

Мысль о Студ. б-не, сформированном из студентов, которых были многие сотни в городе и из учащихся старших классов средних школ, высказал ген. Черепову студент-еврей Черномордик. Эту же мысль офицеры из студентов, пор. Дончиков и др. предложили и молодому, боевому ген. Боровскому, на фронте Вел. Войны в последнее время командовавшему ударными частями на Западном фронте. Настроение учащейся молодежи как будто-бы было таково, что она охотно откликнется на призыв к борьбе за Родину в рядах Студен. б-на. По предложению ген. Черепова, ген. Боровский приступил к делу.

Но среди общего упадка воли и пораженческих настроений всех общественных кругов Ростова, формирование встретило массу препятствий. «Сознательность» тысяч студентов ограничилась вступлением в б-н лишь 2 - 3 студентов и немногих офицеров из студентов. Учащаяся молодежь средних школ в массе горевшая желанием бороться с большевизмом, была еще под сильным влиянием семьи, общества и школы. Инициаторы начинания принимали все меры, чтобы пробудить разум и чувства молодежи и тех, кто влиял на нее. Нужно было иметь горячее сердце, бодрый дух и должную волю, чтобы пробить стену слепоты, окружающую молодежь и дойти до ее сознания, до ее инстинкта. Иногда это удавалось, чаще — нет.

Офицеры пришли в среднее коммерческое училище, которое они окончили 2 - 3 года назад и объясняют директору свою миссию: призвать молодежь к защите Родины, Дона, Ростова, семьи, Церкви... Наконец — к защите самой школы. Директор колеблется и вызывает инспектора и священника. Священник не раздумывая, твердо заявляет:

— Вы хотите звать молодежь на убийство? — и требует, чтобы офицеры оставили свою мысль.

Директор поддержал священника особым доводом:

— Если уйдут старшие ученики, с кем останется училище?

Инспектор молчал.

Офицеры возражали, утверждая, что их доводы в настоящее время совсем неубедительны, т. к. красная власть разрушает все законы Божеские и челевеческие, все традиции... Семью, школу.

Наконец уступив настойчивости офицеров, начальство училища дало им разрешение переговорить с учениками.

Для молодежи не нужно было много слов, не нужно было красноречие, чтобы обратившись к внутреннему, сокровенному, святому ее

чувству, увлечь ее на служение и неизбежные жертвы для Родины. Три старших класса коммерческого училища записались добровольцами в армию: 180 чел.

После этого в журнале «Донская волна» была помещена статья — призыв ко всей массе молодежи. На нее отозвалось еще около 30 чел. из других учебных заведений. И это все, что дали Ростов и Нахичвань из массы учащихся.

8 января 1918 г. было официальной датой начала новой военной части — «Отдельного Студенческого б-на». Ген. Боровский был утвержден его Командиром., полк. Назимов — помощником. В б-не было две роты: полк. Зотова и кап. Сасионкова. Адъютант б-на — игравший одну из главных ролей в его создании пор. Дончиков. Общий численный состав его, включая и хоз. часть, равнялся 280 чел., при 25 офицерах.

Б-н был размещен в Лазаретном городке. Внутренний уклад его жизни был припоровлен к укладу в военных училищах. Вначале были затруднения: не хватало одеял, простынь, подушек, посуды и пр. Ростовская буржуазия оставалась верна себе: ничего для добровольцев. Отношение ее к слушникам ее убеждений, настроений, взглядов — было возмутительным. Она намеревалась своим бойкотом заставить молодежь поколебаться в своем решении. Но молодежь не изменила себе и победила черствые, скупые сердца буржуазии. Постепенно б-н был снабжен всем необходимым.

С первых же дней начались занятия, как строевые, так и словесные. Все офицеры и к-р б-на, ген. Боровский, неотлучно находились в б-не. Молодежь с живостью воспринимала все, что ей преподавалось. В несколько дней б-н стал сплоченной боевой частью. Любовь молодежи к своему Генералу была искренняя и глубокая. Вскоре б-н был привлечен к несению гарнизонной службы. Им восторгались одни, враги его боялись, открытые пацифисты и уклонисты его не любили, как наглядный укор их предательству.

Не прошло и полутора месяца, как б-ну пришлось начать боевую службу Родине в совершенно исключительных и тяжелых условиях и он провел ее с полным и ясным сознанием за что и во имя чего! Поразительно умирали в походе юные добровольцы Студ. б-на.

Костя Проценко был смертельно ранен и, склонившегося над ним своего командира, он спросил:

— Исполнил ли я свой долг перед Родиной?

Миша Городецкий тяжело мучился от раны в живот и говорил своим:

— Подобные муки я переношу спокойно, т. к. сознаю, что пострадаю за правое дело.

ТЕХНИЧЕСКАЯ РОТА

Предполагаемое разворачивание Добр. орг-ции в армию требовало начать сбор и формирования кадров будущих воинских частей специального назначения: саперных, телеграфных, жел. дорожных, броневых, авиационных и др. Начало было положено в Ростове: все поступающие, как и поступившие в орг-цию раньше, чины таких частей назначались в особую роту, получившую название Технической.

С началом формирования, за неимением машин, аппаратов, инструментов, рота несла обыкновенную службу пехотной части, но в ближайшие же дни ее чины — железнодорожники, приступили к обслуживанию жел. дор. линий, отходящих от Ростова, необходимого для военных целей. Забастовки, саботаж и вредительство заставили немедленно формировать жел. дор. бригады для управления паровозами и ведения воинских эшелонов; группы специалистов для проведения ремонта паровозов и пр. Приступлено было к формированию бронепоезда и отряда бронеавтомобилей. С авиационного завода в Таганроге в Ростов был доставлен даже один аэроплан, который, однако, оказался не вполне исправным. Чины саперных частей проводили починки жел. дор. путей, мостов, телеграфных линий и поддерживали связь.

Знакомых с техникой управления паровозами были единицы, а требовалось десятки людей, поэтому на эту службу брались даже едва знакомые с ней. Для большинства нефтяные паровозы были новостью. Однако, изучали дело буквально в течение нескольких часов.

Главным вдохновителем и инструктором в этом деле был сорокалетний, доброволец, знаток дела прапорщ. Шмидт, работавший ранее по такой специальности в Екатеринославе. Он наблюдал за жел. дор. депо. В его распоряжении находился всегда караул от роты для охраны депо. Его энергия и бодрость были поразительны и заразительны. О нем знали все и что особенно обращало на него внимание, это поразительное сходство во всем с Вел. Князем Николаем Николаевичем.

В течении периода ростовских боев Технич. рота несла потери, особенно железнодорожниками. Нельзя не отметить, что несмотря на неопытность жел. дор. бригад, не было ни одной катастрофы, ни одной серьезной порчи паровозов.

Когда Добр. арм. оставляла Ростов, в роте было около 120 чел. Командовал ею полк. Кандырин.

Впоследствии Технич. рота выделила кадры на формирование броневых частей, в авиацию, а затем развернулась в три роты: 1-ю Инженерную, 1-ю Железнодорожную и 1-ю телефонографную, получившие шефство имени ген. Маркова.

Формировались в Ростове и другие части: «Партизанский отряд, имени ген. Корнилова» и кавалерийская часть. Они составлены были из офицеров, пробравшихся с фронта Вел. войны. Партиз. отряд скоро достиг внушительной численности до 500 чел. Формирование кавал. части затруднялось отсутствием коней, от чего не мало кавалеристов продолжало оставаться в пехотных частях.

УДАРНЫЙ ДИВИЗИОН

Во второй половине декабря в Ростов, с фронта Вел. Войны прибыла в полном порядке целая кавалерийская часть — «Ударный дивизион Кавказской кавал. дивизии». Развал армии коснулся и дивизиона, но его командир, полк. Ширяев и помощник, ротм. Дударев, все же сохранили дивизион в составе 80 чел. — трети его нормального состава и привели его на Дон, отдав в распоряжение ген. Корнилова. Несмотря на близость своих домов, т. к. почти все были уроженцами Кавказа, разных его национальностей, чины его остались в Добр. орг-ции. Их, кавалеристов, не смутило даже то, что за неимением коней, им придется, может быть, начать воевать в пешем строю.

Дивизион дважды выступал из Ростова: конвоировать на ст. Степная несколько сот человек сидевших в тюрьме, где они были отпущены «на все четыре стороны», чем Ростов избавился от опасного элемента; и второй раз — по срочному вызову для ликвидации красных партизан, подошедших к линии жел. дор. из Ростова на Матвеев Курган.

К концу января в див-не было уже около 120 чел., в каковом составе он выступил в бой у ст. Батайск. Для руководства в пехотных боях див-ну было придано несколько офицеров из 2. Офиц. б-на.

С середины декабря из Новочеркасска в Ростов стали переводиться уже сформированные части, с целью их пополнения и разворачивания в более крупные соединения.

2-я офиц. рота стала пополняться офицерами-добровольцами из Ростова, но, главным образом, офицерами, прибывающими с Кавказского фронта. Вскоре рота была переформирована во 2-й Офиц. б-н, командовать которым назначен полк. Лаврентьев из Ростова, один из немногих старых офицеров горячо осуждавший пассивность и поражение ростовского офицерства.

Полк. Лаврентьев выбрал систему последовательного пополнения рот в порядке их номеров, надеясь на поступление достаточного числа добровольцев и глубоко ошибся. К концу декабря он имел в 1-й роте около 100 чел., во 2-й — около 80 и в 3-й и 4-й — едва по 30.

В январе боевая обстановка потребовала вызова на фронт 1 и 2 рот. Эти роты в б-н уже не вернулись и полк. Лаврентьев остался с двумя самыми малочисленными, с которыми и вступил в бой. По оставлении Ростова б-н был сведен в роту, получил пополнение и стал 2-й ротой Офиц. полка.

3-я офиц. (Гвардейская) рота, надевшаяся на пополнение добровольцами из гвардейских частей с тем, чтобы развернуться в отряд, таковых получила небольшое число, достигнув к концу декабря лишь силы в 70 чел. В Ростове ее принял последний К-р Л. Гв. Преображенского полка, полк. Кутепов. В таком составе в январе рота и вступила в бой.

После оставления Ростова рота была влита в Офиц. полк, составив взвод в его 3-й роте.

Морская рота также не преуспела в увеличении своей численности, едва достигнув силы в 70 чел. Находившееся в Ростове мореходное училище не согласилось отпустить своих старших учеников.

Ротой командовал капитан 2-го ранга Потемкин. Позднее рота вошла в состав Офиц. полка.

ЮНКЕРСКИЙ БАТАЛЬОН

Переведенный в начале второй половины декабря в Ростов, б-н расположился в центре города. Пополнений своих рядов он не получал, т. к. приток героической молодежи на Дон прекратился и он оставался в составе тех же 120 чел. и 2-х рот: юнкерской и кадетской.

Б-н производил занятия и нес караульную службу. Он и его чины не только отличались своим идеальным видом, но и крепкой дисциплиной. Моральное состояние молодежи было отличным.

Получая отпуска в город, молодежь вела себя так, как положено был по уставу военно-учебн. заведений. Она в каждом офицере видела, или хотела видеть офицера-добровольца и отчетливо приветствовала их. Даже масса офицерства г. Ростова, поставившая себя вне Добр. орг-ции, с небрежностью отвечавшая на приветствия офицеров-добровольцев, отвечала юнкерам и кадетам вежливо и с явным смущением.

К своей службе чины Юнк. б-на относились строго. Об этом в городе знали все. В начале января произошел показательный случай, убедивший всех в крепости, непоколебимости духа и твердости дисциплины в б-не.

Воззвания и обращения донской власти гор. Ростова к населению с призывом к спокойствию, порядку и работе не влияли на рабочих,

все время подстрекаемых к разного рода выступлениям агитацией и пропагандой большевиков. Власть, однако, относилась и реагировала на это весьма гуманно. Пользуясь безнаказанностью, возбужденные толпы усиливали свои выступления. Однажды толпа, все увеличивающаяся в числе, с криками: «Долой войну! Долой контрреволюцию! Долой кадетов!», уже не могла быть остановлена караулом от Юнкер. б-на и пришлось вызвать на помощь дежурную часть, в этот день — взвод от «кадетской» роты. Но и подход взвода не остановил толпу и не успокоил ее. Тогда офицер, к-р взвода, потребовал чтобы толпа немедленно разошлась и что, если она не разойдется по третьему его предупреждению, он откроет огонь. Толпа не расходилась и продолжала свои вызывающие крики. После третьего предупреждения толпа разбежалась, оставив на месте 4 убитыми и нескольких ранеными.

Этот кровавый эпизод не имел видимых последствий в смысле повторения подобных выступлений, но рабочие затаили в себе звериную злобу против «кадетов». Нейтральное население города было перепугано, боясь мести рабочих и большевиков. Особенно забеспокоилось за свои жизни нейтральное офицерство, возмевшее смелость громко осуждать эту расправу «с безоружным населением». Добровольцы же признавали такое проявление силы неизбежным и необходимым и лишь немногие высказывались: «Офицер погорячился!»

Перепугана была и донская власть города. Она приняла участие в торжественных похоронах убитых, пропуская мимо ушей чуть ли не вызывающие к отмщению речи.

Героическая молодежь судила о своих стремлениях и поступках просто: дать народу покой и прекратить бунт; для Родины — порядок и свободу и не допустить большевистскую тиранию и кабалу. Можно предположить, что многие из нейтралистов-офицеров в глубине своих мыслей и чувств не порицали добровольцев, но им мешал сознаться в этом животный страх за свои жизни.

В ТАГАНРОГЕ

В ноябре, в Таганроге стояли: донск. пласт. б-н и Школа Прапорщиков, которые поддерживали в нем порядок. В конце этого месяца должно было быть восстание большевиков, одновременно с восстанием в Ростове. Два запасных полка и тысячи рабочих должны были захватить в городе власть. Но в это время с фронта возвращались донские части, полки еще не вполне разложенные пропагандой и восстание не состоялось. Эти донские полки приняли участие в подавлении восстания в Ростове.

Но общее положение в Таганроге, после того, как проехали донские полки, было очень тревожным. Город, собственно, находился во

власти революционной стихии, а влияние гарнизона в сущности ограничивалось лишь местами его стоянок. Вскоре совершенно разложившийся пластун. б-н, был выведен из города. Положение оставшейся одной в городе Школы прапорщиков было весьма тяжелым, несмотря даже на то, что в середине декабря отряд в 40 офицеров 1 Офиц. б-на произвел налет на казармы, занимаемые запасными полками, заставил разбежаться их чинов и захватил немало оружия.

Школа прапорщиков — 3-я Киевская, была переведена в Таганрог из Киева вначале ноября, после восстания большевиков и усмирения петлюровского бунта. Декрет Совнаркома о роспуске военно-учебных училищ Нач-ком школы, полк. Мастыко, и К-рами ее двух рот подполк-ми Дедюра и Макаревичем, выполнен не был и они сохранили ее, с ее 400 юнкерами, подчинившись ген. Алексееву.

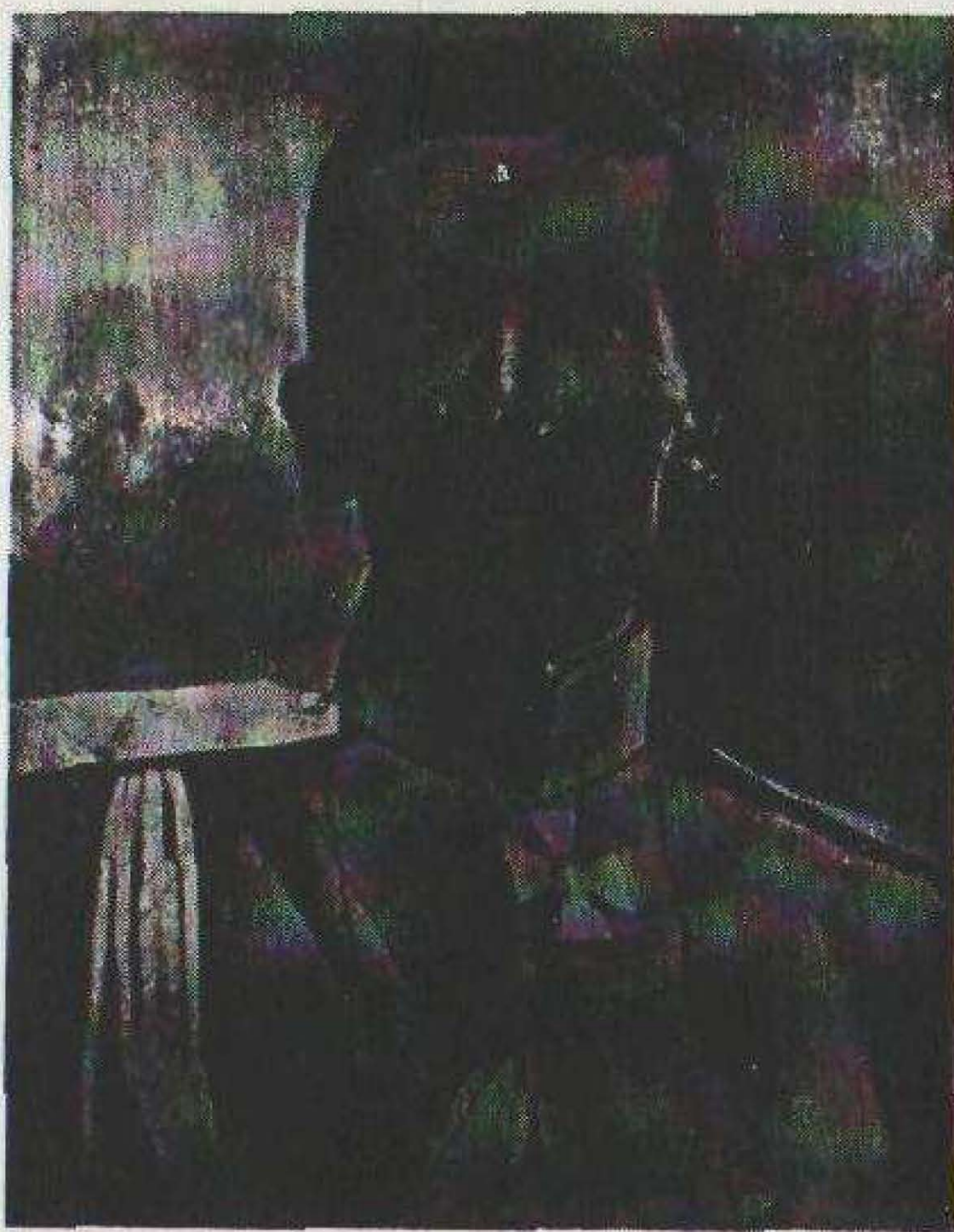
Школа получила задание поддерживать порядок не только в Таганроге, но и на жел. дороге на Ростов. Одна из рот по-взводно стала на станциях Кошкино, Марцево, Бессергеновка и др. Роте приходилось обезоруживать разъезжающихся по домам дезертиров, обеспечивать от грабежей население, но и иметь вооруженные столкновения с целыми бандами большевиков и нести потери. Служба разбросанной школы была опасной и утомительной.

С 1 января Школа была связана узами боевого братства с частями 2 Офиц. б-на. В феврале, она, понесшая большие потери, была расформирована и около трети ее состава влилось в Юнк-ий б-н, а затем вместе с ним и в Офиц. полк.

В Таганроге также была открыта запись добровольцев. Но, как и повсюду, на призыв к борьбе откликнулось ничтожное меньшинство. Из многих сотен офицеров записалось лишь, и то не сразу, около 50 чел., из которых энергичный кап. Щелканов сформировал Таганрогскую Офиц. роту при 2 пулеметах. Рота вошла в тесный контакт со Школой прап. и вместе с нею выполняла общие задания.

Вскоре рота была влита в 1 роту 2-го Офиц. б-на.

Генерал Лавр Георгиевич Корнилов

«Истинный сын народа Русского отдает Родине самое дорогое что он имеет — свою жизнь». — **Ген. Корнилов.**

“Гнев, печаль и боль за поруганную Россию несли в сердцах своих первые Добровольцы Вождю своему генералу Корнилову, — ему, кто в страшные годы лихолетия произнес имя — Россия, взял в руки и высоко поднял падающее Ее Знамя. В атмосфере ненависти, презрительного равнодушия, трусости, предательства, они смело пошли за ним”.

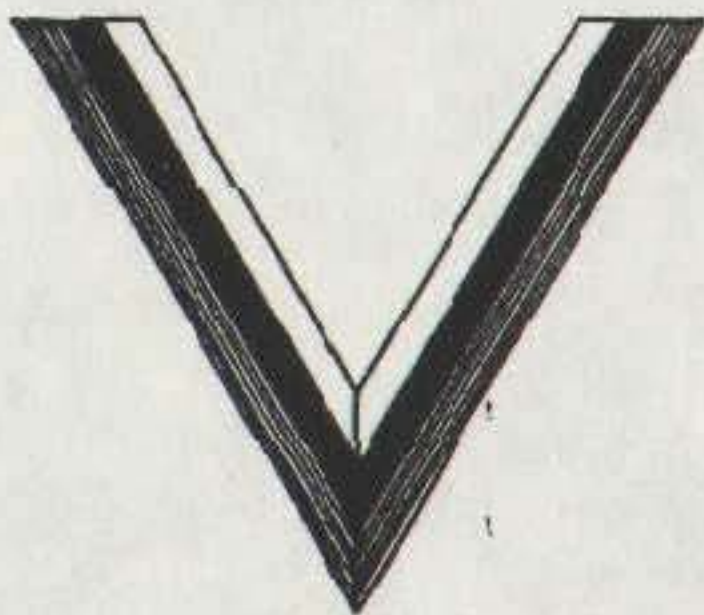
“Слава истинному сыну России — Генералу Корнилову!”

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ

В середине декабря на конспиративном собрании генералов Алексеева, Корнилова, Каледина, Деникина и др. было вынесено постановление общими силами вести борьбу против большевиков, причем была утверждена «конституция» первой Российской анти-большевистской власти на Дону. Схема ее была следующая:

1. — Ген. Алексееву вручалось гражданское управление, внешние сношения и финансы.
2. — Генералу Корнилову — власть военная.
3. — Генералу Каледину — управление Донской областью.
4. — Верховная власть — триумвират.

Но это постановление осуществить не удалось: Дон был ревнив к своей свободе и своим «завоеваниям революции». В частности он оставлял за собой право иметь свою армию.

Это привело к тому, что 26 декабря 1917 г. все вооруженные силы Алексеевой Добровольческой организации были официально переименованы в **ДОБРОВОЛЬЧЕСКУЮ АРМИЮ**, во главе которой стал ген. Корнилов.

Отличительным знаком чинов Добр. армии был установлен угол национальных цветов, носимый на левом рукаве шинели и гимнастерки.

*
**

27 декабря впервые были обнародованы цели Добр. армии:

1) Создание организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся полной анархии и немецко-большевистскому нашествию. Добр. движение должно быть всеобщим, снова, как в старину, 300 лет тому назад — вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих оскверненных святынь и своих потерянных прав.

2) Первая непосредственная цель Добр. арм. — противостоять вооруженному нападению на юг и юго-восток России.

3) Но рядом с этой целью ставится другая. Добр. армия должна быть той действенной силой, которая даст возможность Российским гражданам осуществить дело государственного строительства свободной России. Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой Хозяин земли русской — ее народ, выявит через посредство избранного Учредительного собрания свою державную волю. Перед этой волей должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным Собранием.

В заключение воззвание призывало «встать в ряды Российской рати всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа исполнилась к ней сыновьей болью».

Добровольцы с восторгом читали это обращение и с надеждой взирали на будущее.

1918 ГОД

Новый год добровольцы встречали, поскольку им позволили обязанности службы, дружными семьями в своих частях, за скромно накрытым «новогодним столом». Они кричали громкое «ура» за Россию, за Добр. Армию, за победу.

С юнкерской батареей встречал Новый год ген. Марков. Он пришел в помещение батареи, где еще не были вполне закончены приготовления к встрече.

— Не смущайтесь! — сказал он юнкерам — Я могу быть полезным и при накрывании стола.

Первый тост ген. Марков поднял за гибнущую Родину, за Ея ИМПЕРАТОРА, за Добр. армию, которая принесет всем освобождение. Этим тостом ген. Марков предложил закончить официальную часть. Затем, за глинтвейном, началась общая беседа. Между прочим, он высказал свою наболевшую мысль, что в этот черный период русской истории, Россия не достойна еще иметь Царя, но когда наступит мир, он не может себе представить Родину республикой.

Двух-часовая беседа закончилась такими словами ген. Маркова:

— Сегодня для многих последняя застольная беседа. Многих из собравшихся здесь не будет между нами к следующей встрече. Вот почему не будем ничего желать себе: нам ничего не надо, кроме одного: Да здравствует Россия!

Простившись с батареей, ген. Марков поспешил к своей семье.

Для всех добровольцев было совершенно очевидным тяжелое внутреннее положение Дона и совершенно грозным — внешнее. Советская власть открыто объявила войну «контр-революции» Каледина. К границам Дона подтягивались части Красной гвардии; ее отряды, поддерживая местных большевиков, уже проникали на его территорию. Станицы безропотно отдавали себя под власть большевиков; более того — переходили на их сторону.

Лишь немногие сотни донских патриотов встали на защиту своего края, половину которых составляла молодежь. Уже в декабре на Дону говорили о славных партизанских орядах Чернецова, Семилетова и др., защищавших его. Атаман Каледин благословлял их на бранный подвиг, донское правительство их терпело, а масса — в лучшем случае оставалась к ним безразлична. Партиз. отряды сами добывали себе оружие. Не было у них орудий, хотя таковых в донских складах находилось в достаточном количестве.

Было очевидно, что близко время, когда Д. А. придется вступить в бой. Она находилась еще в периоде формирования; ей необходимо было вооружение. Насчитывала она в своих рядах около 3.000 чел., имела всего два орудия и не имела кавалерии. На пополнение добровольцами надежды резко пали: Дон был окружен почти сплошной цепью заградительных отрядов. Маленькая Д. А. кроме того стояла по частям в трех городах: Новочеркасске, Ростове и Таганроге.

В 1-м ОФИЦЕРСКОМ БАТАЛЬОНЕ

В ночь на Новый Год батальон был переведен в казармы на Ботанической улице Новочеркаска, где помещался донской пласт. б-н и батарея. Соседство ненадежное и беспокойное. К радости всех, по соглашению с донскими властями, оружие, сданное две недели назад, после экспедиции в Таганрог, было возвращено б-ну. Получение его происходило ночью, дабы не возбуждать враждебно настроенную казачью массу. Тогда было получено 6 пулеметов «Максима» с тремя тысячами патронов на каждый, 4 пулемета «Кольта», два ручных «Льюиса», большое количество винтовок и патронов.

Быстро сформировалась пулеметная команда. Не было у нее лишь лошадей и двуколки. Количество патронов было доведено до 120 на человека. Только теперь чины б-на решили, что они вооружены «до зубов», хотя многого еще недоставало.

Однако малочисленность б-на, как и всей Д. А., были постоянной темой разговоров среди офицеров. Приписать ее отсутствию приказа о мобилизации офицеров, никто уже не мог, т. к. все были убеждены, что таковой приказ, будь он отдан ген. Алексеевым или ген. Корнило-

вым, исполнен не был бы. Высказывалась даже мысль о вине своей, вине каждого добровольца-офицера.

«Меня всегда удивляло одно» — записал один из офицеров — «почему мы не увлекли с собой десятков - другой унтер-офицеров и солдат? Ведь были преданные и так-же, как и мы, настроенные среди них. Впервые эта мысль пришла мне в голову в Новочеркасске, когда я увидел солдатский состав Корниловцев. Не было ли тут какой-то доли «офицерской обиды», заставлявшей думать только о себе. Но, с другой стороны, это было бы очень рискованным и почти неосуществимым предприятием. Но почему мысль об этом в свое время не приходила?»

Много вопросов и «больных» тем возникало среди офицеров в то время. От признания упущения, приведшего к малочисленности Д. А., переходили к теме о виновниках революции, не исключая из них в какой-то степени и себя, а признав революцию, как совершившийся факт, говорили о разномыслии среди офицеров, которое она породила. Монархия? Республика? Временное Правительство? Учред. Собрание? Только вопрос о советской власти не вызывал никаких споров.

«Происходили и инциденты, но разрешались они весьма мирно. В 6-е был пор. Смирнов. Когда он явился к нам в роту, мы с недоверием отнеслись к нему. Был он тогда немного навеселе и начал ко всем придирааться.

«Что, монархию восстанавливать собрались? Ишь, монархисты какие задним умом! Где уж вам! Не могли отстоять ее, когда должны были, когда о присяге должны были помнить. А теперь уж — дудки!

«Мы заподозрили в нем большевика. Он был арестован. Было расследование, которое установило совершенную его непричастность к большевикам, как по делам, так и по убеждениям. Укоряя других, он укорял и самого себя.

«Перед боем он говорил: «Чувствую, что живому мне не быть. Да и не хочу я жить после того, что мы наделали. Пока жив, буду бить большевиков, но и сам себя не пожалею».

Рыжий, большого роста, сильный... Убит он был в упор.

«Что-то отчаянное было в натуре у пор. Смирнова, отчаянное в высказывании своих мыслей, отчаянное в делах. Но он был прав...»

В терзаниях мыслей и переживаний всех, примирительную роль и указующую на единственно правильный путь данного момента, играл доброволец Калашников. Вот, что записано о нем в воспоминаниях:

«Вольноопр. Калашников 22-х летним студентом в 1905 г. был сослан в Сибирь, где пробыл 12 лет.

«Заслуженный деятель революции, досрочно освобожденный ею из далекой Сибири, и ею же вознесенный на вершины власти — он первым оказался в стане ее смертельных врагов: ген. Алексеева и ген. Корнилова.

«Комиссар Северного фронта, он не задумался порвать со своим прошлым и променять карьеру крупного государственного масштаба на подбитую ветром шинель добровольца. Много загадочного таил в себе этот чистый сердцем человек. В нем было что-то от Шатова. Вечный и неустанный искатель истины, он не умел и не хотел служить ни одному делу, не отдавшись ему целиком.

«Как и, почему засосала его грязная тряпка революции, навсегда останется тайной. Сыграла ли тут роль впечатлительность или жажда служения идеалу. Кто знает? Но, что служил он тому, во что верил со всей честностью и жертвенностью своей натуры, для нас, знавших его, не представляло сомнений. К нам он пришел не в поисках поста, как это многие делали тогда. Он пришел занять место в строю. Невтянутый, незнакомый с воинским делом, он с жадностью надевал на себя непосильные вериги. Состоятельный человек, он отдал не только себя, но и все, бывшие с ним несколько сот тысяч рублей, Д. А.

«Занимая столь высокий пост при Врем. Прав-ве, он не мог не знать о жертвенной крови русского офицера. Какая-то капля этой крови упала ему на сердце и сразу смыла весь обман революции. В ее размалеванное лицо швырнул он все, чем наградила она его и бросился к оставленному храму.

«Две розы положил вольн. Александр Васильевич Калашников к подножию алтаря обретенной им России: белую — своей чистой души и красную — своей крови. Благодарной памятью белых соратников и широким красным пятном на белой пелене снега — их обе приняла Россия!»

«Служить России и бороться за Нее», — вот что утверждалось добровольцами. И сугубое значение имело это, когда оно говорилось начальником перед строем своих подчиненных. Одним из таких был ком-щий 3-й ротой 1 офиц. 6-на шт.-кап. Пейкер.

«Он обожал свою роту, но старался скрывать свою любовь за суровыми требованиями, воинской дисциплины. И все-же отеческая мягкость всегда чувствовалась в его обращении со своими офицерами» — записано о нем в воспоминаниях. Не сильно ли сказано: молодой офицер и «отеческая мягкость» в отношении таких же молодых, как и он сам? Но так было и было для роты вполне нормально: офицеры составили семью-роту и к-р роты — ее отец, и его слова перед строем роты, слова ответственные.

Шт.-кап. Пейкер говорил своей роте:

«Эта война — это общее русское горе и общее русское страдание. Как смеем мы считать себя русскими, если не разделим эти страдания с русским народом. Поверьте мне, г. г. офицеры, что наша национальность определяется не нашими привычками и не теоретической любовью к отвлеченной России, а нашей неразрывной связью с судьбами Ее, от чего мы не имеем права уклоняться».

Через короткое время шт.-кап. Пейкер был смертельно ранен и умер.

Настроение в б-не крепло не по причинам, приходящим извне, которых и не было, а внутри его самого. Окончательно все разногласия отпали после посещения в первой половине января б-на ген. Корниловым.

Вот воспоминания об этом посещении нескольких офицеров:

«Одетый в штатское пальто со ставшим традиционным треухом на голове, ген. Л. Г. Корнилов походил на рабочего. Поздоровавшись и собрав вокруг себя офицеров, он начал говорить о формировании армии, об ее полит. платформе, о необходимости вооруженной борьбы с большевиками. «В моей армии место всем, от правых до левых. Здесь нет места только большевикам!» — твердо заявил он. Корнилов говорил о военном и полит. положении России, о необходимости свержения агентов германского ген. штаба. Речь ген. Корнилова, простая и близкая простотой своих слов, его голос, интонация, возбуждали больше, чем выработанные эффекты записных ораторов. За ней чувствовалась страшная личная сила, покоряющая и импонирующая.

«Основным в речи Корнилова было: вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом беру я на себя. Но вы должны знать — за что я веду борьбу и во имя чего призывал вас к этой борьбе, отдавая такой жестокий приказ».

Свидетельства говорят, что ген. Корнилов в своей речи коснулся несколько пространно полит. базы Д. А. Он говорил, что все собравшиеся здесь, как и он сам, естественно, имеют свои взгляды и суждения о монархии и республике и свои убеждения касательно будущего устройства России, но что верховным вершителем судеб Родины будет лишь Всероссийское Учред. Собрание, решение которого обязательно для всех.

«Легендарный герой, о котором большинство только слышало, в простой обстановке и обыденными словами, сумел вдохнуть в окружающих его офицеров свою веру, свою железную волю к борьбе. Ген. Корнилов пробыл в б-не около часа, оставив у всех —

одну мысль: Он наш Вождь!

одно чувство: Он с нами!

«Ген. Корнилов заставил нас предать забвению наши полит. взгляды и суждения ради единственно всеобъемлющего — За Россию!»

ЭКСПЕДИЦИИ И ПРЕДПРИЯТИЯ.

Орудия для армии предстояло добыть любой ценой и в кратчайшее время.

Было известно, что немало орудий имеется в Екатеринодаре и получить их там сравнительно легко. Было и предположение, что доставить их на Дон возможно, однако при наличии команды сопровождения, которая не побоялась бы применить силу оружия, если будут препятствия. Для этого 4 января была сформирована особая команда в числе 54 чел., под начальством кап. Беньковского: 7 офицеров и 14 юнкеров 1-й бат-и, вооруженных винтовками и с 1 пулеметом и 33 офицера 2 и 3 бат-й.

Уже в Ростове у вагона команды появилась толпа рабочих, кричащая, что «кадеты» едут на Кубань, чтобы утопить мирные станицы в крови. Подошедший патруль разогнал толпу. На ст. Куцевка команде сообщили, что на ст. Тихорецкая она будет арестована. Это побудило ее направиться к месту назначения по Черноморской жел. дор. Но и там была пробита тревога: ст. Старо-Минскую команда проскочила только угрозой открыть огонь, но на ст. Тимошевской в последний момент к ее вагону подошел, назвавшийся командиром 2-го Таманского полка, некий полк. Фесько и предложил, при условии выдачи оружия, вывести команду из создавшегося положения, после чего команда будет продолжать свой путь, заверив это «честным словом офицера». Поверив, команда сдала оружие и... была арестована и отвезена в Новороссийск в распоряжение властей «Черноморской советской республики».

Судьба арестованных для них самих была совершенно очевидной. Их уже вели на расстрел, как неожиданно было изменено решение и их посадили в тюрьму. Оказалось, как они узнали, Кубанское Краевое Прав-во, по просьбе ген. Алексеева, заявило Новороссийскому Совету, что судьба ста пятидесяти видных красных деятелей, захваченных на Кубани, будет зависеть от судьбы арестованных офицеров и кроме того, с Кубани будет прекращена доставка продовольствия в Новороссийск, что и спасло добровольцев. Красные не приняли лишь предложения об обмене арестованными.

В тюрьме добровольцы просидели три месяца, не ожидая для себя ничего хорошего. До них доходили слухи об оставлении Добр. армией Дона, об ее неудаче на Кубани и смерти ген. Корнилова. Узнали они и о том, что солдаты Варнавинского полка потопили в море 40 своих офицеров...

Но опять неожиданное для них обстоятельство резко изменило их судьбу. В Новороссийск прибыла из Севастополя, к которому подходила Германская армия, Черноморская эскадра. Ее командующий, адмирал Саблин, опасаясь, что Герман. армия, начавшая переправляться через Керченский пролив на Тамань, будет наступать и на Новороссийск, добился освобождения из тюрьмы добровольцев, так как они необходимы для защиты порта.

Офицеры были размещены по частным квартирам, причем им было заявлено властями, что исчезновение хотя бы одного из них или малейшее действие в пользу врага, все они будут расстреляны. На «свободе» бывшие узники наблюдали жизнь интеллигенции, думающей только о себе и разговаривали с офицерами моряками, поражаясь при этом их равнодушным отношением к делу Добр. Арм., хотя их эскадра и стояла под Андреевским флагом. Весь интерес был сосредоточен на судьбе эскадры.

А через немного дней произошла драма Черном. флота. Немцы требовали возвращения его в Севастополь, т. е. сдачу им, а Совет Народных комиссаров требовал потопления флота. Моряки не оказались единодушными. «Мы были, — записал один из офицеров, — бессильными свидетелями душераздирающих сцен, когда старые черноморцы плакали, как женщины, умоляя красную сволочь пожалеть корабли». Большая часть матросов решила не выполнять распоряжения Сов. власти и ушла в Севастополь, занятый немцами. Но меньшая его выполнила и утопила на рейде дредноут «Свободная Россия» и несколько других судов.

После этого в Новороссийске водворилась полная анархия, господами которой были матросы, красноармейцы, большевики. У группы добровольцев уже не стало защитников и они решили бежать, приобретя через служивших в Совете своих благожелателей необходимые документы. Бежали они, выехав по жел. дор. на Екатеринодар; другие — пешим порядком к немцам на Тамань; третьи, — захватив оставленный без надзора морской катер, вести который мог подпор. Янчевский, на нем, на ту-же Тамань. О судьбе части ничего неизвестно, но остальные выбрались из красной зоны и впоследствии снова присоединились к Д. А.

В начале января в юнкер. батарее умер юнкер. Батарея решила его похоронить, везя гроб на лафете орудия, но не своего, а взять для этой цели у Донцов и с тайной мыслью его потом присвоить. Благодаря знакомству орудие достать удалось. После похорон оно возвращено не было.

Через несколько дней в батарею пришли члены комитета дон. арт. див-на с требованием возврата орудия. Зная, что для комитетчиков батарейное начальство не авторитет, юнкера моментально съорганизовали свой комитет, который и начал переговоры. Председатель неожиданно родившегося юнкер. комитета, он же и его организатор, ст. порт. юнк. Иегулов, повел разговор дипломатично. Прежде всего он объявил пришедшим, что комитет юнк. бат-и «передает свой братский привет братьям станичникам», что все члены комитета «единодушны» с донцами и пр. и убедил их оставить орудие в батарее, так как «оно нужно для

ведения занятий». Донцы-комитетчики согласились: орудие было «временно» оставлено на батарее и получило название — «похоронная пушка».

Так юнкерская батарея приобрела третье орудие.

*
**

Ат. Каледин старался всячески убедить комитеты выдать орудия добровольцам, но неудачно. Но вот, оренбургские казаки, схавшие домой через Царицын, так как большевики ставили условием пропуска их только безоружными, сдали свои орудия и для Атамана представился случай выдать добровольцам не донские орудия.

10 января к-р юнкер. бат-и, подполк. Миончинский, с нарядом юнкеров отправились в расположение донск. артил. див-на для приема указанных Атаманом орудий и имущества. Юнкера уже увезли орудия, но часть их задержалась с приемом остального имущества. Но, вдруг, донские комитетчики спохватились: не было испрашено разрешение комитета на передачу орудий и имущества, а потому они требуют возвращения орудий. В подтверждение своей настойчивости, казаки арестовали всех, еще находившихся в расположении див-на, юнкеров, обещая их немедленно освободить после возвращения орудий. О происшедшем было сообщено в штаб формирования и получено приказание возвратить орудия.

Неудача и тяжелый удар по авторитету Атамана Дона!

*
**

В один из ближайших к описанному эпизоду дней, произошел новый эпизод с «поисками» орудий, чрезвычайно серьезного характера, но закончившийся удачно. Инициатором его был 1-й офиц. б-н, уже чувствующий свою силу и рискующий дерзнуть.

Казачья батарея, стоявшая на дворе казарм на Ботанической, где размещался б-н, являлась с первого же дня, как б-н перешел в эти казармы, объектом серьезного вожделения.

Обеденное время представлялось самым удобным для похищения ее, так как занятые едой казаки находились в казармах и двор оставался пустым. Задача справиться с часовым возлагалась на прап. Паль, для каковой цели ему была выдана бутылка водки. Прап. Паль принял возложенное на него поручение с нескрываемым удовольствием. Предупрежденные батальоном юнкера-артиллеристы с двумя конными уносами расположились на Ботанической в непосредственной близости от ворот казарм.

Из окон помещения б-на происходящая сцена была видна как на ладони. Во двор, пошатываясь, вышел прап. Паль, держа на отлете заветную бутылку и направился к ближайшему орудью, под которым и расположился, совершенно не обращая внимания на часового. Часовой

угрожающе приблизился к нему, но, видимо, убедившись, в безопасности его действий, остановился перед ним в недоумении. Через минуту оба сидели рядом, обняв друг друга за плечи и попеременно прикладываясь к бутылке. Наблюдавших из окон офицеров, действия прап. Паль начали несколько беспокоить. Являлось сомнение: уж не израсходует ли он казенное имущество без толка. Вскоре сомнения рассеялись, так как оба поднялись и направились к узкому коридору, образуемому забором и внешней стороной казармы.

Ожидавшие этого момента офицеры б-на, выйдя из своего помещения, на руках выкатили два орудия на улицу, где они были подхвачены юнкерами-артиллеристами и увезены, а вернувшийся герой дня, прап. Паль, лег на свою койку за полной неспособностью принимать участие в биении пульса общественной жизни и тотчас же заснул.

Кража орудий была обнаружена не сразу: только через часа полтора во дворе обнаружилось необычайное движение. Казаки стали появляться целыми толпами в состоянии явной возбужденности. Вскоре к часовому Офицерск. б-на подошла толпа казаков, требуя допустить ее к осмотру помещения б-на. Получив отказ и, видя перед собой вооруженный караул, вышедший на поддержку часового, казаки ушли с тем, чтобы через несколько минут появиться уже вооруженными и в большем количестве; из казачьих казарм начали выкатывать пулеметы и устанавливать их на дворе. Б-он выставил из окон помещения свои. Дело принимало трагический оборот и полк. Борисов предупредил по телефону ген. Алексеева, позвонившего в свою очередь Ат. Каледину. Каледин явился как раз во время, чтобы помешать открытию огня.

О чем говорил Ат. Каледин собравшимся вокруг него казакам, не было слышно, но по окончании его речи раздался общий крик: «Умрем за тебя, Каледин!» Казаки стали расходиться, затарахтели увозимые назад пулеметы. Атаман уехал.

Но не прошло и получаса, как казаки снова осадили помещение б-на. Опять потребовалось вмешательство Атамана. Снова говорил он и опять кричали казаки: «Умрем за тебя, Каледин!» Но стоило Атаману уехать, как история повторилась в 3-й раз. Возбешенный Каледин вернулся в третий раз и теперь казаки разошлись уже окончательно.

Окончание этой истории заключалось в сильно комическом эпизоде: дня через два, возвращавшийся из города прап. Паль встретил у ворот споенного им часового и предложил ему выпить. Примирение их состоялось в ближайшем погребке. Взятые орудия были переданы во 2-ую Офицер. бат-ею.

*
**

На ряду с «понсками орудий», проводились и другие экспедиции.

3 января от 1 офиц. б-на были вызваны 12 охотников, под командой шт.-кап. Потуткина для проведения некоторой операции, им еще не объявленной, но с непременным условием — иметь какой угодно вид, лишь бы только их не могли опознать, как добровольцев. Группа яви-

лась ген. Деникину. Ген. Деникин сказал им лишь о том, что на них возложено важное и ответственное дело, и внимательно осмотрел каждого.

— А вот вам, корнет, я итти не советую, — сказал он, обращаясь к одному. Внешность корн. Пржевальского, на которого обратил внимание ген. Деникин, не соответствовала предстоящей задаче: длинное, тонкое лицо, капризный рот и спускающиеся по середине щек баки «а ля Пушкин». Измазанное умышленно лицо и товарищеский вид явно выдавали маскарад. Корн. Пржевальский тем не менее оставался тверд в своем решении.

Ген. Деникин направил всех к ген. Романовскому, который и сообщил задачу: на станциях Лиски и Воронеж красные грузят на жел. дор. составы артиллерию для отправки на фронт против Дона. Нужно взорвать эшелоны с орудиями и снарядами. Корн. Пржевальскому итти в экспедицию категорически воспретил.

Вся группа выехала из Новочеркасска утром 5 января. К едущим поездами с территории Дона красные не были столь внимательны, как к едущим на Дон. Группа, достигнув ст. Лиски, разделилась на две части: 1-я половина осталась в Лисках, 2-я отправилась дальше в Воронеж.

Обе группы выполнили задачу, взорвав в Лисках полевую батарею и вагон со снарядами, а в Воронеже — состав с артил. снарядами и тремя орудиями. Успех увеличился тем обстоятельством, что все участники дела вернулись в Новочеркасск, за исключением шт.-кап. Березовского, пойманного красными, но чудом спасшегося и присоединившегося к б-ну месяцев пять спустя. Вся операция заняла 4-5 дней. После взрывов люди возвращались по одиночке.

По сведениям в Царицыне еще не достаточно окрепла красная власть и ее представляется возможность сбросить силой тайной офиц. орг-ции, возглавляемой полк. Корвин-Круковским. Для нее необходима была лишь моральная поддержка, в виде небольшого, но крепкого ядра добровольцев. Успех дела дал бы для Д. А. и оружие, и бойцов, и, может быть, даже немалую сумму денег, находящихся в банке.

Случай перебросить это ядро в Царицын представился: через ст. Лихая в Царицын ехал с фронта войны эшелон оренбургских казаков, чтобы оттуда пробираться к себе домой. Казаки ехали с оружием и разоружиться не хотели. Это давало возможность направить туда группу уже вооруженной.

В экспедицию было назначено 37 офицеров из 1 б-на и 13 офицеров и юнкеров 1-й бат-и на случай захвата орудий у красных. Всю группу возглавлял кап. Капелька.

Группа доехала до ст. Чир. Но здесь казаки решили разоружиться, так как вооруженными их не пропускали в Царицын и потребовали раз-

оружения и группы добровольцев. Расчет, что казаки вооруженными доедут до Царицына, что там красные предпримут меры к их разоружению, поднимется «торг», который и даст сигнал к восстанию, оказался нарушенным и полк. Корвин-Круковский, находящийся на ст. Чир, приказал группе выгрузиться. Казаки уехали дальше.

Пребывание добровольцев на ст. Чир теперь было совершенно непонятным для них, и только тогда, когда царицынские большевики выслали эшелон своих войск для уничтожения «черносотенцев-кадет», полк. Корвин-Круковский распустил отряд и предложил ему пробираться в Новочеркасск. Офицеры 1 б-на имели подложные документы и тронулись в путь, разбившись на маленькие группы, но артиллеристы таковых не имели. Им пришлось выслать юнкера Сокольского за документами, а самим перейти в соседнюю станицу Нижне-Чирскую и там ожидать возвращения его с документами.

Неприветливо встретил группу в 13 чел. атаман отдела, полк. Мамонтов, вполне допуская, что она может привлечь опять внимание большевиков, хотя их эшелон от ст. Чир вернулся в Царицын. Но через 2-3 дня у него созрело решение: сформировать отряд для защиты станицы. Добровольцев в станице нашлось всего лишь 12 офицеров, что создавало силу отряда в 25 чел.

Но не для этого прибыли сюда чины 1 бат-и и под их влиянием полк. Мамонтов решается на активные действия. Отряд переходит на ст. Чир и тем лишает красных возможности направить свои силы от Царицына на ст. Лихая, в районе которой шла борьба партиз. отряда ес. Чернецова с красными. На станции отряд разоружает прибывший с фронта Вел. войны эшелон донских казаков, объявивших нейтралитет, но весьма распропагандированных большевиками, взяв 28 пулемет., много ручных гранат, патронов, что значительно увеличило огневую силу маленького отряда. Выежая на дрезинах в сторону Царицына, отряд разрушал полотно жел. дор. и препятствовал его восстановлению.

Так продолжалось до 23 января, когда появились отряды красных и со стороны ст. Лихая и полк. Мамонтов решил отводить свой отряд в Новочеркасск. Отряду понадобилось 12 дней, чтобы пройти почти 300 верст, встречая всевозможные препятствия со стороны казаков.

5 февраля 13 артиллеристов, на ст. Чир получивших привезенные юнк. Сокольским подложные документы, но уже не пригодившиеся, присоединились в Новочеркасске к своей батарее, считавшей их погибшими.

**

Группа офицеров 1 б-на кап. Капелька благополучно собралась в Новочеркасске, где уже не было их б-на. Она получила сразу же новое задание — отправиться на восток, в район ст. Великокняжеской и провести там подробную разведку о красных войсках и о состоянии зимовников. Задание опасное, потому, что линия жел. дор. Царицын-Ти-

хорецкая, служившая единственным средством связи центра красных с их Северо-Кавказской группой, ими усиленно охранялась. Собрав нужные сведения, группа вернулась в Новочеркасск.

НАЧАЛО БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ДОБР. АРМИИ.

Красная власть, видя, что ей не достичь успеха на Дону иначе, как силами своей красной гвардии, в конце декабря стала сосредоточивать большие силы к югу от Воронежа и в Донецком бассейне, не прекращая, однако, продолжать действовать своими мелкими соединениями.

Защищали Дон небольшие партиз. отряды Чернецова, Семилетова, Грекова, Лазарева и др. и Донская офиц. дружина. Самый большой отряд — есаула Чернецова, едва в две сотни бойцов, прикрывал Новочеркасск с севера, вдоль жел. дороги на г. Воронеж, ведя борьбу одновременно и в северном и западном направлениях, вдоль отходящих от станций Звереве и Лихая в Донецкий бассейн линий жел. дорог.

Нажим красных усиливался. У Чернецова уже не хватало сил. Несколько раз он ездил в Новочеркасск, собирал собрания, говорил о долге и чести казачьей, звал в свои ряды. Его слушали: он знаменит, им восторгаются, но призывы его трогали сердца весьма немногих. В последний его приезд, в начале второй половины января ему нашлись даже возражающие и им Чернецов бросил такие слова:

— Да, я погибну! Но также погибните и вы! Разница между моей и вашей смертью будет в том, что я буду знать за что я умираю и умру с восторгом, а вы не будете знать за что умираете и погибнете в глухом подвале, с тупым молчанием, как овцы на бойне.

Кроме партизан иных сил на фронте у Дона не было, а те, немногие, которые находились в тылу — совершенно ненадежные, за исключением Донского воен. училища, необходимого там для поддержания порядка.

Выступление Добр. Армии становилось неизбежным.

К началу января вполне определенно представлялся фронт готовящегося наступления красных, имевших целью достичь и взять два главных пункта: Новочеркасск и Ростов. Это привело к делению всего фронта на два района: Новочеркасский — для Донской армии и Ростовский — для Добровольческой.

В начале января в Ростов переехал ген. Деникин и принял командование над всеми частями Д. Армии в Ростове и Таганроге. На чаше его штаба, ген. Маркова, легла обязанность по срочному завершению формирования частей и приведения их в боевую готовность. Он требовал минимальную численность штабов и при том соответствия их численности частей. Он боролся с «канцелярщиной» и требовал дела. Он был грозой «штабной психологии», за что его не любили одни, но полюбили и оценили все рядовые добровольцы, чувствуя в нем близкого им по духу начальника.

В НОВОЧЕРКАССКОМ РАЙОНЕ.

Отряд Чернецова не в силах сдерживать красных. Чернецов едет к Атаману. Атаману остается только одно: обратиться за помощью к ген. Корнилову. В распоряжение Чернецова назначается 4-я (основная) офицер. рота в 50 штыков, которой командует полк. Морозов.

9 января 4 рота прибывает на ст. Звереве и обеспечивает тыл отряда Чернецова вдоль жел. дор. в сторону ст. Дебальцево.

Между тем силы красных все увеличивались. К ним, помимо того, присоединились Донцы, вернувшиеся с фронта Вел. войны. Сведения разведки говорили и о подходе к красным артиллерии. У Чернецова ее нет и он снова едет в Новочеркасск. Ген. Корнилов приказывает взводу 1-й бат-и поступить в распоряжение ес. Чернецова. К-р бат-и, подполк. Миончинский, решает быть со взводом и берет с собой пеший взвод с пулеметами.

15 января взвод погрузился в жел. дор. состав, приспособив орудия для стрельбы с платформы. С ним пеший взвод батарен и часть партизан, во главе с ес. Чернецовым. С отправкой эшелона произошла задержка: явились казаки и потребовали сдачи присвоенной батареей «похоронной пушки». Ес. Чернецов решительно отказал им, предупредив, что откроет огонь, если они применят силу. Ему пришлось со своими партизанами даже спешно идти к Атаманскому дворцу, где казаки также «осадили» Атамана, чтобы тот отдал распоряжение о сдаче орудия. Чернецов разогнал казаков. Эшелон с орудием двинулся на север.

16 января, в пути, Чернецов узнает, что его отряд был вынужден оставить ст. Лихая. По прибытии на ст. Звереве, он грузит в эшелон 4-ую офиц. роту и едет на ст. Лихая, послав в Новочеркасск просьбу назначить новую часть на ст. Звереве для обеспечения тыла отряда. Высылается взвод от 1-го офиц. бат-на.

Красные немедленно оставляют ст. Лихая, как только по ней было произведено два орудийных выстрела 1-й бат-и. Это были первые выстрелы добровольческой артиллерии.

Но едва ст. Лихая оказалась в руках Чернецова, как было получено сообщение, что ст. Звереве занята красными, выбившими из нее взвод 1-го офиц. бат-на, только что туда прибывший. Чернецов без промедления с частью партизан, 4-й офиц. ротой и одним орудием возвращается назад и выбивает красных со станции. Здесь он узнает, что в сторону ст. Дебальцево, на ст. Гуково, высаживается большой отряд красных. Для его уничтожения из Новочеркасска высылается весь 1-й офиц. бат-н. Не беспокоясь теперь за свой тыл, он всеми своими частями возвращается на ст. Лихая.

17 января Чернецов со своими партизанами и двумя орудиями атакует и берет после серьезного боя ст. Северо-Донецкая и уже, не встретив сопротивления, занимает и ст. Каменская. В этот день 4 офиц. рота, оставленная на ст. Лихая, отбила наступление красных с запада.

18 января красные снова атаковали ст. Лихая. Бой был жестокий. 4 рота была вынуждена оставить станцию, не успев вынести своих раненых. Но на помощь вернулся Чернецов с частью своих сил. Контр-атакой Чернецова с севера и 4-й роты с юга, красные были выбиты с большими для них потерями, не успев вывезти свой жел. дор. состав, груженный снарядами — около 1000 шт., лошадьми, продовольствием. 4-я рота потеряла до 15 чел., из которых большинство было убито или добито красными. Оставив на станции вместе с 4 ротой часть партизан, Чернецов вернулся в ст-цу Каменская.

19 января прошло спокойно. Чернецов, из поступивших в его отряд добровольцев сформировал 3-ю сотню и готовился к атаке следующей к северу ст. Глубокая.

20 января. Чернецов направил свой отряд в наступление двумя группами: одна — сотня партизан с орудием на платформе вдоль жел. дор.; другая — сотня партизан, 4 офиц. рота и пеший взвод батареи с орудием — в обход станции с востока. С этой группой он пошел сам. Одновременная атака ст. Глубокая должна начаться около 16 час. Но обходная группа запоздала: слишком тяжелым для нее оказался путь. В 16 час. первая группа завязала бой и вынуждена была отойти.

Группа с Чернецовым атаковала станцию лишь с наступлением ночи, ворвалась в поселок, но встретив сопротивление, стала отходить. Офиц. рота, наступавшая на левом фланге, вынуждена отходить вдоль жел. дор. на ст. Каменская.

21 января. Ночью, в небольшом хуторе с Чернецовым собралась едва сотня человек. С рассветом, он стал отводить свой маленький отряд в направлении на ст. Каменская, но ему преградила путь колонна кавалерии с батареей. Это был 27 Донской каз. полк с четырьмя орудиями.

Отряд отбил две атаки. Чтобы быть менее уязвимым для кавалерии, отряд шел лощинами, но этот путь был не для орудия и пулеметов: их пришлось оставить. Вся группа тесно сомкнулась около Чернецова. Тут же и юнкера артиллеристы с пполк. Миончинским. Отбита новая атака. Чернецов кричит юнкерам: «Поздравляю вас с производством в прапорщики!»

Положение явно безнадежное: уже более четверти состава группы выбыло из строя. Ранен и сам Чернецов. Однако он не принимает предложение о сдаче. Вдруг, в сторону жел. дор. слышались артил. выстрелы. У окруженных появилась надежда, но казаки теснее сжали кольцо окружения. Следует их новое предложение о сдаче: воск. старш. Голубов, командующий казачьим полком, заверяет «честным словом офицера», что если Чернецов даст письменное приказание той части своих партизан, которая в данный момент ведет наступление вдоль жел. дор. отойти, группа и он сам будут пропущены в ст. Каменская при одном лишь условии — сдачи оружия. Чернецов не верил Голубову, но ему оставалось принять это предложение, предварительно приказав

подполк. Миончинскому и всем конным выбраться из окружения и сообщить ес. Лазареву, его заместителю, о судьбе отряда.

Голубов не сдержал своего слова: пленные под конвоем, во главе с подхор. Подтелковым, были направлены на ст. Глубокая.

В какой-то момент, когда конвоиры спорили о необходимости соблюдения данного Голубовым «честное слово», Чернецов, ехавший рядом с Подтелковым, набрасывается на последнего и кричит «ура». Партизаны и юнкера подхватывают — «ура». Конвой разлетается во все стороны, пленные разбегаются. Но Подтелков успевает зарубить Чернецова. Была уже ночь и она спасла жизнь части пленных. Остальные были зарублены. Спасшиеся добрались до ст. Каменская. Погибли многие партизаны и 16 юнкеров и офицеров юнкер. бат-и.

22 января, утром ес. Лазарев, которому подполк. Миончинский сообщил о судьбе отряда, со своей сотней и 4 офиц. ротой произвел отчаянный налет на ст. Глубокая. Казаков уже не было: они разъехались по домам. Красные оставили станцию. Подобрав своих убитых на станции и в степи, отряд вернулся в Каменскую.

23-26 января. Чернецовский отряд стоял в Каменской не тревожимый красными, но и сам не предпринимал никаких активных действий. Лишь орудие шт.-кап. Шперлинга на жел. дор. платформе выезжало к ст. Глубокая и обстреливало ее.

В один из этих дней пполк. Миончинский, узнав, что недалеко от жел. дороги в хут. Гусеве, казаки оставили свои орудия, решил забрать их. В хуторе оказалось 6 орудий, 12 зарядных ящиков и другое имущество. Все это было свезено к жел. дор. и грузилось на специально поданный состав. Операция производилась под прикрытием орудия шт.-кап. Шперлинга, ведшего упорный огневой бой с красным орудием, также на платформе, стремившимся помешать погрузить взятые трофеи. Был тяжелый момент: платформа с камнями, посланная красными ударила в площадку орудия шт.-кап. Шперлинга, сбив ее с рельс, но была быстро поставлена снова на место.

Со взятыми трофеями и оставшимися и живых юнкерами, оставив лишь с партизанами орудие шт.-кап. Шперлинга, пполк. Миончинский выехал в Новочеркасск для формирования батареи.

Все эти дни 4 рота стояла на ст. Лихая и отбрасывала приближавшиеся к ней партии красных.

27 января красные выбили 4-ю роту, но контр-атакой роты и подъехавших из Каменской партизан положение было восстановлено.

28 января красные снова взяли ст. Лихая. Контр-атаки на этот раз не последовало. Партизаны были связаны наступавшими от ст. Глубокая красными, а 4 рота получила приказание срочно прибыть на ст. Зверево, которой угрожал пр-к и где уже не было 1 офиц. б-на. Чернецовский отряд оказался отрезанным от своего тыла.

29 января, получив приказание отойти на ст. Зверево, ес. Лазарев решил очистить себе путь по жел. дор. Ему пришлось вести бой

уже на разъезде Северо-Донецкий. В начале боя попаданием снаряда красных было подбито колесо орудия шт.-кап. Шперлинга, убито 4 юнкера и 2 ранено. Ведение дальнейшего боя без орудия и незначительности сил партизан — было бессмысленно. Ес. Лазарев отводит отряд в ст. Каменскую и с наступлением ночи уводит его к востоку от жел. дороги, взяв затем направление на ст. Зверево.

В пути орудию приказано двигаться прямо в Новочеркасск. С приходом Чернецовцев на ст. Зверево, 4-й роте приказано ехать в Ростов.

«Слава Чернецовцам!» — с такой мыслью расставались офицеры и юнкера первых частей Добр. Арм. с малочисленным, юным по составу, но героическим и исключительным по высоте духа, отрядом донских добровольцев-партизан.

4 рота три недели сражалась в составе этого отряда, выдержав 16 боев. Она вступила в бои в составе 50 чел. За это время она пополнилась, как пробиравшимися с севера добровольцами, так и местными жителями. Закончила бои она в составе 30 чел. К-р роты, полк. Морозов, завоевал огромную любовь и доверие своих подчиненных и сам крепко связал себя с первыми добровольцами, позднее ставшими Марковцами. Он был первым к-ром сформированного впоследствии 2-го офиц. ген. Маркова полка.

Почти три недели в рядах Чернецовцев билась и юнк. батарея со своим пешим взводом, потеряв в боях 26 чел., из которых только троих ранеными. Первые орудия Добр. Армии оказывали огромную помощь героическим партизанам, жертвуя собой. 6 юнкеров убитых, 3 раненых из обслуживающих орудия — показательны. Потеря одного орудия восполнена приобретением 6 орудий. Выдвинулись имена начальников батарей: пполк. Миончинского и шт.-кап. Шперлинга.

Прибыв в Новочеркасск, пполк. Миончинский немедленно приступил к формированию 4-х орудийной батареи. (Два орудия были сданы донцами из-за их негодности). Не хватало людского состава, так как о судьбе 34 чинов бат-и, пошедших в экспедицию на Царицын и в Екатеринодар, известно ничего не было. Некомплект был отчасти покрыт вступившими добровольцами.

Через несколько дней батарея была сформирована и отправлена снова на фронт, но ей не пришлось даже разгрузиться, как она была вызвана в Ростов.

О судьбе орудия шт.-кап. Шперлинга в батарее ничего не знали в течение более недели, пока, наконец, оно не приехало в Новочеркасск. Тащили волами. Лошади, как и юнкера были измучены до предела; мо-

ральное состояние граничило с полным отчаянием: одни среди населения «кончившего войну»; одни среди разговоров и слухов о полном развале в Новочеркасске, о смерти Атамана... Но оружие не брошено. Сутки, другие, отдых в Новочеркасске, а 5 февраля присоединение к своей батарее в Ростове, вместе с юнкерами, бывшими в экспедиции на Царицын.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОГО ОФИЦЕРСКОГО БАТАЛЬОНА

В батальоне едва 150 чел., так как свыше 80 чел. находится в разных экспедициях. С 1 января он пополнил свои ряды только 10-12 офицерами, среди которых был пполк. Плохинский, принявший 1-ю роту.

16 января от б-на высылается взвод на узловую станцию Звереве для обеспечения тыла отряда Чернецова. Взводу сразу же пришлось вступить в бой с красными, наступавшими с запада, со стороны ст. Гуково. С возвращением к станции части сил Чернецова, взвод принял участие в контр-атаке, потеряв убитым пор. Арбатского. Станция была занята.

17 января ввиду того, что стало известно о сосредоточении на ст. Гуково больших сил красных, на ст. Звереве направлен весь 1-й офиц. б-н. Но выехать сразу ему не удалось. С паровоза сбежали машинисты во исполнение объявленной «Викжелем» (Всерос. Исполнит. Комит. жел. дорог) забастовки. Розыски машинистов не дали результатов и тогда пришлось обратиться к своим силам: из рядов б-на были взяты офицеры, имеющие некоторое представление об управлении паровозом. И только утром

18 января состав отошел из Новочеркасска. С чудовищной скоростью мчался он и, после минутной остановки на ст. Сулин, прибыл на ст. Звереве, употребив на покрытие всего расстояния в 95 верст — 66 минут.

На станции ожидал прибытия б-на только что отбросивший красных разведчиков взвод. Б-н выгрузился и выставил охранение. В станционных пакгаузах были найдены полушубки, два ружья-пулемета Леха, японские грелки и блестящие твердые пластинки, сочтенные за пресованный чай и как таковой разобранные, но вскоре отобранные и переданные в подрывную команду, так как эти плантинки оказались сильнейших взрывчатым веществом, но не без того, однако, чтобы некоторые не попробовали этот «чай». Вкус его был вполне приемлем, хотя и не совсем обычен.

19 января. Утром красные пытались произвести разведку, но, нарвавшись на заставу, повернули назад.

После полудня 2-я рота шт.-кап. Добронравова получила задачу: неожиданным ночным ударом захватить ст. Гуково. Около 15 час. рота, численностью в 35 чел. выступила. Разыгравшаяся в степи мятель, казалось, облегчала задачу.

Часа через три после ухода роты, дежурный на телеграфе ст. пор-туп. юнкер Козлов, обратил внимание на вызовы ст. Гуково дежур-ным телеграфистом. По проверке ленты оказалось, что какой-то пре-датель в самый момент ухода роты, уже сообщил красным о готовящем-ся на них нападении. По приказу к-ра б-на пойманного с поличным те-леграфиста расстреляли. Во 2-ю роту была послана связь с приказа-нием ей вернуться назад. Но связь не нашли следов ее. Вскоре стали возвращаться отдельные ее чины. Всего вернулось 7 офицеров. По их рассказам произошло следующее:

2 рота двигалась вдоль полотна жел. дороги. Не доходя верст трех до станции, она взяла влево к оврагу и оттуда, не разворачиваясь, дви-нулась на станцию, имея впереди и по бокам себя дозоры. Видимости никакой. Дозоры, шедшие впереди, неожиданно открыли огонь, столк-нувшись в упор с красными. Рота развернулась в цепь. Огонь, откры-тый красными впереди, неожиданно был поддержан огнем слева и спра-ва. Всем стало ясно, что рота попала в заранее заготовленную ловушку. Шт.-кап. Добронравов приказал отходить. Под перекрестным огнем, ла-вируя в белых зигзагах мятели, тщетно рота искала выхода. Ранен шт.-кап. Добронравов. Его пытаются поднять и нести, но он требует своего оставления, бранится, грозит пристрелить каждого, кто приблизится к нему...

Потери чудовищные: из 35 человек вернулось 7. Судьба пропавших еще неизвестна, но в печальном их конце не сомневались. Настроение в б-не сильно возбужденное: послать 35 чел. на десять верст, опреде-ленно зная, что там немалые сотни противника!

20 я н в а р я. Стало известно, что на ст. Гуково красные подвез-ли новые силы и что там теперь их до 2000 чел. Нужно устранить на-висшую угрозу, разбить их, но полк. Борисов направляет не весь б-н, а 94 штыка с одним пулеметом, под командой пполк. Плохинского. Б-н выступил около 22 ч. вдоль жел. дороги, катя пулемет на дрезине. Ночь. Сильный мороз, смейивший мятель.

21 я н в а р я. Около 3 ч. ночи, б-н подошел к станции, развер-нувшись в боевой порядок. Дозор на жел. дор в темноте наскочил на часового, дикий крик которого и послужил началом боя.

Красные не ожидали атаки и спокойно ночевали в поселке и в трех составах поездов. Б-н перешел в атаку. Сбита застава красных, открыв-шая огонь. Пполк. Плохинский заколол пулеметчика. Раненый в кисть правой руки, шт.-кап. Згривец, держа винтовку в левой руке, закалы-вает другого... В б-не первые раненые. Смертельно ранен к-р 3 роты шт.-кап. Пейкер.

Б-н подбегает к станции. Красные выскакивают из вагонов, выбе-гают из домов, чтобы оказать сопротивление, но уже поздно: на них на-летели атакующие. В порыве атаки все перемешалось. В несколько ми-нут весь перрон станции усеян трупами красных. Красные бегут в бес-порядке к своим эшелонам, к двух-этажному зданию, из окон которо-

го стреляют по перрону. За ними в здание врываются офицеры. Груды убитых покрывают полы. Вскоре в здании не остается ни одного живого большевика.

На жел. дор. путях станции три эшелона, готовых уходить. Первый дает ход. Офицеры бегут рядом с вагонами, стреляя в них в упор. Из одного вагона большевик пытается бросить ручную гранату, но она разрывается в самом вагоне и поражает набившихся в нем до отказа красных. Эшелон отрывается от преследования и, обстреливаемый сзади подоспевшим пулеметом, быстро удаляется. Два других состава остановлены вскочившими на паровозы офицерами.

Бой продолжался всего лишь минут двадцать.

Успевший уйти со станции эшелон красных, в версте-двух за ней, переехал жел. дор. мост, который был минирован зашедшей в тыл станции Донск. офиц. дружиной. Мины не взорвались, но эшелон попал под обстрел в упор, самой дружины.

Потери б-на были тяжелыми: 7 убитых и 20 раненых: свыше 25% состава. Количество трупов красных на путях, на перроне, в зданиях станции превышало 500 и редкий из них имел пулевую рану.

Трофеи: 13 пулеметов, большое количество винтовок и патронов, около 300 пленных. Кроме того, в поездах было взято много продовольствия: рис, сухие фрукты, много сахара, несколько живых свиней и походные кухни с уже готовой пищей, что для иззябших и усталых чинов б-на было весьма кстати.

Из опроса пленных офицеры узнали места, где были зарыты убитые накануне офицеры 2-й роты. Тела их были отрыты в ужасном виде, свидетельствовавшем о нечеловеческих пытках, которым подвергли их красные. Шт.-кап. Доброиравов был зарыт еще живым. Все это решило участь пленных...

К полудню, сдав участок Донск. офиц. дружине, в которой, из общей численности около 200 чел., офицеров было едва ли 20, а остальные молодежь и старики казаки, б-н погрузился в жел. дор. состав и, взяв своих убитых и раненых, а также и все трофеи, выехал на ст. Звереве. Там он не задержался: как только погрузился в него к-р б-на с остававшейся здесь частью б-на, тронулся в направлении на Новочеркасск. Батальон получил приказание ехать в Ростов.

**

Обратный путь был не совсем обычен: лишенные опыта офицеры-машинисты сожгли котел своего «китайца» и, ввиду отсутствия другого паровоза, только что прибывший в б-н, пор. Лысенко, инженер-путеец, произвел разведку зверевского депо, где в деревянном сарайчике нашел давно не употреблявшийся в дело паровоз, на маленьких четырех колесах, отапливаемый дровами, с конусообразной, обращенной узким концом вниз, трубою, известный в старой России под кличкой «Танька». Паровозик этот немедленно перекрестили любовным именем «Таню-

ша», которому кряхтя, пыхтя и задыхаясь, суждено было доставить состав б-на до ст. Сулин, под самоличным управлением пор. Лысенко, недоверявшим это археологическое сокровище лихим машинистам. На ст. Сулин душа «Танюши» была отпущена на покаяние и б-н вступил в обладание новым «китайцем», случайно оказавшимся на станции.

По прибытии в Новочеркасск, б-н выгрузил на перроне вокзала своих убитых и, оставив взвод для погребения и отдания им последних почестей, выехал в Ростов.

Жестокая смерть соратников 2-й роты произвела на офицеров тяжелое впечатление и особенно смерть шт.-кап. Добронравова, который, чтобы спасти своих, приказал его, раненого, оставить. И тогда решили: никогда не оставлять врагу своих раненых и убитых. Это было суровое внутреннее решение, молчаливое взаимное обязательство, неписанным законом, традицией.

СМЕРТЬ АТАМАНА КАЛЕДИНА.

К 29 января все части Добр. Армии, стоявшие в Новочеркасске, кроме одного орудия шт.-кап. Шперлинга и 13 артиллеристов 1-й бат-и, бывших на ст. Чир, переехали в Ростов. Ген. Корнилов сосредотачивал свою армию в районе Ростов-Таганрог, чтобы там дать отпор готовящейся к наступлению сильной группе войск Сиверса. Оборону Новочеркасска он передал Донцам.

Уход добровольцев из Новочеркасска, казалось должен бы побудить Донск. Прав-во «взяться за ум», начать реально действовать. Напрасно этого добивался Атаман. Никаких конкретных решений прав-во не выносило: все тонуло в бесполезных разговорах. А на фронте в это время гибли лучшие сыны Дона и России.

29 января Ат. Каледин на совещании прав-ва еще раз осветил обстановку, свою вынужденную беспомощность и закончил речь так:

— Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия Войск. Атамана я с себя слагаю.

Донское Прав-во видит назревающий крах, но не находит никаких мер к спасению положения. Уход Атамана обезглавливает Прав-во, но находятся все же «силы», чтобы снова говорить и говорить.

Атаман перебивает:

— Господа! Короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла!

Тщетно...

Атаман Каледин, уйдя с «заседания», застрелился.

Ушел из жизни русский патриот, заслуженный полководец, славный казак, облеченный высшей, но ограниченной конституцией, властью.

Смерть Каледина тяжело переживалась добровольцами. На Дону он был первым добровольцем. Его имя стояло наряду с именами Алексеева, Корнилова. Добр. Армия многим обязана ему.

У Донск. прав-ва не нашлось сразу даже маленькой воинской части, чтобы выставить почетный караул у тела почившего Атамана. В течение нескольких часов стояли часовые от парт. отр. сот. Грекова.

Смерть Атамана поразила и всколыхнула донцов. Избранный Атаманом ген. Назаров кликнул клич: «Все на борьбу!» В Новочеркасск потекли тысячи добровольцев-казаков, но в городе они увидели полную дезорганизованность, моральное падение и... стали расходиться.

В РОСТОВСКОМ РАЙОНЕ.

В конце декабря кр.-гвард. отряды уже подходили к ст. Матвеев Курган, в 35 верст. к северу от г. Таганрога. Слабые партизанские отряды были не в силах сдерживать напор красных. Требовалась им помощь, и на Матвеев Курган высылаются две роты: Ростовская и Георгиевская.

В Таганроге большевики, подбадриваемые приближением «своих», готовятся к восстанию. Гарнизон города: рота Киевской школы прапорщиков, Таганрогская офиц. рота, расположенные в нескольких пунктах, могут быть легко разобщены и уничтожены. Моральное состояние юнкеров сильно пониженное и нач-к школы, полк. Мостыко, просит об усилении гарнизона. 31 декабря в Таганрог прибывает на площадках первого в Добр. Армии блиндированного поезда, вооруженного орудием, взятым от 1 юнкер. бат-и (3-е орудие), с первым же бронеавтомобилем — 1-я рота 2 офиц. б-на.

С ротой приехал полк. Кутепов, назначенный нач-ком Таганрогского отряда. «Вы едете в Таганрог для моральной поддержки юнкеров», — сказал 1-й роте полк. Кутепов. Рота была расквартирована в расположении главных сил юнкеров, с которыми она встречала Новый Год. На встрече присутствовал и полк. Кутепов, на следующий день выехавший на блиндированном поезде с бронеавтомобилем на ст. Матвеев Курган.

Дня через три — Ростовская и Георгиевская роты перешли в наступление, разбили красных, гнали их 40 верст и заняли ст. Амвросиевка. Но 7 января они были вынуждены начать отход под давлением свежих и больших сил красных. Разведка доносила о наступлении группы Сиверса численностью до 10.000 чел. Требовалось значительное усиление отряда полк. Кутепова и туда направляются: Морская рота, подрывная ком-да 1 бат-и в составе 5 офиц. и 13 юнкер. и, затем, Партиз. отряд имени ген. Корнилова, силою до 500 штыков. Везли эти части неопытные, молодые офицеры-машинисты, однако, доставившие их благополучно к местам назначения. Один из них, пор. Латкин, даже проявил инициативу: не остановил поезда, как ему было приказано перед отхо-

дом, когда поезд был обстрелян красными партизанами, увидев малые силы последних.

11 января красные атаковали ст. Матвеев Курган, ведя на нее наступление широким фронтом, охватывая части ее оборонявшие с обоих флангов. Станция была поспешно оставлена, но задержавшаяся с подрывом моста и др. сооружений подрывная команда 1 бат-и оказалась окруженной пр-ком. Чтобы не попасть живыми в руки красных, все 18 чел. ее состава, во главе с пор. Ермолаевым, произвели последний взрыв всем запасом взрывчатого материала: они взорвали себя.

Красные наступали не только вдоль жел. дор. на юг, но и от Матвеева Кургана на восток, по кратчайшему направлению на Ростов. Чтобы прикрыть это направление, из отряда полк. Кутепова были выделены Рост. и Георгиевская роты, составившие особый отряд. У полк. Кутепова оставались — Партиз. отряд имени ген. Корнилова и Морская рота — силы незначительные, чтобы сдержать наступление красных на большом фронте. Но утром этого дня из Ростова выехала в его распоряжение Гвард. рота, в составе 60 шт. под командой полк. Моллера. Ее перед отправкой напутствовал ген. Марков: «Имейте ввиду — говорил он ей — враг чрезвычайно жестокий. Бейте его! Пленными загромождать наш тыл не надо!» На некоторых эти слова произвели неприятное и тяжелое впечатление. К вечеру рота, едва выгрузившись на ст. Ряженое, сразу же вступила в бой. Красные своей массой рвали слабый фронт отряда, обходили его. Они обошли ст. Ряженое и захватили тот состав, на котором приехала Гвард. рота. Все, кто находился в нем: машинисты, медиц. персонал, раненые, чины хоз. части — были убиты.

Лавине красных отряд полк. Кутепова противостоять был не силах. За день красные от Матвеева Кургана продвинулись к югу на 20 верст. Срочно из Таганрога вызывается 1-я рота 2-го офиц. б-на с влитой в нее Таганр. офиц. ротой, ставшая численностью до 180 штык., а из Ростова выезжает 2-я рота этого же б-на в 100 шт. Ночью эти роты выгружаются на ст. Неклиновка и занимают участок перед ней, седлая жел. дорогу. Правее их — Гвард. и Морская роты. Значительно дальше — Партиз. отряд. На станции стояли блиндированный поезд с единственным в отряде орудием и бронеавтомобиль. В офицерских ротах было только около 50 патронов на винтовку и незначительное количество лент на каждый пулемет. Утром ожидалось наступление красных.

12 января. Утром густые цепи красных смело перешли в наступление. Несколько их орудий открыли огонь по редкой цепи офиц. рот. По пр-ку стреляло лишь одно орудие и, казалось, то, что было одно орудие, — только подбадривало пр-ка. Офиц. цепь молчала: она должна открыть огонь, когда красные подойдут на 200 шагов. Наконец, едва красные с криками «ура» бросились в атаку, офицеры встали и открыли огонь; затрещали очереди пулеметов. Несколько моментов, и атакующие расстроены. Офицеры переходят в контр-атаку стремительную и

беспощадную. Действуют их штыки. Красные бегут. Их обстреливает из пулеметов вырвавшийся вперед бронеавтомобиль. Преследование пр-ка буквально «на его плечах» велось на расстоянии до 4 верст и было остановлено по приказанию. Враг разбит «на голову».

Роты отходили в исходное положение по полю усеянному убитыми и ранеными. В обеих же ротах потери не превышали 50 чел. В это время единственной заботой офицеров было — собрать патроны, сделать их запас.

Каким-то непонятным образом оказалось и несколько десятков пленных красных. Один из них, рабочий из Москвы, перед смертью сказал: «Да! В этой борьбе не может быть пощады». Офицеры были поражены выдержкой и хладнокровием этого коммуниста, его несломленным убеждением в правоте дела, которому он отдался. Ему не отказали в просьбе написать письмо своим матери и жене. Письмо это было опущено в почтовый ящик на ст. Неклиновка.

Деморализованный пр-к отошел к Матвееву Кургану и несколько дней оставался совершенно пассивным. Добровольцы тогда сделали вывод: будь Добр. Армия силой в 10.000 чел., она бы освободила страну.

13 января прошло совершенно спокойно, но в ночь на 14 января красные подняли восстание в Таганроге.

Оставшаяся там рота юнкеров, занимавшая взводом (до 50 чел.) с пулеметом вокзал, другим взводом — спиртной завод и полуротой, с которой был полк. Мастыко, Балтийский завод, оказалась окруженной по частям и потерявшей связь с полк. Кутеповым. О соединении разбросанной роты не приходилось думать: красные засели в зданиях вокруг юнкеров, своим огнем желая задушить их сопротивление. Единственная попытка прямой атакой овладеть вокзалом кончилась для красных неудачно. Свою атаку они начали с того, что пустили на вокзал полным ходом паровоз. Жел. род. линии здесь упирались в главный перрон вокзала. Разлетевшийся паровоз с шумом и грохотом врезался в перрон, испуская пар, огонь и густое облако пыли, но последовавшая немедленно атака была отбита юнкерами.

Полк. Кутепов, узнав о восстании в городе, снял с позиции у ст. Неклиновка 1-ю офиц. роту и направил ее в Таганрог. Рота легко прорвала кольцо красных и соединилась на вокзале с взводом юнкеров, уже потерявших 5 чел. убитыми и около 10 ранеными. Развить свое наступление далее в город рота не решилась: ей пришлось бы преодолевать огонь красных, массой засевших в ближайших зданиях. К тому же наступила ночь.

Непрерывная стрельба. Красные стреляют по окнам вокзала. В городе пожар. Это ими подожжено здание спиртового завода, в котором был взвод юнкеров. Взвод прекратил свое сопротивление, погибнув в огне и под штыками красных.

15 января не внесло никаких изменений в положении окруженных частей. Атаковать красных стоило бы больших потерь. На вок-

зале ухудшило положение отсутствие воды: красные закрыли водопровод, но пока выручал вскочивший на перрон паровоз, в котором была вода, достать которую можно было с большим риском.

К концу дня для обеих групп — на Балтийском заводе и на вокзале стало очевидным, что оставаться на местах им бессмысленно, соединиться невозможно, а потому оставалось одно: пробиться и выйти из города по кратчайшим для каждой направлениям.

16 января. За несколько часов до рассвета полк. Мастыко вывел свою полуроту юнкеров с завода в сев.-вост. направлении. Сразу же ей пришлось вступить в бой: пробиваться и отбиваться на флангах и с тыла. Юнкера бились отчаянно, унося с собой своих раненых. Упал тяжело раненым полк. Мастыко. Его хотят нести, но он приказывает оставить его и пробиваться. Юнкера в нерешительности мнутя около своего нач-ка, умоляют... Сыпятся пули красных. Мгновение: полк. Мастыко застрелился и только тогда они отошли от него. Вынести его и своих тяжело раненых юнкера уже не могли. Они пробились, но в половинном числе. Красные не преследовали.

Отряд, стоявший на вокзале, также выступил до рассвета, взяв с собой убитых и раненых. Но красные не оказали ему серьезного сопротивления, так как в это время с севера по жел. дор. подъехал взвод 2-й офиц. роты, посланной для установления связи. Красные расступились. Связь была установлена, но Таганрог уже оказался оставленным.

Утром этого дня на ст. Бессергеновка высадился прибывший из Ростова Юнкер. 6-й и направился в Таганрог для поддержки Школы прапорщиков. Но, встретив пробившуюся ее группу, остановился. Ему теперь дана задача: прикрывать жел. дорогу на Ростов, единственный путь связи отряда полк. Кутепова с тылом. Такая же задача легла и на Школу прап-ов, оставшейся в составе одной роты, стоящей до сего времени на охране жел. дороги и остатков в 40-50 чел. другой роты.

Положение отряда полк. Кутепова создавалось очень тяжелым. Одни его части: Морская и Гвард. роты и Партиз. отряд имени ген. Корнилова стояли на линии ст. Неклиновка, верстах в 25 севернее Таганрога, фронтом на север, другие — Юнкер. 6-й и Школа прап-ов — на линии станций Марцево-Бессергеновка, в 5 вер. от Таганрога, фронтов на юг. 1 и 2 офицер. роты были в резерве; одна из них погруженной в жел. дор. состав.

В таком положении отряд простоял четверо суток. С севера красные даже и не пытались наступать: они все еще не могли прийти в себя после разгрома 12 января. Несколько раз они пытались наступать от Таганрога в направлении на ст. Бессергеновка с поддержкой матросов и тяжелой артиллерии. Все их попытки отбивались славным Юнкер. 6-м, в первый раз выполнявшим задачу самостоятельно, получившим боевую закалку и, собственно, учившимся воевать. Его юные и неопытные сестры милосердия, вчерашние гимназистки, учились на практике своему делу, нелегкому, требующему, к тому же, полного хладнокровия и спокойст-

вия. Был такой случай: у кадета сильное ранение в нос. Сестра Шура растерялась — перевязка сложная и... ей жалко кадета. Она расплакалась. Ее утешает сам раненый, начавший тоже лить слезы. Перевязка все-же сделана.

Для противника оставалась одна возможность заставить отходить отряд полк. Кутепова — обойти его с сев.-востока, там, где занимали линию фронта слабые партиз. отряды между отрядом полк. Кутепова и отрядом, прикрывавшим прямое направление на Ростов. Эту возможность он, имея огромные силы, и постарался использовать. Но и само очертание фронта отряда полк. Кутепова весьма опасное, имело бы значение и смысл, если бы предполагались наступательные действия. Но их уже не намечалось. Поэтому, в силу всех сложившихся обстоятельств, отряду приказано было отойти на линию ст. Бессергеновка.

Фронт отряда значительно сократился, но одновременно и была сокращена его численность. Из него отбыли в Ростов: Школа прап-ов, Юнкер. б-н, Партиз. отр. имени ген. Корнилова, а затем и Морская рота. Отход отряда прошел безо всякого давления противника.

**

Резко наступила суровая зима с пронизывающими ветрами. Временами падал снег, который ветер взвирывал мятью. Обыкновенно в это время пустынна донская степь, но в январе 1918 г. она жила новой, особой, жизнью. На возвышенных местах, где особенно веял ветер и выюга, стояли посты, заставы, скакали всадники для связи и разведки. Иногда рокотала стрельба.

К 27 января отряд полк. Кутепова был отведен еще на 10 вер. к востоку, к ст. Морская. Отвод вызван глубоким охватом отряда справа. У пр-ка появились значительные кав. части, бывшей 4-й кав. дивизии, противостоят которым два слабых партиз. отряда и вышедшая на фронт первая кав. часть Добр. Армии — сотня полк. Гершельмана в 50 коней, не могли.

К этому времени отряд был усилен ротой Корн. уд. полка в 100 штук. и двумя орудиями — взводом 1 Юнкер. бат-и, получившим на этот раз орудия от донцов.

27 января красные повели наступление на отряд, были отброшены, но обход справа заставил его отойти к ст. Синявской.

28 января, на этот раз удачное наступление красных, принудило отряд отойти еще на 20 вер. к востоку, к ст. Хопры. До Ростова оставалось 10 вер.

На ст. Хопры отряд полк. Кутепова был сменил отрядом ген. Черепова, численностью в 820 шт. и сабель при 2-х орудиях 2-го офиц. бат-и и бронированном поезде. В отряд входили: весь Корн. уд. полк, казаки ст-цы Гниловской, решившие защищать свою станицу, один партиз. отряд, а затем и другой — сотн. Грекова.

Отряд сотн. Грекова имел в это время до 150 шт. и сабель и отличную боевую репутацию: красные называли его отрядом «Белого Дьявола»; но за ним была и другая «слава» — слава диких реквизиций. Ген. Корнилов хотел расстрелять всех офицеров, расформировать отряд, но тяжелое положение на фронте побудило его отправить его под Хопры, с тем, чтобы искупил свою вину. В первую же ночь отряд произвел налет на станцию, нанес красным большие потери, а, главное, расстроил их подготовку к наступлению на утро. Тем не менее, недели через две отряд был расформирован и частично влит в части, ставшие впоследствии «марковскими».

Отряд полк. Кутепова — 1 и 2 офиц. (2-го офиц. бат-на) и Гвард. роты, вместе со взводом Юнкер. бат-и, сдавшим орудия офиц. батарее, были отведены в Ростов в резерв. В офиц. ротах, имевших в начале боев у Таганрога около 280 штук., теперь оставалось не более 200; в Гвардейской — из 70 около 40. В Ростове роты отряда полк. Кутепова были сведены в 3-й офиц. б-н под его начальством, причем 1 и 2 роты составили три роты, а Гвардейская — четвертую.

КОНЕЦ ЯНВАРЯ И НАЧАЛО ФЕВРАЛЯ.

В середине января ген. Корнилов со штабом переехал в Ростов, теперь центр Добр. Армии. Здесь он концентрировал все ее части. 23 января приехал 1 офиц. б-н, через несколько дней — 4-я офиц. рота. Не было лишь взвода юнкер. бат-и с пполк. Миончинским и нескольких групп б-на и бат-и, находившихся в экспедициях.

Было совершенно очевидно, что Добр. Армии и Донцам не удержать Ростова и Новочеркасска. Да и был ли в этом смысл, когда уже совершенно потеряны надежды на пробуждение казаков? Ген. Корнилов решил оставить Ростов, чтобы сохранить свою армию путем и способом ему только известным и к этому вел подготовку. Но приступить к выполнению своего решения он мог лишь тогда, когда положение окажется безнадежным совершенно.

И вот, несмотря на то, что красные подходили к Ростову с запада, несмотря на то, что назревала опасность образования у Ростова нового фронта в сторону Кубани, ген. Корнилов не уводил свою армию. Более того, числа 27-го он по просьбе Ат. Каледина, отправил на фронт у Новочеркасска Партиз. отряд своего имени и Юнк. б-н, которым придал 1-ю юнкер. бат-ю, сформировавшуюся в Новочеркасске.

29 января раздался выстрел Каледина. Казалось наступил конец сопротивлению Донцов и 30 января эти добров. части возвращаются обратно: Юнкер. б-н в Ростов, Партиз. отряд задерживается на ст. Аксайской.

Новый Атаман, ген. Назаров, не терял надежд спасти положение

благодаря начавшемуся пробуждению казаков, вызванному выстрелом Каледина. Но — это было коротким пробуждением.

— Помогите партизанам! Спасите честь Родины и старого Дона! Пушки гремят уже под Сулином! — взывали обращения к казакам и к населению городов, но никто на них уже не отзывался.

И все же ген. Корнилов не оставлял Ростова без согласия Атамана Дона. Он лишь готовил армию к походу, доставая все необходимое для сохранения боеспособности, для ухода за ранеными. Многого не доставало, но провести реквизицию он не считал возможным: Ростов — территория Дона. Приходилось только взывать к доброму чувству людей. Отзывались слабо: дали 2 миллиона рублей, а для материальной поддержки ставили условие — отдачи письменного приказа, который мог бы служить оправданием перед большевиками: нас принудили!

1-й офиц. б-н прибыл в Ростов 23 января, разгрузился и перешел в Темерник, где разместился в здании Технического училища. Здесь, в его состав была влита 4-я основная офиц. рота, бывшая в отряде Чернецова, пополнив 2-ю его роту, понесшую большие потери у ст. Гуково. Полк. Морозов, командовавший 4-й основной ротой, отказался стать ком-ром 2-й роты, но остался при б-не рядовым бойцом, каковым и проделал с ним дальнейшие походы.

Немедленно в б-не было приступлено к дальнейшему формированию команд и, прежде всего, команды связи, знающей телефонное и телеграфное дело, отсутствие которой имело следствием гибель целой роты. Поступивший в б-н прап. Зоннерштрам, как знающий это дело, был назначен нач-ком команды. В кадр команды было взято, между прочим, несколько гимназистов из г. Орла, бывших «потешных» (юношеская организация). В Ростове были найдены: кабель, индукторские и фонстические телефоны, необходимые инструменты и пр. Не было никаких пособий, что весьма тормозило дело. Но как бы то ни было, в ближайшие дни команда установила телефонную связь между рядом пунктов. Работа была нелегкая, а, главное, опасная. Провода часто перерезались местными большевиками. Приходилось их чинить по ночам, подвергаясь обстрелу врага и отстреливаясь от него. Хуже была работа на крыше вокзала, где провода связи проходили под проводами с током большого напряжения. Так люди команды учились, работали и боролись.

— Это не люди, а сумасшедшие, — сказал о них один из управляющих жел. дорогой. В результате опасной работы команды, было несколько убитых и раненых.

Не менее важна была подрывная команда. Ее нач-ком назначен ст. порт. юнк. Козлов, знаток дела. Найденные на ст. Зверево блестя-

щие пластинки, принятые за прессованный чай, а оказавшиеся взрывчатым веществом и переданные из рот ручные гранаты, были первым материалом для подрывников.

Доброволец, инженер, пор. Лысенко, формировал жел. дор. бригады и обучал машинистов. Офицеры этих бригад получили в свое распоряжение паровозы, на которых держали связь Ростова с Новочеркасском и Батайском. На Таганрогском направлении этим делом попрежнему ведал прап. Шмидт.

Б-н нес караульную службу и службу охранения. Караулы выставлялись на вокзале, на жел. дор. мосту через Дон, в Госуд. банке, на электрической станции, в Задоньи. Кроме того, от него назначались патрули, связь с Студ. б-ом и др. частями и наряды для обысков и арестов среди местных большевиков. В эшелоне на вокзале заседала назначенная от б-на следственная комиссия для первоначального разбора дел всех арестованных на территории контролируемой б-ном. В тех случаях, когда не было никаких сомнений в виновности (стрельба по патрулям, разбрасывание прокламаций, призыв «бить добровольцев» и т. п.) комиссия выносила приговор: «отправить в коменданту ст. Заречная». Иные арестованные отправлялись в штаб Армии, а остальные отпускались.

Малочисленность б-на не соответствовала необходимому количеству нарядов и поэтому служба была изнурительной. Сменявшиеся сегодня из караула, на завтра шли в патрули и обратно. Люди изматывались и озлоблялись на тех, кто вел в это время спокойную жизнь за спинами офицеров Добр. Армии.

Такую же службу несли 2, 3, Юнк. и Студ. б-ны и Школа прапорщ.

5 февраля, в связи с принятым решением об уходе армии из Ростова, 1 офиц. б-ну была поручена эвакуация золота из Ростовского банка на вокзал, для отправки его в Новочеркасск Донскому Прав-ву. Заведывал эвакуацией шт.-кап. Крыжановский, бывший в этот день нач-ком караула. Восемьдесят мешков с золотым песком по пуду в каждом, были выданы на руки по два на человека. С этим грузом, следуя на расстоянии 15 минут друг от друга, дабы не привлекать постороннего внимания, потянулись к вокзалу офицеры б-на. За золотом следовало серебро, рассыпанное по ящикам. Эвакуация прошла блестяще и изумлению банковского чиновника, ведущего приемку на вокзале, не было границ. Эти ценности, однако, все же попали в руки большевиков: Донской отряд, оставивший потом Новочеркасск, не взял их с собой, оставив в распоряжении Донск. Прав-ва.

Была проведена попытка привлечь ростовское офицерство в ряды армии — последняя попытка. Офицерство было призвано на собрание, о котором широко оповещено. На собрание явилось всего лишь око-

ло 200 чел. Странный вид имели пришедшие: немногие явились в военной форме, большинство в штатском и то одетые явно «под пролетариев». Устроители собрания, естественно, хотели провести его в известном порядке: произвести подсчет прибывшим, обратиться к ним с речами о необходимости поддержки Добр. Армии, преступности и гибельности нейтралитета... Но сразу же у регистрационного столика начались возбужденные, протестующие голоса:

— Кто нас созвал? Кто имел на это право? Это провокация!

Шум, крики, беспорядок... Пытавшиеся выступить ораторы прерывались дикими криками. Это было не собрание офицеров, а худший род митинга, на который собрались подонки, хулиганы... Позорное собрание! Из потока выкриков толпы, явствовало лишь одно решение, одна резолюция: «В поддержке Добр. Армии отказать!» Мотив: «Русский офицер призван защищать границы своего государства, а не честь отдельных генералов».

Толпа как-то поспешно разошлась в одиночку, по разным улицам, чтобы не видели бывших на собрании. Задержались лишь немногие, которые записывались в армию.

Об этом собрании стало известно добровольцам.

— Так чего-же они не защищают границ государства, а болтаются в Ростове? Ну, — вольному — воля, спасенному — рай и... к чертовой матери их! Мы-то без них не пропадем, а им плохо придется», — сказал ген. Марков.

Этим собранием не только возмущались, но на него и реагировали. Вот коллективная запись офицеров 1 офиц. б-на:

«Если мысленно перенестись в обстановку того времени, если вспомнить потрясающие по своему трагизму ежедневные картины похорон детей-добровольцев, если воскресить в памяти речь ген. Алексеева над окоченевшими телами этих детей, если увидеть снова эту праздную, любопытную толпу, теснящуюся у открытых могил, без единой мысли в глазах, без единого укора в сердце, эти презрительные улыбки, это досадливое пожимание плечами на вырвавшуюся у ген. Алексеева фразу о том, что будущая Россия поставит памятник этим героическим детям: разоренное гнездо и в нем убитые орлята; и спросит будущий русский человек — а где же были орлы? — то не трудно представить себе чувства, которые испытали две сотни в отношении многих тысяч проживающих в Ростове «офицеров».

«На следующий день после позорного собрания ростовских «офицеров», в местных газетах был помещен следующий ультиматум им:

«Вам объявляет 1-й офиц. б-н: кто не с нами, тот против нас. В трехдневный срок предлагаем всем офицерам, находящимся в Ростове, или вступить в ряды армии, или покинуть Ростов». Следовала подпись полк. Борисова.

«И вот, к вечеру того-же дня, не пожелавшие вступить в ряды Добр. Армии, офицеры, стали покидать город или глубоко зарываться в свои норы. В ряды армии вступили десятки. Щеголявшие еще вчера по людным улицам Ростова в блестящих погонах, сегодня толпами стали появляться на вокзале без погон и кокард, с отпоротыми от шинели золотыми пуговицами, торопясь покинуть опасную зону. Картина была омерзительная. Так в течение трех дней были очищены от предателей улицы Ростова».

В БАТАЙСКЕ.

В 12 верстах к югу от Ростова находилась большая узловая станция Батайск и рядом большое местечко, населенное гл. образом жел. дор. служащими и рабочими, почти поголовно настроенными коммунистически. Однако, до второй половины января месяца на станции и в местечке было сравнительно спокойно и там от Добр. армии стоял лишь один усиленный караул. Но с января (с середины) положение изменилось: сформированные на Кубани отряды кр. гвардии, готовились к наступлению на Батайск-Ростов. Одновременно готовили и восстание рабочих в Батайске.

В двадцатых числах в Батайск был выслан удар. див-он Кавказ. кав. дивизии в составе 120 чел., которому были приданы 10 пехотных офицеров из 2-го офиц. б-на. Див-он помещался в жел. дор. эшелоне. Он выставял посты на юг, вплоть до ст. Каял, нес дозорную службу на станции и в местечке. К-р див-на, полк. Ширяев, находился на вокзале и был связан телефоном с Ростовом и постами. Наконец, посту на ст. Каял пришлось оставить свой пункт.

29 января на патруль в 9 чел., обходящий м. Батайск, было сделано нападение местных большевиков. На станции слышали короткую, сильную перестрелку. Высланный туда взвод нашел на месте стычки весь состав патруля лежащим на земле в обезображенном виде от пулевых и штыковых поражений и ударов прикладами. Восемь было убито; девятый тяжело ранен и впоследствии выздоровел. Поиски напавших не дали результатов, но были взяты заложники и предъявлено требование выдать виновников. Убитые были похоронены в Ростове. Похороны были «скромные» и как бы тайные, чтобы «не вызывать эксцессов». Такова была поля донских властей.

На следующий день див-он обошел штатский человек средних лет с осанкой и манерами военного, но по поведению которого можно было судить, что обходящий — «начальство». Штатский коротко побеседовал с чинами, подбодрил их и обещал прислать поддержку. Оказалось, что это был ген. Марков, назначенный нач-ком обороны гор. Ростова с южной стороны. Впечатление он произвел на всех восхитительное.

31 января в Батайск прибыла обещенная ген. Марковым поддержка: Морская рота в количестве около 60 чел. во главе с кап. 2-го ранга Потемкиным и 2 орудия юнк. бат-и, приспособленных к стрельбе с жел. дор. платформ. Так образовался отряд, получивший название «Батайский», во главе которого стал полк. Ширяев. Ввиду неуверенности Морской роты в пехотных операциях, часть пех. офицеров из нав. дивизиона была переведена в эту роту.

Отряд расположился сосредоточенно у здания вокзала (в южной части станции) в боевой готовности, приняв все меры, как охранения, так и наблюдения.

Стоял сильный мороз; станцию с воем пронизывали свободные степные ветры. На постах и в дозорах люди быстро заоченевали; «замерзала даже мысль». Производились частые смены; смененные отогревались в здании вокзала. Хуже было дневальным на платформах у орудий.

1 февраля. Ночь. Станция погружена в тьму: никакого освещения. В районе вокзала, у которого стоят эшелоны с частями отряда, ни души: ни одного пассажира, ни одного служащего, будто станция где-то на далеком севере в пустыне. Временами проходят посты, дозоры... От вокзала к Ростову на версту тянутся жел. дор. линии, заставленные вагонами, жел. дор. постройки: депо, мастерская, электрическая станция... Лишь у паровозного депо дозоры видят железнодорожников: там стоят слегка шипящие паровозы, выпускающие дым и пар. В помещениях для служащих огни...

Наступило утро.

Вдруг... десятки паровозных свистков и рев гудков мастерских нарушили тишину. Долгие минуты продолжались эти зловеющие звуки. Еще не кончились они, как к этой музыке присоединилось редкое «так, так», свист пуль и шелканье их по вагонам составов, среди которых уже выстраивались части отряда. Вскоре дозоры донесли, что из м. Батайск наступают цепи большевиков. Отряд занял позиции: Морская рота на вокзале, Уд. див-он вдоль линии жел. дороги, прикрывшись вагонами. Однако, цепь дивизиона в 120 чел. не могла своим открытым правым флангом выдвинуться от вокзала более 400-500 шагов; две трети длины подъездных путей станции в сторону г. Ростова оказались свободными для большевиков. Отряд неизбежно будет отрезан от Ростова.

Полк. Ширяев протелефонировал о положении в Ростов и получил приказание: «Держаться! Будет выслано подкрепление». Вскоре связь оборвалась.

Состав с двумя орудиями стал медленно продвигаться в сторону Ростова. Открыть огонь по наступающим он не мог: мешали вагоны и здания, в то время, как сам он был обстреливаем ружейным огнем. Ока-

залось, что все стрелки на его пути были переведены. Под огнем к-р взвода, шт.-кап. Межинский, переводил их. Открыв пулеметный и огонь картечью, состав вышел из района станции. Его огонь не мог остановить наступление противника и отряд оказался отрезанным от Ростова. В открытую атаку на него красные, однако, не решились. Шла непрерывная перестрелка. Противника было раз в десять больше сил отряда.

Около 11 часов со стороны ст. Каял показались три поезда. Не доезжая 2-3 версты до Батайска, поезда остановились и из 2 и 3-го стала высаживаться пехота, силы которой были не менее 1.500 человек. Главные силы ее, развернув густые цепи, двинулись на м. Батайск, обходя станцию с юго-запада. Морская рота, для которой теперь наступила пора начать бой, выставив 4 пулемета, заняла позицию на линии вокзала, фронтом на юг и юго-запад.

Неожиданно зазвенел телефонный звонок. Полк. Ширяев взял трубку:

— Откуда говорят? Кто у телефона? — спросил он.

— Сдавайтесь! Или мы все равно придем и всех перевешаем! — последовал ответ.

— Приходите и вешайте! — коротко ответил полк. Ширяев.

Разговор на этом окончился, а через несколько минут к вою гудков и трескотне ружейной стрельбы присоединилась с красной стороны «музыка» орудийных выстрелов с головного поезда.

Красный блиндированный поезд стал медленно продвигаться вперед, обстреливая беглым огнем двух орудий район вокзала. За ним шла цепь пехоты, силой до 500 человек, в то время, как остальная масса пехоты шла быстрым шагом в м. Батайск на соединение с восставшими.

Когда цепь красным подошла к вокзалу на расстояние менее чем верста, пулеметы Морской роты открыли огонь. Красные заметались и залегли. Их орудие усилило огонь. Один из снарядов попадает в здание вокзала, убивает нескольких защитников; осколок снаряда попадает в голову к-ра Морской роты кап. 2-го ранга Потемкина и выбивает ему глаз.

Красные снова идут в атаку. Снаряды разносят в щепы вагоны, под которыми лежат моряки. Но атака жестоко отбивается всего лишь в 200-300 шагах. Красные в беспорядке уходят версты за две, только бронепоезд продолжает стоять шагах в 1.000 и безнаказанно обстреливать станцию. В это время Уд. див-он огнем останавливает все попытки пр-ка перейти в атаку, борясь на две стороны.

В отряде росло беспокойство: отсутствие артиллерии, большой расход патронов. Масса высадившихся из вагонов красных уже вошла в м. Батайск. Будет новая атака. Отряд ждет помощь из Ростова.

Но вот, около красного бронепоезда стали рваться снаряды: это стреляли орудия отошедшего к Ростову взвода юнк. бат-и, наблюда-

тели которого заметили бронепоезд. Несколько разрывов и... прямое попадание в паровоз. Морская рота частью своих сил немедленно производит вылазку. Под обстрелом красных, моряки добегая до стоящего состава, уничтожают упорствующих артиллеристов и пулеметчиков и, испортив все, что было и как было возможно на бронепоезде, с трофеями: пулеметными лентами, запасом патронов, возвращаются назад. Отряд воспрянул духом, но положение его весьма мало изменилось. Он продолжал ждать помощь.

В отряде не знают, что подвезенный к Батайску Юнк. б-н атаковал красных и потерпел неудачу; что атаки его, столь малочисленного, не могут быть успешными, так как красных масса и они всякую атаку его парализуют ударом ему во фланг со стороны м. Батайск, и что, наконец, б-н уже не атакует, а отбивает атаки красных.

Ген. Марков был с Юнк. б-ом. Он после неудачных атак держал бат-н под огнем пр-ка, думая и надеясь, что Бат. отряд поймет положение и будет прорываться, а он с юнкерами окажет тогда ему возможную поддержку. Но этого не произошло: отряд оставался в районе вокзала и там ждал помощь.

За день потеплело. Ветер ослаб. Пошел снег и белой пеленой покрыл землю. Наступила ночь.

Юнк. б-н отведен за р. Бейсужок. Между ним и Бат. отрядом 4-5 верст и большие силы красных. Ген. Марков приказал б-ну быть в полной готовности немедленно перейти в наступление, как только обнаружится попытка отряда к прорыву.

Ночь на 2 февраля. Батайский отряд окружил себя постами и дозорами и сосредоточил все свои силы у самого вокзала, чтобы дать отдых в тепле и, главное, поесть. Было видно, что пр-к решил дать отдых и своим, так как отвел свои части в местечко или собрал их в зданиях жел. дор., выслав свои дозоры.

Полк. Ширяев собрал всех начальников и обсудил с ними создавшееся положение. Потери отряда за день боя — до 35 чел., из которых 6 чел. убитых и 5 тяжело раненых. Запас патронов к концу дня, несмотря на значительное пополнение трофейными, однако, совершенно недостаточен, если бой будет такого-же напряжения, как минувший. В отряде всего 140 бойцов. Настроение бодрое, но силы противника подавляющие: их насчитывают не менее, как в 3.000 чел. Удерживать-ли за собой вокзал? Это имеет смысл только в одном случае: если вообще нужно во что бы то ни стало отстоять весь жел. дор. узел, а для этого неизбежно нужно владеть и м. Батайск. В перспективе большой бой, в который должны будут быть вовлечены значительные силы армии. Несколько дней раньше говорили, что, в случае оставления Ростова, армия отойдет на Кубань вдоль жел. дороги и что для этого отхода готовились составы, но возможно ли это теперь? Пришли к заключению:

прорываться из окружения и в менее опасном направлении, т. е. на восток.

Был разработан план прорыва. Его расчет на слабую бдительность красных. Главная опасность может быть только со стороны тех частей пр-ка, которые находятся в северной части станции. Отряд был разбит на 3 группы и каждой дана определенная задача. Первая — в 40 чел., ударн. див-на, с ротм. Дударевым во главе, должна прикрыть отход отряда с севера. Для этого она должна выйти в районе самой станции на дорогу на Ольгинскую и по ней двигаться на восток. Если у пр-ка будет поднята тревога, группа задерживает его. Через полчаса после выступления первой группы, выступает вторая — главные силы, в 50 чел., во главе с полк. Ширяевым, с ранеными. Она идет от вокзала прямо на восток и уходит в степь. Третья — Морская рота — 40 чел. остается на вокзале после ухода 2-й полчасу и затем оставляет его, уходя любым, благоприятным в обстановке момента, путем. Условлено — если 1-я группа вынуждена будет вступить в серьезный бой, другие придут ей на помощь и что после оставления станции, каждая группа идет на раз. Заречная самостоятельно.

Это совещание на короткое время было прервано неожиданностью: вся станция, бывшая до этого погруженной в темноту, вдруг осветилась электрическими фонарями. Но быстро все фонари в распоряжении отряда были разбиты ружейными выстрелами, в то время, как расположение красных оставалось освещенным. Для отряда стало лучше наблюдение.

В 22 ч. группа ротм. Дударева выступила. К этому времени ранее высланные дозоры не только донесли о слабом охранении и наблюдении со стороны пр-ка, но одному из них даже удалось встретиться с дозором красных, выдать себя за таковой же красный дозор и узнать месторасположение застав красных. Группа спокойно прошла ближе к Батайску на указанную дорогу. Встретившему ее дозору красных заявила себя, как заставу, высланную на восточную окраину станции и без единого выстрела ушла в степь. 2-я группа спугнула караул или разведчиков красных за каменной стеной, отделявшей линию жел. дор. от степи. Она с большим усилием пронесла раненых под вагонами стоявших на путях составов и через обвалившуюся часть стены и удалилась в степь. 3-й группе пришлось оставаться на вокзале полчаса при полном спокойствии кругом, но в ней произошел неприятный и волнующий эпизод: кап. И., который в минувшем бою руководил ротой, проявил большую нервность, передававшуюся другим. Ст. лейт. Ивлиев, вступивший в командование Морской ротой после ранения кап. 2-го ранга Потемкина, отстранил кап. И. от руководства ротой и назначил шт.-кап. Федорова, так же, как и кап. И. офицера 2-го офиц. б-на. Шт.-кап. Федоров вывел роту с вокзала в южном направлении, а затем повернул ее и обошел станцию с востока. На вокзале были оставлены тела убитых, вынести которых не представлялось возможным.

Ротм. Дударев повел свою группу на раз. Заречная и благополучно довел ее. Шт.-кап. Федоров также пошел туда, но взял левее и натолкнулся на охранение Юнкер. б-на, открывшее огонь и ранившее двух моряков; только кап. И., воспротивившийся решению шт.-кап. Федорова, ушел с четырьмя в направлении на Нахичевань. Группа полк. Ширяева, несшая раненых и выбившаяся из сил, не пошла прямо на Ростов, а направилась по дороге на ст-цу Ольгинскую, в которую пришла во второй половине дня, а в Ростов — на следующий день. В пути от нее отстало 4 человека.

Поразительно вел себя кап. 2 ранга Потемкин; раненый в голову, лишившись глаза, преодолевая головную боль, он, когда люди выбивались из сил неся раненых, сам помогал нести их. Несколько часов до этого, он, раненый на вокзале, хотел застрелиться, но у него отобрали револьвер. Теперь он спасал других. Его имя еще раз будет упомянуто в истории, в конце, когда армия оставляла Крым и когда он помог погрузиться на пароход батарея, принимавшей участие в боях у Батайска.

Ген. Марков был очень рад благополучному выходу Батайского отряда, за который он нес ответственность. Ген. Корнилов наградил всех Георгиевскими отличиями.

2-3 февраля красные неоднократно вели наступление на Юнк. б-н, отбиваемые им с поддержкой юнк. арт. взвода. Ген. Марков находился с юнкерами и это укрепляло дух и упорство их. В ночь на 3 февраля он отвел б-н на позицию ближе к Ростову. Здесь юнк. арт. взводу приказано было спустить орудия с платформ и поставить на позицию. Сам ген. Марков помогал работать.

Погода изменилась: снова мороз, холодные ветры. Спасения от них нет. Речные барки, будки для склада инструментов — удел немногих. Для большинства — снежные окопы. Красные тревожат непрерывно. И вот в такой обстановке создавалась глубокая любовь и преданность юной молодежи к ген. Маркову. Он понимал их чувства, но и понимал, что им нужен отдых. Б-н уже потерял больше 20 чел. убитыми и ранеными и столько же заболевшими.

4 февраля. На смену вызывается 2 офиц. б-н полк. Лаврентьева, всего лишь две роты в 40 и 47 штык., под командой полк-в Семенова и Зудилина. Выданы патроны по 150 шт. на человека и два Льюиса.

Б-н шел пешком. Снег, несомый сильным, морозным ветром, бил в лицо. В сумерках он остановился у эшелона, в некоторых вагонах которого у маленьких костров грелись юнкера. Полк. Лаврентьев выстроил роты. «Для встречи начальства» — подумали офицеры. К б-ну подходили трое. Впереди некто, казавшийся высоким, в высокой, бе-

лой папахе, в поддевке. Кто подходил, никто не знал, а погон в темноте видно не было. Полк. Лаврентьев подал команду:

— Здравствуйте, г.г. офицеры! — громким, четким голосом поздоровался с выстроившимися идущий впереди и, как-то инстинктивно, все ответили:

— Здравия желаем, Ваше Превосходительство!

Затем он сказал:

— Перед вами бывший нач-к штаба Юго-зап. фронта — ген.-лейт. Марков. Вас я призвал сюда, чтобы сменить юнкеров; они не втянуты в боевую жизнь, им тяжело и еще в такую погоду. По другую сторону моста стоят 5.000 человек большевистской сволочи. Уверен, что вы с ними справитесь и удержите позиции. Полк. Лаврентьев, приступите к смене!

Смена прошла быстро.

— Если бы не ген. Марков, мы бы здесь пропали. Он всегда был с нами, подбадривал нас... — говорили иззябшие юноши.

Такая аттестация ген. Маркова вполне гармонировала с первым впечатлением от него на офицеров.

Сменен был и юнк. арт. взвод офицерским другой батареей.

С 5 по 8 февраля роты 2-го офиц. б-на с поддержкой меткого огня арт. взвода отбивали ежедневные наступления красных. Открытая местность облегчала их задачу.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ У РОСТОВА.

7 февраля Донской Атаман ген. Назаров сообщил ген. Корнилову, что он более не задерживает Добр. Армию. Ген. Корнилов теперь был свободен в своих решениях и решил оставить Ростов в ночь с 9 на 10 февраля, дав своей армии два дня на окончательные сборы в поход и задачу — отстаивать в течение этих дней город.

Предполагаемый раньше путь ухода армии на Кубань вдоль Владик. жел. дор. теперь был отставлен и оставался один — на восток, в степи, с переходом р. Дон у ст-цы Аксайской. Добровольцы, однако, не знали о планах командования, как не знали и о времени оставления Ростова, но их предположения были весьма недалеки от действительности. Исключительно тяжелая обстановка и полное отсутствие представлений о дальнейшей судьбе армии, уходящей в степи, тем не менее не вселяли в них психоза бессмысленного ухода, поражения, бегства. Они оставались верными и полностью доверившимися Вождю.

7 февраля на всех направлениях от Ростова продолжались бои с наступающим пр-ком. У ст. Хопры положение ухудшилось: на отряд

ген. Черепова давили огромные силы, вынуждая его к отходу. Казаки ст-цы Гниловской, отчаявшись отстоять станицу, стали расходиться по домам. В отряд выслана Морская рота.

8 февраля красные продолжали наступать, но продвижение их сдерживалось добровольцами и шло медленно.

К сев.-зап. от Ростова, в направлении на м. Султан-Салы, Рост. и Георг. роты, уже более месяца находившиеся в боях, с трудом сдерживали красных. Их сменил 3-й офиц. б-н, которому приказано, не ввязываясь в серьезный бой, отходить, но остановиться не доходя жел. дор. и удерживать там позицию. Левее б-на в первый раз был выдвинут на боевую линию Студ. б-н, поддерживающий влево связь со Школой прапорщ., позиция которой доходила до Темерника. Красные, атаковавшие 3 б-н, были им решительно отбиты. Студ. б-н также остановил их наступление. Так как к наступлению ночи не было заметно, чтобы красные готовились повторить наступление, Студ. б-н был отведен в Лазаретный городок.

К концу дня фронт проходил в непосредственной близости к Ростову. В Лазаретный городок был отведен Корн. Уд. полк, кроме одной роты.

На 9 февраля на позициях оставались следующие части:

3-й офиц. б-н и Школа прапорщ. — в направлении на Султан-Салы.

Партиз. отр. есаула Лазарева — Темерник.

Морская рота, Корн. рота и Партиз. отр. сот. Грекова — в направлении на ст. Хопры.

2-й офиц. б-н — за р. Дон в направлении на Батайск.

Кроме 3 б-на, все остальные части были подчинены ген. Маркову, на которого легла обязанность защиты Ростова в течение всего 9 февраля. Две 2-х орудийных бат-и стояли на позициях в направлении на Хопры и Батайск.

В резерве у ген. Маркова был 1 офиц. б-н и взвод юнк. бат-и. Кроме того в распоряжение его поступил Чехо-словацкий б-н с Русско-галицким взводом, общей численностью до 250 чел., занявший фронт вдоль реки Дона, обеспечивая Ростов и Нахичевань с юга.

Чехо-словацкий б-н был сформирован кап. Немечком из взятых в войну в плен чехов и словаков; Русско-галицкий взвод — до 35 чел. — из пленных галичан. Эти славяне поступили добровольно в Добр. армию для борьбы за освобождение от большевиков старшей сестры славянства — России. Для них обще-славянский гимн: «Гей, славяне...» был не простой песней.

Штаб ген. Маркова на вокзале. Ген. Марков отдает распоряжения к упорной обороне города в течение дня 9 февраля. Он предусматривает возможность восстания местных большевиков. Он подготовляет и оставление города и, в связи с этим, уничтожение и порчу всего, что потом может служить для красных в военном отношении.

По его приказанию ледакол на р. Дон развел пары и стал ломать лед на реке. Разведен жел. дор. мост. Батарея, стоявшая у ст. Заречная, переведена на ростовский берег реки. Дабы красные со стороны Батаяйска не могли подвезти свои орудия на платформах ближе к городу и обстреливать его, он приказывает взорвать жел. дор. полотно и маленький жел. дор. мост.

Эту задачу ген. Марков лично поручил нач-ку подрывной ком-ды 1 офиц. б-на, ст. порт. юнк. Козлову, дав ему срок — первая половина ночи на 9 февраля. Для этой цели, как и для других взрывов, ком-де было дано 11 ящиков пироксилина. Пироксилин оказался отсыревшим. За сушку его взялся сам юнк. Козлов: он сушил его в помещении кондукторской бригады, в голландской печи, оставаясь там один. Работа, крайне опасная, была благополучно завершена. С темнотой, под прикрытием 2-го б-на, подрывники заложили заряды и произвели ряд взрывов, сделавших должное разрушение.

9 февраля. Ночь прошла, сравнительно, спокойно, но все части находились в полной готовности. Вели разведки по всем направлениям. Всюду ходили дозоры. Усиленное число выставленных постов. А с рассветом на всех подступах к Ростову начался бой.

Под орудийный гул большой Ростов агонизировал. Жители прятались по своим норам.

К орудийной стрельбе, особенно сильной со стороны красных, к разрывам их снарядов, весь день присоединялись другие взрывы: взрывали жел. дор. стрелки и сооружения, подрывали паровозы. Не обошлось без жертв: взрывом был убит инженер-путеец, пор. Лысенко.

Чины Технич. роты, расставшись со своими паровозами, с жел. дор. депо, со службой связи, несомой ими до сего времени, группами уходили на место их сбора, в Лазаретный городок. У вокзала они заходили на питательный пункт, все еще продолжавший работать, который обслуживали дамы и девушки, переживавшие неопиcуемый ужас и страх за себя и за всех. «Снимите погонь!», «Куда вы пойдете? Оставайтесь», — умоляли они. Их сердечно благодарили и уходили.

Красные наступали по трем направлениям и огромными силами. Их отбрасывали. В середине дня они стали теснить юнкеров Школы прапорщ. и уже ворвались было в Темерник, но подошла 3-я рота 1 офиц. б-на со взводом юнк. бат-и и отбросила красных. Артил. взвод разметывал их безформенные цепи, заставив отойти далеко.

В это время неудержка на юго-зап. фасе Темерника у партизан. 3-я рота направляется туда с полученным предупреждением: «не обстрелять Корниловцев». Когда рота вышла на окраину, к ней уже подходила чья-то цепь. Посланный для выяснения пор. Успенский, только подойдя к ней на расстояние менее 100 шагов, разобрал, что это красные. Рота открыла огонь и заставила красных залечь. Противников разделяло небольшое расстояние и овраг.

Один эпизод в памяти участников этого боя. На Темернике к роте присоединился высокий старик с длинной белой бородой. Теперь, находясь в цепи, старик не ложился, продолжал стоять во весь свой богатырский рост, всматривался в цепь пр-ка, вскидывал винтовку к плечу и спускал курок. Затем — прикладывал ладонь к глазам и будто проверял произведенный им выстрел. Долго стрелял старик и странна была его неуязвимость, его холодное спокойствие. Расстояние между цепями не превышало 300 шагов. Наконец старик упал навзничь и остался лежать на снегу. Он был убит наповал. Недалеко от него пал убитым хор. Фаддеев.

Огонь усиливался. Красные готовились к атаке.

В это время на северной окраине Темерника положение резко изменилось к худшему. Шесть орудий красных обрушились своим огнем на юнк. арт. взвод, открывший огонь по перешедшей в наступление красной пехоте. Взвод вынужден был менять позицию, но пока это делал, цепи пр-ка уже были саженьях в 300 от Темерника. Их батареи засыпали снарядами юнкеров Школы прапорщ. справа от взвода и партизан — слева. Партизаны стали отходить. Однако взвод открывает огонь.

Наступал вечер. Кругом стрельба. По взводу щелкают пули. В нескольких местах Темерника начались пожары, вызванные разрывами снарядов красных. У одного орудия заклинивается граната. И пор. Казанли, к-р взвода, приказывает взводу взяться за передки. В этот момент прискакал разведчик с приказанием отходить к вокзалу. По снявшемуся с позиции взводу неслась пулеметная очередь красных.

Три роты 1-го офиц. б-на стояли в районе вокзала. Над ними иногда посвистывали пули: большевики поднимали голову. В направлении выстрелов быстро уходили дозоры. Пойманных не щадили. К вечеру особенно частая стрельба была в тылу частей, стоявших вдоль дороги на Таганрог; туда продвинулись две роты б-на. Темнело. Невдалеке проскакала в тыл 2-я бат-я. В порядке прошла Корн. рота. Затем отряд сотн. Грекова. Впереди оставалась Морская рота с бронеавтомобилем. Но подходит и она. Роты б-на идут к вокзалу. Нет только 3-й роты которая до наступления вечера принуждала красных лежать на голом,

снежном поле. Приказание об отходе ей привез ес. Лазарев, добавивший к этому, что его отряд отходит под давлением.

Момент передачи приказа совпал с моментом начавшейся атаки красных. Отход роты стал невозможным: сначала нужно было отбросить пр-ка. Огонь достиг большой силы. Большевики попятились и залегли. Рота начала отход по частям. Отход по рабочему району был исключительно трудным: цепи роты, шедшие гуськом по улицам, прижимались к домам, встречались выстрелами из домов. А сзади вбегали в Темерник красные и обстреливали улицы продольным огнем. Спас роту дым пожаров...

Все части получили указания, куда им следовать. В Лазаретный городок были направлены: Корн. рота, Школа прапорщ., 2-я бат-я и за ней туда-же — взвод юнк. бат-и. Остальные части должны собраться в Ростове на углу Таганрогского проспекта и Садовой улицы. 1-й офиц. б-н отходил от вокзала последним, а последней ротой в нем — 3-я, подошедшая к вокзалу, когда уже все части ушли.

2-й офиц. б-н, стоявший за р. Дон у ст. Заречная, в течение дня отбил наступление красных от Батайска и остановил их наступление со стороны ст-цы Гниловской, где они перешли Дон по льду. С наступлением ночи б-н получил приказание идти по левому берегу Дона в станицу Ольгинскую.

3-й офиц. б-н оставался в районе ст. Нахичевань с задачей упорно сдерживать пр-ка впредь до получения приказа из Штаба армии.

Потухли огни в домах и на жел. дороге. Уже никого не было на питательном пункте. Раздаются выстрелы. Взвод юнк. бат-и спешит в Лазаретный городок кратчайшей дорогой. На жел. дор. переезде он находит брошенные два орудия 2-й офиц. бат-и. Батарея, видимо, была обстреляна местными большевиками. Юнкера хотели взять орудия с собой, но ком-р взвода запретил.

Разными дорогами шли туда-же части Чехо-словацкого б-на.

3-й б-и, с поддержкой влево от него стоявшей Школы прапорщ., в течение всего дня отбивал наступления красных. Наступала ночь и, казалось ничто не предвещало возможность возобновления наступления. Школа ушла в Лазаретный городок, а б-и оставался в ожидании приказа. Оно было получено около 21 часа. Под прикрытием своей 4-й (Гвардейской) роты он стал вытягиваться по дороге. Неожиданно крас-

ные атаковали роту. Произошла короткая стычка на полотне жел. дор., закончившаяся отбитием красных. Б-н же в это время остановился и был готов оказать поддержку своей роте. Этот эпизод задержал б-н более, чем на полчаса.

Гвардейцы потеряли 16 чел. убитыми и ранеными.

Штаб ген. Корнилова весь день 9 февраля находился в Ростове и лишь вечером перешел в Лазаретный городок, где собирались главные силы армии. В течение ночи армия должна была сосредоточиться в ст-це Аксайской, а утром начать переправу через р. Доң. Об этом известно было лишь старшим начальникам. В станицу заблаговременно был отправлен по жел. дор. эшелон с огнеприпасами и необходимым имуществом. Туда ушла Технич. рота и Ударный див-он, которым приказано сделать должные приготовления для перехода армии через реку и набрать подвод для перегрузки на них груза из эшелона. Пполк. Миончинский, беспокоясь за свою батарею, в которой было 5 орудий, отправил в станицу свою команду.

Станица Аксайская прикрывалась с запада партиз. отрядом имени ген. Корнилова и другими мелкими отрядами с оружием, обслуживаемым юнкерами 1-й батареи.

ПОСЛЕДНИЕ РЕШЕНИЯ.

Ростов оставляется Добр. Армией. Об этом не объявлялось открыто, но для всех это было ясно. Ясно было и то, что армия уходила, в сущности, в полную неизвестность, как в смысле цели, так и направления. То, что она уходила в степи, так как иного пути не было, говорило о предстоящих трудностях и лишениях. Зима в степях, с ее морозами и внезапными оттепелями и, как следствие, непролазной грязью, только усугубляло трудности и лишения.

Не было и сомнений, что враг не оставит армию в покое и будет ее преследовать. Будут бои, будут большие переходы от одного населенного пункта до другого, с кратковременными в них остановками. Каковы должны быть физические силы бойцов, чтобы преодолеть все это? Какова должна быть вера в Вождя, чтобы следовать за ним? Каковы должны быть моральные силы, чтобы не пасть духом?

В армии к этому времени были многие сотни больных, раненых, прикованных к постели бойцов. Для них поход, даже на повозках, мучителен. Как быть с ними? Оставить их армия не могла, а если кого и не могла взять с собой, то должна их устроить так, чтобы им не грозила насильственная смерть от врага. Это провести удалось: среди жителей Росто-

ва и Нахичевани нашлись человеколюбивые и милосердные люди, которые с риском решили укрыть у себя раненых и больных и заботиться об их здоровья. В возможной тайне это и было сделано, с теми, кто пожелал оставаться. Остальных в числе около 200 чел. армия брала с собой.

В армии было не менее пятой части ее состава — юной молодежи. Можно было думать и надеяться, верить и быть уверенным, что у бойцов зрелого возраста найдутся силы выдержать поход, но нельзя было быть уверенным относительно молодежи. Ген. Корнилов решил освободить ее от службы, предложив каждому юноше самому сделать выбор: идти с армией или оставаться, причем объявил, что решение оставаться не только не будет сочтено за измену, но даже не будет поставлено в упрек.

Это решение ген. Корнилова в частях должны были объявить их нач-ки. С тяжелым сердцем, с тревогой выполнили они это решение.

В Студенческом батальоне...

В нем молодежь — не кадеты, не юнкера, а просто учащаяся молодежь, случайно взявшая винтовку в руки. Ген. Боровский беспокоится за судьбу своей части: быть ей или не быть! Он знает настроение молодежи, но беспокоится за судьбу ее в походе.

Приказание: батальону построиться!

К строю подошел ген. Боровский и коротко, отрывисто сказал своим «детям»:

— Предоставленной мне властью, освобождаю вас от данного вами слова. Вы свой долг уже выполнили, охраняя Ставку и город. Кто из вас хочет остаться в батальоне, оставайтесь. Но... раньше, чем окончательно решить, вспомните еще раз о ваших семьях... Мы уходим в тяжелый путь. Так решили наши Вожди. Придется пробиваться по степям и горам... Нести жертвы... Быть может на время мы уйдем далеко от ваших родных мест... Подумайте!

Тяжелая минута внутренней борьбы чувств...

— Кто решил остаться дома, выйдете из строя!

Вышли единицы. (Вечером почти все вернулись в б-н).

— Направо сомкнись!

Чувство любви к Родине, пламенное желание ее освобождения, стремление быть «в рядах Российской рати», «всенародного ополчения»... «как 300 лет назад» в сердцах молодежи победили все остальные чувства.

Не пройти мимо, не отмахнуться от этого примера многим и многим более крепким физически, более зрелым по возрасту, более опытным в жизни..., забывшим Историю своей Родины и решившим спасти свои жизни в мимикрии под обывателя и, как кроты, — забираться в норы.

Одиночки ушли и из других частей.

Тяжелое, давящее душевное состояние среди 200 чел. молодежи Студ. б-на моментально прошло. Зашумели помещения бодрыми головами, приготовлениями к походу. На короткие минуты замолкли юноши, когда писали своим родным о своем решении — вторым по счету за полтора месяца: первое: «я поступаю в Студ. б-н» и второе — «Я иду с Добр. Армией».

*
**

Оставил в Ростове письмо и ген. Алексеев. В нем он писал:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божия. Но нужно зажечь свечечку, чтобы была хотя одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...».

Это — смысл того, что предпринимала Добр. Армия. Вот — идея, которая только и могла быть для армии в тот трагический момент.

Об исходе армии должна была знать вся Россия. С этой целью в Ростове было оставлено несколько офицеров с задачей пробраться в Москву, Петроград и др. города и там сообщить об этом.

*
**

Ночь. В Лазаретном городке главные силы армии, непосредственно прикрываемые 3-м офиц. б-ом. В Ростове группа с ген. Марковым.

Время приближается к 21 часу.

Еще немного и — в поход!

ПЕРВЫЙ ПОХОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

Этот поход получил название: Кубанский, потому, что совершен он был главным образом на территории Кубанской области; Корниловский, потому, что всю наступательную часть его армия совершила под командой генерала Корнилова и Ледяной, так как один день этого похода прошел в исключительно тяжелых климатических условиях.

ОСТАВЛЕНИЕ РОСТОВА.

Ночь с 9 на 10 февраля 1918 г. Ростов погружен в темноту; в домах не видно света. Город мертв; на улицах, редкие, куда-то пробегающие люди.

Холодный ветер, несущий сухой снег и городскую пыль. Кое-где раздаются ружейные выстрелы и они кажутся зловещими.

Только на углу Таганрогского проспекта и Садовой улицы оживление: там собрались небольшие колонны войск, всего может быть человек до 500. Для иного эта жизнь кажется страшной, роковой, безумной: собравшиеся люди, не желающие укрыться от погоды в больших, теплых, уютных домах, не желающие скрыться от ожидаемого врага за кирпичными стенами домов, кажутся обреченными. Но эти люди сделали вызов и страшной ночи, и зимней непогоде, и надвигающейся опасности. Они сделали его сознательно и с целью.

Легкий гул разносится над колонной войск. Слышны команды, распоряжения... Ею руководит воля Вождя; ею распоряжается в большой белой папаше генерал. Его голос наиболее громок, тверд, категоричен...

Вот стоит броневедомость — «Когда колонна тронется — взорвать!» — приказал генерал.

Вот стоит 1-й офиц. б-н и около него пыhtят несколько грузовых автомобилей, на которые грузятся пулеметы.

— Это еще что? Да вы с ума сошли? — в недоумении остановился у грузовиков ген. Марков. — Перегрузить на лошадей!

Ген. Маркову доложили о невозможности в настоящее время найти лошадей и повозки.

— Чушь! — коротко бросил он, и, круто повернувшись, зашагал к столбу с пожарным сигналом. Под ударом рукоятки нагайки зазвенело разбитое стекло. Ген. Марков обернулся и крикнул полк. Борисову, требуя от него отправления людей по домам для отыскивания повозок. Не прошло и 15 минут, как из темноты появилась пожарная команда. Лихой бренд-майор смело пробирался сквозь толпы людей и автомобилей, пока не поравнялся с ген. Марковым.

— Стой! — приказал генерал. — Распречь лошадей!

Напрасно протестовал бренд-майор. Великолепные, холеные пожарные кони стали в строй пулеметной команды 1-го офиц. б-на. Извозничьи пролетки и частные экипажи, обратясь в пулеметные двуколки, заменили никчемные грузовики.

**

Было около 22 часов, колонна стала вытягиваться на Нахичевань. Молча, спокойно... Загремела батарея. От тронувшейся колонны стали отбегать по разным направлениям фигуры, те, которые пришли проводить своих родных, своих братьев и сестер.

В арьергарде шел 1-й офиц. б-н. Раздался взрыв, резко нарушивший тишину. Это был взорван броневедомость. Его офицеры едва успели вытащить из машины своего командира, не желавшего расстаться с машиной.

Колонна шла на станицу Аксайскую. По выходе из Нахичевани, дорога стала тяжелой: местами снежные заносы преграждали путь. Приходилось помогать коням. Вслед колонне неслись редкие пули...

**

В Лазаретном городке большое оживление: все его улицы заполнены войсками, батареями, повозками, пролетками... Сидящие на подводах люди с багажом нервничают, кричат... Вот большой обоз со спокойно стоящими и лежащими людьми, укрытыми с головы до ног; это раненые, не пожелавшие расстаться с армией.

Томительное ожидание под звуки ружейных выстрелов. Подошла колонна 3-го офиц. б-на. Все в сборе.

Из флигеля вышел ген. Корнилов. Стоявшие до этого спокойно перед флигелем, зашевелились. Несколько человек вскочило на коней и в руке одного из них в темноте развился Национальный флаг.

— С Богом!

Было около 23 часов. Ген. Корнилов пошел пешком, а за ним генералы Деникин, Романовский, Эльснер и др. Тут же в коляске ехал ген. Алексеев: ему около 60 лет и он нездоров. С ним вся касса Добр. Армии — около 2-х миллионов рублей.

Стали вытягиваться части, обозы в указанной последовательности. — На молитву шапки, долой! — скомандовал ген. Боровский.

Студенческий б-н истошно осенил себя крестом, тронулся в свою очередь.

Строй б-на, едва он вышел за городок, скоро нарушился. Непривычная к походу молодежь, под тяжестью несомого груза, стала быстро уставать; фляги опустели. Но вот на переезде через жел. дорогу, кони не смогли перетянуть орудия и у молодежи нашлись силы, чтобы помочь упряжкам. Наконец, впереди показались огоньки ст-цы Аксайской; надежда отдохнуть, согреться.

После короткой остановки Студ. б-н вошел в станицу и расположился в здании школы. С оживлением рассаживалась молодежь за столь знакомые им парты и немедленно принялась утолять голод, уничтожая выданное перед походом. Но — одолевал сон и многие засыпали с недожеванной колбасой во рту.

*
**

Следуя за какими-то повозками, шел офиц. б-н. У входа в станицу, после четырехчасового похода, повозки остановились; остановился и б-н. Люди значительно устали, продрогли, проголодались: ведь накануне целый день были в бою. Все с нетерпением ждали квартирьеров. Время шло... Томительное ожидание делает людей неразговорчивыми, озлобленными. Но вот, наконец, из темноты кто-то окликает б-н: квартирьер. Б-н обходит продолжавшие стоять повозки и втягивается в улицу станицы. Улица запружена обозами, орудиями. Строя уже нет: все идет вразброд. На станционной площади, менее забитой, части быстро приводятся в порядок. Если, не дай Бог, исполнение приказа не понравится кому-либо из ближайшего начальства, команда будет повторяться, пока выполнение не удовлетворит его.

— 3-й взвод, в полевую заставу! — отдается приказ ком-ра роты.

Офицеры взвода отказываются верить своим ушам. Им кажется, что они уже не в состоянии выполнить приказание: опять куда-то идти в темную ночь, в окружающую, воющую муть. К-р взвода невозмутим: он поворачивает свой взвод, который снова, пробираясь между подводами, идет в ту сторону, откуда пришел и останавливается за станицей на каком-то бугорке, в сотне шагов от жел. дороги, неподалеку от грунтовой дороги на Ростов.

По дороге, увязая в снежных сугробах, движутся еще отдельные повозки и небольшие группы. До самого утра пробирались хвосты отсталых. Кто-то в штатском отрекомендовался офицером, желающим присоединиться к Добр. Армии...

Погода стала меняться к лучшему: постепенно стих ветер, прекращался снег... Утро стало яснее и мягко-морозное.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДОН.

10 февраля. Технич. рота проработала на переправе всю ночь, подготавливая спуск к реке для проезда батарей и обозов, устраивая настил с берега на лед. Стучали кирки по обледенелой земле, рубили и сколачивали доски, бревна. Рассыпался на спуске песок... Лед на реке достаточно крепок, чтобы выдержать тяжесть орудий. Однако чины Юнк. бат-и предусматривают худшее и приготавливали доски.

Еще затемно Дон перешли — кон. див-он полк. Гершельмана и Партиз. отряд сотн. Грокова, которые должны были — первый, обеспечивать армию с востока, второй с запада, в сторону Батайска. За ними группа квартирьеров.

С утра стали переправляться части и обозы по указанной очереди. Технич. рота оставалась на переправе для поддержания порядка и оказания нужной помощи. Рано утром пришел ген. Марков. Он был в серой куртке с генеральскими погонами, в большой белой папаше, в бриджах с генеральскими лампасами и с плеткой в руке.

— Ну, как, полковник? Все идет по хорошему? — громко обратился он к ком-ру Технич. роты. Ген. Марков надолго задержался у переправы. Иных грозно призывал к порядку и спокойствию, других подбадривал; отпускал шутки.

Переправу главных сил начал ген. Алексеев, который пешком, опираясь на палку, и ею, как бы ощущывая крепость льда, перешел Дон.

Ген. Корнилов, выйдя из дома, прошел некоторое расстояние пешком, пока ему и ген. Романовскому не подвели коней.

— Кто вы и куда направляетесь? — спросил ген. Корнилов вышедшего из боковой улицы одного офицера.

— Поручик Б., к-р взвода 1-й роты 1 офиц. б-на. Ищу свою роту, — последовал ответ.

Ген. Корнилов строго посмотрел на к-ра взвода, потерявшего свой взвод.

— Передайте к-ру роты, что я отрешаю вас от командования взводом. Свою роту вы найдете... — и указал направление.

Поруч. Б. действительно нашел там, где указал ген. Корнилов, свой б-н. Он доложил к-ру роты, пполк. Плохинскому, о случившемся, который посмеялся над неудачником: он знал, что пор. Б. отстал ночью, помогая артиллеристам вытаскивать из канавы застрявшее орудие. Этот маленький случай показал всем, что требование ген. Корниловым дисциплины и порядка остаются в силе в любой обстановке.

Ген. Корнилов со своим конвоем, верхом, переехал Дон и остановившись на другом берегу, пропускал проходившие части, здороваясь с ними. Прошел Юнкер. б-н, не более, чем в сто штыков и Студ. б-н,

раза в три большей численности. Поразительно бодрый вид имела молодежь, подкрепившаяся завтраком — сладким чаем с белым хлебом и маслом, о чем позаботился ген. Боровский.

Подошла очередь и 1-й батарее. К переправе она была совершенно готова. С трудом мобилизованные в станице подводы были нагружены снарядами, перегруженными из эшелона и из зарядных ящиков. На подводы же было погружено все то, что можно было снять с орудий и ящиков. Пполк. Миончинский предусмотрел все для проведения благополучной переправы. Переправлялась батарея по частям: лошади шли выпряженными, по одному катились на руках орудия и ящики, по одной переезжали не сильно нагруженные подводы. Лед потрескивал под тяжестью орудий. Последнее орудие катилось юнкерами по уже выступившей на лед воде и по команде «бегом марш!» К великой радости юнкеров, от которых валил пар, переправа 5 орудий, зарядных ящиков, передков и всех подвод прошла благополучно.

Наконец дошла очередь и до 1 офиц. б-на, снявшего свои заставы, которые с высокого берега реки могли наблюдать движение армии к ст-це Ольгинской. «Картина была чудесная: по гладкой белой степи ползла из Аксая черная, бесконечная лента людей, повозок. Шли и шли и, казалось, что никогда не кончится эта живая лента, освещенная солнцем. Вот видна ст-ца Ольгинская, куда втягивалась голова ленты», — записано в воспоминаниях. Офицеры в эти минуты совершенно не думали о дальнейшем. Для них пока все очевидно: армия идет в Ольгинскую. Неизвестность впереди, за станицей, скрываемая холмами.

С рассветом на дорогу, по которой шла армия, вышла небольшая колонна пехоты. Это 2-й офиц. б-н, проделавший свой ночной путь вдоль южного берега реки от ст. Заречная. Труден был марш для него: без дороги, по сугробам снега, кучам камней, бревен, через опрокинутые лодки. Б-н шел, видя на противоположном, возвышенном берегу, темные, без огней, силуэты Ростова и Нахичевани, для части чинов его — родных городов.

Последними перешли Дон у Аксая части партизан, прикрывавшие его. Несколько взрывов подорвали полотно жел. дороги. В 11 час. ушла с переправы и Технич. рота.

Красные не преследовали армию; лишь два аэроплана пролетели над колонной на большой высоте и сбросили несколько бомб, разорвавшихся далеко в стороне.

*
**

От р. Дона до ст-цы Ольгинской было верст пять. Дорога шла по дамбе, была утоптана прошедшими частями и люди шли бодро.

В строю одной из рот оказалась неожиданно какая-то девушка, женщина-прапорщик. Она шла спотыкаясь в непривычных для нее сапогах, с большим вещевым мешком за спиной, недостаточно подтяну-

тым и поэтому стеснявшим и затруднявшим движение; винтовку несла на ремне, охватывавшем одновременно и мешок, что было совсем тяжело и неудобно. Вся ее высокая, неестественно согнувшаяся фигура, выражала явное изнеможение. Она напоминала затравленного и перепуганного звереныша. Один из офицеров предложил ей взять ее мешок. Она посмотрела с испуганным недоверием и надеждой, и нерешительно отдала мешок. До Ольгинской оставалось еще полпути — мало для молодого офицера, но — как много еще для нее! Казалось вот-вот она свалится. Пришлось облегчить ее и от винтовки.

Все это видел к-р взвода, недопускавший ни малейшего нарушения порядка в строю.

— Да какой же ты солдат (он, произведенный в офицеры из рядовых, ко всем обращался на «ты»), если отдал свою винтовку! — сказал он женщине-прапорщику. В его голосе слышалось искреннее негодование.

Взвод рассмеялся над тоном своего к-ра, но девушка, видимо, приняла этот смех, как издевательство над нею. С видом горького упрека, сверкнувшего в ее глазах, она вырвала у офицера свою винтовку и мешок...

В СТАНИЦЕ ОЛЬГИНСКОЙ.

После полудня 10 февраля вся армия сосредоточилась в станице, расположившись на широких квартирах. Богатая станица, находившаяся до сего времени в стороне от мест боев, радушно встретила непрощенных постояльцев. Люди до-сыта наелись и быстро улеглись спать. Сон был долгий, крепкий и спокойный. Неожиданного нападения врага быть не могло: станица была в степи и многие версты ровной, покрытой снегом местности, отдаляли ее от мест занятых красной гвардией: Аксая, Нахичевани, Ростова, Батайска. В непосредственном охранении стали партиз. отряды. Только на следующий день красные со стороны Нахичевани дали несколько оружейных выстрелов, но снаряды разорвались на большом недолете; да их небольшая конная часть атаковала отряд сот. Грекова, но была им отбита с потерей для отряда одного убитым и 3-х ранеными.

11 февраля. Все проснулись бодрыми и жизнерадостными. Светило солнце; не было холодного ветра. Значительно потеплело.

Без дела никому не пришлось быть: приводили в порядок оружие, снаряжение. Всюду оживленные разговоры и прежде всего о том — куда идем? Никто достоверно ничего не знает: передают слухи действительные, выдуманные, передают всякий вздор...

К-р взвода весьма серьезен, не любит болтовни, особенно за делом. Тем паче — нужно его задеть посильнее.

— Мне достоверно известно, что мы отсюда идем в Мервский оазис, — заявляет пор. З. Этот «слух» подтверждают с жаром другие. К-р взвода (ведь и ему, как-никак, а интересно) спрашивает:

— Куда? Это где-же?

Он офицер из рядовых, никогда не слышал ничего о Мервском оазисе. Все громко смеются. Он выпрямляется и с должным достоинством приказывает:

— Ну, вы, слышь, чистите винтовки, чтобы вас далеко не носило.

Новый хохот. Взвод чистит винтовки очень долго: не смейся над начальством.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

В ст-цу Ольгинскую пришло около 25 отдельных частей: б-ов, рот, отрядов и лишь один полк — Корниловский ударный. Некоторые части насчитывали в своих рядах по несколько десятков человек. Ген. Корнилов свел их в более крупные соединения. В результате армия составила из следующих частей:

1. — Сводно-Офицерский полк.
2. — Корниловский ударный полк.
3. — Партизанский полк.
4. — Особый Юнкерский батальон.
5. — Чехословацкий инженерн. б-н с Галицко-русским взводом.
6. — Техническая рота.

Эти пехотные части в общей сложности имели в своем составе около 3.000 бойцов.

7. — Два дивизиона конницы — до 200 сабель каждый.
8. — Артиллерийский дивизион — 8 орудий и
9. — Конвой ген. Корнилова, главн. образом текинцы.

Затем был армейский обоз груженный некоторыми видами продовольствия, запасом винтовок, патронов и снарядов. И, наконец, санитарный обоз — походный госпиталь с несколькими сотнями раненых.

Общая численность армии — едва 4.000 чел.

Совершенно бесполезным придатком и грузом для нее был обоз с беженцами.

СВОДНО-ОФИЦЕРСКИЙ ПОЛК.

12 февраля, в 8 ч. утра, на одной из площадей станицы выстраивались все части Добр. Армии. Три офиц. б-на и Батайский отряд стали рядом. До 11 ч. происходило какое-то странное перемещение людей из одних колонн в другие, в результате чего одни колонны исчеза-

ли, но другие росли. Маленькая колонна 2-го офиц. б-на выросла в несколько раз.

Около 11 час. на площади прекратилось всякое движение. Части подравнялись. Раздалась команда:

— Смирно! Гг. офицеры!

Перед ними проезжала группа всадников. Впереди ген. Корнилов, за которым непосредственно ехал казак с трехцветным Русским флагом. Ген. Корнилова не все видели раньше, но все сразу же узнали его. Он и Национальный флаг! В этом было что-то величественное, знаменательное, захватывающее! Взоры всех и чувства были направлены туда. Те, кто ехали за ним, — люди в шинелях, кожухах, штатских пальто, — не привлекали внимания.

Ген. Корнилов здоровался с частями. Затем, на середине площади он слез с коня, а за ним и все остальные. К группе сейчас же подошли старшие начальники и минут через десять они уже возвращались к своим колоннам.

К трем офиц. б-нам и Батайскому отряду шли трое: один в белой папахе, черной куртке, с плетью в руке. Его узнали: ген. Марков. Двое других были неизвестны. Ген. Марков подошел к строю энергичной, бодрой, молодой походкой и обратился к выстроившимся со следующей речью:

— Не много же вас здесь! По правде говоря, из трехсот-тысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь! Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем — я все равно скажу, что идем мы к черту на рога, за синей птицей. Теперь скажу только, что приказом Верховного Главнокомандующего, имя которого хорошо известно всей России, я назначен к-ром Офицерского полка, который сводится из ваших трех б-нов, роты моряков и Кавказского дивизиона. К-ры б-нов переходят на положение ротных к-ров, ротные к-ры на положение взводных. Но и тут вы, господа, не огорчайтесь: здесь и я с должности Начальника Штаба фронта фактически перешел на батальон!

Едва ген. Марков произнес это, как к-р 1-го б-на, полк. Борисов, громко заявил:

— Я считаю для себя невозможным с должности к-ра полка возвращаться в роту.

Без единой минуты промедления, ген. Марков резко оборвал его:

— Полковник! Вы мне не нужны! Назар Борисович (пполк. Плохинский), примите роту!

Затем, не останавливаясь на только что происшедшем инциденте, ген. Марков продолжал:

— Штаб мой будет состоять из меня, моего помощника, полк. Ти-

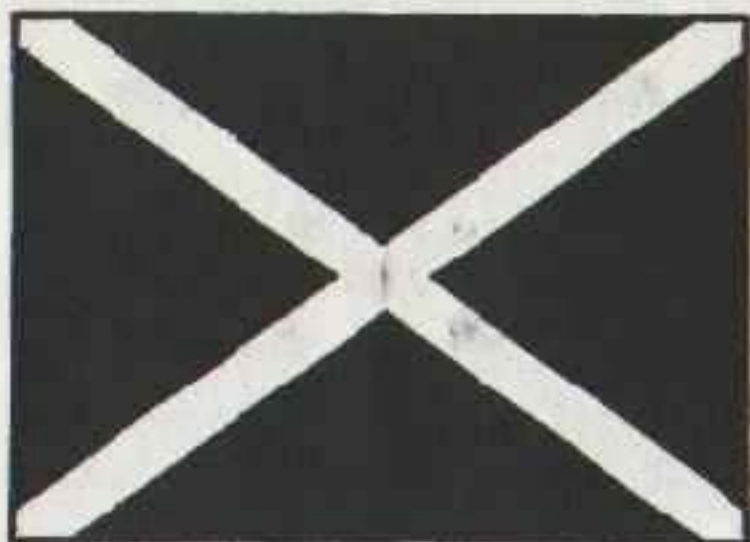
Легко быть сильным и честным, нежели
что смерти лучше позорного существованія,
в славянской, униженной Россіи

4 окт.
1972

С. Марков

мановского и доктора Родичева, он же и казначей. А, если кто пожелает устроиться в штаб, так пусть обратится ко мне, а я уж с ним побеседую...

— Вижу, что у многих нет погон. Чтобы завтра же надели. Сделайте хотя бы из юбок ваших хозяек.

На том речь кончилась и все части разошлись по своим квартирам. Полк был сформирован 12 февраля 1918 года.

С этого дня в месте расположения штаба полка стал развиваться полковой флажок: черный, с белым Андреевским крестом, цветов формы одежды принятой для полка и установленный комиссией 1-го офиц. б-на.

К концу дня окончательная организация Сводно-Офицерского полка, как тогда он был назван, свелась к следующему:

1-я рота — из 1 Офиц. б-на при 4 пулем. Численный состав свыше 200 чел. К-р пполк. Плохинский.

2-я рота — из 2 Офиц. б-на, пополненная частично чинами расформированных Школы Прапорщиков, Ростовской офиц. роты и разных команд. 2 пулемета. Около 200 чел. К-р полк. Лаврентьев.

3-я рота — из 3 офиц. б-на. 3 пулем. Около 200 чел. К-р полк. Кутепов.

4-я рота — из Батайского отряда. 4 пулем. Около 110 чел. За болезнью полк. Ширяева, к-р роты ротм. Дударев.

Команда связи и подрывников — 28 чел.

При штабе полка — 5 конн. офицеров-ординарцев.

При полку небольшой боевой и хозяйственный обоз и походный лазарет с сотней раненых и при нем несколько сестер милосердия, во главе с сестрой Пелагеей Осиповной, под наблюдением д-ра Родичева. Были и санитары, они же и конюха, почти все — офицеры, наиболее пожилые.

Всего в полку было около 800 чел.

Настроение офицеров только что родившегося полка было исключительно бодрое. Свое положение рядовых они приняли, как нечто должное, как требование исключительного для Родины момента. Высказывалось даже сожаление, что такая строевая организация офицеров не была проведена раньше на фронте Вел. войны в революцию. Единая цель, общность духа и чувства ответственности — доминировали.

Они являлись основанием крепкой дисциплины, сплоченности, боеспособности. Первый в истории России Офицерский полк не мог не быть огромной боевой и, главное, моральной силой.

Мысли и разговоры офицеров переходили к личности командира их полка — ген. Маркова. Он произвел великолепное впечатление. Его речь вызвала восхищение. Так сказать, убежденно и твердо, мог бы только нач-к, уверенный в свои силы. Высокие боевые награды, полученные им не за службу в штабах, а за действительные боевые подвиги во главе 13 стрелк. полка — говорили всем о его достоинствах в командовании полком. В нем теперь не сомневались. Но не это, все-же, было последней оценкой ген. Маркова, а проявленное им гражданское мужество, когда он встал на защиту армии против экспериментов революции, попал за это в заключение и незамедлительно прибыл на Дон для борьбы за Россию.

За короткий ростовский период некоторым офицерам приходилось слышать о ген. Маркове, как о начальнике беспощадном, жестоким, резком, грубом: недаром он всегда с плеткой в руке! Но теперь судили о нем иначе: он энергичен, распорядителен — качества положительные и одабриваемые всеми. 1-я рота вся поголовно восхищалась, как ген. Марков коротко и решительно «освободил» ее от полк. Борисова.

Ген. Маркову было чуждо чувство тщеславия и он не признавал его и у других. Свой Офицерский полк он свел фактически в б-н, став сам к-ром б-на. И эта мера признана и одобрена всеми: никаких промежуточных инстанций между штабом полка и ротами. Все в строю, все в передовой линии, все в бою... Психологическое давление! Даже штаб полка всего в три человека, да нескольких конных ординарцев, что говорило о присутствии штаба непосредственно в передовой линии, о непосредственном руководстве им боем. Это в свою очередь говорило о гарантии быстроты решений и их выполнении, без потери минуты времени. Свою зависимость от к-ра полка отныне чувствовал каждый офицер.

Все знали, что командный состав в ротам был назначен с согласия ген. Маркова и с учетом его требований, поэтому не поднимался вопрос о кажущейся ненормальности, когда заместителем к-ра 1-й роты был назначен шт.-кап. из фельдфебелей, Згривец; к-ром одного из взводов 4-й роты прапорщик, в то время, как иными взводами командовали бывшие к-ры полков, а некоторые из них и вообще не занимали никакой должности и были просто рядовыми бойцами.

В разговорах о ген. Маркове все не сразу вспомнили о двух лицах, которых он представил полку. На них тогда не обратили внимания, а многие даже не запомнили их внешность.

Полк. Тимановский? Помощник и заместитель ген. Маркова — большого роста, могучего телосложения, опиравшийся на длинную, толстую палку, в офицерской папахе, в романовском полушубке, с большой бородой, покрывающей все его лицо и широко ниспадавшей на грудь. В очках... Казалось ему лет 40. Стар для ген. Маркова! Никто тогда еще не знал, что ему 29 лет, что он моложе генерала на 10 лет и что он отрастил бороду, пробираясь на Дон. (Позднее он с ней расстался).

Но... были офицеры, которые знали полк. Тимановского и они поведали о нем всем. Он один из самых заслуженных и отмеченный всеми высшими боевыми наградами, офицер Русской армии, сослуживец ген. Маркова по 13 стр. полку, к-р Георгиевского б-на при Ставке Верх. Гл-ющего, несколько раз раненый... Выбор ген. Маркова стал ясен и понятен.

А о д-ре Родичеве говорили вскользь и только, как о невзрачном, маленьком человеке, известном, видимо, только ген. Маркову. Вскоре узнали, что эта «троица» были большими друзьями. Ген. Марков одного называл «Степанычем» (полк. Тимановского), а доктора — «Гаврилычем». Доктор оказался человеком кипучей энергии и огромной трудоспособности. Он сформировал полковой походный лазарет и поставил в нем дело так, чтобы раненые терпели бы возможно меньше лишений. В лазарете работал он сам и работали все. Отдыхали тогда, когда все возможное и должное было дано раненым. Но на докторе Родичеве лежала еще и казначейская часть: выдача денежных авансов для уплаты за получаемые от населения продукты и оказываемые им услуги. Деньги и отчетность, а также и вся канцелярия полка помещались у доктора за голенищами сапог и в сумке через плечо.

ОСОБЫЙ ЮНКЕРСКИЙ БАТАЛЬОН.

В ст-це Ольгинской Юнк. и Студенч. б-ны и часть юнкеров Школы прап-ков были сведены в Особый Юнкерский б-н трех-ротного состава, под командой ген. Боровского. В б-не около 400 чел. 1-я рота была юнкерской (юнкера и кадеты); 2-я и 3-я — из учащейся молодежи. К-р быв. юнк. б-на, шт.-кап. Парфенов, при сведении его б-на в роту, не пожелал остаться в б-не. Его не удерживали.

12-го же февраля, после того, как в присутствии ген. Корнилова была проведена реорганизация армии и формирование Особ. Юнк. б-на, в последнем произошло знаменательное событие: ему ген. Корнилов произвел особый смотр, во время которого он произвел всех юнкеров в чин прапорщика, а кадетам старших классов дал новое звание — «Походных юнкеров». Б-н прокричал «ура» за Россию, за ген. Корнилова. Тут же всем произведенным в офицеры были выданы погоны, пригото-

ленные еще в Ростове. Произведенные в «походные юнкера» на своих кадетских погонах по нижнему ранту нашили ленточки национальных цветов.

Молодые сердца героической юной молодежи искренне радовались большому событию в их жизни, забыв тяжелую обстановку, полную неясность их ближайшего будущего, но дав еще раз себе завет честного и жертвенного служения Родине.

Приказ ген. Корнилова о производстве юнкеров в офицеры касался вообще всех юнкеров находящихся в армии.

ПЕРЕФОРМИРОВАНИЕ АРТИЛЛЕРИИ.

Артил. див-н пришел в Ольгинскую в составе трех батарей: 1-й юнкерской с 5 орудиями, 2-й офиц. без орудий и 3-й офиц. с двумя орудиями. Пришло еще одно орудие, бывшее при партиз. отряде. Вся артиллерия составила 4 самостоятельных батареи двух орудийного состава каждая. Таким образом юнкер. бат-я лишилась своих трех орудий, ею добытых, составлявших ее гордость.

Но ей удалось сохранить свой людской состав и остаться в количестве около 100 чел. К-р бат-и, пполк. Миончинский, переорганизовал ее следующим порядком: орудийный взвод, команда связи, к-да конн. разведчиков, пулем. взвод в 2 пулем. и пеший взвод, свыше 50 чел. При таком составе и численности батарея представляла серьезную боевую часть, могущую самостоятельно выполнять некоторые боевые задания.

Свое переформирование батарея провела с высоким подъемом духа. Юнкера были произведены в офицеры, а их батарея стала 1-й офицерской.

Ген. Корнилов задержал свою армию вблизи Ростова не только для того, чтобы ее переформировать и дать ей отдых, но, главное, чтобы не оторваться далеко от Новочеркасска, где еще находились донские части. 12 февраля красные заняли Новочеркасск, из которого ушел в степи отряд донцов в 2.000 чел. под командой Походного Атамана, ген. Попова, сосредоточившийся в ст-це Старо-Черкасской, недалеко от Ольгинской.

Дон переживал новую драму в своей истории. В Новочеркасске остались Войск. Прав-ство, Донской Круг и Атаман, ген. Назаров. Но для большевиков они уже не имели никакого значения, не имели никаких прав на существование. Большевики торжествовали победу над «калединцами», над «свободным» Доном. Атаман Назаров был расстрелян, члены Пр-ва и Круга — посажены в тюрьмы.

Теперь казалась бесспорной общность судьбы Добр. армии и Донского отряда и общность их дальнейшей цели, и как следствие, — их полное объединение. Но потребовалось время для переговоров, в конце концов, все же не приведших к положительным результатам. Ген. Попов решил не оставлять территорию Дона, а ген. Корнилов не находил оснований оставаться на Дону, так как не видел никаких надежд на скорое оздоровление донцов. Более отрадные сведения поступали с Кубани.

Для Добр. Армии положительное решение вопроса устраняло бы и некоторую тревогу, вызываемую тем, что почти треть ее состава составляли донцы. Не решат-ли они уйти в донской отряд? Но этого не произошло: они остались в ген. Корниловым. Из них — партизан мелких отрядов — был сформирован Партизанский полк, командиром которого был один из лучших Донцов — ген. Богаевский. Сформированные два конных дивизиона состояли также главным образом из донцов.

12 февраля, вечером, ген. Корнилов отдал приказ о приготовлении к выступлению на утро следующего дня. Оживленно и бодро готовились добровольцы к походу. Каждый брал с собой столько патронов, сколько мог нести. Говорили о необходимости их экономить, наступать по возможности без стрельбы, пополнять патроны за счет противника.

Хуже было с артил. снарядами: их вывезли из Ростова лишь около 700 штук на 8 орудий. Пополняться ими можно только захватывая их в боях. Коротко говоря, огнеприпасы могут быть добыты лишь одной дорогой ценой — ценой крови!

В ПОХОД.

13 февраля. Ночь прошла спокойно. Перед рассветом — подъем. «В поход!» — «Куда?» — «А ты спроси ген. Маркова!» — но все знали куда — туда, куда поведет ген. Корнилов.

Уже рассветало, когда роты Офиц. полка выстроились на южной окраине ст-цы Ольгинской. Ген. Маркова нет. Спокойно отдает распоряжения полк. Тимановский.

Армия тронулась.

Впереди пошел Офиц. полк. За ним 1-я бат-я, затем Технич. рота. Авангард! В голову его проскакал верхом на коренастом коне ген. Марков, здороваясь с частями. Все пытливо всматриваются в лицо генерала в белой высокой папахе. Он ведет колонну.

— К чорту на рога! За синей птицей!» — вспоминаются всем его слова, невольно заставляющие улыбаться.

Колонна авангарда поднялась на возвышенность. Сзади видны ст-цы Ольгинская, Аксайская. Левее — в дымке — Нахичевань, Ростов. Видна ясно и вся колонна Добр. Армии, вытягивающаяся из Ольгинской. Юнкер. б-н прошел мимо стоявшего у своей коляски ген. Алексева, поздоровавшегося с ним.

Тяжело идти, особенно голове колонны — 1-й роте полка. Черноземная дорога глубоко пропитана влагой от почти стаявшего снега: едва ступишь ногой, как она углубляется в густую массу. Чтобы ее вытащить, нужны усилия, но вытянутая нога покрыта прилипшим черноземом. По щиколотку уходят ноги в гущу и с хлипким всасывающим звуком вытаскиваются из земли.

В строю роты особенно туго отделенному — пор. Якушеву и корн. Пржевальскому. Их длиннополые кавалерийские шинели, их «малиново-звонкие» шпоры, которые так выгодно отличали их от общей массы пехотинцев, теперь, в условиях пехотного похода, являются тяжелой обузой. На первом же привале вопрос решается просто и рационально: обе шинели обрезаны на четверть выше колен, более, чем положено по уставу, шпоры сняты и брошены. Взводный, кап. Згривец, смотрит косо и неодобрительно. Рота хохочет.

Дальше — не лучше. Многие озабочены: разваливаются сапоги и ноги натерты до острой боли. Пришлось некоторых отправить в обоз. Другие обматывают ноги чем было. Последующим ротам идти легче: от сотен ног густая масса под ними превратилась в грязь.

За полком идет батарея. Коням также тяжело. От них валит пар. Но верные животные делают свое дело с усердием. В иных местах им на помощь приходят людские силы «батарейцев».

В Юнкер. б-не особая забота: завязают окончательно в грязи девушки, пожелавшие идти с ним в поход в качестве сестер милосердия. Их маленькие ножки вылезают из больших для них сапог, которые остаются в грязи. Приходят на помощь юнкера: одни переносят сестер на более твердую почву, другие их сапоги. Ген. Боровский отправляет сестер в обоз. Они смущены, пытаются протестовать...

К концу дня армия втянулась в ст-цу Хомутовскую, проделав 20-верст. переход. Квартирьеры немедленно развели свои части по квартирам. На взвод — 1-2 дома. Не без радушия встретили пришельцев казаки и казачки, но равнодушны оказались они к идее их: «Большевики нас не тронут».

14 февраля. С рассветом армия готовилась к дальнейшему походу, как неожиданно со стороны Батайска на станицу налетела кавалерия красных. Ее отбили заставы от Офиц. полка и Юнкер. б-на и 1-я бат-я. Офиц. полк понес первые за поход потери: одного зарубленным

и другого тяжело раненым в щеку сабельным ударом. Окончательно отбросил красных конный див-н полк. Глазенапа.

Этот эпизод несколько задержал выступление армии. В прежнем порядке, по такой-же тяжелой дороге и проделав те-же 20 вер., она пришла в ст-цу Кагальницкую.

Памятно вступление в станицу: на окраине ее, окруженный своим штабом, под трехцветным флагом стоял ген. Корнилов и пропускал мимо себя свою армию. Его присутствие, как рукой сняло все походные неприятности. Люди подтянулись, шли стройно и весело.

— Для меня навсегда осталось загадкой: на чем базировался каждый из нас в своей бесконечной вере в ген. Корнилова и каким образом чувствовал он эту нашу веру в него? Тот, которому не пришлось видеть в своей жизни природного Вождя, никогда не поймет наше чувство, нашу веру, — записал один из участников похода.

15-16 февраля. Два дня, неожиданно для всех, армия простояла в ст-це Кагальницкой. 17-го — перешла в ст-цу Мечетинскую. 18-го — в ст-цу Егорлыцкую, последнюю ст-цу Донского Войска, находящуюся у ст. Атаман на линии жел. дороги Батайск-Торговая. На станции в охранении стояла Технич. рота, в которую тут была влита часть парт. отряда сотн. Грекова, подвергшегося расформированию. В Егорлыцкой армия простояла снова два дня нетревожимая прот-ком. Попытка преследовать ее стоила красным дорого: они попали в засаду, устроенную кав. див-м полк. Гершельмана, с 10 февр. поддерживавшего связь с Донским отрядом. Все переговоры ген. Корнилова с ген. Поповым не привели к соединению отрядов. Противобольшевистские силы оказались раздробленными.

За минувшие дни потеплело и дороги подсыхали, что весьма радовало добровольцев.

БОЙ У СЕЛА ЛЕЖАНКА.

21 февраля. Утром Добр. армия выступила из ст-цы Егорлыцкой на село Лежанка, Ставропольской губ., находящееся в 22 верстах. В авангарде, попрежнему, Офиц. полк с бат-й полк. Миончинского и Технич. рота. Ген. Марков, обгоняя свои части со всеми поздоровался и ускакал вперед со своими ординарцами. Снега нет совершенно, но густая, липкая, черноземная масса делает поход тяжелым. Сделали привал, затем второй. Было известно, что Лежанка занята красными и в частности там стоят части 39-й пех. дивизии. Следовательно — бой неизбежен.

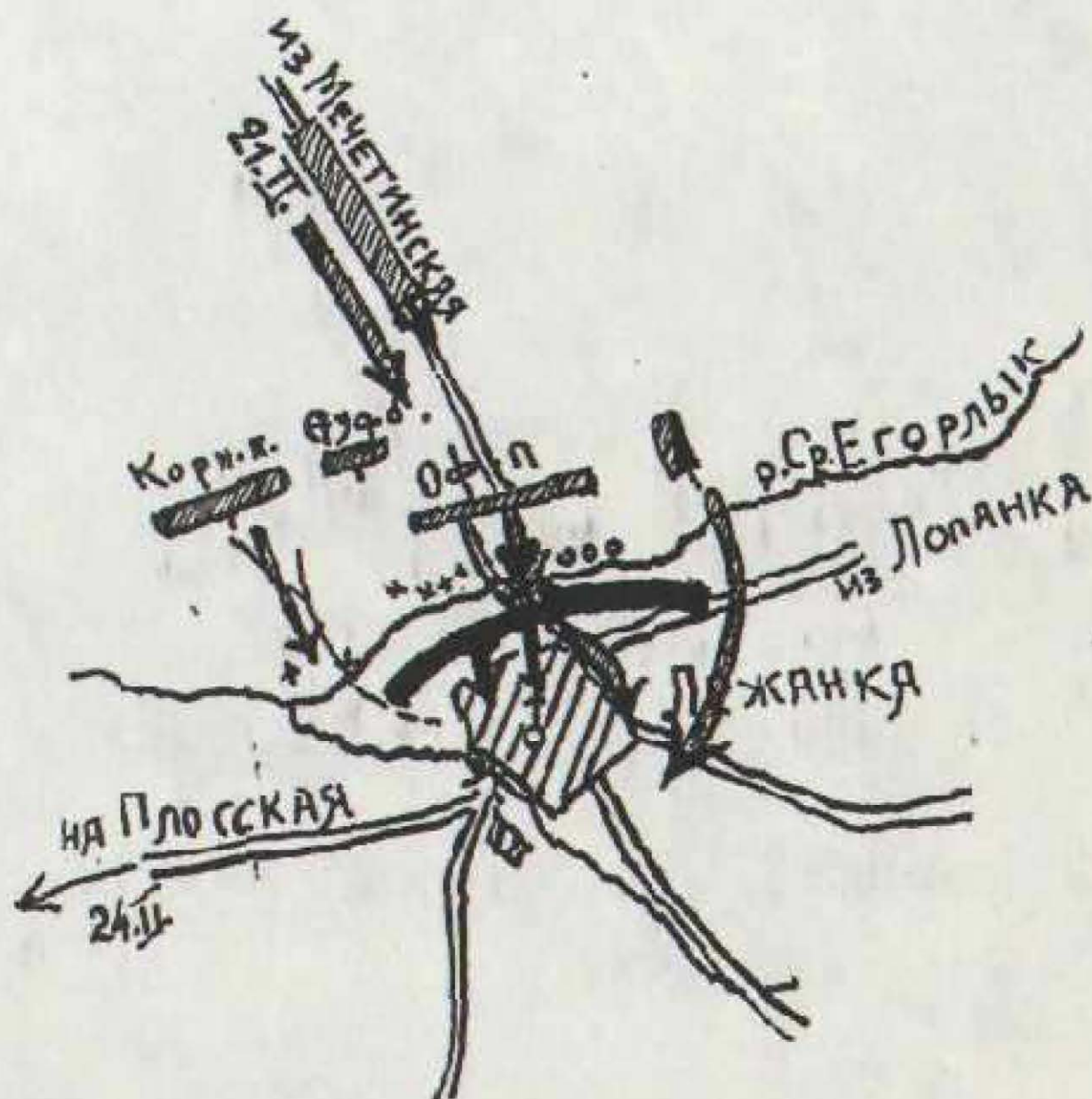
Откуда-то по колонне Офиц. полка передается приказание:

— Ротные командиры к командиру полка!

Все следят, куда идут командиры. Слегка в стороне от дороги все видят ген. Маркова и полк. Тимановского. К ним идут: полк. Плохинский, полк. Лаврентьев, полк. Кутепов, ротм. Дударев, полк. Кандырин; подъезжают верхом полк. Миончинский и полк. Гершельман. О чем они там говорят? Но — «это дело хозяйское». Совещание кончилось и все его участники направляются к своим частям и отдают распоряжения.

И, наконец... от авангардной 4-й роты отделяются взводы и идут влево от дороги; за ними вся рота. От 1-й роты один взвод идет по дороге вперед, другой, вправо на топографический гребень, вдоль которого идет дорога. Влево рысью уходит конница, скоро исчезнувшая за цепью курганов.

Когда походные заставы отошли примерно на версту, полк в колонне двинулся вперед. Ген. Марков значительно впереди. Все тихо. Что впереди? Где противник? — Не видно. Лишь за перегибом впереди лежащей местности видна верхушка колокольни с. Лежанки.

Вдруг, над колонной, высоко в небе, появляется маленькое белое облачко от разрыва шрапнели. Другое, третье... Наконец их уже не счесть. И все «журавли». Полк начинает разворачиваться в боевой порядок; левее его Технич. рота. А шрапнели все продолжают «давать журавлей»: со стороны Лежанки стреляет бат-я и стреляет прескверно.

Роты быстро достигли гребня, откуда местность начинает понижаться к реке Средний Егорлык, на противоположном берегу которой

расположено село. Едва заметив появление цепей, красные открыли руж. и пул. огонь. Расстояние слишком велико (около 2 верст) и стрельба их недействительна. Не снимая с ремней винтовок и не прибавляя шага, роты идут на сближение. По дороге идет полк. Тимановский с трубкой в зубах, опираясь на палку.

Расстояние все уменьшается и пули все чаще и чаще пролетают мимо ушей. Впереди уже ясно видна вся обстановка: полоса камышей; за ними огороды и на них окопы красных; за огородами село. Невольно усиливается шаг, перешедший затем в бег, чтобы скорее достичь камышей и укрыться от взоров противника. Но — взводу пор. Кромм приказано остановиться и ротным пулеметам открыть огонь. По этому взводу сосредотачивается главная сила огня пр-ка, наносящего ему потери.

В это время над огородами по ту сторону реки с поразительной точностью разрываются несколько шрапнелей бат-и полк. Миончинского, заставив красных ослабить свой огонь. Головные взводы без потерь достигают камышей. Ливень огня сбивает верхушки камышей над головами остановившихся там офицеров.

У моста ген. Марков, полк. Тимановский. Они нацеливают 2-ю роту на молниеносную атаку моста; левее 4-я, правее 3-я и 1-я роты должны поддержать атаку 2-й роты, всеми возможными мерами стараясь форсировать реку.

Но в это время 3-й взвод 1-й роты, шт.-кап. Згривец, достигнув и скрывшись в камышах, не остановился, а продолжал продвижение вперед. Раздвигая руками камыши, утопая в воде, офицеры взвода, пройдя 2-3-х саженный пояс камышей, оказались на чистой воде. До камышей противоположного берега было всего лишь шагов 20; воды всего лишь по пояс. Но, положение взвода создавалось трагичным: неглубокий Егорлык имел илистое дно; выше колен уходили в ил ноги. Движение сильно замедлилось. Красные, увидев идущую по воде цепь, открыли по ней огонь. Одна мысль была у всех: скорей добраться до камышей противоположного берега. Шли с трудом; некоторые пытались плыть... Но вот, наконец, и другой берег; снова скрыты от взоров противника и есть опора — камыши. Вперед!

Выйдя из камышей, взвод атаковал красных, находящихся в десяти шагах. Красные не оказали никакого сопротивления: их охватила паника и они бросились бежать. Офицеры штыковыми ударами, выстрелами в упор, устилали путь их бегства в село их трупами. Перед взводом и левее него толпы красных бежали на дорогу от моста в село. Здесь к ним подскакали двое верховых... в погонах. Один из них, оказавшийся прапорщиком Варнавинского полка, кричал:

— Товарищи! Собирайтесь на соборную гору! Кадеты штурмуют мост.

Залп — и оба падают убитыми. (Впоследствии, возвращаясь снова на Дон, офицеры видели на кладбище села среди свежих могил одну

с надписью: «Барон, прапорщик Борис Николаевич Лисовский. Убит бандой Каледина 21 февр. 1918 г.»).

Выбежав на дорогу, взвод разделяется: два отделения преследуют красных, бегущих в село, другие два поворачивают налево, навстречу бегущим от реки... Красные не ожидали встретить, у себя в тылу, офицеров...

В этот момент ген. Марков атаковал мост. В момент офицеры были на другом берегу. Левее 4-я рота частью перешла вброд реку и опрокинула красных. Правее 3-я рота, частью вброд, частью на оказавшихся на реке лодках, также переправилась на другой берег. Ген. Марков бежал с головным взводом по дороге к селу за бегущими красными. И, вдруг, он остановился в недоумении, увидев перед собой офицеров 1-й роты.

— А вы откуда взялись? — спросил он. Он не ожидал такого маневра 3-го взвода 1-й роты.

Здесь ген. Марков отдал приказание: 1-й роте продолжать преследование противника по ведущей от моста улице села; 3-й роте обходить село справа; 2-й и 4-й слева. Увидев, что офицеры собирают пленных, он закричал:

— Пленными не заниматься. Ни минуты задержки. Вперед!

А в это время отделения 3-го взвода продолжали преследование на улице села. Чем дальше в лихом и быстром преследовании бежали вперед, тем гуще перед ними были красные. Последние бежали как куры перед автомобилем. Офицеры стреляли на бегу в упор, кололи...

Вот они на соборной горе... Церковь посреди площади и... 4-х орудийная батарея с суетящейся возле орудий прислугой; орудия стреляют. Впереди пор. Успенский, за ним другие. Они атакуют батарею. Прислуга бежит; остаются несколько человек, среди них трое в офицерских погонах... Они «сдались».

3-я рота обходит село справа. У ветряных мельниц стреляет красная батарея. Но она успевает сняться, оставив лишь зарядный ящик.

Перед 2-й ротой, обходящей слева, красные исчезли в селе. Еще левее скачет в обход села конн. отряд полк. Гершельмана, и кон. разведчики 1-й батареи, посланные туда ген. Марковым.

Село взято.

*
**

Ген. Корнилов для атаки села развернул значительные силы армии. Правее Офиц. полка наступали: Чехо-словацк. и Юнкер. б-ны и Корнил. уд. полк. Когда разворачивался в боевой порядок Юнкер. б-н, ген. Корников подъехал к нему и сказал:

— Возьмите Лежанку.

С неописуемым восторгом шла выполнять приказ Вождя молодежь. Б-н под огнем пр-ка занял одну из переправ через реку.

*
**

На опустевшей от красных площади остановились головные отделения 3 взвода 1-й роты: дальше продолжать преследование не было сил. Подходит вся 1-я рота.

Ген. Марков подскочил к 4-й роте. Увидя пленных, он закричал:
— На кой чорт вы их взяли?

Скачет ко 2-й роте. Все благополучно и спешит на церковную площадь. Сзади раздается беглая стрельба.

— Узнать в чем дело, — приказывает он ординарцу.

Ординарец вернулся с донесением: «Стрельба по вашему приказанию, Ваше Превосходительство!»

На площади к ген. Маркову подвели пленных артиллеристов; среди них к-р батареи. Офицеры видят, что ген. Марков вне себя от гнева и слышат возбужденный его голос:

— Ты не капитан! Расстрелять!

Но подъехал ген. Корнилов:

— Сергей Леонидович! Офицер не может быть расстрелян без суда. Предать суду! (На следующий день над пленными офицерами был суд. Так как их преступление было очевидно, их не оправдали, но... простили и влили в части армии).

Подошла Технич. рота. Ген. Марков остался весьма недоволен ее наступлением: перебежками и со стрельбой и еще тем, что она с длительной задержкой выполнила его приказ: бегом за полком через мост. Роту принял полк. Бонин.

**

Потери Офиц. полка выразились в количестве 4-х убитых (все взвода пор. Кромм) и нескольких раненых. Незначительные потери, огромный успех первого боя и восторг офицеров своим командиром, влили во всех уверенность в дальнейших успехах полка и армии.

Патронов в бою было израсходовано мало, а добыто огромное количество. Приходилось весьма сжалеть, что были захвачены орудия горного образца, снаряды которых оказались для армии ненужными.

22 февраля. Армия отдыхала в с. Лежанка, на половину оставленном жителями. Бежали потому, что поверили рассказам красных о жестокостях, чинимых «кадетами». В течение дня немалая часть бежавших вернулась в свои дома, которые нашла совершенно нетронутыми и не разграбленными. Смущение было огромное, когда добровольцы не требовали, а просили и за все расплачивались. Не возвращались в село лишь люди призывного возраста, боясь, что их мобилизуют, и те, которые связали себя службой у красных.

**

В этот день, в присутствии генералов: Алексеева, Корнилова, Деникина, Маркова и др. в сельской церкви было отпевание четырех убитых офицеров.

— Мы проводили их с воинскими почестями до их могилы на сельском кладбище. Отслужена была последняя лития, а потом ген. Алексеев сказал со слезами на глазах о наших первых жертвах похода, о нашей обреченности в дальнейшем. Ген. Корнилов внимательно осмотрел закрытые могилы и сказал нам: «Запомните, господа, где мы их похоронили: может быть близкие будут искать эти одинокие могилы».

23 февраля. Утром Добр. армия выступила из с. Лежанки и скоро вошла в пределы Кубанской области. Конный отряд полк. Глазенапа несколько раньше выступил в юго-вост. направлении на с. Белая Глина, дабы отвлечь внимание красных от истинного направления движения армии. Офиц. полк с 1-й батареей на этот раз шел в арьергарде. Погода была чудесная, дорога совершенно сухая; идти было легко. Колонны частей шли в образцовом порядке.

Вдоль колонны Офиц. полка проскакал ген. Марков. Роты быстро «взяли ногу». Проезжая 4-ю роту, он, вдруг, громко спросил:

— Четвертая рота, что это за строй?

Не успел ротм. Дударев ответить, как вся рота сказала:

— Справа по три, Ваше Превосходительство!

Этот кавалерийский строй, унаследован был всей ротой от главной составной ее части, Ударного див-на кав. дивизии. В ответ раздалась реплика ген. Маркова:

— Я вам покажу! Пехота, а справа по три...»

И, так как ген. Марков ускакал дальше, так ничего и не «показав», то рота весь дальнейший поход и проходила в кавалерийском строю «справа по три».

Совершив без утомления 12-верстный переход, армия остановилась в первой кубанской станице Плосской, разместившись там по квартирам. Сразу же всех поразила резкая противоположность тому, что было в с. Лежанка: станица не была оставлена жителями и казаки встретили их приветливо и радушно: страха перед пришедшей армией они не испытывали. Всего 12 верст разделяло два различных характера, две психологии: казачью и крестьянскую. И это несмотря на то, что крестьяне Ставрополя жили не беднее казаков.

Но задумываться над этим офицерам не хотелось: они были заняты приведением себя в порядок в ожидании скорого и, видимо, обильного вкусного обеда. Они видели, как расторопные казачки готовили еду. Особенно пострадали куры; их приходилось ловить офицерам «по всем правилам военного искусства» и не всегда удачно; особенно беспомощны были офицеры в «убийстве» кур: казачки и казаки это про-

делывали с поразительной ловкостью и без всякого «оружия». Курьезы и смех! Казачки решительно отказывались брать деньги за угощение.

В Технич. роте особенное оживление: прап. Шмидта, одетого в черкеску, казаки принимали за Вел. Кн. Николая Николаевича. Впрочем, сходство действительно поразительное. Ему, как и тем, кто с ним, оказывалось особо почтительное внимание и хлебосольство. Казаков не разуверяли ни теперь, ни потом.

Был впоследствии даже такой случай: один офицер, подойдя к прапор. Шмидту, сказал ему на ухо:

— Ваше Императорское Высочество, я вас узнал!

На это ему Шмидт также тихо ответил:

— Ну, и молчи!

Когда спросили Петра Эдуардовича, зачем он дал такой странный ответ, он объяснил, что если бы он постарался разуверить офицера, что он не Великий Князь, ему офицер все равно не поверил бы, в приказ «Великого Князя» — молчать, действительно заставил бы его не распространять этот вздорный слух.

Несмотря на благожелательное отношение казаков станицы к добровольцам и несмотря на то, что они бесспорно разделяли цели и задачи Добр. армии (ген. Корнилов почти в каждой станице разговаривал с казаками), тем не менее они не внимали призыву вступить в борьбу против большевиков. Не ожидали этого добровольцы.

24 февраля армия выступила дальше в западном направлении, имея в арьергарде Офиц. полк. Сделав в х. Ново-Ивановском 2-х часовой привал, перешла на почлег в ст-цу Незамаевскую. Здесь она нашла иное отношение казаков и к большевикам и к себе: предчувствуя или понимая, что могут дать им большевики, казаки взялись за оружие и дали армии пополнение — пешую и конную сотни.

25 февраля. С утра армия снова в походе. Шедшему в арьергарде Чехо-словацк. б-ну пришлось отбить атаку и нанести большие потери кав. отряду красных. За это дело ген. Корнилов выдал б-ну награду в 5.000 руб.

Пройдя всего лишь 15 верст, армия остановилась в ст-це Веселая и расположилась по квартирам, что весьма удивило всех. Стали строить догадки о причинах этого. То обстоятельство, что армия находилась уже недалеко от Владикавк. жел. дор., заставляло предполагать о возможном переходе ею этой дороги и даже с весьма вероятным боем и что все это может произойти ночью. И, действительно, около 21 часа армия выступила дальше, имея в авангарде Офиц. полк, Технич. роту, Юнк. б-н и 1 батарею, под общим начальством ген. Маркова. Направление движения было взято попрежнему на запад, на ст. Сосыка, но, пройдя верст десять, у х. Упорный, авангард круто повернул на юг.

В темноте Офиц. полк по небольшой проселочной дороге, спускаясь вниз, прошел по гати, перешел мост через реку Тихонькая... Но орудия застряли на гати. Полк. Миончинский мобилизовал все силы батареи: кустарник, камыш, солома... все валится на гать. Ей на помощь подошла Технич. рота: вяжутся фашины, крепится мост... Стучат топоры. Среди глухого шума работающих людей слышен отчетливый резкий голос ген. Маркова. Наконец орудия благополучно перешли мост, но снова застряли на второй половине гати. Подбежала Офиц. рота. Скоро орудия оказались на твердом грунте и авангард тронулся дальше.

— С ним не пропадем и везде пройдем, — говорили про ген. Маркова.

Где-то вправо раздались 2-3 взрыва.

26 февраля. Перед рассветом авангард вошел в ст-цу Новолеушковскую и, не задержавшись в ней, продолжал путь, но уже в западном направлении. Еще 5-6 верст и он вышел на жел. дорогу, пропуская мимо себя армию. Ген. Марков распоряжался на переезде. Здесь же бы и ген. Корнилов.

Однако, переход армии жел. дороги не прошел спокойно: с севера, со стороны ст. Сосыка, подошел бронепоезд красных и начал обстрел переезда. Оказалось, жел. дор. путь был подорван слишком близко, но его скоро отогнала 1-ая батарея, выехав на версту вперед. Когда прошли последние части, тронулся за ними и Офиц. полк с бат-ей.

Наступила ночь.

При выходе армии из ст-цы Веселая, ее нагнала группа в 6 конных и 13 пеших на подводах, которую вел полк. Биркин, офицер Новочерк. кад. корпуса. В группе было 4 офицера и 6 кадет корпуса, остальные казаки. Группа сначала присоединилась к отряду ген. Попова, но после того, как казаки отряда выразили недовольство назначением полк. Биркина помощником к-ра одной из частей, полк. Биркин, а с ним и вся его группа решили ехать на присоединение к армии ген. Корнилова. К с. Лежанка группа подъехала, когда из него уже ушла Добр. армия и в нем были красные. Ночами и разными окольными путями, сильно измотанной, догнала она, наконец, армию.

В Новолеушковской группа представилась ген. Корнилову и получила назначения: конные — в кон. часть, а пешие в Офиц. полк. Ген. Марков направил полк. Биркина, воск. ст. Аренда и Суровецкого, ес. Суровецкого и кадет: Дьяконова, Аренда, Мишустова, Невольского, Ульянова и Ажинова в 4-ю роту, где они составили отделение во взводе прап. Павленко.

Уже было далеко за полночь, а Офиц. полк с батареей все еще в походе. Дорога была хорошая, но дул холодный ветер. Усталость давала себя чувствовать. Вспоминалась солдатская посенка:

«Хорошо служить в пехоте;
Впрочем очень чижало.»

Короткие остановки мало облегчали. Одолевал сон. Вдруг длительная остановка: впереди задержка при переходе болотистой балки. Многие заснули. Даже резкий оклик ген. Маркова не сразу всех разбудил. Кое-кто задержался, приводя в порядок свою изорванную обувь; ему брошено короткое приказание:

— В первом же бою добыть цельные сапоги!

Отстающих нет; колонна идет в порядке. Беда, если «приспичило пойти до ветра» по большому делу: ген. Марков тут ничего не скажет, но догнать своих не легко. Ген. Марков не может ехать спокойно: он должен быть всюду. И обоз он не оставляет без внимания. Он знает всех едущих на подводах.

— Что с вами? — обращается он к одному штаб-офицеру.

— Болен, Ваше Превосходительство!

— Позвать доктора и сказать ему, чтобы он доложил мне о состоянии здоровья этого офицера! — После доклада доктора, ген. Марков приказал передать «больному», что «армии такие больные не нужны».

Наконец, вот и ст-ца Старолеушковская, но арьергард должен ждать пока вся армия втянется в нее. Досадно утомленным 30-верстным переходом в течение суток, быть в степи на холоде и голодными. Но — «як треба, то треба».

27 февраля. Только под утро Офиц. полк и бат-я втянулись в станицу и остановились в указанном им районе. Конечно, некоторым взводам пришлось сразу же идти в заставы и оставить надежды на отдых и еду.

Полк. Биркин со своим отделением был послан в заставу у мельницы и неожиданно нашел там заставу корниловцев в 10 чел. Корницы были в возбужденном состоянии. Оказалось, ночью на них натолкнулась колонна красных, шедшая в ст-цу и они безшумно разделались с нею: около сотни убитых лежало на дороге и стояло 5-6 захваченных подвод с оружием. Но быть смененными они не решились, так как не получили никакого уведомления об этом и полк. Биркин с отделением вернулся в ст-цу. Отдохнуть ему опять не пришлось: армия уже выступала.

Пройдя еще 20 верст, армия пришла в ст-цу Ирклевскую и только здесь было объявлено о ночевке и даже добавлено — спокойной. Не-

обходимость отдыха была огромна: ведь армией за полутора суток пройдено до 50 верст.

28 февраля. Объявлено о возможной дневке в ст-це и, действительно, армия простояла не только весь день, но и еще одну ночь. Добровольцы основательно отдохнули.

Конечно, среди офицеров велись разговоры на темы, выдвигаемые походом. Прежде всего о безболезненном переходе Владикавк. ж. д. Объяснение у всех одно: армию ведет ген. Корнилов. Затем — куда направляется армия? Тут — разногласия. Одни убеждены, как убеждены были и до перехода жел. дороги: она идет на ст. Тихорецкая и изменила лишь направление удара на нее; другие утверждают, что теперь она идет на Екатеринодар и что для этого совершенно не нужно предварительно разбить Тихорецкую группу красных. В одном офиц. взводе по этому вопросу шел весьма горячий спор и мир восстановил к-р взвода, шт.-кап. Згривец, своим обычным приемом: «Слышь! Почистите винтовки, а пойдем туда, куда прикажет ген. Корнилов».

1 марта. Утром армия двинулась по дороге на ст-цу Березанскую, имея в авангарде Корнил. уд. полк с батареей. Офиц. полк на этот раз шел почему-то в голове главных сил, что всем казалось новым за поход.

Впереди начался бой и, судя по стрельбе, серьезный. Колонна остановилась.

В это время, бывший в голове колонны ген. Корнилов, обратившись к ген. Маркову, сказал:

— Помогите Корниловцам! Если мы не собьем прот-ка до вечера, мы будем окружены.

Тревога ген. Корнилова была понятна: он не думал, что красные будут оказывать упорное сопротивление армии в таком отдалении от жел. дороги; не допускал мысли, что кубанские казаки будут на стороне красных, как случилось теперь. Оказалось, что противник не только обороняет станицу большими силами, но и сидит в окопах.

Ген. Марков выехал вперед. За ним Офиц. полк с батареей. Вскоре полк свернул с дороги и перестроился в боевой порядок. Выйдя на линию Корниловцев, оба полка перешли в наступление. На фланге — конный див-он.

Красные встретили полки жесточайшим ружейным и пулеметным огнем. Но цепи, не останавливаясь, спокойно, с винтовками на ремне, шли вперед; лишь изредка кто-нибудь на ходу давал выстрел-другой по важной цели. Красные не выдержали такого уверенного наступления и, сначала одиночками, а затем и всей своей массой, поднялись и бросились бежать, бросая пулеметы и винтовки.

Пройдя окопы красных на пологом гребне, добровольцы в 3-4 сотнях шагов увидели станицу, куда ныряли красные, укрываясь в постро-

ках, садах, в огородах и в камышах, пересекающей станицу реки. Кон. див-он обошел станицу и преследовал красных уже за ней. В станице вылавливали укрывшихся; иные платились жизнью, а на станичной площади старики-казаки поучали свою молодежь за помощь красным.

Офиц. полк не задержался в станице и вслед за кон. див-ном перешел в занятую им станицу Журавскую, проделав за день до 30 верст.

Потери полка в бою были ничтожны.

2 марта. Вся армия перешла в ст-цу Журавскую, выделив Корн. полк и кон. див-он полк. Гершельмана для занятия ст. Высеки, на жел. дор. Тихорецкая-Екатеринодар. Станция была взята. Оставшийся на ней кон. див-н не подорвал жел. дор. путь в сторону Тихорецкой, стоял беспечно и неожиданной атакой красных с бронепоездом, был с потерями выбит.

Посланный для восстановления положения Партизанский полк встретил упорное сопротивление и не мог взять станции ночной атакой. Положение армии, имеющей теперь на фланге сильную группу красных, базирующуюся на Тихорецкую, было тяжелое. Разбить в первую голову красных в Выселках, стало первой и неотложной задачей.

3 марта. До рассвета на помощь Партизанам выступил отряд ген. Маркова: Офиц. полк, Технич. рота и 1-я бат-я; ему был придан и 6-н Корниловцев.

Под прикрытием утреннего тумана отряд подошел к станции версты на 2-3 и стал разворачиваться. Впереди была слышна стрельба. Не доходя гребня, офиц. роты встретили отходящих партизан, пропустили их и ускорили движение на гребень. Едва поднявшись на него, они нос к носу столкнулись с наступающими густыми цепями красных. С дистанции в 50 шагов, офицеры ринулись в штыки. Местами произошел короткий рукопашный бой; красные были опрокинуты. Расстояние быстро увеличивалось: офиц. цепи, продолжая наступление, преследовали красных огнем, но, встреченные огнем многих пулеметов из построек поселка, залегли. Тем временем красные с помощью резервов снова перешли в наступление.

Ген. Марков был в цепи полка. В этот момент к нему подскочил красавец казак, высокого роста, с красным башлыком 17-го Баклановского полка.

— Очень рад видеть вас, есаул Власов! — громко заговорил ген. Марков, — как нельзя во время подошли: на наш левый фланг наступают матросы... Как бы до штыков не дошло! Атакуйте их, только поскорее!

— Слушаюсь, Ваше Превосходительство! — ответил есаул Власов, изящно отдав честь, скачком сел в седло и, круто повернув коня, карьером понесся к своей сотне, стоявшей в укрытом от пуль ме-

сте. Через несколько минут лава казаков в 40 шашек с гиком бросилась в атаку. Затрещала пальба и... стихла.

— Вперед, бегом! — и с криком «ура» цепь Офиц. полка кинулась в атаку. Теперь снова цепи оказались шагах в ста от красных. Атака ес. Власова сделала свое дело: его сотня изрубила ведущую часть красных — матросов и соседних с ними. Батарея затушила пулем. огонь из мельницы; она заставила красный бронепоезд укрыться за зданиями поселка, а затем поспешно уйти в сторону ст. Тихорецкой. Красные бежали через поселок на восток, но там они попали под огонь обошедшей станцию с севера офиц. роты. Ген. Корнилов в решающий момент атаки станции, был с цепями.

Станция была взята и противник разбит, но части Добр. армии понесли большие потери. Это был первый серьезный и жестокий бой. На стороне красных, кроме матросов (их было до 150 чел., погибли почти все), участвовали казаки и части 39 пех. дивизии, чем и объяснялось их упорство. Ген. Марков был вне себя. К нему не обращались с вопросами о случайных пленных, а священнику, просившему о помиловании «заблудившихся», он ответил:

— Ступайте, батюшка! Здесь вам нечего делать.

В конной атаке погиб и есаул Власов. В момент схватки с матросами под ним был убит конь. Есаул упал, но, вскочив, он снес голову стрелявшему матросу и тут же погиб под пулями другого.

— Есаул! Есаул! — закричали его казаки. Изрубив матросов, они уже не могли преследовать красных: они столпились у тела своего командира и рыдали. Ночью тело есаула Власова и др. убитых были преданы земле на кладбище пос. Выселки.

Уже в полных сумерках Офиц. полк, Технич. рота и 1-я бат-я расположились на ночлег в поселке ст. Выселки и вблизи лежащей ст-це Суворовской. Ген. Марков приказал отдохнуть «как следует» и кроме того, всем нашить на головные уборы белые повязки, чтобы в бою легче было отличить своего от красного. Тем частям отряда, которые остановились в ст-це Суворовской, приказан было не платить за питание, как репрессия за участие казаков этой станицы на стороне красных.

Партиз. полк и 6-й корниловцев со взятием станции ушли на присоединение к главным силам армии в ст-цу Журавскую.

Стало всем известно об екатеринодарских добровольческих частях. Несколько дней назад здесь эти части потерпели поражение и отошли к Екатеринодару. Но факт существования добровольческого отряда в Екатеринодаре теперь был бесспорен и путь в Екатеринодар не представлялся трудным: красные будут сжаты с двух сторон и не помешают соединению армии с Кубанским отрядом.

БОЙ У СТАНИЦЫ КОРЕНОВСКОЙ.

4 марта. Перед рассветом отряд ген. Маркова, сосредоточившись на ст. Выселки, выступил вдоль жел. дор. в направлении на Екатеринбург. В арьергарде остался конный див-он и подрывная команда Офиц. полка.

Стояла хорошая погода со светлым утром. В лучах восходящего солнца над степью жаворонки пели свои песни, роты Офиц. полка — свои:

«Так за Корнилова, за Русь, за Веру
Мы грянем громкое — «ура»!

Ген. Марков задержался на станции, но затем крупной рысью нагнал свой отряд. Поздоровавшись с Технич. ротой, шедшей в хвосте, он перешел на шаг и сразу же завел разговор со всеми, задав несколько относящихся к моменту вопросов и сделал вывод:

— Вы у меня и инженеры, и пехота, закаленные в боях. Вы хороший кадр для новых формирований. Будем надеяться, что в конце концов мы разобьем красных.

И вдруг, строгий вопрос командиру роты:

— Я не вижу полковника Уральского войска?

К-р роты ответил, что полковник устал и находится в обозе.

— Мы все устали! — возразил ген. Марков, — на следующий раз передайте полковнику, чтобы он поборол свою усталость и был бы в строю вместе с другими. Обоз нашей маленькой армии, это раненые и больные. У нас не хватит сил, чтобы защищать здоровый элемент, если таковой будет находиться в обозе, — и поскакал дальше.

«Сколько бодрости, уверенности и надежд вливал он в наши души! Мы были как орлята около своего орла», — записал участник этого похода.

Впереди роты ехало несколько санитарных подвод. На одной из них ехала сестра милосердия Технич. роты, Елена и пожилой офицер. Последний, увидев приближающегося ген. Маркова, слез. И что-же? Ген. Марков первым приветствовал офицера и даже сказал ему: «Садитесь на подводу»!

Офицеры роты были поражены: два, один за другим следовавших совершенно одинаковых случая и — разное отношение к ним? Объяснилось это весьма просто: ген. Марков не только все замечает, но он и все знает. Он знал, что шт.-капитан был в бою под Выселками ранен двумя пулями. Этот офицер отказался отправиться в армейский лазарет: «Раны пустяшные. Заживут на ходу при роте».

Отряд, в голове которого уже был ген. Марков, спустился в широкую низину речки Малеванная. Дорога шла по гати среди густых зарослей камыша. Ген. Марков следил за состоянием гати: выдержит ли она тяжесть орудий? Задержки не произошло. Дорога пошла на подъем.

Разъезд Козырьки. Здесь отряду был дан отдых, но ген. Марков со своими ординарцами и конн. разведчиками батареи, был далеко впереди.

Колонна отряда двинулась. Кругом тишина. В природе полный покой и радость ранней весны, но у добровольцев нервы напряжены ожиданием скорого боя. Несколько взрывов сзади, где была подорвана гать и полотно жел. дороги, отразились в них ощущением покоя за отряд. Но вот, не очень далеко вправо, раздались артил. выстрелы и все, как по сигналу — «к бою готовься», подтянулись. Стройнее стали их ряды. В отряде знали, что там, вправо, ведут наступление на ст-цу Кореновскую главные силы армии.

Вскоре, к продолжавшей идти колонне, подъехал ген. Марков и приказал своему отряду на ходу разворачиваться в боевой порядок: 1 и 2 роты в передовую линию, упираясь правым флангом в жел. дор.; 3-й роте — уступом слева; Технич. роте — во 2-ю линию по обе стороны жел. дор. и 4-й роте — в резерв, вправо от жел. дор.

Еще немного продвинувшись вперед, передовые цепи полка увидели далеко впереди постройки и дымки паровозов на ст. Станичная, правее — станицу, ближайшая часть которой была прикрыта гребнем, а значительно ближе их, по гребню, полосу свежескопанных окопов и двигающихся вдоль их людей. Пр-к уже подготовился к встрече. Кроме того было видно, что окопы пр-ка тянутся далеко влево, далеко левее направления, которое мог взять левый фланг 2-й роты.

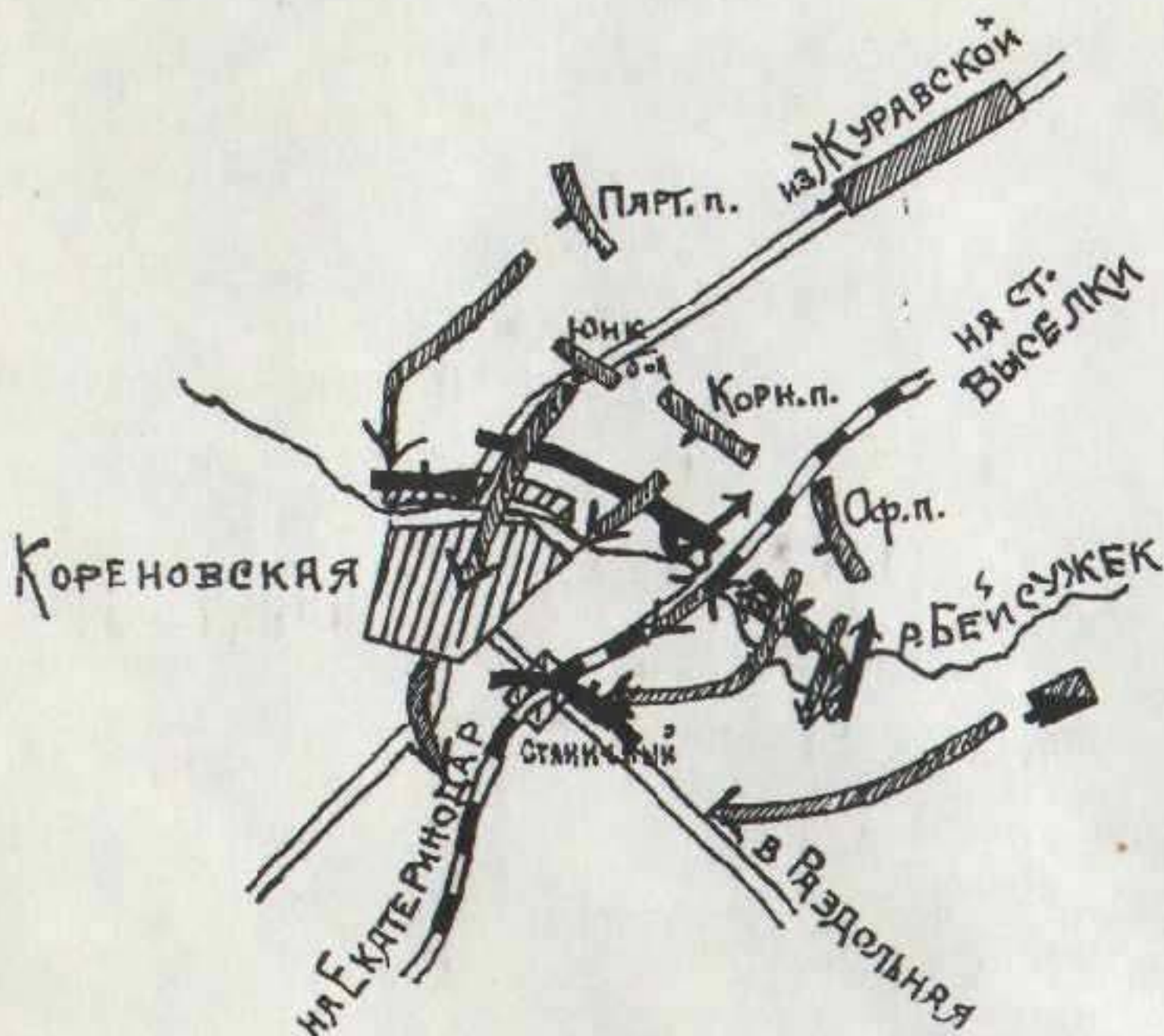
Перед фронтом полка было еще спокойно, но вправо уже, судя по силе огня, шел серьезный бой. Но вот, первая неприятельская граната разрывается на небольшом удалении. Затем — шрапнель — журавлиный разрыв за передовыми цепями. Ген. Марков влезает на крышу жел. дор. будки, но скатывается с нее кубарем, т. к. следующая шрапнель накрывает будку. Бой на участке Офиц. полка начался.

До окопов пр-ка меньше версты. Офиц. цепь идет вперед, но красная пехота молчит. Орудия красных стреляют лихорадочно. Одна шрапнель нормальным разрывом накрывает взвод. Взвод поднимается и идет дальше, оставив на месте 4 офицеров. К счастью следующие шрапнели рвутся над головами цепей. Стреляет красный бронепоезд из жел. дор. выемки.

К одному из холмиков вылетает 1-я бат-я, снимается с передков, но вынуждена немедленно сняться, т. к. бр-зд бьет по ней весьма точно.

Она занимает другую позицию, несколько правее, на которой она не может быть обстреливаема бр-здом, когда тот в выемке, но может бить по нему, когда он пытается выдвинуться из нее. Бр-зд стал безопасен для цепей, продолжавших идти вперед.

До пр-ка оставалось до 1.200 шагов, когда он из окопов открыл пул. и руж. огонь. Цепи усилили шаг. Еще несколько сот шагов и они рванулись бы в атаку, но передана команда: «Стой!».

Ген. Марков остановил наступление, т. к. красные в это время решили нанести удар по открытому левому флангу 2-й роты. Он поскакал туда, нагнал отставших от роты пулеметчиков, тянувших пулемет и, указав им влево на бугор, находящийся шагах в 800, сказал:

— Вот высота! Кто первый ее займет, одержит успех!

Трое пул-ков быстро потянули туда свой пулемет; четвертый нес ящики с лентами. Когда они подошли к высоте, то уже окончательно выдохлись, а цепь красных, человек в сто, всего лишь шагах в 150-ти. Откуда взялись силы у пул-чиков? Они втянули пул-т на высоту. Момент, другой... По ним защелкали пули, но пул-т бешено залился своей очередью... Он не выпустил и полной ленты, как замолк. Цепь красных бежала назад, оставив перед высотой убитых и раненых матросов; бежала от пулемета, на котором лежал без сознания, сильно раненый в руку, н-к его, пор. Смола-Смоленко, а рядом — убитый

другой и раненый в ногу третий пулеметчики. К высоте подошла 3-я рота; еще левее — кон. див-н.

Время — около полудня. На участке полка перестрелка; правее — сильный бой. Представление у офицеров такое, что он не может не переброситься и на их участок, и... перед фронтом всего Офиц. п-ка, красные ринулись в атаку густыми цепями. Офицеры встали и встретили их выдержанным огнем. На 250 шагов до них смогли добежать лишь обрывки кр. цепей, чтобы немедленно бежать назад еще более поспешно. Офицеры устремились было их преследовать, но их остановили: они не знали, что в это время произошло за их правым флангом, по другую сторону жел. дороги.

Там Корниловский полк, развивая наступление, довел его до атаки красных окопов, выбил пр-ка из них, но встреченный контр-атакой, стал быстро отходить. Красные преследовали и уже вышли за правый фланг 1-й роты. Полк. Тимановский приказал к-ру 1-й роты, подполк. Плохинскому, ударить во фланг наступающему пр-ку и остановить его продвижение, а Технич. роте перейти в контр-атаку.

Удар взвода 1-й роты с отделением другого взвода был настолько быстр и решителен, и настолько сокрушающ своим штыковым ударом, что красные мгновенно повернули назад. Пятьдесят офицеров преследовали, проскочили их окопы и только там, попав под фланговый огонь бр-зда слева и под ружейный — справа, остановились, но на короткие минуты: красные атаковали и вынудили их к отходу. Пр-к ограничился лишь занятием своих окопов.

Этот эпизод боя произошел столь молниеносно, что Технич. рота не успела даже двинуться со своего места, а полк. Тимановский — едва остановить отходившие левофланговые роты Корниловцев.

Критический момент прошел: добровольцы удержались, но наступление армии было остановлено на всем фронте.

1-я рота теперь седлает жел. дорогу. Вправо Корниловцы. За ротой, шагах в 800, седлает жел. дор. Технич. рота. Ее обстреливает из выемки бронепоезд. За правым флангом роты — бугор. На нем наблюдательный пункт 1-й бат-и, одно орудие которой нацелено на окопы красных, другое должно следить за красным бр-дом. Перед бугром — цепь пешего взвода батареи.

— «Ген. Корнилов!» — мгновенно передалось по цепи взвода. За бугром остановилась прискакавшая конная группа с развевающимся трехцветным флагом. Ген. Корнилов взошел на бугор.

— Где ген. Марков? Позвать ген. Маркова! — сказал он и стал осматривать расположение пр-ка. Красные начали усиленный обстрел

бугра ружейным огнем. Ген. Корнилова просят сойти вниз, но он не слышит просьб. Артиллеристы в цепи и у орудий замерли.

Через какое-то недолгое время прискакал ген. Марков. Взоры всех обратились на двух кумиров армии.

— Как у вас на левом фланге? — спросил ген. Корнилов.

— Я послал туда подкрепление, — ответил ген. Марков.

— Сколько?

— Семь человек и пулеметы, а когда понадобится, сам отправлюсь туда с конными. Кроме того у меня еще в резерве Технич. рота (4-я рота Офиц. полка в это время числилась в арм. резерве, но ген. Маркову были приданы пулеметы Корн. полка, которые и пошли на левый фланг).

Шум стрельбы заглушал разговор Вождей, но вот, что удалось схватить близлежащим офицерам:

— Кажется придется нам здесь заночевать, Сергей Леонидович! — сказал ген. Корнилов.

— Ночевать не будем! — ответил ему ген. Марков, и как-то объяснил свое утверждение.

Еще несколько фраз и, ген. Корнилов сев на коня, уехал на правый фланг армии.

Ген. Марков вызвал к себе полк. Тимановского и к-ров Технич. роты и 1-й бат-и и отдал им распоряжения, касательно предстоящей атаки. Техн. рота будет атаковать красных вправо от жел. дороги. Офицеры-ординарцы поскакали с распоряжениями в роты полка, а сам он быстрым шагом пошел влево, вдоль лежащей цепи Техн. роты. И — совпадение: в этот момент бр-зд открыл беглый огонь по роте. Ген. Марков скачками бежал по открытому месту к жел. дор., залез под бетонный переезд и встретился там с несколькими офицерами. Последние не успели даже смутиться появлением ген. Маркова, как услышали его ворчанье:

— Чорт возьми! Красная сволочь, видимо заметила мою папаху и не жалея бросает снаряды. Как бы не попало по цепи. Нужно переждать здесь несколько минут. — И сейчас же стал спокойно говорить о нашей предстоящей атаке и... о бое на улицах. Затем он, вдруг, перешел на тему о политике, сказав, что наша политика — защита блага Родины, и что мы, как солдаты, должны вести нашу политику быстро, решительно и целесообразно.

Прошло, может быть, минут пять, как ген. Марков, заявив молчавшим офицерам: «Ну, скоро мы пошлем красным снаряда три и — в атаку!» — оставил убежище и побежал к передовым цепям Офиц. полка. Только теперь пришли в себя офицеры под мостом. Ожидали разноса, а вместо этого живая, бодрая речь и предупреждение о скорой атаке. Офицеры решили, раз ген. Марков говорил о бое на улицах, следовательно их рота атакует станицу.

Перебежками, с болтающейся на ремешке через плечо плеткой, ген. Марков добрался до передовой цепи, держа в руке свою белую папаху. Не обращая внимания на стрельбу со стороны пр-ка, он обычным бодрым голосом спросил радостно встретивших его офицеров:

— Жарко?

— Жара, Ваше Превосходительство! Патронов нет! — сразу ответило несколько человек.

— Вот нашли чем утешить! В обозе их также нет. По сколько? — также весело спросил он.

— Десять—пятнадцать—двадцать... — в разной ответили ему.

— Ну, это еще не плохо. Вот если останутся одни штыки, то будет хуже.

Идет подготовка к новой атаке. Подрывники взрывают полотно жел. дор. в начале выемки, чем лишают бр-зд возможности вырываться вперед и угрожать обстрелом цепей во фланг. Но он опасен будет во время самой атаки, т. к. может обстреливать во фланг местность непосредственно перед окопами своей пехоты, а поэтому необходимо заставить его уйти из выемки и поставить под обстрел добр. орудий. Эта задача дана отделению пор. Якушева.

Пользуясь тем, что возвышенность, в выемке которой стоит бр-зд, имеет неровную поверхность и покрыта кустарником, офицеры смогли подползти к бр-зду и бросить в него несколько ручных гранат. Бр-зд попятился назад и оказался на виду у арт. наблюдателей. Гранаты 1-й бат-и заставили его маневрировать, временами отходить по ж. д. мосту на другой берег реки. К великой досаде всех, одна граната попала в мост, когда бр-зд был на той стороне, но все же теперь, из-за повреждения моста, он уже не может оказать большой поддержки своей пехоте на ее позиции.

Подготовка к атаке шла благоприятно. Технич. рота выдвигалась в передовую линию правее ж. дороги. На остальных участках полка спокойно, хотя и шла непрерывная перестрелка: офицеры лежали группами и вели разговоры даже не относящиеся к делу. Полк. Морозов, без должности, но всегда находящийся в передовой цепи, обсуждает с офицерами назначение попадающихся в степи плетеных сарайчиков.

А Т А К А

Время приближалось к 15 часам.

Ген. Марковым отданы все распоряжения и последнее из них: сигнал к атаке подает он сам и находится он будет в передовой цепи 1 и 2 рот.

Наконец, на правом фланге всей армии началась сильная арт. и

руж. стрельба. Ген. Марков вскочил и, бросив свой взгляд вправо и влево по цепи, скомандовал:

— А ну-ка! В атаку! — и сам бросился вперед. Все видели его в белой папахе и без колебаний также рванулись вперед.

И, вдруг, в этот же момент поднялись и густые цепи красных и также ринулись в атаку. Было мгновение — офицеры остановились было, но порыв ген. Маркова снова увлек их. Цепи пр-ков быстро и молчаливо сближались. Нарушило тишину отделение пор. Якушева, находившееся в выдвинутом положении, открыв огонь почти во фланг красным и этого оказалось достаточно, чтобы те мгновенно повернули назад. Красные бежали не задержавшись даже в своих окопах, за которыми местность круто обрывалась к р. Бейсужок. Красные катились вниз, спасались в камышах, толпами спешили перейти речку по бродам и толпами бежали по открытой местности то на ст. Станичная, то левее в лесок. Цели были отличные.

Успех атаки на всем фронте Офиц. полка полный. Его цепи начали преследование пр-ка. Первым на тот берег реки по ж.-д. мосту перешел пулемет 1-й роты; за ним отделение пор. Якушева и другой пулемет. Бр-зд красных гремел орудиями и пулеметами. Два офицера-пулеметчика, сраженные разрывами снарядов, упали в реку. Перешедшие — на ж.-д. насыпи. Перед ними бр-зд, по которому бьет 1-я бат-я; он то отходит, то вырывается вперед. Вдруг он доходит до самого моста. Пулеметчики и отделение, оставив пулеметы, скатываются с насыпи и прижимаются к земле. Выручает батарея: она стреляет по бр-зду и... по своим, не нанося никому потерь. Но бр-зд быстро дает задний ход.

С берега реки ген. Марков видит бегство красных перед фронтом всего полка, но и слышит сильную стрельбу вправо на участке наступления Техн. роты, которая, видимо, встретила сильное сопротивление перед станицей. Он видит, что получается большой разрыв между нею и 1-й ротой, пересеченный ж.-д. насыпью, на кот. все еще господствует бр-зд и отдает приказание лево-фланговой, 3-й роте, бегом перейти на правый фланг 1-й роты, а сам, вскочив на коня, поскакал к Техн. роте. Но эта рота все же сбила красных и вырвалась в южную окраину станицы, вместе с подошедшей 4-й ротой, руководил которыми полк. Тимановский.

Перейдя речку, 1 и 2 роты встретили сопротивление красных перед леском и станцией. Лесок был взят, но перед станцией произошла задержка: красным помогал их бр-зд. И только с подходом 3-й роты и после того, как по бр-зду и станции открыла огонь и 2-я бат-я, бр-зд ушел и 3-я рота ворвалась на нее. После отбития ею сильной к.-атаки красных, последние отошли. Полку приказано остановить наступление. Стрельба смолкла.

Наступили сумерки. Последний взрыв боя уже впереди станции, но у частей, взявших станицу.

Отлично вел наступление на станицу Юнкер. б-н. Он шел в авангарде главных сил. Под дальним огнем красных развернулся в цепь. С группой конных, с развевающимся Национальным флагом, вдоль цепи проехал ген. Корнилов. Он сказал юнкерам:

— Я очень доволен, что в этом бою участвует Юнкерский б-н на ответственном участке.

Громкое «ура» неслось по цепи. Расстояние уменьшалось. Противник усиливал огонь. Но ничто не остановило бы юнкеров. Их остановило передаваемое по цепи приказание: «Цепь стой!». Последовали добавочные приказания: примениться к местности и открыть редкий огонь. Так б-н простоял, как казалось, «целую вечность», не зная причин остановки.

Наконец: «Цепь вперед!» и — «В атаку, ура!». Сбив красных с их позиций, б-н встретил сопротивление в самой станице, но быстро преодолел его с поддержкой, подскакавшей чуть ли не в его ряды, 4-й батэрей полк. Третьякова. Уже в сумерках он вышел на юго-зап. окраину станицы и далее к жел. дороге, где и произошло у него и Корниловцев последнее столкновение с бр-дом и пехотой красных.

**

Ночь. Офиц. полк с 1-й бат-ей на станции. В охране 4-я рота. Вся остальная армия — в станице.

Настроение у всех крайне возбужденное длительным и тяжелым боем; усталость и сон валили с ног. Чины полка и бат-и быстро разобрали два больших котла с готовым борщом, оставленные красными на ж.-д. платформах, и уснули крепким сном.

Но не было отдыха медицинскому персоналу. Ему нужно было собирать на поле раненых и убитых, свозить их в станицу, оказывать помощь одним, похоронить других. Нужно было озаботиться о нахождении новых подвод для массы раненых.

Потери в частях армии были весьма большие.

Офиц. полк потерял до 130 чел. при 30 убитых,

Техническая рота — 20 чел. при 7 убитых,

Юнкерский б-н — до 50 чел. при 8 убитых,

1-я бат-я потеряла 1 убитым и нескольких ранеными.

Большие потери были и в др. частях. За два боя у Выселок и Кореновской походный лазарет армии увеличился почти на 200 подвод. При уменьшившейся численности армии, увеличение обоза крайне тяжело и стеснительно. Это понимали все.

На участке у жел. дороги, где вначале наступали Корниловцы, а затем «Марковцы», как стали называть подчиненных ген. Маркову чинов

Офиц. полка, лежал тяжело раненый в обе ноги капитан Корн. полка, чудом не добитый красными. Он окликнул пробежавшего «Марковца»:

— «Есть у вас револьвер?» — спросил он.

— «Зачем? Красные отступают. Мы на той стороне. Я сейчас пришло за вами сестру».

— «Я не хочу отягчать своим полутрупом и без того тяжелое положение армии. Дайте револьвер!» — просто ответил капитан.

После некоторого колебания «Марковец» дал ему револьвер и пошел дальше. Сзади раздался выстрел...

5 м а р т а. Сон всех был долгим и крепким. Его не прерывала даже временами возникавшая оживленная перестрелка в охранении. Просыпались в бодром настроении.

Стали выясняться некоторые подробности минувшего боя. Оказалось, что силы красных защищавших станицы, исчислялись не менее, чем в 10.000 ч., т. е. раза в четыре превышавшие боевую силу Добр. армии. Кроме того, качественно вся эта масса была на большой высоте, хорошо руководима, упорна и даже активна. Бронепоезд дрался отлично. Среди красных было много матросов. Упорство пр-ка стоило ему огромных потерь. Он побежден, но не разбит, как был разбит под Лежанкой или Выселками. Он отошел, сохранив порядок и отошел он на каких-нибудь четыре — пять верст.

Захваченные у противника трофеи были значительны и ценны: необходимые для армии медикаменты, а, главное, арт. снаряды — до 600 шт. Они оказались в вагонах, оторванных от эшелона попаданием снаряда. Ночью эти снаряды были разобраны батареями. Взято много пулеметов. Патронов приобретено столько, что составлен их запас.

В Офиц. полку теперь определенно говорили о продолжении наступления на Екатеринодар. В успехе была полная уверенность. Ее не поколебала даже услышанная, вызвавшая некоторое беспокойство, новость: Кубанский отряд оставил г. Екатеринодар и ушел на юг за Кубань. Уверенность подкреплялась усилением армии пешей и конной сотнями кубанцев ст-цы Брюховецкой и надеждой еще пополниться казаками ст-цы Кореневской.

Но предположения и стремления «Марковцев» не осуществились. Ген. Корнилов, основываясь на докладах о состоянии частей их к-ров, в том числе и ген. Маркова, решил иначе: цель — не Екатеринодар, а соединение с Куб. отрядом, а посему и армии идти за Кубань, куда ушел Куб. отряд. Кроме того, считалось, что за р. Кубань, армия выйдет из окружения большими силами красных, сбережет свои силы и даже отдохнет.

О решении ген. Корнилова догадались лишь, когда армия выступила в южном направлении.

Вечером вся армия стягивалась из станицы к станции и затем, имея в авангарде Корн. полк, Чехо-Словацкий и Юнкер. б-ны, двинулась на юг. Офиц. полк, его 1, 2 и 3 роты и Технич. рота с 1-й бат-й, шли в голове «главных сил», как в шутку стали называть огромную колонну на колесах — походный лазарет и обоз.

К 21 часу 4 рота Офиц. п. снялась из охранения перед станицей и пошла вместе с Партизан. полком в арьергарде. Армия шла на ст-цу Усть-Лабинскую.

БОЙ У СТАНИЦЫ УСТЬ-ЛАБИНСКОЙ

6 м а р т а. Армия шла спокойно всю ночь и только утром завязался бой у арьергарда с преследующим ее пр-ком. Утро принесло неприятность: погода изменилась к худшему, подул холодный ветер, небо покрылось тучами, стал накрапывать мелкий дождь.

К полудню, ария, пройдя свыше 30 верст, приблизилась к ст-це Усть-Лабинской, оказавшейся также занятой большими силами красных и уже подготовившимися встретить ее. Перед станцией жел. дор. и перед станицей красные сидели в окопах. Авангард должен был сбить пр-ка, захватить переправу через р. Кубань и обеспечить переход армии за р. Кубань, как в сторону ст. Кавказская, так и г. Екатеринодара. Последняя часть задачи была дана Юнкер. б-ну. Около 14 час. началось наступление авангарда. Офиц. п. и за ним «главные силы» — остановились. Ген. Маркова нет с полком. Полк. Тимановский покуривает свою трубку и спокойно посматривает вперед, но из-за серой погоды не видит, как там «идут дела».

Но вот подскакал ген. Марков.

— Первая рота — за мной! — сказал он и, свернув с дороги, повел ее куда-то вправо. Пройдя некоторое расстояние, рота остановилась. Бой шел близко, т. к. пули то и дело посвистывали над колонной роты. Скоро огонь противника усилился. Наконец, исчезнувший был ген. Марков, повел в колонне же роту дальше, навстречу летящим пулям и подвел ее к высокой скирде, на которой сидел ген. Корнилов, наблюдавший за боем впереди.

— Сергей Леонидович, пошлите Офиц. роту туда, — громко сказал ген. Корнилов, указав направление.

Тут же рота развернулась и цепями пошла вперед. Ей стало видно жел. дор. полотно, насыпь, бегущие от полотна навстречу какие-то жидкие цепи, а на полотне все густеющая цепь, стреляющая по бегущим. Когда отступавшие, а это был Юнкер. б-н, поравнялись с офиц. ротой, они повернули назад и с нею пошли вперед. Красные же в это время, не задерживаясь на насыпи, продолжали наступление. Против-

В этот момент — Юнкер. б-н был остановлен для прикрытия станицы с запада, а офиц. рота не задерживаясь, продолжала наступление по улицам вдоль северн. окраины ст-цы в вост. направлении. Наконец красные исчезли перед ней, свернув в боковые улицы, скрывшись в садах и постройках. Роте было приказано выйти на восточную окраину станицы.

При выходе в поле рота натолкнулась на большое количество неприятельских трупов. Чьей жертвой были они — рота не знала. Она не знала, что здесь, сбив красных, прошли к переправе Корниловцы и Чехо-Словаки. Не знал и ген. Марков, подскакавший в этот момент к роте:

— Когда вы успели набить столько? — весело спросил он. Роте пришлось ответить, что это дело не ее рук и что их жертвы на западной окраине ст-цы. Приказав роте остановиться здесь, ген. Марков куда-то ускакал. Рота простояла на месте довольно долго.

Сейчас же после того момента, когда ген. Марков, по приказанию ген. Корнилова, направил 1-ю роту и Юнкер. б-н в контр-атаку, он получил новое приказание от ген. Корнилова: Офиц. полком обеспечить занятую станицу с востока, откуда ожидалось наступление свежих сил пр-ка. Ген. Марков посылает оринарцев в 1-ю и в находящуюся в арьергарде 4-ю роты с приказаниями не задерживаясь, быть у жел. дороги на линии вост. окраины ст-цы, а сам поскакал к продолжавшим стоять в голове «главных сил» 2 и 3 ротам и 1 батарее. Он повел их влево и, не доходя до жел. дор., остановил их, приказав быть готовыми к встрече пр-ка, а сам помчался к 1-й роте, о чем было сказано выше. Через довольно долгое время подошла 4-я рота, которая остановилась у жел. дор. будки. Ей пришлось идти почти бегом по полю, обходя стоявшие в 3—4 ряда повозки «главных сил». Рота составила полковой резерв в нескольких сотнях шагов за выдвинутой вперед 1-й ротой, ставшей южнее жел. дороги и 2 и 3 ротами, стоявшими севернее ее.

Что произошло дальше, приводится по воспоминаниям полковника Биркина.

«К жел. дор. будке подъехал ген. Марков и слез с коня. Тут уже было несколько офицеров. Он, видимо, много гонял на коне, т. к. снимал свою папаху, вытирал платком лицо и распахивал свою куртку. Его живая фигура ни на минуту не оставалась в покое; в руке играла плетка. Судя по тому, что ген. Марков, а за ним и все остальные, часто смотрели в сторону ст. Кавказской, можно было думать, что враг ожидается с минуты на минуту.

— Вот и они! — сказал вдруг ген. Марков.

Не далее, как верстах в двух, остановился поезд, из которого стали выскакивать красные и разворачиваться против станицы, а из-за поезда выкатили на руках четыре орудия и установили их на позицию.

Красные цепи развернулись по обе стороны жел. дороги и немедленно пошли вперед.

Ген. Марков отдал распоряжения.

До орудий красных было до смешного близко; их можно было обстрелять ружейным огнем, если бы не присутствие ген. Маркова. Ген. Марков с артиллеристом уселись за деревом. Артиллерист растопырил перед своими глазами пятерню пальцев левой руки, смотря через них на большевицкую батарею и начал отдавать приказания.

Но большевики открыли огонь раньше: перелет, недолет... и в этот момент команда: «Первое, огонь!» Столб дыма взвился прямо перед большевицким орудием. «Второе!» — быстро закомандовал артиллерист. Столб дыма поднялся уже между орудиями. «Огонь!» — новая команда.

Тут и ген. Марков и мы, все бывшие около, вскочили в изумлении и радости: граната ударила прямо в орудие и простым глазом было видно, как номеров веером разбросало вокруг него и они остались недвижимы.

Произошло что-то очень странное: от поезда к орудиям побежали люди, схватили орудия и на руках поволокли их к поезду. Наши гранаты и шрапнель подгоняли их, но... перед самым локомотивом взвился столб дыма и тотчас же поезд двинулся назад», — так записал об этом красивом моменте полк. Биркин.

Но артил. обстрел станицы продолжался. Стрелял бр-зд, стоявший за головным эшелоном красных.

А между тем пехота пр-ка густыми цепями, в образцовом порядке, приближалась. Ее левый фланг упирался в р. Кубань. Правый — охватывал Офиц. п. слева. Полк молчал. Но вот — «В атаку!» — крикнул ген. Марков. Атака была бешеной. 1-я рота сразу же оказалась под охватом справа, где не встреченный к.-атакой пр-к, продолжал быстро подходить вдоль реки к станице, угрожая переправе через реку.

— 4-й роте атаковать! Скорей! С Богом! — приказывает ген. Марков, направляя ее в пол-оборота направо.

«Мы уже выдохлись и не могли бежать. Сердце колотилось, как бешеное. Вышли из станицы к полю и остановились. На поле, шагах в ста, лежало много убитых. Кто их перебил, мы уже не могли видеть. Догадались только, что Корниловцы, т. к. конный, мелькнувший перед глазами, был одет в форму этого полка».

Атака красных была отбита полком и они бежали в полном беспорядке. На левом фланге их рубил кон. дивизион.

Темнело. Офиц. п-ку приказано прекратить преследование, отойти к станице и обеспечить переправу армии на южный берег р. Кубани.

*
**

Тем временем в станицу двигались «главные силы», предшествуемые Технич. ротой. Колонна шла к переправе через р. Кубань, занятую Корниловцами. От станицы к каменному мосту вела почти двухверстная дамба, на которую втягивался обоз. Перед самым мостом остановка. По обозу разнесся слух, что мост взорван, известие, приведшее одних в панику, других — к решению дорого отдать свои жизни, третьих, наиболее беспомощных, не отдаваться в руки красных живыми.

Но, к счастью, только в одном месте, сбоку, зияла в мосту дыра от взрыва, через которую видна была вода быстро текущей Кубани; мост был высокий и проезжать вплотную к дыре было жутко и людям, и лошадям. Технич. рота быстро накрыла дыру подручным материалом и стала пропускать осторожно «главные силы». Естественно, что переправа длилась долго и уже в наступившей ночи. На всякий случай для переправы пехоты были приготовлены лодки и др. пловучие средства.

В течение 1-й половины ночи, под прикрытием Офиц. полка, шла переправа армии. Прошел арьергард ген. Богаевского, кавалерия, Юнк. б-н. В станице — жуткая тишина, изредка нарушаемая ружейными выстрелами. Большая ее часть, гл. обр. западная, не находится уже под наблюдением дозоров Офиц. полка, а там как раз скрылась масса красных после дневного боя.

В одном дозоре войсковой старшина и два кадета.

— Господин Войсковой Старшина! Если нас окружают красные, то убейте нас, — сказали кадеты своему офицеру.

— Хорошо! Но, если я буду ранен, то сделайте то же и вы со мной!

Наконец и Офиц. полк пошел к мосту, прикрываемый заставой. Над ним чаще свистели пули.

В темноте, на том берегу у моста — движение.

— Девочки! Тащите сюда пулемет! — слышен женский голос.

Проходящая рота засмеялась, но коротким смехом, будто поняв особенность и серьезность услышанного приказа. У моста становилась на позицию, чтобы прикрыть отход армии, маленькая женская боевая часть, силою всего в 15—20 чел. с пулеметом. Ее состав — ударницы женских батальонов; иные в чине прапорщика, иные с георгиевскими крестами. Восемь месяцев назад, в разгар революции для России ставился вопрос: победа или позор поражения? Тогда героическая женская молодежь своим примером хотела поднять патриотическое чувство разлагающейся армии и добиться победы. Но в боях у Сморгони в июле месяце, женский б-н своим достойным примером не увлек солдатской массы. А в конце октября месяца, женский ударный б-н с ротой юнкеров защищал Врем. Прав-во в Зимнем дворце, хотя и плохую и вредную, но Русскую, Национальную власть, против больше-

виков. Теперь часть этих героинь-воинов боролась за Россию в рядах Добр. армии. «Слава им! Вечная память!» — сказали офицеры, увидев у дороги, лежащую, сраженную пулей, женщину-добровольцу. Суровый русский солдат, шт. кап. Згривец, сняв фуражку, и перекрестившись, сказал: «Не бабье это дело!»

ЗА РЕКОЙ КУБАНЬ

7 м а р т а. Время — за полночь. Колонна армии вытянулась по дороге на ближайшую ст-цу Некрасовскую, до которой оставалось около 10 верст. В Офиц. полку добровольцы теперь чувствовали себя спокойно: армия вышла из-под ударов Тихорецкой, Екатеринодарской и Кавказской групп красных, отделена от них рекой, и она в районе удаленном от жел. дорог. Надежда на отдых, а — пока скорей в ст-цу Некрасовскую. Пройденные свыше 30 верст — сказываются. Да и весьма сыро.

Полк продвигается вперед растянувшейся колонной, но идет он не по дороге, а стороной, т. к. на дороге стоят части и обоз. Почему задержка? Может быть потому, что Офиц. полк теперь необходим в авангарде? Итти становится труднее: дорога идет на подъем.

Наконец, остановка. Роты подтянулись.

Вдруг, впереди раздались едва слышно, глухие выстрелы. Причина остановки колонны стала ясна! От полка отделяется шедшая в голове, 4-я рота и уходит вперед. Там она развернулась в боевой порядок и стала медленно подвигаться дальше. Остальные роты продолжают стоять на месте, рядом с головой обоза.

— Ген. Алексеев! — сказал кто-то.

На дороге, у своей коляски, стоял ген. Алексеев. К нему подошли офицеры.

— Некрасовская занята красными. Армия оказалась в окружении и придется пробиваться, — сказал он.

Но только с минуту удалось побыть офицерам со своим старым Вождем. Роты двинулись вперед и, пройдя короткое расстояние, свернули с дороги влево и, рассыпавшись в цепи, пошли на подъем по кустарникам и зарослям, потом куда-то спускались, а затем, карабкались по крутому обрыву вверх. Темной ночью, не отдавая себе отчета в своем маневре. Впрочем, задачу ротам знали их ком-ры: приказано обойти ст-цу с востока и сбить оборонявшего ее прот-ка.

Преодолев еще ров с кустарником, роты вышли на ровное место и неожиданно столкнулись вплотную с красными. Раздался беспорядочный огонь. Красные исчезли в темноте, но в цепях рот, вернее — в

бесформенных их обрывках, продолжавших наступательное движение, то там, то здесь раздавались выстрелы. Так шли до рассвета. Утром роты оказались в окопах красных, недалеко и левее станицы, видимо только что брошенных ими. В это время вправо началась сильная стрельба...

Рассвет застал 4-ю роту верстах в 2—3 не доходя до ст-цы Некрасовской и одновременно она оказалась под руж. и пул. огнем пр-ка, занимавшего удобную позицию. Вскоре рота была остановлена.

« — Посмотри влево, — сказал офицер своему соседу. На копне соломы сидел ген. Корнилов и наблюдал за пр-ком. — Что же мы лежим? — с недоумением спросил офицер. Недоумение среди 4-й роты было всеобщим. Но вот:

Я услышал сзади музыку. Было, как будто, недалеко, но не видно еще за скатом. Наконец на скате появилась цепь Корниловцев с их эмблемами на рукавах около плеч.

Я много уже слышал про них, но теперь, впервые и воочию увидел этот знаменитый полк и как раз в бою. Не отрываясь смотрел на него, даже не слыша свиста пуль. А полк разворачивался к атаке, не изменяя шага и отбивая ногу, как на параде. Ни криков, ни беготни, ни одной заминки...

Полк поравнялся с нашей цепью и прошел через нее, не ускоряя и не замедляя шага. Мне кажется, что я смотрел на полк, разинув рот, до того удивительно, картинно захватывающе и даже страшно было это зрелище.

Цепи их были в 6—8 шагов интервала и удивительней всего, что они на ходу строились одна уступом за другой. Большевики встретили полк ураганным огнем, а Корниловцы и не дрогнули: как шли, так и идут, даже шагу не прибавили и, казалось, что они чрезвычайно быстро приближаются к окопам большевиков.

Вдруг пальба большевиков сразу прекратилась. Густыми цепями они поднялись и побежали изо всех сил к станице. В ту же минуту грянуло Корниловское «Ура!»

Ген. Корнилов, стоя во весь рост на копне, смотрел в бинокль вслед своему полку.

— Встать! — слышалось, наконец, у нас. — Вперед!

— Ну, и Корниловцы! — заговорили в рядах нашей роты. — Показали себя как нельзя лучше. Для нашего полка пример замечательный: мы залегли, а они...» (Из рукописи полк. Биркина.)

Некрасовская взята.

Увы! Офиц. полк не получил здесь полного отдыха. Его роты стояли на позициях за станицей к востоку и югу от нее: недалеко были видны красные. Они в течение дня пытались приблизиться к

станции, но легко отбрасывались. В общем, этот день был спокойным, но унылым, скучным и голодным. Только вечером роты были отведены на окраину ст-цы. На ночь от полка были выставлены заставы.

В течении дня в Офиц. полку слышали не только руж. и пул., но и арт. стрельбу на противоположной, западной стороне ст-цы. «Похоже на полное окружение нас», — говорили офицеры. И, действительно, красные были на западном берегу р. Лаба, протекавшей вдоль ст-цы и у них имелись даже орудия.

1-я б-рея не раз заставляла замолкать б-рею красных, обстреливавшую ст-цу. Юнк. б-н, стоявший в охранении вдоль реки, вел перестрелку с кр. пехотой. Его молодежь все еще сохраняла не только силы, но и боевой пыл и только, когда был убит юный прап-к Архангельский, воскликнувший в этот момент: «моя мама...», все осунились, замолчали... Молодежь снова ожила несколько спустя, когда ей была объявлена ответственная задача, данная их б-ну.

Утром следующего дня армия должна выступить в зап. направлении, т. е. перейти р. Лаба и сбить пр-ка за ней. Мост через реку основательно испорчен красными, а поэтому форсировать ее остается лишь переходом вброд. Начать эту операцию выпало на Юнк. б-н.

8 м а р т а. Полночь. Юнк. б-н построен и ему объяснена задача: перейти вброд реку, залечь под обрывистым берегом, а перед рассветом атаковать пр-ка и занять ближайшие хутора. Начать выполнение задачи дано двум взводам: взводу недавно произведенных в офицеры юнкеров шт.-ротм. Концева и взводу полевых юнкеров пор. Гурчина. Перед рассветом они атакуют, а одновременно переходит реку весь б-н и также немедленно вступает в бой.

Сыро и холодно. Тишина. Во 2-м часу ночи взводы вошли в воду. Ширина реки 20—25 шагов; дно каменистое и неровное; глубина местами по грудь; течение быстрое. Переход реки прошел без единого выстрела со стороны пр-ка. Брезжит рассвет. В нескольких десятках шагов от берега, за брезнами, появились фигуры красных. Переправившиеся взводы атаковали и моментально сбили пр-ка. Он бежал к хуторам, из которых выходили его цепи. Но они имели перед собой уже весь Юнк. б-н. Пулемет Кольта, перенесенный на спине через реку прап. Зильберманом, открыл огонь. Б-н ворвался в два хутора, отбил атаку в свой фланг из третьего. Ему на помощь подошел кон. див-н. Красные отходили. Юнк. б-н блестяще выполнил ответственную и трудную задачу.

Вскоре к нему подошел Офиц. п., еще ночью снявший свои заставы и переправившийся через реку на лодках и сколоченных плотках. Полк и Юнк. б-н наступали по дороге на х.х. Филипповские.

Офиц. полку пришлось действовать по-ротню, выбивая красных из разбросанных хуторов, по группам носивших названия: Марухин-

ских, Ново-Севастопольских, Султановских. На одном хуторе 4-я рота захватила два орудия и грузовик со снарядами. Ген. Марков приказал испортить орудия и грузовик. Последний потому, что красные вылили горючее. Но ротм. Дударев не выполнил приказа ген. Маркова. По настоянию морского лейтенанта, надеявшегося найти хотя бы керосин, если не в этих хуторах, то в следующих, грузовик тащили волю, а за рулем сидел лейтенант. Керосина достать не удалось.

Отряд ген. Маркова заночевал на Киселевских хуторах, верстах в 15 от ст-цы Некрасовской. Красные находились в непосредственной близости.

Тем временем на поврежденном мосту кипела работа по его реставрированию. Однако, все усилия сделать его пригодным для переправы артиллерии и обоза не привели к положительному результату. Пришлось использовать слабый паром. Переправа затянулась на целый день.

Этот переход армии оставил о себе весьма жуткое и гнетущее впечатление.

Район, в который вошла она, был населен переселившимися сюда из центральных губерний России крестьянами, арендовавшими землю у казаков. Приобретать ее в собственность они не имели права, что было причиной скрытой их вражды с казаками. Эта вражда вышла наружу с приходом к власти большевиков и тем более сильно, т. к. большевики разжигали ее. Она вылилась в это время в жестокое сведение счетов. И это, несмотря на то, что крестьяне, хотя и не имели собственной земли, но жили весьма богато.

Приход Добр. арм. в этот район произвел разное впечатление на казаков и крестьян. Последние, обманутые пропагандой большевиков, видели в ней тех же казаков, защищающих исключительно казачьи интересы и несущей возмездие за их насилия, отчего сразу же стали на сторону красных и вступили в их ряды. В хуторах оставались лишь старики, женщины и дети, да и то далеко не все.

Грустно и тяжело было добровольцам сознавать великую ложь, воспринятую крестьянами в отношении Добр. армии. Но еще более тяжело и с немалой долей озлобления они переживали чувство в отношении казаков. Месть последних к крестьянам была дикой и они проявили ее жестоко: когда армия в этот день с боем продвигалась вперед, запылали крестьянские хутора. Это было жуткое зрелище...

О чем думали казаки? Как они рассуждали? Они были против крестьян. Но были ли они против красных, против большевиков? Ст-ца Некрасовская что-то не дала пополнения армии. Или они думали, что большевики их не тронут, как крестьяне думали, что большевики их

вечные друзья и их защитники? Добр. армия проходила район совершенно ей непонятный. Она должна была карать сурово одних и встречать вооруженное сопротивление других, не встретив никакого сочувствия к несомым ею — Правде и Добру.

9 м а р т а . Едва стало светать, армия выступила дальше по дороге на х.х. Филипповские. Она вклинилась в расположение пр-ка, будучи в то же время преследуема его частями из ст-цы Некрасовской. Она находилась в положении тесного окружения, имея свой фронт всего лишь версты две, а глубину своей колонны версты четыре. «Главные силы» ее были не только под обстрелом артиллерии красных, но и под ружейным.

Красные старались всячески использовать тяжелое положение армии и действовали активно. Но идущие на охране флангов части (отряд ген. Маркова прикрывал левую сторону колонны) неизменно сбивали красных с каждого тактического рубежа.

С подходом армии к х.х. Филипповским, занимаемым большими и свежими частями красных, было необходимо сосредоточить для атаки возможно большие силы, для чего Офиц. полк получил приказание выйти в голову колонны, где были Корнил. и Партиз. полки.

Положение «главных сил» армии — ее походного лазарета и обоза, оставшихся без достаточного пехотного прикрытия, создавалось очень опасным, но с ними был оставлен ген. Марков. Он быстро сократил глубину колонны; он сформировал из раненых группы, которых высылал в обеспечение колонны. Нажим пр-ка усилился. 1-я батарея, оставшаяся с ген. Марковым, вела огонь на все стороны. Был момент, когда Юнкер. б-н оказался в тяжелом положении, но его выручил пеший взвод батареи. Ген. Марков благодарил взвод и батарею.

Тем временем три пех. полка и кон. див-н на их левом фланге, перешли в атаку на х.х. Филипповские. Партиз. полк — вправо от дороги, Офиц. — влево, Корниловский и конн. див-н еще левее, в обход хуторов с востока. Офиц. полк имел две роты в передней линии, одну роту за ними во второй. 4-я рота была в резерве армии.

Перейдя складку местности, Офиц. полк увидел перед собой в 1.000 шагах за ложбиной на следующем гребне свежескопанные окопы пр-ка, из которых сразу же встретил его поток руж. и пул. огня. Роты не остановились и шли вперед, спускаясь в ложбину; затем начали подниматься. Осталось менее, чем 500 шагов. Отчетливо видны уже лица красных; все сильнее охватывает беспокойство: если вся их масса поднимется и перейдет в к.-атаку, она легко сомнет наступающих. Но, вот, когда до окопов врага осталось 200 шагов, далеко влево и несколько впереди раздалось «ура» и красные мгновенно оставили окопы и бросились бежать в большой Княжеский лес, в нескольких стах шагах за окопами и укрылись в нем.

Роты полка на несколько минут задержались в окопах. В них были ведра с водой, банки с медом, хлеб; было чем утолить жажду и голод.

Ожесточенный бой продолжался вправо, на участке Партизан. Туда была направлена 4-я рота. Она добежала до маленького хутора, лежащего вдоль дороги, по обе стороны которой тянулся лес. Обстреляла и заставила скрыться в лесу красных, пересекла дорогу и вышла на другую сторону хуторка. Здесь она остановилась, пораженная огромным количеством неприятельских трупов, но частей добровольцев видно не было. Роте было приказано быть готовой к отбитию атаки.

«В цепи роты стоял во весь рост офицер и смотрел в бинокль.

— Да где красные? — громко спросил я (запись полк. Биркина).

— Под вашим носом! — ответил смотревший в бинокль, — до них и сотни шагов нет. Вон они накапливаются за валиком и сейчас пойдут в атаку.

Я посмотрел на говорившего. В глазах мелькнуло что-то знакомое и, приподнявшись, чтобы разглядеть с кем говорю, очутился нос к носу с самим ген. Корниловым.

Пули густо засвистели. Я прилег и сам не отдавая себе отчета, что делаю, схватил полу шинели Генерала и сильно потянул к себе. Генерал воспротивился и смотрел в бинокль не отрываясь. Вдруг повернулся ко мне лицом и ногой отбросил мою руку от полы шинели.

— Небось, не убьют! Еще пора не пришла, — громко сказал он, улыбаясь. — Смотри! — тотчас же крикнул ген. Корнилов.

Перед нами выросла стена большевиков, но в то же мгновение грянул залп нашей цепи и затрещали пулеметы. Вместо того, чтобы ринуться в атаку, большевики упали навзничь, как нам показалось, и скрылись. Высланная разведка никого перед нами не нашла.

Вскоре появилась связь от ген. Богаевского с известием, что большевики бегут и он двинулся преследовать их.

— А просил подкрепления! — с укором сказал Корнилов. — И всегда так, — добавил он, — пошлешь ему пяток людей и он переходит в атаку. Молодчина!

Мы собрались не строем вокруг Корнилова. В это время высокий, стройный офицер вдруг схватился рукой за перевязь с патронами, как раз против сердца и повалился навзничь. Шальная пуля пробила ему сердце. Не знаю почему, но эта смерть своей ненужной случайностью, произвела больше неприятного впечатления, чем вид убитых на поле. Даже ген. Корнилов как-то печально махнул рукой, сказав коротко:

— Ну, и судьба!»

**

Хутора Филипповские, растянувшиеся вдоль восточного берега реки Белой на многие версты, были заняты Корниловцами. Конные части продвинулись дальше к югу и заняли примыкавшее к ним село Царский Дар.

Офиц. полк, пропустив «главные силы» армии и части их прикрывающие, пошел за ними и расположился в сев. части хуторов. С ним Юнкер. б-н. Они должны были обеспечить армию с севера.

За минувший бой Офиц. полк потерял около 50 чел. Из них на 2-ю роту, бывшую в атаке во 2-й линии, пала половина всех потерь: 6 убито и около 20 ранено.

*
**

Наступила уже ночь, когда, наконец, Офиц. полк, выставив охранение, мог начать отдых. Им пройдено было около 15 верст, но моральное напряжение, недосыпание в течении ряда суток, усталость, вызванная гл. обр. движением по размокшему чернозему, давали себя чувствовать. Жители почти все оставили хутора. Самим бойцам пришлось озаботиться о своем питании. Было всего вдоволь, но выбиралось только то, что могло быть быстро приготовлено. Ели торопясь, однако некоторые засыпали, не донеся вареного яйца до рта. Роты обошел ген. Марков и предупредил:

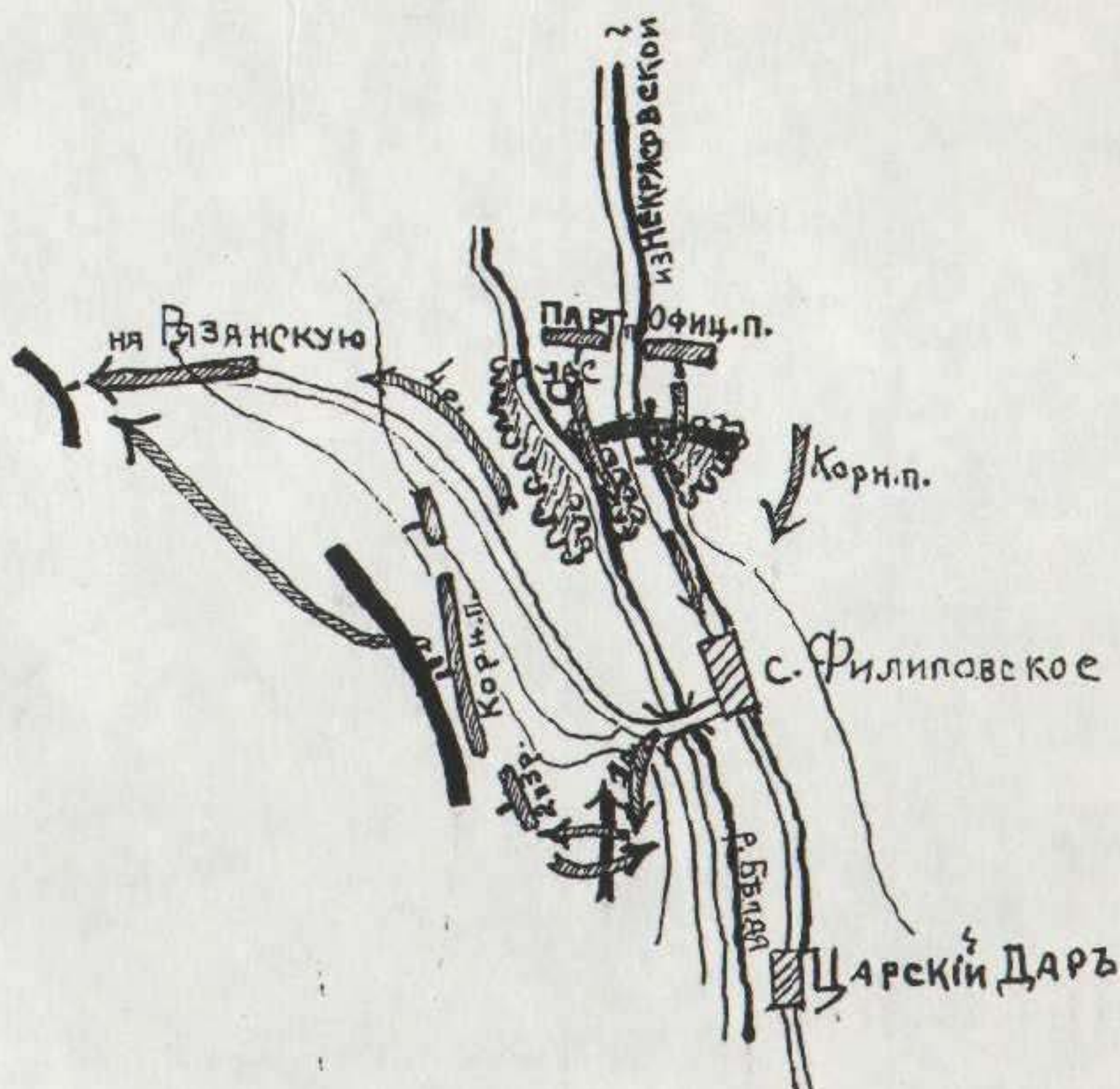
— Как видите, мы сидим в яме. Красные не оставят нас в покое и обязательно атакуют. Поэтому задерживаться здесь не будем. А пока будьте в полной готовности!

БОЙ ЗА ХУТОРАМИ ФИЛИППОВСКИМИ

10 марта. Ночь прошла очень беспокойно. Была тревога, оказавшаяся ложной. Перед рассветом снова тревога, но на этот раз Офиц. п. и Юнк. б-н должны были выступить на окраину хутора: красные наступали с севера и востока. Роты обскакал ген. Марков и коротко приказал: — Отбросить! — Спускавшиеся с возвышенностей красные были не только остановлены, но и отброшены за них.

В это время армия выступала из хуторов на запад, по дороге на ст. Рязанскую. Перед рассветом Корниловцы сбили красных с позиций по западному берегу р. Белая, захватили мост и преследовали их. На возвышенности, верстах в двух от переправы, красные пытались задержаться, но были сбиты и с нее. Однако силы пр-ка, увеличившиеся подходом новых частей, остановили дальнейшее продвижение Корниловцев, угрожая им охватом с правого фланга. На поддержку пошел Партиз. полк. Но и эта помощь не изменила положение. Пересеченная местность давала пр-ку возможность упорно обороняться; она же способствовала ему, занимающему более широкий фронт, ак-

тивно угрожать флангам выдвинутых полков. Положение крайне тяжелое и опасное: в случае неустойки, хотя бы на небольшом участке, красные выходили на гребень и перед ними в непосредственной близости оказывались «главные силы» армии. Более того — вся армия оказывалась в низине, окруженной со всех сторон пр-ком.

Положение было таково: от х. х. Филиповских к р. Белая шла дамба и дорога до 2-х верст длинной. За мостом, на зап. берегу реки, дорога сворачивала к северу и тянулась между рекой и возвышенностью, на которой вели бой Корн. и Партиз. полки, версты два — три и только затем сворачивала к западу. Все это ее протяжение было на виду с восточного берега реки. На дороге стояли «главные силы», в ожидании поворота боя в пользу армии. Но сил двух полков, чтобы сбить пр-ка — недостаточно и из х. х. Филиповских срочно вызывается Офиц. полк. На хуторах остается Юнкер. б-н с кон. див-ном. Технич. рота уже на переправе: ее задача, с прохождением последней ча-

сти, сжечь мост и не дать пр-ку переправиться через реку. К северу от роты, вдоль реки — Чехо-Словац. б-н.

Красные давят со всех сторон. Ген. Корнилов на возвышенности за Корн. полком. Около него все батареи, которым он указывает цели. Партизаны едва сдерживают красных. Им на помощь вызывается рота Чехо-Словаков, которую заменят снова мобилизованные раненые. Вводится в бой и конвой ген. Корнилова. Юнкер. б-н и конн. див-он не в силах задержать наступление красных, оставляют х. х. Филипповские. Артиллерия красных с вост. берега реки обстреливает «главные силы». Один снаряд разрывается вблизи ген. Алексеева. Положение трагическое. Пр-к вводит новые силы и охватывает левый фланг Корниловцев.

Офиц. полк перешел мост и остановился. Но сейчас же подскочил ген. Марков и направил 2 и 3 роты обеспечить левый фланг Корниловцев. 4-ю роту он отправил в голову «главных сил», дав ей задачу прочищать им дорогу. Вся армия в бою, кроме последнего резерва — 1-й роты Офиц. п-ка. Но через весьма короткое время и она вошла в дело.

Совершенно неожиданно красные подошли к переправе с юга, вдоль западного берега реки. С дистанции верста с небольшим по переправе посыпались их пули. — Отбросить! — приказал ген. Марков к-ру 1-й роты, подполк. Плохинскому. Рота ринулась вперед и отбросила красных. Она могла бы привести их в полное расстройство, но подскочил ген. Марков и повернул ее почти в обратном направлении: там, за складками местности, слышалась сильная стрельба. Рота не шла, а бежала. Она наскочила на фланги красных, большими силами обходящих левый фланг 3-й роты полка. Под перекрестным огнем рот, под ударами их штыков, красные бежали в полном беспорядке, оставив на поле боя до 300 убитых и раненых. Но в момент успешного преследования снова появился ген. Марков и снова 1-ю роту направил в обратном направлении, к реке. Рота бьет во фланг и тыл тем частям пр-ка, которые она отбросила в первое свое выступление и которые, приведясь в порядок, снова перешли в наступление вдоль реки к переправе. На этот раз эти части красных, неся большие потери, в полном беспорядке бежали. Ген. Марков опять здесь и дает роте новое задание... У всех, несмотря на «кашу» и полную потерю ориентировки, отличное настроение, тем более, что в роте почти нет потерь.

Со вступлением в бой Офиц. полка, красные по всему фронту стали отходить.

Отход Юнкер. б-на из х. х. Филипповских был весьма поспешным: за ним следовал пр-к. 1-я бат-я, по приказанию ген. Корнилова, своим огнем сдерживала пр-ка, но и то, порыв последнего был настолько стремителен, что Технич. рота вынуждена была зажечь мост раньше, нежели все части Юнк. б-на смогли перейти его. Им пришлось пере-

правляться через реку вброд. Наступление красных остановилось на линии реки.

Весь тяжелый бой окончился во 2-й половине дня и лишь 4-я рота, оказавшаяся на правом фланге всей армии (правее ее был конный дивизион) до вечера вела перестрелку с отходившим к ст-це Рязанской пр-ком. Недоходя нескольких верст до станицы, рота свернула с дороги влево и вскоре остановилась. Шедшие за ней «главные силы», продолжали движение в станицу, куда следом за ними пошли и все части армии, кроме Офиц. полка, Юнк. б-на и 1-й бат-и, собравшихся у 4-й роты.

Привал около часа. Несмотря на усталость, настроение у всех отличное. Говорили, будто бы от Кубанского отряда к ген. Корнилову приехал разъезд для связи: следовательно, нужно ожидать скорого с ним соединения. Некоторые подтверждали этот факт доносившейся до них слуха далекой арт. стрельбы. Однако эту радость постепенно одолевало желание отдыха. Мечтали о ст-це Рязанской.

Но... на уставшей лошади подъехал ген. Марков, поднял лежавший свой отряд и повел его по полевой дорожке куда-то к западу. Рязанская осталась вправо. Отряду приказано прикрывать с юга движение армии.

Темная ночь. Медленно, рывками двигался отряд по сильно изрезанной местности. Перешел р. Пшиш.

11 м а р т а. В 2 ч. ночи отряд остановился в небольшом ауле Бабукай. Ген. Марков сказал: — «Дается 4 часа на отдых. Всем хорошо выспаться».

Несмотря на то, что все добровольцы первый раз в своей жизни попали в черкесский аул, никто не обратил на него внимания, не было никаких разговоров об отсутствии жителей, о разоренных домах. Все сразу же уснули крепким сном, не подумав даже о еде. Сказывались не переходы и бои минувшего дня, а все пять суток, начиная с оставления ст-цы Кореновской. За р. Кубань, где предполагалась более спокойная обстановка, выпали, оказывается, наиболее тяжкие испытания.

Четыре часа проскочили незаметно. Подъем еще до рассвета; подъем тяжелый и немедленное выступление. 1-я бат-я проспала. Ее разбудил сам ген. Марков. Ей пришлось догонять отряд. С рассветом идти стало легче и бодрее: не было дождя и пахло весной. Но досаждали частые остановки при крутых спусках и подъемах. Лошади изматывались.

Аул Гатлукай. Привал на полчаса. И только здесь добровольцы могли, но очень поверхностно, познакомиться с аулом, понять определенно, что он подвергся разгрому. Жителей не было и здесь. Во дворах мычала голодная скотина. Что произошло в аулах? Предполагали, что здесь «хозяйничали» большевики...

Колонна шла дальше. С трудом преодолела крутые скаты к р. Марта и... неожиданная, радостная надежда: от частей высылаются вперед квартиры — признак длительного отдыха. Вскоре показались два высоких минарета. Перед вечером отряд вошел в большой аул Понежукай 1 и расположился по квартирам. Аул оказался неброшенным жителями. Добровольцы быстро поев, что «Бог послал» и что «Аллах дал» через своих правоверных, завалились спать. В охранении Юнкер. б-н; еще дальше — кав. заставы и разъезды.

12 марта. Все спали, как убитые. Проснулись, когда уже наступил день и были приятно поражены, что их не только не тревожили ночью и под утро, но и этим утром, каким-либо распоряжением. Кругом полная тишина. Никакой стрельбы. Решение: привести себя и оружие в возможный порядок и набраться сил. И еще — познакомиться лучше с местным населением — черкесами.

Аулы! Кавказский, горский народ — черкесы! Мусульманский мир! Зеленое знамя Пророка с полумесяцем! Азия, переселившаяся давно в Европу, но — Россия, наша родная страна, наш, свой, родной народ!

Что знали о нем добровольцы? Весьма мало, только то, что писалось в учебниках или в литературе. Неинские видели черкесов в составе Кавказской Дикой дивизии, составлявших в ней полк и героически дравшихся с общим врагом России под своим зеленым знаменем, пожалованном полку Императором. Теперь добровольцы были среди этого народа, на земле им заселенной. Интерес огромный и всеобщий.

Полк. Биркин записал:

— «Я ожидал найти здешние аулы похожими на аулы у подножия священной горы Ала-Геза, сиречь Божьего Глаза, возвышавшейся как раз против не менее священной горы Арарата... Вот и тут аулы, а на аулы не похоже: самые обыкновенные дома, а не жилища под землей и даже не костры посредине, а стоят настоящие русские печи, с лежанкой, с предпечником и подом, в котором за заслонкой можно и хлеб печь, и барана целиком зажарить».

Но, как и всюду на свете, есть люди богатые и бедные — есть богатые и бедные черкесы. Шт. кап. Иегулов записал:

— «Типичные, азиатские постройки, кривые улицы с бесчисленными переулками и закоулками, бесконечные плетни вместо заборов.... Внутренняя убогость убранства саклей, — вернее отсутствие всякого убранства, костры под колпаками — дымоходами вместо печей, отсутствие мебели и кроватей, производили большое впечатление...»

Однако, и у богатых, и у бедных были в изобилии скот и птица, была земля, огороды, сады... И жили черкесы сытно, продавая значительные излишки продуктов своего труда. Они — народ в течении многих десятилетий живущий в мире и труде. Россия была их мать.

Тесно и дружно сожительствовали в этих местах казаки, крестьяне, черкесы...

Но пришли к власти большевики и жизнь этого мирного народа была нарушена, как нарушена была жизнь для всех в России. Аулы, которые прошли добровольцы, разграблены, жители разбежались. Аул Понежукай 1, аул большой, хотя и не пострадал, но в нем все охвачено страхом. Кто виновен? Черкесы говорят: «Казаки», «большевики» — они не делали между ними различия, как не делали различия между казаками и иногородними. Выяснилось, что виновны тут не только большевики, не только иногородние, но и казаки ближайшей ст-цы Рязанской. Чего не хватало казакам, жившим гораздо богаче черкесов? Добровольцев это не только удивляло, но и озлобляло против казаков. Однако наказать, и жестоко наказать хотя бы одного виновного, они уже не могли. «Им покажут большевики, которые теперь в их станице», — говорили добровольцы.

Испытав жестокие насилие и понеся многие человеческие жертвы от террора красных, черкесы искали защиту себе и нашли ее со стороны «Кубанцев» — Кубанского отряда, пришедшего в их район из Екатеринодара. Черкесы вступали в этот отряд и сформировали там целый конный полк. Но к пришедшей Добр. арм., поверив пропаганде красных, отнеслись как к «казакам», все грабящим, всех уничтожающим. Это поразило добровольцев. Им было досадно и обидно.

Прошло весьма короткое время, буквально минуты, чтобы черкесы увидели и поняли, что к ним пришли не враги, а их друзья. Они убедились в этом по человеческому отношению к ним, по уважению к их обычаям, нравам, к их собственности. Убедились, потому, что добровольцы не грозили, не требовали, а просили и за все немедленно платили. Выразилось это в их традиционном радушии и гостеприимстве, и не только в том, что оставившие свой аул черкесы в первую же ночь стали возвращаться к себе домой, но и в том, что, поняв, кто их враг и кто друг, приносили добровольцам сведения о красных, более того — они просили о зачислении их в ряды армии. На них произвел восхитительное впечатление ген. Марков. Они просились к нему и с этого времени у него появился конвой из черкесов. Было чему радоваться добровольцам, но и тревожно было у них на душе за судьбу этого народа, т. к. они знали о своем, временно, пребывании среди него.

Среди добровольцев бодрое настроение. В ауле — мир. С высоких минаретов слышатся голоса, призывающие правоверных к молитве. Женщины с закрытыми чадрой лицами хлопчут по хозяйству, стараются отблагодарить своих постояльцев. Радость — появился табак в пачках листьев. Закурить — наслаждение! Сколько разговоров по

этому поводу! Курили сигареты, «козьи ножки», на манер курения махорки. Нашлись среди курильщиков и «аристократы»: они складывали листья и крутили их в сигары.

И только во второй половине дня было нарушено благодушное настроение приказом о выступлении с началом ночи. По сведениям, полученным от черкесов, красные выступили из ст-цы Рязанской по стопам армии.

Отряд ген. Маркова в арьергарде. Красные подошли к аулу еще засветло. Юнк. б-н отбил их атаку. В назначенный час, когда уже стемнело, б-н стал сниматься с позиции и как раз в это время красные атаковали снова. Едва не погибло одно орудие 1-й бат-и, сорвавшееся с мостика и вырученное контр-атакой б-на.

Снова моросил дождь.

Пропустив Юнк. б-н, Офиц. полк пошел в арьергарде. Тяжелая дорога со спусками и подъемами.

13 м а р т а. Шли медленно всю ночь. Наступивший день мало облегчил поход. Около полудня отряд остановился на трехчасовой привал в ауле Вочепший. Дальнейший путь. В прикрытии Технич. рота, которая ведет перестрелку с наступающим пр-ком. Как-то внезапно на нее налетел грузовик красных, вооруженный пулеметами. Рота отбилась, но понесла потери. В их числе 5 безвести пропавших офицеров.

Поздней ночью, проделав за сутки до 30 верст, отряд совершенно обессиленным пришел в аул Шенджий, где уже сосредоточились все остальные силы армии.

14 м а р т а. Тяжелое пробуждение. Части отряда ген. Маркова отдыхали полностью под прикрытием охранения от других частей. Никаких распоряжений и, судя по тому, что походный лазарет сгрузил с подвод всех раненых и разместил их по квартирам, можно было думать о возможности еще, по крайней мере, одной ночевки.

Этим воспользовались артиллеристы и занялись своими лошадьми и орудиями. На время их отвлекло от дела услышанное какое-то визгливое и монотонное пение. Оказалось, шел Черкесский полк Кубанского отряда.

Полк выстроился у дома ген. Корнилова. Ген. Корнилов поздоровался с ним и что-то сказал ему. Рядом с ген. Корниловым стоял молодой ком-щий Куб. отрядом, ген. Покровский. Итак — соединение двух противобольшевицких отрядов — совершившийся факт. Кубанский отряд стоял в 18 вер. к югу, в ст-це Калужской. Добровольцы узнали о силе этого отряда: он почти удваивал боевую силу Добр. армии. Было чему радоваться!

Вечером этого числа части армии получили приказ: выступление с рассветом следующего дня и добавлено новое: каждому сдать свои лишние вещи в обоз. Из этого делался вывод: будет и большой переход и «жаркое» дело. Но... погода? Она не вызывала никаких надежд на улучшение.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

15 марта. Рассвет. Низкие, серые, быстро несущиеся облака; пронизывающий ветер... Мелкий, холодный дождь. Тяжелый подъем бойцов. Верховом на лошади по расположению своих частей проскакал ген. Марков и «помог» подъему. Вся армия в движении; запрягаются лошади, грузятся на подводы раненые, которых накрывают чем возможно, чтобы хоть как-нибудь предохранить от дождя, ветра и холода.

В первый раз армия должна была разделиться: вся боевая ее часть пойдет в одном направлении, известном только начальству, а «главные силы» — походный лазарет и обоз в другом — в ст-цу Калужскую, где Куб. отряд; прикрывать эти «силы» назначены части кавалерии за исключением одного дивизиона, который имел специальное задание: произвести демонстрацию в направлении станции Эйнем.

Роты Офиц. полка выходят из теплых домов; строятся. Не все идет гладко. Полк. Плохинский явно в прескверном настроении; шагает перед одним из выстроившихся взводов своей роты.

— Господин полковник! Ваше приказание исполнил! — докладывает ему подъехавший верхом офицер связи прап. Кедрин, «Хромышкин», как его называли в роте. Проходит несколько минут...

— Прапорщик Кедрин! Вы сказали: приказание исполнено! — вдруг громко, растягивая слова, обращается к «Хромыкину» полк. Плохинский.

— Так точно, г-н полковник!

Проходит еще с минуту. Опять голос командира роты:

— Прап. Кедрин! Вы сказали, приказание исполнено! Где же оно... исполнено? — Прап. Кедрин немедленно исчезает в серой пелене дождя.

Подходят взводы. Следует нагоняй и рота по узкой, крутой дорожке спускается от аула и выходит на большую дорогу. Рота идет в авангарде полка; полк — в авангарде армии. Куда они идут — никто не знает; впрочем: «к чертовой матери... за синей птицей!» Все ясно.

Тяжело хлюпая по густой грязи идут офиц. роты, а с ними 1-я

бат-я. Дорога ровная и вода под ногами не имеет стока. Около 9 час. выглянуло, было, солнце, но на короткое время и небо снова покрылось тучами, снова пошел дождь; ветер усиливался.

Колонна прошла лес и остановилась на короткий отдых у каких-то строений с крышами, но без стен. Есть спасение от дождя, но нет от ветра. Людям становилось холоднее, чем в движении и под дождем. Дальше...

От головной 1-й роты отделяется влево боковая застава — 3-й взвод. Сотня шагов и взвод уже не видит свой полк и полк не видит заставу. Наткнувшись на канаву, застава идет вдоль нее, обросшей по краям старыми, низкорослыми, кривыми ивами.

Неожиданно на заставе появляется ген. Марков.

— Сыровато! — говорит он, хотя сам и люди взвода промокли уже насквозь, не говоря про сапоги, полные воды, и меняет направление движения заставы. Надо переходить канаву шириной в 3—4 шага, наполненную до краев водой. К счастью на краю канавы обнаруживается громадная коряга. Соединенными усилиями нескольких человек, ее бросают на середину канавы: теперь можно перепрыгнуть канаву двумя большими скачками, не задерживаясь на ней. Прыгает первый... коряга переворачивается и скакун растягивается в воде. Он ничего не потерял, т. к. до прыжка уже был совершенно мокр. Он остается, выше чем по колено, в воде, придает коряге устойчивое положение и придерживает ее. Скачут следующие. Несколько офицеров перескочили удачно, но корнет Пржевальский растягивается в воде. Оставшись в ней, он также придерживает корягу. Дальше все шло благополучно: все были на той стороне и застава продолжала свой путь.

Вскоре боковая застава вышла на большую дорогу. На ней стоял полк, а в голове его ген. Корнилов, подполк. Нежинцев, подполк. Миончинский и два проводника. Остановка длилась, казалось, очень долго. Становилось холодно без движения и к тому же все стали замечать, что дождь превращался в мелкую ледяную крупу, больно бьющую и колющую лицо; стали замечать, что мокрые шинели стали затвердевать, леденеть. Температура резко падала. Еще немного времени и мороз с ледяным ветром и все еще сыплющейся крупой, окончательно превратит людей в обледеневшие фигуры, звенящие при движениях.

К счастью колонна двинулась вперед: на ходу согреваешься. Люди грели руки своим теплым дыханием, а тело всевозможными движениями туловища. Шли навстречу ветру. Температура падала все ниже и ниже и шла уже не крупа, а мелкий сухой снег. Часов в 14 вся местность покрылась белым саваном, а затем сильный ветер закрутил снежную пургу. Насыщенность ее снегом была такова, что с трудом уже можно было наблюдать спину впереди идущего соратника. Дороги не видно. Колонна полка идет в белую кружащую мглу.

Орудейные кони едва тянут орудия. Верховные уносов от холода не в состоянии сидеть в седлах, спешиваются, но тогда останавливаются кони. С трудом, с помощью других, верховые влезают на седла. Падают от изнеможения лошади, их заменяют. Но при каждой остановке колеса орудий и зарядных ящиков вмерзают в землю; орудия сдвигают совместными усилиями лошадей и людей. У орудий уже не колеса, а какие-то сплошные ледяные диски. Неимоверно тяжело идти людям... Медленно тащится колонна.

Остановка. Ген. Марков подбегает ко 2-й роте.

— Не занесло еще вас? Ничего: бывает и хуже!

Предлагает курить, вынимая пачку папирос, которую моментально разбирают.

— Пустяки! Держитесь! Не впервые ведь! Все вы молодые, здоровые, сильные. Придет время, когда Родина оценит вашу службу.

Разговор перешел на черкесов покинутого аула, но... подъехал ординарец. Ген. Марков вскочил на подведенного коня и поскакал вперед. Дальнейший путь...

Вдруг, где-то очень близко впереди, раздалось несколько, заглушенных ветром, выстрелов. Колонна остановилась. Еще, еще! Через несколько минут, показавшихся вечностью, к колонне спереди подъехало несколько всадников с ген. Марковым и с ними несколько пеших: привели пленных. Это снята была красная застава, стоявшая в хуторе у дороги; часть из заставы погибла, а оставшиеся в живых стояли перед колонной полка, подведенные к ген. Корнилову. Затем верховые черкесы и текинцы и пленные с ген. Марковым ушли обратно, скрывшись в пурге. Жилье близко! Скорей туда, какие бы препятствия ни стояли на пути! — была одна мысль, и одно желание у всех.

Через короткое время колонна полка двинулась. Погода снова начала меняться: стихал ветер и падал уже снег густыми хлопьями; как будто стало теплее. Но кругом по прежнему не видно ни зги. Вот какие-то строения, но колонна прошла мимо.

БОЙ ЗА СТАНИЦУ НОВО-ДИМИТРИЕВСКУЮ

Было, может быть, часов семнадцать.

Вдруг колонна остановилась на спуске в овраг: она уперлась в реку (р. Черная). Но то, что преграждало путь армии, не было похоже на реку: это было нечто серое, месиво из воды и снега, быстро текущее.

Впереди слышен голос ген. Маркова: он кричит пленным, по пояс погруженным в текущую массу, торопя их найти мост, по которому они накануне шли в заставу.

Рядом с головой колонны Офиц. полка стоит ген. Корнилов со штабом. Не колышится на древке Национальный флаг; он весь побелел от снега и мороза, сжался от стихии природы. Ген. Корнилов молча смотрит на неожиданное препятствие для армии, для Дела в походе за Россией.

Наконец мост найден. Он посреди разлившейся реки, ставшей шириной шагов в пятьдесят. Конный текинец по приказанию ген. Маркова благополучно переезжает через мост на другую сторону реки и его не видно за пеленой снега. Ген. Марков быстро подходит к голове колонны своего полка и возбужденно говорит:

— Не подыхать же нам здесь в такую погоду! — и отдает приказание головной 1-й роте на крупах лошадей переезжать на ту сторону реки. Один за другим офицеры с общей помощью взбираются на крупы и лихие текинцы и черкесы, преодолевая упрямство своих коней, понуждают их войти в воду. Глубина доходит до брюха коней, на мосту — до колена, далее — снова до брюха. Несколько офицеров падают с коней; на мосту падает конь со своими всадниками. Для переправы пехоты мобилизованы все верховые.

На том берегу офицеры скатываются с коней; спешившиеся — помогают спуститься следующим. Переправа началась.

Когда головной (3-й) взвод весь был уже на том берегу, подъехал ген. Марков. Он отдает приказ командиру взвода:

— На станицу! Не стрелять — только колоть! Вперед! Быстро!

Взвод карабкается на крутой берег и, не имеющий никакого подобия строя, вытянувшейся толпой, идет к еще невидимой станице. Переходит низину, наполненную водой. До станицы, оказывается, было не менее двух верст. За головным взводом, получив то же приказание, идут остальные взводы 1-й роты.

Ген. Марков, оставив у переправы полк. Тимановского, вскочил на коня и поскакал к станице, обгоняя взводы и торопя их. Он догнал головной взвод, когда тот уже вошел в станицу, втянувшись в улицу гуськом по обе ее стороны. Вправо и влево в домах сквозь ставни виден был свет.

Случайная встреча: из одного дома вышел красно-гвардеец и не подозревая ничего, спросил проходившего офицера:

— Вы из Екатеринодара?

— С оттелева!

— Стало — пополнение?

— Пополнение! — коротко ответил ему совершенно обессиленный и промокший офицер. Но, видимо, сообразив неладное, красный бросился на офицера, хотя и был без винтовки.

Офицер, имея винтовку на ремне, не смог сразу снять ее: у него

руки, пальцы одеревенели. Но... в этот момент сзади оказался ген. Марков верхом на лошади, который из своего мелко-калиберного револьвера прикончил нападавшего.

— Вперед! Вперед! — прокричал ген. Марков — и сам поскакал назад, повторяя подходившим частям одно: — Вперед!

Второй роте он приказывает: — По станице влево! — третьей — по станице — вправо!

А между тем в станице, едва ген. Марков произвел свой выстрел, первый выстрел в этой атаке и ускакал назад, из домов стали выбегать люди. Один кричал:

— Товарищи! Не разводите панику!

— А ты — кто? — задает ему вопрос офицер.

— Я председатель военно-революционного комитета — и... он немедленно падает мертвым.

— Что вы наделали с нашим председателем? — кричит другой.

— А ты кто?

— Я — секретарь! — и труп секретаря упал на труп председателя.

Спереди и сзади от идущих офицеров, выбегавшие из домов красногвардейцы, не отдавали себе отчета в положении и падали под штыками добровольцев без единого выстрела с той и другой стороны.

Где-то влево раздались глухие орудийные выстрелы. У красных определенно поднята тревога. Они с оружием выбегают из домов, но где пр-к, они не знают. Выскочившие из одного дома наталкиваются на пор. Топоркова. Они поняли движение его и поворачивают обратно в дом. Пор. Топорков следует за ними и падает убитым выстрелом из винтовки. Подбежавшие офицеры ворвались в дом...

Бегущие по улице красные встречают штык прап. Зиновьева, по прозвищу «Зиночка». Неудачный удар: враг ухватился за штык и дергает «Зиночку» из стороны в сторону. Мимо борющихся пробегают другие красные, не оказывая своему помощи. «Зиночка» в отчаянии кричит:

— Да, помогите же! — Офицеры выручили.

Три офиц. роты распространяются по станице веером. Продвижение — сильно замедлившееся. 3-я рота, распространяясь по улицам вправо, проходит район, где у красных не поднята тревога. У одного дома стоят в нерешительности три офицера.

— В чем дело? — спросил проходивший к-р роты, полк. Кутепов. Ему доложили, что в доме много красных. Полк. Кутепов немедленно входит в дом. За ним офицеры. Красные, человек 12—15, спокойно сидели за столом и пили чай из самовара. Полк. Кутепов, заслонив собой стоявшие у стены винтовки, громко спросил:

— Какого полка?

— Мы варнавинские — был ответ, но тут же вдруг, все разными движениями и выражениями лиц выявили неописуемый ужас: они увидели на полк. Кутепове блестящие погоны...

— А мы — Офицерского!

— Кадеты! — воскликнул один.

— Выходи по одному! Выходи в чем есть! — властно сказал полк. Кутепов.

Без всякой заминки выходили ошеломленные красные. Когда вышел последний, полк. Кутепов, улыбаясь, сошел со своего места у винтовок, стряхнул со своей бороды снег, подошел к столу, налил себе кипятку и, выпив его, вышел.

По станице раздавались редкие выстрелы. Действовали главным образом штыки.

Офицеры углубляются в станицу. Впереди видны силуэты. Их десятки. Вдруг группу офицеров человек в десять встречает ружейный

огонь: первое организованное сопротивление пр-ка. Падает убитым пор. Белокобыльский, двое ранено. Офицеры остановились и в свою очередь открыли огонь. Красные упорствуют, Но, вот, офицеры подтянули пулемет. Огонь! Очередь смела врага. Вперед! С ранеными задерживаются несколько офицеров: нельзя их оставить, т. к. по улице бегают люди — свои ли, красные ли? Подбегают трое. Доктор Ревякин! Ему сдают раненых и освободившиеся офицеры идут вперед.

На одной из улиц влево. На идущих офицеров налетает красная 4-орудийная батарея. Ей кричат: — Стой! — в ответ последовали выстрелы. Результат: батарея остановлена, но весь ее человеческий состав уничтожен. Офицеры шли дальше...

*
**

Ген. Марков, после того момента, когда он на короткое время появился у головного взвода в станице — скакал обратно к переправе. В это время батарея красных, стоявшая значительно левее направления, по которому шли в ст-цу части Офиц. полка, открыла огонь. Ее снаряды рвались в районе переправы. Встретив 4-ю роту, ген. Марков направляет ее в пол-оборота влево, в направлении на стреляющую батарею и посылает приказание 1-й батарее немедленно переправиться через реку, встать на позицию и открыть огонь по стреляющей батарее красных, а сам спешит к переправе.

Там он встречает ген. Корнилова и докладывает о положении в станице, но через 2—3 минуты он уже мчится обратно.

В это время переправа частей была в полном разгаре и не столько на крупах лошадей, сколько пешим образом. По пояс в воде шла и молоденькая сестра милсердия, лошадь которой остановилась, едва войдя в воду и она не могла ее двинуть с места. Над своей головой сестра держала самое ценное для нее: сумку с перевязочными материалами.

4-я рота до батареи красных не дошла. Она уперлась в глубокий ров и остановилась, открыв ружейный огонь. Открыла огонь и пехота красных. Прошло какое-то время, когда за ротой встало на позицию одно орудие 1-й бат-и. Другое орудие настолько вмерзло в землю, что все усилия лошадей и людей не смогли его сдвинуть с места. Вставшее же на позицию орудие открыло огонь. Первый выстрел и... оно остановилось в положении полного отката и никакими усилиями его нельзя было подать вперед: замерзло масло в компрессоре. Произведенный выстрел был единственным за весь бой. Но, видимо, и он сделал свое дело, т. к. батарея красных прекратила свою стрельбу.

*
**

Ген. Марков снова в станице. Он в расположении 2-й роты. Слышится его короткое — Вперед! Но сам он с ординарцами обгоняет группы людей роты. Вот он на станичной площади. Там мечутся красные... Он подскакивает к большому дому, из которого выбегают красные. — Стой! — кричит он им. На площади поднялась стрельба. Ее открыли подбежавшие чины 2-й роты. Красные в панике. Бегут обратно в дом. — Выходи! — кричит ген. Марков, но те не выходят. Пулеметы сюда! — Угроза подействовала...

Ген. Марков — сплошной порыв без малейшего перерыва. Он заражает своих, но своих с ним мало, а красных много. Он видит, что там, на дальнем краю площади, на улицах красные, все же, пытаются привести себя в порядок. Нужно возможно скорей собрать своих. И... он куда-то скачет.

4-я рота лежала перед оврагом. Все окончательно окоченели от холода. Противник молчит, а может быть бежал. Ротм. Дударев решает послать разведку в станицу. Идет полк. Биркин с несколькими людьми.

Полк. Биркин, хотя и рядовой роты, но бросающийся всем в глаза своими серебряными погонами на плечах. Он и ротм. Дударев полны друг к другу глубокого уважения и доверия. Задача, которая дана полковнику, конечно, не ответственная, но... кто знает, что в станице и какие могут быть неожиданности?

«Деревня (полк. Биркин еще не знал названия селения, которое атакуется) оказалась не так далеко, как казалось, и я скоро дошел до угловой избы. Заперта. Увидел мерцание света сквозь ставни в доме через улицу. Подошел к двери, слышу голоса. Раскрыл осторожно дверь и сразу же узнал ген. Деникина. Он, в своей польской шубе и папахе сидел за столом; вокруг стола сидели и другие: у одного блестели генеральские погоны. Сзади, снимая шинели, копошились кадеты 4-й роты и еще кто-то.

«Я еще и слова промолвить не собрался, как вдруг дверь с треском распахнулась и на пороге появился ген. Марков с нагайкой в руке.

«— Вы что тут делаете? — сразу набросился он на меня.

«— Ротм. Дударев послал меня узнать обстановку. Он с ротой лежит на берегу оврага, в лоб орудия. Я только что пришел — поспешил я доложить ген. Маркову, зная его вспыльчивый и несдержанный характер.

«— Обстановка такая, что немедленно собирайте всех, кого найдете по хатам и чтобы через четверть часа были на площади. У меня нет ни одного человека в резерве. Живо! Собирайте моим именем и бегом ко мне: большевики опомнились и собираются атаковать. Живо! Скорей! — и оглушительно щелкнув нагайкой по голенищу и, не взглянув даже на генералов, выскочил на крыльцо.

«— Всем выходить строиться! — закричал я и поспешил за ген. Марковым.

«— Кто? — кричал он кому-то, столкнувшись с ним у крыльца.

«— Пулеметчики Офиц. полка, — ответил испуганный пор. Полянский, — начальник пулемета 4-й роты.

«— Все к нему! — указал он Полянскому на меня, — и все бегом на площад! — Вскочив на коня, ген. Марков поскакал по улице.

«Маркова так боялись, что сразу все высыпали из теплой хаты и, ничего не спрашивая, побежали за мной на площад. Улицы до площадки были пусты, в домах не видно было света и только у самой площадки ярко светились окна одного дома. У дома стояло 2 человека.

«— Кто идет? — окликнули меня, но, увидев мои погоны и белую повязку на папахе, замолчали.

«— Тут генерал Марков? — спросил я.

«— А на что вам ген. Марков? — подозрительно спросил офицер.

«— Явиться к нему с ротой — и я пошел к двери, но офицер последовал за мной. Я отпрапортовал.

«— Сколько?

«— Около полуроты с пулеметом.

«— Отлично! Займите крайний дом напротив.

«— Слушаюсь!

«В указанном мне большом доме никого не было, кроме тяжело раненого большевика. Тут, видимо, делали перевязки: весь пол и стол были завалены окровавленными бинтами, на столе стояли бутылки с какими-то лекарствами. Значит, все-таки какой-то бой был, но не здесь, а на другом конце этого большого села. Да и сейчас там слышна стрельба». (Из рукописи «Корниловский поход» полк. Биркина).

Пробыв некоторое время на переправе, ген. Корнилов с группой верховых поехал в станицу. Группа ехала по пустынной улице. Лошади фыркали и шарахались в стороны от лежащих трупов, покрываемых падающим снегом. Впереди заметили двух человек.

— Какого полка? — спросили его.

— Офицерского.

— Где ген. Марков?

— Не знаем, — был ответ.

Группа остановилась у одного дома и вошла в него, но несколько верховых промчались в разных направлениях, все с тем же вопросом:

— Где ген. Марков?

Прошло некоторое время, когда вернулся один из них и сейчас же все вышли из дома и поехали к станичному правлению. Здесь ген. Корнилов «нашел» ген. Маркова и здесь, как всегда, обосновал свой штаб.

*
**

Время — около полуночи.

Порыв офицеров слабел. Есть предел, как силам физическим, так и моральным. Пройдена и занята лишь незначительная часть станицы, но пр-к уже не оказывает никакого сопротивления. Невольная остановка перемешавшихся групп бойцов разных взводов и даже рот. Необычайно страдало тело от холода, от мокрой одежды и обуви... Тянуло к теплу, которое вот тут, рядом. Группы стали заходить в дома и были уже не в силах оставить их.

16 м а р т а. Чуть начало светать, как разбросанные по северным кварталам станицы группы Офиц. полка, уже несколько отдохнувшие и согревшиеся, были готовы ко всем неожиданностям. Первой их заботой — было соединиться со своими ротами, тем более, что снова стали раздаваться ружейные выстрелы и по станице забегали красные.

Полк. Кутепов встал после 3—4-х часового отдыха и умывался, когда в дом вошел бравый солдат.

— Товарищи!.. Где 3-я рота? — был его вопрос.

Бывший с полк. Кутеповым офицер, сразу поняв, кто вошел, ответил:

— Здесь 3-я рота. Садись! — и взял винтовку у вошедшего.

— А тебе какую 3-ю роту нужно? Здесь — Офицерский полк.

Красного вывели из дома...

Полк. Кутепов быстро оделся, принял свой нормальный вид, которым всюду и всегда поражал своих офицеров: аккуратно подтянутый, в вычищенных, чуть ли не блестящих, сапогах, и вышел из дома.

Вскоре все роты полка были собраны своими командирами и разведены по указанным им районам квартирования. К полудню стрельба в станице прекратилась. Сообщили, что она окончательно очищена от красных. Офиц. полк сделал свое дело и теперь мог спокойно отдыхать.

Поразительные картины наблюдались в домах: печи натоплены до красна. Жарко. Люди раздеты почти до-гола. Обмундированием, бельем облеплены печи. Стоят, лежат сапоги... Воздух насыщен густым испарением от сохнувших вещей. А бойцы? Они громко говорят о состоянии своей обуви, обмундирования, белья. Многие внимательно рассматривают свои набитые до крови ноги и как только возможно

забинтовывают их. Принимаются за бритье и стрижку. А потом — разговоры о пережитом за минувшие ночь и день, и прежде всего, о впервые в жизни испытанном явлении природы — норд-осте.

О походе и бое говорилось отрывисто и все связывалось с двумя именами: ген. Корнилова и ген. Маркова, благодаря которым невозможное стало возможным. Ген. Марков представлялся как всеокрушающий «меч. ген. Корнилова».

НА ПЕРЕПРАВЕ

Вслед за Офиц. полком, перебравшимся через густой поток полу-снега, полу-воды речки Черная, стали немедленно переправляться Корн. и Партиз. полки. Но с переездом батарей и боевого обоза произошла задержка. Благодаря длительной остановке, не только колеса орудий и подвод вмерзли в землю, но и лошади, окончательно промерзшие, уже не были в силах сдвинуть свой груз с места. Некоторые подводы остановились на мосту, попав колесами в разрушенный его настил. Было приказано чинить мост, набрасывать на подъездах к мосту всякий материал, чтобы легче было преодолеть образовавшуюся глубокую грязь.

За это дело, помимо Технич. роты, взялись Юнк. бат-н и все, кто мог. Шла безнадежная, как казалось, но необходимая работа, требующая сверхсильного напряжения. Вскоре появились признаки возможности добиться цели. Погода стала спокойной. Стала спадать вода в реке.

А до этого, чтобы не замерзнуть окончательно, люди развели костры, огонь которых не мог быть невидим пр-ку ночью, даже сквозь пелену снега. Батарея красных открыла огонь по переправе и один снаряд угодил прямо в костер, убив четырех и ранив 22 чел., столпившихся вокруг его. К счастью стрелявшие орудия скоро прекратили свой огонь.

Два-три дома, находившиеся у переправы и все постройки при них были набиты ищущими тепла людьми. В один из домов вошел ген. Алексеев. Толпа потеснилась. Генералу вскоре доложили: Офиц. полк вошел в станицу.

Чтобы спасти лошадей, было приказано выпрячь их и отвести в ст-цу, а орудия и подводы оставить до утра, до того времени, когда будет приведен в порядок мост.

Всю ночь шла напряженная работа. К утру вода в реке спала настолько, что открыла весь мост, что облегчило его починку. В ст-цу ушел Юнк. б-н и расположился в домах на ближайшей окраине.

Трудно представить, что перенесли за ночь юные добровольцы, в

каком виде размещались они в теплых домах. Но сознание величия и важности дела, на которое они пошли, побороли все. В тепле, согрешись горячим кипятком, они ожили и бодрыми голосами наполнились дома. Даже сон не скоро охватил их.

Из окон дома, занимаемого ген. Боровским, к-ром Юнк. б-на, была видна дорога от переправы в станицу. По ней тянулись группы людей, отдельные подводы. Из станицы на переправу артиллеристы вели волов, чтобы на них привезти свои орудия.

Ген. Боровский, наблюдавший эту картину, вдруг громко сказал бывшим с ним:

— Кажется едет ген. Алексеев?! — и, действительно, все узнали знакомую коляску Вождя, которую едва тянула лошадь с помощью нескольких человек.

— «Ну-ка! Скажите детям — пусть помогут ген. Алексееву», — сказал ген. Боровский.

Буквально в момент, натянув на себя все сырое, дети выбежали навстречу коляске и десяток человек, сменяемый вновь прибывшими, впряглись в нее. Ген. Алексеева встретил ген. Боровский и ввел его в свой дом, куда следом набилась и молодежь. Дрожащий от холода, совершенно обессиленный, 60-летний Вождь, улыбаясь, благодарил юнкеров.

— Идите, отдохните! — говорил он.

Какая светлая радость охватила всех от этой неожиданной для них ими оказанной помощи своему Вождю.

Недолго пробыл ген. Алексеев у ген. Боровского: едва выпил он стакан горячего чая, как ему доложили, что квартира для него готова.

ЭПИЛОГ БОЯ

Утром ген. Марков собрал к-ров рот своего полка, 1-й батареи и др. нач-ков. Потери? Состояние частей? Офиц. полк. потерял лишь 2 офицеров убитыми и до 10 ранеными. 2—3 чел. — 1 батарея. Ни он и никто, не ожидал таких малых потерь. Сколько больных? Казалось, больные должны были бы быть, но и их почти не оказалось. Ген. Марков весел. Он в восторге от своих «Марковцев».

По имеющимся у него сведениям, красные имели в станице отряд в 3.000 штыков со многими орудиями. Они решили оборонять станицу и вырыли с трех ее сторон окопы. Взять ее, имевшую, кроме того, в тактическом отношении отличное расположение, при иных условиях, как в минувшем бою, было бы невозможно. Пр-к понес огромные потери убитыми — до 1.000 чел. Захвачено 8 орудий, снаряды, госпиталь... Ген. Марков заявил, что победа имела бы несравненно больший результат, если бы кавалерия Куб. отряда выполнила бы данное ей

задание, а не повернула бы назад, испугавшись непогоды. Отдав распоряжения и поблагодарив нач-ков, ген. Марков отпустил их, а сам направился с докладом к ген. Корнилову.

Ген. Корнилов благодарил ген. Маркова за бой. Говорил о минувшем походе.

— «Это был чисто Суворовский переход!» — так оценил ген. Корнилов.

— «Никак нет!» — возразил ген. Марков. — «Это был Корниловский переход!»

В офиц. полку переход и бой у ст-цы Ново-Дмитровской называли «Марковскими», т. к. приписывали весь успех ген. Маркову. Об этом впоследствии напишет и ген. Деникин:

«Этот бой — слава ген. Маркова и слава Офиц. полка, гордость Добр. армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первоходника о минувших днях — не то были, не то сказки».

Есть и иная оценка минувшего перехода. На улице ст-цы ген. Марков встретил юную сестру милосердия Юнк. б-на — Шуру. Видя обращенные на себя ее восторженные глаза, он остановился и поговорил с ней о походе, о том, как перенесла его она.

— «Это был настоящий ледяной поход!» — заявила сестра.

— «Да, да! Вы — правы!» — согласился ген. Марков. Это название «ледяной» точно определило его и, данное сестрой и утвержденное ген. Марковым, осталось не только для одного дня 15 марта, но и для всего Первого Кубанского Похода.

Как всегда во время остановок армии ген. Марков обязательно приходил к ген. Алексееву. Тут от него не требовался официальный доклад, но ген. Марков считал своим долгом, влекомый чувством глубокого уважения к Вождю, положившему начало Добр. армии и, знающий, какую громадную моральную ответственность нес Вождь за нее, хотя и не руководил ею — быть у него.

Ген. Алексеев сильно нездоров. Но вошел ген. Марков и лицо старого Вождя сразу же просияло. Появилась улыбка. О чем говорили они?

Ген. Алексеев, которому, казалось, есть о чем спросить, ограничивался немногими вопросами касательно боя, состояния и настроения в частях. Его больше интересовало состояние самого ген. Маркова: он беспокоился о его здоровье, зная его незаменимое никем значение в армии.

Вождь не задерживал его у себя.

— «Сергей Леонидович! Идите к себе. Нам нужно отдохнуть. Идите с Богом!» — провожал его, как отец своего любимого сына.

Но ген. Маркову нужно было зайти еще к ген. Деникину, ген. Богаевскому и еще кой к кому.

17 марта. Офиц. полк «завоевал» себе право на полный отдых и он был дан ему. Есть у его чинов лишь мелкие заботы: стирка, починка, чистка... В обязательство каждому введена лишь чистка оружия, не исключая даже проверку начальством.

Но, если 19—20-летние офицеры избегали по возможности чем либо обременять свой отдых, то 17—18 лет. кадеты, юнкера не могли усидеть дома. Они интересовались всем: и местом минувшего боя, и тем, что теперь происходит в занятой станице.

Получив разрешение, они рассыпались по станице и приносили много новостей. Видели стоявшие еще на позиции те два орудия красных, против которых была направлена 4-я рота; видели окопы на окраине станицы, залитые водой. Были на площади, где стоял Штаб армии и где-то в углу ее несколько виселиц. Говорили, что захвачено было не мало комиссаров. Они принесли сообщение о приходе из ст-цы Калужской «главных» сил армии — походного лазарета и обоза и о приезде представителей от Куб. отряда. Затем — менее интересное: с южной окранны ст-цы доносится стрельба.

В этот день у ген. Корнилова было совещание с Кубанским атаманом, полк Филимоновым, к-щим отрядом, ген. Покровским и членами Куб. Правительства.

Ни у кого из добровольцев не было сомнения в полном слиянии двух противобольшевицких армий. Однако оказалось, что оно не произошло гладко: Члены Прав-ва Куб. Края настаивали на сохранении самостоятельной Куб. армии. Это совещание шло в то время, когда на южной окраине станицы разгорался бой с наступающими красными и когда в районе Штаба рвались неприятельские снаряды. Пришедший с наблюдательного пункта — колокольни, пор. Гернберг, доложил ген. Корнилову о подходе красных к станице, указав направление их движения и их силы.

— «Сергей Леонидович!» — сказал ген. Корнилов ген. Маркову. — «Распорядитесь!» — Ген. Марков моментально выбежал из дома.

Это повлияло на Представителей Кубан. Края и вскоре же был подписан протокол совещания:

«В виду прибытия Добр. армии в Куб. Область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Куб. Правит. отряду, для объединения всех сил и средств, признается необходимым переход Куб. Правит. отряда в полное подчинение ген. Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым».

Наступающие красные частично ворвались в станицу, но на улицах они были смяты и в полном беспорядке, уже под покровом ночи, бежали в свое исходное положение. Офиц. полку была подана команда: «В ружье!» и одна из рот уже выступила, но принять участие в бою ей не пришлось. Участвовала в нем лишь 1-я батарея.

Эта тревога показала, насколько трагичен был вопрос с обувью после «Ледяного похода»: высушенная, она настолько ссохлась, что стоило больших усилий ее одеть; иным пришлось ее даже разрезать.

18 марта. Красные снова наступали с трех сторон, от станиц: Григорьевской, Смоленской и Георге-Афипской, и снова были отбиты. В этом бою принимал участие Юнк. б-н. Офиц. полк был в готовности выступить, но его участие не потребовалось.

19—20 марта красные уже больше не тревожили. Офиц. полк, Юнк. б-н и Технич. рота стояли в резерве и несли лишь внутренние наряды и незначительное охранение.

Погода улучшалась с каждым днем: заморозки по ночам и теплая, весенняя погода днем. Было очевидно — зима окончилась и это радовало. Все имели полную возможность навестить своих друзей в других частях и своих раненых, находящихся в полевом госпитале.

От последних узнали об отчаянной трагедии, пережитой за время похода и особенно в день 15 марта, день «Ледяного похода», из аула Шенжий в ст-цу Калужскую, и затем 17 марта, когда их везли из Калужской в Ново-Дмитриевскую. Пришлось трястись по непролазной грязи, испытывать боли после каждой минутной остановки от рывков уставших лошадей. Многие раненые умерли от заражения крови. В походе не могло быть хирургического вмешательства, не хватало медицинских средств, даже просто бинтов для перевязок. Полная жертвенность сестер мил., давно разорвавших на бинты запас своего белья и все, что доставалось ими у казачек, быстро иссякало. О сестрах мил. все говорили с необычайным восторгом и с глубокой благодарностью. Не мало раненых в походе покончили с жизнью самоубийством. На всем пути поход. лазарета оставались безымянные могилы.

В Ново-Дмитриевской раненые в первый раз были размещены по домам в сравнительно хороших условиях и нетревожимые пробыли в них 5 суток. Но и тут смерть не оставляла их. С радостью встречали пришедших их навестить. Задавали вопросы. У них начинали блестеть глаза, когда они слушали рассказы о ген. Маркове, о своих.

Умирал кадет 5 класса, Тихонов Алеша. К нему подошел офицер, его воспитатель в корпусе и, положив руку на голову страдальца, говорил ему слова утешения, сам едва сдерживаясь от рыданий. Юно-

ша-кадет, взяв руку своего офицера и держа в своей, уже холодеющей руке, слабым голосом сказал:

— Я знаю, что скоро умру! Но смерть за Веру, за Россию можно с радостью принять...

*
**

Томительно и нудно проходили дни полного отдыха и спокойствия. Добровольцы привыкли к сильным ощущениям и переживаниям. Обо всем уже переговаривали, даже на тему «куда теперь пойдем?» Ответ был один и желательный для всех: на Екатеринодар!

Соображения были разные. Считалось, что теперь, когда силы армии увеличились вдвое, взять Екатеринодар возможно, а с его взятием поднимается против большевиков вся Кубань. Было и чувство естественной тяги к большому городу. Мечтанию об Екатеринодаре способствовало, кроме того, одно существенное обстоятельство: добровольцам было выдано жалование — по 250 руб. каждому.

Однако, когда-то «будет Екатеринодар», а пока, и это было очень удобно, т. к. жалование выдано монетами в 15—20 коп., можно развлекаться игрой в «железку». За столом стояло оживление. Лежали кучки монет....

Вдруг открывается дверь и входит ген. Марков. Все смущенно вскакивают. Ни слово не говоря, окинув всех игроков глазами, ген. Марков подходит к столу, сгребает в одну кучу лежащие на нем серебряные монеты и... приказывает одному из офицеров отнести эту «военную добычу» ген. Алексееву, пояснив:

— Т. к. вы не нашли для денег лучшего применения.

Нравоучений не было никаких, и не сказав больше ни слова, ген. Марков вышел. То же повторилось и еще в нескольких домах. Но там, где ген. Марков не заставлял игру, он задерживался на несколько минут в беседе с добровольцами, заражая их бодростью и уверенностью в будущих делах армии.

— Конечно, будет не легко, — говорил он, — но, ведь, мы показали, что для нас нет препятствий. Мы пойдем туда, куда нас поведет ген. Корнилов.

«Налет» ген. Маркова снова дал темы для разговоров и, главным образом, о нем самом. У всех один восторг им, даже у любителей карточной игры. Правда, у последних не могло отвязаться чувство досады, что им не удалось поговорить с их Генералом.

НА ЕКАТЕРИНОДАР

С приходом Кубанского отряда в ст-цу Ново-Дмитриевскую, Добр. армия была сведена в следующий состав:

1-я пех. бр-да — Ген. Марков; нач-к штаба полк. Тимановский.

Офицерский полк.

Кубанский стр. полк — из Куб. отр-да.

1-ая Инженерная рота, переименованная из Технической.

1-ая отдельная батарея, 4 орудия, из сведенных 1 и 4 бат-й.

2-я пех. бр-да. — Ген. Богаевский.

Корниловский уд. полк.

Партизанский полк.

Пластунский б-н — из Куб. отр-да.

2-ая Инженерная рота из Куб. отряда.

2-ая отд. батарея — 4 ор.

Конная бригада — Ген. Эрдели.

Конный полк, сведенный из кон. дивизионов Добр. ар.

Кубанский конн. дивизион — из Куб. отр-да.

Черкесский конн. полк — из Куб. отр-да.

Конная батарея — 2 ор. из Куб. отр-да.

Отдельной частью при армии был Чехо-Сл. б-н.

Общая боевая численность армии достигала до 6.000 бойцов. Значительно вырос и обоз армии; в одном походном лазарете было до 700 раненых.

В Офиц. полк был влит двумя ротами, 5 и 6-й, имевший к этому времени едва 200 шт., Юнк. б-н. Полк стал 2-х бат-ного состава и численность его снова дошла до 800 шт. при 12 пулеметах.

Полк принял ген. Боровский; его помощником стал полк. Кутепов. Ком-ры бат-нов: полк Дорошевич и полк. Назимов. Адъютант Юнк. б-на, пор. Дончиков, стал первым за поход адъютантом полка. Образовался штаб полка с десятком чинов. Ген. Марков недовольно ворчал: «Нужно хорошо воевать, а не разводить хорошо канцелярщину».

Штаб своей бр-ды ген. Марков составил по своему образцу: кроме него и полк. Тимановского, в штабе было еще 3 офицера связи и при нем ком-да конных черкесов.

К-ром 1-й батареи ген. Марков назначил подполк. Миончинского.

Вся обстановка говорила за то, что в ближайшие дни предстоят жаркие бои, будет ли наступать армия на Екатеринодар или не будет.

23 м а р т а. Утром в Офиц. полку узнали о выступлении 2-й бр-ды, а к вечеру — и о том, что ею заняты ст-цы Григорьевская и Смоленская, обе в южном направлении, т. е. обратном екатеринодарскому. Вечером же полк получил приказание быть готовым к выступлению во второй половине ночи, но куда он тронется, сказано не было.

Ген. Боровский

24 м а р т а. БОЙ У СТ-ЦЫ ГЕОРГИЕ-АФИПСКОЙ.

1-я бр-да была поднята ночью и в 3 часа уже шла на сборный пункт, на зап. окраине ст-цы. Офиц. полку пришлось довольно долго стоять в ожидании чего-то. В это время ген. Марков был у Куб. стр. полка, который видел в полном составе в первый раз. Полк имел до 1.000 шт. на половину офиц. состава и 4 пулемета. Ген. Марков представился полку и объяснил задачу, данную бр-де: взять ст-цу Г.-Афипскую с помощью 2-й бр-ды, атакующей левее и в конце добавил:

— Да не бойтесь пули. Если суждено, то она найдет вас везде, а не судьба, так и в жарком бою уцелеете. Я никогда не берегся пули и вот, видите, цел!

Достаточно было нескольких минут, чтобы кубанцы прониклись полным доверием к Генералу и, чтобы он мог смело говорить — «мон кубанцы».

Подъехав затем к Офиц. полку, уже знавшему задачу, ген. Марков приказал ему выступить в голове колонны бр-ды. За полком пошла батарея; затем Куб. п., боевой обоз и Инжен. рота. Дорога была тяжелая: густая грязь, вода в низинах, слабые мостики... Колонна стала растягиваться.

Быстро светало. До станции оставалось еще до 2-х верст, но уже виднелись станц. постройки, стоящие на путях вагоны и можно было различить кр. бронепоезд. Молчание. Колонна бр-ды стала разворачиваться: Офиц. полк взяв направление правее ст-ции, оставив 5 и 6 роты в резерве; левее его, фронтом на ст-цию, Куб. стр-вый. Местность равнинная, покрытая мелким кустарником, но не дающим укрытия. Поражало продолжавшееся молчание пр-ка и его бр-зда, а затем и другого, появившегося из-за зданий.

В это время к левой из ротных колонн полка подъехал ген. Корнилов во главе своего штаба, с распущенным трехцветным флагом и группой текинцев и обратился с какими-то указаниями к ген. Маркову. Прошло несколько минут. Полк был от противника в версте с небольшим. Вдруг сильнейший пулеметный огонь с бронепоездов обрушился на полк. Полк немедленно рассыпался в цепь и укрылся за небольшим валом — дамбой, тянувшимся немного впереди. Первые потери. Ранен в ногу нач. штаба армии, ген. Романовский; несколько текинцев упало с лошадей. Ген. Корнилов и штаб спешили и легли за валом. Неподалеку от цепи стала батарея, но огня не открывала. Правофланговой, 4 роте, было приказано выдвинуться вперед с целью перерезать жел. дорогу на Екатеринодар и охватить пр-ка с его левого фланга. Рота под выдержанным и метким огнем стала продвигаться вперед по кустарнику, но обнаружила перед собой сплошной фронт пр-ка. К этому она увидела подходивший со стороны Екатеринодара поезд небольшого состава, набитый солдатами. Рота остановилась. Красные прекратили стрельбу.

Но вот — приказание: «Вперед!» Всего лишь верста отделяла пр-ков, но ясно видимые цепи полка были снова встречены молчанием со стороны красных. Их бр-зда застыли на двух крайних точках. Окопов красных и какого-либо движения у них обнаружено не было. Плохая примета! Значит, пр-к уверен в себе и готовит жаркую встречу.

Недолго продолжалось это тягостное безмолвие: над цепью пронеслись первые снаряды батареи полк. Миончинского; она открыла огонь по бр-дам и настолько точно, что они стали ползать по полотну жел. дороги. Этими несколькими выстрелами, собственно, и начался бой, т. к. в ответ разразились огнем позиции красной пехоты, артиллерии и бр-здов. Огонь, открытый красными по силе своей превышал силу любого предыдущего боя. Руж., пул. и одновременно орудийный, своими низкими и точными разрывами шрапнелей, буквально придавливал к земле идущие цепи. Цепи залегли. Красные шрапнели заменили гранаты. Около 600 шагов всего лишь было до врага, цепи которого были замечены несколько впереди жел. дор. насыпи. Офицеры открыли ружейный огонь. Но как он был слаб по сравнению с огнем пр-ка! По цепи приказание: «перебежки по одному! Вперед!» Уже расстояние сократилось почти наполовину, но красные не проявляли никакой нерв-

ности и огонь их все усиливался. К счастью арт. снаряды их рвались несколько позади цепи. Зловещие стальные крепости красных маневрировали по линии и стреляли всей мощью своих орудий и пулеметов, не обращая внимания на рвущиеся вокруг них снаряды. Двигаться вперед, прямо на бр-зда, офиц. цепь не смогла: она остановилась, не зная и не видя, что перед самыми позициями красных протекала речка Шелш, через которую был переброшен лишь один мостик: препятствие, которое, видимо, и давало такую силу сопротивления красным.

Уже Офиц. полком понесены большие потери. Раненые отползали назад, ища укрытия от огня за дамбой, откуда они начали наступление.

Было ровно 16 часов. Положение — отчаянное. Казалось, перейди красные в наступление своей подавляющей массой, и при поддержке огня своих бр-дов, не удержаться цепям и не помогли бы им 5 и 6 роты, высланные на правый фланг полка, чтобы все же охватить фланг противника.

Ген. Корнилов продолжал оставаться на дамбе и наблюдать за боем. Он — в сильно возбужденно-недовольном состоянии. Наконец он раздраженно сказал ген. Маркову:

— Сергей Леонидович! Я просил вас о ночном налете, а вы закатали мне дневной бой!

Это был упрек; более того — выговор. Ген. Корнилов больше не остался здесь, а уехал на левый фланг, туда, где наступала 2-я бр-да.

В создавшемся положении на участке всей 1-й бр-ды, ген. Марков видел лишь одну возможность успеха атаки, это в подавлении огня красных бр-здов. Он приказывает полк. Миончинскому отогнать красный бр-зд, стоящий у станции, при этом напоминает: бить по поезду, а не по зданиям, где в одном из них, находится склад снарядов. Первый же снаряд батареи лег на насыпи под вагоном бр-зда; второй попадает в здание и... следует сильный взрыв. Видя, что снаряд полк. Миончинского попал в склад, ген. Марков громко воскликнул:

— Эх! Куда же ты стрелял?! Я же предупреждал...

Этот невольный взрыв столь нужных для армии снарядов, однако, имел то немедленное следствие, что красные, сидевшие до сего времени крепко и уверенно на своих позициях, вдруг вскочили и бросились бежать через жел. дор. насыпь. Бр-зд немедленно дал ход в сторону Екатеринодара, вслед за ранее ушедшим и не вернувшимся назад потому, что там к жел. дороге подходили 5 и 6 роты. Мгновенно, с криком «ура», рванулись вперед цепи 1-й бр-ды. Цепь Офиц. полка, поднявшись на жел. дор. полотно правее станции, увидела далеко убежавшего пр-ка. Далеко влево неслось «ура» 2-й бр-ды, которая обходила станицу Г.-Афипскую с запада. Последний взрыв пул. и руж. огня был верстах в 2-х от станции в сторону Екатеринодара: отходящий второй бр-зд красных, оказавшийся вооруженным лишь многочислен-

ными пулеметами, обслуживаемыми матросами, попал под огонь 5 роты с дистанции 200—300 шагов. Вдруг паровоз окутался густым облаком пара и — поезд вскоре остановился. Грянуло юнкерское «ура», быстрая атака, захват поезда и уничтожение задержавшихся на нем матросов...

Бой кончился. Наступала ночь. В ст-цу Г.-Афипскую одновременно вступали 1 и 2 бр-ды и сейчас же обозы. Вся ст-ца оказалась забитой пришедшей армией. Во многие дома свозили раненых, перевязывали их. Здесь полнота власти была у сестер милосердия; они задерживали в своем распоряжении проходивших здоровых, поручая им то принести воды, вскипятить чайник, рвать простыни, рубахи на бинты... Нехватило нода.

В этом бою потери в Офиц. полку были большие: до полутораста человек. Станцию и станицу оборонял отряд красных силою до 5.000 ч.

Среди захваченных трофеев, особенную ценность имели около 700 снарядов, которые находились в соседнем со взорванным здании.

Наступила ночь. После 2-часовой передышки, ген. Марков, взяв 6-н Кубанцев и роту Офиц. полка, повел их вдоль жел. дороги на Екатеринодар. Где-то офиц. рота отделилась от Кубанцев и пошла самостоятельно влево. Ей была дана задача дойти до р. Кубани и там остановиться.

25 марта. С утра конная и 2-я бр-ды выступили в сев.-зап. направлении, а за ними вытянулись и «главные силы». На ночь 2-я бр-да остановилась в ауле Панахес, а конная продолжала движение к Елизаветинской паромной переправе через р. Кубань в 10 вер. западнее Екатеринодара. Ночью переправа была ею захвачена.

1-я бр-да осталась в арьергарде армии в ст-це Г.-Афипской, имея заслоны в сторону Екатеринодара и Новороссийска. Днем части Куб. стр. полка вели бой у станции Эйнем, однако, не переходя в наступление. Красные усиливали свой отряд подвозом резервов из Екатеринодара.

26 марта. Утром бр-да оставила ст-цу Г.-Афипскую и к вечеру пришла в аул Панахес. Только теперь все узнали, что у ст-цы Елизаветинской захвачена переправа через р. Кубань, захвачена сама ст-ца и идет переброска на тот берег конной и 2-й бр-д. Для всех стало ясно, что армия атакует Екатеринодар и все были поражены, как легко и просто ген. Корнилову удалось форсировать р. Кубань.

Ничего этого не знали в офиц. роте, стоявшей на берегу реки в нескольких верстах от жел. дор. моста. Нетерпеливо ожидалось раз-

ворачивание событий к атаке города. Но вот уже ночь, а рота продолжает стоять в бездействии и в одиночестве. Офицеры невольно нервничают; спокоен, кажется, один лишь ее командир.

Вдруг все узнают, что приехал ген. Марков. Однако рота никуда не идет и никаких изменений ее расположения не следует. Значит все благополучно. Успокоились.

Неожиданно с постов сообщили, что впереди слышен шум движения колонны. Все приготовились к бою. Однако ген. Марков сейчас же выскочил вперед навстречу шуму. Оказалось, подошел б-н кубанцев. Ген. Марков взбесился:

— Почему вы здесь? Я же приказал вам оставаться на месте!

Ответ не замедлил: ночь; одни в степи, никакой связи; мы думали, что «нас бросили».

— Что? — заорал ген. Марков. — Вы видели, что я бросил кого-нибудь. А не хотите — ну вас к чорту! Получайте расчет! — и, широко расставив ноги, он запустил руку в боковой карман своей неизменной куртки и вытащил оттуда бумажник. Кубанцы заголосили. Ген. Марков спрятал свой бумажник и приказал возвращаться на свое место и сам исчез с ними в темноте. Жест генерала был замечательный, всех развеселивший.

Переправа через р. Кубань при наличии двух паромов и 1—2 десятков лодок, при полном напряжении сил и использовании времени, для армии неизбежно должна была затянуться на трое суток. Ведь переправить нужно было ок. 600 подвод, орудий и зарядных ящиков; до 4.000 лошадей и свыше 9.000 чел. Срок большой и достаточный для пр-ка, чтобы сосредоточить свои войска и ударить ими по переправившейся части Добр. армии или, ожидающей переправу. Ген. Корнилов рисковал. Но красные, не зная подлинных намерений своего пр-ка, продолжали держать лучшие свои части у ж.-д. моста, сосредотачивая остальные на зап. окраине Екатеринодара.

Между тем, в дни переправы, как никогда Добр. армия была в чрезвычайно опасном положении: ее силы были разъединены рекой. На второй день на сев. берегу реки были 2-ая и конн. бр-ды; на южном еще оставалась 1-ая. Армия вынуждена не предпринимать серьезных активных действий и тем более атаковать Екатеринодар.

БОИ У ГОРОДА ЕКАТЕРИНОДАРА

27 марта. В ст-це Елизаветинской собирается 2-ая бр-да. Кон. части веером вокруг нее ведут наблюдение за пр-ком. Чехо-Сл. б-н выдвигается для обеспечения ст-цы с запада. Переправляется пластунский батальон.

Во 2-й половине дня, когда красные выиграли еще 6—8 часов, они перешли в наступление на ст-цу, но были отброшены и отошли к белой ферме Куб. Эк. об-ва, на половине пути до Екатеринодара.

В 1-й бр-де спокойно. Она полукольцом, проходящим через аул Панахес, прикрывала переправу. Огромным табором на берегу реки стоял обоз. На паром одновременно могло быть доставлены 4 подводы. Раненые ждали своей очереди. Но в обозе с беженцами нервничали и стремились попасть на паром вне очереди.

У переправы ген. Марков. Его резкий, громкий голос непрерывно обрушивался на одних, то на других, нарушающих порядок. Несколько «нетерпеливых» подвод отведены в сторону за кусты: будут переправляться последними.

28 марта. 2-я бр-да перешла в наступление. Красные, видя свое численное превосходство над нападающими, упорно отбивались. Ферма переходила из рук в руки. Наконец, враг стал отходить к городу. На помощь бр-де подошел б-н Кубан стр. полка. Было взято предместье города, кожевенный и кирпичный заводы, но перед казармами наступление, уже в сумерках, остановилось под сильным огнем пр-ка, занимавшего отличную позицию. Левый фланг бр-ды оказался загнутым назад, т. к. встретил сильное сопротивление из садов и с линии Черноморской жел. дор., на которой курсировали бр-зда пр-ка. Бригада понесла большие потери; был ранен в плечо, но остался в строю к-р Партиз. полка ген. Казанович; ранены: к-р пластунского б-на полк Улагай, затем и заместивший его, полк. Писарев.

В 1-й бр-де попрежнему спокойно, но волнение у «марковских» добровольцев огромное: с утра они слышат все удаляющийся к городу шум боя. Они переживают большую досаду, что им не придется принять участие во взятии города. Не вытерпев, излили свою досаду ген. Маркову:

— Ваше Превосходительство! Что же это? Всюду посылали в первую очередь, а как Екатеринодар брать — сиди в арьергарде!

Ген. Марков утешал:

— Без нас города, пожалуй, не возьмут.

Однако и сам переживал то же, что и все и, как он сказал, послал в штаб армии записку о досаде, что его бр-де придется попасть в город к «шапочному разбору».

1-я бат-я пригласила ген. Маркова к себе «на мамалыгу». (В этом районе аулов хлеба не было). Гость пришел с краюхой хлеба, полученной им из Елизаветинской, которым и поделился. Разговор шел все

о том же — о пассивном участии бр-ды. Ген. Марков утешал, но сам, прислушиваясь к звукам боя, не мог сдерживать спокойствия и пускал коротко: «Черт знает что...»

Во второй половине дня на тот берег был переправлен взвод 1-й бат-и. С наступлением ночи переправлялись последние повозки обоза и, наконец, последним — Офиц. полк.

29 марта. Едва рассвело, весь Офиц. полк был на правом берегу Кубани и немедленно двинулся в сторону г. Екатеринодара. За ним Инжен. рота и бат-ея. В станицу зайти не пришлось. Полк вышел на большую дорогу, затем свернул с нее вправо и проходил ряд небольших ферм, окруженных садами. День был светлый; идти было легко. Ген. Марков уехал вперед, в штаб ген. Корнилова. Там он выразил свое негодование ген. Романовскому:

— Черт знает что! Раздергали мой Кубанский полк, а меня вместо инвалидной команды к обозу пришили. Пустили бы сразу со всей бригадой, я бы уже давно был бы в Екатеринодаре!

Впереди шел бой. О силе шедшего боя офицеры судили по глухому шуму, напоминавшим шум сильного ветра. У одной из ферм полк встретил ген. Корнилов со своим штабом; тут же был и ген. Марков.

У белой фермы — остановка; приказание подкрепиться «чем Бог послал», осмотреть свое оружие; если нужно — заменить, выбрав лучшее среди массы брошенного красными и — обязательно взять штыки.

Через час колонна двинулась дальше, оставив на берегу Кубани взвод Инжен. роты, на случай появления неприятельских вооруженных лодок.

От фермы полк и Инжен. рота тронулись вдоль реки к видневшимся впереди кирпичному и кожевенному заводам. По дороге колонна попала под арт. огонь. Приняв рассредоточенный порядок, она продолжала движение без остановок. У кирпичного завода обстрел усилился и к артиллерийскому присоединился обстрел с р. Кубани, с речной флотилии, вооруженной скорострельными пушками Гочкиса. Однако потерь в колонне почти не было.

Пройдя завод, полк четырьмя ротами пошел на смену выдохшимся в бою б-нам Куб. стр. п-ка и пластунскому, занимавшим участок от р. Кубань до большой дороги из ст-цы Елизаветинской в г. Екатеринодар, протяжением свыше 2-х верст. Смена происходила под сильным арт. и руж. огнем на восточной окраине предместья, горевшего в нескольких местах. Позиция пр-ка проходила всего лишь шагах в 600 за голым полем, с протекавшим ручьем, по краю огородов, а левее — по валику, окружавшему казармы и была отличной во всех отношениях.

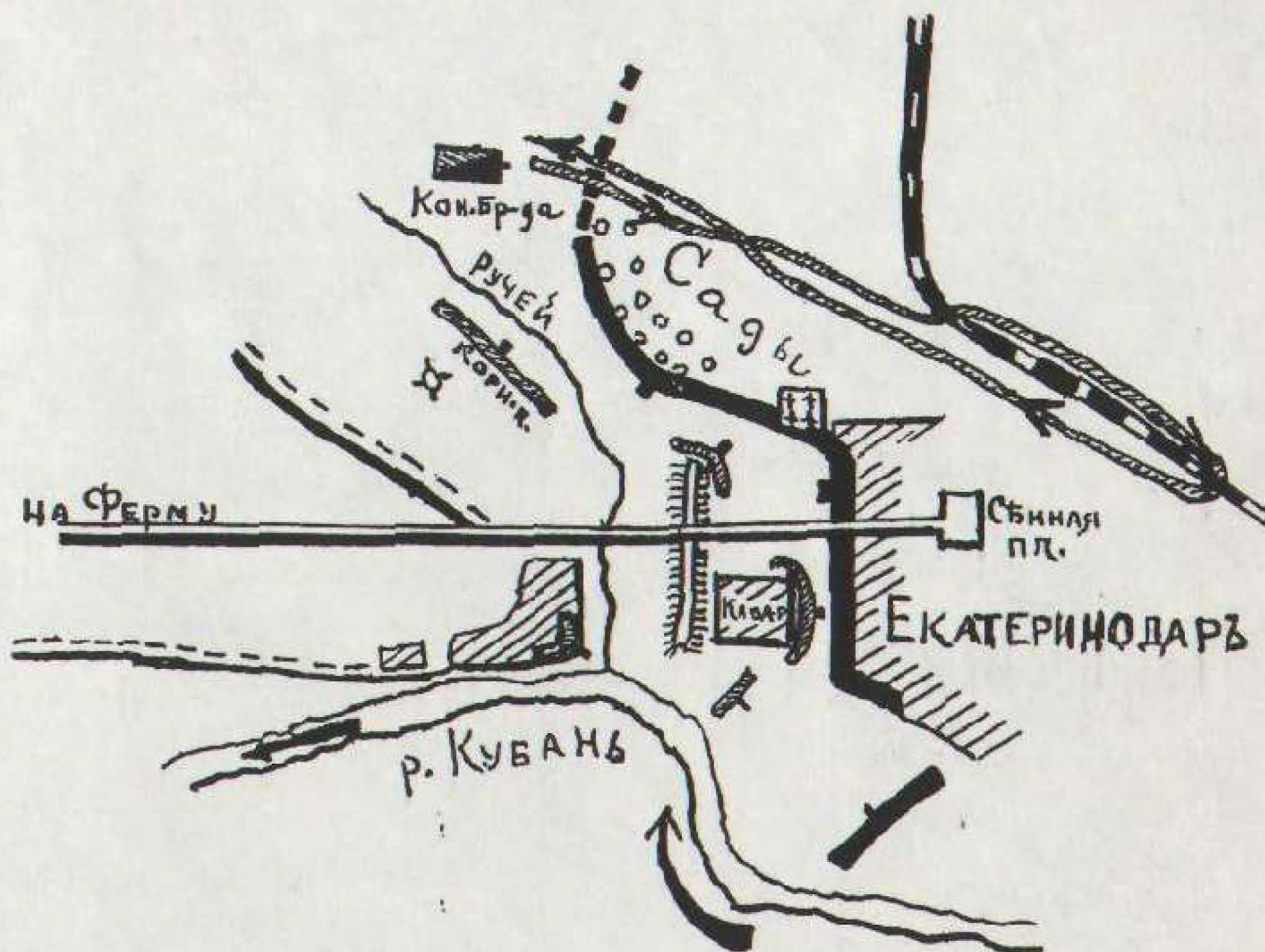
В резерве полка были поставлены — за правым флангом — 6-я рота, за левым — 4-я. Инжен. рота стала у самой реки. Кроме того, в резерве находился и смененный б-н Кубан. стр. п-ка.

Влево, уступом сзади, стояли части 2-ой бр-ды. Таким обр. участок ген. Маркова занимал выдвинутое положение и был под обстрелом слева.

А Т А К А

1 и 2 бр-дам приказано в 17 час. атаковать пр-ка и занять город. Конной бр-де обойти город с севера и востока.

До атаки было еще около двух часов, воспользовавшись которыми, ген. Марков обошел все роты, стоявшие на передовом фесе. Задача:

занять казармы, для атаки которых направлялись 1 и 2 роты, и на левом их фланге 5-я.

— Главное — возможно быстрее к валу, — говорит он. 5-й роте он сказал:

— Сейчас будем брать артил. казармы. Вы атакуете их в лоб, без задержек, без перебежек. Берегите патроны. Вашу атаку поддержат Кубанцы.

Атаке будет предшествовать арт. подготовка взвода 1-й бат-и. Условлено о... 7 выстрелах. Роты нацелились.

Ген. Марков возле 5-й роты. Он смотрит на часы, смотрит влево, в сторону 2-й бр-ды. Наконец, арт. взвод открыл «беглый» огонь.

— Ну, видно, без нас дело не обойдется, — сказал ген. Марков бывшим с ним и, подбежав к 5-й роте, громко прокричал:

— С Богом! Вперед!

— Вперед! Ура! — скомандовал полк. Зотов.

За 5-й ротой поднялись другие...

Красные в первый момент даже прекратили ту редкую стрельбу, которую вели, но когда роты пробежали половину расстояния, опомнились и открыли убийственный огонь. В этом огне захлебнулась атака 5-й роты. Она залегла. Но из поселка бежала вперед цепь кубанцев, а впереди нее ген. Марков, размахивая своей папашой. Подбежав к цепи 5 роты, он закричал ей:

— Вперед! Еще немного и казармы наши! Ура!

Минута, другая, и рота на валу, с которого красные толпами бежали к казармам, вливаясь в улицы между зданиями. По ним открыли огонь. У одного из оставленных красными пулеметов оказался неснятым замок и прапор. Гольдшмидт стал поливать бегущих пулем. огнем. Но на третьей очереди — задержка.

Рота, а с ней и другие, завязали схватку с врагом среди зданий, в которых он пытался задержаться. Ручными гранатами, взятыми на валу, прекращали это сопротивление.

5-я рота вышла на окраину казарм, обращенную к городу, до которого оставалось шагов 400. Она увидела два стреляющих орудия красных. Кап. Чупихин, к-р взвода роты, с группой, бросился к ним, но попав под огонь с флангов, отошел. Казармы были взяты, однако пр-к, находящийся вправо от них, в огородах, с их живыми изгородями, продолжал оказывать упорное сопротивление. Дальнейшее продвижение Офиц. полка было приостановлено еще и в силу того, что наступление слева 2-й бр-ды задержалось. Посланные туда один за другим два офицера 5-й роты были убиты. Третьему, прапор. Гольдшмидту, повезло добраться до к-ра 2-й бр-ды, ген. Казановича.

«Между тем прибыл ординарец ген. Маркова и доложил, что им только что взяты артил. казармы и что генерал просит нас продолжать наступление в связи с его бр-дой, которая готовится проникнуть в город. Нежинцев послал приказание своей цепи наступать. Цепь поднялась, но сейчас же снова залегла, будучи не в силах подняться из оврага, по дну которого протекал ручей. Тогда Нежинцев сам пошел поднимать цепи и скрылся в овраге». (Из записок ген. Казановича).

Сам же ген. Казанович, взяв свой резервный б-н, перешел в наступление левее большой дороги и вышел почти на линию Офиц. полка. Наступала ночь.

Далее в своих записках ген. Казанович пишет:

«Ко мне подошел полк. Кутепов, командовавший левым участком ген. Маркова, состоявший из перемешавшихся во время атаки людей Офиц. и Куб. стр. полков. Я спросил, где ген. Марков и получил ответ, что он пошел к своему правому флангу, на участок ген. Боровского. Сказав полк. Кутепову, что я сейчас атакую окраину города и проникну вглубь его по ближайшей улице, я просил атаковать вслед за мной и правее меня; эту просьбу я просил передать ген. Боровскому и их общему нач-ку — ген. Маркову. Полк. Кутепов обещал атаковать как только я ворвусь в город».

Но атака Офиц. полка не состоялась, т. к., судя по запискам ген. Казановича — «ему (полк. Кутепову) не удавалось двинуть вперед смешанных людей разных полков, бывших на его участке», а ген. Марков — «ничего не знал о моем предприятии и услышал о нем впервые, когда по его телефону передавалось мое донесение в штаб армии».

Записки участников боя для этого момента говорят иное: левофланговые роты полка были готовы к продолжению наступления и недоумевали не получая приказаний и тем более потому, что стрельба со стороны города совершенно прекратилась. А между тем, как раз в это время, ген. Казанович с 250 ч. проник в город до Сенной площади не встретив никакого сопротивления и отступил назад, т. к. не мог установить связь с Офиц. полком, продолжавшим стоять на месте. Ген. Казановичу на обратном пути пришлось пробиваться через линию красных, занявших западную окраину города со стороны Черноморского вокзала, куда левофланговым частям 2-й бр-ды продвинуться не удалось.

Казалось успешное предприятие группы с ген. Казановичем могло бы иметь большие положительные результаты в атаке города, если бы его поддержал Офиц. полк. Но ген. Марков ничего о нем не знал. Он решил возобновить атаку утром. Сильная стрельба, поднявшаяся, когда из города пробивался отряд ген. Казановича, застал его уже отдавшим все нужные распоряжения и отдыхавшим.

— «Чорт возьми! Отдохнуть не дадут», — проворчал он, выбегая из дома с плеткой, в папаше, без пояса. Но стрельба скоро стихла.

Атака артил. казарм Офиц. полку стоила огромных потерь — до 200 чел., но настроение в нем оставалось высоким и уверенным в успехе следующей атаки.

30 марта. Ген. Марков, узнав о налете ген. Казановича в город, предложил ему повторить атаку общими силами на рассвете. Но ген. Казанович отклонил это предложение: в его бр-де, в обоих полках осталось едва по 300 штыков. Убиты были К-р Корн. полка, полк. Нежинцев и его заместитель. Полк. Кутепов получил приказание принять Корн. полк.

К утру вся западная окраина города уже была занята красными. Они массой засели в огородах. В казармах части Офиц. полка находились в выдвинутом вперед положении и всего лишь шагах в 400 от окраины города. Влево, через дорогу, уступом назад, стояли части Партиз. полка. В полдень их сменила 4-я рота Офиц. полка. Смена происходила под обстрелом. Позиция 4-й роты оказалась имеющей вид прямого угла с фасадами на город, т. е. на восток и на Черноморский вокзал — на север. Оба ее фаса обстреливались фланговым огнем. Спасали роту глубокие окопчики, вырытые партизанами.

Вся площадь казарм обстреливалась руж., пул. и арт. огнем. Мало скрывал от обстрела валик у казарм, отделявший их от города. Красные вели огонь из окон городских зданий. Шагах в 2.000 от казарм, среди огородов, стоял взвод кр. арт-и, безнаказанно обстреливающий казармы. Добровольцы экономили снаряды и патроны. Ответная стрельба велась любителями: прап. Дитман вытащил матрац и лежа на нем редко и прицельно стрелял. Пули пр-ка рвали матрац, но стрелок не уходил, пока ему не приказал к-р роты.

Полк нес потери. Один снаряд попал в пулемет. окоп и вывел из строя всю его прислугу. Измаилу, кавказцу, осколком снаряда перебило руку. Сестра мил. Шурочка, как все ее называли, немедленно произвела операцию: перочинным ножиком она перерезала сухожилия, на которых еще держалась рука и перевязала раненого. Все поражались ее самообладанию и хладнокровию. Все поражались и огромному самообладанию Ибрагима: — «хорош была рука и нет больше рука. Но есть еще одна», — говорил он, утешая себя примером пор. Федорова Павла, без правой руки управлявшегося с карабином при помощи другой руки и зубов.

У красных замечались приготовления к атаке, но всякий раз они погашались пул. и руж. огнем. Но одна атака все же состоялась и они сбили 5-ю роту. Ген. Марков подбежал к роте и к.-атакой восстановил положение.

Возникла новая неприятность: красные выдвинули свои части вдоль южного берега р. Кубань так, что теперь могли обстреливать позиции полка не только во фланг, но и в тыл и, главное, единственная дорога в тыл, более или менее скрытая от наблюдения со стороны Екатеринодара, стала находиться под обстрелом.

**

После полудня ген. Марков был вызван в Штаб армии на совещание, на котором обстановка, сложившаяся для армии, представилась следующей: силы пр-ка во много раз превышают силы Добр. ар. и непрерывно продолжают увеличиваться. У пр-ка не менее, чем в два раза больше орудий и 2 бр-зда. У него неистощимый запас патронов

и снарядов. Потери, понесенные армией, восполнить нечем. Мобилизация казаков, давшая несколько сот человек, свелась к нулю: казаки стали оставлять ряды армии. Замечено и явление: утечка добровольцев. В боевом составе армии осталось: в 1 бр-де около 1.200 ч., во 2-й — около 600. Конная бр-да, хотя и сохранилась, но она не может оказать существенной помощи: ее обход Екатеринодара никакой видимой помощи армии не дал. Число же раненых в походном лазарете перевалило 1.500 ч. Помимо всего — здоровый, находящийся в строю состав армии утомлен физически и морально. И, как бы в подтверждение усталости, ген. Марков невольно заснул, но разбуженный, извинился перед ген. Корниловым.

— Виноват, Ваше Высокопревосходительство! Двое суток не ложился.

Ген. Корнилов высказал свое мнение и решение:

— Положение, действительно, тяжелое и я не вижу выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Все генералы, кроме Алексеева, ответили отрицательно, но и тот предложил отложить штурм на 1 апреля.

— Итак, будем штурмовать на рассвете 1-го апреля, — твердо сказал ген. Корнилов и отпустил генералов.

Вечером этого дня в разговоре с ген. Казановичем, он сказал:

— Конечно, мы можем при этом погибнуть, но лучше, по-моему, погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели: без снарядов и патронов это будет медленная агония.

Ген. Марков вернулся на свой участок внешне в бодром настроении, но полк. Тимановскому и немногим другим он сказал:

— Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Если не возьмем, а если и возьмем, то погибнем, — но вслед за этим приказал передать в части приказание о подготовке и об обязательном нашивании на головные уборы белых лент.

Для чинов Офиц. полка штурм Екатеринодара представлялся единственным решением.

А Т А К А П Р О Т И В Н И К А

Наступила ночь, которая скрыла цепи и почти прекратила стрельбу с обеих сторон. На территории казарм бойцы могут чувствовать себя в меньше опасности, чем днем: могут встречаться, разговаривать. Усилилось движение из казарм в предместье за продуктами питания. Но вместе с тем и обострилось внимание в сторону пр-ка. Два фаса казарм особенно опасны: в сторону города и в сторону огородов. Третий фас — северный, менее опасен: там огромная голая площадь, находящаяся под обстрелом 4-й роты.

Но вот, на правом фланге полка, в охранении, раздались несколько тревожных выстрелов. Сообщили — красные наступают и, еще несколько минут, стрельба распространилась влево к казармам и перед ними, принимая все усиливающийся характер. Пр-к атаковал казармы и со стороны огородов ворвался в них. Им было захвачено несколько крайних зданий. 1, 2 и 5 роты отскочили к следующим зданиям и задержали дальнейшее продвижение пр-ка. Бешеная стрельба. Обе стороны засели в зданиях, между которыми «зоны смерти».

Ген. Марков сменяет на правом фланге полка 3-ю роту, перед которой красные не вышли из огородов, резервной 6-й ротой и переводит ее влево к казармам. Прodelывается это чуть ли не бегом. Готовится контр-атака. Наконец...

Контр-атакующих встречает адский огонь, разрывы ручных гранат. Среди темной ночи — огонь выстрелов. Офицеры залегают. Стреляют по окнам зданий, но на вспышки их выстрелов летят гранаты и пули. Они прижаты к земле. Уже не подняться им. Отползают раненые. Их много. Многие лежат неподвижно. Продолжение атаки уже невозможно. Кое-как по цепи передается: отползать.

Красные не продолжили свою атаку и ограничились занятием части казарм. В Офиц. полку огромные потери, особенно во 2-й роте.

31 марта. Рассветало. Ожидаемого возобновления атаки красных не было. Картина ночного боя — ужасна: в «зоне смерти» лежат убитые и десятки раненых. Подобрать их невозможно. Красные стреляют из окон зданий.

К их ружейным выстрелам присоединились орудийные. Снаряды рвутся на территории добровольцев; несутся в тыл. Слышны их разрывы в предместье. Там горят постройки и новые жертвы среди вынесенных и ушедших туда раненых. Летят снаряды и в более глубокий тыл. Но молчит артиллерия добровольцев. И в гуле стрельбы лишь со стороны пр-ка, чувствуют добровольцы «музыку» судьбоносную, роковую. Но воля их еще не сломлена, несмотря на ничтожную их численность. «Будь в армии хотя бы 10.000 человек, давно бы взяли город», — говорили они. Не в первый раз в их разговорах упоминалась цифра 10.000!

Около 8 час. ген. Марков был вызван к телефону. Разговор у него был коротким и, отойдя от телефона, он крикнул: «Коня!» Мгновенно вскочив на него, он поскакал в Штаб ген. Корнилова, сказав лишь несколько слов полк. Тимановскому. На лице у него можно было прочесть лишь какую-то срочную и серьезную озабоченность. Полк. Тимановский сохранял свое обычное спокойствие, но никому не сказал ни слова из того, что передал ему ген. Марков.

Генерал Антон Иванович ДЕНИКИН

В тяжкий момент для Добровольческой армии: с окружении огромными силами врага, торжествующего победу под Екатеринодаром; при предельном физическом ее утомлении и минимуме моральных сил; при уменьшившейся на половину численности ее состава, а для пехоты на две трети; при отсутствии патронов и снарядов; при невероятно возросшем походном лазарете со свыше 1.500 раненых; — ген. Деникин принял армию.

Он взял на себя ответственность за судьбу бойцов, за судьбу армии; за судьбу Дела. Он, поступив так, стал первым часовым у Национального Знамени. Он повел потрясенную армию и теперь уже не «в неизвестность», а в бой — иного выхода не было.

Каковы должны были быть у него — мужество, воля, хладнокровие, трезвость мысли и пр., чтобы все взвесить, решить и повести в бой с обязательным условием не «гибела с честью» а с надеждой на успех?!

Ген. Деникин повел Добровольческую армию и... спас ее!

Слава ему!

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

Восьмой час утра.

Ген. Корнилов, несмотря на обстрел фермы арт. снарядами, несмотря на уговоры уйти с фермы, не хотел ее оставить. Снаряды рвались вокруг. Вот глухой разрыв. Ферма в дыму, в пыли...

Генерал Корнилов убит.

Короткий разговор у нач-ка штаба, ген. Романовского, с ген. Деникиным, который во все дни боев у Екатеринодара, находился при штабе.

— Вы принимаете командование армией?

— Да! — без колебания ответил ген. Деникин.

Немедленно ген. Алексееву в ст-цу Елизаветинскую было послано донесение:

«Доношу, что в 7 час. 20 м. в помещении штаба снарядом был смертельно ранен ген. Корнилов, скончавшийся через 10 минут.

Я вступил во временное командование войсками Добр. армии».

31 марта 7 час. 40 мин. № 75/т. Генер.-Лейтен Деникин».

Приехавший ген. Алексеев обратился к ген. Деникину:

— «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите нам Бог!»

Сейчас же был написан приказ по армии:

§ 1.

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 час. 30 мин. 31 сего марта, убит ген. Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добр. Армии и славное командование ею — известно всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабеет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу КОРНИЛОВУ — нашему незабвенному Вождю и лучшему гражданину Родины.

Мир праху его!

§ 2.

В командование армией вступить генералу ДЕНИКИНУ.

Генерал-от-Инфантерии Алексеев.

Смерть Вождя решено было временно скрыть от армии.

**

Ген. Марков недолго задержался в штабе и скакал обратно к Екатеринодару. У дороги на берегу Кубани стоял взвод Инжен. роты, который видел обстрел фермы. К-р взвода, увидев ген. Маркова, пошел к нему навстречу, держа руку под козырек. Ген. Марков попридержал коня.

— Ваше Превосходительство! Генерал Корнилов убит?

— Убит! Но об этом никому ни слова, — ответил ген. Марков и прищипорил коня.

Прибыв в свой штаб, ген. Марков сообщил о смерти Вождя ген. Боровскому, полк. Тимановскому и другим, кому находил нужным, но не для передачи этого известия в части. Туда посылались нужные распоряжения, которые до чинов доходили в форме: «ген. Марков приказал...» Это действовало успокаивающе.

Но томительно протекали часы. Мучили тревожные предчувствия. Однако, перекидываясь своими мыслями, офицеры говорили лишь о предстоящей новой атаке города. Ничего иного они не могли допустить. Да и повторное приказание — нацепить на головные уборы белые ленты, подтверждало их мысль. Ее не нарушала даже возможность атаки пр-ка, встретить которую они готовы. Наступала ночь.

А между тем, старшими начальниками получен приказ из штаба армии: осада города снимается, армия отходит, но предварительно, с наступлением полной темноты Офиц. полк должен провести демонстрацию атаки. Наступила ночь.

Стрельба красных постепенно стихала. И вот в полной темноте и тишине, вдруг в центре Офиц. полка, в расположении казарм, раздались пулеметные очереди и ружейная стрельба и повнеслось громкое «ура». Красные по всему фронту открыли в ответ бешеную стрельбу, которая заглушала огонь полка. Уже последний прекратил и стрельбу, и «ура», но красные не скоро успокоились. А в это время части полка постепенно снимались с передовых участков и уходили в тыл к заводам.

У кожевенного завода под прикрытием арьергарда построился весь полк. По предместью продолжали рваться снаряды, разрушавшие и поджигавшие дома. Полк тронулся по дороге к ферме — штабу армии. Было около 20 час.

Недоходя до фермы, полк занял фронт лицом на Екатеринодар, седлая обе дороги — большую и идущую вдоль берега р. Кубани.

В таком положении полк стоял долго. В цепях негромкие разговоры. Тема: смерть ген. Корнилова. О ней многие узнали только теперь. Новость неожиданная, заслонившая все остальное. Ведь с личностью ген. Корнилова связывались все надежды на освобождение Родины. Вспомнили тут и событие, имеющее всего лишь годичную давность: отречение Императора и тогда говорили: теперь все погибло! И действительно: Россия погибла. И вот теперь новый удар.

— Куда мы теперь пойдем?

— Куда?! — громко произнес кто-то. — Да куда глаза глядят! — но тотчас же поправился: — Начальство знает куда!

В темноте вдоль цепи проходят начальники. Неожиданно для разговаривающих на эту тему, около них ген. Марков.

— Да, генерал Корнилов убит! Мы почти окружены. Дальнейшее все будет зависеть от нас. Этой ночью мы должны оторваться от противника. Отход без привалов. В полном порядке, — четко и твердо сказал ген. Марков и пошел дальше.

Какое-то новое направление сознанию и мыслям дал офицерам ген. Марков сказанными им фразами. Значит — не все погибло, если будем в полном порядке. Воля ген. Маркова стала снова ясно ощущаться всеми и все увидели выход из положения в подчинении этой воле.

Сразу же возник новый вопрос: кто же теперь поведет армию? И называли два имени: ген. Деникин и ген. Марков. За полтора месяца похода Офиц. полк не видел ген. Деникина:

— Он был в обозе. Его не знают; и как можно ему довериться? Ген. Марков! Вот единственный Генерал, завоевавший к себе полное доверие, абсолютную преданность, любовь, исключительный авторитет. Только он должен стать во главе армии! Он ковал славу Офиц. полку, он вел к победам; его знает и ему доверяет вся армия!

— Но, ведь, ген. Корнилов еще в Ольгинской оставил своим заместителем ген. Деникина? — были возражения, хотя и не твердые. На это нашли контр-возражения:

— Марков был правой рукой Корнилова, его шпагой, мечом... Марков водил части в бой; ему негласно подчинялись все.

Вопрос о заместителе ген. Корнилова казался офицерам не разрешенным, хотя все останавливались на ген. Маркове.

Время шло и тянулось томительно и тревожно долго. Но время от времени внимание всех привлекали отдаваемые распоряжения.

Наконец — тихая команда: «Строиться!»

К одной из колонн полка подъехал ген. Марков и, как бы отвечая на волнующий всех вопрос, сказал:

— Армию принял ген. Деникин. Беспокоиться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе.

И этого было достаточно, чтобы все успокоились новым назначением.

ОТХОД ОТ ЕКАТЕРИНОДАРА

1 апреля. Ровно в полночь армия пошла быстрым маршем куда-то в ночной темноте. Куда? — никто не знал. Впереди шел Офиц. полк, в арьергарде — Корниловский.

Другая колонна армии, все на подводах, выступила из ст-цы Елизаветинской с Чехо-Сл. б-ном. 1.500 одних раненых тряслось на подводах. Не всех можно было взять в поход: 64 человека тяжело раненых оставлено в станице «на милость победителя»... «Милость» по обычаю большевиков была жестока: за исключением нескольких, все были убиты.

До рассвета армия прошла до 25 верст, но без остановок шла дальше, не задерживаясь даже в хуторах, где люди могли хотя бы утолить жажду. Порядок нарушился; части перемешались. Змейками, а не колоннами, шла она. Многие отставали, особенно среди молодежи. Слышавшийся вправо бой, где кон. бр-да, жертвуя собой, сдерживала красных, стремившихся от Екатеринодара пересечь путь армии, не производил никакого впечатления на крайне утомленных добровольцев.

На одной из подвод везли два гроба с убитыми — ген. Корниловым и полк. Нежинцевым.

БОИ У СТАНИЦЫ АНДРЕЕВСКОЙ

Но вот впереди, послышалась довольно сильная стрельба. Конные разъезды, шедшие впереди Офиц. полка, донесли ген. Маркову, что большие силы красных наступают со стороны ст-цы Андреевской, слева, на пересечение дороги, по которой шел полк, а за ним и вся армия.

В рукописи полк. Биркина так коротко описан происшедший бой: «Хорошо, что с нами был ген. Марков.

«Этот удивительный Генерал не только ничего не боялся, но своей повадкой в бою влиял так на своих, что у них пропадал страх. Не долго думая и не считая врагов, он развернул роты и сам впереди бросился на цепи большевиков. Те до такой степени не ожидали нашей атаки, что бросились бежать не в станицу, а в сторону и налетели на черкесов, шедших сзади нас. Черкесы врубались в банды большевиков, потерявших сразу строй. Бежали они, как лани, как заяц от орла; и некоторые растерялись до того, что кинулись назад к нам и, конечно, никто из них уже не вернулся к своим...

«Я с удивлением смотрел и на героя Маркова, и на добровольцев.

«При выходе из занятой станицы и после расправы с остатками перепугавшихся большевиков, Марков так повеселел, что улыбаясь шел впереди, а мы за ним. Шли вздвоенными рядами, больше по привычке, чем по команде. Я шел между совершенно незнакомыми мне лицами, не то юнкерами, не то только что произведенными в офицеры.

Молодежь громко смеялась, шутила. И, вдруг, Марков обернулся и, улыбаясь во весь рот, закричал: «Песню!»

Свою атаку ген. Марков произвел далеко не полным составом Офиц. полка, т. к. 4-я рота (Собственно в это время, это была не рота, как таковая, а ее ядро, с которым шли чины других рот. Полк. Биркин, напр., оказался в голове колонны полка), шедшая приблизительно в середине полка, даже не разворачивалась в боевой порядок и не вела наступление.

— Если бы впереди было плохо или тяжело, то ген. Марков безусловно подскочил бы к роте и дал бы ей задачу, — так говорили офицеры.

Прошло, видимо, очень немного часов с начала боя, т. к., когда полк вернулся на дорогу, с которой начал атаку, он уже оказался в арьергарде армии. Здесь к нему присоединился маленький отряд: взвод Офиц. п., пеший взвод 1-й бат-и и ее два орудия, кот. имел назначение прикрывать отход армии справа.

Только к вечеру Офиц. полк пришел в хутора, расположенные вдоль р. Паныри, где ген. Марков дал ему короткий отдых. Усталость и голод охватили всех. Хутора были оставлены жителями и, чтобы найти пищу, нужно было преодолеть усталость. У немногих нашлись силы. Иным посчастливилось: они нашли в трубах копченые колбасы и окорока, кот. готовили жители к недалекому празднику Св. Пасхи.

Во второй половине дня, пройдя до 35 верст, армия стала втягиваться и располагаться на отдых в немецкие колонии на восточном берегу р. Паныри, наибольшая из которых называлась Гнаденау или Гначбау. Офиц. полк пришел в Гначбау уже наступившей ночью и расположился частью в колонии, а частью на юго-вост. ее окраине, у дороги на ст-цу Нововеличковскую и далее на Екатеринодар. Направление для армии наиболее опасное. 1-я инжен. рота остановилась не доходя к. Гначбау, в колонке Ернахбау.

В КОЛОНИИ ГНАЧБАУ

2 а п р е л я. Ночь прошла спокойно.

Тяжело было пробуждение чинов полка: ныли ноги, плечи, руки, все туловище... Ночь была холодная; уснув — не чувствовали, как сжимал и парализовал тело холод, но проснувшись это ощутили в полной степени. Первое желание согреться; первая мысль о чае. Разложили костры. Пили, кто чай, кто просто кипяток. Захотелось есть. Сумки давно у всех были пусты. К-ры взводов командировали людей в колонию за покупкой пищи. Увы! Поиски были тщетны: в колонии, с вечера набитой людьми, немцы-колонисты давно уже все распродали ранее вошедшим в нее, и возвращались офицеры в свои взводы с

ничтожными покупками. Покупали даже муку и зерно. И голодные люди жевали зерно и ели лепешки из муки, спеченные на жестянках или допатах.

Одновременно с физическим пробуждением, пробуждалось и сознание. Этому «помогали» раздававшиеся вокруг колонии ружейные выстрелы. Инстинктивно взоры направлялись в их сторону: там, верстах в 2—3, виднелись конные разъезды, охранявшие колонию и армию в ней. И в сознании у всех ясно вырисовывалась картина положения. Смерть Вождя! Армия окружена беспощадным врагом! Еще вчера, во время отхода от Екатеринодара, это не было так очевидно, как сегодня. Все об этом думали, но не говорили. Когда-то потом некоторые сознались, что у них настроение в этот день было более чем подавленное. Внешне это ни в чем не выражалось, даже на дисциплине. Начальники были на своих местах и сохраняли авторитет среди подчиненных. Но душевная депрессия находила свое отражение в таких, казалось, бессмысленных поступках: кто-то ищет острый нож....

— Ты что? Зарезаться хочешь? — спрашивают его, смеясь.

Уверил, что нет. Оказывается, нож ему понадобился для того, чтобы срезать погоны и другие знаки Добр. армии. Его никто не остановил от этого поступка, даже к-р взвода. Вот группа офицеров достала из своих сумок какие-то документы и обсуждает какой-то вопрос. Оказывается, это красные документы, где-то, когда-то в походе приобретенные и которые теперь могут пригодиться. Над такими малодушными добродушно посмеивались другие, говоря им, что ни шинель без погон, ни красные документы не спасут. Положение все-равно — безвыходное.

Тут, у Гначбау, как никогда раньше, офицеры уже не вели разговоров и споров на темы стратегические и тактические. Никаких предположений, соображений и пр. никто высказать не мог, т. к. их у них не было, не могло быть. Внешне в это время все будто бы покорилось жестокой к ним судьбе. Но, это было лишь внешне, но внутренне моральное настроение офицеров было иное: все сознательно или бессознательно ощущали или жили в данный момент чувством не одиночества, а принадлежности к воинской части, к полку, к армии, а следовательно и представлением о какой-то общей силе, которая что-то сможет предпринять, сделать и с более положительным результатом, чем каждый из них в отдельности; все сознавали или не сознавали, но переживали в себе представление, что покорность судьбе, доведенная до предела, готовит явный конец, но стоит только не покориться ей, т. е. действовать сообща, до конца может быть еще и далеко, а может его и вообще не быть. Такое моральное состояние среди чинов Офиц. полка поддерживало его боеспособность. Полк сохранял дисциплину и порядок.

Но, что касается положения вообще в армии, говорили о тревожных вещах. Будто бы существует заговор в кавалерийских частях

против ген. Деникина и ген. Романовского, которых хотят арестовать и выдать красным и тем, видимо, спасти свои жизни. Это подтверждалось тем, что 4-я рота Офиц. полка стала у Штаба армии и выставила часовых. Подтверждение об открытых пораженческих настроениях офицеров нашли и в случайных разговорах с незнакомыми чинами.

Узнали, что в колонии есть клуб, где немки продают пиво и бутерброды. Несколько офицеров, с разрешения, побежали туда. Там уже не оказалось ни пива, ни бутербродов, а давали лишь голый чай. Разговорились с присутствующими о положении армии и в армии. Два молодых офицера утверждали, что сохраненный в частях порядок, это — внешняя сторона; внутренняя же — совершенно иная. Можно ли требовать, говорили они, от таких, как они «четырёхмесячников», т. е. пробывших в В. училищах 4 месяца, соблюдения офицерского долга и чести, когда эти понятия и чувства ими не осознаны до конца. А таких, как они, в армии много. Поэтому нельзя осуждать за оставление ее рядов.

Другие два офицера настаивали на безвыходном положении армии и о необходимости спастись любым способом и приводили даже в пример кавалеристов, якобы, бегущих из армии. Им возразил один из офицеров:

— Ну, вы как хотите, а я буду биться. У нас в Виленском училище девиз: Виленец — один в поле и тот воин.

Громко, с возмущением обрушились на павших духом офицеры Корниловцы, поддержанные «Марковцами», обвиняя тех в готовящемся с их стороны предательстве.

— Вы еще назовете предателями те тысячи офицеров, которые не пошли в Добр. армию? — возразили пораженцы.

— Да! Те, которые имели возможность пойти и не пошли — предатели!

В 4-ю роту забежал ген. Марков. Все вскочили.

— Садитесь! Ложитесь! Я хочу минутку отдохнуть у вас, — и заговорил как всегда бодрым и живым языком, отвечая на вопросы, которые, естественно, были у всех на уме. По его словам — дела не так уж скверны; выход из положения есть и мы безусловно выберемся; придется, конечно, сразиться. На Офиц. полк он надеется. Затем стал шутить. Кто-то умудрился задать вопрос о дезертирстве из армии.

— Черт с ними! — на это коротко ответил ген. Марков и ушел в штаб.

Настроение в роте сильно поднялось.

Ген. Боровский только на короткие промежутки времени оставлял свой полк. Он ходил из роты в роту, беседовал с их чинами; говорил, что армия сохранена, крепка и безусловно выйдет из тяжелого положения. Офицеры, конечно, хотели бы знать многие подробности, но не

решались задавать вопросы своему командиру: они еще не знали его. Он был для них лицом лишь официальным.

Появление в 3-й роте ее бывшего к-ра, полк. Кутепова, произвело в ее среде несравненно большее впечатление, чем ген. Боровского. Полк. Кутепов — не начальник, а поэтому с ним можно поговорить откровенней. Он, как всегда, был образцово одет, с блестящими погонами и пуговицами на шинели и бодр неизменно.

— Пришел навестить своих, — сказал он.

Ему стали задавать вопросы. Относительно положения армии, он уверил всех, что оно не так уж безнадежно, как это может казаться, что выход из него будет найден. Обусловил он свои заявления одним условием: соблюдением дисциплины и, как было до сего времени, выполнением жестко всех распоряжений и приказов. Задали ему и вопрос о состоянии командуемого им Корниль. уд. полка. Ответил: полк понес большие потери и теперь в нем осталось едва 90—100 чел. от прежнего его кадра, на который можно вполне положиться. Полк. Кутепов обрадовался, что в его бывшей роте было налицо до 100 чел.

Задержался он в роте всего лишь на несколько минут. Пожелав полного благополучия и успехов, уже уходя, сказал:

— А как бы я хотел быть теперь с вами!

Потрясенные отчаянными боями у Екатеринодара и сознанием тяжелого положения армии, добровольцы почти безразлично отнеслись к понесенным ими потерям; м. быть потому, что все их мысли и чувства теперь были направлены на «выход из положения». Но в частях все же производился подсчет наличного состава.

Итоги были печальные. Офиц. полк в боях под Екатеринодаром и во время отхода от него потерял 50% своего состава, т. е. около 350 чел., из которых около 80 ч. было убито и до 50 чел. пропало без вести. Эти последние потери гл. обр. относились к 6 роте, состоявшей из элсеной учащейся молодежи.

В полку оставалось не больше 400 чел. Состав рот такой: в 1 и 3 приблизительно по 100 чел., во 2-й — только 40 чел., в 4-й — 50 и в 5 и 6 ротах по 40. 2-я рота, понесшая огромные потери, потеряла убитыми своего к-ра, полк. Лаврентьева и его заместителя — полк. Зудилина.

Были потери убитыми и ранеными в 1-й батарее и 1-й Инж. роте. Последняя насчитывала в своем составе 80 чел.

Вся армия, начав бои под Екатеринодаром в количестве до 6.000 чел., в кол. Гначбау имела менее 3.000.

Для всех добровольцев было ясно, что неудача их — следствие огромного превосходства врага в силах и это не только в течении одного-двух дней боя, но и всех 5 дней. Армия не могла ввести в бой сразу все свои силы, задержанная переправой через р. Кубань. Каждый

день она билась с врагом, уменьшалась в количестве, в то время, как враг усиливался. Требовалось огромное моральное и физическое напряжение. Могло ли быть оно крепким и неизменным, без малейшего отдыха в течение 5 дней?

Каковы были силы пр-ка стало известно позднее: от 40 до 50.000 чел. Известна стала и цифра его потерь — до 10.000 одними ранеными.

Уменьшившаяся в численности армия требовала некоторой перестройки организации.

В Офиц. полку 5 и 6 роты были сведены в одну — 5-ю. Роты рассчитаны на 2—3 взвода. Действующих пулеметов оставлено по 2—4 на роту.

Чрезвычайно огорчены были артиллеристы: из 10 орудий должно остаться 5 и только потому, что запас арт. снарядов выражался в количестве 40. Четырех-орудийные батареи становились двух-орудийными и при конной бр-де вместо 2 орудий, оставлено одно.

При батареях оставалось строго ограниченное число людей. Все конные прикомандировывались к командам конной связи, а пешие сводились в особую роту, названную «Артиллерийской», численность которой была в 40—50 человек.

Распоряжения Штаба ар. коснулись и походного лазарета, и обоза с беженцами: нужно было сократить число подвод. Ген. Марков пронесся по обозам, как ураган, но приводящий все в норму. Последовало уплотнение на подводах, как раненых, так и беженцев. Весь ненужный и обременительный груз сброшен. Никакие мольбы беженцев не помогали.

Были лишние подводы и в воинских частях. Исключены и они. На каждых 100 чел., оставлено только по две для перевозки запаса продуктов, запасн. пулеметов, оружия и необходимых вещей. В результате всей чистки количество подвод армии уменьшилось более, чем на двести.

БОЙ У КОЛОНИИ ГНАЧБАУ

С утра — спокойно. Медленно тянутся часы. Но не спокойно на сердце у добровольцев: уверены, что каждый час, каждая минута приближает развязку. Они видят, как верховые с разных сторон мчатся к штабу армии, быстро соскакивают с коней и входят в дом; также быстро выходят и уезжают. Они не отвечают на задаваемые им вопросы.

Около 10 час. к югу от колонии раздалась стрельба. Там красные от ст-цы Андреевской подошли к хуторам по р. Паньри, но конница

атаковала их, частью изрубила, а главную массу заставила отойти. Вскоре началась стрельба в сторону ст-цы Нововеличковской: красные наступали. Конные заставы вынуждены были отходить. Вперед выдвинулись роты Офиц. полка и заняли позицию. Кр. пехота остановилась, открыла стрельбу. Роты молчали: у бойцов было всего лишь по 3—5 обойм патронов.

Около полудня открыли огонь два красных орудия, направив его на колонию. Снаряды рвались в разных ее частях. В обозе возникла паника. Но в штабе — спокойно; спокойно стоит около него часовой 4-й роты.

— Начало конца, — решили одни; другие ограничились обычным словом:

— Началось...

К 14 час. со стороны красных стреляло уже 4 орудия, а затем и больше. Теперь они обстреливали и лежащую цепь Офиц. полка. Видно было, как к пр-ку подходили резервы и удлиняли его фронт. Готовилась атака. Внимание офицеров теперь было направлено исключительно на пр-ка. Они приготовились так, как и раньше: подпустить пр-ка возможно ближе и перейти в к.-атаку.

Так и произошло: красные бежали, обстреливаемые редкими выстрелами. Офиц. цепь продвинулась вперед на короткое расстояние и залегла. Остановились и красные. И слышны были у них крики, шум.

Темнело. Выдвинутые вперед посты от 5 роты слышали, что у красных митингуют. Один голос кричал:

— Они от нас все равно не уйдут. Наступать ночью не нужно!

Спешно похоронили офицеры своих двух убитых и отправили в лазарет около десяти раненых.

К этому времени на левый фланг цепи Офиц. полка вышла его 4-я рота.

**

Успешный бой лишь против части кольца сил пр-ка, окружавшего колонию, не мог облегчить положение армии. Главная и основная задача — выйти из окружения оставалась в полной силе. Как ее разрешит ген. Деникин — никто не знал. Стали строить предположения: одни в «сторону наименьшего сопротивления», которую выяснит кавалерия, другие — в любую иную, даже с неизбежным жестоким боем. И все переживали в себе борьбу духа и воли с покорностью судьбе; сознания своего долга с чувством самоспасения; борьбу голоса дисциплины с разрывом всяких связующих армию основ. Испытания напряженные...

Сняв осаду Екатеринодара, хотя это и казалось даже ген. Корнилову началом «медленной агонии армии», ген. Деникин, не теряя мужества и спокойствия, принял решение для вывода армии и дальнейшего ее пути. Его решение: дабы ей не быть прижатой между р. Кубанью, морями и плавнями, вести ее в восточном направлении, хотя

оно и особенно наблюдается и охраняется пр-ком. Известно, что по линии жел. дор. Екатеринодар—Тимашевская курсируют бронепоезда; что на всех важных переездах через нее стоят окопавшимися части красных, а другие находятся в эшелонах, для немедленной их переброски в нужный пункт. Ген. Деникин выбрал это направление несмотря на то, что для перехода армии через жел. дорогу, потребуется до 4-х часов времени, срока вполне достаточного, чтобы пр-ку подвести к этому пункту войска. Расчет ген. Деникина единственный — на сохранившуюся боеспособность армии, на «безумство храбрых» добровольцев. Армия пробьется — такова его уверенность, а пробившись сможет уйти на восток в обширные степи Ставроп. губ. и, если потребуется, в Кавказские горы.

Путь перехода жел. дороги был выбран по небольшой дороге на ст-цу Медведовскую, проходящей всего лишь в 2-х верстах к югу от станции Медведовской, занятой частью окопавшейся пехотой пр-ка, частью — находящейся в эшелоне и бронепоздом.

Порядок следования армии: в авангарде — бр-да ген. Маркова; затем — походный лазарет, обоз, Чехо-Сл. б-н и в арьергарде — 2-я бр-да. Кон. бр-да получает задачу демонстрации к северу от ст. Медведовская, где и переходит жел. дорогу. Что бой неизбежен, это бесспорно; что он д. быть успешно завершен — это жизненная необходимость. Не поэтому ли в авангард назначен ген. Марков с Офиц. полком, как это неоднократно было в походе и последний раз — при отходе от Екатеринодара?

Задачу, данную бр-де, ген. Марков объявил нач-кам ее частей перед вечером, но только не для оповещения подчиненных: армия выступает с наступлением ночи; 1-я бр-да в голове. Бр-де придется выдержать серьезный бой и довести его до быстрой победы.

— Необходимо поднять дух и веру в частях личным примером, твердыми распоряжениями и недопускающими никаких колебаний — действиями. Необходимо проявление полной энергии и исключительной инициативы, — говорил он.

К этому он добавил — строжайшее запрещение курить и подымать малейший шум; и — заключительное: «Приготовиться к выступлению, а пока все части на своих местах. О том, куда мы пойдем, объявлю я сам».

Добр. ар. оставляла колонию. Испорченные орудия, брошенное имущество оставлялось большевикам. На кладбище — свежие могилы убитых в дневном бою добровольцев и... застрелившихся. Где-то оставалась могила с гробами ген. Корнилова и подполк. Нежинцева, о чем никто не знал.

Еще засветло началось вытягивание обозов по дороге на север с тем, чтобы в темноте круто свернуть на восток. Красные заметили обоз и усилили арт. огонь по колонии и обозу.

Прошел маленький дождь.

Уже ночь. Проходит часа два, когда приказано ротам Офиц. п-ка снять охранение. Затем роты построились и тронулись. Ноги скользили по чернозему. Роты подошли к дороге, на которой стоял обоз и стали выходить в его голову. Там был ген. Марков. Он пропускал части своей бригады, говоря:

— Идем на станицу Медведовскую.

Офиц. полк вышел на дорогу и стал в голове бр-ды. Нач-ки объявили задачу.

Ген. Марков с группой верховых и конвоем почти в 100 шашек, проскакал вперед. От штаба отделился конный разъезд и исчез в темноте, двинувшись рысью вперед. Колонна бр-ды тронулась в следующем порядке: впереди ген. Марков и с ним ген. Боровский, к-р Куб. стр. п. — полк. Туненберг, полк. Тимановский, полк. Бонин — к-р 1-й Инжен. роты, полк. Миончинский — к-р 1-й бат-и и др.; за ними офицеры связи, конвой и конная команда подрывников; далее — 1-я б-я, Офиц. п-к, Кубанск. стр. п-к, «Артиллерийская» рота.

За бр-дой — ген. Деникин со штабом, ген. Алексеев, обозы и арьергард — 2-я бр-да.

До ст-цы Медведовской около 20 верст. До жел. дор. — 18. Итти было легко. В начале нервы у бойцов были сильно приподняты, но постепенно их напряжение спадало и бойцы в молчаливом движении уходили, как бы в покой. Бессонные ночи, недоедание, усталость — сказывались. Они шли машинально: спали на ходу, даже храпели во сне и только взаимные столкновения пробуждали их. Некоторые, засыпая, падали, но мгновенно вскакивали; шли бессознательно. Но в минуты проснувшегося сознания они вспоминали: их ведет ген. Марков!

Ген. Марков ехал тихо беседуя с бывшими с ним офицерами. Он не мог предугадать, как развернется неизбежное столкновение с врагом, хотя и предусматривал все, что было возможно для его прозорливого ума. Обо всех деталях он уже переговаривал с подчиненными нач-ми и говорит о новых. Бесспорно и ясно, что значительная доля успеха зависит от него, от всех нач-ов и, в сущности, от всей бр-ды.

БОЙ У СТ. МЕДВЕДОВСКОЙ

3 апреля. Пятый час утра.

До жел. дор. оставалось с версту, когда к ген. Маркову подъехал верховой из дозора и доложил: — «В жел. дор. будке виден свет, но на жел. дороге никого и ничего не замечено».

Ген. Марков останавливает колонну и, приказав ей ждать распоряжений, сам с несколькими верховыми едет вперед. В колонне, шедшей до сего момента спокойным, равномерным шагом, сонные бойцы

столкнулись и проснулись. Стоят. Тишина. И в этой тишине, как темная, тихая и зловещая молния, проносятся слова: «железная дорога». Напряжены нервы всех.

Не доезжая нескольких десятков шагов до будки, ген. Марков соскакивает с лошади и в сопровождении трех человек идет быстро к ней и входит в нее. В будке два человека. Один — у телефона. Генерал устраняет последнего от телефона.

— Я — ген. Марков! Кто на станции? — спрашивает он.

Ответ — бронепоезд и два эшелона с красногвардейцами. В ответе ничего нового.

— Колонне — вперед и остановиться не доходя шагов 200 до жел. дороги! — приказывает ген. Марков. Офицер карьером мчится к колонне и передает приказание. Колонна быстро идет к переезду.

Телефонный звонок. Ген. Марков берет трубку. Со станции спрашивают:

— Спокойно ли на посту? Нет ли кадет?

— Совершенно спокойно, — был ответ. Однако, со станции передали, что «для верности» к переезду подойдет бронепоезд.

— Пришлите, товарищи. Оно будет вернее, — согласился ген. Марков.

Немедленно посыпались короткие, твердые распоряжения подъехавшим к будке нач-кам.

— Сейчас подойдет красный бр-зд. Его мы не должны упустит, — заявил ген. Марков.

Полк. Миончинскому приказано одно орудие перевести через полотно жел. дороги и поставить на позицию для стрельбы по бр-зду в упор, в бок ему, другое — у переезда — для стрельбы вдоль жел. дороги. Полк. Банину — сорвать телефон. и телеграф. провода в сторону Екатеринодара. Выслать конных подрывников для подрыва жел. дор. полотна в ту же сторону и как только возможно дальше, при чем добавлено:

— Это задание нужно выполнить: в нем наше спасение.

Третье приказание для Инжер. роты — завалить у будки шпалами жел. дор. линию.

Ген. Боровскому — выслать сильный заслон в сторону станции Медведовской для обеспечения дороги, по которой идет армия; часть сил расположить вдоль жел. дороги; часть перевести через дорогу и выставить их также заслоном в сторону станции. Конвою и «Артиллер. роте» занять ст-цу Медведовскую. Куб. стр. п-ку оставаться в готовности.

Приказания выполнялись быстро. Через 5 минут орудие шт. кап. Шперлинга уже стояло на позиции в 15 шагах от полотна и было нацелено. Рядом с ним два батарейных пулемета.

Ген. Марков на полотне жел. дороги; ходит нервными шагами. Лежащие в цепях бойцы видят его характерную, в высокой папахе, фигуру. Он зорко всматривается в сторону, откуда должен подойти бр-зд. Он, конечно, думает: все ли нужные распоряжения сделал я? Он посылает конного офицера в обоз армии с приказанием: команде выздоравливающих немедленно идти в станицу. Он вдруг подходит к цепи 4-й роты и, заметив по блестящим погонам полк. Биркина, приказывает ему со взводом немедленно идти вдоль полотна с правой его стороны к станции и «атаковать» ее, но, если будет встречен бр-зд, ничем не выдавать свое присутствие. Полк. Биркин, смущенный таким приказанием, тем не менее быстро двинулся вперед со своими 10 чел. Из станицы прискакал всадник с донесением: красных там нет, и скачет назад с приказанием — конвою наступать на станцию.

Тишина. Тьма. Прошло с полчаса времени. В лежащих цепях Офиц. полка многие уснули.

Полк. Биркин со своим взводом был уже на пол-пути до станции, когда заметил тихо идущий бр-зд. Не выдержали нервы и часть его взвода побежала вправо, к небольшому леску, находящемуся шагах в ста, оказавшемуся кладбищем. Полк. Биркин с оставшимися с ним, прижались к земле в жел. дор. канаве. Слегка шипя, бр-зд прошел мимо лежащих, рассыпая под себя искры из топки. Потеряв половину своего взвода, полк. Биркин уже не решился исполнить приказание ген. Маркова — атаковать станцию.

— Бронепоезд! — пронеслось по цепи ближайшей к жел. дороге роты, и... в мгновение люди вскочили и побежали от дороги. Начальники едва удержали их шагах в полтора ста.

— Кто там? — раздался громкий голос с бр-зда. В ответ — полное молчание. С поезда застрочил короткой очередью пулемет, а сам он, не останавливаясь, медленно продолжал приближаться к жел. дор. будке.

Ген. Марков давно уже увидел пр-ка и... приготовился. В руке у него ручная граната. Он снял свою белую папаху и пошел навстречу бр-зду. Он встречает его на том месте, на которое нацелено орудие шт. кап. Шперлинга.

— Кто на пути? — спрашивают с бронепоезда.

— Не видите, что свои! — отвечает ген. Марков и, подойдя вплотную к паровозу, бросает ручную гранату в машинистов. Граната взрывается.

— Орудие — огонь! — кричит ген. Марков, отбегая от паровоза.

Первый снаряд попадает в колеса паровоза, второй в самый паровоз. Бр-зд останавливается, но открывает огонь из двух орудий и пулеметов во все стороны. Затрещали пулеметы артиллеристов, винтовки близлежащих цепей. От попаданий снарядами в вагоны, последние загорелись. Разнеслось «ура» 4-й и Инж. рот. Они атаковали врага.

Гарнизон бр-зда защищался геройски и погиб полностью. Составляли его матросы. Впрочем, одному из них посчастливилось: он выскочил из горевшего вагона в тлеющей на нем одежде и натолкнулся на ген. Маркова. Генерал приказал оказать ему помощь.

Ген. Марковым уже отдано приказание: Офиц. полку атаковать станцию, Куб. — быть готовым поддержать его. Стоявшей на дороге колонне армии послано приказание быстро переезжать полотно жел. дороги.

Вдруг ген. Марков увидел полк. Биркина.

— А вы что тут делаете? — закричал он. — Я приказал вам атаковать станцию!

— Вам помочь хотел, Ваше Пр-во! — поспешно ответил полк. Биркин.

— Не надо мне никакой помощи! Впрочем, оттащите скорей заднюю платформу с орудием и вагон со снарядами. Скорее, пока не загорелись!

Соседний вагон пылал. Полк. Биркин со своими людьми и артиллеристами, отцепили и откатили вагон и платформу, на которую моментально вскочил полк. Миончинский с артиллеристами, повернул орудие в сторону станции и открыл огонь.

Уже светало и виден был вышедший со станции поезд. Шрапнели рвались как раз над ним и тот быстро дал задний ход и скрылся. Подвезти свои войска красным не удалось.

— В атаку на станцию! Живо! — крикнул ген. Марков полк. Биркину.

— Шмидт! Что вы делаете? — кричит ген. Марков. — Там снаряды!

Прап. Шмидт явно перестарался и чуть было не зажег вагон со снарядами, подложив под него охапку соломы.

Офиц. полк быстро развернулся фронтом на станцию и перешел в наступление. Уже было светло. Первой атаковала станцию, вправо от жел. дор., 5-я рота, но попав под меткий пул. огонь и, понеся потери, отошла к кладбищу. Остановилась, идущая влево от нее 4-я рота. Но левый фланг полка, его 1, 2 и 3 роты, преодолев огонь пр-ка сидящего в окопах, отчаянным порывом смяли его. Преследование по поселку. Действовали штыки. Красные бежали к своим эшелонам. Тот их эшелон, который пытался выехать к переезду, еще не успел разгрузиться, когда цепи Офиц. полка ворвались на станцию. Красные поспешно стали снова вскакивать в вагоны. Эшелон ушел, обстреливаемый с близкой дистанции. Но в другой эшелон успели вскочить

немногие из бежавших красных, т. к. он сразу дал быстрый ход. Он уходил под огнем в упор. Неудавшиеся вскочить, спасались бегством через жел. дорогу, но и там они попадали под удар 4 и 5 рот. До 2.000 красной пехоты с бронепоездом понесли полное и кровавое для них поражение.

На станции красные оставили состав, груженный продуктами питания, бельем, медикаментами и пр. и великий соблаз овладел победителями: чины Офиц. полка, обносившиеся, изголодавшиеся, стали разбирать все им нужное. Часть их рассеялась по домам поселка в поисках пищи. 1-я рота, имевшая до боя около 100 чел., потерявшая при атаке около 15 чел, вышла на северную окраину поселка всего лишь в количестве 20 чел. В Офиц. полку в это время совершенно не было порядка.

Такое положение застал приехавший на станцию ген. Деникин. Не стесняясь в выражениях, он обрушился на офицеров...

НА ПЕРЕЕЗДЕ

Когда Офиц. полк шел в наступление на ст. Медведовская, «главные силы» армии — «колонна на колесах», стала быстро переезжать через переезд. Кругом падали излетные пули красных, снова ранив проезжавших раненых и тех, кто был у переезда. Но это продолжалось короткое время.

Под пулями к ген. Маркову подъехал ген. Деникин и ген. Алексеев. Они благодарили его. Но ген. Маркову было не до них. У него масса забот, хотя и одержана победа, пробита брешь в кольцо красных, но возможная опасность существует с юга. Как далеко подрывники взорвали полотно жел. дор.? Может оттуда подъехать другой бр-зд пр-ка и войска. Ген. Марков подгоняет обозы. С подвоз несется «Ура ген. Маркову!»

Он озабочен скорейшей разгрузкой с бр-зда всего нужного для армии: до 360 артил. снарядов, до 100.000 руж. патронов, большого количества пулем. лент, продуктов питания. Артиллеристы, обрадованные захватом двух орудий, решили ими пополнить свою батарею до 4-х орудийного состава и уже принялись было скатывать орудия с платформ, но ген. Марков сказал твердо: «Орудия испортить!»

Свяжут раненых и убитых. В Офиц. полку — 15 чел. убито, до 60 ранено. На кладбище быстро роют могилу и хоронят убитых. Артиллеристы хоронят своих 4-х убитых тут же у переезда.

Но времени оказалось вполне достаточно, чтобы без помехи со стороны пр-ка мог спокойно пройти обоз и за ним 2-я бр-да.

Вернувшись со станции, ген. Деникин, снова подъехал к ген. Маркову. Теперь уже ген. Марков спокоен. Задача, данная ему и его

бр-де выполнена блестяще и он мог переговорить с Командующим и рассказать ему в общих чертах, как прошло все дело и какие потери понесла бригада. Сказал и о себе: «один свой же мерзавец так хлопнул из винтовки у меня над ухом, что я чуть не огрел его нагайкой. Отделался я шумом в ухе».

К ген. Деникину прибыл разъезд с донесением от нач-ка Кав. бр-ды, ген. Эрдели. Бригада при переходе жел. дор. к северу от ст. Медведовская, в темноте нарвалась на красных, понесла потери и вынуждена была бросить оружие. Ген. Деникин приказал бр-де двигаться в ст-цу Дядьковскую, куда направляется армия и выслать Черкесский кон. полк в распоряжение ген. Маркова, остающегося со своей бр-ой в арьергарде.

Через некоторое время ген. Деникин уехал в станицу, а за ним вскоре и ген. Марков, отдав последнее распоряжение: Черкесскому полку выслать разъезды и оставаться у переезда до получения приказа; Куб. и Офиц. полкам, Инжен. роте и батарее перейти в станицу.

ПЕРЕХОД В СТАНИЦУ ДЯДЬКОВСКУЮ

К полудню все части армии, которые пропустила мимо себя 1-я бр-да, втянулись в ст-цу Медведовскую и, после короткого отдыха, тронулись на ст-цу Дядьковскую. 2-я бр-да пошла в авангарде. Т. к. красные всюду отстали, за колонной был послан и Куб. стр. полк. В станице задержаны лишь Офиц. п., 1-я бат-я и 1-я Инжен. рота.

Через час с небольшим им приказали выстроиться на окраине ст-цы, у дороги на Дядьковскую. С печальным удивлением и тревогой «Марковцы» видели оставшуюся силу своего полка. В нем не было и 300 чел. Его 2-я рота имела всего лишь 9 чел. Оказалось, что отсутствовало 2—3 десятка чел., которых не считали погибшими, которых видели здравствующими после боя. Подумали: вероятно заснули в домах ст-цы и проспали подъем своих рот. Послали их розыскивать.

Но уже раздалась команды. Из станицы подъезжала верхом группа всадников с развевающимся Национальным флагом и в этой группе сразу же бросилась в глаза высокая белая папаха ген. Маркова. Но во главе ее ехал ген. Деникин. Взоры обратились на него. За весь поход все выстроившиеся видели его в первый раз, если не считать столкнувшихся с ним на ст. Медведовской. Он был в расстегнутом штатском пальто, но в военной форме под ним, с двумя орденами Св. Георгия — на шее и на груди.

Ген. Деникин, поздоровавшись с частями, горячо благодарил их за одержанную ими блестящую победу, давшую армии выйти из почти безвыходного положения. Вызвав к себе подполк. Миончинского, он выразил ему особую благодарность за проявленное мужество в схватке

с бр-дом, а затем, повернувшись к ген. Маркову, громко благодарил его.

Взоры всех теперь направились на ген. Маркова. Ген. Марков, весьма смущенный столь торжественной, высказанной ему перед строем, благодарностью, немедленно ответил ген. Деникину:

— Ваше Пр-во! Это не я, а они. Сегодня день артиллеристов, — и указал на батарею.

В строю на всех лицах засияла улыбка от столь неожиданной оценки, показавшей необычайную скромность ген. Маркова, отказывающегося от своего подвига и приписывающего его другим.

После этой короткой встречи с Командующим, части тронулись в ст-цу Дядьковскую. Ген. Деникин со штабом поскакал вперед, а ген. Марков обратно в Медведовскую, куда стягивался Черкесский полк.

Бодро шла колонна. Погода хорошая, дорога легкая. Сон, усталость исчезли. Разговоры о бое, о ген. Маркове, о ген. Деникине.

Не находилось слов для оценки восторга перед ген. Марковым, как начальника, командира, имеющего сверх-обычное влияние на подчиненных своими: возбуждающим словом, заражающим примером на каждом шагу, в каждую минуту. Все безотказно чувствовали, как воля, энергия, смелость, дерзание и пр., включая только что выявленную им скромность оценки своих действий, не только влияли, но и чувствовались, становились желанным содержанием и их натур. Стать «Марковцем» не только по признаку подчиненности, а и по духу, становилось невольным и вольным идеалом. Все усиливающаяся и углубляющаяся общность между ген. Марковым и теми, к которым он обращался со словами: «Друзья мои!» — его подчиненным, связывала всех в одну неразрывную семью. Для «Марковцев» их Генерал стал как никогда «свой», «их», и стали говорить о нем — «Наш Марков», отбросив официальное «Генерал».

О минувшем бое говорили как о части исключительного сражения, начало которого было положено еще в кол. Гначбау. Сама подготовка к бою, была началом сражения. И в нем первое место уделялось ген. Деникину. Сражение имело задачу вывести армию из окружения и это было сделано. Говорили тогда — ген. Деникин разработал план, по которому ген. Марков разбил врага и армия была ген. Деникиным выведена. Это звучало почти также, как и фраза, говорившаяся раньше: «Ген. Корнилов задумал, а ген. Марков выполнил». «С ген. Деникиным не пропадем» — решили «Марковцы».

Дисциплина в армии — это ее душа. «Потеря души» ведет к развалу армии и к проигрышу войны. Революция 1917 г. показала это наглядно. Однако она вскрыла огромный недостаток в понимании и внедрении Дисциплины. Устав говорил «в чем состоит дисциплина», но

не объяснял ее сущность, не говорил, что в основе ее лежит Идея, требующая подчинения воле «единого Вождя». В результате обращалось внимание на внешние, показные стороны, а не на Душу, Дух, Идею.

Рядом с «душой» есть и «сердце». «Потерять сердце», второго по значению качества дисциплины, т. е. потеря уверенности, твердости, настойчивости, ведет к нарушению порядка, внимания и в конечном случае — к отступлению, поражению в бою. «Потерю сердца» легче восстановить, чем «потерю души».

Два случая анти-дисциплинарных проступков произошли в Офиц. полку: один во время боя на ст-ции Медведовской, другой — после боя. На станции полк привел в порядок ген. Деникин, однако, не только не приведший к взысканиям, но и быстро забытый. Другой случай — при выступлении полка из ст-цы Медведовской.

В объявленный полку 2-часовой отдых, часть офицеров позволила себе удалиться от полка и зайти в дома, с намерением найти в них сытную еду. Хорошо наевшись, они поддались требованию сна, поручив радушным хозяевам разбудить их, когда полк будет выстраиваться. Но их разбудили поздно: полк уже выступил. Не зная, что в ст-це еще оставался Черкесский полк, офицеры очень обеспокоились возможностью захвата их красными. Почти бегом они направились по дороге за полком, который виден был далеко впереди. Оказалось — по дороге, нагоняя полк, шла не одна группа в 2—3 чел., а несколько.

Все группы шли оглядываясь назад, думая о могущем быть преследовании красных. И вот, из ст-цы выехала рысью группа конных. До последнего звена отставшей цепочки было недалеко. Звено приготовилось «к бою». И будь эта конная группа — противник, она не произвела бы на отставших такого сильного впечатления, как теперь, когда они увидели белую папаху на голове едущего впереди.

— Ген. Марков! — вырвалось сразу же у всех.

Трудно высказать тот комплекс переживаний, который охватил трех офицеров последней, отставшей группы. Радость, что конные — не пр-к, в этот комплекс уже не входила. Тут было иное: счастье видеть ген. Маркова, надежда услышать от него две-три фразы, коротких, бодрых, злободневных и как-то ответить на них. Тут было желание выразить ему свою любовь и преданность.... Но победило иное: сознание своей вины нарушением порядка. Они знали, как строг ген. Марков и как всегда справедлива его строгость. Офицеры приготовились выслушать его выговор.

Топот коней близок. Офицеры остановились и стали «смирно».

— Здравствуйте, друзья мои! — весело и бодро прокричал им ген. Марков.

— Здравия желаем, Ваше Пр-во! — громко и восторженно ответили офицеры.

Ни слова больше. Ген. Марков сказал дальше, а у офицеров вырвалось немедленно искреннее «ура» — своему нач-ку, продолжавшееся столько времени, насколько хватило сил. А там, впереди, уже катилось такое же «ура» других групп. И так докатилось оно до самого полка, подхватившего «ура», едва ген. Марков нагнал его.

Проступок не менее, чем 20 отставших чинов полка остался без всяких последствий для них. Но как неловко чувствовали они себя: будто обманули ген. Маркова, показали себя недостойными его доверия. И это было для них наказанием гораздо большим, нежели выговор, если бы он был. Ген. Марков, помимо всех своих положительных качеств, всегда выявлял себя еще и как глубокий психолог. Он, нарушая уставное «не оставлять проступков и упущений без взыскания», не придерживаясь «устава, яко слепой стены» — только укреплял дисциплину.

Ген. Деникин отчитал полк в совершенно иной обстановке и это было воспринято, как напоминание: побеждающий всегда особенно близок к поражению в момент самой победы.

Поздно вечером, пройдя 15 верст, «Мраковцы» пришли в ст-цу Дядьковскую, расположились по отведенным им квартирам и быстро уснули крепким сном.

4 апреля. Пробуждение всех было бодрое: давно не спали так спокойно и с «комфортом». Казаки охотно и обильно кормили своих постояльцев, но поглядывали на них мрачно: не то с недоверием, не то с какой-то тревогой. Среди добровольцев передавали, что вчера жители станицы встретили армию с колокольным звоном и с иконами, думая увидеть ген. Корнилова, но узнав, что он убит, как-то поспешно разошлись по домам.

Едва проснувшись, все вели разговоры о минувших переживаниях и о новом положении армии: она вышла из тесного кольца пр-ка, но все же оставалась в окружении. Куда бы она ни пошла, ей придется снова переходить жел. дорогу. Но где и на какое время она могла бы хотя основательно отдохнуть? О пополнении рядов теперь трудно было говорить.

На короткие минуты во многие дома, где помещались «Марковцы», заходил ген. Марков, всегда приносящий с собой бодрость и уверенность в лучшее. Едва он ушел — разговоры о нем, сводившиеся к одному: не дай Бог, если что случится с ним! Посещение рот ген. Марковым начиналось и завершалось громким «ура».

Тяжело и тревожно отзывалась на чинах полка его малочисленность: всего около 300 чел. и это с приданной артиллер. ротой.

— Это мой последний резерв, — сказал ген. Марков. Эта рота стала 2-й ротой полка, в которой оставалось лишь 9 чел., а теперь стало 50—60. Ее принял полк. Коротаев.

*
**

Во второй половине дня в частях передавали сначала как слух, потом как факт о решении Командования армией оставить в ст-це наиболее тяжело раненых, количество которых доходило до 200 чел. Это решение вызвало у всех сначала тревогу, не только за судьбу раненых, но, в дальнейшем, и за судьбу каждого, кто может оказаться раненым. За короткое время это второй случай оставления. Тревога переходила в возмущение, хотя никто в армии еще не знал о судьбе оставленных раненых в Елизаветинской.

«Корнилов этого не сделал бы», — утверждали все и возлагали ответственность на ген. Деникина. Вероятно ген. Деникин не решился бы оставить раненых, если бы знал, что произошло в Елизаветинской, но оставляя их теперь, он принял все меры, чтобы раненых не постигла жестокая участь: были оставлены все захваченные видные красные деятели, давшие слово защищать раненых; это же слово дали атаман станицы и многие другие. Атаману передавалась значительная сумма денег за уход за ранеными. С ними оставались доктор и сестры милосердия. Была надежда, но весьма слабая. Ген. Деникин решился на такой шаг потому, что его план дальнейшего похода армии рассчитан был на быстроту движения и возможную его длительность, что связывалось для раненых с непосильными мучениями.

В частях армии решили «спасать» своих. И вот к лазарету стали подъезжать пулеметные и обозные подводы, на которые замаскированно грузились раненые и эти подводы должны были ехать не с лазаретом, а со своей частью. Очень немало, таким образом, «спас» Офиц. полк. Еще из Елизаветинской он также увез своих раненых.

В станице было оставлено не 200 чел., а 119. Впоследствии оказалось, что только двое из них были убиты, 16 умерли.

*
**

С наступлением ночи, не тревожимая пр-ком армия, посаженная на подводы, выступила из ст-цы.

5—9 а п р е л я. Армия переменным аллюром куда-то ехала. Куда? — не знали даже ком-ры полков. На перекрестках дорог дальнейшее направление указывали конные маяки. В пути были лишь большие и малые привалы. К счастью, погода стояла хорошая.

Дважды армия благополучно пересекла жел. дороги: Тихорецкая—Екатеринодар и Тихорецкая—Кавказская. При переходе последней был подбит ехавший поезд, оказавшийся товарным, с которого сгрузили лошадей, перевязочные материалы и др. нужные вещи. Ген. Марков, бывший на переезде с Куб. стр. полком, протелефонировал в обе стороны: «Добр. армия благополучно перешла жел. дорогу».

Вечером, 9-го, армия приехала в ст-цу Ильинскую, проделав за четверо суток около 150 верст. Все нуждались в отдыхе; раненые в

особенности. Мечты сбылись — объявлена ночевка, а это означает многое: можно умыться, вообще освежиться; избавить от покрова пыли, проникшей сквозь одеяние до тела; можно снять обмундирование, снаряжение, обувь... а раненым — оставить неудобные ложи на подводах, столь мучительные для них.

Но отдых оказался более длительным.

10 и 11 апреля армия оставалась на месте, несмотря на то, что 10-го красные вели наступление со стороны ст-цы Дмитриевской, отбитое 2-й бр-дой, после чего кон. бр-да добила красных, заняв ст-цу Дмитриевскую.

Наступила совершенно весенняя, теплая, солнечная погода. К этому благополучию присоединялись и радостные слухи о восстании против большевиков на Дону и в Ставропольской губ. и влитие в Офиц. полк пополнения — 200 кубанских казаков, из числа призванных в армию Куб. Атаманом.

12 апреля армия перешла в соседнюю станицу Успенскую. Этот переход всем показался прогулкой.

Вечером было объявлено, что 14-го ген. Деникин произведет смотр армии по бригадам.

— А я свою бригаду предварительно осматриваю завтра, — заявил ген. Марков.

Объявленным смотрам обрадовались все, т. к. в них видели не столько смотр начальством своих частей, сколько «смотр» подчиненными своих начальников.

ГЕН. МАРКОВ И ОФИЦЕРСКИЙ ПОЛК

13 апреля. Полк выстроен по-ротно развернутым строем. В нем теперь до 600 шт. За ним — полковой обоз до последней подводы. Быстрым и легким шагом подходит ген. Марков. Здоровается: «Здравствуйте, мои друзья!» Полк громко и восторженно отвечает и кричит долго раскатистое «ура», пока ген. Марков не делает энергичного жеста рукой.

— Ого! Полк еще большой. Воевать можно! — так начал ген. Марков свою речь.

— Ныне армия вышла из под ударов, отдохнула, пополнилась и готова к новым боям. У нас имеются сведения о восстании казаков на Дону. Возможно скоро мы передвинемся к ним поближе, перейдем на Дон, но не будем терять влияния и связи с Кубанью и упускать из вида обще-российскую задачу. Куда мы перейдем, вас это не касается.

В дальнейшей своей речи он обратил внимание на недостатки, вы-

явившиеся в походе, которые требуется решительно искоренить, и, наконец, коснулся особенно большого вопроса:

— Я слышал, что в минувший тяжелый период жизни армии, некоторые из вас, не веря в успех, покинули ряды и попытались спрятаться в селах. Нам хорошо известно, какая судьба их постигла. Если и теперь кто-либо еще желает уйти к мирной жизни, пусть скажет заранее. Удерживать не стану: вольному — воля, спасенному — рай и к... черту!

В заключение ген. Марков напомнил, что завтра мы представляемся Ком-щему армией и сделал для этого случая ряд указаний и распоряжений. Пройдя вдоль фронта полка, взглядываясь в глаза каждому, перед иными останавливаясь и коротко переговорив с ними, он отпустил полк по квартирам.

Затем ген. Марков обошел и внимательно осмотрел боевой и хоз. обозы полка, напомнив, что каждая лишняя подвода стесняет армию и служит нередко убежищем и удобным местом для уклоняющихся от боевой службы. Ни одной лишней сверх установленного им штата, подводы.

Все было необычно в этом смотре. Полк не только представился и осмотрен, но полк ушел со смотра с огромным подъемом духа, зная теперь о положении, о задачах, о том, что требуется от него и каждого его чина и что должно быть решительно искоренено. Смотр скорее был моральным напутствием, уроком к предстоящим делам.

В этот день ген. Деникиным был отдан следующий приказ:

«В то время, когда рядовые бойцы, истекая кровью, защищают каждый шаг армии, есть и такие, которые малодушно скрываются в обозе, предавая этим находящихся впереди.

«Замечено также, что при обозе ездят люди не занимающие никаких должностей в армии и только отягчающие ее передвижение.

«Поэтому приказываю:

1) Всем лицам, ведущим самостоятельное существование при армии, таковое прекратить, вступив в строевую часть армии.

2) Назначаю комиссию под председательством ген. Маркова, для проверки всех находящихся в обозе и

3) Всех уклоняющихся, а равно не желающих вступить в армию вопреки моего приказа, вывести за околицу и плетью отогнать в сторону пр-ка».

СМОТР КОМАНДУЮЩЕГО АРМИЕЙ

14 апреля. На площади ст-цы Успенской выстроилась 1-я пех. бр-да в полной походно-боевой готовности, со всеми ее обозами. Ген. Марков быстро обходит части. Его движения и распоряжения выдавали какое-то в нем волнение. Оно понятно: он не только должен

представить Кому-щему свою бр-ду, но он хочет, чтобы она глубоко почувствовала в нем своего Вождя, достойного восприемника власти от ген. Корнилова, Вождя, которому он сам «верит больше, чем самому себе».

Раздались команды. Ген. Деникин со штабом, под сенью развевающегося Национального флага, объехал фронт бр-ды, здороваясь с каждой ее частью. Искренне и громко отвечали ему. Окончив объезд, ген. Деникин перед фронтом, громким голосом обратился к войскам:

— Земной поклон вам, русские чудо-богатыри! Вы совершили один из величайших походов Русской армии. Родина не забудет вас!

Далее он сказал, что та борьба, которую начала Добр. армия, борьба за освобождение Родины, получает свое развитие и расширяется. Армия показала пример. На Дону вспыхнуло большое восстание, а она скоро выступит на помощь донским казакам. Могучим «ура» ответила бр-да на слова ген. Деникина.

После этого она прошла перед Командующим церемониальным маршем, который всем решительным: восторженным выражением на лицах, твердым и бодрым шагом, дружными и громкими ответами, показал веру в успех борьбы и верность своему Командующему.

Настроение у всех исключительно высокое. Даже кубанские казаки, только что влитые в части, которым до этого обстановка казалась мрачной и мало утешительной, т. к. на стороне красных «была сила, нас сколько?» — и те повеселели.

— Теперь, небось, пробьемся, — стали говорить они.

Общий подъем духа увеличился, когда кое-кто у штаба армии лично видел и разговаривал с приехавшими для связи с Дона казаками.

15 апреля. Назначено выступление. Пехота на повозках. «На Дон», — решили все. Но, чтобы попасть туда, необходимо пересечь жел. дорогу из Тихорецкой на Царицын. Сомнений не было — бой неизбежен.

После полудня 1-я бр-да тронулась в авангарде в северном направлении. Наступила ночь, а авангард без остановок продолжал ехать по каким-то незначительным дорогам и без дорог. Наконец спешился, пошел на начинавшийся впереди пожар и остановился немного не доходя до него. Горел большой хутор во всю свою длину, может быть с версту. По равномерности огня было ясно — хутор подожжен — красными. Вскоре полки бр-ды разошлись: Офиц. полк пошел вправо, вдоль горевшего хутора, обошел его и углубился во тьму ночи. Впереди раздались выстрелы. Полк остановился и перед рассветом, 16 апреля, перешел в наступление. Легко сбив слабые силы красных, он перешел жел. дорогу и оказался перед новой позицией их, занимаемой уже большими силами и при том расположенной так, что для атаки ему нужно всем своим фронтом повернуть градусов на 45 вправо.

И вот, в то время, когда полк заходил своим левым флангом под сильным обстрелом, 4-я его рота, шедшая за правым флангом, едва перейдя жел. дорогу, подверглась нападению справа и в тыл бронепоезда красных: два орудия и его пулеметы строчили по ней с дистанции 300—400 шагов. К этому обстрелу присоединился еще и обстрел кр. батареи с фронта.

Роте и всему полку казалось, что они попали в окружение. Но бр-зд стрелял недолго: огонь орудия 1-й бат-и заставил его быстро и далеко отойти на восток. А тем временем полк уже шел в атаку.

Красные были сбиты с позиции и полк ворвался в с. Горькая Балка. Пленных не брали, т. к. на окраине села были зверски убиты казаки, бывшие в разъезде от армии и захваченные красными. Большой отряд красных, бывший здесь, разбитый «на голову», бежал в полном беспорядке. Армия быстро перешла жел. дорогу между станциями Белоглинская и Ея. Это был 4-й переход ею железной дороги после Екатеринодара.

Не задерживаясь в селе, армия пошла в ст-цу Плосскую, имея теперь в арьергарде Офиц. полк, куда и пришла вечером. До 70 верст прошла армия за время немногим больше суток, проведя весьма серьезный бой. Все — и люди, и кони были измотаны до крайности. Особенно тяжело пришлось конным частям, ведшим не только бой, но и разведку на все стороны. Все уснуло быстро мертвым сном. Ст-ца Плоская оказалась не только первой станицей Кубани, в которую вошла в начале похода Добр. ар., она оказалась и последней, из которой вышла армия в конце похода.

17 апреля, после полудня армия тронулась по старому для нее пути, в с. Лежанка Ставроп. губ., ей памятного по бою 21 февраля. На этот раз село встретило ее без всякого сопротивления и с населением уже не бросившим свои дома. Более того — выдававшим укрывавшихся большевиков и даже давшего, хотя и ничтожное, пополнение добровольцами.

Очень просилась в армию быть сестрой милосердия молодая девушка. Ген. Марков принял ее, но с условием: «У меня ухаживать за больными, а не за здоровыми».

18 апреля. Офиц. полк занимал восточную часть села, выставив незначительное охранение. Далеко впереди находилась завеса кав. разъездов. Неожиданного наступления красных не могло быть, что давало всем возможность полного отдыха. Ген. Марков обошел свои части, был весел и бодр. На вопрос о дальнейших действиях, ответил незнанием. «Отдыхайте, пока есть полная возможность!» На вопрос: «Простоим ли мы здесь Св. Пасху?» — заявил, что может быть и простоим и ничего не возразил против желания приступить к приготовлениям достойной встречи Великого Праздника.

Настроение у всех было великолепным: выбрались из окружения, соединились с восставшими Донцами, армия пополнилась кубанцами и даже ген. Покровским сформирован конный отряд в составе нескольких сотен. Все говорило о перемене настроения среди крестьян Ставроп. губ. в пользу армии. Не охладили настроение и слышимые далекие артил. выстрелы и вечером отданный приказ — выставить усиленное охранение с пулеметами.

БОИ У С. ЛЕЖАНКА

19 а п р е л я. Перед рассветом часть полка была посажена на подводы и выехала в сев.-вост. направлении. Было приказано выбить красных из с. Лопанка, находящегося в 15 вер. Произошел встречный бой и стремительным ударом пр-к был опрокинут и село занято. Ночью части вернулись в Лежанку.

20 а п р е л я. 2-я и Кон. бр-ды срочно ушли на помощь донцам, которые вынуждены были оставить ст-цы Егорлыцкую и Мечетинскую. В Лежанке остались 1-я бр-да и Конн. отряд ген. Покровского, а с ними весь походный лазарет армии с 1.500 ранеными и обоз.

Вскоре обнаружилось наступление красных на село с востока и юга. Их была подавляющая масса. Ген. Марков отдал приказ — не допустить пр-ка ворваться в село и разбить его. Вся бр-да заняла позиции редкой цепью. Выдано по 30 патронов на человека. Кроме того, ген. Марков приказал в полках часть пулеметов держать на подводах, составить из них подвижные пулеметные батареи, готовые вынестись вперед, по возможности на фланги цепей пр-ка, поражать их фланговым огнем, чем облегчить пехоте переход в к-наступление. Это был первый случай в армии — организации таких батарей.

Пр-к приближался. Ему оставалась верста до села, когда он на ходу открыл огонь. Несколько его орудий обстреливали цепи 1-й бр-ды. Его пулеметы, выскочив вперед своих цепей, заливались огнем. Ему отвечали редким ружейным и орудийным огнем.

Но, вот, пр-ку оставалось пройти последние, каких-нибудь 1.000 шагов, как сильный огонь обороняющихся заставил его залечь. Еще момент и вперед вылетели пулем. батареи, открыв огонь с дистанции в 500—600 шагов, посылая его огнем во фланги. У пр-ка замешательство, а громкое «ура» перешедшей в атаку бр-ды, обращает его в бегство по всему фронту. Только частью своих сил бр-да преследовала красных несколько верст.

С прекращением преследования пр-к остановился и стал приводить себя в порядок. Его батареи стреляли по выдвинувшимся частям полка. 4-я рота остановилась в 2—3 вер. от села на линии больших стогов соломы и сараев с сел. хоз. машинами. Шрапнели рвались над ней,

наносил ей потери. Несколько серьезно-раненых были внесены в сарай, где пули были не столь опасны. К несчастью, один снаряд попал в сарай и зажег находившееся в нем сено. Огонь распространился так быстро, что из сарая не успели вынести всех раненых. Трое из них погибли в пламени.

Наступила ночь. Выдвинувшимся вперед частям приказано отойти к селу и выставить сильное охранение.

Потери в Офиц. полку были серьезны: до 50 чел. Был ранен в голову и к-р полка, ген. Боровский. По приказанию ген. Маркова полк принял полк. Дорошевич.

21 апреля. Страстная суббота. Пришло радостное сообщение: 2-я пех. и конн. бр-ды разбили красных у с. Гуляй-Борисовка и заставили их поспешно отойти от ст-цы Егорлыцкой и очистить ст-цу Мечетинскую. Итак, Добр. армия соединилась с восставшими Донцами южных станиц, которые вошли в подчинение ген. Деникину. Теперь территория армии уже не ограничивалась территорией одной станицы или села. У армии теперь есть тыл и в первой половине дня в тыл, в ст-цу Егорлыцкую, уехал весь походный лазарет. Вместе с лазаретом был отослан и обоз всей 1-й бр-ды. Обоз оставлял село под обстрелом артиллерии противника.

Обстрел начался с утра и постепенно усиливался. Одновременно было видно разворачивание кр. пехоты на значительно большем фронте, нежели в предыдущие дни и с охватом села с сев.-вост. и юго-зап. Затем вся эта масса перешла в наступление. Захваченные пленные в стычках передовых частей заявили, что на митинге минувшей ночью было решено во что бы то ни стало взять Лежанку, чтобы в ней встретить праздники.

Бой был жестокий. Неоднократно выскакивали вперед пулеметы на тачанках и 1-я бат-я, расстреливая красных чуть ли не в упор. Неоднократно Офиц. и Куб. полки то там, то здесь, переходили в к.-атаки, но красные, подаваясь в иных местах назад, поддерживаемые резервами, продолжали наступать. Упорный бой шел на самой окраине села, на кладбище. Красные захватили кирпичный завод и угрожали перерезать дорогу на ст-цу Егорлыцкую. Для восстановления положения была послана Инжен. рота — последний резерв ген. Маркова. 80 чел., поддерживавшие часть Офиц. полка, не смогли сломить сопротивление пр-ка в 500 чел. и залегли. Пришлось снять с соседнего участка полуроту в 50 чел. Немедленной атакой красные были выбиты из кирпичного завода и бежали, оставив на месте 2 пулемета и много патронов.

По всему фронту наступление красных стало выдыхаться. Ген. Марков приказал Инжен. роте «пройтись в с. Лопанка с пасхальным визитом», но общая обстановка перед селом, заставила его отменить

приказание. Только к вечеру красные окончательно были отброшены от села.

На этот раз красные не задерживались на виду у села, а отошли в те села, из которых они пришли. Выставив охранение, части бр-ды расположились в домах на окраине. Мечта многих побывать в церкви у Светлой Заутрени не осуществилась. Не было приготовлено ничего и для пасхального стола, т. к. еще утром хоз. чины, вместе с обозом, уехали в ст-цу Егорлыцкую. Разговорелись только тем, чем угостили жители.

В минувшем бою части бригады понесли чувствительные потери — до 80 чел., из которых 7 убитых, потерял Офиц. полк; Инжен. рота одними убитыми потеряла 8 офиц. и свыше 20 ранеными. Снова при бр-де образовался походный лазарет с не менее, чем 150 ранеными.

Опять ранен был и к-щий Офиц. полком, полк. Дорошевич. Ген. Марков назначил командовать полком полк. Хованского.

Вечером, в конце боя, из Лежанки в ст-цу Егорлыцкую уехал Штаб армии.

22 а п р е л я. 1-й день Св. Пасхи. — Перед рассветом части бр-ды приготовились к возможному наступлению красных, но последние не появлялись: решили праздновать. Так русские люди, вчера ведшие бой, сегодня отдыхали и отмечали день Св. Пасхи в 15—20 вер. удалении друг от друга.

Грустный праздник был у жителей: они боялись ухода добровольцев и прихода красных. Грустный он был и для добровольцев: в Светлое Христово Воскресение им пришлось хоронить своих соратников. Похоронили их на том же кладбище, на котором раньше были похоронены первые четыре жертвы начала похода.

Ген. Марков обошел свои части и поздравил их с Праздником. Ему кричали «ура». Посетил он и раненых, которые забыли на время свои боли, увидев своего любимого начальника. Пошутил он над 4-мя ранеными 4 роты:

— Что это вы подставляете свои ноги и руки? (двое были ранены в ноги и двое в руки). А я так вообще не подставляю себя под пули.

Вызвал ген. Марков улыбку даже у тяжело-раненых. Один офицер был ранен в живот на вылет и у него началась кровавая рвота. Подошел генерал.

— Ну, что? Ранен? — Раненый улыбнулся, кивнул головой.

— По глазам вижу, что выздоровеете!

Эта улыбка смертельно-раненого, этот случай, запомнились. Раненый действительно выздоровел.

Трудно было подыскать названия ген. Маркову, которое оценивало бы его целиком. Он и «Ангел-Утешитель», как в описанном случае, он

и «Ангел-Хранитель», как называли его в обозе армии, грозой которого он был, он и «Бог войны» и «Шпага ген. Корнилова».

Вечером этого дня бр-да выстроилась на северной площади села и ей было объявлено, что она оставляет село. Колонна на подводах тронулась по дороге на ст-цу Егорлыцкую, перешла мост через реку Егорлык, ту реку, которую в свое время переходил вброд Офиц. полк, но вскоре свернула с дороги вправо. В сумерках хвост полка был внезапно обстрелян наскочившим на него грузовиком с пулеметом. Но одного арт. выстрела было достаточно, чтобы грузовик поспешно скрылся.

23 апреля. 2-й день Св. Пасхи. На рассвете бр-да подошла к разъезду Прощальный на жел. дор. Торговая—Батайск. Высланные подрывники к ст. Целина подорвали там путь, а бр-да в это время основательно разрушила его у разъезда. Выполняв эту задачу, она двинулась в ст-цу Егорлыцкую, куда и прибыла еще засветло, проделав за сутки до 50 верст.

Встреча и прием станичниками ставших у них по домам добровольцев были искренне радостные, с широким гостеприимством. Теперь их отношение к добровольцам совершенно не было равнодушным, как два месяца назад. Они признались в своем заблуждении. И это произошло ровно через два месяца, как тогда им и говорил ген. Корнилов. Старик казак с гордостью заявлял, что его два сына, служивших раньше в Императорской Гвардии, теперь «быют большевиков». Все это радовало добровольцев, усиливало пасхальное настроение.

24 апреля. 3-й день Св. Пасхи. За ночь все чины бр-ды спокойно выспались и проснулись в бодром и радостном состоянии. Не теряя времени разбрелись по станице, чтобы встретить и похристосоваться со своими знакомыми и друзьями. Все спешили в походный лазарет навестить и поздравить раненых соратников. «Христос Воскресе! — Воистину Воскресе!» — раздавалось по станице.

Во второй половине дня разнесся слух о выступлении. Досадно! Но бодрое настроение оставалось. На вечерней перекличке и молитве было объявлено: рано утром бр-да выступит на подводах. Никаких вещей с собой не брать, но патронами запастись. Итак — снова в поход, но как-будто на короткое время. Куда и с какой целью? Ответ на эти вопросы ген. Марков дал бы короткий и определенный: «Это вас не касается!»

О предстоящей задаче похода узнали лишь 7 офицеров Инжен. роты, во главе с подполк. Александровым, которых генерал вызвал к себе и им сказал:

— Инженеры! На вас возлагается серьезная задача, от которой зависит успех нашего набега на треугольник станций: Крыловская — Сосыка Ейская и Сосыка Владикавказская. Вам надлежит пробраться

в тыл к красным и около разъезда Хуторской, на жел. дор. на Ейск, подорвать основательно полотно жел. дор. и перерезать телефонные и телеграфные провода. Нужно, чтобы все, что есть на этих трех станциях попало нам в руки. В ночь на 27 апреля вы должны выполнить этот приказ, а с утра я примусь за красных. Вам в помощь дается три проводника и сотня черкесов. Подробные приказания даны подполк. Александрову.

Ночью отряд тронулся в путь.

25 апреля. В 6 час. утра 1-я пех. и кон. бр-ды выступили в юго-зап. направлении. Целый день тряски на подводах и прибытие в ст-цу Незамаевскую. Переход около 65 верст. Ночевка.

Казаки просили ген. Маркова оставить отряд для защиты их ст-цы, на что тот предложил им самим сорганизоваться для защиты, а еще лучше — влиться в части бригады. Те колебались.

26 апреля. Утром ген. Марков объехал части и объявил задание, данное армии:

— Идем запасаться боевой провизией. 2-я бр-да будет наступать на ст. Крыловская. 1-я в центре, на станции Сосыка-Владикавказская и Сосыка-Ейская; Конная — левее, на ст. Леушковская. Цель — захват всего, что имеется у красных на этих 4-х станциях. Боевая провизия необходима ввиду массового прилива в ряды армии кубанских казаков.

От ст-цы Незамаевской 1-я и конная бр-ды пошли по разным направлениям. Проехав около 30 верст, 1-я бр-да остановилась не доезжая нескольких верст до ст. Сосыка-Влад. Разъезды от Черкес. кон. див-на, приданного бр-де, доносили, что станция занимается большими силами пр-ка с бр-здом.

По диспозиции штаба армии, атака трех бригад должна начаться одновременно с рассветом следующего дня.

С наступлением ночи 1-я бр-да стала разворачиваться в боевой порядок: Офиц. полк для атаки ст-ции Сосыка Вл., Кубанский — левее его; с занятием этой ст-ции, бр-да должна, заходя левым плечом вперед, наступать на ст-цию Сосыка-Ейская.

**

Отряд подполк. Александрова в течении 25 и 26 апреля, скрытыми путями, весьма осторожно, приближался к Владикавк. жел. дор. севернее ст. Сосыка. В ночь на 27-е он перешел дорогу и приблизился к месту своего назначения. Оставив шагах в 300 от жел. дор. черкесов и проводников, офицеры подползли к полотну и принялись за работу. Через короткое время — команда: «Отползай». У полотна остались двое. Следующая команда: «Поджигай». Раздались сильные взрывы. И в этот момент, всего лишь в нескольких шагах от места взрыва,

офицеры увидели силуэт остановившегося бр-зда. Еще момент и по ним понеслась с него пул. очередь: видимо красные заметили отбегавших. На рассвете отряд взял направление на гул начавшегося боя и благополучно присоединился к бр-де.

27 апреля. Незадолго перед рассветом 1-й роте было приказано произвести демонстрацию наступления. Рота сбила заставу красных, но подойдя к жел. дор. на 200 шаг., была встречена картечным и пулеметным огнем бронепоезда. Она залегла и в этот момент подверглась атаке кр. пехоты с флангов. В жестокой схватке сопротивление роты было сломлено и она стала отходить. Преследовавшие ее красные были остановлены пул. огнем батарейных и ротных пулеметов. На всем фронте разгоралась стрельба.

Едва стало светать, Офиц. полк перешел в наступление. Перед жел. дор., не в силах преодолеть сильнейший огонь пр-ка, он залег, но через несколько минут, когда 1-я бат-я отогнала бр-зд, а слева, у Кубанцев, уже неслось «ура», он сбил красных, занял станцию и, не задерживаясь на ней, повел наступление вдоль жел. дор. в северном направлении. Красные отходили не оказывая уже сопротивления и вскоре совершенно рассеялись.

Ген. Марков с Черкесским див-ом, не обращая внимания на разбегавшихся красных, прискакал на ст. Сосыка-Ейская. На обеих станциях было захвачено несколько эшелонов с «боевой провизией», которую немедленно стали перегружать на те подводы, на которых ехала бр-да, в то время, как Офиц. полк продолжал двигаться на север. Бр-зд красных успел проскочить ст. Крыловская до занятия ее 2-й бригадой.

Был момент тревоги: к ст. Сосыка с востока подходила большая колонна пехоты и кавалерии. Выяснилось, что это были казаки ст-цы Незамаевской, шедшие на присоединение к бр-де. Их был свыше 500 чел. Ген. Деникин, приехавший на станцию, их всех назначил на пополнение в 1-ю бр-ду и им тут же было выдано оружие.

Тем временем Офиц. п. занял ст-цу Павловскую, радостно встреченный жителями. Ген. Марков просил их немедленно разойтись по домам, т. к. станица не будет удерживаться, что вызвало у жителей восклицания: «Что теперь будет с нами?» Захваченных здесь пленных в числе нескольких десятков человек, ген. Марков приказал отпустить.

К вечеру в ст-цу Павловскую пришел и Куб. п., а ночью вся бр-да двинулась дальше на север.

28 апреля, она пришла в ст-цу Ново-Михайловскую, в 6—7 вер. западнее ст. Крыловской, занятую с жестоким боем 2-й бр-дой, но еще ведшей бой севернее ее. Через несколько часов на станцию выступила вся 1-я бр-да, но на ней не задержалась, а проследовала на восток, через ст-цу Екатериновку в ст-цу Ново-Пашковскую, где и расположилась на ночлег. За нею отошла и 2-я бригада.

29 апреля. Бр-да перешла в с. Гуляй-Борисовку и 30 апреля — вернулась в Егорыцкую.

Уставшими вернулись части с «налета на Сосыку», но бодрыми. Одержан был большой успех и добыты трофеи, нужная для армии «боевая провизия». 2-я бр-да захватила даже два орудия. В первый раз Добр. ар. вела наступление на фронте в 30 верст.

Потери в Офиц. полку были большие: около 100 чел., из которых на долю одной 1-й роты пришлось 27 чел. убитыми и 44 ранеными, свыше половины ее состава. Был ранен и ком-щий полком, полк. Хованский, третий к-р за время с 20 апреля.

Полк. Тимановский

С 27 апреля в командование полком вступил полк. Тимановский. Ген. Марков расстался со своим неразлучным помощником, оставаясь, однако, его ближайшим нач-ком.

30 апреля — дата окончания Корниловского, Ледяного, 1-го Кубанского похода Добровольческой армии.

ЗНАЧЕНИЕ И ИТОГИ ПЕРВОГО ПОЛУГОДИЯ БОРЬБЫ ЗА РОССИЮ

С момента зарождения Добр. армии — 2 ноября 1917 г. и до конца похода на Кубань прошло ровно 6 месяцев. За этот период безусловно большинство русских людей слышало и знало о начавшейся борьбе на юге. Но...

Случилось так, что силы революции организовались и окрепли раньше, чем силы государственные, национальные. Генералы Алексеев и Корнилов оказались с значительно меньшими силами, нежели Ленин

и Троцкий. У последних сознательных большевиков было несравненно больше, чем у первых сознательных патриотов. Генералы Алексеев и Корнилов надеялись, гл. обр., на сознательность корпуса офицеров Русской армии, но ошиблись. Ошиблись и лучшие Донцы и Кубанцы.

Им пришлось уйти в поход с ничтожным числом патриотов для спасения чести Национального флага, Русского Имени и еще — чести Офицера и высоко держать «светоч», в надежде на пробуждение у всех воли к борьбе.

Вынужденная оставить Дон, армия не искала для себя только спасения и где-то выжидать изменения обстановки к лучшему. Она сама влияла на обстановку: вела бои, соединилась с Кубанским отрядом таких же патриотов, как и она, дерзала взять Екатеринодар, заставляя всем этим далеко разноситься слухам о ней, о ее борьбе и тем самым беречь в русских людях высокие и самые ценные нравственные качества. Первыми в массе пробудились Донцы.

Что пришлось перенести добровольцам за период Кубанского похода, как нравственно, так и физически, нельзя иначе представить символически, как показано это установленным для Кубанского похода Знаком: терновый венец с мечом на Георгиевской ленте и с розеткой национальных цветов на ней. Знак говорит об исключительном подвиге в борьбе за Россию и о терниях, перенесенных походниками. Не хватало на этом Знаке еще лавров — лавров полной победы.

За Кубанский поход, продолжавшийся 80 дней, Добр. ар. проделала почти 1.000 вер. и провела 12 тяжелых сражений, не считая многих мелких. Ее потери?

Приблизительный подсчет потерь в частях будущих Марковцев за

6 месяцев, т. е. за два периода: на Дону до Кубанского похода и во время похода, дает такие результаты:

На Дону потери в

Свод. Оф. роте, 4-й основной, в 1, 2, 3 оф. б-нах	около 300 чел.
Ударном дивизионе	» 40 »
Морской роте	» 35 »
Юнкерском батальоне	» 80 »

Итого в частях, составивших позже Офиц. полк	до 500 »
В Технической роте	около 12 »
1-й батарее кровавых потерь	» 70 »
Без вести пропавших в экспедициях	» 21 »

Всего для будущих Марковцев до 600 »

В Кубанском походе:

В Офиц. полку и Юнкерск б-не	около 1.100 чел.
В 1-й батарее	» 35 »
В Технической роте	» 40 »

Всего около 1.175 »

Из коих около 300 чел. одними убитыми и до 80 чел. без вести пропавшими.

За поход в Офиц. полк были влиты пополнения в количестве до 600 ч. Он начал поход в числе 800 чел. Во время похода был некоторое время численностью в 300 чел. и закончил его после «налета на Сосыку», имея в рядах свыше 500 чел., в значительной части уже не офицерского состава, а казачьего.

Офиц. полку в походе, по общему признанию, пришлось сыграть главную роль и быть исключительной опорой армии. Полк офицеров, и это показано на деле, можно было уничтожить измором, огнем, огромной численностью, но, отнюдь, не разбить его. Для красных один вид наступающих офицеров, одно: «идут офицеры», уже лишал их моральной стойкости. Но мало объяснить высокую боеспособность полка его офицерским составом: влияние, руководство и пример ген. Маркова поднимали ее, всесторонне развивали и утверждали в рядах офицеров и вообще добровольцев в боевых традициях.

ПЕРВОПОХОДНИКИ

Сестра мил. Ина Колесникова

Раненые в Екатеринодаре

Пор. С. Н. Гериберг

С Н О В А Н А Д О Н У

Станицы Донской области, Егорлыцкая и Мечетинская, в которых расположилась Добр. армия, вдавались клином в расположение красных, базировавшихся на линии жел. дорог: Царицын—Тихорецкая и Ростов—Тихорецкая. Передовые части их находились верстах в 20—30 от этих станиц. В распоряжении командования Д. А. теперь находились донские отряды южных станиц, увеличивающих ее силу в легшей на нее задаче — обороны Дона с юга. Весьма важным в положении армии было то, что она уже имела у себя тыл.

Утомленная походом, армия нуждалась в отдыхе, но быть ему или не быть зависело от прот-ка, за которым наблюдали кав. части. Офиц. полку с 1-й бат-ей пришлось лишь через день, после прихода из «налета» на ст. Сосыка, снова выступить на подводах на 30 верст к востоку от ст-цы Егорлыцкой, к ст. Целина, чтобы еще раз там основательно разрушить полотно жел. дороги. Из этой экспедиции полк вернулся с потерей 2-х чел. убитыми и нескольких ранеными.

Прот-к был пассивен и для армии наступил период полного отдыха. Отпал ежедневный вопрос: куда пойдем? Отпали и острые переживания. И быстро такая покойная жизнь стала томить добровольцев. Они знали, что на верхах армии идет большая работа; что «предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба до смерти»; что ген. Деникин обратился с воззванием к русским людям «напречь все силы, чтобы немедленно организовать кадры будущей армии и в единении со всеми государственно-мыслящими русскими людьми, свергнуть губительную власть народных комиссаров»; они знали и утверждение ген. Деникина: «Пусть силы наши невелики, пусть вера наша кажется мечтанием, пусть на этом пути нас ждут новые тернии и разочарования, но он — единственный для всех, кто предан Родине», но во всем этом для добровольцев не было ничего нового, захватывающего, возбуждающего.

Возбуждение стали вносить ежедневно доходящие слухи, в достоверности которых они быстро убеждались и которые приводили их в трепет и крайнее беспокойство.

Немцы в Ростове и даже в Батайске и Ольгинской. Ими занят весь юг России. Что же это, как не величайшее военное поражение Родины?

Немцами созданы на теле Родины самостоятельные государства: Украина, Крымская республика и даже Донская республика! А на западе: Эстония, Латвия... Это — национальное поражение. Доходили и более детальные слухи: в этих государствах формируются их армии, в которых офицеры получают командные должности.

Наконец — сильнейший удар по патриотическому чувству: немцами формируются и особые русские армии для борьбы с большевиками под монархическим флагом. Не есть ли это желание их освободить Родину русскими руками, но сделать Ее в вассальной зависимости от себя и поставить в Ней Монарха «милостью» Германии и ее Кайзера?

Что могла противопоставить всему этому маленькая, бедная, безоружная Добр. армия? — вопрос, стоявший перед всеми. «Ничего», с отчаянием утверждали одни. «Мечтания», — говорили другие. Большинство молчало, потрясенное драмой.

А между тем и состояние самой Д. А. всем казалось определенно до предела критическим. Ставился даже вопрос: Быть ли ей? Донцы, прошедшие с ней Кубанский поход, просились о переводе в Донскую армию. Не отпустить их было невозможно. С их уходом один только Партиз. полк уменьшался в численности на половину. Сильно ослаблялись кав. части. Ушел ген. Богаевский на высокий пост в Донском правительстве. Нельзя было не освободить от службы учащуюся молодежь, на долю которой пришлось непосильные испытания. С ее уходом 5-ая рота Офиц. полка могла прекратить свое существование. Распущен был разложившийся Чехо-Сл. б-н.

При таком положении в армии, имеющей двух сильнейших врагов: внешнего и внутреннего, даже для крепких духом и волею добровольцев, впереди не виделось ничего отрадного. Можно ли думать о какой-то борьбе? Россию охватила зловещая тьма и она проникает в души и сердца бойцов; она затуманивает их сознание и готова угасить в каждом искру его сокровенной любви к Родине. Но... может быть «светоч» несомый армией, о кот. говорил ген. Алексеев, только и могущий гореть, когда горячи искры у бойцов, все же виден во тьме многими людьми и напоминает им о бело-сине-красном Символе?

В бойцах шла внутренняя борьба, чтобы им ответить на вопросы: быть или не быть армии? Быть или не быть России?

Ген. Деникин подтолкнул их на быстрое решение — на тот или иной ответ. Ввиду того, что для многих окончился 4-месячный срок обязательства служить в армии, кот. они подписывали, когда вступали в ее ряды, ген. Деникин отдал приказ: желающие оставить армию пусть подадут об этом рапорта. Перед открытой дверью пришлось задуматься. Немногие оказались откровенны и признавались в желании подать рапорта; многие — ушли в себя и молчали; но часть твердо заявила — они остаются. Эти словестные, пока, заявления вывели у

каждого добровольца его внутреннюю борьбу наружу — в среду всех его соратников. Решившие остаться говорили о высшей Совесть — Долге перед Родиной; упрекали...

Но приказ ген. Деникина приводил лишь к малому: он освобождал армию от морально ослабевших бойцов; он сохранял ее, сохранял на какой-то срок, однако не крепил ее. Для этого требовались иные меры и они были приняты командованием.

*
**

5 мая, в ст-це Мечетинской были собраны ком-ры частей, с которыми вели беседу ген. Алексеев и ген. Деникин.

Ген. Алексеев говорил о внешнем положении, гл. обр. касаясь немцев. Он считал, что немцы были и остались врагами России, поэтому с ними недопустима какая-либо связь. С ними — ни мира, ни войны.

Ген. Деникин говорил об единственной задаче Добр. армии — борьбе с большевиками и освобождении от них России. Он говорил, что армия может идти только под Национальным флагом, но не под монархическим или республиканским. «Какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбе страны без ведома русского народа? Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход — вера в своих руководителей».

Начальникам было поручено передать в свои части, что армия не одинока: из Румынии пришел и теперь находится в Новочеркасске отряд полк. Дроздовского, поднимается Кубань и ежедневно сотни казаков присоединяются к армии. Борьба с красными на Дону успешно развивается, освобождаются все новые и новые станицы и округа и казаки вливаются в свою армию.

Потом старшие нач-ки делали доклады о состоянии своих частей. Далеко не все потеряно и нужны лишь некоторые меры для поднятия духа; нужно более тесное общение нач-ков с подчиненными. Ген. Марков говорил твердо и убежденно: его бр-да продолжает верить своим Вождям и пойдет за ними.

Переданный в тот же день в части разговор с Вождями произвел на всех благоприятное впечатление.

6 мая, т. е. на следующий день, в Егорлыкск состоялся парад гарнизона станицы: 1-й и части кон. бр-дам и Донскому отряду этой станицы, который принимал ген. Деникин и на котором присутствовал ген. Алексеев. Бодрый вид частей говорил о преданности своему командующему.

Во время парада был торжественный момент производства «полевых юнкеров» в офицеры. Кадеты старших классов кадетских корпусов,

с Ольгинской — «Полевые юнкера», теперь за боевые подвиги, за выказанное мужество и жертвенность, получили заслуженную награду. Части кричали искреннее и громкое «ура» молодым офицерам. В ближайшие дни им был обещан отпуск, что увеличивало их радость.

Вечером этого же дня Вожди беседовали со всеми нач-ми, от к-ров бригад до отделенных включительно. Они дали подробную информацию о положении в России, о предстоящих задачах армии. Ими было сказано, что Германия стремится отнюдь не восстанавливать единства России, а раздробить ее на ряд мелких государств — Германскую Украину, Крымскую и Всевеликого Войска Донского республики и это только здесь на юге; государства ей служащие и от нее зависящие, Добр. армия же борется за Единую, Великую и Неделимую Россию, ни от кого не зависимую и свободную. Они еще раз подтвердили, что будущее устройство России должно быть решено волею Учред. Собрания, добавив, однако, что армия не останется безучастной к судьбам Родины и за этим будут следить они. Но для них должна быть опора и этой опорой может быть лишь армия сильная духом, сплоченная и дисциплинированная, с чем они и обращаются ко всем чинам.

8 мая ген. Марков провел беседу с чинами своей бр-ды в здании станичной школы. Школа к назначенному часу была буквально набита; многие не могли уже в нее протиснуться. Легкий гул разносился в помещении от сдержанных разговоров; взоры всех часто обращались в сторону входных дверей.

— Генерал Марков!

С папкой бумаг быстрым шагом он вошел в помещение, поднялся на кафедру, поздоровался с присутствующими и закурил трубку.

— Я собрал вас, господа, чтобы поделиться с вами собранными из всевозможных источников сведениями о России, — начал он.

Кратко, выпукло, образно, в живой речи он осветил значение проделанного добровольцами Кубанского, Корниловского похода в начавшейся борьбе за освобождение Родины. «Сигнал для всех патриотов дан и место сбора — Добр. армия». Долг патриотов и офицеров — продолжать борьбу с полным пружением сил. Указывая на пачку газет, лежащих перед ним, ген. Марков заявил, что нашлись и другие организации, зовущие к себе на службу офицеров, сулящих им производства в чины, командное положение и большое содержание.

— Как офицер Великой Русской армии и патриот, я не представляю для себя возможным служить в какой-нибудь Крымской или всевеликой республике, которые мало того, что своими идеями стремятся к расчленению Великой России, но считают даже допустимым вступать в соглашение и находится под покровительством страны, фактически принимавшей главное участие в разрушении нашей Родины.

— Что дадут офицерам, пошедшим на службу в какие-то Татарские или иные армии, несуществующие государства? Хотите хватать чины?

Пожалуйста: обгоняйте меня, но я, как был произведен в генерал-лейтенанты законным Русским Монархом, так и останусь им до тех пор, пока снова не явится законный Хозяин земли Русской. И что будут делать офицеры этих армий, когда те будут расформированы?

Далее ген. Марков сказал, что ген. Алексеев и Ком-щий армией получают письма от всяких «благодетелей» и «патриотов» с советами и рецептами по спасению Родины, о которых ставятся в известность разными темными лицами и чины армии. Добр. армия стоит на правильном пути и имеет свои «рецепты», достойные Родины и армии и он передал просьбу ген. Деникина не осложнять и не затруднять ему его тяжелой работы.

Затем ген. Марков, указывая на лежащую отдельно пачку бумаг, сказал:

— Вот здесь лежат несколько рапортов. Их подали некоторые из чинов моей бр-ды. Они устали... желают отдохнуть, просят освободить их от дальнейшего участия в борьбе. Не знаю: может быть к сорока годам рассудок мой не понимает некоторых тонкостей. Но я задаю себе вопрос: одни ли они устали? Одни ли они желают отдыхать? И где, в какой стране они найдут этот отдых? А, если, паче чаяния, они бы нашли желанный отдых, то... за чьей спиной они будут отдыхать? И какими глазами эти господа будут смотреть на своих сослуживцев, в тяжелый момент не бросивших армию? А, если после отдыха они пожелают снова поступить в армию, то я предупреждаю: в свою бр-ду я их не приму. Пусть убираются на все четыре стороны к чертовой матери, — и ген. Марков передал к-рам частей несколько рапортов для немедленного увольнения их подателей.

Далее он добавил, что Ком-щим разрешены короткие отпуска для чинов армии. Желющие воспользоваться отпуском, должны подать рапорта. Последовательно, насколько позволит боевая обстановка, их просьба будет удовлетворена.

После этого ген. Марков предложил задавать ему вопросы. Поднят был «больной вопрос» — о тыле армии, живущим за ее спиной и ничем не приходящим ей на помощь.

Ген. Марков упомянул о 400 рублях, которые дали ростовские богачи ген. Алексееву и о миллионах рублей, которые они вручили большевикам, когда Добр. армия оставила Ростов. Как это понять? В то время, когда льется кровь, находящиеся за ее спиной должны чем-то платить, как-то поддерживать армию, помогать ей. Наша гуманность погубит нас. Война не терпит поблажек; тыл должен понимать это. Но, видимо, в таком случае приходится не просить, а требовать, тогда и результат войны будет другой.

— Поверьте мне, — сказал ген. Марков, — дайте время окрепнуть армии, немного больше территории и я первый буду просить Командующего взяться за тыл, оздоровить его!

Был поднят офицерами и другой «больной» вопрос: ненормальность положения, когда младший по службе и в чине является нач-ком старшего. Ген. Марков на это ответил твердо и решительно:

— Мой принцип: достойное — достойным. Я выдвину на ответственный пост молодого, если он способнее старшего.

В заключение ген. Марков сказал:

— Наша работа — только начало обновления Родины. Кубанский поход — это первый, маленький эпизод. Но верьте, Россия будет великой и сильной; будет как огромное, греющее и животворящее всех солнце. Нам надо хотеть Ее, дерзать и бороться. — И, попрощавшись с соратниками, добавил: — не опаздывайте на перекличку!

Эта беседа, длившаяся несколько часов, имела решающее влияние на всех. Сомнения, колебания отпали решительно и быстро. Подавшие рапорта об уходе из армии, за одиночными исключениями, взяли их обратно. С этого момента вопроса о срочном служении и борьбе за Родину уже не поднималось: служба стала бессрочной и могла кончиться лишь после освобождения страны и установления в ней порядка. Все вопросы политики были с полным доверием и безраздельно вверены Вождям армии.

Моральный кризис миновал. Армия — сохранена.

На следующий день, 9 мая, по случаю престольного Праздника Егорлыцкой церкви, был парад войск Егорлыцкого района. Принимал парад ген. Марков. Громким и восторженным «ура» встречали и отвечали ген. Маркову части. Громкое «ура» кричали они в честь ген. Деникина.

После парада 9 мая стали разрешаться отпуска сроком на две недели. В виде исключения были отпущены все вновь произведенные в офицеры. Разрешались отпуска и в районы немецкой оккупации с условием не носить знаки, говорящие о принадлежности к Добр. армии. Скоро отпало и это условие: немцы относились весьма благожелательно к чинам армии.

Из отпусков в полк вернулись не все. Невернувшиеся принадлежали гл. обр. к 5-й роте Офиц. полка — молодые офицеры, произведенные в Ольгинской и Егорлыцкой. Оказалось, что шт. кап. Парфенов, их бывший командир по Юнк. б-ну до начала Кубанского похода, офицер открытых монархических убеждений, сыграл на монархических чувствах этой молодежи и убедил ее перейти с ним в Астраханскую армию, формирующуюся в Ростове и подчиненную Донскому командованию. Для большей убедительности он говорил молодежи, что Д. А. стоит за Учред. Собрание, а, следовательно, идет за социалистами и республиканцами, не будет иметь не только успеха в борьбе, и быстро снизойдет на «нет», т. к. никто не пойдет в ее ряды, а те, кто войдет, скоро оставят ее. Ему поверили.

Шт. кап. Парфенов оказался «голым» монархистом: в Ольгинской он отказался служить в одном бат-не с «социалистами», как он называл

Студ. б-н; теперь он рьяно стал на службу за немецкие деньги, отдавшись немцам для выполнения их тайных желаний. Помимо этого, методы его действий оказались далеко не честными в отношении Национальной армии, каковой была Добр. армия. Всем этим он очернил себя и как монархиста, и как Русского Добровольца.

Шт. кап. Парфенову удалось сформировать роту лишь в 40 чел. Месяца полтора спустя его рота была послана в бой с северу от ст. Великокняжеской и была сметена контр-атакой красных. Вышло из боя 7 чел. со своим к-ром.

Добр. ар. окрепла духом. Она усиливалась и своей численностью. Беседы и смотры, связанные одной Идеей, взаимно дополняя друг друга, сыграли положительную роль. Дисциплина, в ее глубоком смысле и подлинном ее понимании, была восстановлена и утверждена.

10 мая вечером, как-то неожиданно, передано приказание, вызвавшее бодрое оживление. Офиц. полку, 1-й батарее, дивизиону Черкесск. полка и конной соте Егорлыцкого ополчения — приготовиться к выступлению утром 11 мая. Оказалось, сильный отряд красных перешел в наступление со стороны ст-цы Великокняжеской и стал теснить Донской отряд к западу. Создавалась угроза тылу армии и перерыву сообщений с Новочеркасском.

11 мая, утром, отряд под командой ген. Маркова выступил в сев.-вост. направлении. Пехота на подводах. Прodelав до 40 верст, остановился на ночлег в зимовнике Королькова.

12 мая отряд выступил дальше, взяв направление на казенный мост через р. Маныч.

Расчет ген. Маркова был такой: когда главные силы красных перейдут мост и увлекутся преследованием Донского отряда, внезапным ударом им в тыл, захватить мост, разрушить его и затем, совместно с донцами, уничтожить красных. Этот расчет всецело зависел от точных данных разведки. Но данные оказались неправильными и удар отряда ген. Маркова пришелся не в тыл пр-ку, а по главным его силам, готовым к бою. Бой был жестокий и упорный. Красных разбить не удалось: они отстояли мост и смогли отойти за реку. Донской отряд захватил два орудия. Офиц. полк потерял несколько десятков человек.

13 мая, отряд вернулся в Егорлыцкую. В Офиц. полку сочли эту операцию удачной, но иначе оценили ее в штабе армии: там ожидали полный разгром красных. Неоправдавшаяся надежда штаба стала реальным упреком ген. Маркову и задела его весьма глубоко. Ген. Марков сам признавал и переживал неудачу операции. Произошел серьезный конфликт между им и штабом, устраненный принесенным ген. Романовским ему официальным извинением. Обо всем это в частях не знали.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Ген. Марков, казалось, совершенно не отдыхал. С утра до вечера его можно было видеть в станице, или скачущим куда-то верхом, или идущим куда-то быстрым шагом. Не было частей в его бр-де, которых он не навестил бы, не поговорил.

Особенное внимание он стал уделять Куб. стр. полку, который ежедневно увеличивался в составе, пополняясь приходящими с Кубани казаками. Вот он входит в один дом и застаёт казаков игравшими в карты, а рядом других, занимающихся уничтожением насекомых на своем белье. Казаки вскочили с растерянным видом. Генерал бодро и весело поздоровался с ними и сейчас же заговорил:

— А играть в карты не солдатское дело, а вот это солдатское, — указав на ловцов зверей.

Начав с этой полу-шутки, полу-выговора, ген. Марков продолжал шутить и незаметно перешел на серьезный тон и указание — быть готовыми к бою. Казаки отвечали ему дружным: «Так точно! Слушаюсь!»

— Ну, продолжайте свои дела! — сказал он в заключение и ушел. Его проводили толпой.

— Ну, и генерал! Орел! Вот бы нам его Атаманом! — говорили все в один голос, занявшись «своим делом», но не карточной игрой.

«Налетал» ген. Марков и к черкесам, служившим в его конвое и в Черк. кон. полку — все так же весело, с шутками. Эти простодушные люди любили его за беззаветную храбрость, за сердечный, без высокомерия, к ним подход, за заботу о них, за веселый нрав и справедливость. Поэтому черкесы всегда высоко ценили его похвалы, благодарности и по достоинству оценивали его взыскания, наказания и даже гнев. Случай, когда в походе ген. Марков плеткой выгнал в степь за грабеж одного черкеса, с предупреждением: вернется — расстреляет, вызвал в них восхищение. Черкесы, как и все добровольцы, не только любили своего Генерала, не только боялись, но и буквально обожествляли его и были самозабвенно преданы ему.

**

В то время, как Куб. стр. полк быстро рос, в Офиц. полк пополнений не поступало. Очевидно начальство надеется на прибытие офицерского пополнения — так предполагали в полку, хотя были бы рады и кубанцам, т. к., судя по тем, которые пришли к ним из Кубанского похода, кубанцы показали себя великолепным исполнительным и дисциплинированным элементом. Помимо этого, они показали, что питают большое уважение к офицерам, как к начальникам, так и рядовым из них, стоящих с ними в общих рядах и выполнявших те же

задания, что и они. Казаки старались подражать офицерам и проявляли искреннюю готовность всячески услужить им. Казалось, возвращались старые, до-революционные времена, когда у русских солдат не было революционного угара и разнузданности.

Предположения офицеров об офиц. пополнении в полк подтвердил и ген. Марков. И, действительно, пополнение стало прибывать ежедневно, хотя и малыми группами. Группы представлялись ген. Маркову и каждому добровольцу он задавал 2—3 вопроса. Присутствующие на одном из таких представлений, обратили внимание на довольно продолжительный разговор Генерала с прибывшим поручиком.

— Как?! Вы решили идти по стопам дядюшки?

— Так точно! Поскольку мне удастся, — был ответ поручика.

Попав в роту этот поручик вызвал к себе большой интерес. Оказалось, он, пор. Незнамов, племянник профессора Академии Ген. Штаба, ген. Незнамова, был знаком с ген. Марковым еще до войны. Во время войны связь между ними была потеряна и вот — эта встреча в Д. А. Пор. Незнамову пришлось много рассказывать офицерам о, тогда еще, подполк. Маркове, но и расспрашивать их об его службе в последние годы. Вывод пор. Незнамова: теория воен. искусства, кот. ген. Марков высказывал до войны, блестяще подтверждалась его делами последующих лет.

Порадовал пор. Незнамов офицеров своею уверенностью в поступлении в армию значительного числа офицеров и вообще добровольцев и гл. обр. сообщением о большом отряде полк. Дроздовского, имеющего чуть ли не 10 орудий и даже один бронеавтомобиль. Сомнения о росте Д. А. окончательно рассеивались.

*
**

Ген. Марков хлопотал о возможном усилении своей бр-ды. Он довел свою, 1-ю бат-ю, до 4-орудийного состава, получив одно орудие от 2-й бр-ды и другое от Донцов. Орудия, правда, были неисправны: их удалось поставить в строй лишь после начала нового похода армии. Для их обслуживания из 2-й роты Офиц. полка были выделены все артиллеристы, назначенные в нее во время отхода от Екатеринодара.

Для своей бр-ды ген. Марков считал необходимым иметь и маленькую кавал. часть. По его просьбе ком-р кон. бр-ды, ген. Эрдели, выделил сотню куб. казаков под командой ес. Растегаста, кот. получила название: Отдельной конн. сотни при 1-й пех. бр-де.

— Сотне нашить черные погоны, — приказал ген. Марков, когда смотрел ее. С этого времени она неофициально стала называться «Марковской», как по подчинению ген. Маркову, так и по погонам его Офиц. полка.

Росла численно 1-я Инж. рота. Она оставалась еще как пехотная единица, но уже стала выделять своих чинов по разным специальным

службам: по связи, на жел. дорогу (небольшой отрезок линии Торговая—Батайск), в броневой дивизион (в армии появились бронеавтомобили) и даже в авиацию. (Авиация Д. А. зародилась в Ростове, но как Донская. Немцы дали 3 старых аппарата; из Киева прилетел русский аппарат. Эта эскадрилья производила полеты на фронте Дон. армии, но когда Добр. армией была взята ст. Тихорецкая, она перелетела туда).

В течении мая месяца шло непрерывное численное усиление Д. А. 26 мая с Кубани пробилась даже два казачьих полка, до 1.500 шашек, со своими Императорскими штандартами. В торжественной встрече их принимали участие части Егорлыцкого гарнизона с 1-й бат-ей. (Офиц. полк в это время был на формировании в Новочеркасске).

Затем была торжественная встреча отряда полк. Дроздовского, пришедшего из Новочеркасска; отряда «рыцарей духа, пришедших издалека и вливших в армию новые силы», как сказал ген. Алексеев, встречая его у ст-цы Мечетинской. У Егорлышской его встречал гарнизон этой станицы, выстроившись вдоль дороги и отдавая ему честь. «Дроздовцы», как стали называть пришедших, пройдя перед фронтом, выстроились на левом фланге стоявших частей и предложили старым частям Д. А. войти в ст-цу первыми и, когда те проходили перед ними, они отдали им честь. Все были поражены силой «Дроздовцев»: Офиц. полк в 1.300 шт.; конн. дивизион — до 300 шашек; Инжен. рота; небывалая в Д. А. артиллерия в 10 легких и 2 тяжелых орудия и бронеавтомобиль «Верный».

К началу июня месяца армия почти утроила свой численный состав и особенно в коннице. Это позволило придать каждой пех. бр-де по конному полку и переименовать бр-ды в дивизии. Армия получила следующую организацию и состав:

1-я пех. дивизия. Нач-к дивизии — ген. Марков.

1. — 1-й Офиц. п. — «Марковский», ставший под № 1, ввиду вхождения в армию 2-го Офиц. полка.
2. — Кубанский стр. п.
3. — 1-й Офиц. конный п.
4. — 1-я Инжен. рота.
5. — 1-я Офиц. батарея.
6. — Отдельная конная сотня.

2-я пех. дивизия. Ген. Боровский.

Корниловский Ударный и Партизанский полки; Куб. конный п.; 2-я Инжен. рота и 2-я Офиц. бат-я.

3-я пех. дивизия. Полк. Дроздовский.

2-й Офиц. стр. полк; 2-й Офиц. конный п.; 3-я Инжен. рота и 10 легких и 2 тяж. орудия.

1-я конная дивизия. Ген. Эрдели. Четыре Куб. казачьих полка.

Конная бригада. Ген. Покровский. Два Куб. каз. полка; два орудия.

Два отдельных Куб. пласт. б-на.

Броневой дивизион — 3 машины.

Общая численность армии около 10.000 шт. и сабель.

В ЗОНЕ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

Герм. армия к концу апреля прошла победным маршем по югу России вплоть до Ростова, освободив его от большевиков и разных банд, но и оккупировав его. Заняв часть Донской области, немцы, однако не покусились на полную самостоятельность Дона, т. к. он добровольно вошел в орбиту герм. политики. Они не препятствовали ему формировать свою армию и даже в этом оказывали ему помощь; они не мешали ему и в свободной связи с Добр. армией. В большей зависимости от них были — Украина с Гетманом во главе и Крымская республика. Им дозволено было иметь свои армии, но под полным их контролем.

Жизнь в оккупированных зонах быстро входила в нормальную колею, находя гарантию в силе герм. оружия. Но оккупация, отделение от России новых государств и даже начало спокойной жизни, не могли удовлетворить национально и патриотически настроенных людей. Мысли их стали направляться к Добр. армии. Немцы знали об этом, но беспокоиться им не приходилось: Д. А. для них не представляла ни угрозы, ни препятствий их стремлениям, тем более, что они имели союзников в лице украинских шовинистов-«щирых».

Однако, кое-какие меры в отношении Д. А. они принимали: по доносам «щирых» арестовывали откровенных противников «Вільной України» и сторонников Д. А. Но главная мера немцев против Д. А., ее Идеи и цели заключалась в разложении русских патриотов политически: играя на анти-большевистских и монархических убеждениях и настроениях их, они стали формировать Южную и Астраханскую монархические армии, в которых офицеры получали командные посты и хорошее денежное содержание. И им удалось отвлечь от Д. А. тысячи бойцов.

Между тем, командование Д. А., как только закончился поход на Кубань, стало принимать меры, чтобы снова оповестить русск. людей об армии, ее целях, задачах и призвать их к выполнению их патриотического долга в ее рядах. Обстановка этому благоприятствовала: было свободное передвижение по всему оккупированному немцами Югу; был и почти свободный, во всяком случае, не чреватый расстрелом, путь на Дон.

И от Д. А. по всему югу разъехались ее посланцы. В секретном наказе между прочим говорилось: «Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками»; «Единственно приемлемые положения: уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых». Посланцы должны были действовать в зависимости от положения и возможностей на местах, но действовать быстро и энергично.

Ст-ца Каменская, в зоне оккупации, но на Донской территории. В ней штаб герм. дивизии. На видных местах расклеены афиши с широкой «бело-сине-красной» полосой по диагонали, с призывом в ряды Д. А. Два юных офицера с черными погонами и национ. углом на рукаве, записывают добровольцев. В 1-й день их записалось свыше 20 чел., все из тех, кот. раньше ехали в Д. А., но не застали ее на Дону и осели в ст-це, а с приходом немцев записались в формирующийся донской отряд. Теперь они бросают отряд и отправляются в Новочеркасск и назначаются в 1-й Офиц. полк.

Одесса. Город с десятками тысяч офицеров. Посланник Д. А., капитан, помещает в газетах объявление о собрании офицеров, в оперном театре, на кот. будет прочитан доклад о современном положении и судьбе русс. офицерства. Явилось около 200 чел. Доклад делал сам капитан. Он говорил о большевиках — врагах народа; об оккупантах, легко одержавших победу; о русских силах, продолжающих борьбу против большевиков — казаках и Добр. армии.

О Добр. армии он рассказал особенно подробно: об ее целях и задачах, о Вождях, о патриотическом, жертвенном горении добровольцев... о добывании всего необходимого армии «ценою крови». И закончил горячим призывом: «Все на Дон!» Затем отвечал на вопросы. Собрание прошло в полном порядке и все разошлись с него с глубокими внутренними переживаниями и думами.

Но... в ближайшие дни записалось и выехало в Новочеркасск только 150 офицеров и только 20 доехали; остальные свернули в Южную армию. Через месяц выехала другая партия — 87 чел., прибывшая полностью. Обе эти партии были назначены в 1-й Офиц. полк.

Александровск. На собрание явилось до 150 офицеров. Выехало и зачислено в 1-й Офиц. п. — 30.

В Кременчуге, Бахмуте, Павлограде и др. городах, — собрания не могли быть организованы, но, тем не менее, эти города дали полку по несколько десятков офицеров и добровольцев.

Харьков. Ни о каких собраниях при господстве там «щирых» не могло быть и мысли. Однако, в нем многие, если не все, были хорошо осведомлены о Д. А. Разговоры о ней шли и интересовали всех, но одни видели в ней одну «авантюру», другие — задумывались и ре-

шли — ехать или не ехать. Сначала на Дон уезжали одиночки и маленькие группы или тайно или с ложными документами, чтобы избавиться от насилий и арестов «щирых». Но потом, когда выяснилось благорасположение герм. комендантов, не раз выручавших едущих на Дон от ареста «щирых», стали выезжать и большими партиями, вполне организованно и даже с оружием. Харьков мог дать Д. А. десятки тысяч офицеров и добровольцев, но на Дон выехало едва тысячи две.

Екатеринослав дал полку пополнение в 100 офицеров из многих тысяч бывших в нем.

Киев, город со многими десятками тысяч офицеров, дал полку и всей армии ничтожное пополнение. В столице Украины было трудно и опасно развернуть деятельность посланцам Д. А. Об армии в городе хорошо знали, но ехать не только не решались, но и не желали. «Укрылись» они «постановлением» какой-то тесно связанной группой офицеров, побившим все рекорды непонимания обстановки и лицемерия.

«Мы должны быть в полной готовности, ввиду скорого восстановления неделимой России под скипетром законного Монарха силами самого русского народа». И обращение к населению города: «Поддержать, помочь офицерам пережить невзгоды революционного времени и обереечь их, жаждущих подвига во благо Родины, от вторжения их во всевозможные авантюры». (Из «Очерков Русской Смуты» ген. Деникин).

С каким презрением выслушивали подобные разглагольствования те, кто направлялся в Д. А. и приехавшие из армии отпускные и раненые! Эти киевские господа выжидают лучших времен «в полной готовности», «жаждут подвига». Родина будет освобождена «силами самого русского народа», но без их участия. Они просят «поддержать и обереечь от вторжения их во всевозможные авантюры»... — они не способны даже «обереечь» себя! Для них Д. А. это — авантюра. Им дороги собственные жизни и немногие потом возмущаются за оружие, но только, чтобы спасти себя, хотя фактически будут защищать «свободную Украину» от петлюровцев. А затем они будут спасаться, уходя с немцами или убегая в Одессу, куда высадутся союзники России по Вел. войне, или зареются в норы с воплем: спасайте нас!

А пока, при немцах и Гетмане, масса офицеров и интеллигенции юга устраивала как могла свою жизнь. Мирилась с немцами — «они лучше, гуманнее и культурнее большевиков» и мирилась со «свободной Украиной», утешая себя мыслью, что в будущем Украина, сформировав сильную армию, послужит делу освобождения России и сольется с Ней. Для устройства своей жизни офицерство не гнушалось даже услугами перед немцами в роли официантов и «забвением» русского языка.

Но были, сравнительно немногие, кот. понимали и чувствовали ненормальность своего положения и они оставляли и Украинскую армию, и монархические отряды, формируемые на немецкие деньги, и всякие службы и ехали на Дон. Большинство же оставалась с гордым самоутешением: они «мученики» и «страстотерпы» за Родину. А потом, когда уже не будет ни немцев, ни «Вільной України», а придет Добр. армия, они вылезут из нор, объявят: «мы — офицеры!» и предъявят свои претензии на места, сообразно своим чинам. Естественный вопрос к ним: «Где вы были до сего времени и что делали?» для них будет оскорбительным. Они никогда не ответят на него открыто и честно.

В НОВОЧЕРКАССКЕ

«Ген. Марков уезжает в отпуск», — пронесся слух во всей его бр-де. Об этом заговорили: «Ему нужно отдохнуть!» — «Раз он уезжает, значит не предвидится в ближайшее время боевых действий».

Он уехал 17 мая, как и все отпускные на две недели. Накануне, прощаясь со своим Офиц. полком, обрадовал его: «Скоро и вы пойдете в Новочеркасск! Пойдет туда и Конный офиц. п.». 1-ю бат-ею обрадовать не мог: его просьба удовлетворена не была, но утешил ее: «Не надолго расстаемся».

За время отсутствия ген. Маркова произошло лишь одно выступление частей его бр-ды: Куб. стр. п. и 1-й бат-еи с конной частью Донцов в направлении на с. Гуляй-Борисовку, где красные сосредоточивали свои силы. Меткий огонь батареи расстроил цепи пр-ка, атака Кубанцев обратила их в бегство, а Донцы расправились с ними холодным оружием.

22 мая выступил на отдых Офиц. полк. Его уход вызвал среди жителей станицы сильное беспокойство, несмотря на то, что в ст-це оставались Куб. стр. п., части кавалерии, а на ее окраине всегда стояло охранение, были окопы и на позиции одно орудие. Успокоились жители, когда им было объявлено о приходе другого Офиц. полка.

*
**

Стояла чудесная весенняя погода. Степь покрыта свежей, сочной, богатой зеленью. В воздухе реют птицы, наполняя его своим пением. В природе радость и счастье.

Радость в сердцах у «Марковцев»: они идут на полный отдых в большой культурный город, где получают возможность отвлечься от однообразия степи, станиц, хуторов. Поход их, с остановками на ночлег в станицах, по сухой дороге, не утомителен вовсе. Мысли и разговоры

забегают вперед — в Новочеркасск. Там Марков, их раненые друзья, там и откровенные и тайные предположения.

Полк идет из Егорлыцкой в Мечетинскую, затем в Кагальницкую, в Хомутовскую, уже известных ему. В феврале он проходил их в обратном направлении, в непролазную грязь. Шел тогда в полную неизвестность, «к черту на рога». «Марковцы» вспоминали то время. Вот только очень многих уж нет в их рядах... Нет и Корнилова!

Из Хомутовской полк пошел не старой дорогой на Ольгинскую: там немцы, а свернул на Манычскую, из которой, переехав через Дон на пароходе, направился в Новочеркасск.

На одном из переходов колонна полка остановилась и ей было приказано построиться вдоль дороги. Навстречу шла другая колонна с Национальным флагом впереди. Объявили: «отряд полк. Дроздовского». Раздались команды, разнеслось громкое «ура». 1-й Офиц. полк приветствовал своего нового соратника — 2-й Офиц. полк.

С восторгом всматривались в лица бойцы обоих полков. Ведь, оба полка до их встречи проделали свыше чем по 1.000 верст. Они не останавливались перед препятствиями, шли врознь к одной цели и теперь пойдут к ней вместе. Ура!

Поразила «Марковцев» сила проходившей перед ними колонны — свыше 1.000 чел. (Артиллерия и конница отряда полк. Дроздовского шли через Аксай). Еще больше поразили вид бойцов: отлично и однообразно одетых и с таким же боевым снаряжением. На лицах бодрость, уверенность. Порядок и дисциплина. Общее впечатление — восторженное.

Полки разошлись в противоположных направлениях. У «Марковцев» — новая тема для разговоров: внешний вид их самих. Он не бодрящий. Разнородное обмундирование и к тому же потрепанное до последней степени. Убогое снаряжение... Разнообразие в бедности! Но стоит ли печалиться об этом? Ведь всякий знает где были и что перенесли они. Лишь человек, придающий исключительное значение внешнему виду, может осудить или посмотреть свысока.

*
**

Первыми из участников Кубанского похода в Новочеркасск прибыли раненые. Походный лазарет последний раз потряс их на подводах до ст-цы Манычской, откуда они в течении нескольких дней пароходами по Дону до Аксая и далее по жел. дороге, перевозились в Новочеркасск. Новочеркасск сердечно встретил раненых, которые в числе свыше 1.500 чел. заполнили все городские лазареты. Условия, в которые попали они, конечно, были несравнимы с условиями в походном лазарете. Внимание жителей радовало.

Трогательны были встречи и отношение к раненым того женского

госпитального персонала на Грушевской, где раньше жили первые добровольцы.

«Нянюшки нас разыскали. Они знали почти всех на Грушевской по фамилиям и именам.

— А как Некрашевич, Невинский, Казара?

— Убиты.

— А Шурка Рашевский, Шурка Андреев?

— Рашевский убит, Андреев ранен.

Кадетик Буковский, доброволец Боггаут, кадет Поляков — убиты. Прап. Шверин, Черных, Пантелеев в пейснэ, Крылов с двумя наганами, над чем когда-то нянюшки смеялись, потому, что в остальном вид у него был довольно мирный, убиты. Козловский, пор. Топорков со своим характерным ярославским говором — убиты... Нянюшки плачут... Родные их едва ли узнают, где погибли они. Но все-таки, они были оплаканы от чистого сердца этими русскими женщинами».

Вскоре приехал в Новочеркесск ген. Марков, который после официальных визитов, стал немедленно обходить лазареты.

«Появление ген. Маркова в лазаретах вызвало слезы радости у раненых. С гордостью мы смотрели на него и кто мог, в своих рваных мундирах выходили на Московскую улицу или в Александровский сад, чтобы лишний раз увидеть своего любимого Вождя, где он в сопровождении офицеров нагонял страх на тыловых патриотов».

«Почему вы небрежно приветствуете генерала? — строго обратился ген. Марков к проходившему хорунжему и сейчас же иронически сказал: — Впрочем, извините! Вы же не русский, а республиканский офицер! — и пошел дальше».

Замечена была какая-то большая перемена в психике ген. Маркова: «Он казался не таким, как раньше, а как-то сильно раздраженным и даже придирчивым. Не знаю, была ли усталость, было ли то предчувствие?»

В Новочеркасске ген. Марков сменил свои погоны офицера Ген. Штаба на «Марковские» — черные, что решительно побудило всех «Марковцев» озаботиться приобретением таких погон.

ПЕРВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Вторая половина мая месяца. На вокзале г. Новочеркаска с поездов, приходящих с севера и юга, выгружался народ и быстро куда-то расходился. Лишь одиночки и маленькие группы не торопясь шли на вокзал, ища коменданта станции. Одеты они были частью в штатское, частью в военное обмундирование, с погонами или без погон, с небольшим багажом и даже без него. Быстро перезнакомились: все офицеры и все приехали поступить в Добр. армию.

Комендант дал адрес. Пошли бодро и весело. Радовал весь в цветущих акациях город; опьянял густой их запах... Многое тяжелое — позади.

В Бюро записи явились полковнику. Опрос был строгий и пристрастный: :

— Почему вы не сочли для себя нужным явиться значительно раньше?

Заявления, что они прибыли из Смоленска, Москвы, прямо с фронта, не считались уважительными.

— Вы — полковник? Потрудитесь представить двух свидетелей.

Эти и подобные им вопросы несколько задевали самолюбие являвшихся, но «явка с опозданием» повелевала снести это безропотно.

Новоприбывшие были направлены в здание Мариинского женского института, где их встретил молодой офицер «Марковец», скромно и подтянуто одетый, деловито отведший их в одну из комнат, объяснивший все, что необходимо и предложивший старшему в чине быть старшим в комнате.

— За всеми вопросами — прошу обращаться ко мне, — добавил он.

В этот же день и на следующий прибыли новые добровольцы и число их перевалило за сто человек. Уже несколько комнат было занято ими. Все были молодые офицеры, все фронтовики, почти всем пришлось пробиваться сквозь большевицкие заставы, в пути терять своих компаньонов; и все неделями и месяцами бродили по югу России с одной мыслью — в Добр. армию! Армию они не застали на Дону и им пришлось осесть по станицам и хуторам, скрываться и путаться — многим без денег, подаяннием.

Утром комнаты обошел дежурный по общежитию, просил соблюдать порядок и чистоту. Он заявил, что ген. Марков в Новочеркасске и весьма возможно — сегодня придет в институт. Естественен был вопрос ему: «Кто ген. Марков?» Не столько слова его ответа, сколько тон и восторженный отзыв, говорили всем об исключительности ген. Маркова. Судя по тому, что дежурный бегом подымался вверх в комнаты офицеров и не задерживался больше чем на минуту—две, также бегом сбегал вниз и еще по тому, что дежурный несколько нервничал, офицеры невольно заражались его настроением и с волнением ожидали прихода Генерала.

Но вот дежурный молнией промчался по комнатам, бросая: — «Генерал Марков!»

Разговоры моментально прекратились. Все стали подтягивать пояса, приводиться в порядок. Никто уже не присел. Абсолютная тишина. Снизу послышался четкий рапорт дежурного офицера:

— Ваше Пр-во! В помещении 1-го Офиц. полка все благополучно. На лицо 126 человек пополнения.

— Здравствуйте! — сказал молодой, энергичный голос.

— Здравия желаю, Ваше Пр-во! — ответил дежурный.

— Идемте в помещение!..

Бодрым шагом по лестнице подымалось несколько человек.

— Господа офицеры! — скомандовал дежурный.

В комнату вошел Генерал. Если бы даже и не было предупреждения о приходе ген. Маркова и то все сразу же догадались бы, что это вошел он.

— Здравствуйте, господа офицеры! — бодро поздоровался он. Офицеры ответили положенным поклоном.

— Садитесь! — и сам сел на стол, обводя взглядом своих черных, пронизывающих глаз всех присутствующих.

— Приветствую ваше решение встать на борьбу за Родину. Это дело и долг каждого честного офицера, — сказал генерал.

— Скажите, поручик, вы откуда прибыли? — обратился ген. Марков к первому офицеру, — что известно было там о Добр. армии? Собираются ли ехать сюда другие?

Такие вопросы были заданы всем. Но его внимание особенно привлекали те, которые пробрались из центральных губерний: Смоленской, Курской, Московской... Их он спрашивал:

— Есть ли какие-либо организации среди офицерства? Не известны ли планы организаций?

Прибывшего из Смоленска спросил:

— Откуда и когда узнали о Добр. армии?

Закончив опрос всех и сказав, что скоро они волеются в ряды Офиц. полка, ген. Марков перешел в другую комнату.

Впечатление всех о генерале было необыкновенно сильное: молодость, живость, энергия... Эти серьезные вопросы, которые задавал он; этот пытливый, гипнотизирующий взгляд; воля — вне всякого сомнения... Много видели офицеры генералов, но ген. Марков казался исключением среди них: он сразу же побудил всех почувствовать в себе не генерала, который стоит где-то высоко и далеко на командном посту, но генерала, начальника, командира, находящегося не только физически, но и духовно тут же среди них. Ген. Марков ушел, но — он здесь.

Весь день шли нескончаемые разговоры новых «Марковцев» со старыми, прошедшими Кубанский поход, ранеными, которые в этот день пришли в институт посмотреть и поговорить со своими будущими соратниками. Все глубже и шире выявлялась по рассказам личность ген. Маркова, как человека и начальника, и как бесстрашного бойца. Его подвиги в походе поражали воображение всех, и тревожно бились сердца при мысли, что такой начальник, как ген. Марков потребует и должного подъема духа и воли всех их и каждого из них.

*
**

На следующий день офицерам было сообщено, что сегодня приходит в Новочеркасск и расположится тут же в институте 1-й Офиц. полк. Настроение приподнялось еще больше.

Наступил вечер, когда было приказано выходить строиться перед зданием института. В 1-й раз прибывшие офицеры, в числе около 150 чел., оказались в строю. В первый раз они ощутили в нем себя связанными во-едино, послушными любой команде.

— Смирно, господа офицеры!

К строю подошел ген. Марков. Он прошел перед ним, приветствуя его прикладыванием руки к «головному убору» — своей высокой белой папахе. Встав затем перед серединой строя, он сказал:

— Господа офицеры! Сейчас вы увидите и будет приветствовать тех, кто презрел смерть во имя Родины, во имя и для победы; тех — кто в тяжелых условиях одержали первую победу. Вы вольетесь в их ряды и, я уверен, — с ударением произнес он, — вы будете достойны их. Так ли я вас понимаю?

— Так точно, Ваше Пр-во! — вырвался громкий, дружный ответ офицеров, такой, какой и как в таких случаях отвечала каждая чась Русской армии.

— Стоять вольно!

Полная тишина в природе и на площади перед зданием института. И вот, вдали раздалась звуки военного марша. Все ближе и ближе. Офицеры затаили дыхание. Ген. Марков всматривался в направлении приближающихся звуков оркестра.

— Смирно! Г. г. офицеры! — громко скомандовал ген. Марков и сам замер перед строем.

Подходит полк. Лиц не видно, одни силуэты. Впереди несколько верховых. Полк выстраивается перед фронтом офицеров. Раздается команда:

— Полк смирно! Г. г. офицеры!

Ген. Марков быстро подходит к полку.

— Здравствуйтесь, родные!

И в дружном ответе полка чувствуется не уставной шаблон, а ответ людей искренне приветствующих своего начальника. Ген. Марков обнимается с кем-то в полушубке, в папахе, в очках; с кем-то еще...

— Друзья! — говорит ген. Марков, — нам дан отдых. Отдохнем, сколотимся, пополнимся и — в новые бранные дела за Родину! — в ответ несется громкое «ура» полка.

— Вот вам первое пополнение. Будет еще!

К строю встречавших полк офицеров подходит к-р Офиц. полка, полк. Тимановский, о котором офицеры уже слышали, и здоровается с ним.

— Ура! — кричит ген. Марков и оба строя разносят в эту тихую ночь их громкое, искреннее и раскатистое «ура».

Ген. Марков отпускает всех по своим помещениям в огромном здании института. В эту ночь пополнение в полк не скоро смогло заснуть.

*
**

Снова — Новочеркасск. «Земля обетованная». «Колыбель Добр. армии». Но как изменилось положение за минувшее полугодие? В ноябре и декабре прошлого года, части, положившие основание 1-му Офиц. полку, находились в положении здесь почти нежелательных, в лучшем случае, едва терпимых людей; были под контролем разных комитетов и Круга. Теперь они — опора власти, а для населения — его защитники.

Но, как 6 месяцев назад, так и теперь, Новочеркасск был и остался центром, куда стекались добровольцы под сень Национального русского Стяга.

ПЕРЕФОРМИРОВАНИЕ 1-го ОФИЦЕРСКОГО ПОЛКА

Ожидался значительный приток добровольцев, почему полк было решено не только пополнить ими, но и развернуть его в три бат-на трехротного состава, сформировать полковую пулеметную и другие команды. В полку в момент его прихода в Новочеркасск было 5 рот, имевших в своем составе около 500 чел.; 6, 7, 8 и 9 роты должны были быть сформированы полностью, при чем 6-я должна была включить в свой состав чинов I-вардейских частей, а 7, 8 и 9 — стать ротами чисто офицерскими; 5-ю роту намечено оставить самой молодой по составу, т. е. из учащейся молодежи.

Формирование рот шло быстрым темпом, особенно офицерских, в которые входили не только офицеры, но и чиновники, зауряд-врачи. Все значительные прибывающие партии назначались в эти роты, в то время, как мелкие партии и группы шли на пополнение других рот. Уже через 2 недели в шести первых ротах было приблизительно по 150 штыков, а в офицерских до 200. Полковая пул. команда развернулась в 10, затем в 15 пулеметов, не считая ротных пул. команд. В оружии недостатка не было; хуже обстояло дело с запасом патронов и боевого снаряжения и, гл. обр., с формированием хозяйственных частей в ротах и полку.

Огромное здание института, за исключением небольшого его крыла, где помещались институтки, по обстоятельствам смутного времени, не смогишие уехать к родным, было все забито добровольцами. Они располагались не только по его комнатам, но и по коридорам. Спали на полах из-за недостатка кроватей, не имея ничего для под-

стилки. Пища готовилась в институтской кухне. Там же была мобилизована и вся столовая посуда, т. к. у большинства не было ни котелков, ни чашек, ни ложек.

Обязательных занятий не было и только в 5-й, юной, роте производилось ознакомление с владением оружия и основными построениями. По общему желанию часа два в день легкие занятия производились и в офиц. ротах в саду института. Несколько раз выходили они за город для тактических занятий.

Вот что записал подпрапорщ. Сербинов:

«На первый взгляд помещение роты своим видом производило на меня неприятное впечатление. Вдоль стен на полу валялись вещи не богатого содержания. В конце зала стояла ружейная пирамида, которая наводила на грустные размышления: половина винтовок была без штыков и ружейных ремней. Ни у кого не было патронташей и патронных сумок. Люди были одеты разношерстно от разной военной, до полувоенной и штатской. Один капитан был обут в легкие туфли. Занятий не производилось. Ждали выступления на фронт. По вечерам пели песни. Днем занимались каждый своим делом. Пищу выдавали в достаточном количестве и доброкачественную».

Из всех рот выделялись своим внешним видом, дисциплинированностью и порядком в помещениях офицерские роты. Забота офицеров о своих винтовках была поразительна. Утренние и вечерние построения с молитвами для них были потребностью. В построениях, песнях, небольших занятиях, в общей молитве — офицеры чувствовали свою мощь — мощь офицерских рот. Но, как бы высоко не представлялась им эта сила, они не могли ставить себя и не ставили на высоту боевого ореола рот, наполовину офицерских, но прошедших Кубанский поход и имевших боевой опыт под руководством ген. Маркова.

Рассказы «старых Марковцев» как будто ничего не давали нового, но в их рассказах выявлялся исключительной высоты дух, поразительные дерзания, смелость, проявления инициативы и, вот, во всем этом у «молодых» еще не было уверенности. И когда они слышали от «старых»: — «Посмотрим, как вы будете в бою» — не испытывали никакой обиды, никакого ущемления самолюбия и себялюбия, наоборот — желание быть достойными.

Настроение в полку было великолепным и исключительно целеустремленным. «Забыть себя — служить России». Бедность армии решительно во всем — не смущала. К ней никаких претензий. «Ничего для себя — вес для армии». Рождались и углублялись, как закон — девизы:

«Крест и Меч» — крест служения с мечом в руке.

«Без страха и упрека».

«Доблесть и скромность».

С воодушевлением пелась тогда песня:

«Мы смело двинемся вперед,
Мы — русские солдаты».

Нашлись отдельные офицеры с претензиями и недовольные, в частности — положением рядовых. Им самими же офицерами предъявлялось требование немедленно «убраться» и после этого, даже их раскаяние, уже не принималось во внимание.

**

В громадном институтском саду, сплошь из цветущих белых акаций, офицеры проводили свои легкие занятия. А в дальнем углу сада, куда им было запрещено ходить — резвились или сидели за чтением несколько десятков юных институток. И офицеры тогда говорили между собой:

— Мы должны бороться за мир, мы должны оберегать мир, мир России, ее народа, ее юности, олицетворяемого вот этими юными созданиями.

ДОКЛАД ГЕНЕРАЛА МАРКОВА

Однажды было объявлено, что в городском театре выступит с докладом ген. Марков. Не было ни одного человека, кто бы не хотел попасть на него. Ввиду ограниченности количества мест в театре, в котором партер предназначался для городской публики, а балкон для чинов Офиц. полка, от последнего получили разрешение быть на докладе, гл. обр. «молодые Марковцы». К назначенному часу театр был буквально набит народом; не было ни одного свободного места даже в проходах.

Когда стал тухнуть в зале свет, водворилась тишина. На сцену вышел полковник, который в часовом докладе обрисовал путь Добр. ар. в Кубанском походе, ее бои, ее жертвы; рассказал о цели, смысле и значении похода; напомнил о страхе русских людей перед большевизмом, не поддерживавших слабые силы армии и теперь убедившихся, что их страх был напрасен: маленькая армия, как «светочь во тьме», потеряв своего вождя и сотни людей, не только сохранила себя, но и честь Национального флага. Настало время без всяких колебаний встать в ряды армии для одних и поддерживать ее всеми силами — для других, пока еще не поздно.

Зажглось электричество и объявлен перерыв. Следующий докладчик — ген. Марков. Никто из присутствующих в зале не двинулся с места.

Едва стал гухнуть свет, как водворилась полная тишина и взоры всех направились на сцену. Но... снова зало осветилось полным светом. Гул досады пронесся среди присутствующих, мгновенно смолкший: на сцены быстрым шагом вышел ген. Марков в своей белой папахе, в походной форме, с блестящим белым крестиком Св. Георгия на груди.

Громовые аплодисменты продолжались долгое время. Напрасно ген. Марков раскланивался, махал папахой, садился на стол, вскакивал, разводил руками... Наконец зал стих и замер. При полном освещении театра, сказав: «Я привык видеть своих слушателей», он начал доклад.

— «Помню, как сейчас, огромное поле, на котором двигались и выстраивались колонны войск», — громким и четким голосом начал ген. Марков. — «Над колоннами развивалось море красных флагов. И за ними... за ними не было видно старых, овеянных славой побед, священник знамен. Войска готовились к встрече военного министра из адвокатов».

— «Раздались команды. Войска замерли и взяли «на караул». Заиграли оркестры. Стоя на автомобиле, Воен. Министр объезжал войска, здороваясь с ними и выслушивая их громогласное «ура».

Красочными мазками рисовал ген. Марков картину парада, затем речь министра к войскам, призывающего их «во славу революции и Родины» выполнить долг «самой свободной армии» и «самого свободного солдата в мире» в предстоящем наступлении; затем, как войска отвечали министру своим «ура». Рисовал он и самого министра торжествующего и уверенного, что он владеет мыслями, душами и сердцами солдат революционной армии.

— «Рядом с министром стоял старый генерал — Командующий. Генерал был мрачен. На него не производили впечатления эти восторженные крики войск; он знал и чувствовал в них неискренность. Старый генерал знал солдата, его психологию и знал, что такие красивые слова министра не побудят его к наступлению».

Далее ген. Марков коротко, но картинно, рассказал как наступление Керенского» на 3-й день обернулось не только поражением, но и разгромом. Армия быстро развалилась, а с нею развалилась и Россия и власть подхватили большевики.

К счастью для Родины у нее нашлись Вожди и воины, которые поставили себе задачей создание в нелегких условиях армии для борьбы за восстановление и освобождение России: Генералы Алексеев, Корнилов, Деникин... офицеры, юные добровольцы...

Описывая Кубанский поход, ген. Марков говорил о беззаветном самопожертвовании и храбрости рядовых чинов армии в десятках сражений. Он говорил о победах, одержанных молодежью в исключительно тяжелых условиях похода и о главной победе: армия не погибла; она показала всем: бороться можно, должно и... успех борьбы неизбежен.

Закончил свой, более чем часовой доклад, ген. Марков следующими приблизительно словами:

— «Многие погибли уже в борьбе; в дальнейшем погибнем может быть и мы. Но настанет время, и оно уже близко, когда над Россией, Великой и Единой, снова взвьется наше Национальное, трехцветное знамя. И этому не помешает присутствие по соседству армии в характерном головном уборе (германский шлем)».

Ген. Марков надел свою папаху и поклонился публике. Неистовое «ура»; крики «Марков!» Они продолжались бы без конца, если бы на сцену не вышел офицер с букетом цветов. Мгновенно все стихло. Офицер подносил цветы от дам, но ген. Марков не дал ему договорить, громко сказав:

— В госпиталь раненым! Я — не певица!

Новый взрыв аплодисментов, крики — «просим!», «ура!» Офицер снова попытался подойти с букетом к генералу и на этот раз услышал от него властное:

— Немедленно под арест!

Смущенный, тот сошел со сцены с дамским букетом.

«Марковцы», выйдя из театра, не сразу отправились в институт: они хотели еще раз увидеть своего кумира.

— Будем качать ген. Маркова, — решили они. Но походники, знавшие генерала, заявили:

— И не думайте! А то он начнет браниться.

Пришлось оставить свою мысль.

Доклад произвел на всех потрясающее впечатление. То, что у многих таилось в подсознании, в инстинктивной любви к Родине, теперь стало совершенно ясно осознано и прочувствовано; оставалось подкрепить это своею волею на деле, в боях. И на это решились все.

— «Истинный сын народа Русского отдает Родине самое дорогое, что он имеет — свою жизнь!» — слова ген. Корнилова, которые запомнил ген. Марков.

В дальнейшее время среди новых «Марковцев» только и говорили о ген. Маркове, о походе и о том, что они должны быть достойны тех, в ряды которых влились. Примеров для подражания было много, и данных ген. Марковым, и данных участниками похода. Оставалось собрать каждому свои силы, победив в себе все слабости.

На одну особенность доклада обратили «Марковцы» внимание: ген. Марков в своем докладе ни разу, ни словом не высказался о себе, будто он лишь наблюдал в боях, а не командовал и не участвовал в них. Такая скромность в отношении себя — поразила всех и... принята была всеми за правило для себя. «Забыв себя — служить России», «Скромность и доблесть».

В последний вечер своего пребывания в Новочеркасске ген. Марков посетил скромную вечеринку в институте, организованную 4-й ротой. Он разговаривал с Начальницей института в то время, как добровольческая молодежь танцевала с милыми хозяйками дома, приютившего полк, юными институтками в белых пелеринках, скромными в своей институтской форме, скромными в поведении и исключительно обаятельными.

Ген. Марков ушел с вечера далеко до его окончания, несмотря на уговоры остаться и офицеров и институток. Он должен был сделать нужные приготовления к отъезду на фронт на следующий день. Он поблагодарил Нач-цу за прием его полка в здании института, а обступившим его он обещал привести своего 5—6-летнего сына. Через некоторое время он вошел в зал со своим сыном, которого сразу же окружили милые хозяйки.

Еще раз попрощавшись со всеми и, сказав офицерам: «До скорой встречи на фронте», он уехал.

Никто тогда не почувствовал, что в этот вечер они видели своего Генерала в живых в последний раз.

Пребывание 1-го Офиц. полка в Новочеркасске ознаменовалось, между прочим, одним кровавым эпизодом. Это было после отъезда ген. Маркова.

Большевики не теряли надежды взорвать Дон внутренним восстанием в его столице. Они вели к этому подготовку. Донские части, занятые очищением своей области от большевиков, все были на фронте. Вот почему Атаман Краснов просил ген. Деникина держать часть его сил в Новочеркасске.

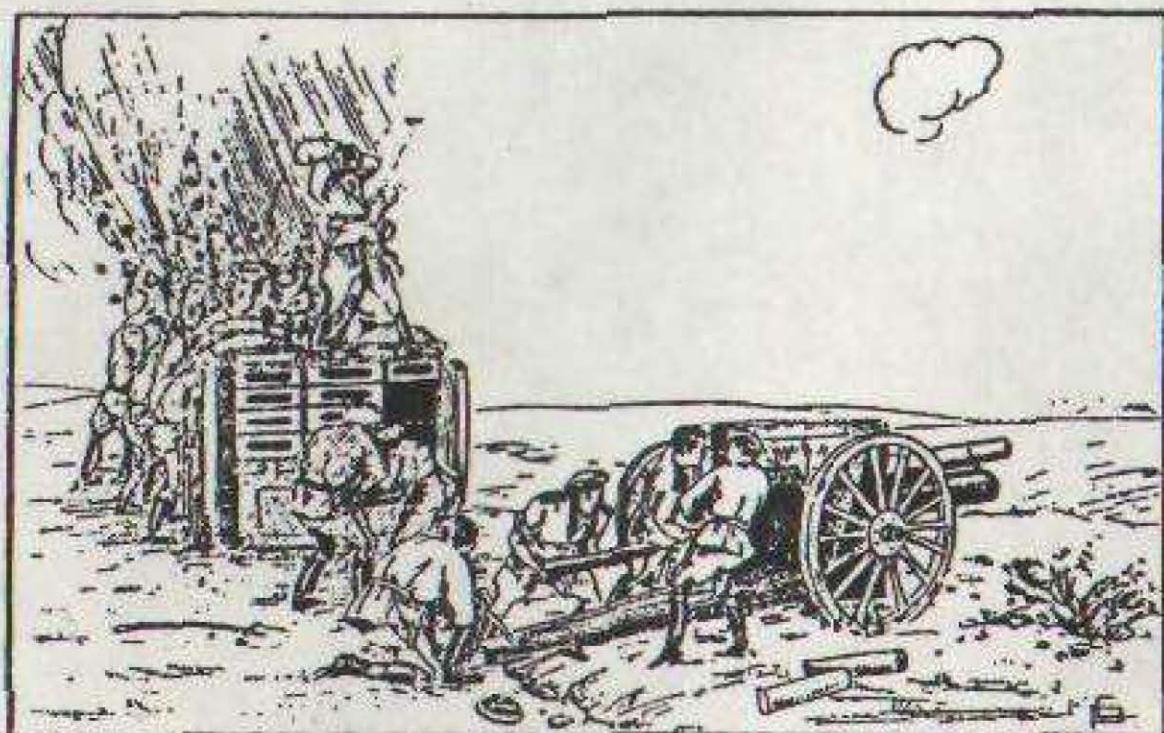
В 1 Офиц. полку ежедневно назначалась дежурная рота и вот, в день дежурства 1-й роты, она была срочно вызвана к тюрьме. В тюрьме содержалось несколько сот человек, арестованных за активные выступления в пользу большевиков. В трех ее камерах особо держались красные комиссары, около 30 чел. Благодаря моральной и политической слабости донской тюремной стражи и небрежного отношения к службе, заключенные не только имели возможность свободно получать извне посылки, не осматриваемые охраной, но и быть в полной связи с внешним миром. Результат: оружие у арестованных и организация восстания совместно с большевиками в городе.

Когда 1-я рота прибежала к тюрьме, на ее окнах висели красные флаги, стража разбежалась, арестованные, обезоружив ее, уже выбегали из тюрьмы. Роту встретили выстрелами, как из тюрьмы, так и из близлежащих кварталов. Она окружила тюрьму; несколькими выстре-

лами по окнам и по соседним домам, прекратила стрельбу. Арестованные разбежались по своим камерам. В окнах исчезли красные флаги и появились белые; оттуда выбрасывалось на двор оружие. Двери в камеры комиссаров оказались запертыми изнутри. Не сразу комиссары открыли их: они просили пощадить их, обещали вознаграждение.

За восстание поплатились жизнью только комиссары.

Когда прибыл к тюрьме комендант города, с восстанием уже было покончено. Рота сдала тюрьму соответствующим властям и вернулась в институт, не понеся потерь.

ВТОРОЙ ПОХОД НА КУБАНЬ.

Восстание донских казаков разrostалось, но шло медленно и неуверенно. Не было всеобщего подъема. На избранного в Атаманы ген. Краснова ложилась трудная задача: поднять казачий свободолубивый дух, формировать крепкие части, и это — в условиях борьбы и неустойчивости положения в тылу. Немцы помогали Дону лишь вооружением и боеприпасами и поддержкой формирования на его территории Южной и Астраханской армий, протекавшего весьма слабо.

Против Дона красные сосредоточили большие силы и оказывали ему активное сопротивление. Прошло лишь всего недели две, как Добр. армия перешла с Кубани на Дон, едва изжила в себе внутренний кризис, была ничтожной численности, но Ат. Краснов уже настоятельно просил ген. Деникина о выступлении на помощь донцам на Царицынском направлении. Основания к этой просьбе были весьма существенны: помимо физической и моральной помощи восставшим, Добр. армия выходила бы на дорогу к центру России; взятие Царицына удаляло бы ее от немцев и давало бы ей большую свободу действий; в Царицыне армия нашла бы столь нужные ей боевые припасы; там она пополнилась бы бойцами и при продвижении на север, она вливалась бы в свои ряды выражающее открыто недовольство красной властью крестьянское население. Затем, очень важно для боевых действий — взятие Царицына прерывало бы связь центра красных с их армией на Сев. Кавказе, что приводило бы к ослаблению последней и, наконец, Добр. армия приблизилась бы к Чехо-Сл. корпусу, базировавшемуся на Самару, настроенному явно против большевиков и считающим себя в продолжении борьбы с Германией, как и Добр. армия.

Командование Добр. армии соглашалось со всем этим, но учитывало и другое. Оно считало, что пассивность красных на Сев. Кавказе — явление временное и что они неизбежно перейдут в наступление на Дон, а тогда, незначительные донские части, стоящие против них, не будут в силах сдержать его. Дон, атакованный с тыла огромными силами, неизбежно подвергнется разгрому и тогда ему не поможет уже и Добр. армия.

Силы красных, стоявшие на южном рубеже Дона исчислялись следующими цифрами:

1 — В районе Азов—Батайск—Кущевка, частью против немцев,

частью против Добр. армии, стояла армия Сорокина в 30—40.000 ч. при 80 оруд. и двух бронепоездах.

2 — В районе Тихорецкая—Торговая — группа в 30.000 ч. при слабой артиллерии, целиком стоящая против Добр. армии.

3 — В углу между р. р. Манычем и Салом, с центром в станице Великокняжеской, группа в 12.000 ч. при 17 оруд., висевшая на фланге Добр. армии, против которой стоял отряд Донцов в 3.000 ч., подчиненный ее командованию.

Кроме того, во всех крупных пунктах Кубани и Ставрополя были красные гарнизоны, задача которых — подавлять восстания казаков и готовить резервы для красной армии из неистощимаго запаса людей, сочувствующих большевикам.

Но сила красных на Сев. Кавказе была не только в их численности, но и качественная, и моральная. Во-первых, потому, что не малую часть их составляли целые части бывшей Кавказской армии, бывшие с турками, уже организованные, обученные и сплоченные. Во-вторых, в состав армий входили тысячи матросов Черноморского флота. И в-третьих, вся эта масса, отрезанная от центра России, но стремящаяся «по домам», веря комиссарам, не видела иного выхода, как только силой прочистить себе путь на север, что поднимало ее дух и решимость. Уверенность в успехе поддерживали комиссары, указывая на слабость как казаков, так и «Деникинцев».

Учитывая это, командирование Добр. армии считало, что прежде чем начать наступление на север, необходимо разбить красных на Сев. Кавказе, создать там базу снабжения и спокойный тыл. Кроме того, Сев. Кавказ даст дополнение в армию и гл. образом конницей, роль которой в текущей войне огромная. Считалось, что освобождение Сев. Кавказа не займет долгое время, т. к. куб. и терские казаки готовы к борьбе с красными, а за это время Донцы смогут удержаться.

Было и еще одно веское основание идти на юг: Добр. армия наполовину состояла из куб. казаков, стремившихся скорее освободить свои станицы. Это — более чем основание; это моральное обязательство.

Итак, Добр. армия пойдет на юг — на Кубань!

НАЧАЛО ПОХОДА.

Когда ген. Марков вернулся из отпуска, в частях его дивизии решили: на-днях пойдем в дело! Обсуждался вопрос в каком направлении? Высказывались две мысли: на Сосыку и на Торговую — обе на перерез жел. дорогам. Однако, для всех было безразлично — куда. Подсчитывались силы Добр. армии: 5 пех. полков, инжен. роты, пластун. б-ны, не менее 6 конных полков. Насчитывалось что-то не более 10.000

шт. и сабель (согласно сведениям ген. еДникина: до 9.000 штук. и сабель, 21 орудие, 2 бронеавтомоб.). О силах пр-ка не имелось представления, кроме уверенности во много раз превышающей его численности. Но это вовсе не играло никакой роли в настроении добровольцев: была вера в себя и вера в Вождей.

Проходили дни без каких либо явных признаков скорого похода. Но вот, 7-го июня с передняго фаса фронта пришли в Егорлыцкую два бат-на Куб. стр. п-ка и взвод батареи: как будто началось сосредоточение частей. А 8-го июня — реальный признак к выступлению: по станице прошел станичный трубач и объявил казакам распоряжение о приготовлении каждым двором по пол пуду сухарей и приведении в порядок стоведерных бочек на колесах.

Однако — почему же не возвращается 1-й Офицер. полк? Ген. Марков ничего не говорит, а спрашивать его рисковано. Наконец,

9 и ю н я в частях дивизии объявлено: приготовиться к походу; к вечеру все должно быть готово.

С наступлением ночи, на сев.-вост. окраине станицы выстроились:

- 1 — Кубан. стр. полк.
- 2 — Инженерная рота.
- 3 — 1-я батарея (2 орудия).
- 4 — Отдельная конная сотня.

«И это — вся дивизия?» — задавали недоуменный вопрос, но оказалось, что ей приданы еще и

- 5 — Донской пеший полк с 1 орудием и
- 6 — Небольшого состава Донской конный полк.

Подъехал ген. Марков. Он здоровался с каждой сотней отдельно, приветствуя с походом и предупреждая экономить воду.

— Кубанцам поменьше есть сала — шутил он.

— Свое все вышло, а у гостропузых (так кубанцы называли донцов) нет в заведении солить. Пора итти нам на Кубань за новыми запасами, — весело отвечали кубанцы.

Возразил на это казак-донец, бывший при ген. Маркове для связи:

— Никак нет, Ваше Пр-во! Куркули (так донцы называли кубанцев) брешут, что сало поели; они его поизрасходовали на пятки, когда утекали с Кубани.

Все смеялись. Поход начался очень весело. Хорошо и легко было итти свежей ночью.

10 и ю н я. Рассветало. Колонна с небольшими остановками продолжает итти. Солнце быстро подымалось и начинало припекать и, главное, прямо в лицо. Начинала мучить жажда и у людей быстро стали опоражняться фляги. Большой привал. Раздача воды из бочек: по ведру на лошадь и на взвод людей. Ген. Марков присутствует при раз-

даче воды. Люди жуют сухари и запивают водой. Лошади «просят» добавка воды и ген. Марков отпускает им его.

Снова в пути... Кругом голая степь и нестерпимый зной. Люди, кони уже не идут, а еле плетутся. Ведут колонну конные калмыки-проводники. Кто-то спросил одного из них:

— Сколько верст осталось до зимовника?

— Не знаю. Никогда не ходил, а на лошадях часа через два дойдем, — ответил тот.

И, действительно, вскоре на горизонте показались признаки растительности. Заметили это и кони и пошли быстрее. Последние версты-две они даже подымались перейти в рысь. Пройдя около 30 верст, колонна остановилась в большом, богатом зимовнике. Был объявлен привал до ночи. В течении семи часов люди и лошади просидели в воде большого пруда к великой досаде дежурного б-на. С наступлением ночи, колонна снова двинулась в путь.

11 июня. К рассвету она вошла в большой зимовник (Королькова). Зимовник пуст: ни людей, ни скота. Здесь уже хозяйничали большевики. В огромный колодезь, снабжавший зимовник водой, ими сброшена дохлая лошадь. После небольшого отдыха, колонна перешла в другой небольшой зимовник, совершенно разрушенный. Уже все знали, что дивизия подходит к жел. дороге Тихорецкая—Царицын и, следовательно, скоро бой. Колонна здесь простояла до ночи. Ген. Маркова не было видно. Узнали, что он с конной сотней и батареей выехал на разведку в направлении на ст. Шаблиевка.

Маленький отряд, не доехав до ст. Шаблиевка верст 8—10, остановился. С возвышенного места ген. Марков, отлично видел станцию, хут. Попова в 2-х верстах перед ней, в пологой балке с речкой. Пр-ка не видно. Картина мирная. Но показался поезд, идущий к станции с юга. «Обстрелять его!» — приказал ген. Марков батарее. Снаряды ложились на большом недолете. От выстрелов картина быстро изменилась: на окраинах хутора и станции появились цепи красных. Разъезд, посланный влево, донес о кр. кавалерии. Ген. Марков повел отряд влево, в северном направлении. Колонна кавалерии, силою в полк, шла на пересечение пути отряду. До нее было верст пять. «Рассеять ее!» — отдается приказание бат-ее. Беглым и удачно направленным огнем, колонна была рассеяна и ускакала в направлении станции. Отряд продолжал движение к р. Маныч. Вскоре подскакал разъезд от Донцов и доложил ген. Маркову о переходе красных на южный берег р. Маныч. Отряд направляется в указанном разъездом направлении и опять арт. огнем принуждает красных, очевидно их разведывательные части, быстро удалиться за реку.

Ген. Марков доволен: стало известно расположение сил прот-ка и возможные его действия; но главное то, что прот-к узнал о г-овья-

ишемся на него наступлении с участием артиллерии, а это, возможно, побудит его усилить оборону станции подводом к ней сил с других участков и в частности от ст. Торговая.

Вся эта разведка, оказавшаяся столь сложной, протекала быстро; к вечеру ген. Марков уже был в своей дивизии и отдал приказание о расположении частей на ночь и об охране. Инжен. рота, конные части в зимовнике. Куб. стр. п. и батарея — на сев. его окраине, окружив себя подводами, на подобие древняго вагенбурга, выставив на позиции пулеметы и орудия. Донской пеший и конные полки в отделе — в сторону р. Маныч.

Ген. Марков объехал части. «Инженерам» он сказал:

— Ночь отдыхать будем здесь. Сегодня нет желания драться с красной сволочью. А завтра дадим бой, что небу будет жарко. Спите спокойно!

В наступившей ночи, ген. Марков собрал всех нач-ов частей в расположении батареи у ее костра, позволив чинам батареи присутствовать при его совещании.

Прежде всего, он осветил обстановку на фронте всей армии и данную ей задачу. Армия должна атаковать пр-ка в районах станций Торговая (2 и 3 пех. и конная дивизии) и Шаблиевка (1 див.). Завтра, 12-го, начнется наступление. Его дивизия, выступив с места стоянки задолго до рассвета, будет наступать следующим образом: Куб. стр. п. — прямо на Шаблиевку. Ему придется выбить пр-ка из хут. Попова, сбить его с позиций на другом берегу речки, а затем атаковать и взять станцию, при чем нельзя допустить, чтобы пр-к взорвал мост. Батарее задача — всемерная поддержка пехоты. Донской пеш. и конный полки будут прикрывать наступление с севера. Инжен. рота — в резерве. Задачи конной сотне будут даваться в ходе боя.

Ген. Марков закончил, с присущим ему весельем, словами:

— Кажется все, как положено по полевому уставу. Да? Заместители: Полк. Третьяков, Туненберг и ты — Миончинский. — Затем, обратившись к артиллеристам, сказал им: — А вам всем, господа, могу сказать вот что: на пехоту ляжет штурм станции, а вам придется принять на себя весь огонь артиллерии и бронепоездов в открытом поле. Будут потери, но — учить мне вас нечему!

Отпустив нач-ов, ген. Марков завернулся в бурку и уснул тут же у батарейного костра.

БОЙ У СТАНЦИИ ШАБЛИЕВСКАЯ

12 и ю н я. Дивизия была поднята задолго до рассвета и в темноте двинулась, имея впереди дозорные цепочки Куб. стр. п. Когда раздались первые выстрелы сторожевого охранения красных, полк не останавливаясь развернулся в боевой порядок.

Светало. Впереди показался хутор и вскоре оттуда по наступающим затрещали пулеметы и массовый руж. огонь. Затем открыла огонь и батарея пр-ка, стоявшая у станции. Стрелки вынуждены продвигаться перебежками по открытой и ровной местности. Атака неизбежно сулит большие потери. Ген. Марков это видит и приказывает к-ру конной сотни, ес. Растегаеву, указывая на низину вправо, обскákat по ней хутор с юго-востока и атаковать его. Сотня, проделав предварительный маневр по низине, с расстояния чуть ли ни с версту, кинулась в атаку на хутор. Она налетела на левый фланг расположения красных. Снаряды красных рвались сзади нея. Огонь пехоты с противоположного берега речки почти не нанес ей потерь, когда она с гиком ворвалась в южный край хутора, захватив сразу же два пулемета и до 150 пленных. Углубиться в хутор сотня не смогла, но ее удар заставил красных оставить позиции перед хутором.

Ген. Марков, увидев это, вместе с группой бывших с ним конных, помчался к хутору. Орудие Шт.-Кап. Шперлинга с батарейным пулеметом скачет за ген. Марковым, обогнав цепь стрелков. Вскочив в хутор, группа конных с ген. Марковым была встречена огнем. Двое свалились с лошадей. Пулемет и орудие открыли огонь по сараям, в которых задержались красные. Помогла и артиллерия пр-ка, снаряды которой ложились как раз по расположению красных. Через короткое время подбежали цепи стрелков. Хутор занят. Стрелки бегут вперед, на плечах убегающих красных переходят мост через речку и продолжают наступление на станцию.

За это время 1-я батарея обстреляла идущий из Торговой эшелон, подбила его паровоз и засыпала снарядами красных, выскочивших из эшелона и бегущих на станцию. Она заставила замолчать кр. батарею и сняться с позиции. Но обстрел хутора артил. огнем продолжался: стрелял красный бронепоезд.

Ген. Марков вышел из хутора, чтобы видеть переправу стрелков через речку. Он отдавал распоряжения Кубанцам и батарее. Ближе рвались снаряды. Ес. Растегаев, бывший в это время с ним, едва уговорил ген. Маркова уйти в хутор, но и там, едва он отошел от одного здания, как на месте, где он был, разорвался снаряд.

— Знатно, но поздно! — бросил ген. Марков.

Ген. Марков должен видеть все поле боя, должен видеть пр-ка, его бр-зд и красных, оставляющих свой подбитый эшелон, о чем ему только что доложили. Он взбирается на крышу одного сарая, где бат-я устраивает свой наблюдательный пункт. Но быстро спускается: приехал разъезд от 3-й пех. дивизии. Выслушав доклад о положении у ст. Торговая, он приказывает передать туда, что его дивизия сбита красных с выдвинутой их позиции и переходит к атаке ст. Шаблиевка и сам спешит опять на окраину хутора. Рвутся снаряды красных. Стреляет их бр-зд, стоявший у самого моста. Ес. Растегаев снова про-

сит ген. Маркова уйти с явно наблюдаемого пр-ком места, но, получив задачу для конной сотни, отходит от него.

Было около 6 ч. утра. Арт. бой в полном разгаре. В 1-й бат-е уже выбыло из строя 9 чел. и 7 лошадей. Куб. стрелки атакуют станцию, и вдруг...

«Один из вражеских снарядов упал с левой стороны, шагах в трех от ген. Маркова. Раздался взрыв и ген. Марков, как подкошенный, свалился на землю. Рядом — его белая папаха».

«Наблюдая за ним я и находящийся рядом со мной прап. Петропавловский, бросились вперед и подбежали к ген. Маркову. В первое мгновение мы думали, что он убит, т. к. левая часть головы, шея и плечо были разбиты и сильно кровоточили, он тяжело дышал. Мы немедленно подхватили раненого и хотели унести его назад, за сарай, как раздался новый взрыв с правой стороны. Мы невольно упали, прикрыв собой генерала. Когда пролетели осколки, мы отряхнулись от засыпавшей нас земли, снова подняли его и перенесли в укрытие», — из записи куб. стрелка, пор. Яковлева, бывшего со взводов в прикрытии батареи.

Больше бронепоезд красных уже не стрелял по хутору: он уходил на север.

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА

Раненого перенесли в дом. Доктор ужаснулся при виде ранения: осколочное ранение в левую часть затылка и вырвана большая часть левого плеча.

— «Положение безнадежно», — сказал он.

Стоявшие тут перекрестились. Ген. Марков тяжело дышал. Спустя часа два он пришел в сознание.

— Как мост? — спросил он.

Ком-р Куб. стр. п. поднес к лицу Генерала его икону, которую всегда возил его ординарец. Ген. Марков поцеловать икону и сказал отрывисто:

— «Умираю за вас... как вы за меня... Благословляю вас...», — дальше нельзя было разобрать, что говорил он.

Через несколько минут его не стало...

А в это время кубанцы ворвались на станцию и отбросили красных на север за реку. Жел. дор. мост оказался неповрежденным. Дивизия под командой ген. Маркова выполнила задачу, но тяжелой ценой!

12 июня 1918 г. у ст. Шаблиевской был смертельно ранен и скоро скончался генерал Марков.

Всё потрясены этой смертью. Текут неудержимые слезы у «инженеров «батарейцев», всхлипывают Кубанцы прикрытия у батареи,

полюбившие до самозабвения генерала с первого момента, как только встали под его команду.

Полк. Третьяков, заместивший ген. Маркова, едва смог собрать в себе силы, чтобы руководить еще не закончившимся боем. По его приказанию батарея должна быстро ехать к станции, для непосредственной поддержки Кубанцев. С трудом снялась она...

Весть о смерти ген. Маркова дошла до одержавшего большой успех Кубанского полка и быстро распространилась по его цепи. Стрелки сбились в кучки, потеряли свой порыв. Беспокойство было на лицах их. Перейди пр-к в контр-наступление, не удержались бы они. Где ген. Марков — там победа! Нет теперь его...

У тела погибшего стояли почетные часовые от Куб. стр. полка и Инжен. роты. На нем лежал флажок: черный с белым Андреевским крестом, флажок первого командира Офиц. полка.

При тусклом мерцании света лампы и свечей, тихими шагами входили и выходили из комнаты, где лежал Вождь, соратники, творя молитвы о вечном упокоении души усопшего.

А за стенами дома — бойцы в тяжелых думах. Вяло, с глубокими вздохами, они перебрасываются фразами все о нем, о своих душевных переживаниях, о своих тревогах...

Нет уже ни Корнилова, ни Маркова...

Почему в этой кровавой борьбе, когда так нужны люди сильные, авторитетные, люди ума и воли, люди, подающие пример любви к Родине — злой рок вырывает их из рядов Армии?

«Сердце упало... Уныния не было, не было и отчаяния: была какая-то пустота. Отомстить, отомстить! Ко многим счетам прибавился еще один — огромный. Не такой смерти заслуживал ген. Марков.»

«Нам продлена еще жизнь для того, чтобы мы продолжали выполнять свой Долг перед Родиной и выполнять его так, как показал нам ген. Марков и те, кто погиб в бою...»

На следующий день, 13 июня, гроб с телом ген. Маркова был перенесен на ст. Шаблиевка, погружен в вагон и отправлен на ст. Торговая, накануне взятой армией. В последний раз отдали ему честь стрелки, «батарейцы» и «инженеры»... Дрожали винтовки в их руках, слезы лились из глаз. Почетный караул от Инжен. роты сопровождал гроб.

«К 19 час. 13 июня на улице, ведущей от ст. Торговой в центр села Воронцовского, выстроились войска. Уже в сумерках с вокзала двинулась печальная процессия. Над гробом ген. Маркова плавно колыхался его черный с крестом флаг.

В церкви села отпевали и прощались с дорогим для всех нас ген. Марковым.

Главный священник армии в своем последнем слове призывал всех нас дать клятву выполнить долг до конца. И клятва эта была мысленно дана.

В этот момент каждый из нас, ярче чем когда-либо, чувствовал правоту творимого армией дела и уходил от гроба ген. Маркова с полной уверенностью, что дело армии будет завершено». — Так писал в газете «Свободный казак» кубанец.

Можно ли описать те переживания, которые перенес ген. Деникин узнав о смерти ген. Маркова и прощаясь с ним? Какое должно было быть самообладание у человека и Вождя маленькой армии, начавшей свой новый поход и понесшей в первый же день невознаградимую потерю, чтобы не потерять сердце, не предаться унынию?

«После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей и отдался своему горю. Уходят, уходят один за другим, а путь еще такой длинный, такой тяжелый...»

В этот день, 13 июня, ген. Деникин отдал следующий приказ по армии:

§ 1.

Русская армия понесла тяжелую утрату: 12 июня при взятии ст. Шаблиевки пал смертельно раненый ген. С. Л. Марков.

Рыцарь, герой, патриот с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам.

Железные стрелки чтут подвиги его под Творильней, Журавиным, Борынью, Перемышлем, Луцком, Чарторийском... Добровольческая армия никогда не забудет любимого генерала, водившего в бой ее части в Ледяном походе, под Екатеринодаром, у Медведовской...

В непрарывных боях, в двух кампаниях, вражеская пуля щадила его. Слепой судьбе угодно было, чтобы великий русский патриот пал от братоубийственной русской руки.

Вечная память со славою павшему!

§ 2.

Для увековечения памяти первого Командира 1-го Офицерского полка, части этой впредь именоваться — 1-й ОФИЦЕРСКИЙ ГЕНЕРАЛА МАРКОВА ПОЛК».

Ночью гроб с телом ген. Маркова был отправлен для погребения в г. Новочеркасск, куда и прибыл 14 июня.

Весть о смерти ген. Маркова стоявший в Новочеркасске 1-й Офиц. полк получил утром 13 июня. Она потрясла всех. Была отслужена первая панихида...

Всего лишь несколько дней назад ген. Марков был здесь, был в центре всех разговоров, вызывал желание и надежды всех и гл. обр. «молодых» идти в бой под его руководством, быть достойными его подчиненными, уметь бороться «по-марковски».

Теперь — печаль молчаливая, глубокая...

Вечером полк построился снова. К-р полка, полк. Тимановский, прочел приказ ген. Деникина и затем сказал: отныне каждый чин полка носит имя первого его ком-ра; не будет с нами ген. Маркова, но он будет жить в сердцах всех нас и незримо вести нас, руководить нами; мы увековечим его память своей жертвенной любовью к Родине, непоколебимым духом, своими делами, пример которых он показал нам; мы в рядах полка его имени будем выполнять свой долг с полной верой, что Россия снова будет Великой, Единой и Неделимой. И, в конце своего слова, добавил: чтобы укрепить нашу духовную связь с Шефом, устанавливается день полкового праздника в день его Ангела — 25 сентября, день посвященный Св. Сергию Радонежскому.

Стало как-то легче на душе у добровольцев.

*
**

Утром 14 июня гроб с телом ген. Маркова и несколько других гробов с убитыми был привезен в Новочеркасск и поставлен в Войсковом Соборе, а затем он был перенесен в домовую церковь при Епархиальном училище.

Все в городе узнали об этом и пошли поклониться телу убитого, всем известного генерала.

«Я немедленно, чуть не бегом отправился в собор», — записал полк. Биркин. — «Подхожу к клиросу и вижу несколько гробов, стоящих на левом крыле. Вхожу на клирос и сразу остановился у первого гроба, т. к. через стекло, вделанное в крышке, увидел лицо своего удивительного командира полка.

«Не помню уже, как долго я стоял над гробом.

«Мыслей не было, а я не мог оторвать свой взор от лица того, кого больше всех других уважал и более всех других боялся.

«И положив земной поклон великому воину и еще раз взглянув на того, который ничего не боялся, я поплелся домой.

«Если бы все генералы были такие, как он, — думал я...

«После смерти двух великих людей: ген. Корнилова и ген. Маркова, остался в живых только один, третий — ген. Деникин, заместитель последних и равный им. Что ожидает его?»

В церкви Епархиального училища у гроба ген. Маркова стали почетные часовые его полка. Целый день к церкви тянулся народ, несли венки. Приходили Марковцы. Церковь всегда была полна.

Вот наполнившие церковь молящиеся стали тесниться: вошел ген. Алексеев. Он стал у гроба, молился, всматривался в лицо погибшего и — из глаз его текли слезы. И невольные слезы текли у всех. Старый Вождь попрощался с верным сыном Родины. Отвесив земной поклон, он вышел из церкви.

ПОХОРОНЫ ГЕН. МАРКОВА

15 июня. Гроб с останками Великого Русского Патриота перенесен в Войсковой Собор для последнего отпевания. Вокруг гроба много венков; лежит ряд черных подушечек с орденами. В центре их — подушка с орденом Св. Георгия 4 степ. Орден как был накрепко пришит к гимнастерке ген. Маркова, так и остался пришитым к куску этой гимнастерки, вырезанному из нее и теперь приколотому к подушке.

В Соборе ген. Алексеев, Донской Атаман, высшие чины Добр. и Донской армий. Семья ген. Маркова: мать, жена, дети... Собор полон. На площади перед ним выстроился 1-й Офиц. ген. Маркова полк.

Отпевание окончено. Последнее прощание и гроб запечатан. Ко гробу подошел наряд офицеров от 7 Офиц. роты и взял ордена и венки. Процессия стала выходить из храма.

Впереди несли венок от Ком-щего Добр. армии ген. Деникина и его Нач-ка Штаба ген. Романовского с надписью на ленте:

«И жизнь и смерть за счастье Родины».

За венком — офицеры с орденами покойного. Впереди с Орденом Св. Георгия — офицер, фельдфебель 7-й роты, Георгиевский кавалер.

Гроб из Собора вынесли высшие чины и поставили на лафет орудия.

Полк взял «на караул». Оркестр заиграл «Коль славен».

Процессия вытянулась по Платовскому проспекту, направившись на кладбище, за городом, под звуки похоронных маршей. Полк шел за гробом.

Военное кладбище. Длинная аллея, вправо и влево от которой ряды свежих могил. Вот и вырытая могила. Последняя лития и... гроб опущен.

Несколько залпов полка генерала Маркова.

Семья покойного, ген. Алексеев и все, со слезами на глазах смотрят на опущенный в землю гроб...

Но вот, как-то тяжело, ген. Алексеев поворачивается лицом к

присутствующим и не сразу начал говорить свое последнее надгробное слово. Он говорил о Христолюбивом Воине Сергии, положившим «жизнь свою за други своя»; говорил о верном сыне Отечества, для которого жизнь была не дорога, «жила бы только Россия во славе и благоденствии»; говорил он о примере для всех, который дал воин Сергей... Хриплым, сдавленным, прерывающимся голосом говорил ген. Алексеев. Но вот он смотрит на семью покойного и, наконец, повысив с усилием свой голос, обращается к присутствующим:

— Поклонимся же мы земно матушке убиенного, вскормившей в вспоившей верного сына Родины — и, упав на колени, отвесил ей земной поклон, а за ним — все присутствующие.

— Поклонимся мы и его жене, разделявшей с ним жизнь и благословившей его на служение Родине — и снова земной поклон.

— Поклонимся мы и его детям, потерявшим любимого отца.

И, повернувшись к могиле, ген. Алексеев бросил первую лопату земли на гроб. Застучала земля по гробу и закрыла его. Новая могила со скромным деревянным крестом, как и на всех других могилах, появилась на новочеркасском кладбище. На кресте не было надписи, но висел лишь терновый венец.

Все стали расходиться. 1-й Офиц. ген. Маркова полк большой колонной в 1.500 штыков вернулся в свое расположение. Для него наступил новый период жизни и боевой службы: без Маркова, но по-Марковски; для каждого — по правилу: «жизнь и смерть за счастье Родины». Жизнь — всю жизнь, все годы жизни... Смерть — всегда, всю жизнь, быть готовым принять ее...

«За счастье Родины!»

На черных, марковских погонах отныне уже был вензель ген. Маркова: «М» и вензель — «Г. М.» для 1-й роты полка — «роты ген. Маркова.»

РАЗВИТИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Для дальнейшего наступления Добр. армии нужно было обеспечить свой тыл (жел. дор. узел ст. Торговая) и облегчить Донцам удерживать юго-вост. район, для чего требовалось разбить сильную группу красных, имеющих центр в ст-це Великокняжеской. Сил 1-й пех. дивизии и левее ее стоявшего Донского отряда для этого было недостаточно, тем более потому, что нужно было переходить р. Маныч.

13 июня 1-я див-я имела стычки с красными в районе ст. Шаблиевская, а Куб. полку пришлось даже отбить атаку кр. конницы. Вечером к ней подходили — 3-я пех. и Конная див-и.

В этот день во временное командование 1-й див-ей, впредь до прибытия из секретной командировки в Москву ген. Казановича, вступил полк. Кутепов.

14 июня дивизии заняли исходное положение для наступления: 3-я — у жел. дороги; Конная — правее; 1-я — левее.

15 июня они перешли в наступление. Решающий успех был одержан на участке 1-й див-и и помогли ей сами красные. Утром они перешли р. Маныч и стали теснить Дон. пеший полк, но с подходом на помощь полуроты Инж. роты и 1-й бат-и, полк перешел в к.-наступление и на его плечах переправился через реку, продолжая решительное преследование. Красные отходили на север, оставив направление на восток, на ст. Великокняжеская, не прикрытым. Туда поскакали конные группы и кон. разведчики 1-й бат-и и ворвались на станцию и в станицу.

Занятие Великокняжеской в тылу у красных, ведших еще бой южнее ее, по р. Маныч, заставило их начать поспешный отход по всему фронту. На станции ими было оставлено масса военного имущества и боевых припасов. Отошли они далеко на север.

16—18 июня все главные силы армии сосредоточивались в районе ст. Торговая. У Великокняжеской остались одни Донцы, в их числе пехотный и конный их полки, кот. входили в 1-ю див-ю. Полк. Кутепов теперь командовал лишь отрядом из Куб. стр. п., Инж. роты, 1-й бат-и и Отд. кон. сотни. В эти дни возникшая было серьезная опасность глубокому тылу армии — у ст-цы Егорлыцкой, была устранена частями ген. Покровского и пласт. бат-нами, с помощью переброшенного туда по жел. дор. Корн. уд. полка.

19—24 июня армия перешла в наступление вдоль жел. дороги в направлении на ст. Тихорецкая, по территории Ставропольской губ. и за эти дни с сильными боями продвинулась на 80—90 верст.

Отряд полк. Кутепова наступал в 25 верстах восточнее жел. дор. вместе с конн. дивизией, уничтожая и рассеивая большие силы крас-

ных. Он прошел села: Сандата, Ивановское, Красная Поляна, Рассыпное и, приблизившись к жел. дор., с 3-й див-ей взял с. Белая Глина.

Отличные действия 1-й бат-я полк. Миончинского вызвали восторг пехоты и высокую оценку полк. Кутепова. Она не была только механизмом выпускающим снаряды, базируясь на 3-х точках: позиция (не важно где), наблюдательный пункт и цель (не важно какая). Она живой организм в бою, всегда в полном контакте с пехотой: в ее цепях, бьющей по целям, важным для каждого момента боя, маневрирующий и даже — атакующий своими конн. разведчиками. Батарея брала сотни пленных.

25 июня, армия, наконец, вступила в Куб. область. Конн. див-я с отрядом полк. Кутепова, которому были приданы два бронеавтомобиля, обошли правый фланг пр-ка и взяли — Куб. полк — ст-цу Новопокровскую, а конница — ст. Ея. В станице был взят испортившийся броневи́к красных — «Черный ворон», после ремонта, вставший в ряды армии, под названием — «ген. Марков», как пожелали назвать его Куб. стрелки.

*
**

Добр. армия была теперь в 45 верстах от ст. Тихорецкая; более, чем ста — от ст. Торговая и в 50 верстах к югу от ст-цы Егорлыцкой. Она угрожала тылу Батайской группы красных, но и сама находилась под угрозой охвата ею справа в свой тыл, т. к. силы армии, стоявшие от главных ее сил до ст-цы Егорлыцкой, были незначительны. И эта угроза стала реальной: красные перешли в наступление и не только на участке армии, но и правее — на участок Донцов. Их наступление на ст-цу Кагальницкую грозило перерывом главного пути связи армии с Новочеркасском через ст-цу Манычскую. Чтобы устранить угрозу, из Новочеркасска выступили на фронт 1-й Офиц. ген. Маркова и 1-й Конн. Офиц. полки. 25 июня, полк. ген. Маркова уже был в бою и одержал успех у ст-цы Кагальницкой. Части ген. Покровского и другой отряд армии, сдержали красных на своих участках.

В районе ст. Ея армия простояла более или менее спокойно до 30 июня. Она произвела перегруппировку своих частей: 1-я и 2-я дивизии поменялись своими местами — 1-я, отряд полк. Кутепова, перешла с левого фланга на правый; 2-я — на место 1-й. 3-я див-я оставалась в центре. На правый фланг армии перешла и Конн. див-я.

ВЫСТУПЛЕНИЕ 1-го ОФИЦ. ГЕНЕРАЛА МАРКОВА ПОЛКА

22 июня полку было объявлено о выступлении на следующий день. К этому времени силы полка достигли внушительных размеров: в 1 и 2 бат-нах в ротах до 150 шт., в 3-м — до 250. Много пулеметов. Слабые места: почти полное отсутствие пулеметных двукошек или та-

чанак, а в хоз. части — не хватало пох. кухонь, лошадей, повозок. «Добудем у красных» — было решение.

В офиц. ротах возник серьезный вопрос: кому быть хоз. чинами — кашеварами, конюхами, артельщиками? Кому быть санитарями? Но нашлись офицеры, охотно согласившиеся на эти должности. Они стали «героями дня». Утвердился принцип: на каком бы посту Д. А. ни служил офицер, он выполняет в равной степени свой долг со всеми остальными. Санитарями согласились стать сверхштатные штаб-офицеры, или же были назначены, хотя и временно, вопреки их желанию, бывшие в ротах добровольцы — зауряд-врачи.

Энтузиазм в ротах был большой. Подпрап. Сербинов записал:

«Вечером к-р роты поздравил нас с походом и высказал свою надежду, что, несмотря на тяжелое материальное положение роты, мы в боевой обстановке оправдаем себя в борьбе за Родину. Рота ответила громовым «ура».

23 и ю н я. «Утром (продолжение записок подпрап. Сербинова) рота была разбужена и роздана пища. Настроение приподнятое. Никто не спросил, почему нам не дали обмундирования и снаряжения и нет ли у кого ни одного патрона. Кухню пришлось оставить, т. к. не было колеса, да и лошадей тоже».

«Около 8 час. утра раздалась команда — строиться! У выхода из здания стоял к-р роты и рассматривал каждого выходящего бойца. Обратил внимание на капитана в дамских туфлях. Его сделали «гренадером». Да и я имел вид не лучший: сапоги, штатский костюм, винтовка без штыка и ремня, без головного убора и... никаких вещей».

«Рота выстроилась. Раздалась команда: смирно! Еще командирское слово и рота тронулась, запев:

«Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую...»

На тротуарах стояли толпы народа. Женщины плакали и давали нам разные подарки: белье, носки... Из магазинов также спешно выносили все...»

Полк выступал по-батальонно. Путь шел через ст-цу Кривянскую и далее на ст-цу Манычскую. Кривянская встречала проходившие б-ны молоком, хлебом, разными продуктами питания. За ней началась безбрежная, совершенно голая равнина и только, оглядываясь вправо и назад, видна была возвышенность, тянувшаяся от Новочеркасска на юг к Ростову, покрытая садами, и Новочеркасск с его златоглавым собором.

Солнце поднялось и стало припекать, обжигая лица: появилась жажда. От земли шло испарение. Всего лишь накануне Марковцы из тенистого Александровского сада любовались этой голой степью: теперь они ее ощущали всем организмом. Было несколько легких сол-

нечных ударов. На одном из привалов у какой-то речки, поросшей камышами, соблазнились купаньем, но не освежились, а лишь вымазались, не доставив удовольствия ни себе, ни лягушкам, перепуганным неожиданным для них нашествием.

Во второй половине дня, пройдя около 30 верст, батальоны подходили к Дону и немедленно начинали переправу на пароходе. С высокого правого берега реки ст-ца Манычская была видна как на ладони, широко раскинувшаяся по его низкому, левому берегу, вся утопавшая в зелени и манящая к себе истомленных жарой. Переправившиеся части немедленно разводились по квартирам. Люди сбрасывали с себя все и, столпившись у колодцев, обливали друг друга холодной водой и с жадностью пили принесенное казачками в ведрах молоко. А часа через два казачки уже звали есть, выставив на столы яичницы, вареники, хлеб, масло и, даже вареную и жареную птицу. Не было аппетита приступать к еде, но аппетит пришел.

Заночевать в ст-це посчастливилось лишь 3 и 2 бат-нам, а 1-й, отдохнув в ней около трех часов, посаженный на подводы, уже наступившей ночью, продолжал поход в ст-цу Кагальницкую, до которой было 40 верст. Ехал он переменным аллюром. Тряска основательная.

Не доезжая до станицы верст десять, б-н проехал мимо таборов людей. Это — жители ст-цы: старики, дети, женщины. Сотни подвод.

— «Спешите, господа, спешите», — говорил священник, — «красные у самой станицы».

24 июня, утром, б-н подъехал к станице. Ему была объяснена обстановка и дана задача: сменить на зап. окраине казаков и оборонять ст-цу. В роты были выданы недостающие штыки и по 2 цинки патронов, т. е. по 1—2 обоймы на человека и при том сказано: «Патроны беречь, т. к. их больше нет».

Смена прошла спокойно и б-н расположился в тех ямах, которые были вырыты казаками. Обрадованные казаки, уходя, даже поделились своими запасами патронов. С рассветом артиллерия пр-ка приветствовала Марковцев довольно метким огнем. Одна граната ударила в землю перед ямой, занятой тремя офицерами и, не взорвавшись, очутилась среди них. Ее осторожно выкатили в сторону.

Красные занимали позиции верстах в 2-х от ст-цы за выгоном, шагов в 500 шириной и за полем ячменя, шириной чуть ли не в версту, по легкой, холмистой и голой возвышенности, пересекающей большую и широкую ложину р. Кагальник, протекавшей вдоль ее северного края. Позиция в тактическом отношении — отличная, с укрытым холмами тылом и дорогой, ведущей к ст. Каялы.

Свежевырытые и весьма густые окопы красных тянулись далеко влево, поднимаясь на высокий южный край ложины и их конца видно не было. Судя по ним, силы красных на видимом участке исчислялись

тысячи в две бойцов с массой пулеметов. Артиллерия красных стреляла с четырех позиций, что допускало наличие уже 8-ми орудий. Замечен был и броневомобиль. Впечатление — красные скорее склонны к обороне, чем к наступлению. Ночью охранение 1-го б-на местами вело перестрелку с партиями пр-ка, выдвигавшимися вперед по полю ячменя.

Вся местность к северу от р. Кагальник наблюдалась лишь конными разъездами с обеих сторон. Объяснялось это близостью ст. Батайск, зоны немецкой оккупации.

Утром этого дня 3-й б-н, также на повозках, выступил из Маньчской в Кагальницкую. В пути его обогнал к-р полка, полк. Тимановский. Вечером бат-н был на месте назначения и расположился по квартирам. Почти все дома были оставлены жителями и чинам его пришлось самим заниматься приготовлением пищи, что не представляло особых забот: в домах было все. На каждую роту выдано по 2 цинки патронов.

На следующий день, 25 июня, полку дана задача: отбросить пр-ка от станицы. Атакуют 3-й Офиц. б-н, с поддержкой и обеспечением левого фланга первым. 2-й б-н должен подойти к началу боя и составить полковой резерв.

Б-ну офицеров предстоял серьезный экзамен и он уснул далеко не крепким сном.

БОЙ У КАГАЛЬНИЦКОЙ

25 июня. Перед рассветом 3-й б-н разбужен и по-ротно идет на передний фас для смены 1-го б-на. Смена происходит без всякой помехи со стороны пр-ка. 1-й б-н уходит на левый фланг 3-го. Светает. Справа налево разворачиваются 7, 8 и 9 роты, на интервалы в 4—5 шагов между бойцами. 7-я рота своим правым флангом упирается в р. Кагальник. В цепь рассыпаются все взводы рот. В бат-не резервов нет.

Совершенно светло. Ротам даются направления. 7-я по обе стороны дороги на ст. Каял; левее ее, 8-й роте — на выдвинутую вперед ключевую позицию пр-ка, ясно обозначенную курганчиками. 9-я еще левее.

Роты готовы, но... задержка. Оказывается не прибыл взвод орудий. Наконец, раздались команды: — «Г. г. офицеры! В атаку вперед! — скомандовал к-р 9 роты, полк. Блейш, молодой, стройный, подав сигнал своей шашкой. В центре — полк. Попов, к-р 8 роты, пожилой, грузный, но полный энергии, скомандовал: «Рота вперед! — и сам пошел впереди нее. К-р 7-й роты, полк. Б. «заболел» и роту повел полк. Ценат, Георг. Кавалер, суховатый, спокойный: «Г. г. офицеры! С Богом — вперед!» За цепями рот пошел к-м б-на, полк. Наркевич, пожилой,

ничем не выделяющийся, разве только своим одеянием — самого простого солдата. За ротами, на некотором удалении — реденькая цепь санитаров.

750 офицеров, длинной, почти выравненной цепью, спокойно и уверенно шли по открытому выгону на глазах пр-ка. Но тот молчал. Цепь вошла в поле ячменя и проходит почти половину его ширины, при том же молчании пр-ка. Но, вот заговорила беглым огнем артиллерия красных. Ее снаряды рвутся по всей длине офиц. цепи и с поразительной точностью. Офицеры без остановки продолжают идти и с тем же равнением. Падают первые жертвы.

Когда офицеры подошли приблизительно на 800 шаг. к позиции красных, сразу заговорили их пулеметы и винтовки. Потери резко увеличились, но огонь не остановил офицеров. Падает с оторванной осколком снаряда рукой полк. Пенат. К нему подбегают ближайшие офицеры. «Г. г. офицеры! Прощу — вперед!» — говорит он, встает, но пройдя с десятков шагов, снова падает. (Полк. Ценат после боя нашли на этом месте. Он умер от потери крови). Падает, сраженный пулей, полк. Попов, а вскоре и его заместитель, подполк. Щавинский. Но офицеры идут. До пр-ка остается 600... 500 шагов. Они еще в поле ячменя.

Но кончается ячень. Впереди 300—400 шагов голого подъема до линии, извергающей адский огонь. Видны головы красных. Стоят их командиры, кричащие: «По офицерской банде — бей!» Офицеры невольно залегли и открыли огонь по красным командирам...

На левом фланге 3-го б-на, роты 1-го б-на наступают небольшими уступами одна за другой, при чем правый фланг его 1-й роты сразу же вышел на линию 3-го б-на.

«Огонь был адский. И на германском фронте не приходилось видеть и слышать ничего подобного. Вся масса пулеметов и винтовок стреляла по 3-му б-ну. И мы, невольно, почти бегом, бросились вперед, чтобы выйти на линию 3-го б-на и поддержать его», — записал один из участников.

И вот, только в этот критический момент, как бы желая искупить свою вину за опоздание, карьером, обгоняя цепи рот 1-го б-на, вылетает арт. взвод и становится на позицию в каких-нибудь 1.000 шагах от красных. Но открыть огня ему не удалось: в цепи 9 роты, своим могучим баритоном, пор. Погорлецкий запел: «Смело мы в бой пойдем» — подхватили пение ближайшие офицеры, но на короткий момент — неслось уже «ура» всего 3-го б-на, а за ним и 1-го.

Один за другим замолкли пулеметы красных... Упорно дрался пр-к, но был принужден бежать и все поле покрылось его массой. Огрызнулись картечным огнем их батареи, но, попав под ружейный огонь, стали сниматься с позиций, потеряв одно орудие. Спасли бегущих красных их два бронеавтомобиля, но и те скоро стали отходить — лучи обстреляны арт. взводом. Один из них был подбит.

Преследование красных по приказанию остановлено. Но это приказание не дошло до 7-й и части 8-й рот. Они быстро шли вперед и, только дойдя до хутора, верстах в 8 от станицы, остановились, подвергшись нападению красного брон-ля, одной пулеметной очередью выведшего из строя сразу 6 офицеров. Слево, где водворилась уже тишина, они не имели зрительной связи. Послали связь и донесение.

Темнело. Незаметно прошел целый день, день непрерывного, отчаянного боя. Вскоре, уже в полной темноте, из Кагальницкой к хутору подъехала большая колонна подвод с приказанием: немедленно ехать в ст-цу. Приехав, ротам не пришлось даже сгрузиться с подвод: полк на подводах куда-то трогался.

Перевязочный пункт, станичная школа, был переполнен ранеными и пришлось занимать соседние здания. Во 2-й половине дня, только после того, как красные были сбиты с позиций и по полю наступления не неся рой пуль и снарядов, смогли выехать для сбора тяжело раненых санитарные подводы. До позднего времени шли поиски раненых на поле ячменя. Целыми подводами увозились и убитые.

Тяжела и утомительна была работа медиц. и sanit. персоналов всего полка. (В 3-м бат-не половина санитаров переранена и убита). Они работали и всю ночь. Раненых нужно не только перевязать, но и напоить и накормить. Их нужно было отправлять в Новочеркасск. Убитых похоронить. Великой благодарностью отвечали пострадавшие за жертвенную энергию и сердечное участие сестер милосердия, во главе со старшей сестрой — Полиной Гавриловной. Закончив свое дело только на утро следующего дня, они, не отдохнув, должны были отправиться нагонять полк.

Потери огромны. У главного участника боя — 3-го б-на:

В 7 роте — до 60 офицеров, из них около 15 убитых.

В 8 роте — свыше 200, при 40 убитых.

В 9 роте — до 45, при 10 убитых.

В 1-м б-не, одна только рота ген. Маркова, потеряла до 50 чел., из которых 4 убитых.

Общие потери в двух б-нах достигали 400 чел., из них около 80 убитыми. Несколько тяжело раненых умерли в станице и в Новочеркасске.

Ряд больших братских могил появились на кладбище станицы Кагальницкой.

Полк выполнил свою задачу. Он понес потери пропорционально к численности, хотя и большие, нежели пр-к, однако нанес ему потрясающий моральный удар, сказавшийся в последующее время. Раз-

грома пр-ка не произошло только потому, что было остановлено преследование. Захвачено одно орудие, свыше 10 пулеметов и небольшое число пленных.

«Экзамен» Офиц. б-н, по признанию «старых» Марковцев, выдержал блестяще.

26 июня. Всю ночь и день около 200 повозок с 8 бойцами на каждой, катили по степи, растянувшись на многие версты. Утомленные бессонной ночью, боем, безжалостно жгущим солнцем, они спали не чувствуя неудобств на трясших их подводах. На остановках слезали и засыпали на земле. Они не замечали, что их лица до неузнаваемости покрылись толстым слоем пыли; не интересовались, какие населенные пункты они проезжали; их совершенно не беспокоили одно время недалеко рвущиеся снаряды.

27 июня. Так тряслись они и вторую ночь и второй день. Мучил уже сильный голод, не говоря о жажде. Ели и пили все, что попадалось без разбора: воду, молоко, незрелые фрукты, ягоды шелковицы; в ничтожном количестве хлеб, сало... Стали страдать расстройством желудков.

Наконец, около 17 час. колонна втянулась в какое-то село и остановилась. «Слезай!» — раздались крики — «приехали!» И, через короткое время роты были разведены по квартирам и скоро, едва освежившись и подкрепившись тем, что дали хозяева, люди уснули.

28 июня. Тяжелое пробуждение, но бодрость и силы быстро восстанавливались, тем более, что на столах стояла уже обильная пища.

Первый вопрос всех: «Где мы?» Название села «Горькая Балка», ничего не говорило, но, узнав, что полк присоединился к армии, оживились и обрадовались и особенно, когда было объявлено, что после обеда ген. Деникин сделает смотр полку.

Полк выстроился развернутым фронтом в колоннах по-ротно, имея на правом фланге 3-й б-н. К-р полка, полк. Тимановский, обошел полк.

— Полк, смирно! — скомандовал он.

— Полк. Кутепов — Нач-к нашей дивизии... — передали в ротах. Его знали лишь участники 1-го Куб. похода.

С орденом св. Георгия на груди и Георгиевским оружием, на что прежде всего обратили внимание «молодые» Марковцы, он легкой походкой обошел полк и энергичным голосом поздоровался с ним. Впечатление он произвел отличное.

— Равняйся! — снова раздалась команда полк. Тимановского.

— Полк смирно! Слушай на караул!

— Ген. Деникин! — передалось по рядам. К полку подходила группа: ген. Деникин, ген. Романовский и др. Взоры всех обращены на

Вождя. Большинство его видело в первый раз. На его шее и груди блистали эмалью и золотом ордена св. Георгия...

Ген. Деникин громким, слегка хриповатым, голосом поздоровался с полком и стал медленно проходить перед его фронтом, обращаясь со словами благодарности от имени Национальной России к каждой роте в отдельности.

Перед 8-й ротой он задержался. Перед ним стояла Офиц. рота в 28 чел. Это все, что осталось от нее. В глазах ген. Деникина появилась глубокая скорбь.

— Благодарю вас! — с трудом произнес он. Обойдя роты, ген. Деникин обратился ко всему полку. Он сказал, что минувший бой, проведенный Марковцами с полным успехом, теперь дает армии возможность, без опасения за свой тыл, продолжать наступление. Что в успехе он не сомневается, что неизбежные потери будут восполняться притоком сильных духом новых добровольцев, что к армии массой присоединяются куб. казаки и что Добр. ар. выполнит взятый на себя великий и святой долг перед Родиной.

Громким «ура» ответил Вождю 1 Офиц. ген. Маркова полк.

После этого роты с песнями направились по квартирам, проходя мимо ген. Деникина. Настроение у всех было превосходное. Ген. Деникин произвел сильное и восторженное впечатление и вызвал к себе глубокое чувство преданности и доверия. То, что армия совершила за две недели своими малыми силами, проведя ряд рискованных маневров и продвинувшись на сотню верст вглубь расположения пр-ка — дело воли, расчета и дерзания ген. Деникина.

В 3-м б-не велись оживленные разговоры о первом для него бое у Кагальницкой. Но не успех боя восхищал всех его участников, а дисциплина и мощь офиц. рот., когда каждый офицер на своем месте выполнял поставленную ему задачу, без того, чтобы им руководили, его вели. В этом бою никакое руководство было невозможно. Сплоченность и крепость, до сего времени подразумевавшиеся теоретически, стали утверждены практически.

29 июня. В 8 роту влило пополнение — около ста кубанцев. День прошел спокойно и только вечером было получено извещение: ночью выступление. Судя по тому, что на площади стали собираться подводы, решили: «Едем!»

Мало кто смог заснуть. Естественно, обсуждался вопрос — куда двинемся? Исходили из представления, что переходит в наступление вся армия и, если так, то цель ясна — ст. Тихорецкая, взятие которой нарушит жел.-дор. и телефонную связь в расположении пр-ка, и разобьет его силы. Успех будет огромный. Но, не окажется ли армия под ударом по меньшей мере с трех сторон: севера, запада и юга? Операция рискованная. Однако, имея более слабые силы, чем пр-к, должно

рисковать. Ген. Деникин на это пойдет; он учтет все. Так рассуждали «ротные стратеги».

30 июня. В час ночи полк был поднят. Ночь совершенно темная; ничего не видно и в 10 шагах. Б-ны погрузились на подводы и тронулись по разным направлениям. По колоннам передают: «не отставать!»

При выезде из села, голову 3-го б-на пересекла колонна кавалерии и, когда она прошла, оказалось, что штаб б-на с проводниками и к-ры рот, бывшие с ним, исчезли из вида. В голове всего б-на был помощник к-ра головной, 7-й роты. Ждать нельзя и он повел б-н прямо по дороге. Ночь была также абсолютно тиха, как и темна. «Вперед!»

Так ехали долго, пока не забрезжил рассвет и пока впереди не показались всадники, оказавшиеся каз. постом, стоявшим всего лишь в 2-х вер. от ст-цы Кальниболоцкой, занимаемой красными. Пост никаких подвод не видел.

Послав казаков вправо и влево, капитан, ведущий колонну, с волнением ожидал их возвращения. А в это время не так далеко влево началась стрельба.

Вскоре вернулся казак, ездивший вправо, с сообщением, что там стоят подводы и офицеры обеспокоены какой-то пропавшей колонной на подводах. Это был штаб 3-го б-на. Все оказалось благополучно и даже не было потеряно время, в которое назначено начало наступления на станицу.

Перейдя в наступление, когда уже поднялось солнце, б-н видел, как вправо от него, уже по ту сторону большой, пологой балки, лавы кавалерии шли в атаку, как блистали на солнце клинки казачьих шашек. Там шли части дивизии ген. Эрдели. Марковцы вошли в ст-цу, почти не встретив сопротивления. Серьезное сопротивление пришлось сломить Куб. стр. полку, наступавшему левее.

Чины Офиц. б-на заинтересовались результатами атаки кавалерии, виденной ими издали. Кое-кто сходили на те места, видели «результаты» и рассказывали о них с содроганием.

Ожидалось дальнейшее наступление, но полк был разведен по квартирам. Теперь уже все уверены — будем брать ст. Тихорецкую, и готовились не без тревоги, ожидая упорного боя. До станции оставалось 30 верст.

НАСТУПЛЕНИЕ НА СТ-Ю ТИХОРЕЦКАЯ

1 июля. Ранним утром армия перешла в наступление: 1-я див. на правом фланге, 3-я в центре, вдоль жел. дороги, 2-я — на левом. Гремела орудийная стрельба в районе жел. дороги.

В 1-й див-ии в передовой линии Куб. стр. полк с батареей Офиц. полк по-батальонно на подводах следовал за ним. Он — в

армии. Кубанцы быстро идут вперед, выбивая красных из Ново-Романовских хуторов. Во второй половине дня они подошли к ст-це Тихорецкой, в 8 верстах от станции. Здесь они встретили упорно сопротивление пр-ка, поддержанного двумя бронеавтомобилями. Был момент неустойки на их левом фланге. Туда на подводах подъехал 3-й б-н Марковцев, развернулся и перешел в наступление, но серьезного столкновения с пр-ком у него не произошло: слева перед его фронтом пролетел бронеавтомобиль «Верный», принудивший красных бежать в станцию. Следовавшие за ним Кубанцы и 3-й б-н вошли в ст-цу, не встретив уже никакого сопротивления. Вскочившие первыми в ст-цу конные разведчики 1-й бат-и, захватили штаб красных, руководивший ее обороной. Время — около 15 час.

Немедленно была произведена перегруппировка частей 1-й див. для атаки станции: Кубанский стр. п. стал на левом фланге и должен атаковать ст-цию вправо от большой дороги. С ним бат-я. Ген. Маркова полк — правее на некотором интервале, для атаки северной части станции и поселка перед ней, имея один б-н выдвинутым к северу, для охвата станции.

В 17 час. началось наступление. Цепи Марковцев шли по высокой, выше роста человека, пшенице. Где позиции пр-ка, видно не было. Не доходя полутора верст до станции, пшеница оказалась скошенной и, едва цепи вышли на эту полосу, как по ним был открыт убийственный огонь. Цепи рванулись вперед, смяли красных, взяли пленных, но вынуждены были остановиться: на их правом фланге стояли два красных бронеавтомобиля, а впереди голый выгон и вторая линия окопов красных, откуда неслась стрельба. Но что-то происходило на левом фланге у Кубанцев. Там, помимо того, что шел, судя по стрельбе, отчаянный бой, оттуда летели пули почти в тыл левофланговому 2-му батальону Марковцев.

В это время начало темнеть и отпадала последняя возможность, хоть и на незначительное расстояние, наблюдения. И совершенно неожиданно для 2-го б-на, по нем была открыта стрельба с тыла, куда только что отводились пленные.

В цепи б-на оказался полк. Тимановский.

— «Он показался нам каким-то великаном-рыцарем», — записал подпрап. Сербинов, — «он спокойно приказал нашей лежащей цепи рассчитаться на «первый-второй» и скомандовал: «вторые номера встать! Кругом! Вперед!».

Перед идущей назад цепью вторых номеров оказались толпы красных. Их смяли штыковым ударом, никого не беря в плен. Но в высокую пшеницу, откуда неслись крики: «Товарищи, сюда! За мной!» и слышно было движение многих людей, цепь не вошла.

А тем временем красные, выйдя на полевую дорогу, ведущую на станцию, повернули по ней. Эта дорога шла между участками 2 и 3

б-нов, которые и заметили бегущие к станции толпы красных. Под перекрестным огнем эти толпы легли на ней и лишь какой-то части их удалось достичь станции.

Бой у станции стихал, а Марковцы продолжали лежать в цепях не более, как в версте перед ней. Что происходит — никто не мог себе представить. Полк. Тимановский куда-то уехал. И только через короткое время было получено приказание: б-нам сосредоточенно оставаться на месте, выслать разведчиков и — особое внимание за правым флангом.

Донесения разведчиков говорили: бронеавтомобили красных, висевшие на правом фланге, ушли; красные оставили свою позицию перед станцией; в станционном поселке, на его восточной окраине, не обнаружено пр-ка; и, наконец, — в районе вокзала встречены разведчики 2-го Офиц. полка.

Но и на эти донесения следовало приказание: оставаться на месте. Недоумение! Вообще какой-то странный бой.

Такое же чувство испытывали и бойцы 1-го б-на, не видевшие перед собой пр-ка, обеспечивая правый фланг всей операции. Б-н выступил из ст-цы Тихорецкой по дороге, обсаженной редкими вербами, через какие-то гати. Влево, очень близко, за буграми, начался бой, но он стих раньше, чем б-н без выстрела вышел на полотно жел. дор. в 3—4 вер. севернее станции. Б-н оседлал жел. дорогу фронтом на север и завернул фланги на запад и, в то же время, выставив караулы на восток и на юг. Такое построение действовало на нервы. Одиночные выстрелы раздавались кругом. Но бой уже стих. Никто не знал, что же произошло. Все сгорали от любопытства.

2 июля. И только утром, полк ген. Маркова перешел и стал на квартиры на сев.-вост. окраине поселка станции, а Куб. стр. п. — на северо-западной.

Поселок и станция Тихорецкая, видимо, были забиты войсками красных, т. к. решительно всюду оставались их следы. Это подтверждали и жители. На жел. дор. путях красными были оставлены три бронепоезда и много составов, порожних и нагруженных военным имуществом, десятками орудий, ящиками с патронами и снарядами, даже один аэроплан. Повсюду валялись трупы убитых красноармейцев.

Странным и непонятным казался для всех минувший бой. Постепенно выяснились его подробности. 3-я див. наступала по обе стороны жел. дор. 2-я — левее ее, обходя станцию с запада, 1-я — с востока и, в сущности, в лоб пр-ку. Жестокое сопротивление встретил Куб. стр. полк. Он ударом в штыки ворвался в окопы красных, но те, с поддержкой своих бронеавтомобилей, контр-атаковали, также в штыки. Кубанцы подались назад. Им на помощь пришел эскадрон 2-го конн. Офиц. полка и бронеавтомобиль, но и это не сломило сопротивления красных. И только то, что части 3-й див. влево от Кубанцев ворвались

на станцию и оказались в тылу у красных, заставило последних отходить, но не к станции, а в сторону. Это они оказались в тылу у взявших первую линию их обороны Марковцев. Сотни заколотых красных остались лежать у своих окопов.

Как и Кубанские стрелки, отлично действовала с ними 1-я бат-я. К-р стрелков несколько раз благодарил ее и в отдельности 4-е орудие пор. Боголюбского, уничтожившее броневомобиль красных.

«Если принято утверждать, что исход боя зависит иногда от самой незначительной боевой единицы, или даже от маленькой группы, то этой группой в настоящем бою явилось 4-е орудие», — сказал он.

Большие потери понесли стрелки, но у Марковцев они не превышали 40 чел.

*
**

При наступлении на ст. Тихорецкая, 1 Инж. рота оставалась в тылу армии и ее задачей было немедленное исправление жел. дор. пути, установление телеграфного и телефонного сообщения и обеспечение тыла.

Вечером первого же дня на ст. Тихорецкая из Торговой прибыл эшелон с добровольцами на пополнение армии. 87 офицеров было назначено в полк ген. Маркова.

— Г. г. офицеры! — обратился к ним полк. Тимановский, — я могу сказать вам только одно: вы будете служить в 1-м Офиц. ген. Маркова полку, в его 8-й роте и это должно говорить вам о многом. Желаю вам всего наилучшего!

Наконец-то в Тихорецкой все роты обзавелись трофейными походными кухнями, необходимыми хозяйственными повозками и лошадьми к ним. Кухни задымили и в определенные часы развозили по своим частям пищу.

В Тихорецкой же 1-я отд. бат-я развернулась в дивизион, получив 3 орудия и сформировав 2-ю бат-ю, одно орудие которой было поставлено на жел.-дор. платформу для борьбы на жел. дорогах.

НАСТУПЛЕНИЕ В ТЫЛ АРМИИ СОРОКИНА

От ст. Тихорецкая Добр. ар. начала наступление по трем направлениям: 1-й див-ей на север, в тыл Сорокинской армии, 2-й — на юг, в направлении на ст. Кавказская и 3-й — на запад, в направлении на г. Екатеринодар. Дивизии расходились, чтобы самостоятельно выполнять свои задачи.

Весьма трудная задача легла на 1-ю дивизию: если не заставить, то принудить армию Сорокина в 30.000 бойцов, которую не коснулись последние бои и лишь немногочисленно испытывавшей силу Офиц. полка у Ка-

гальницкой, оставить занимаемый ею район. Дивизия, наносящей удар в тыл, должны содействовать: бр-да ген. Покровского справа и дивизия ген. Эрдели слева.

3 июля. Ген. Маркова и Куб. стр. полки по жел. дор. переехали и расположились в станице Новолеушковская.

4 июля, полки пешим порядком выступили далее на север. В пути их застал ливень с сильнейшим ветром. Стало темно, как ночью. Вода била в лицо и заставила людей и лошадей повернуться к ней спиной и крупами. Мгновенно все промокли до нитки и стояли по колено в воде. Так продолжалось минут десять. Туча пронеслась и снова засияло жаркое солнце. Но дальнейший путь по черноземной грязи был уже труден.

К вечеру полки с боем заняли обе станции: «Сосыка» и станицу Павловскую.

5 июля. Марковский полк стоял на позиции, седлая жел. дор. на Ростов, имея свой резерв за правым флангом, т. к. вправо красные значительными силами занимали хутора и находились лишь под наблюдением 1-го Конн. Офиц. полка, наконец присоединившегося к своей дивизии.

Неприятный случай произошел с 7-й Офиц. ротой. Она занимала позицию по невысокому хребту, впереди которого, на склоне, в полях кукурузы залегли красные. Последние стреляли редким, но метким огнем. Несколько офицеров были ранены. Невидимость пр-ка и его огонь настолько расстроил нервы офицеров, что они, в какой-то момент, вдруг не выдержали и бросились бежать, оставив даже своих раненых и орудие, ехавшее занять позицию и застрявшее в грязи. Но это моральная неустойка продолжалась несколько минут. Офицеры быстро вернулись назад. А пр-к даже и не пытался выйти из кукурузы на хребет на, казалось, лучшую для него тактическую позицию. Глубокое смущение пережили офицеры.

6 июля. Дивизия перешла в наступление: Куб. стр. п. западнее жел. дор., с задачей занять в этот день ст-цу Михайловскую и близлежащие хутора. Полку ген. Маркова занять ст. Крыловскую и, находящуюся более 10 верст восточнее ее, ст-цу Екатериновскую.

Вдоль жел. дор. повели наступление 1 и 2 бат-ны с 3 орудиями. 3-й бат-н с одним орудием пошел по дороге в сев.-вост. направлении, ведущей к ст-це Екатериновской.

Во второй половине дня ст-ца Михайловская и ст. Крыловская были заняты, после чего 1-й бат-н с одним орудием был направлен на ст-цу Екатериновскую, с целью содействовать 3-му бат-ну во взятии этой станицы. Полк оказался растянувшимся на 10 вер. фронте.

Перед 1-м бат-м пр-к отходил без сопротивления. Впереди шла

1-я рота. Она вышла на гребень и перед ней открылась картина: узкий мостик через небольшую речку, поросшую камышом; по обе стороны моста густая толпа до 2—3 тысяч красных; многочисленные всадники на этой стороне торопят переправляющихся; тут же сзади какие-то тачанки. На той стороне два орудия... Цепь роты залегла. Но кто-то крикнул: «Вперед! Ура!» и рота рванулась. В этот момент орудия красных открыли огонь прямой наводкой, ранив 6—8 чел., потом еще двух... откуда-то застрочили пулеметы, а конные, с криком: «Их мало!» поскакали с шашками на роту. Роту смело с гребня, как ветром. Но красные не преследовали.

А в это время правее повел наступление развернувшийся 3-й б-н, имея 8 и 9 роты в передовой линии, а 7-ю во второй, за правым флангом. Местность совершенно открытая, с легким подъемом, на гребне которого свежескопанные окопы, с сидящим в них пр-ком. Когда цепь подошла к пр-ку шагов на 1.200, тот открыл сильнейший огонь. На гребне появились многочисленные тачанки с пулеметами. Пулеметный огонь был ужасен. Цепь залегла шагах в 500 от пр-ка. Для поддержки своей пехоты вынеслось вперед орудие, но оно не смогло даже открыть огня, т. к. вся прислуга его была моментально переранена, а лошади перебиты.

Красные перешли в наступление. 8-я рота стала быстро отбегать. Остановить пр-ка не смогла и атака эскадрона 1 Офиц. кон. полка на правом фланге б-на. Цепи красных уже дошли до оставленного орудия, но резервная 7-я рота, приняв на себя отступавшую 8-ю роту, задержала их.

— По тачанкам! — раздалась команда и через короткое время тачанки мчались назад. Огонь пулеметов прекратился, но силен еще был ружейный огонь пр-ка.

Не обращая внимания на огонь, вдоль цепи 9-й, а затем и 7-й рот проезжал мелкой рысью полк. Тимановский со своим полевым адъютантом, говоря одну только фразу:

— Г. г. офицеры! Спасти положение!

Офиц. роты перешли в атаку. За ними, за правым флангом приведшаяся в порядок 8 рота. Красные стали отступать. Их попытка задержаться в своих окопах не имела успеха. Однако дальнейшее наступление на станицу было остановлено, хотя и не предвиделось сопротивление пр-ка. Приказано оставаться на занятых участках и обратить серьезное внимание на правый фланг.

Наступила ночь. За 9-й ротой остановился броневедомитель «Доброволец». Из него вышел полк. Тимановский, подошел к группе пулеметчиков и низко им поклонился, сказал: «Земной поклон от меня 9-й роте». Этот жест до слез расстроил офицеров. Если полк. Тимановский, вообще скупой на похвалы и благодарности, так поступил, то офицеры поняли, какой опасный и критический бой пришлось им перенести.

Потери полка за весь день 6 июля были громады, особенно рот 3-го б-на. 7 и 9 роты потеряли около 50 чел. каждая, 8-я около 100, т. е. половину своего состава. Сильно пострадала 4-я рота — 48 чел. В общей сложности полк потерял до 350 чел. Большие потери понесла и батарея — 8 чел. и 9 лошадей.

7 июля. Ночь была чрезвычайно свежей, а для 1-го и 3-го б-ов кроме того без сна и пищи. Прошла она спокойно, а к утру приятное сообщение: ст-ца Екатерининская оставлена пр-ком. В колоннах бат-ны вошли в ст-цу и расположились по квартирам.

В полдень, в расположении рот появились ротные кухни. Напрасно офицеры — кашевары и артельщики кричали официальное: «Рота за обедом!»; напрасно затем они перешли на просьбу: «Господа, просим покорно откусать отличного супа из трофейной кухни! Сами готовили. Старались во всю!» Никто на эти зовы не откликнулся, т. к. все до отвала и очень вкусно были накормлены радушными казачками. А вечером казаки приготовили Марковцам сюрприз: пригласили на киносеанс и, т. к. уже было объявлено о ночевке в станице, то с радостью воспользовались этим приглашением.

2-й б-н с б-ном Куб. стр. п. стояли на ст. Крыловской.

8 июля. Перед рассветом подъем и выступление «вперед». 1-я див. пошла тремя колоннами: первая — два б-на Марковцев со взводом бат-и, из ст-цы Екатериновской на хут, Зубова и далее на ст-цу Кисляковскую; средняя — б-н Марковцев и б-н Кубанцев, с другим взводом 1-й бат-и, орудием 2-й бат-и на жел. дор. платформе и приданной дивизии гаубицей 1-й отд. тяжел. батареи, вдоль же. дор. на ст. Кисляковскую; левая — два б-на Куб. стр. п. из ст-цы Михайловской, вдоль большой дороги, также на ст. Кисляковскую.

Для всех было очевидно: армия Сорокина находится в критическом положении. Она оттесняется к западу, лишается последнего участка Владикавк. жел. дороги и для нее остается единственная жел. дорога, ведущая от ст. Кущевка на Екатеринодар, на перерез которой шла Конная дивизия ген. Эрдели.

Марковцы выступили бодро и уверенно. Еще один-два сильных удара и армия Сорокина вынуждена будет поспешно отходить.

Правую колонну красные встретили упорным сопротивлением у хут. Зубова, но были сбиты и стали отходить к ст-це Кисляковской. Их преследовал один б-н, т. к. другой получил приказание форсированным маршем идти к ст. Кисляковская.

Средняя колонна лишь на полпути до ст. Кисляковская вступила в бой с красными, не оказавшими ей большого сопротивления. Но лихо и смело действовал их бронепоезд, тормозивший наступление, пока не был подбит снарядами. Он едва двигался, подавая тревожные свистки и у семафора станции, прямое попадание гаубичного снаряда

в вагон со снарядами, произведшее страшный взрыв, прекратило его сопротивление. С потерей своего бронепоезда красные очистили станцию и остановились верстах в 3-х за ней.

Левая колонна — два б-на Куб. стр. п., в это время подошла к станции несколько западнее ее и наступление обеих колонн возобновилось. Однако красные, с подходом к ним новых сил, перешли в контр-наступление, направив более энергичный удар по левой колонне, с охватом ее левого фланга. Кубанцы стали подаваться назад. Ей в помощь высылаются б-н Кубанцев из средней колонны, но и это не изменяет положения: весь Куб. стр. полк, несмотря на его упорное сопротивление, оттесняется к станции. Б-н Марковцев, сдержавший красных вправо от жел. дороги, вынужден загнуть свой левый фланг и занять им позицию вдоль жел. дороги.

И вот, в это время к расположению своего 2-го б-на подошел 3-й б-н, прошедший по жаре 10 верст менее, чем в 2 часа.

Через короткое время со станции, находящейся в двух верстах, прискакал офицер с приказанием: «двум офицерским ротам (7 и 9) бегом на станцию». Через 15 мин. роты были там и выстроились за зданием пакгауза. Бой шел близко. Носились пули, щелкая по зданиям. Офицеры тяжело дышали, хватая ртом воздух, а во рту давно у всех полная сушь до боли, до коликов. Все твердили одно слово: воды. Послали за водой.

— Смирно! Г. г. офицеры! — как-то не своим голосом скомандовал к-р б-на, полк Наркевич, хотя он не шел, а ехал верхом.

На платформу пакгауза быстро вышел полк. Кутепов. Н-к дивизии, но... в этот момент к нему галопом подскочил офицер-кубанец и, не слезая с коня, что-то доложил ему. И сейчас же в ответ раздался громкий и резкий голос полк. Кутепова:

— Передайте к-ру полка: больше ни шагу назад! Расстреляю всех, кто отойдет на станцию. Сообщите ему, что две офиц. роты идут для поддержки.

Офицер мгновенно ускакал, а полк. Кутепов, не поздоровавшись с ротами, отдав короткое приказание полк. Наркевичу, ушел обратно. Роты немедленно двинулись, перешли линию жел. дор., пересекли улицу поселка, через дворы вышли в сады и огороды и залегли на окраине их. Впереди, шагах в 500, цепи Кубанцев, стреляющие по пр-ку, до которого от последних также около 500 шагов. Красные лежат за копнами сжатого хлеба. К ним перебежками подходят резервные цепи. Готовится их атака.

Такое положение Марковцы наблюдали несколько минут, как вдруг, левее, Кубанцы поднялись и с криком «ура» бросились вперед. Мгновенно поднялась и вся их цепь. Красные встретили Кубанцев сильным огнем и встали всей своей массой. Несколько критических моментов — и у красных, и у Кубанцев... Как-то мгновенно поднялись

офиц. роты и стройной цепью пошли впереди. Они увидели, как поднялись и залегшие было Кубанцы и как все они ринулись на красных.

Красные обратились в бегство. Не отставая от них бежали за ними Кубанцы, местами работали штыки, местами красные, собравшись в группы, вдруг останавливались и открывали стрельбу... Отличить, где кубанцы, где красные, было невозможно.

Офиц. роты прошли вперед не менее версты и значительно отстали от Кубанцев. Их поддержка была уже не нужна. Они остановились на поле, покрытом убитыми красными. Среди них было немало матросов. Несколько красных было найдено укрывшимися в копнах хлеба.

Через цепь офицеров проходили раненые Кубанцы и редко кто из них не улыбнулся глядя на офицеров, а один бравый урядник, раненый в грудь, сказал «Наша взяла! Когда нам сказали, что идут на помощь офицеры, откуда силы взялись? А было плохо...»

Скоро офиц. роты вернулись на станцию, а в сумерках пришел туда и Куб. полк. Красные отошли далеко. Они, после слабого сопротивления, оставили ст-цу Кисляковскую, в которую б-н Марковцев с юга и части ген. Покровского с востока вошли одновременно.

Тяжелые потери понесли Кубанцы. Марковцы потеряли до 100 ч.

Вероятно лучшие части армии Сорокина в этот день участвовали в бою и вынуждены были далеко отойти так, что с ними было утеряно соприкосновение. Пех. полки 1-й дивизии могли спокойно отдохнуть ночь. Воды были выпито и вылито на умывание невероятное количество, но уснуть пришлось голодными. В небольшом станционном поселке продуктов питания нашлось весьма мало. И только ночью спящих людей разбудил знакомый крик: «За обедом!» — приехали кухни. Все вскочили моментально и на этот раз кашевары не только были «удостоены» благодарности, но и похвалой «за усердие!»

9 июня. Перед рассветом — подъем, а через несколько минут и приказание: «Строиться!» Объявлена задача дивизии: занять ст-цу Кушевскую, и предупреждение о возможности тяжелого боя. С места, взяв сразу же форсированный шаг, дивизия в колонне, двинулась вдоль жел. дороги. 1-й б-н выступил из Кисляковской прямой дорогой на ту же Кушевку.

Рассветало. Полк. Кутепов со штабом оторвался от колонны и поскакал вперед. С ним и полк. Миончинский с бат. разведчиками. Никаких признаков противника. Тишина.

Но вот, впереди послышался какой-то гул... гул в воздухе, характерный, знакомый... «Аэроплан!» — сразу же определили все. «Та-у-бе! Та-у-бе!» — гудели моторы. И на небольшой высоте, над продолжавшей идти колонной, пролетели два аппарата с черными крестами на крыльях.

За весь поход добровольцы не вспоминали о немцах и вот — напоминание. Неприятное и тревожное: ведь дивизия идет в 1-ю армию

Сорокина, стоящей против немцев у Батайска: возможно красные оставили свои позиции против них, отходят, а за ними следуют немцы и, как результат — неизбежность встречи с ними, и, даже, может быть, столкновение. Эту мысль, однако, не развивали, но быстрый марш дивизии объяснили целью — занять Кушевку ранее немцев.

Никакого боя перед Кушевкой не произошло: красные ушли в западном направлении, вдоль Черном. жел. дор., преследуемые частями ген. Покровского. На станции они оставили несколько эшелонов, груженных оружием, снаряжением, обувью, продовольствием.

Разъезды от дивизии, высланные на север от Кушевки, уже на территории Донской обл., за речкой Ея и ее притоком — Куго-Ея, немцев не встретили, но встретились с разъездами Донских казаков от частей, следовавших за отступавшими красными. В нескольких верстах к северу от Кушевки подрывники дивизии разобрали полотно жел. дороги и подорвали насыпь, как знак, что Добр. армия не желает иметь какой бы то ни было связи с германской армией.

Части дивизии сразу же были разведены по квартирам станции. Всеобщая радость: и Кубанцев станции и Донцов близлежащих хуторов, и добровольцев. Марковцы радовались не только тому успешному выполнению поставленной их дивизии ответственной задачи, но и ее последствию — огромной помощи, оказанной Дону. Теперь устранена опасность для него на его южной границе. Теперь Донцы могут снять отсюда свои части и направить их на другие свои фронты и пополнить свою армию людьми из освобожденного района.

10—11 июля. 1-я див. на полном отдыхе. Лишь жел. дор. взвод 1-й Инж. роты под командой кап. Зайцева, вступил в исполнение своих сложных обязанностей по налаживанию связи и сообщения на жел. дор. линии от Кушевки до Тихорецкой.

Однако «стратегические соображения» не оставляли в покое Марковцев. Они побуждали их к необходимости продолжения преследования Сорокинской армии вплоть до полного ее уничтожения. Но успокоились на мысли: дивизия остается в Кушевке, чтобы не допустить немцев к продвижению на Кубань. Об отдыхе они думали меньше всего, да, в сущности, их не так уж и утомили последние бои. От ст. Тихорецкой за 7 дней они по прямому направлению проделали лишь до 80 верст. Благоприятствовала и погода. Правда, за этот период Марковцы понесли большие потери: до 500 чел., т. е. до 35 процентов своего состава. Нужно пополнение и полк его получил в количестве около 500 чел.

Пополнение состояло сплошь из Кубан. казаков. Казаки были влиты во все роты и даже в чисто офицерские: 7-ю и 9-ю, составив в них четвертые, «казачьи» взводы. Теперь полк ген. Маркова почти на две-третьи состоял из Кубанцев. На офицерах это отражалось в том смысле, что они все больше и глубже стали воспринимать казачьи

обычай, нравы и даже внешний облик. В дальнейших походах, на остановках казаки обыкновенно собирались в круг, пели казачьи песни, танцевали «наурскую», жарили шашлык... Воспринимали все это и офицеры. «Эх, Кубань, ты наша Родина, вековой наш богатырь», — стала их любимой песнью; «наурская» любимым танцем, с кинжалом в руке и с похлопыванием в ладоши. На головах у Марковцев все чаще стали появляться кубанки, на поясах кинжалы, а на плечах бурки, заменявшие шинели. Дружба между офицерами и казаками укреплялась и никогда не исключала огромного уважения казака к офицеру, как бы он молод ни был: казак в 30 лет назовет своего офицера в 19 лет — «сынок», но всегда выполнит безропотно его приказание. Приятно было слышать обращения казаков:

— «Г-н Хорунжий! Г-н Есаул!» — подчеркивающие их признание офицеров за своих, казачьих.

Богатая, торговая, большая станица Куцевская приняла своих освободителей очень радушно. Марковская молодежь встретилась с учащейся молодежью, нашла развлечения и забавы: кино-сеансы, танцевальный вечер в театре... И как-то мимо проходили последствия большевистской власти: похороны и панихиды по убитым и расстрелянным большевиками. Даже не замечалась поставленная на площади станичного правления зловещая виселица, а затем и тела повешенных на ней врагов казачьих, среди которых был и офицер — подьесаул. Впрочем, Марковцы такие картины наблюдали в пройденных ими станицах.

НА ЕКАТЕРИНОДАРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

В дни стоянки 1-й див. в Куцевке, расположение других дивизий было таково: 1-я Куб. див. ген. Покровского, развернувшегося из бригады, преследовала армию Сорокина и должна была очистить от красных район г. Ейск. 1-я конн. ген. Эрдели висела на фланге армии Сорокина. 3-я пех., усиленная Солдатским пех. полком, сформированном из пленных красноармейцев, наступала по Екатеринодарскому направлению и 10-го июля взяла ст-цу Кореновскую, в 60 вер. от ст. Тихорецкая. 2-я пех. — 5 июля, пройдя до 60 вер., заняла ст. Кавказская, от которой развивала действия на г. Армавир, выставив заслоны в стороны Екатеринодара и Ставрополя. 8 июля Ставрополь был взят большим партизанским отрядом полк. Шкуро, пришедшего с юга и затем вошедшего в состав армии.

Так. обр. фронт армии за неделю после взятия Тихорецкой растянулся до 250 верст и силы ее, хотя и увеличившиеся до 20.000 бойцов, оказались разбросанными на этом фронте и всюду уступающими численности противника.

Для армии в это время ставилась единственная и главная задача: окончательно разбить армию Сорокина (до 30.000 чел.), для чего нужно было прежде всего не дать ей возможности отойти на Екатеринодар и там переправиться на южный берег р. Кубани. Итак — первая цель — взять Екатеринодар.

Но сил одной 3-й див. (до 3.000 ч.) было для этого недостаточно. Город прикрывался отрядами красных в 10.000 ч. и, кроме того, при наступлении, дивизия имела бы на своем левом фланге другие отряды красных, хотя и значительно меньшей численности, стоявших гарнизоном в станицах по линии жел. дорог Екатеринодар — Кавказская. Поэтому на екатеринодарское направление направлялась и освободившаяся 1 див.

Однако, угроза перешедших в наступление красных на г. Ставрополь, заставила направить туда Куб. стр. полк с 2 орудиями, который

12 июля, по жел. дороге выехал из Куцевки. После него сразу же стал грузиться ген. Маркова полк с двумя орудиями, для переезда на екатеринодарское направление. Конные части отправились туда походным порядком.

13 июля. Марковцы по-эшелонно прибывали на ст. Тихорецкая. Подъем у всех был огромный. Ехали с песнями. Когда под колесами вагонов застучали стрелки станции, взоры всех направились на здание вокзала. Над ним развевался Национальный флаг. Раздалось всеобщее «ура».

И вдруг, на платформу вышел... жандарм. «Жандарм!» — раздались крики по вагонам. Перед восторженными взорами стоял он в полной форме — «старорежимный»... Величественно выглядел жандарм! Всего лишь с унтер-офицерскими нашивками на погонах, с медалями, с серебряным большим шевроном на рукаве и с аксельбантами на плече. Некоторые Марковцы даже заметили небольшую деталь в его форме: аксельбанты были не красного, как раньше, цвета, а трехцветные: бело-сине-красные — деталь, которая также радовала. И стоял жандарм, как символ величия России, порядка, спокойствия... и всей образцовой чистоты, которая теперь была на перроне и на вокзале, и в сквере, и во всем поселке.

Огромному, радостному и громкому возбуждению Марковцев не было предела и только предупреждение о соблюдении тишины, т. к. на соседней линии стоит поезд ген. Деникина, сдерживало их. Но и в этом предупреждении все почувствовали новое: штаб Вождя не на седлах коней, как было до сего времени, а на более твердом основании и постоянном месте, что ясно говорило о большом успехе армии.

Переживаемые Марковцами впечатления и настроения были чрезвычайно сильными и свой новый поход, и тем более на Екатеринодар, они ждали с верой в полный успех. С наступлением ночи эшелоны тронулись.

14 июля, рано утром полк по эшелону прибывал на ст. Платнировка и немедленно выгрузился. Не так далеко, верстах в 4-х, у ст. Пластуновской, слышен был бой. Это 3-я див. выбивала красных из станицы и заняла ее.

После полудня полк с двумя орудиями и бронеавтомобилем выступил в юго-запад. направлении, где красные выдвинувшись, охватывали 3-ю див. с левого фланга. Полк сбил пр-ка с двух позиций и занял переправу через р. Кочати, где и заночевал в поле.

15 июля. Утром он направился в ст-цу Динскую, занятую 3-й д. Резервному б-ну полка пришлось проходить у Покровского женского монастыря. Его встретили духовенство и монашки с иконами и хоругвями. Бойцы прикладывались к кресту и святым иконам, получая благословение священника. Трогательно для них было видеть монашек, старых и молодых, у которых из глаз текли слезы радости, что пришел конец глумлениям и издевательствам большевиков над святой обителью и над ними. Глубоко запал в сердца Марковцев этот момент, и они шли дальше с волнующим и возвышенным чувством сознания великой Правды их дела: добиться силой оружия освобождения Веры и Родины от гнета и насилия.

Придя в Динскую, полк сменил части 3-й див-и, направившиеся вправо, с целью нанести удар в тыл Сорокинской армии, остановившейся в районе ст-цы Тимошевской.

В это время в командование 1-й див. вступил, вернувшийся из секретной командировки в Москву, ген. Казанович. Полк. Кутепов стал его помощником и заместителем.

Осталось всего лишь 25 верст до Екатеринодара. Марковцы не сомневались в том, что на следующий день, они, сменя на своем пути все препятствия, будут в городе. Но... едва прошла часа 3—4 после смены 3-й див., как последовало срочное приказание: резервному 3-му б-ну, наиболее сильному офицерским составом, сменить на позициях 1 и 2 б-ны, а последним с одним орудием немедленно грузиться в жел. дор. состав. Через короткое время они тронулись в обратном направлении. С ними уехал к-р полка и Нач-к дивизии. В Динской остался отряд под командой полк. Дорошевича: б-н Марковцев с двумя орудиями и 2-й конн. Офиц. полк.

Не сразу узнали Марковцы, что произошло, но определенно предположили: в тылу неблагополучно. Несколько позднее узнали, что туда же повернула и вся 3-я дивизия.

Произошло следующее: армия Сорокина, из района своего сосредоточения, главной массой своих сил неожиданно устремилась на восток, отбросила части Кон. дивизии и, пройдя 40 верст, заняла ст-цу Кореновскую и ст. Станичная. Она оказалась в 30 вер. в тылу 1 и 3 дивизий и в 55 вер. от ст. Тихорецкой. Дивизии были отрезаны от тыла.

полном окружении, а ст. Тихорецкая совершенно не прикрытой, за отсутствием в резерве армии частей. Положение — чрезвычайно тяжелое.

В сумерках 1 и 2 б-ны прибыли на ст. Платнировская, в 10 вер. от Кореновской, выгрузились и, оставив две роты в резерве, выступили вдоль жел. дороги в направлении последней. Пройдя 3—4 вер., они вошли в соприкосновение с пр-ком и остановились в степи.

Ночь. Полк. Тимановский беспокоится за левый, северный, фланг своих б-ов. Туда должна выйти 3-я див., но ее еще нет и придет она не раньше утра следующего дня. Поэтому он держит две роты в резерве. С рассветом он решил атаковать противника.

БОИ У СТ-ЦЫ КОРЕНОВСКОЙ

16 июля. Едва стало светать, 1 и 2 б-ны перешли в наступление по обе стороны жел. дор. Сбив передовые части пр-ка, они быстро шли вперед по полям скошенного хлеба и стоявшей на корню кукурузе. Шли вслепую, не видя расположения врага, применившегося к местности. Вдруг шквал пул. и руж. огня, ударивший почти в упор, прижал их к земле. Очень метко по целям стали рваться снаряды красных орудий. Пр-ка почти не видно, но силы его, судя по огню, огромны. Остаться в таком положении нельзя: нужно атаковать.

С криком «ура» Марковцы бросились в атаку. Неслись, не замечая своих потерь, не слыша хлокота стрельбы. Местами дорвались до красных: штыковой бой, стрельба в упор по убегающим, преследование; местами залегли не дойдя до красных, или будучи не в силах их преследовать, или остановленные контр-атакой.

Цепи наступающих Марковцев раздробились. Выдвинувшиеся вперед цепочки оказались не только под фланговым, но и под огнем с тыла. Наступление остановилось. Всякое представление, где свои, где противник, потеряно. Оставалось оттянуть выдвинувшиеся части назад. Атака замерла, едва достигнув передней линии красных.

Было около 9—10 часов. Влево от Марковцев разворачивалась 3-я див., и полк. Тимановский направил в передовую линию одну из резервных рот.

Стрельба на фронте Марковцев несколько стихла, но, как только слева, в нескольких верстах, загремели орудия и 3-я див. перешла в наступление, по цепях Марковцев раздалась команда: «Вперед, в атаку!» Не на всех участках атакующие добрались до врага, но и там они сразу же встретили контр-атаки резервов красных. Красные переходят в общую атаку. Их отбивают, но не везде. Взводы, роты подаются назад, оставляя раненых.

5-ю роту обходят с фланга. Обход замечает ротная сестра Ксения.

Она расставляет молодежь этой роты для парирования обхода; просит держаться некоторое время, чтобы вынести раненых. Но задержка короткая. Рота отходит. Отход роты видит к-р бат-на, подполк Плохинский; он бежит к роте, но, вместо своей цепи, нарывается на красных и падает с штыковой раной в голову и другими штыковыми и пулевыми ранениями. Отход 5-й роты оголяет фланг 2-й. Фланговый взвод ее бросается в контр-атаку, сдерживает красных, но на короткое время. Рота отходит. Отходит 6-я, отходят все, оставляя раненых. Смелые выезды на платформе орудия с пулеметом лишь сдерживают напор врага.

Бой шел до конца дня, постепенно стихая. Красные теряли свой порыв и, наконец, остановились.

Снова неудача. Влево 3-я див. также не добилась успеха.

Наступила ночь. Оставив в охране две роты, б-ны были отведены за речку Карпели, расположились в нескольких верстах восточнее ст-цы Платнировской.

Физическое состояние Марковцев, было чрезвычайно тяжелым. День боя под палящими лучами солнца, без воды, без еды. Подавлено в сильной степени и моральное состояние: неудачные атаки; десятки раненых, оставленных на поле боя, теперь занятого врагом; положение отрезанных от тыла; беспокойство за судьбу сотен раненых, наконец — свою. И в довершение всего — сильно поредевшие ряды рот: за день в двух б-нах выбыло из строя около 300 чел., т. е. почти треть состава. Все это угнетало, создавало неуверенность в завтрашнем дне. Нашлись и откровенно малодушные. Их «успокоили» строгим окликом.

Роздали пищу. Роздали патроны. Прошел слух, что подошли резервы. И, действительно, в резерве оказались две сотни мобилизованных казаков ст-цы Платнировской.

Роты обошел полк. Тимановский. Он не скрывал, что положение хотя и очень тяжелое, но не безвыходное и, кроме того, подойдут части от Тихорецкой и тогда пр-к будет сжат с двух сторон; опасаться его со стороны Екатеринодара не приходится, т. к. отряд полк. Дорошевича продолжает занимать Динскую.

Подпрап. Сербинов записал, что полк. Тимановский закончил свою беседу такими словами:

— «Марковцы! Верьте мне, как я верю вам и тогда мы с честью выйдем из трудного положения».

«Да! Полк. Тимановскому верили все», — заключал подпрап. Сербинов. — «Кто не знал своего полковника в папахе, поддевке, в очках, с баклажкой, с наганом и биноклем на груди? Все Марковцы видели своего командира стоящим во время боев на кругане одного, как нерушимый памятник. Он не разрешал никому подниматься на курган. Он был суровый воин. Приказания его были тверды и коротки. Сила воли огромная».

17 июля. Ввиду того, что 1 и 3 дивизии не имели связи со штабом армии, ген. Казанович вступил в командование ими. Он приказал с рассветом снова атаковать в тех же направлениях, как и накануне.

Марковские б-ны опять развернулись по обе стороны жел. дороги и цепи их пошли вперед, сразу же взяв быстрый шаг, вызванный отчаянной решимостью всех или разбить пр-ка и пробиться, или...

Красные открыли сильный арт., а затем пул. и руж. огонь. Цепи ускорили свой шаг и бегом бросились в атаку. Красные не выдержали и стали отходить. Отчаянно дрались их пулеметчики: пулеметы на тачанках, прикрываясь полями кукурузы, поливали очередями Марковцев.

Бой шел уже на той полосе, где накануне, при отходе, были оставлены раненые и убитые. Здесь находили их лежащими раздетыми, обезображенными, иных с отрубленными головами, иных лежащими сожженными в пепле кукурузы... Первопоходницу прап. Пылаеву Юлию, нашли зверски добитой и полуобнаженной в неглубоком колодце. Но в кукурузе находили и незамеченных красными раненых. В одном месте — сразу трех юных добровольцев 5 роты. Они плакали... их первые слова были: «нас бросили...», слова тяжкого упрека. Один из юношей остался жив чудом: его обнаружил красный и со страшными ругательствами и направленным на него штыком, подошел к нему, но... прошел мимо.

При виде таких картин, Марковцами овладела злоба: не щадили и они врага. Но враг отходил в сравнительном порядке и дрался упорно, а когда к нему подошли резервы, перешел в контр-наступление. Остановить его не удалось и Марковцы стали отходить. Порыв красных несколько сдержали отставшие при движении вперед от передовых цепей, пулеметы, но не остановили. Пулеметы пришлось бросить. А тут, на правом фланге полка, угрожающе повисла кавалерия красных. Тщетно оказывает помощь единственное орудие с пулеметом с жел. дор. платформы. Марковцы отходят и опять оставляют своих раненых.

Бросаются в бой последние резервы: рота Марковцев, перевезенная на платформах, которая заняла позицию поперек полотна жел. дор., с ген. Казановичем на тендере паровоза, и полк. Тимановский с двумя сотнями казаков. И вот...

«В кукурузе нельзя было видеть ни своих, ни пр-ка», — записал один из чинов роты резерва, — «ни зрительной связи, ни ориентации... Мы ничего не понимали в обстановке, в которую попали, и когда роты находившиеся правее, стали отступать, мы наугад двинулись в пол-оборота направо. Появление нашей сильной и густой цепи произвело на красных большое впечатление. Они остановились, потом стали подаваться назад, преследуемые нами и соседними ротами».

На другом фланге полка, с подходом двух сотен с полк. Тимановским, отступавшие Марковцы сразу же повернули и с казаками

бросились в контр-атаку. Двести шагов, разделявших пр-ков быстро сократились до нуля... до штыков и... красные не выдержали. Но не было уже больше сил... Цепи залегли. Бой стал стихать. Видимо выдохлись и красные, остановившиеся шагах в тысяче. Солнце печет безжалостно. Время — приблизительно полдень.

Со стороны Тихорецкой пролетел аэроплан и спустился у ст-цы Платнировской.

Около 16 час. в тылу у красных послышалась арт. стрельба и все заметили волнение в их цепях. «Подошли наши резервы!» — Марковцы инстинктивно встали. Красные открыли нервный огонь. А вскоре приказание: «В атаку». Роты ринулись в 4-ю атаку.

Открыв бешеную стрельбу по наступающим, красные, однако, не подпустили их на близкое расстояние, а стали быстро отходить, теряя порядок, прикрываемые лишь своими пулеметами. Марковцы шли быстро, почти бегом, стреляя по пулеметам и по толпам красных. Они шли по полю версты 3—4, устланному убитыми и ранеными.

К началу ночи Марковцы заняли ст. Станичная и вошли в южную окраину ст-цы Кореновской. Левее их в ст-цу вошла 3 див., а с востока — Куб. стр. полк с 5 орудиями 1 арт. див-на, срочно вызванный из Ставрополя.

Красные отошли к северу от ст-цы Кореновской и остановились в нескольких верстах от нее. Против них заняла фронт 3-я див. и правее, в х. х. Журавских — Куб. стр. полк.

1 и 2 б-ны Марковцев — в резерве на ст. Станичная, уставшие и измотавшиеся до крайности. Успешный выход из тяжелого положения их не особенно радовал: он стоил им огромных потерь — до 500 чел. за 2 дня боя.

Среди убитых, кроме подполк. Плохинского, был и к-щий другим бат-ном, ротм. Дударев — оба славные сподвижники ген. Маркова по 1-му походу на Кубань, тогда командовавшие ротами. Потери в бат-нах были отчасти восполнены влитыми в их ряды двумя сотнями кубанцев, принимавших участие в последних двух атаках.

18 и ю л я. Несмотря на то, что армия Сорокина и была выбита из Кореновской с большими для нее потерями, она, пользуясь своей подавляющей численностью, снова перешла к активным действиям. Ее атаки против 3-й дивизии были отбиты, но она успешно продвигалась севернее, на фронте кон. див-и ген. Эрдели. Ею была взята ст-ца Березанковская и снова создавалась угроза захода ее в тыл 1 и 3 див-ям. Ввиду такого положения, 1 и 2 б-ны Марковцев по жел. дороге были переброшены на ст. Бейсуг, откуда они перешли в ближайшую ст-цу Новодевицкую.

Оставленный в ст-це Динской отряд полк. Дорошевича 16 и 17 июля провел в мелких стычках с красными, но 18 июля последние перешли в наступление. Целый день шел бой. 3-й б-н отбивался к.-атаками, брал пленных, но в конце концов вынужден был оставить ст-цу и стойти за речку Кочати. Среди пленных было немало китайцев, дравшихся, как они говорили, «за родную Кубань». Некоторым из них, как и немногим из пленных, посчастливилось: были взяты в роты. Утром след. дня б-н готовился к.-наступлению, но около 22 час. он, собравшись в колонну, тронулся в ст-цу Пластуновскую. «Наступление на Екатеринодар сорвалось», с грустью и тревогой говорили Марковцы.

19 июля, утром, погрузившись в жел.-дор. состав на ст. Пластуновская, б-н тронулся в направлении на Тихорецкую. Где были остальные б-ны полка и что с ними, никто не знал.

Проехав ст. Платнировскую, все почувствовали сильный, удушающий трупный запах и увидели по обе стороны жел. дороги массу повсюду лежавших трупов. Бойцы 3-го б-на теперь могли представить себе где и что было с их другими б-нами. Не их ли убитые валялись здесь? Эшелон остановился на ст. Станичная и только тут узнали: все убитые и раненые Марковцы подобраны. Невдалеке, за ст-цей Кореновская слышался бой.

Простояв на станции часа три, эшелон как-то поспешно тронулся дальше: он должен срочно прибыть на ст. Выселки. Но едва он переехал мост и проехал выемку, места памятные по 1-му Куб. походу, как все Марковцы увидели большие цепи, приближающиеся к жел. дороге и перед ними жидкую лаву кавалерии и слышали руж. стрельбу. Никаких сомнений в оценке положения ни у кого не было. Не проехал эшелон и половины расстояния до Выселок, как остановился: впереди красные уже были у самой жел. дороги. Б-ну приказано быстро высадиться. Но на спуск, орудия, повозок и лошадей ушло не мало времени, т. к. пришлось собирать и подносить шпалы. Закончилась она под руж. огнем пр-ка, задержанного выставленными пулеметами и с потерей нескольких человек.

Закончив разгрузку, б-н пошел путем несколько восточнее жел. дор. и наступившей ночью пришел на ст. Выселки, кот. в течении дня удерживал Куб. стр. п. Ночью на станцию пришли и 1 и 2 б-ны полка и полк сразу же занял позицию перед станцией. Этой ночью 3-я див. оставила ст-цу Кореновскую и отошла в юго-вост. направлении, в ст-цу Бейсугскую.

1-ая див., теперь прикрывала ст. Тихорецкую по кратчайшему к ней направлению: по жел. дороге. Вправо от нее стояла Кон. дивизия, вошедшая в подчинение ген. Казановичу.

Армия вышла из весьма тяжелого положения, но угроза со стороны армии Сорокина продолжала оставаться огромной.

БОИ У СТ. ВЫСЕЛКИ.

20 и ю л я. Силы красных увеличились подходом их екатеринодарской группы. Ими установлена связь с группой в ст-це Усть-Лабинской. Инициатива в их руках. И с утра они повели массовое наступление на ст. Выселки. Полки ген. Маркова и Куб. стр. в течении всего дня отбивали атаки. Случались неустойки. «Бараньим бегом из под самого носа матросов», стала отступать одна из Марковских рот. Подскакавший пол. Тимановский повернул ее в контр-атаку. Общей контр-атаки не могло быть. Полки удержали свои позиции, ценою большую потерь. Обезкровленная 4-я рота была пополнена 40 офицерами из 3-го батальона.

21-22-23 и ю л я, более слабые и разрозненные атаки пр-ка, отбитые дивизией. Красные удлиннили свой фронт вправо, к югу от жел. дороги, отчего 1-й див. приходилось удлинять и свой фронт. 23-го подошел только что сформированный пластунский б-н и занял участок влево от Куб. стр. п. упираясь своим левым флангом в жел. дорогу, за которой начинался участок Марковского полка.

24 и ю л я с утра красные повели снова сильное и общее наступление на всем фронте дивизии. Охват левого фланга сразу же потребовал ввода в бой единственного резерва — б-на Марковцев.

Главный удар красных был направлен по обе стороны жел. дор. Пласт. б-н не выдержал атаки, не удержался и б-н Марковцев. Красные стремительно наступали и охватывали левый фланг Кубанцев. Едва не захватили орудие, нач-к которого, пор. Казанли, был убит, но к орудию подскочил к-р див-на, подполк. Миончинский... На участке отходившего б-на Марковцев, также едва не было захвачено орудие, но здесь оказался полк. Тимановский. Орудие продолжало стрелять на картечь, а б-н повернул к к-атаку, и обратив красных в бегство, оказался на фланге и в тылу у тех из них, которые наступали на пластунов. К-р б-на, полк. Хованский, направил часть сил б-на вправо через жел. дор. В рукопашной схватке красные были смяты и, расстреливаемые огнем орудия подполк. Миончинского, быстро стали отходить.

Дивизия удержала свой фронт, но снова не была в силах преследовать пр-ка. В полосе жел. дороги его некоторое расстояние преследовал только-что прибывший бронепоезд «Ген. Марков», но, выехав значительно вперед и скрывшись за кукурузой, там испортился, был подорван и оставлен командой.

Потери ген. Маркова полка были опять большими. Убит полк. Хованский, участник 1-го похода в рядах полка, временно командовавший им с 21 апреля до своего ранения 27 апреля и только что вернувшийся по выздоровлении. Серьезные потери в людях и конском составе и 1 арт. див-он.

25 и ю л я. Красные по всему фронту дивизии возобновили наступление, но уже не с прежней энергией и не со столь смелыми атаками. Положение, однако, было весьма напряженным и единственным выходом разрядит ь его, могло быть лишь контр-наступление, но довели огромные силы красных.

Так продолжалось долго, за полдень, пока в цепях пр-ка и за ними не стало заметно какое-то волнение и беспорядочное движение. Затем были замеченыдвигающиеся с юга к жел. дороге какие-то цепи, на буграх далеко за пр-ком и промчавшийся там бронеавтомобиль. Что происходило, никто не знал и не понимал.

И вот, в некий момент, без приказаний, цепи Марковцев быстро пошли вперед. Красные их встретили беспорядочным и быстро прекратившимся огнем. Они бежали в сторону жел. дор. Левее вперед неслась лава 1 кон. офиц. п.

Внезапно перед Марковцами, прошедшими один хутор, недалеко остановился выманивший из ложины бронеавтомобиль. «Чей?» — вопрос, на который в цепи уже неслись крики — «Свой!» — над ним развевался маленький Национальный флажок. Скоро вся обстановка разъяснилась: части 3-й див. обошли правый фланг красных и зашли им в тыл. Бой стихал.

Через некоторое время б-ны полка были собраны и расположены по группам Малеванных хуторов. Наступила ночь.

26 и ю л я. Полк продолжает стоять в хуторах. Всем становится известным о поражении армии Сорокина, без задержки отступающей частью на Екатеринодар, частью к ст-це Тимошевской. Конная див. заняла ст-цу Кореновскую. За ней шел Куб. стр. п. с 1-й батареей.

В течении дня Марковцы вылавливали в камышах речки Малевана сотни укрывавшихся там красных.

27 и ю л я полк перешел в ст-цу Кореновскую и расположился по квартирам. Он шел той дорогой, по которой 4 марта, этого же года он с ген. Марковым шел из Выселок в наступление на эту станицу.

28 и ю л я — в Кореновской. У Марковцев полная уверенность в том, что теперь уже Екатеринодар будет взят в ближайшие же дни, может быть даже и без их участия, т. к. сообщения говорили о почти непрерывном движении к городу конной дивизии, в этот день занявшей ст-цу Динскую.

В полку подводились итоги минувшим боям на екатеринодарском направлении. 12 дней непрерывных боев. Вторичное столкновение с армией Сорокина, неожиданно показавшей всю силу своей массы и сохраненной ею боеспособности. Свыше половины состава полка — около 800 чел. — вышло из строя.

Огромные потери были отчасти восполнены прибывшими пополнениями — двумя партиями добровольцев. Одна из них, вся из г. Екатеринослава, в 100 офицеров, была определена как 3-я рота полка, с

переводом оставшегося ее состава в 1 и 2 роты. К-ром роты назначен, приведший эту партию, полк. Волнянский. Другая партия в 60 офицеров — распределена по 7 и 9 ротам. Ее н-к, полк. Булаткин, получил в командование 9-ю роту, ком-р которой, полк. Блейш, назначен, после смерти подполк. Плохинского, к-ром 1 б-на.

Трогательна была встреча полк. Тимановского с полк. Робачевским, прибывшим с партией в 100 человек и назначенным пом. к-ра 3 роты. В Русско-Японскую войну вольноопределяющийся Тимановский был в подчинении у подпор. Робачевского.

В Кореновской чинам полка было выдано жалование. Они припасали его для Екатеринодара. Для раздачи жалования раненым, в большинстве находившимся на ст. Тихорецкой, были командированы офицеры. Поселок станции был набит ими и условия для них, естественно, не могли быть удовлетворительными. Но затем раненых постепенно стали развозить по станицам и, гл. обр., в освобожденный г. Ейск. После поправки, некоторые из раненых, используя данный им отпуск, уезжали к своим родным на Украину. Там они, в форме полка, вызывали любопытство всех, были пропагандистами Добр. армии, звали в армию, но... немногих уже трогали эти их слова, их пример.

29-31 и ю л я. Офиц. ген. Маркова полк по жел. дор. прибыл на ст. Динская и оставался в вагонах.

1 а в г у с т а. Куб. стр. п. с боем взял разъезд Лорис, куда переехал полк ген. Маркова и разгрузился.

2 а в г у с т а — сильный бой на подступах к городу, но без участия Марковцев. Ген. Деникин — на передовых позициях, на наблюдательном пункте 1-й бат-и. К-р Куб. стр. п., полк. Туненберг, доложил ген. Деникину о блестящей работе бат-и, за что она получила от Командующего благодарность, заявившего при этом, что «прекрасный отзыв пехоты всегда служил и будет служить лучшей похвалой артиллерии».

К вечеру передовые части подошли к самому городу и с ними — первый бронепоезд Добр. армии, взятый в Тихорецкой — «Единая Россия».

Ночью красные оставили Екатеринодар.

3 а в г у с т а. Рано утром разъезды отд. конн. сотни 1-й див. вступили в город. У дворца Атамана они встретились с разъездами от Конной дивизии, вступившей в город с севера. Под дворцом развился Национальный флаг.

Утром вошла в город и 1-я пех. див., имея в голове Куб. стр. п. с 1-й бат-ей, как участвовавшие в последних боях перед ними. Голпы народа приветствовало входившие войска. Неописуема была радость и жителей и добровольцев. Последние теперь питали полную уверенность в скорой окончательной победе над большевиками.

Куб. стр. п. с батареей, пройдя город, занял боевой участок вдоль р. Кубань, у двух переправ через нее. Полк ген. Маркова остановился в центре города у старого Войскового Собора и расположился в зданиях училищ.

Раздался сильный взрыв и клубы черного дыма поднялись в воздух: красные взорвали жел. дор. мост и вместе с ним и трубы, по которым текла нефть из Майковского района, которая загорелась. Батареи красных обстреливали город, пока их не заставила замолчать 1-я бат-я.

3-я пех. див., наступавшая на Екатеринодар левее ее, в город не вошла, а растянулась вдоль р. Кубань восточнее города для обороны переправ. Эту же задачу получила и 1-я ниж. рота, став на переправе у ст-цы Усть-Лабинской, и только ее жел.-дор. взвод принял в свое ведение екатеринодарский жел.-дор. узел.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Через несколько дней после взятия Екатеринодара, красные вынуждены были очистить весь северный берег р. Кубани вплоть ее до устья. Однако, достигнутый Дабр. армией большой успех, не позволял ей, хотя бы на короткое время, приостановить наступление и дать отдых частям. Главнейшее основание этому было таково:

Армия, начав 2 месяца назад, наступление на фронте в 120 верст (Кагальницкая—Шаблиевская), теперь имела фронт от Черного моря по р. Кубань до г. Ставрополя, протяжением до 350 вер., не считая второстепенного участка — от Ставрополя на север, в район ст. Торговая, где начинался фронт Донской армии, имевший протяжение до 100 вер. Силы же ее едва увеличились в два раза, т. к. формирование новых частей требовало времени. Удерживать такой фронт для армии было чрезвычайно трудно, имея при этом значительно большей численности. А так как задача армии — освобождение сев. Кавказа, т. е. дальнейшее наступление, то от нее требовалось не дать противнику время закрепиться, привести в порядок и отдохнуть; и, имея в виду, что наступление ее с нижнего течения р. Кубани приведет к значительному сокращению фронта, то начать немедленное наступление на этом участке. Выполнение задачи возложено было на дивизии: Куб. казачью — ген. Покровского, 1-ую Конную — ген. Эрдели и 1-ую пехотную.

Форсирование р. Кубани Каз. див-ей у ст-цы Троицкой, от Екатеринодара ниже по течению реки и Конной — у ст-цы Усть-Лабинской, выше по течению, кончились неудачей, но у самого Екатеринодара Куб. стр. полк удалось переправиться на южный берег и закрепиться там. Отсюда началось наступление трех дивизий.

С переправившимися Куб. стрелками было отделение жел.-дор. взвода 1-й Инж. роты, под командой известного «великокняжеским» видом прап. Шмидта, на которое возложена задача приводить в порядок линию жел. дороги на Новороссийск и подготавливать все необходимое для перевозки войск. Но, т. к. ж.-дор. мост был взорван, то все могло быть подготовлено только из того, что оставлено красными. Последние же не оставили на захваченном отрезке жел. дороги ни одного паровоза, ни вагона, ни платформы.

Делать отделению, в сущности, было нечего. Но в распоряжении прап. Шмидта оказалась дрезина и он использовал ее для дела, ничего общего с поставленной ему задачей, не имеющего; на дрезину поставил пулемет и на ней стал выезжать вперед и вести перестрелку с красными. Поставил он себе и точную задачу: не дать пр-ку взорвать ж.-дор. мостик, чего и добился.

6 августа на южный берег реки, по наведенному понтонному мосту, перешел 1-й Кон. офиц. п. с орудием 1-й бат-и, кот. дана задача наступать вдоль жел. дороги, в то время как Куб. стрелки должны были, расширив свой плацдарм, обеспечивать его действие с юга и востока.

8 августа Кон. офиц. п. взял ст. Холмскую и на ней ж.-дор. состав с паровозом. Этот трофей поступил в распоряжение прапорщика Шмидта, поступившего с ним весьма рационально: «забронировав» платформы шпалами и поставив на них пулеметы, он, таким образом, сформировал «бронепоезд» и стал его командиром.

На следующий день с ним он принял активное участие в атаке Кон. полком ст. Ильинской. Атака «бронепоезда» была исключительной по дерзости, несмотря на то, что красные имели большие силы и бронепоезд: прап. Шмидт ворвался на станцию и огнем пулеметов расстроил всю их оборону, а когда орудие 1-й бат-и накрыло их своими снарядами, то расстройство красных перешло в панику. А в это время Кон. полк охватил станцию. В результате: станция взята; взят ж.-дор. состав с паровозом, а атака Кон. полка завершилась захватом совершенно исправного бронепоезда.

Немедленно из Екатеринодара прибыла группа артиллеристов 1-й бат-и и пулеметчиков, во главе с к-ром взвода этой батареи, кап. Харьковцевым I, и вступила в обслуживание захваченного бронепоезда, названного «Офицер». Кап. Харьковцев стал его к-ром. Прап. Шмидт свой «бронепоезд» переформировал во вспомогатель к «Офицеру», а сам вступил в исполнение своих прямых обязанностей, имея уже в своем распоряжении и вспомогатель и ж.-д. состав.

Успешное наступление 1-го Кон. офиц. п. заставило красных отходить с нижнего течения р. Кубани к Новороссийску, а ген. Деникину — возможность перебросить конн. дивизии на южный берег реки и напра-

вить: кубанскую — на Майкопское направление: 1-ую конную — на Армавирское.

12 августа 1-й Кон. офиц. п., уже с поддержкой бронепоезда «Офицер», взял ст. Крымская, на кот. красные оставили большие трофеи. Вечером на эту станцию, на трофейном ж.-д. составе, прибыл в распоряжение к-ра кон. полка, полк. Колоссовского, 6-й Куб. стрелков с тремя, оставшимися до сего в Екатеринодаре, орудиями 1-й бат-и.

13 августа отряд полк. Колоссовского, не встречая сопротивления красных, перешел через горный хребет и к вечеру вступил в г. Новороссийск. Лишь в южной части города Кон. полк имел столкновение с арьергардом красной «Таманской» армии, состоявшей из частей, стоявших против немцев на Тамани, части армии Сорокина, отошедшей от ст-цы Тимошевской и, присоединившихся к ним в Новороссийске, матросских и коммун. частей — опоры «Черноморской республики».

Силы «Таманской» армии ген. Деникиным исчислялись приблизительно в 10.000 шт. и сабель, но книга сов. автора В. Сухорукова: «XI армия в боях на Сев. Кавказе и на нижней Волге в 18-20 г. г.», дает иные цифры: 27.000 шт. и 3.500 саб. при 15 орудиях.

**

Взятие г. Новороссийска, порта на Черном море, открывало для Добр. армии «окно в Европу», хотя еще и закрываемое внешними врагами — Германией и Турцией, но поражение которых союзниками казалось делом недалекого будущего. Кроме того, вступление армии в Черноморскую губернию, как и двумя месяцами раньше — в Ставропольскую, давало ей территории, независимые от казачьих областей и ей полностью подчиненные.

Через день в Новороссийске состоялся парад частями его занявшим. Парад принимал ген. Колоссовский, только что произведенный в этот чин. Восторженно приветствовали войска собравшиеся массы народа, пережившие ужасы большевизма и голод, вызванный прекращением подвоза продуктов питания с Кубани.

Через некоторое время в Новороссийск прибыл произведенный в генералы, полк. Кутепов, назначенный Генерал-губернатором Черном. губернии.

**

Преследование «Таманской армии» по единственной дороге между горами и морем, с ее крутыми перевалами, не могло протекать быстро, даже после того, как отряд ген. Колоссовского был усилен всеми остальными 6-нами Куб. стр. когда операции стали проводиться высадкой

дессантов с моря. Красные сохраняли боеспособность. Было, казалось, реальное предположение: красные, когда будут прижаты к г. Туапсе, занятому грузинской армией, сдадутся или рассеются. Но оно не осуществилось: красные заставили грузин отойти к югу, и сами начали отходить на восток, по дороге на г. Армавир. Это было неожиданно даже для ген. Деникина. Положение резко менялось: отряд ген. Колоссовского входил в непосредственное соприкосновение с груз. армией, занимавшей никогда не принадлежавшую Грузии южную часть Черн. губернии и становился перед «внешним врагом» Добр. армии; и — главное: «Таманская армия» опять шла на территорию Кубани и угрожала тылам уже ведущим бои у Майкопа и Армавира Кубанской и 1-й Кон. дивизиям и могла, свернув, выйдя на горного хребта, на север угрожать Екатеринодару. И это, когда у всей Добр. армии в резерве были лишь части 1-й див.: полк ген. Маркова с одной батареей и отд. кон. сотня дивизии. Для армии задача изменилась: не преследование красных, а встреча их при выходе из гор.

31 августа головные части отряда ген. Колоссовского подошли к г. Туапсе, но его уже заняли грузины. И только потому, что грузинами командовал ген. Мазниев, генерал русской службы и ориентации, город без осложнений был разделен на две части: северную — добровольцам а южную — грузинам. Очистить южную часть Черном. губ. Груз. прав-во, поддерживаемое Германией, отказалось и от него можно было ожидать всего. Отряд ген. Колоссовского прекратил преследование «Таманцев»: перед ним стояла иная задача.

Встретить «Таманскую армию» по выходе ее из гор Кавказа спешно был выслан из Екатеринодара отд. Кон. дивизион 1-й пех. див., развернувшийся из сотни, во главе с войск.-старшиной Растегаевым. Он, пройдя по гористой местности 80 вер., встретил красных у Ходыженского перевала, в 60 вер. восточнее г. Туапсе, остановил их головные части, но затем, под давлением массы, вынужден был очистить ей дорогу.

Спешно выезжают из Екатеринодара 1 и 3 роты Марковцев со взводом 2-й бат-и по жел. дороге на ст. Усть-Лабинская, откуда на подводах они едут на пересечение пути «Таманцам». Составился отряд полк. Моллера, в кот. вошли кроме 2-х рот Марковцев еще только что сформированный 5-й пласт. б-н и «Марк.» кон. див-он в.ст. Растегаева.

Отряд вошел в соприкосновение с пр-ком, уже занявшим ст-цу Белореченскую, на половине пути его к Армавиру и находящемуся в близком тылу Куб. каз. дивизии. Первыми из отряда столкнулись с пр-ком пластуны и сдержали его наступление, но на следующий день они под давлением стали подаваться назад. Как и какое участие принимали в бою этого дня, Марковцы, описал один из участников:

«Первый образец «головотяпства», подобному которому до сих пор в Добр. армии не наблюдалось. Две наши роты были заведены в «джун-

гли» подсолнечника и там оставлены на совершенно «дикий», и для обороны и для наступления, позиции. Были ли какие-либо распоряжения от и-ка отряда — мы не знали. К-р 1-й роты, шт.-кап. Поляков, даже взводным, ничего не говорил, ничего не предпринимал, только крепко ругался».

«В сумерках, влево, где по нашему предположению должен находиться пласт. б-н, закипела беспорядочная стрельба и стала перемещаться очень быстро нам во фланг. Все подтянулись и прислушивались в тревоге неизвестности. А тут из подсолнухов выскочил грузовой автомобиль с пулеметами на линию наших окопчиков и принялся обстреливать роты вдоль их. Все бросились назад в полном беспорядке к ближайшему хутору. И сами не знали — смеются ли нам, или плакать. Никто нас не преследовал. Потери в ротах были незначительные».

Удачную атаку провел лишь «Марковский» кон. див-он, нанесший большие потери красным.

В последующие дни роты ехали куда-то на подводах; иногда вели перестрелку. «Таианская» армия соединилась с армавирской группой красных.

12 с е н т я б р я, роты получили приказание вернуться в Екатеринодар, где не застали уже своего полка, а лишь две роты своего б-на. Настроение их было сильно возбужденным: никто не мог хоть немного быть удовлетворенным выполнением их задачи.

А тем временем в Туапсе...

Впечатление от Груз. армии — весьма слабая боеспособность. Занять южную часть Черном. губ. даже для отряда ген. Колоссовского не представлялось труда. Но, чтобы Добр. армии не заводить себе еще врага, установилось положение: ни мир, ни война.

Марковцы 1-й бат-и, однако, вели войну средствами мирными: они разлагали грузин, имея с ними тесное общение, пропагандой. Масса грузин воевать против русских не желала и весьма беспечно относилась к своей службе. У артиллеристов родился соблазн — похитить орудия. Не долго думая, в одну из ночей они увезли у спавших грузин 2 орудия и 2 зар. ящика. Однако, это не изменило взаимоотношений обеих сторон. А через несколько дней ген. Мазниев, под предлогом развала своих частей, передал отряду бронепоезд, названный «Витязь», первыми артиллеристами на котором стали чины 1-й бат-и.

Происшедшие случаи вынудили Груз. прав-во отозвать ген. Мазниева и назначить другого командующего, а свою армию отвести более чем на 25 вер. к югу и там возвести полевые укрепления. Головной отряд добровольцев — б-н Куб. стрелков и взвод бат-и, стали в с. Лазаревка.

21 сентября отряд ген. Колоссовского был смещен сформированной 2-й пех. дивизией и отправился на главный фронт борьбы. (В дивизи-

зии под № 1-й числились старые полки Добр. армии: Марковский, Корниловский, Дроздовский, Партизанский и, сформированный во время начала 2-го похода на Кубань, Самурский, переименованный из Солдатского.)

Первая задача стратегического масштаба, вызванная обстановкой, была выполнена: фронт Добр. армии был сокращен до 160 вер. и теперь проходил приблизительно по линии: Майкоп—Армавир—Ставрополь. Начался новый период борьбы за освобождение южных районов Куб. области, восточных и южных Ставроп. губ. и всего Сев. Кавказа.

В ЕКАТЕРИНОДАРЕ

Со взятием 3 августа Екатеринодара, Офиц. ген. Маркова полк с отдельной конн. сотней 1-й див. и 2-й бат-ей, были назначены в резерв армии и в то же время составили гарнизон города, т. к. никаких других частей еще не было.

Полк сразу же стал нести усиленные наряды караулами, а по ночам патрулями. По имевшимся сведениям в городе оставалось не мало большевиков. С 22-х часов жителям запрещалось выходить из домов. Улицы с этого часа были пустынные и по ним проходили лишь патрули Марковцев. Но миссия патрулей не проходила без столкновений с жителями, устраивающими им «засады»: выбегая на улицы, они бросались обнимать патрулирующих, благодарить за освобождение, вырывать у них согласие притти к ним в свободное время. Особенно безцеремонна была женская молодежь.

То, что в первые дни в городе была отчетливо слышна арт. стрельба и не так уже далеко разрывы снарядов и то, что по ночам совсем близко и кругом раздавались руж. выстрелы, совершенно не беспокоило жителей.

— Вы здесь! Вы с нами и беспокоиться нам теперь нечего, — говорили они.

Иное отношение к ночным руж. выстрелам было у Марковцев: в каждом из них они видели оправданное возмездие большевикам за совершенные ими преступления. Преступлений, совершенных против народа за последние месяцы на Кубани, не счесть, но не они в это время приписывались большевикам, а другие: расстрелы и насилия над жителями только потому, что члены их семей стали в ряды прот-ков их; добивание раненых и глумление над телами павших; зверское убийство более 60-ти тяжело раненых в ст-це Елизаветинской; и, наконец, то, как поступили они с уже зарытым телом ген. Корнилова: они нашли могилу ген. Корнилова в кол. Гночбау, вынули гроб, привезли в Екатеринодар и здесь, повесив тело на балконе дома, дико глумились над ним, а потом сожгли и развеяли пепел; присутствующая при этом большая толпа народа веселилась.

Преступления требовали возмездия и оно совершалось.

На следующий день по взятии города, массы народа стекались к площади у собора, где производился парад частям 1-й пех. и конной дивизиям. Полк ген. Маркова был на нем в полном составе.

Парад принимал ген. Деникин. Он приехал верхом, в сопровождении своего штаба и Куб. атамана. Над группой развивался Нац. флаг. Громкое, раскатистое «Ура» многотысячного народа предупредило о приближении командующего и было подхвачено войсками. Объезд частей и молебен с провозглашением «Вечной Памяти» погибшим в борьбе. Потом короткая речь ген. Деникина о Родине, ждущей освобождения и долге каждого перед Ней, покрытая долгим «Ура» войск и всего присутствующего народа. И — заключение: церемониальный марш.

Не блистали своим видом Марковцы: обмундирование и снаряжение, весьма разнообразное, у них было одно и для боя и для парада, но проходили они бодрым и твердым шагом и радость была в их глазах.

Последствия парада для Марковцев были отличные: не находилось ни одного из них, кто бы в этот и последующие дни не был приглашен жителями к себе, не принят ими с исключительным радушием. Никто не возвращался от них без подарка: смены белья, или гимнастерки и бриджей, даже обуви, не говоря уже о том, что все на них было починено, вымыто, выглажено и на плечах не было бы новеньких черных погон, а на рукавах добровольческого угла.

Настроение у всех превосходное; отдых полный; обстановка, отвлекающая от жестокой войны. То, что приходилось жить в зданиях училищ без удобств, спать на полах и соломе и питаться из пох. кухонь, казалось незаметной мелочью.

На третий день на той же площади у собора состоялся другой парад — частям Куб. каз. див. ген. Покровского и принимал его ген. Алексеев. Марковцы были лишь зрителями. Вчера они не могли хорошо видеть Куб. полков кон. див. ген. Эрдели, будучи сами участниками парада, а теперь они любовались и восторгались силой, порядком и красотой казаков. Им казалась скорой полная победа над большевиками.

На четвертый день, 6 августа, полк ген. Маркова ходил за город к той белой ферме, в которой был смертельно контужен и умер ген. Корнилов. Полк шел по большой дороге на ст-цу Елизаветинскую и проходил места памятные для первопоходников по ожесточенным и кончившимся неудачей боев: окраина города; потом — влево арт. казармы, а вправо большой плац; потом — валик, на котором была позиция красных, взятая полком, как и казармы; пустырь и влево предместье... а впереди, в нескольких верстах, видна белая ферма, едва прикрытая рядом тополей. Ферма, куда шел полк. Вот и она с заколоченным окном, через которое влетел снаряд в комнату ген. Корнилова. А рядом с фермой, на самом берегу р. Кубани — крест, место смерти Вождя.

Панихида в присутствии ген. Алексеева, ген. Деникина и др., а также и вдовы, дочери и сына ген. Корнилова. Потом — слово ген. Алексеева, сказавшего, что, хотя и нет могилы Вождя, места его упокоения, все же сожженный и развеенный по ветру его прах приняла

Русская Земля и сделала его своим достоянием, а память о великом Патриоте, да сохранится и чтится во веки в сердцах верных Родине Ее сынов.

Роты Марковцев возвращались в город с песнями бравурными и полными скорби.

«Теперь же грозный час борьбы настал,
Коварный враг на нас напал.
И каждому, кто Руси Сын,
На бой кровавый путь один».

«Молись о нас Святая Русь.
Не надо слез, не надо.
Молись о павших и живых,
Молитва нам отрада».

Было о чем и о ком скорбеть Марковцам. Ко всем их скорбям прибавилась еще одна: передавали как достоверный слух —

17 июля этого года, в Екатеринбурге, были расстрелены Император, Императрица и все их дети с несколькими, не покинувшими их в несчастии, приближенными.

Смерть Императора произвела ошеломляющее впечатление на сознание и чувства всех. Она переживалась, как олицетворение кровавой драмы всей России. Смерть Его семьи, как кровавая драма всех семей, или уже совершившаяся или которая совершится. Полный облик Красной власти, охватившей Россию, показан в этом злодеянии. Тяжелая горечь давила на сердце каждого, узнавшего о бывшей панихиде по Императоре и Его семье, носившей неофициальный характер.

С первых дней пребывания в Екатеринодаре, в полку ген. Маркова стали проводиться большие перемены, как в составе, так и в организации. Из него выделялись значительные группы чинов на формирование новых частей:

1. — Чины Гвардии — на формирование Гвард. б-на, сначала, как 4-го б-на при полку, а затем — как сводно-гвард. полка, в командование которым вступил полк. Дорошевич, помощник к-ра Офиц. полка.

2. — Гренадеры — в сводно-гренадерскую часть.

3. — Моряки — частью на бронепоезда, частью во флот, кот. должен возродиться с выходом армии к берегам Азовского и Черного морей.

4. — Были выделены офицеры в формирующиеся Куб. пластунские б-ны, ввиду недостатка офицеров из казаков.

5. — Около ста первопоходников были командированы на формирование особой роты при Ставке Командующего армией, для ее охраны и несения почетных караулов. Рота эта получила ту же форму одежды, что и полк ген. Маркова, но с заменой белых кантов и просветов на погонах — оранжевыми. Черный и оранжевый — цвета Георгиевской ленты.

6. — Наконец, по желанию, стали выделяться чины польского происхождения в Польский отряд. Возрождение свободной Польши было объявлено еще в начале Вел. войны, а в революцию 1917 года в составе Русской армии находился уже целый Польский корпус. С поражением Германии и восстановлением Польши, этот отряд уехал на свою родину.

В общем, из полка было выделено около 400 чел.

Но одновременно он и пополнялся добровольцами из южных губерний России, иногородними из освобожденных районов Кубани и отчасти пленными. Кроме того, в полк непрерывно возвращались выздоровевшие от ран. Вступив в Екатеринодар в количестве около 800 шт., недели через три, полк достиг силы свыше 3.000 шт., не считая чинов разных команд.

Полк получил следующую организацию:

1. — 3 бат-на, теперь уже по 4 роты в каждом. 7 и 9 роты оставались чисто офицерского состава по 250 чел. в каждой. Остальные роты — смешенного состава по 200 с лишним штыков.

2. — Полковая пул. команда — 12 пул. и при ротах пул. взводы в 2 пулемета.

3. — Конная сотня около 100 коней.

4. — Разные вспомогательные команды. Было положено и начало обоза 2-го разряда.

В Екатеринодаре 1-й арт. див-он полк. Миончинского стал 3-х батарейным. Его 3-я бат-я была Гвардейской.

7 августа, приказом Ком-щего армией, 1-ой батарее было дано Шефство Имени ген. Маркова и она стала именоваться — «1-й Офиц. Г. М. бат-ей». Это было высокой честью и наградой ей, положившей начало артиллерии в Добр. армии и всегда бывшей с ген. Марковым. Она надела марковскую форму, с заменой лишь белых кантов и просветов красными; на погонах — вензель ген. Маркова. Полк. Миончинский распорядился о ношении такой же формы и 2-ой бат-ей, но без вензеля на погонах.

Особая конн. сотня 1-й дивизии, неофициально называвшаяся «Марковской» и носившая черные погоны, развернулась в дивизион. Ее ком-р, ес. Растегаев, был произведен в чин Войскового Старшины.

Стоянка полка в Екатеринодаре проходила совершенно спокойно, а с увеличением его численности в 3 раза, стала необременительной для чинов и нарядами. Томиться не приходилось: жизнь большого города быстро восстанавливалась во всем ее объеме, давая много развлечений. Молодежь полка развлекалась с молодежью города, проводя время в отличном городском саду, из которого открывался вид на западный отрог Кавказских гор. Красив был сквер у Атаманского дворца с памятником Императрице Екатерине II, поразительно! — не тронутый большевиками.

Производились небольшие занятия в ротах, чтобы сколотить пополнение и внушить ему чувство порядка, дисциплины и духа полка. Все это дело, в сущности, велось только в ротах, ком-ры которых в этом были вполне самостоятельные, передавая даже его своим, более молодым помощникам-заместителям. Очень мало, и только попутно, уделялось времени внешнему виду, показной стороне рот, а главное внимание обращалось на моральную подготовку, обязательно связанную с представлением о всевозможных моментах в боях, для чего роты иногда выводилась на тактические занятия за город.

Основное, что внушалось всем, как выводы из минувших боев, было: «Быстрота, глазомер и натиск», не считаясь с силами пр-ка; когда необходимо — наступление «в рост», без остановок и всегда с целью довести до штыкового удара; при вынужденной обороне — выдержка, хладнокровие, а затем — контр-атака; в случаях неудач и неизбежного отхода, как бы его ни пришлось проводить — в порядке или в беспорядке, всегда быстро собираться для решительного контр-удара; всегда беречь патроны и во всех случаях выносить раненых; инициатива, дерзание, маневр даже для малых соединений; взаимная выручка и поддержка. В ротах такая подготовка доводилась до предела. Подготовка батальонов зависела от их ком-ров и, надо сказать, ее заметно не было.

Когда Куб. стр. полк ушел в Новороссийск, на южном берегу р. Кубани, на охране переправ, стали три роты Марковцев, расположившись по квартирам поселков, населенных рабочими консервной фабрики. Не меньше половины рабочих покинули свои дома и ушли с красными. «Почему?» — спрашивали оставшихся, но те только пожимали плечами. Хорошо жили здесь рабочие в своих недавно выстроенных домах, хорошо обставленных, с участком земли под огородом и садом. Ничего не тронули Марковцы, «пострадали» лишь зрелые помидоры, баклажаны, фрукты, да куриные яйца. Но за это «мародерство» Марковцы, когда оставляли эту чудную стоянку, в оставленных записках, просили их простить и, конечно, благодарили за приют.

На одну из стоявших здесь рот, 7-ю Офицерскую, была возложена и особая задача: контроль документов и опрос всех, кто направлялся в Екатеринодар и вообще в район к северу от р. Кубань. Особенно много едущих по жел. дороге из Новороссийска. Т. к. жел. дор.

мост был взорван, поезда останавливались перед ним и прежде чем пассажиры могли перейти мост по настилу, они проходили серьезный контроль. Много было из них с петроградскими и московскими документами; немало из них показывали офицерские документы. Это те, кто в ноябре и декабре минувшего года, проезжая через Дон, не желали поступить в Добр. армию. На них смотрели строго и с упреком и пропускали. Едущие из Черном. губернии, гл. обр. спасались от голода, который там был.

Иных контроль задерживал для детального выяснения об их пребывании в этой губернии и выявлено было несколько активных большевиков и среди них комиссар здравоохранения «Красной Черном. республики», по профессии фельдшер. Выяснилось, что он занимался не здравоохранением, а углублением пролетарской диктатуры.

9-ая Офиц. рота, остававшаяся в Екатеринодаре, несла почетную службу при Ставке Командующего армией. Она выставляла парный офиц. пост у входа в Ставку, над которым развевался Национ. флаг; она в центре армии представляла Русского Офицера, вставшего на защиту Родины, как потребовалось, рядовым бойцом; дефилируя идеальным строем по городу, с пением патриотических песен, она приводила всех в восторг и наводила на мысль каждого об его долге. Находились офицеры, кот. иначе смотрели на строй офицеров и небрежно отдавали им честь. Таких к-р роты, полк. Булаткин, останавливал и делал им внушение. На строгий вопрос генерала;

— Полковник! Почему вы не подали команды, когда проходит генерал? — полк. Булаткин ответил:

— Ваше Пр-во! Идет Офицерская рота и я командую только своим прямым начальникам.

*
**

Обстановка на фронте требовала высылки туда частей из резерва армии. На пересечение пути красной «Таманской» армии выступили «Марковский» конн див-н, затем — две роты 1-го б-на со взводом орудий 2-й бат-н. 2-й взвод этой батареи вскоре был отправлен в район г. Ставрополя, в отряд ген. Улагая. Вернувшись в Екатеринодар, взвод отдохнул лишь 4 дня и снова отправился туда же, но в отряд ген. Станкевича, в котором он оставался до начала января м-ца. За все время боев взвод потерял убитыми 5 офицеров и в их числе своего ком-ра, полк. Плазовского; ранеными — 5 офиц. и 11 солдат, и убитыми и ранеными 12 лошадей.

12 сент. ушли на фронт 2 и 3 б-ны полка со всеми командами. Вернувшиеся в Екатеринодар две роты 1-го б-на, застали лишь остальные две роты своего б-на, но и те со взводом 2 бат-н через день спешно выехали на ст. Торговая, в направлении которой с востока наступали красные. Роты остановили красных и выбили их из с. Новый Егорлык

с поддержкой Донского кон. полка. На след. день, рота пор. Савельева, оставшаяся в селе и Донцы, были выбиты из села внезапной атакой кавалерии красных. Рота отбивалась сначала по-взводно, а затем собравшись и благополучно отошла на ст. Торговая к другой своей роте и арт. взводу. Красные больше не наступали и в начале октября роты, смененные Корниловцами, выехали на присоединение к полку под Армавир.

В Екатеринодаре оставались две роты 1-го б-на, которым пришлось участвовать на похоронах ген. Алексеева.

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЕВА

На одной из улиц Екатеринодара, идущей из центра к главному вокзалу, близ Триумфальной арки, стоял старый кирпичный, нештукатуренный, одноэтажный дом, на высоком фундаменте и с небольшим палисадником перед ним. Всякому, проходящему мимо, бросался в глаза не вид его, а развевающийся над парадным крыльцом Национальный флаг и стоящие у входа с обнаженными шашками два казака, в форме полка Конвоя Императора Всероссийского. Невольно замедлялись шаги... В этом доме жил ген. Алексеев.

Основоположник Добр. армии; не Ком-щий ею, а, признанный всеми, ее духовный Вождь — Верховный Руководитель, ген. Алексеев нес с нею все тяготы и лишения. Легшие на него еще с конца 17 года дела внешних сношений и финансов, с развитием успехов Д. А. расширялись и осложнялись. Сношения с Доном, объявившим себя самостоятельным государством; с Кубанью, стремившейся последовать примеру Дона; наконец — с Грузией; устройство жизни в губерниях Ставропольской и Черноморской, кот. потом будет перенесено и на вновь освобождаемые губернии; необходимость теперь же создать ядро обще-российского единства при развивающейся многопартийности среди государственно-мыслящих людей — все это ложилось на него, давно уже страдающего тяжелой болезнью.

И вот, 25 сентября, в день Св. Сергия Радонежского его не стало.

Слабо трепетал приспущенный над его домом Национальный флаг. Печально опустив головы, стояли у входа бородачи конвойцы. Ни один прохожий не прошел мимо, не отдав мысленно земного поклона...

Бывшие в городе две роты Марковцев не могли отметить в этот день свой полковой праздник: они участвовали на панихиде по усопшем Вожде, через два дня и на похоронах его.

Только в этот день были похороны ген. Алексеева, Болярина Михаила. Венки, цветы, духовенство... на лафете орудия 1-й Г. М. батареи, прибывшей с фронта, гроб... семья покойного, ген. Деникин, которому теперь предстоит нести все бремя власти. Шпалеры войск... две роты

Марковцев. Печально-торжественные звуки похоронных маршей и траурный звон колоколов нового Войскового собора. Масса народа и среди него сотни раненых и больных Марковцев. Последнее отпевание в соборе и похороны в нижней его церкви, с правой стороны.

Немеркнущий свет лампад у могилы. Непрекращающийся поток молящихся... Каждый день к могиле подходят Марковцы на костылях, с перевязанными руками, головами, едва могущие двигаться. Они стоят у могилы и кажется им — стоят они у «Чаши страданий и крови» за Родину...

А отойдя от могилы и выйдя из собора, они вдруг возвращаются к жизни, к реальной действительности и говорят себе:

— Мы же, живые, будем продолжать борьбу, пока не достигнем цели.

ЗАРОЖДЕНИЕ БЕЛОЙ ИДЕИ

Над входом в дом, где помещался Штаб Добр. армии, развевался Российский Национальный флаг. Ум, душа и воля армии находились сосредоточенными в этом доме, в лице ее Командующего, ген. Деникина, принявшего после смерти ген. Алексеева звание Главнокомандующего. Здесь решались все задачи, связанные с освобождением Родины и направлении ее жизни «по новому руслу — к Свету и Правде».

Высокая, патриотическая Идея была ведущей силой.

«Так с песнями, смерти навстречу,
Мы шли и в сраженьях мечтали о том,
Когда мы в свободной Москве созовем
Великое Русское Вече», — декламировали добровольцы

и весь пыл своей молодости и любви к Родине, выражали в песне:

«Вперед же, братья, на врага,
Вперед, полки лихие!
Господь за нас! Мы победим!
Да здравствует Россия!...»

Успехи армии окрыляли надежды в конечное торжество Идеи. Они показали, что общее, сплоченное стремление к цели, даже при разнице личных убеждений, только и может привести к успехам. Стало непреложным законом, что «Добр. армия не может стать орудием какой-либо полит. партии. Иначе — она не была бы Русской Государственной армией».

Примеры тому показали Вожди. Ген. Алексеев был монархистом. Ген. Корнилова считать монархистом было нельзя. Ген. Деникин заявлял о своем полном подчинении воле Учред. собрания. Ген. Марков не скрывал своих монархических убеждений, но твердо считал, что

выявить свои убеждения должно только после освобождения Родины. Ген. Кутепов, ярый монархист, поборол в себе свои чувства и влечения и заявил, что, если воля Учред. собрания остановится на иной, не монархической, форме правления, то он приложит руку к козырьку и скажет — «Слушаю!»

Терпимость к личному убеждению каждого в армии становилась полной и крепила ее ряды в стремлении к общей Идее. Если даже трудно было иным согласиться с мыслью об Учред. собрании в составе, каком оно подготовлялось в 1917 году; если в боях, социалист, еврей, прап. Фишбейн, и шел в атаку с криком: «Вперед за Учред. собрание!», как бы ведя и других за него, все же примерялись на представлении о высоком собрании выборных от народа, как бы оно ни называлось.

Добр. армия перемолола в себе до конца расовые и племенные расхождения. Особенно это касалось евреев. Установление революцией их полного равенства со всеми, принято было без всяких ограничений. В рядах армии евреев было не мало; некоторые в офиц. чине; прошедших 1-й Куб. поход и показавших себя с отличной стороны. Были латыши, литовцы, поляки, горцы с Кавказа, туркмены... Это утверждало закон: «Россия — мать всех народов, ее населяющих».

Сами собой отпали всякие классовые, сословные и пр. деления, как отпало и представление о возникновении вновь классов, сословий... с их правами и привилегиями.

Так Идея армии выявляла и налагала свое влияние на разные стороны жизни и взаимоотношения русских людей.

К добровольцам и казакам большевики относились как к главнейшим своим врагам. Они называли их «Каледиинцами», «Кадетами», «Корниловцами», «Деникинцами»... Но поняв, что называть их так, значит не вскрывать в своих врагах их сущности, стали величать их — «реакционерами» и «контр-революционерами», словами, имеющими уже политический смысл. В название — «реакционер» они вкладывали стремление к возвращению старых порядков, к водворению несправедливости, неравенству, господству одних над другими, меньшинства над большинством. Добровольцы это отвергали решительно, а реакционерами называли самих большевиков пот., что они, имея власть над всей страной, как раз и ввели все, что ими приписывалось добровольцам, у себя, объявив даже «диктатуру пролетариата».

Но «контр-революционерами» добровольцы себя признавали, подразумевая в этом способы, методы и средства, какими проводилась революция в целом и пролетарская в частности и в особенности. Как ни избегали они говорить на полит. темы, но эти два названия побуждали их.

Большевиками было пущено в обращение еще одно прозвище своих прот-ков — «Белые», как отличие от них «Красные». Этому слову почастливилось: оно широко распространилось не только среди красных, но было принято добровольцами: «Белая армия», «Белое дело», «Белая

идея»... «Белый солдат» — белогвардеец. Но была разница в понимании слова «белый»: красные вкладывали в него смысл политический, как и в свое — «красный», а добровольцы — смысл белизны, чистоты своих устремлений и своей Идеи. Красные шли под красным флагом пролетариата, побуждаемые идеями Маркса; белые же — под Русским Национальным, побуждаемые любовью к Родине и благом народа.

Так всдушая Идея Добр. армии стала «Белой идеей» и так постепенно она вскрывала свое содержание, охватывая им белых бойцов. Для них Белая идея стала Святой идеей; Белое дело — святым делом, которое не может выполняться «грязными руками» и нечистыми побуждениями.

**

За время долгой стоянки в Екатеринодаре много велось разговоров о моральном облике добровольцев: каким он должен быть и каким был. Некоторые, наряду с описанием походов и боев, записывали и об этом в своих карманных тетрадах. А десятки лет спустя, когда стала осуществляться мысль — написать книгу о походах Марковцев, тогда из глубин памяти воскресли минувшие дни...

«Мы обнаружили в хлеву на дворике будки с большим количеством домашней птицы. Перед нашим приходом бежали почти все железнодорожники. Сторож этой будки тоже скрылся вместе с семьей, оставив все хозяйство на произвол судьбы. Бедная птица дня три сидела взаперти. Мы с Луньковым нашли на подоловке запас зерна, притащили воды, выпустили бедняг на дворик и очень радовались, видя, как оживает полумертвая от жажды и голода птица. Потом загнали их в хлев, набросав им вдоволь корму».

«Я с удивлением увидел этого, всегда тихого, доброго Лунькова, когда мы пошли в атаку; с каким ожесточением он бросался в штыки, как он кричал вместо «ура» бежавшим черной массой от нас большевикам: «Стой, сволочь, стой!..» Он был смертельно ранен в голову выстрелом из окна, когда наша цепь уже миновала здание вокзала станции».

В одной из станиц взвод Техн. роты был расположен в сарае с сеном и с.-хоз. машинами. Устраиваясь там, один из офицеров нашел сверток, в котором оказались деньги Романовскими билетами и керенками. Сверток с деньгами был отнесен к-ру роты, полк. Бонину, кот., как раз в это время вручал хозяину деньги за кормление роты в течение дня, но, за неимением нужной суммы — билетом в 5.000 руб. достоинством. Хозяин говорил, что сдачи у него нет: откуда у него могут быть большие деньги; он беден, война разорила... Напрасны были все слова офицеров об их сомнении в его бедности. Тут ему был вручен его сверток с деньгами. Его попросили пересчитать деньги... Хозяин был крайне смущен и просил извинить его за недоверие.

На поле боя под ст-цей Кореновской, в 1-м походе, в сумке одного

убитого, видимо важного красного, было обнаружено 180.000 рублей Императорскими кредитными билетами пятисот-рублевого достоинства. К-р взвода приказал отнести «трофей» ген. Алексееву, кот. заведывал казной Добр. армии. Ген. Алексеев сидел за столом и занимался делами, когда вошли 2 офицера и молча положили перед ним сумку с деньгами. Генерал смотрит на сумку и на офицеров.

— Что это такое? — спросил он.

— Военный трофей, Ваше Высокопревосходительство!

Генерал молча вынул четыре объемистых пачки билетов, внимательно пересчитал их и поднял на офицеров глаза, полные доброты и благодарности.

— Вы имеете еще что-либо сказать?

— Никак нет, Ваше Высокопр-во!

— Можете идти.

Отчетливо повернувшись, оба офицера вышли и явились с докладом к к-ру взвода.

— Получили расписку?

— Никак нет, г-н капитан.

К-р взвода, шт.-кап. Згривец, отошел, видимо озадаченный. Но немного спустя он отзывает в сторону офицеров, сдавших трофей и говорит им:

— Ну, вы, слышь! Не вздумайте чего такого! Я все равно узнаю.

Эти слова несколько не задели и не обидели офицеров, но они показали им честное и чистое выполнение долга перед армией их нач-ка, выдвинувшегося из рядовых солдат и наблюдение им за должным выполнением долга своими подчиненными.

Во 2-м Куб. походе, когда эшелон с Марковцами стоял некоторое время на ст. Тихорецкая, они узнали, что из трофейных складов произведено было хищение имущества лицами, которым эти склады были поручены и будто бы ген. Алексеев, узнав об этом, прослезился. Возмущение Марковцев было безгранично: они готовы были отправиться туда, где сидели заключенные мародеры и расправиться с ними. И только отбытие эшелона помешало им.

В Екатеринодаре уличен был в грабеже один из Марковцев и расстрелян. Наказание это приветствовалось. Но уже там же стали говорить, что иные тяжелые проступки и преступления, скрываются знающими о них и тогда в среде Марковцев стали, конечно — без оповещения, создаваться группы для выявления не только преступников, но и тех, кто их покрывает. Уличенным в преступлении предлагали затреться и тогда никому не будет известно об его преступлении; в противном случае его дело ставилось в известность начальству и тогда он предавался суду и его имя в списках будет иметь отметку: расстрел по суду.

Трудовая борьба с живучим злом.

Но умение зла в ничтожной доле могло ли набросить тень на Белую и Белое дело?

АРМАВИРСКИЕ БОИ

Город Армавир вошел в историю всех основных полков и дивизий Добр. армии по сильным боям, кот. им пришлось вести в его районе. Силы красных здесь, увеличившиеся в начале августа отошедшей от Екатеринодара Сорокинской армией, в начале сентября и Таманской, достигали численности 50.000 бойцов при 65 орудиях и бронепоезде. Против них стояли: сначала только 2-я пех. див. и партиз. отряд, переименованный в дивизию, ген. Шкуро; потом подошли от Екатеринодара — 3-я пех. и кон. дивизии; а затем, по очищении Майкопского района, Кубанская, ген. Покровского.

Но, недостаток пехоты в Д. А. потребовал отправки 2-й пех. дивизии к г. Ставрополю, где собралась другая армия красных, силою в 40.000 бойцов при 60 орудиях. Оставшаяся у Армавира 3-я пех. див., под натиском огромных сил пр-ка, вынуждена была оставить город и отойти не на север, а на восток от него. Направление на ст. Кавказская, на пути сообщения между Екатеринодаром и Ставрополем, для прот-ка оказалось открытым.

Это потребовало срочной отправки на фронт последнего резерва Добр. армии — Офиц. ген. Маркова полка и то только в составе свободных 2-х батальонов.

*
**

11 сентября, как и в предыдущие дни, Марковцы спокойно занимались своими делами. Вечером, получившие отпуск, отправились в городской театр на концерт. Зал был полон. На сцене сменялись артисты, певцы... И, вдруг, вместо очередного артиста, вышел адъютант полка и, при водворившейся абсолютной тишине, объявил:

— Г. г. офицерам и чинам 1-го Офиц. Г. М. полка и 1-го арт. дивизиона приказано немедленно явиться в свои части, которые выступают на фронт.

Концерт был прерван, пока Марковцы не распрощались со своими знакомыми и не покинули зал.

12 сентября, утром 2 и 3 б-ны полка, все команды, штаб и взвод арт-рии начали погрузку в два жел.-дор. состава и во второй половине дня оба эшелона, провожаемые ген. Деникиным, тронулись на ст. Кавказская и далее в Армавирском направлении.

13 с е н т я б р я, с рассветом эшелоны прибыли на ст. Отрада Кубанская, в 18 верстах к северу от Армавира, выгрузились и немедленно выступили вдоль жел. дороги к Армавиру.

Всем ясно — предстоит атака города. Путь шел по легкому скату местности, почти сплошь покрытой кукурузными грядками, перемежающимися со стырней сжатого хлеба. Вдали, на подъеме, смутно обрисовывались купы деревьев и контуры домов Армавира.

Противник ничем не обнаруживал своего присутствия. Пройдя 6—7 верст, бат-ны развернулись в боевой порядок: 3-й — влево от жел. дороги, имея одну роту в резерве; 2-й — вправо, имея одну роту уступом за правым флангом и другую в резерве там же. Такое построение 2-го б-на вызвано тем, что ему предстояло наступать имея вправо широкую и глубокую ложину, кот. хранила в себе всякие неожиданности. За ложинкой — конная сотня.

После полудня б-ны двинулись вперед. 3—4 версты были пройдены спокойно. Но вот, раздались встречные выстрелы с короткой дистанции. Цепи ускорили шаг; местами рванулись бегом. Незначительные группы красных убегали назад и скрывались в кукурузе.

Пройдено еще с версту. И вдруг, с расстояния около ста шагов, поток огня встречает Марковцев. Пр-к сидел в окопчиках, укрытых в грядках кукурузы. Его пулеметы на тачанках, замаскированных порослью, клочкотали очередями. Жутко был вой и свист пуль, шелкающих по листьям и стеблям кукурузы, сбивающих их... Короткий момент невольной задержки и... в атаку! Пр-к, уже в значительных силах, не везде принял удар...

На ходу приводясь в порядок, Марковцы быстро шли вперед. И только теперь, наконец, открыла по ним огонь артиллерия пр-ка и выскавший со станции его бр-зд. Жуткие были разрывы снарядов, довольно метко ложащиеся, поднимающие в воздух столбы земли, пыли, стебли кукурузы. Но подошли бр-зда — «Единая Россия» и «Офицер» и отвлекли внимание красных от пех. цепей; они и, открывший огонь арт. взвод, заставили их бр-зд укрыться на станции, а огонь их батарей привлечь на себя. Пехота красных снова скрылась в кукурузе. Руж. огонь стихал перед фронтом Марковцев, но он в это время клочкотал за их правым флангом: красные из ложины атаковали шедшую уступом 8-ю роту. Рота не смогла сдержать их и стала отходить. Вступила в бой резервная, 5-я рота. С трудом они остановили красных, но не отбросили.

Атака красных из ложины не ограничилась только атакой на 8 роту: они атаковали и шедшую на правом фланге передовой цепи, выдвинувшуюся значительно вперед, 7 роту. Рота должна была остановить наступление и, загнув свой фланг, отбиваться направо. Это был момент, когда 3-й б-н был уже почти у кладбища на окраине города, а 2-й б-н должен был атаковать последнюю перед городом, в версте от него, позицию пр-ка, но, обстреливаемый во фланг, залег.

Перешли в наступление против него красные и б-н стал быстро отходить, охватываемый справа. Преследование пр-ком, однако, скоро было остановлено резервной ротой 3-го б-на.

Б-нам приказано отойти в исходное положение.

Наступила ночь.

7-я и 9-я роты — в резерве по обе стороны жел. дороги, у будки, в которой штаб полка. Развели небольшие костры, т. к. было очень свежо. Утолили голод привезенной кухнями пищей и, развлекаясь печеной в кострах кукурузой, вели разговор о постигшей несудаче и больших потерях. 2-й б-н потерял около 250 чел., из них одна 8-я рота, столкнувшаяся с пр-ком у лощины, свыше 100 чел. 3-й б-н потерял до 100 чел. Тяжело угнетало всех, что немало раненых осталось на поле боя.

На фоне темно-серого неба видны фигуры людей,двигающихся по насыпи жел. дороги. Подъехала к ж.-дор. будке группа всадников и вскоре все улышали чей-то громкий голос, будто делающий кому-то выговор. Затем группа верховых ускakала.

К сидящим у костра офицерам подошел некто в бурке. От мерцания огня костра поблескивало пенсне на глазах незнакомца. Вдруг — знакомый тупой удар и стоны одного из сидевших. Он — ранен пулей на излете; его положили на носилки и унесли. Незнакомец, не проронив ни слова, ушел к будке. Через некоторое время офицеры узнали, что это был нач-к 3-й пех. див., полк. Дроздовский и что это он делал выговор к-ру 2-го Офиц. полка за неподготовку им атаки Армавира с востока, из-за р. Кубани, одновременно с Марковцами.

Ночью, сквозь сон, некоторые слышали, как за ними проходили войска, пересекая жел. дорогу в западном направлении. Это были части 3-й дивизии.

14 с е н т я б р я. Взошло солнце и своими теплыми лучами стало согревать простывших за ночь бойцов. Хотя все спали плохо, но было не до сна: передано о повторении атаки Армавира.

Около полудня, перед началом наступления, ротам объяснена была задача. Оказалось, что пр-к занимал ту же свою передовую позицию, как и вчера и что б-ны будут наступать в прежнем порядке. Итак — повторение минувшего, но силами, уменьшившимися на 350 человек. Было лишь незначительное изменение: две правофланговых роты, уступная и резервная, поменялись своими местами. Было и существенное добавление: на другой стороне лощины будет наступать 4-й пласт. батальон 3-й дивизии.

Едва цепи б-нов подошли к позиции пр-ка, как по ним был открыт сильнейший огонь: позиция теперь занималась не жиденькой цепочкой, а большими силами с пулеметами. Марковцы рванулись вперед и выбили красных из окопов. Но последние отходили не столь быстро; их под-

держивали резервные цепи; они цеплялись за каждый участок. Удары «в штыки» шли непрерывно то там, то здесь. В полях кукурузы невозможно было знать где свои, где пр-к. Наступление проходило медленно и становилось ожесточеннее и беспощаднее: Марковцы находили обезображенные тела своих соратников, которых они не смогли вынести накануне. Гремела артиллерия с двух сторон, но это были гл. обр. артил. поединок и бой бронепоездов. Стрелять по перемешавшимся цепям пехоты обеих сторон она не могла.

Так протекало наступление на протяжении до 5 верст, пока, наконец, 3-й б-н не ворвался на кладбище на окраине города, а две передовые роты 2-го б-на, с поддержкой подъехавшего бронеавтомобиля, не выбили красных с их последней позиции перед городом, перед которой они остановились вчера; им оставалась только верста голаго поля, чтобы атаковать их позицию вдоль жел. дороги у Туапсинского вокзала, с которой уже строчили пулеметы. Но...

Бронеавтомобиль, выехавший на голое поле, был поврежден и остановился; вокруг него рвались снаряды. И снова, как и вчера, за правым флангом 2-го б-на шел сильный бой: красные снова из лощины атаковали шедшую уступом роту. Этой роте и резервной с огромным напряжением и трудом удалось сдержать красных и, в конце концов, сбросить их в лощину. Снова пришлось загнуть фланг передовой цепи б-на и повести наступление не на город, а вправо. В лощине, сбившиеся в толпы красные подверглись жестокому обстрелу пул. огнем: противоположный край лощины усеялся их убитыми и ранеными. Вчерашний маневр красных — удар из лощины был повторен ими потому, что наступление пластунов за лощиной было остановлено пр-ком, а Марковцы далеко выдвинулись вперед. Но этот маневр, хотя и закончился жестокой неудачей для красных, тем не менее заставил остановить наступление на Армавир, а так как наступала уже ночь и отойти в исходное положение. Когда подъехавший грузовик вывез подбитый бронеавтомобиль, роты стали отходить. Пр-к не пытался перейти в наступление.

Снова Марковцев постигла неудача; снова большие потери — до 250 чел. Что за причины? Лобовые атаки? Необеспеченность фланга? Тяжелое было физическое и моральное состояние бойцов. Подкрепившись привезенной пищей они быстро уснули.

Не имели покоя в эту ночь, как и в минувшую, лишь сестры милосердия и санитары. За недостатком подвод много раненых оставалось лежать у жел. дороги, куда их свезли и снесли. Раненые жалуются на холод, на муки... Подходит поезд штаба полка в три вагона. Сестра Фаня требует погрузки на него и отправки на станцию раненых. Офицер штаба отказывает ей, но она идет к полк. Тимановскому с тем же требованием. Полк. Тимановский, оценив заботы юной сестры, отдает распоряжение о немедленной погрузке раненых; он отказал себе в отдыхе. Раненые благодарят сестер, целуют им руки...

Медленно и тихо прошел на ст. Отрада Кубанская бр-зд «Офицер». Но, вдруг ночная тишина была нарушена грохотом и шумом несущимся от Армавира: оттуда мчался на всех парах огнедышащий паровоз, пущенный красными с целью подбить «Офицера». Однако, бр-зд был уже на станции, а там успели перевести стрелки и паровоз врезался в тупик.

15 с е н т я б р я. Утром все просыпались продрогшими от ночного холода. Совершенно тихо и спокойно. Развели костры, а когда привезли воду, стали согреваться кипятком и грызть печеную кукурузу.

Разговоры о неудачных атаках; о приближающейся зиме. Придется воевать в том, что теперь на людях — какое может быть интенданство у армии? Разве только «красное» снабдит чем либо?!

После обеда — оживление: пришло пополнение в 500 офицеров, казаков, добровольцев. Роты снова приблизились к составу в 200 шт.

16 с е н т я б р я. На участке по прежнему затишье. Легкая перестрелка в охране.

Сообщили, что приехал ген. Деникин, но увидеть его выпало только двум ротам, отведенным в ближайший хутор. Марковцы восторженно отвечали на приветствие Вождя и кричали громкие «Ура». Им, между прочим, ген. Деникин сказал: «Враг многочислен и упорен, но упорство его должно быть сломлено и будет сломлено. Для этого потребуется несколько дней, чтобы произвести пужную перегруппировку».

А вечером этого дня, сначала «солдатское радио», а затем и официальное распоряжение уведомили: 2-й б-н предназначен для выполнения серьезной задачи и выступит он ночью.

На совещании ген. Деникина с нач-ком 3-й дивизии, полк. Дроздовским, Тимановским и др. было решено: ввиду невозможности взять Армавир лобовой атакой, которому всегда приходит помощь из ст-цы Старо-Михайловской, прежде всего — взять эту ст-цу. Выполнение задачи возлагалось на 1-ую Конную и 3-ью пех. дивизии, с придачей последней батальона и 2-х орудий Марковцев. Перед Армавиром останется отряд полк. Тимановского в составе 2-х б-нов: Марковского и Пластунского.

17 с е н т я б р я. Задолго до рассвета б-н Марковцев выступил на подводах. Ехал медленно, часто и подолгу останавливаясь. Степью, по балкам ехал целый день и поздно вечером, проделав более 30 вер., остановился у «трех стогов», слез с подвод и в повалку люди улеглись спать, утолив жажду незрелыми помидорами.

Рядом оказался штаб 1-й Конной див-и, которой командовал ген. Врангель, сменивший ген. Эрдели. Настроение казаков дивизии было пониженное: жаловались на острый недостаток патронов. «С пятью патронами не больно разойдешься», говорили они.

В первый раз Марковцы слышали имя ген. Врангеля.

18 с е н т я б р я. Еще затемно б-н Марковцев был разбужен и ему дана задача: 3-я дивизия атакует ст-цу Старо-Михайловскую, а он идет уступом за левым ее флангом и поддерживает атаку в зависимости от обстановки. Левее б-на Кон. дивизия обходит ст-цу с востока, выходит ей в тыл, таким образом содействуя атаке 3-й дивизии.

С рассветом началось наступление. Впереди глубокая балка, затем подъем на гребень с двумя курганами. Поля кукурузы и подсолнуха чередуются с участками уже снятого хлеба. Марковцы видят поднимающиеся на гребень звенья цепей 3-й див-ии. Но тронулись и они. Их направление выпало как раз на два кургана. Никакой стрельбы, хотя и предполагали, что пр-к занимает позицию на гребне, так как видели на курганах его наблюдателей.

Б-н наступает двумя ротами в передней линии, имея остальные уступом за флангами. Он выходит на гребень с двумя курганами. Никого. Ни выстрела. В 3—4-х верстах впереди, на слегка спускающейся местности, видна станица, за ней — Туапсинская жел. дор., станция, хутора... Все это на фоне Кавказского хребта. Не видно только противника, т. к. впереди все те же поля кукурузы и подсолнуха. Но, нет сомнения — он где-то близко. Роты идут дальше. На всякий случай, 7-я рота оставляет свои пулеметы на малом кургане, а 8-я, шедшая влево от нее уступом, на большом.

Не прошли передовые роты и полверсты от курганов, как были встречены ливнем пул. и руж. огня и, что поразило — почти во фланг. Красные оказались всего лишь шагах в ста. Цепи залегли. Броситься в атаку? Для этого нужно изменить направление.

В атаку перешли красные. Они обрушились сразу же на фланг 7-й роты и даже на ее резервный взвод. Ожесточенная схватка в кукурузе. Отбиваясь штыками, рота отходит. К-р пул. взвода командует: «Огонь!» и очереди пулеметов бьют по перемещавшимся и своим и красным. Спасает положение левофланговая, шедшая уступом, 8-я рота: она частью своих сил бросается на красных, теснящих 7-ую роту, им во фланг, сминает и заставляет отходить. Но преследовать не может: она сама охватывается пр-ком. Трещат с кургана очереди ее пулеметов. Пр-к отброшен в свое исходное положение. Горячие схватки были и у остальных рот б-на. Б-н остановился на линии курганов. Арт. взвод, выехавший на эту линию молчит: даже с курганов ему не видна позиция красных.

Ничего не видно, что делается вправо, где наступает 3-я дивизия. Да и наступает ли она? Там также тихо, как тихо стало на участке б-на.

В офиц. роте большие потери; много убитых и раненых осталось впереди. Их нужно вынести. Вперед идут боевые цепочки, под прикрытием которых собираются жертвы боя. Началась перестрелка. Красные стали бить бомбометным огнем по курганам; выводят из строя всю прислугу одного пулемета. Нужно выяснить расположение пр-ка и подготовиться к повторению атаки. Уже ясно — неудача и у 3-й дивизии.

Шли часы и наступала ночь. Значит, атака с рассветом. Но... приказание: бат-ну отходить. Из этого сделан вывод: наступление на ст-цу, даже и Конной див., кончилось полной неудачей. Причины? Для Марковцев была очевидна основная: наступление велось, как их б-на, так и 3-й див., не прямо на позиции красных, а вкось, почему и был подставлен пр-ку фланг... Что же касается Конной див., то ее в бою не видели, а, значит, она действовала в полном отрыве от пехоты. Удара кулаком не было. Совершенно очевидно, что и ее наступление постигла неудача.

Б-н отошел в балку Глубокая, где его ждали подводы. Раненые были отправлены в тыл, а б-н, забрав убитых, куда-то тронулся. Часа через два-три куда-то приехал и разгрузился. Через короткое время все уснули, не обращая внимание ни на голод, ни на жажду, ни на холод.

19 с е н т я б р я. Просыпаться стали около полудня, когда так хорошо пригрело солнце. Проснувшееся сознание напомнило сразу же про минувший отчаянный бой в жутких полях кукурузы.

Стали осматриваться. Где мы? Ясно виден Кавк. хребет, жел. дор., хутора; вправо, верстах в восьми, в низине, какая-то станица (Преображенская). А где злополучная, Ст.-Михайловская? Судя по всему, она должна быть где-то влево и впереди. Вон «наши» два кургана! Теперь ориентировались полностью.

Хочется есть и пить. Послали подводы за водой и за всем, что можно раздобыть в степи, чем утолить жажду, а относительно еды, можно потерпеть, т. к. сообщили, что должны прибыть кухни. И, действительно, скоро они подъехали с готовой пищей, с хлебом и с водой. Наелись до-сыта и даже еще осталось. Еще бы: ведь в б-не многих не досчитывалось.

Свыше 150 чел. выбило из строя; из них убитыми около 30 и «пропавшими без вести» — 2-х, конечно, также убитыми, но не найденными среди многих убитых и раненых красных. Наибольшие потери понесла 7-я офиц. рота: до ста человек, из коих 22 убитых и 2 пропавших.

Невдалеке от бизака б-на рылась большая могила, в которую сложили убитых. За немногими исключениями, все носили следы ужасных штыковых ударов. Выстроившийся б-н пропел молитвы и «Вечную память», осторожно засыпал могилу и отдал последнюю воинскую почесть.

Вырос в степи холмик — могила с 30-ю Марковцами. «Их же имена ты, Господи, веши». Поставили простой крест.

Сестры милосердия и санитары говорили, что среди убитых неожиданно обнаружили двух офицеров еще с признаками жизни, которых отправили в тыл. Выжили ли они?

Через несколько месяцев казаки ст-цы Ст.-Михайловской поставят памятник погибшим в боях у их ст-цы на более высоком из двух кур-

ганов — «Шамшале-Тюбо», у кот. вел бой б-н Марковцев. Но пройдут после этого немногие годы и от памятника и братской могилы не останется следов: их уничтожит Советская власть. Останется иной памятник — эта запись.

20 с е н т я б р я б-н на подводах с двумя орудиями возвращался под Армавир на присоединение к полку. Он ехал вдоль линии фронта, прикрываемый завесой разъездов и постов от кон. див-на 1-й пехотн. див., имевшего уже 4 сотни, задачей которого было наблюдение промежутка фронта между станицей Ст.-Михайловской и Армавиром.

Утомленные, дремлющие на подводах, ни о чем не думающие Марковцы, однако, были вынуждены ощущать действительность: до того густо воздух был насыщен трупным запахом, особенно, когда проезжали около лощины, в которой во время атак Армавира происходили жестокие стычки. «Мрачные поля Армавира», о которых потом говорилось в марковской песне.

Б-н стал в резерв отряда полк. Тимановского на ст. Отрада Кубанская.

21—30 с е н т я б р я. Со времени 2-й атаки Армавира на фронте перед ним установилось полное затишье. Среди Марковцев говорили, что 3-я дивизия также ушла от ст-цы Ст.-Михайловской, но под Ставрополь. Было ясно для всех обречение их на пассивность, пока не будут подвезены пополнения в полк, пока не присоединится к нему его 1-й б-н и даже, пока отряд не будет усилен новыми частями. Дни текли в полном томлении духа. Развивалась эпидемия «испанки».

Наконец прибыло пополнение в 250 человек.

Исключительным было лишь 25 сентября. В этот ден. Офиц. ген. Маркова полк в первый раз отмечал свой полковой праздник — день Св. Сергия Радонежского, день Ангела своего Шефа. Отмечал он его лишь молебном и поминовением убиенных и умерших от ран и болезней — Шефа и всех Марковцев. На молебне мог быть только один б-н и взвод 1-й Офиц. Г. М. бат-и. А вечером этого же дня б-н снова построился, но... на панихиду по только что скончавшемуся Верховном Руководителе Д. А. — ген. Алексееве. Торжественный молебен и грустная панихида в один день. Громкое и бодрое «ура» и коленопреклонение перед лицом Смерти.

Дня 2—3 спустя к полку присоединились его две роты, прибывшие из Екатеринодара и участвовавшие на похоронах ген. Алексеева. Они принесли новость: на ст. Кубанская, следующей ближе к ст. Кавказской, выгрузился Св.-Гвардейский полк, пятиротного состава, силою в 1.000 штыков.

Этот полк, по словам видевших его, представлял собою настоящую регулярную часть, великолепно и однообразно обмундированную, дисциплинированную и состоящую исключительно из солдат, с офицерами на командных должностях. Судили о боеспособности этого полка разное. Большинство же задавало вопрос: а каково за показной стороной его внутреннее содержание: дух, сплоченность, дисциплина в бою?

Прибытию гвардейцев, однако, все были рады.

Прибыла на усиление отряда и артиллерия: вместо 2-х орудий стало 8 — две батареи 1-го арт. дивизиона. С отрядом — бронепоезд «Офицер».

Приехал и ген. Казанович со штабом. С этого времени отряд снова переименован в 1-ю див-ю, в составе: полка ген. Маркова, Св. Гвардейского, пласт. б-на, «Марковского» кон. див-на, 1-й Инж. роты.

1 октября, в полку всеобщее радостное возбуждение: ст-ца Ст.-Михайловская взята кон. дивизией ген. Врангеля. «Очередь нам брать Армавир», решили все. И, действительно, с наступлением ночи полк выступил на передовые позиции для занятия исходного положения для атаки с рассветом.

2 октября. Полк, как и в минувшие атаки, развернулся по обе стороны жел. дороги. Снова — лобовая атака на двойную линию обороны пр-ка. Но на этот раз помочь атаке должен Св. Гвард. полк обходом города с запада и пласт. б-н — обеспечением левого фланга.

С рассветом Марковцы перешли в наступление. Левее жел. дороги они берут кладбище, кирпичный завод. Вправо — выбивают красных из 1-й линии окопов в версте от города и стремительно идут по голому полю дальше. Из Армавира вылетает бр-зд, останавливается на линии наступающих цепей и засыпает их фланговым пул. и орудийным огнем... цепи залегают. Пехота красных стремительно идет в к.-атаку. Марковцы подаются назад. На левом фланге их останавливает подскакавший верхом полк. Тимановский, свалившийся с убитого под ним коня. Ранен рядом адъютант, пор. Тимченко-Островерхов.

Вражеский бр-зд весь в дыму разрывов снарядов вокруг него. Он маневрирует вперед, назад. Но вот снаряд попадает в сцепление его передней с орудием площадки и перебивает его: площадка катится вперед, а он уходит назад и скрывается на станции.

Вправо от жел. дороги цепи красных залегают под огнем нескольких пулеметов, только что занявших позицию на маленьком бугорке, по которому беглым огнем бьет батарея красных. Цепи пр-ка отходят назад. Марковцы готовы снова наступать, но подскакавшие верховые передают приказание — остановиться.

Полк. Тимановский скачет на правый фланг полка. Туда бегут резервные роты. Видно: там в полном расстройстве бегут пехотинцы через жел. дорогу на Туапсе; за ними вылетает кавалерия. Это бежали

гвардейцы и их преследовала красная кавалерия. Огнем правого фланга полка последняя рассеивается, а резервные роты, удлинив фронт полка, заставляют кавалерию прекратить преследование «Марковского» кон. дивизиона.

Остаток дня прошел в артил. перестрелке. Красные оставались пассивными, как и Марковцы, занявшие 1-ю линию их обороны. А с наступлением ночи полку было приказано... отойти в исходное положение.

Опять кровавая неудача. Свыше 200 чел. потерь. Несмотря на частичный отход у жел. дороги, вынесли всех раненых и убитых. Пор. Лебединский был заколот, когда сдерживал красных, чтобы дать возможность своим вынести тяжело раненого пор. Скворцова.

Что же произошло и почему неудача?

Маневр, который должен был выполнить Св. Гвард. полк, предполагался в некоторой степени, как неожиданность для пр-ка, почему полк был подведен к жел. дороге на Туапсе, в нескольких верстах западнее города, с возможной скрытностью, почему в атаку там на кр. позицию был направлен «Марковский» кон. див-н. Див-н прорвал позицию, но ему пришлось вести бой с кр. пехотой, стоявшей правее. Тем временем Св. Гвард. полк с двумя орудиями перешел жел. дорогу и, повернув свой фронт налево, начал наступление на Армавир. Но появилась конница пр-ка, кот. частью обрушилась на введший бой с пехотой дивизион, а главной массой атаковала полк в правый его фланг и тыл. Полк не смог оказать ей сопротивление. Арт. взвод успел произвести лишь несколько выстрелов; одно орудие было оставлено, другое успело ускакать через жел. дорогу, куда бежали и гвардейцы.

Св. Гвард. полк потерял половину своего состава. Было убито 30 офицеров и, в их числе, к-р полка, полк. Дорошевич, первопоходник в рядах Офиц. полка и одно время им командовавший. Марковцам тяжело было узнать о его смерти.

С 3 по 11 октября на фронте снова было совершенно спокойно и только 7-го окт. Марковцы удивились, увидев три аэроплана, летающих над Армавиром, и на жел. дороге — три бронепоезда, сильно обстреливающих его. Потом узнали: полковые — ком-да пеших разведчиков и кон. сотня с четырьмя бронеавтомобилями провели быстрый и короткий налет на красных по пути наступления Св. Гвард. полка с единственной целью — подобрать остававшиеся лежать не зарытыми тела убитых гвардейцев и с.м. Елены, 1-й бат-и, что и было сделано. Эту операцию Марковцы называли «Технической атакой».

За эти дни к полку присоединились последние его две роты, бывшие на ст. Торговая, а к дивизии — ее Куб. стр. п. и два орудия, бывшие на Черноморском побережье. 1-я дивизия собралась в полном своем составе, усиленная пласт. б-ном. Св. Гвард. полк ушел в Екатеринодар на формирование.

Были и новости. Полк. Тимановский произведен в чин генерал-майора и назначен к-ром бригады 1-й див-и. Горячо и искренне приветствовали Марковцы его с производством и назначением. В командование полком вступил ген. Ходак-Ходаковский, но немногие почему то узнали об этом, а имя его ничего не говорило.

12 октября. Вечером было объявлено о новой атаке Армавира утром следующего дня. После тоскливых дней неопределенных ожиданий все оживились. «Нужно же, наконец, взять Армавир! Теперь у нас достаточные силы. Главное, чтобы были обеспечены фланги», говорили среди Марковцев.

План атаки был такой: полк наступает, как и раньше, в лоб. Левый фланг его, упирающийся в р. Кубань, обеспечивается за рекой пласт. б-ном с 1-й бат-ей; главная задача последней — с высокого берега реки поддерживать атаку Марковцев. Справа от полка, за ложиной, на интервале 2—3-х верст, наступает Куб. стр. полк с двумя орудиями и тремя бронеавтомобилями. Его задача — самым решительным образом обеспечить полку ген. Маркова атаку города. Обеспечить, но не помочь и только, если позволит, оказать помощь высылкой бронеавтомобилей. Наступление Кубанцев справа обеспечивает кон. бр-да, состоящая из «Марковского» кон. див-на в 4 сотни и Лабинского куб. полка слабого состава, под общей командой к-ра дивизиона, в. ст. Растегаева.

Ночью все части выступили для занятия исходного для атаки положения. Атака с рассветом по высокому разрыву шрапнели над городом.

13 октября. Четвертая атака Армавира.

Брезжил рассвет. Отчетливее становятся очертания города. В ожидании сигнала нервы у Марковцев напряжены до предела.

Глухо бухнуло орудие и высоко над городом разорвалась шрапнель. Цепи поднялись и решительно двинулись вперед. Клокот огня: пр-к был готов к встрече. На левом фланге Марковцев: роты врываются на кладбище; штыками выбивают пр-ка из кирпичного завода, но дальше перед ними высокая стена завода «Саломас»; заминка на короткое время; в ход пущены ручные гранаты и отличная позиция пр-ка взята. В центре, у жел. дороги: пр-к выбит из окопов; вылетевший из Армавира бронепоезд принуждает атакующих залечь; вокруг бр-зда рвутся снаряды «Офицера» и батареи; он отходит; цепи подымаются и идут вперед. На правом фланге: берется выдвинутая перед городом позиция пр-ка; цепи наступают на станцию Туапсинской жел. дороги по голому полю; по ним с жел. дороги, из жел.-дор. построек строчат пулеметы; они вынуждены передвигаться перебежками; но смолкают пулеметы пр-ка под разрывами снарядов. Марковцы врываются на станцию. Однако за ней опять голое поле до города, на окрание которого задержался пр-к. Преодолеть это небольшое пространство помог бр-биль «Верный», уже известный Марковцам.

Красные чрезвычайно упорны. Жестокий бой на улицах города. Бр-зд их стоит и поддерживает своих пул. огнем. Марковцы попытались атаковать его, но тот огрызнулся, нанеся им потери; однако, стал отходить.

Наконец Марковцы выходят на южную окраину города. Они видят массы отступающих красных и стоявший недалеко их бр-зд. «Пулеметы вперед! Батареи!» Но они отстали; отстал на поврежденном пути и «Офицер».

И, вдруг, отчаянный бр-зд стремительно дает ход к городу. Поворачивают и цепи красных. Не сдержать их еще не подтянувшемуся полку... В этот критический момент бр-зду преградили путь гранаты 1-й бат-и, стоявшей за рекой: он медленно пополз назад. Но цепи красных уже у города и местами ворвались в него. На помощь снова подоспел «Верный»: под огнем бр-зда он выскочил в тыл кр. цепям и заставил их бежать от города. «Верный» спасал себя от огня бр-зда тем, что метался среди бегущих красных.

А в это время из города наступали уже Марковцы, обстреливаемые лишь орудийным огнем бр-зда. «Верный», под командой своего отчаянного ком-ра, кап. Нилова, сделал еще одно дело: он помчался в тыл бр-зду, что заставило его быстро уходить назад и скрыться в долине р. Уруп, уже под обстрелом батареи. Марковцы подошли к реке и с высокого ее берега обстреливали отходящих красных. Наступила ночь.

Армавир, наконец, взят. Марковцы провели в напряженном бою без малейшего перерыва целый день с поразительно упорным и дерзким пр-ком. В бою они не чувствовали ни хода времени, ни усталости, ни голода; даже — понесенных ими огромных потерь — до 300 чел. Они моментально уснули там, где остановились их части.

Взятие Армавира в значительной степени было обязано правильно поставленной задаче Куб. стр. полку и Кон. бр-де и, конечно, их отличным действиям. Они не только задержали шедшие на помощь Армавиру пех. и кав. части красных, но и заставили их далеко отойти. В бою был серьезно ранен в. ст. Растегаев.

14 октября, с утра Марковцы перешли в наступление вдоль жел. дороги в южном направлении. Перейдя р. Уруп, они заняли с серьезным боем ст. Уруп и х. Вольный. Был критический момент: красные, перейдя р. Кубань у впадения в нее р. Уруп, сбили стоявшие там роты и вышли даже на возвышенность у Армавира, но ударом резерва были отброшены.

15 октября, оставив на станции один б-н для обеспечения левого фланга, а затем и тыла полка против красных, стоявших на вост. берегу р. Кубани, полк с пласт. б-ном продолжал наступать к югу и занял станцию и село Коноково и, после особенно упорного боя, с. Успенское. Два б-на полка и пласт. б-н с бр-лем «Верный» вышли в тыл расположения красных, главные силы которых стояли

вираво, вдоль р. Уруп, против кон. дивизий ген. Врангеля и Покровского, имея теперь на своем правом фланге Куб. стр. полк. и кон. бр-ду 1-й дивизии.

16 октября, продолжая наступление вдоль жел. дороги, три б-на с жестоким боем заняли села Кургановское и Маламино и ст. Овечка. Но пластуны принуждены были оставить станцию, чем создавалось опасное положение для Марковцев. С наступлением ночи последним приказано было оставить села и отойти в с. Успенское, но, уже в пути, они были возвращены в с. Маламино.

17 октября красные повели наступление на это село с юга и запада, где они принудили к поспешному отходу пластунов. Б-ны Марковцев отбивали упорные атаки кр. пехоты; у них уже подходили к концу патроны, как у взвода орудий снаряды. А в это время, появившаяся против села кавалерия красных, стала глубоко охватывать его справа. Б-нам грозило быть прижатыми к р. Кубань, за которой также были красные. Им приказано быстро отходить.

Тяжел был их отход. Марковцы, за которыми бежала пехота пр-ка, а в село уже ворвалась кавалерия, буквально спасались через дворы, спеша за село, на возвышенность, к стогам, где строчили по красным пулеметы. Нужны были большие физические силы, чтобы туда добежать. Иные уже отстали; отстал пожилой к-р 11-й роты, полк. Табунов,

Но у стогов остановка короткая: сыпятся пули; падают раненые и убитые. Раненых грузят на пул. тачанки, которые немедленно карьером уносятся в тыл. К стогам летит кавалерия...

— Оставьте меня, — кричит раненый пр. Курояров пытавшимся тащить его офицерам. — Отходите! Я прикрою вас!

Он остался и... стрелял, пока удар шашки не прекратил его жизнь.

Марковские и пласт. б-ны отрываются от пр-ка и отходят на 15 верст к с. Коноково. Ужасный был бой; тяжкие потери.

18—19 октября пр-к продолжал наступление. Марковцы и пластуны остановились на линии х. Вольный — ст. Уруп. Почти у Армавира.

Но 20 октября красные вели слабое наступление, а 21-го октября было сообщено, что дивизия ген. Врангеля перешла р. Уруп и ведет наступление в тыл красным.

22 октября, неожиданно два б-на Марковцев грузятся в жел. дор. составы и отправляются на ст. Овечка. Оказалось — дивизия ген. Врангеля разбила красных и взяла одними пленными до 3.000 чел. На следующий день один б-н с двумя орудиями спешно едет в Армавир: красные на вост. берегу р. Кубань подошли к городу, а севернее — заняли ст-цу Прочноокскую, угрожая тылу 1-й дивизии.

24 октября, 6-й атаковал станицу, расположенную на высоком берегу реки, но под огнем красных не смог перейти реку. Часа через два он повторил атаку и, к своему удивлению, встретил весьма слабое сопротивление. Причина: в тыл красным заходили части дивизии ген. Врангеля.

25 окт. 6-ые Марковцев спокойно стояли на станциях Овечка и Уруп и в Армавире.

*
**

Закончились, наконец, для Добр. армии, более чем трехмесячные бои у Армавира. Для Марковцев они тянулись 42 дня и делились на 2 периода: первый — в 31 день, вынужденного стоянием под городом, с его неудачными атаками, и второй — в 11 дней, когда город был взят, а затем шли ежедневные тяжелые, маневренные бои и удачи чередовались с неудачами.

Ген. Маркова полк потерял до 2.000 чел. Пополнений получил до 1.000 чел. и закончил бои в составе около 1.500 шт., имея в ротах от 40 до 120 шт. Понес потери и 1-й арт. див-он.

Во всех операциях принимала участие и 1-я Инж. рота. Она несла охрану тыла дивизии, исправляла ж.-дор. пути, мосты. Ее железнодорожный взвод обслуживал связь, заведывал движением поездов, действовал на вспомогателе «Офицера», а со взятием Армавира формировал еще два вспомогателя вооруженных пулеметами, которые принимали участие в последующих боях.

Армавирские бои произвели сильнейшее впечатление на участников своей жестокостью и крайним упорством, проявленным пр-ком. Они заставили еще раз признать, что победа над большевиками не будет легкой и скорой, т. к. они могут хорошо организовать свою армию, ввести суровую дисциплину и, даже, поднять ее дух, хорошо руководить боевыми действиями и проявлять быстрые и инициативные решения.

Из всего этого, плюс — всегда подавляющую численность пр-ка, напрашивались выводы. В них, собственно, ничего нового не было, но они не могли не наводить на мысль: все нужное для победного боя, должно быть качественно и практически доведено до крайней степени совершенства. Какого? Для Марковцев есть пример: ген. Марков!

Армавирские бои, в сущности, не дали Марковцам славы блистательных успехов и побед. Они не выдвинули ни одного лица, которому можно было бы приписать что-либо выдающееся. Полк. Тимановский? Он был для всех высоким авторитетом, но роль его в лобовых атаках невольно становилась бледной. В разговорах стало часто упоминаться имя полк. Булаткина, как храброго и распорядительного нач-ка, но — и только. О других не говорили. Совершенно незаметно для всех было

имя нового к-ра полка, ген. Ходак-Ходаковского, Георгиевского Кавалера, сравнительно молодого. Его мало кто видел, а, если и видел, то не знал, что он к-р полка. Он был ранен за Армавиром и имя его совершенно забылось. В полк он уже не вернулся.

У Марковцев был славный день, когда они взяли Армавир. Но этот успех исключительно — успех всех их, каждого из них...

По окончании боев у Армавира Марковцы узнали, что во время командование полком вступил полк. Наркевич, к-р 3-го б-на с Новочеркасска. О нем заговорили. Ни чем он не выдавался, разве только своим, как говорили — «суворовским», точнее, самым простым солдатским видом. Даже его верховая лошадь напоминала «водовозную клячу». Был он без всяких претензий во всем решительно. К нему, между прочим, никто добровольно не хотел идти адъютантом. Но его все глубоко уважали: деликатный со всеми, спокойный; распоряжения его, хотя и не были энергичны, но всегда толковы и отдаваемы со знанием и пониманием обстановки; а был он всегда в передовой линии. Назначение его к-ром полка всеми было молчаливо принято.

СТАВРОПОЛЬСКИЕ БОИ

В тот день, 13 октября, когда был взят г. Армавир и наступил перелом в тяжелых боях у этого города, Ставропольская группа красных, перешедшая в наступление, подходила к г. Ставрополю и на следующий день, 14 октября, взяла его. Части Добр. армии, бывшие в этом районе, едва сдерживали продвижение красных. А через несколько дней к Ставропольской группе пр-ка присоединилась и вынужденная отойти к ней и Армавирская их группа. Собравшиеся таким образом огромные силы их представляли для Добр. армии не только серьезное препятствие к освобождению Сев. Кавказа, но и сильную ей угрозу.

Ликвидация этой Красной армии и стала первой и неотложной задачей для Добр. армии, для выполнения которой пришлось направить почти все ее дивизии и отряды, не только принимавшие участие в Армавирских боях, но и формирующиеся. Конец боев у Армавира без промежутка во времени перешел в начало новых боев.

25 октября части кон. див. ген. Врангеля заняли на восточном берегу р. Кубани, к юго-востоку от Армавира, ст-цу Николаевскую, куда по жел. дороге

26 октября были перевезены 2 и 3 б-ны ген. Маркова полка. 1-й его б-н, стоявший в эшелоне на ст. Овечка, пошел туда походным порядком и остановился вместе с Куб. стр. полком не доходя до ст-цы, в с. Голицыно.

Грустное впечатление производили и станица и село, сильно разграбленные красными. В них частям пришлось удовольствоваться лишь теплом, потребность в котором стала остро чувствоваться.

27 октября оба полка сосредоточились в ст-це, под прикрытием одного б-на, ставшего в х. Надзорный.

Вечером этого дня было сообщено, что утром 1-я див. выступает в Ставропольском направлении и предстоит атака сильной позиции противника. Говорилось о Недреманной горе. В первый раз за походы произносилось слово «гора». — Ну, что ж? Атакуем и гору! Сильно изменившийся рельеф местности, ставший гористым, перерезанный глубокими балками с крутыми скатами наводил на мысль, что теперь вообще придется иметь дело с горами.

28 октября. Из ст-цы Николаевской полки выступили рано утром в туман, однако, быстро рассеившийся. Дорога шла по балке, вдоль жел. дор. на Ставрополь и так на протяжении верст 6—7, пока балка не влилась в широкую поперечную долину.

— Недреманная гора! — передали от головы колонны.

Искать ее не пришлось: она стояла немного в пол-оборота направо, верстах в 3—4, огромным темным массивом, возвышающимся над окружающей местностью, вершина которой была покрыта облаками, а влево она спускалась двумя четкими, довольно длинными террасами с крутыми скатами. При мысли, что придется атаковать эту гору, у всех захватывало дыхание.

Выйдя в долину полки разошлись: Марковский пошел в направлении прямо на гору, Кубанский — свернул влево по долине, куда сворачивала жел. дорога, имея задачей обойти гору.

Задача Марковцам: атаковать гору — одним б-ном ее более возвышенную террасу; другим — более низкую; третий в резерве за левым флангом полка; предварительно — им сбить пр-ка с небольшой высоты предгорья. И, только получив эту задачу. Марковцы заметили предгорье. Итак — двойная атака!

Б-ны тронулись, на ходу разворачиваясь в боевой порядок. Пройдя с версту, цепи полка стали обстреливаться ружейным огнем. Они шли безмолвно. Но вскоре красные стали оставлять свою передовую позицию.

Цепи поднялись на край долины. Перед ними теперь простиралась ровная поверхность, протяжением в пол-версты, за которой начинался уже массив горы, на террасах которой ясно виден пр-к, сидевший в окопах. Цепи шли дальше под пул. и руж. огнем с горы и под фланговым, слева, артил-и. Они ускорили движение и, неожиданно для себя, оказались, подойдя вплотную к горе, перед глубоким обрывистым оврагом, с голым каменистым краем. Нужно было смотреть вниз, чтобы видеть дно оврага и нужно было высоко поднять голову, чтобы видеть гребень горы. Сверху сыпались пули и Марковцы поспешили спутиться в овраг.

Спустились они совершенно расстроив свой порядок, очутившись на извилистом дне, среди камней и перед каменистым, местами отвесным, противоположным краем оврага. Выбраться из него на скат самой горы потребовалось время. К счастью скат, несколько выпуклый, скрывал цепи от наблюдения пр-ка, что давало возможность привести себя в порядок, установить связь вправо и влево, насколько это было возможно. 2-й б-н оказался разрезанным каменистой промоиной, шириной до 100 шагов. Связь с 1-м б-ом, даже зрительная, не могла быть установлена, т. к. их разделял выступавший каменистый гребень.

Тем не менее цепи двинулись вперед. Подыматься было чрезвычайно не легко: скат горы имел наклон не менее 45° , местами он был из голаго камня, причем камни срывались из-под ног и с грохотом катились вниз. Нужно было идти или зигзагами, или боком. Так пришлось подниматься шагов 100, пока впереди идущие не сообщили, что виден пр-к. Дальнейший подъем стал еще более тяжелым, во-первых, потому, что пр-к заметил приближавшихся к нему и начал стрелять, а во-вторых — чтобы все же ближе подойти к нему, пришлось идти уже не во весь рост, а согнувшись, а затем перейти и на движение ползком. До красных все еще оставалось не менее 100 шагов — расстояние при таком подъеме непреодолимое для прямой атаки и тем более потому, что она неизбежно должна была привести к штыковому бою. Уверенность в успех пропадала и... Марковцы остановились. Ко всему стало темнеть. А через короткое время было передано приказание: отойти под гору и ждать распоряжений.

Цепи стали сползать вниз. Спуск оказался не менее трудным, чем подъем.

Вдруг, по ним не громким, но восторженным голосом пронеслось: — Смотри! Эльбрус!

Цепи остановились и как зачарованные смотрели туда, где на темном фоне далекого горизонта, заканчивающегося темной, зубчатой стеной, выделялась еще освещенная солнцем и блестящая белым, слегка розоватого оттенка, снегом, всем по географии известная, двуглавая вершина Эльбруса. Какая красота! Вот он, Кавказский хребет, почти во всю свою длину! Не видно лишь восточного его края, скрытого вершиной Недреманной горы. А до него — тени возвышенностей, огни во многих пунктах... Взоры наблюдающих, наконец, подошли к их горе: под горой совершенно темная полоса долины и черная черта оврага...

Роты спустились в овраг. Тянуло сырым, холодным ветерком. Марковцы группами расположились под утесами, чтобы спастись от пронизывающего ветра, заставлявшего быстро остывать их разгоряченные подъемом и спуском тела. Что же дальше? Очевидно наступление дивизии, и не только на их участке, не увенчалось успехом и, следовательно, на утро должно быть повторение. И опять лезть на гору и штурмовать ее, если не будет найдено иное решение?

— Ну, и гора! — говорили все, нетерпеливо ожидая новых приказаний.

Наконец они пришли: частям оставаться на месте и выслать людей за получением пищи. Одно — мало утешительное, другое — вызвавшее оживление: все засуетились, заговорили громче, застучали котелками. На 10 чел. уходило за пищей двое. Уходящих напутствовали:

— Не разлейте. Пополнее котелки! Погорячее!

Ждать их возвращения пришлось долго: часа полтора во всяком случае, т. к. кухни остановились далеко, у предгорья. Возникла естественная мысль о кострах, но разве может быть здесь дерево, когда кругом ни одного кустика, а одни камни. Да если бы и было дерево, то разве можно его найти во тьме?

Встречали вернувшихся оживленно, веселыми приветствиями и даже, только слегка пожурив за почти остывшую пищу. Ели с наслаждением, а потом возобновились оживленные разговоры, возня, пока не стал одолевать сон и опять тот же холод. Заснуть удавалось на короткое время и ночь проходила в непрерывном движении. С полной охотой все шли в охранение, выставляемое на склоне горы. Смена происходила непрерывно: едва спускались смененные посты, как поднимались следующие очереди. Так согревались.

О повторении атаки узнали около полуночи. Приказание гласило: атака с началом рассвета на прежних участках. Сигнал к атаке — два орудийных выстрела по горе. К этому моменту части должны приблизиться к пр-ку возможно ближе, чтобы одним махом быть на горе. Гора должна быть взята во что бы то ни стало.

29 о к т я б р я. Очень холодно. Все простыли. А время тянется страшно медленно. До рассвета еще более двух часов.

— Г-н Капитан! Холодно! Не позлти ли нам понемногу в гору? — умоляюще говорили офицеры своему к-ру роты. А у последнего самого давно уже было такое желание.

— Ну, вперед! Медленно, осторожно, тихо...

С остановками через несколько аршин подъема, цепи стали подниматься. Вперед выдвинулась реденькая цепочка, которая должна обозначать собой рубеж начала атаки. Достигнув линии, с которой, стоя в рост, виден был на фоне темно-серого неба и облаков гребень горы идвигающиеся по нему фигуры пр-ка, цепи замедлили движение, усилили осторожность, ползли и замерли на линии выдвинутой цепочки...

Сколько оставалось шагов до пр-ка определить было трудно: 50—60 или до 100? Но уже ясно слышались разговоры на горе. Не было сомнения — пр-к готов встретить атаку, но он еще не увидел и не услышал подползших и затаивших дыхание Марковцев.

Хватит ли сил и дыхания без остановки добраться до красных? — думал каждый и решал: должно хватить! Лежали, как пластуны, но

блуждая глазами по долине: там где-то стоит батарея, которая подаст сигнал к атаке.

Вот и признак наступающего рассвета: облака, повисшие над горой, до которых рукой подать — стали бледнеть.

Две вспышки орудийных выстрелов в темной долине...

Еще не доеслись до Марковцев звуки выстрелов, как они вскочили и... вперед! Звуки артил. выстрелов, вспышки и разрывы снарядов, всего лишь в нескольких десятках шагов перед ними, раздались одновременно.

Несколько мгновений полной тишины и... затрещали с горы ружейные выстрелы и пул. очереди. Марковцы штурмуют гору.

Вбегали на нее одиночками, группами в 2—3 чел. Пулемет скосил офицера многими пулями, ранил еще двух, но замолк под ударами штыков. Красные ошеломлены, отбегают... их задерживают командиры. Офицеры идут «в штыки». 2-х—3-х закалывают, 3-х—4-х пристреливают выстрелами в упор. В одном месте 10—15 красных сдаются. «Не трогать их!» — кричит к-р взвода. Горячий порыв, сверхусилие, охлаждены. А в этот момент, с криком «Бей их!» «Вперед! Их мало» — красные контр-атакуют на этом участке. Взятые было в плен, берутся за винтовки. Под их штыками падает к-р взвода, еще двое. Остальные катятся с горы вниз. Но неустойку ликвидируют с соседних участков. Редкие выстрелы. Красные оставили свои позиции только лишь под угрозой штыка. Они не осмелились принять удара, а где приняли — гибли. И это перед бойцами совершенно выдохшимися, с бешено бьющимися сердцами, с одеревеневшими, уже бессильными мускулами ног.

То, что казалось Марковцам террасами горы, было всего лишь узким, в 3—5 шагов гребнем, за которым начинался пологий спуск в широкую ложбину, вливающуюся верстах в 3—4 в низкую долину. Весь скат в ложбину был усеян красными.

Но... Марковцы не только не преследовали, но и не стреляли. Они были не в силах... Кто-то крикнул: «Пулеметы сюда!» Напрасно! Даже лошадьми невозможно втянуть их на гору. Оставалось быть лишь зрителями, как отходил пр-к, приводил себя в порядок и остановился на складке местности верстах в двух.

Время шло, а они продолжали лежать на горе. Уже дыхание стало нормальным, успокоилось сердце, но не двигались ноги: так были переутомлены они. Обменивались впечатлениями: о крутизне подъема горы, которую они проделали; о своем положении непосредственно под облаками, скрывающими вправо вершину горы; о долине, виднейшейся верстах в 4-х внизу и хуторе на ней; о следующей горе. Мало кому приходилось наблюдать такой гористый пейзаж.

И, как-то неожиданно, все услышали:

— Спасибо за славную атаку, орлы! С победой, орлы!

По гребню проходил и приветствовал их полк. Наркевич, врем. ком-щий полком. Марковцы с искренней радостью видели своего заурядного, скромного, «без страха и упрека» ком-ра здесь, на горе, взобраться на которую при его сорока с лишним годах не представлялось легким делом. «Сам — орел!» — говорили про него.

Влево, в долине шел бой. Наконец, по гребню быстро передалось: «Вперед!» Бат-ны стали спускаться. Красные, открыв огонь, однако, быстро оставили свою позицию в ложбине. Видно, как из хутора уходили их обозы и вскоре за ними и цепи. Пр-к отступал перед фронтом всей дивизии, под угрозой захода ему в тыл Марковцев. Отступал по двум направлениям: по долине, вверх по течению р. Егорлык и на следующую гору — Меловую.

К вечеру 1 и 2 б-ны пришли в х. Нижне-Егорлыцкий, который они видели с горы, и расположились на ночлег под охраной 3-го, выдвинувшегося к горе Меловая, перед которой красные заняли позицию, и Пластунского, ставшего по долине. Подъехали пулеметы, орудия и кухни. Совершенно неожиданностью оказалось, что потери полка за две атаки Недреманной горы, не превысили 50 чел.

30 октября. Полку дана задача: совместно с пласт. б-ном взять Меловую гору, предварительно отбросив красных на нее с их предгорной позиции.

Выполнять предварительную задачу выпало на 3-й б-н; задачу весьма нелегкую, т. к. наступать ему нужно было на подъеме и, кроме того, ему было сообщено, что за его наступлением будет наблюдать ген. Деникин, находящийся влево, в расположении кон. див. ген. Врангеля. Образцово, как на смотре, выполнял он свою задачу.

Но остальные б-ны выступили не за ним, а по долине р. Егорлык, вслед за пласт. б-ном. Они не видели, как наступал 3-й б-н, но слышали разгоравшийся огневой бой. Марковцами овладело даже беспокойство, когда арт. взвод, шедший с бат-ми, выехал вправо на пологий скат Недреманной горы и открыл беглый огонь для поддержки 3-го б-на а когда огонь оказался еще и необычно длительным, то их беспокойство дошло до грани, когда узнать — в чем дело? — стало необходимым. От колонны б-нов к батарее поскакали всадники. Карьером они мчались назад и неожиданно с радостными лицами, размахивая фуражками. «Германия капитулировала!» — кричали они. Это им сообщили батареи, которые от радости ли или от того, что теперь скоро можно ожидать помощи от союзников, открыли такую стрельбу. Новость для всех была исключительной по открывающимся перед ними перспективами, но быстро она отошла на задний план: на первое место стала озабоченность полученной боевой задачей.

Меловая гора, вдоль которой шли б-ны, стояла влево огромным, отвесным массивом, с краями, покрытыми кустарником. Высота ее? Да не все ли равно какая: 10 или 50 аршин, но... как взять ее? —

вопрос, который не ставился перед Недреманной. Но может быть — обходом?

Впереди начался бой. Туда проехал вспомогатель 1-й Инж. роты. Полк прошел до 12 вер. и вошел в хут. Верхне-Егорлыцкий, только что взятый пластунами. Здесь картина местности изменилась: массив горы круто повернул влево и охватывал большую ложину, в глубине которой было видно с. Татарка. От горы, как и от начинавшегося далее другого массива, отходили гребни, пересекающие ложину. Изменилась и обстановка: теперь пр-к был не только на горе, но и на гребнях. Предположение Марковцев об обходе горы усложнилось: чтобы взять гору — нужно сбить пр-ка хотя с ближайших гребней, а чтобы взять их, нужно сбить пр-ка с фланкирующей их горы.

Полк развернулся и повел наступление: одним б-ном на угол горы и гребень, отходящий от нее, имея влево пластунов; другим — правее. Красные сбиты с первых гребней, но дальше полк продвигаться под фланговым обстрелом не может; к тому же красные ведут яростные контр-атаки. Правофланговый бы понес большие потери и едва остановил красных. Другой — левым своим флангом уперся в гору, как и пластуны. Гора — отвес, аршин в 20 высотой. Штурмовать невозможно, и на нее ведет одна лишь маленькая тропинка. Хотя роты и в мертвом пространстве, но несут потери: несколько человек ранено сбрасываемыми с горы камнями.

Наступила ночь, холодная, ветреная. Стихла стрельба и только характерная для войны перебранка между прот-ками. Но смолкла и она...

Подошел 3-й б-н и стал под горой, сменив пластунов. Б-н выполнил свою задачу дня, а теперь его к-р, полк. Булаткин, получил другую: взять гору. Но тщетно ходит он вдоль горы, обсуждает с подчиненными — как взять гору? Ясно — с рассветом взять ее невозможно; следовательно — ночью; но и ночью также невозможно.

Глухая ночь. Очень холодно; спасение от ветра нет.

— Эй, там! Наверху! Небось холодно? — время от времени бросались туда слова. — Не лучше ли вам сдаться?

И, оттуда отвечали, но уже не с бранью. Завязался разговор «по душам» и дошел до того, что красные уже готовы сдаться, да боятся, но не своих командиров, которые спят где-то сзади у стогов и в сараях, а белых. Их убеждали, что их не тронут.

Спустились по тропинке трое для переговоров. «Мы все хотим сдаться. Мы — мобилизованы; мы — иногородние». Условились: сдающиеся переходят с одними затворами от винтовок. И скоро внизу оказалось до 400 чел., а на верху — Марковцы. Красные к-ры частью были захвачены, частью успели бежать.

31 октября, с рассветом полк перешел всем фронтом в наступление: на Меловой горе — 3-й б-н, не встретив сопротивления, подошел к Лысой горе, такой же крутой; другие б-ны, сбив красных с ряда

позиций, к вечеру подошли к с. Татарка и с поддержкой полка дивизии ген. Покровского, с которой произошло соединение в долине р. Егорлык, взяли его.

В этот день, 1-я пех. и Куб. казачья дивизии вышли из пределов Куб. области в Ставроп. губернию.

Весь полк ген. Маркова на ночь сосредоточился в с. Татарка, большим и богатым и, главное, расположился в тепле. А утром, как было объявлено, ему предстояло брать Лысую гору, последнее серьезное препятствие перед Ставрополем. В охране стали пластуны.

1 н о я б р я. К удивлению всех, поднят полк был когда уже совершенно рассветало и все распоряжения говорили не о бое, а о походе. Красные, будто бы, оставили свои позиции на горе и отошли.

2-ой б-н в колонне вытягивался из села по шоссе на Ставрополь; 3-й — должен следовать за ним, а 1-й — выступить в сев.-вост. направлении в распоряжение ген. Покровского. И — вдруг... по колонне 2-го б-на с Лысой горы посыпался густой поток пуль, всего лишь с расстояния в 700 шагов. Б-н залег, а его боевой обоз карьером помчался назад в село. У всех полнейшее недоумение. Как могли ошибиться пластуны и сообщить об уходе пр-ка?

Чтобы не оставаться под обстрелом, роты перебежками направились к подножию горы и оказались в мертвом пространстве. А гора, это — круча, аршин в 20 высоты, поросшей кустарником. Для всех ясно — будет приказано взять гору и... через несколько часов такой приказ был получен в ротах. Для штурма развернулся весь полк и пласт. б-н. Каждая рота должна на своем участке найти пути и возможности взобраться на гору и сбить пр-ка. Но тщетны все попытки. На гору вело шоссе и 2-3 тропинки, но разве возможно по ним, обстреливаемым и сверху и вдоль их зигзагов, атаковать?

Пыталась атаковать 4-я рота, к-р которой, пор. Совельев, лично получил приказание от ген. Тимановского, и на участке которой гора была несколько пологой и менее поросшей кустарником, но тщетно: не столько пули, сколько бросаемые красными камни, остановили ее.

— Где к-р взвода? — спросил пор. Совельев людей одного из взводов.

— Вероятно — там! — с безнадежным отчаянием ответили ему, указав на скалу. Пор. Совельев пошел туда и нашел к-ра взвода сидящим под отвесом, сильно расстроенным и со слезами на глазах. Он отвел его к роте.

Оставалась маленькая надежда на ночь и то только на повторение сдачи красных, как это случилось под Меловой горой. Но возможно ли это?

Наступила ночь. Полк не выполнил приказа, но получил снова такой же, но с точным указанием срока: утром гора должна быть взята.

Рушилась и маленькая надежда: выпал густой туман совершенно заглушавший даже крик в десятке шагов. Уговаривать красных не приходится. Ночь протекала томительно долго, в тщетных поисках, на холоде.

На участке офиц. роты шла навверх одна тропинка. Опрошенный еще днем крестьянин дал некоторое представление о ней, об ее верхней части: узкая, идет зигзагами с камня на камень, местами крутая; ближе к вершине — площадка с часовенкой; на горе, шагах в 200-х от конца тропинки — сарай, а в 500-х шагах — хутор. И это все. Впрочем, крестьянин добавил:

— Не знаю, как вы подыметесь на гору: перестреляют по одному. Но... решение: у часовни должен быть караул пр-ка, а следовательно, нужно будет его безшумно снять; а дальше — у конца тропинки другого караула может и не быть, ввиду близости сараев, в которых безусловно расположились красные... Итак — снять караул и выйти на гору: снять караул небольшой группой, а на гору выйти уже всей ротой.

На задуманное предприятие вызвался пор. Головач с пятью офицерами. После того, как группа ушла, прошли часы. Рота в готовности. Наконец приведено 7 пленных — караул полностью. Рота подымается по тропинке. Ей сообщено — разведчики уже на горе. Быстро и рота там. Она развернулась и стала расширять и углублять свой плацдарм. На левом фланге два выстрела: там, шедший на смену караул красных в тумане и ночной темноте нарвался на цепь роты; 5 чел. были схвачены, но двое успели убежать и дать два выстрела. В сараях крики. Красные выбегают из них и скрываются в тумане. Проходят минуты и перед ротой слышны команды, а затем показалась и цепь пр-ка. Огнем она сметена и скрылась. Красные оставили хутор.

Рота в тумане медленно продвигалась вперед, потеряв всякую ориентировку, пока флангом не коснулась шоссе. Она остановилась и ждала подхода своего бат-на, которому было сообщено о выходе ее на гору.

2 н о я б р я. Уже начало светать, когда подошел б-н. Пр-ка не видно. Наконец б-н развернувшись двинулся вперед вдоль шоссе. Ему на фланг вышел 3-й б-н, а 1-й — пошел вправо, к горе Острая, в распоряжение ген. Покровского.

Около 13 час. б-ны полка встретили сопротивление пр-ка у большой рощи и, смяв его, преследовали через всю рощу. Остановились на северной ее опушке, где начиналась широкая лощина, с селом Надежда в конце ее, куда отходили красные не только бывшие перед полком, но из г. Ставрополя, расположенного по левому скату лощины.

Из рощи 2 и 3 б-ны полка и пласт. б-н направились в город и расположились в разных его районах на ночлег. В охранение вышел

Куб. стр. п., кот. после 3-дневных попыток взять Лысую гору, поднялся на нее одновременно с Марковским.

Оказалось, что части ген. Врангеля два дня вели бои у самого Ставрополя и самое большое, чего они добились, это — занять сев.-зап. его часть с вокзалом жел. дороги; часть города наиболее низменную.

3 н о я б р я. Пр-к отошел от города всего лишь верст на восемь. Им занималось село Надежда. Марковцы 2-го б-на, уже по одному тому, что они были размещены на тесных квартирах, решили: отдыха ждать не приходится. И, действительно, утром б-н, с приданной ему ротой 3-го б-на, выступил в направлении на с. Надежда, с задачей выбить пр-ка из села. Слева от него будет наступать 1 Куб. стр. полк.

Красиво разворачивался б-н под огнем красных и уверенно он шел по ложине на сближение. Кубанцы первые атаковали на возвышающейся складке местности, но неудачно, что привело к фланговому обстрелу наступающих Марковцев. Красных пришлось атаковать лево-фланговой офиц. роте, круто изменив свое направление. Рота сбила их и по возвышенности подошла к селу, оказавшись над ним и на фланге оборонявших его красных.

Редки были случаи такого упорства красных в бою, когда даже их раненые продолжали стрелять до последнего момента своей жизни и умирать с пением Интернационала. Неся большие потери и попадая под низкие разрывы шрапнелей единственного орудия, бывшего при б-не, вырывающего сразу десятки человек из их рядов, они все же отходили в сравнительном порядке.

Село Надежда тянулось по ложине верст восемь, но Марковцы продвинулись по нему только на 2-3 версты, остановившись по приказанию, т. к. влево шел бой с наступающим пр-ком.

Наступила ночь. Однако, боевое напряжение на фронте не ослабевало: возможен был переход красных в к.-наступление. Это потребовало оставление на ночь офиц. роты на возвышенности у села. Было очень холодно и к счастью для роты в поле стояли большие стога соломы, в которые офицеры и зарылись. Ночью пошел первый снег, стало вдобавок и сыро. Оживил роту подарок ген. Тимановского — бидончик спирта. Его развели снегом и все смогли выпить по хорошей чарке водки.

4 н о я б р я. Б-н был сменен Кубанцами и ушел в Ставрополь на свои прежние квартиры. Но уже свободнее стало в них: в каждой недосчитывались 2, 3 и более человек. Большие потери понесены у с. Надежда. Это почувствовали и явно осознали Марковцы только став на отдых. В боях вообще, в период сильного нервного напряжения, как-то не замечаются потери, какими бы они ни были: поставленные задачи выполнялись и малым числом оставшихся бойцов.

Пришел в город и 1-й б-н, сведенный в одну роту из-за больших потерь.

5—8 н о я б р я красные вели упорные атаки на Куб. стр. полк и Пласт. б-н и б-ны Марковцев должны были выступать им на поддержку и даже ночевать на поле боя. 8 ноября один из б-нов ходил к с. Пелагиада на поддержку частей другой дивизии, но ему не пришлось принять участия в бою: красные неожиданно прекратили свое успешное наступление и быстро стали отходить: им в тыл вышла кон. див. ген. Врангеля. Это был день, когда они на десятки верст отошли от Ставрополя к востоку.

9 н о я б р я весь ген. Маркова полк окончательно сосредоточился в Ставрополе и простоял в нем целую неделю, будучи расположен уже на широких квартирах.

В СТАВРОПОЛЕ

Ужасный вид имел город, когда в него вошли части Добр. армии, после 19 дней владения им красными и боев, происходивших в течении этих дней в его районе. В городе было оставлено красными до 4.000 раненых и больных и около 2.500 убитых и умерших. Много разграбленных квартир из числа тех, жители которых к приходу большевиков оставили город. Эта внешняя сторона усугублялась при них: отсутствием подвоза для жителей продуктов питания и сильнейшим моральным гнетом.

Естественна, поэтому, была радость жителей с приходом Добр. армии, принесшей свободу, спокойствие и возможности скорого восстановления нормальной жизни. В Ставрополе добровольцы удовлетворялись своим успехом и радостью жителей, проявлявшейся в внимательном и заботливом отношении к ним. Ожидать от города иных радостей, как полученных, например, в Екатеринодаре, не приходилось.

Значительной части Марковцев пришлось занять квартиры оставленные жителями и в них самим налаживать жизнь, начиная с самых мелких деталей: поисков иголок, ниток, организации отопления, мойки посуды, приборки помещений. Тем не менее все устроились с удобствами и даже «по культурному». В домах были книги, журналы, шахматы. В одной оказался чудесно сохранившийся, нерасстроенный рояль, игра на котором дала большое наслаждение.

Свободного времени было много, т. к. никаких занятий, кроме утренних и вечерних построений для молитвы и «занятий» с чисткой оружия и починкой белья, обмундирование и обуви, не было. Не было и никаких почти нарядов по службе. Бодрое настроение вообще не покидало Марковцев, а теперь оно было особенно высоким, в связи с последними сообщениями о полной капитуляции Германии и установления связи с союзниками, дававшей надежды на помощь.

Но возникали и беспокойные вопросы. Главный из них — какая судьба предстоит югу России, теперешней Украине? Что большевики

поспешат с уходом немцев занять ее, казалось бесспорным. Отстоять себя она не в состоянии: у нее нет армии. Об этом говорили побывавшие там в отпуску. Есть многочисленные штабы и, в какой-то доле, кадры будущих частей. Но может быть Украина быстро сформирует части? Однако, мало вероятно. Ее внутреннее положение весьма тревожное: помимо большевистских настроений и проявлений, есть еще петлюровцы и всякие партиз. отряды. Мобилизация в армию не пройдет. Не удастся сформировать армию и на добровольческих началах: надежды на оставшихся там многочисленных офицеров и интеллигенцию — никакой. Так что же: Украина обречена? Родные добровольцев обречены подпасть под власть большевиков? Находился один ответ: скорее разбить красных на Сев. Кавказе и идти на Украину, а там мобилизовать в первую голову всех бывших офицеров и заставить их драться.

*
**

С первого же дня стоянки в Ставрополе заработали все ротные и полковые канцелярии, т. к. только здесь, впервые после Екатеринодара, эти канцелярии соединились со своими частями также, как и вся хозяйственная часть полка. Стали приводиться в порядок списки наличного состава, списки и подсчет выбывших чинов. Но это было нелегкое дело и даже полностью неосуществимое: прибывающие в часть чины во время боев, не успев быть занесенными в списки, выбывали из строя и оставались лишь приблизительные сведения о численном составе, если они случайно оставались у к-ров рот.

Оказалось, что из полка, только за короткий период Ставропольских боев, вышло до 500 чел. В ротах оставалось по 30—40 штык. и лишь в 2-х—3-х доходило их до ста. Половина пулеметов после армав. и ставроп. боев находилась в обозе из-за выбытия пулеметчиков. В полку насчитывалось всего до 700 штык. при 20 пулемет. и конной сотне. Сила слабая, каковую полк не имел за весь 2-й Кубанский поход.

Об этом периоде Добр. армии ген. Деникин писал:

«Пехота перестала существовать». Другие основные полки армии были в значительно меньшей численности, чем 1-й Офиц. ген. Маркова полк и их оставалось только отвести в резерв на пополнение, вернее на формирование. 3-я див. в боях у Ставрополя потеряла раненым своего нач-ка дивизии, полк. Дроздовского, через 2 месяца скончавшегося от ранения. Корн. уд. полк — своего к-ра полк. Индейкина — убитым.

1-я див. находилась лишь на временном отдыхе, чему позволила обстановка: красная Ставропольская армия понесла огромные потери, потеряла свою наступательную способность и перешла к обороне верстах в 20 восточнее Ставрополя.

На 4 и 5 день отдыха Марковский полк получил большое попол-

нение в 800 чел., в их числе свыше 300 офицеров. Роты стали силой около 100 штык. каждая, на 7 и 9 роты (офицер.) — свыше 200. Стали в строй и почти все пулеметы. В 1.500 штык. полк представлял уже большую силу. Боевой подготовки пополнение в массе не требовало. Но полк уже не мог быть той сплоченной, с единым духом силой, которой он был раньше. На это же требовалось время, даже в отношении офицерского пополнения, состоящего не из добровольно пошедших на борьбу, а из мобилизованных на территории армии и, гл. обр., на Дону, из числа не казаков, в городах Ростов, Нахичевань, Таганрог. Это были те, которые в конце 17 и начале 18 годов митинговали и не желали поступать в Добр. армию. Теперь их обязывали выполнить долг перед Родиной.

Полк. Гейдеман

Полк. Булаткин

Неловко чувствовали себя эти офицеры, хорошо обмундированные, одетые по зимнему, прибывшие с полными чемоданами. Разительный контраст с Марковцами. Чтобы загладить свою вину, они проявляли себя до щепетильности дисциплинированными, готовыми перенести все тяжести службы, быть такими же, как и остальные. Но... у них не будет марковской воли, порыва; они покажут внешне дисциплинированность, но не проявят полной Дисциплины. Пройдет некоторое время и от этого офиц. пополнения в полку почти никого не останется: офицеры уйдут из полка по ранениям и болезням, но по выздоровлении, мало кто из них вернется в полк. Они где-то устроятся в местах более «тепленьких», спокойных; может быть даже в других строевых частях, но с репутацией более скромной. Офицерский кадр Марковцев, как составляли, так и будут составлять только те, кто вступил в полк до Ставрополя, т. е. пошел в Добр. армию добровольно.

В Ставрополе в полк прибыло и еще одно «пополнение»: назначенный его командиром «на законном основании» — Ген. Штаба полк.

Гейдеман. О нем Марковцы знали лишь, что он был Нач. Штаба 1-й пех. дивизии. Это говорило им о близости его к полку. Но, когда они увидели его, его благородную внешность, в глазах ум и волю; когда в его словах и действиях определили не формалиста, а глубокого и серьезного начальника; когда он ставил себя как бы представляющим полку и получившим честь командовать им, а не делающим формальный смотр ему, то все сочли полк. Гейдемана своим достойным командиром. Даже его, несколько грузная фигура, не поколебала мнение, что для их полка, как легкой, подвижной пехоты, нужен такой же легкий и подвижной командир, каким был, например, ген. Марков. Его помощником и заместителем был назначен полк. Булаткин. Вр. командовавший полком, полк. Наркевич не получил назначения и оставил полк.

Все еще не собрался целиком 1-й арт. див-н: не было двух его взводов и одно сверх-штатное орудие находилось с отрядом особого назначения — в охране Вел. Кн. Николая Николаевича, жившего в оставленном немцами Крыму. В этом отряде было человек 20 Марковцев.

ЗИМНИЙ ПОХОД В ГОРАХ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБ.

Отброшенная от Ставрополя Сев.-Кавк. красная армия утвердилась в восточной части Ставроп. губ. Главная масса ее, силой в 70.000 штык. и сабель, базировалась на с. Петровское, пункт, в котором сходились жел. дор. линии от сел Дивное и Благодарное и от г. Ставрополя. Не будучи полностью отрезанной от центра России, используя Волгу, она получила оттуда необходимое боевое снабжение. Перед Добр. армией стояла задача — ликвидация этой армии. Выполнение задачи ген. Деникин возложил на два корпуса: 1-й армейский, ген. Казановича и 1-й конный, ген. Врангеля.

1-й арм. корпус был составлен: из пех. бр-ды ген. Тимановского — Марковский и Кубанский полки; кон. отряда ген. Колоссовского — 1-й кон. офиц. ген. Алексеева полк и «Марковский» кон. див-он (4 сотни и 10 пул.); и, приданной ему, казачьей див. ген. Покровского. Ему предстояло действовать в гористой местности к югу от жел. дор. Ставрополь—Петровское. 1-му конному — к северу, более равнинной.

16 н о я б р я бригада ген. Тимановского сосредоточилась в с. Старо-Марьевка, в 20 вер. к востоку от г. Ставрополя. Погода была морозная, земля покрыта снегом. Зима, которую ожидали с беспокойством, наступила.

17 н о я б р я. Рано утром бр-да выступила в направлении на д. Кононовка. Дорога все время шла на подъем. Мороз крепчал. На одном из перевалов колонна была обстреляна арт. огнем. Перейдя к вершине следующего перевала, колонна остановилась и полкам были

даны задачи: Офицерскому — взять д. Кононовку, Кубанскому — правее, ряд хуторов Ахвердова.

Офиц. полк развернулся двумя б-ми и перешел в наступление. Выйдя на хребет, Марковцы увидели в полтора верстах впереди, у подножья следующего хребта, деревню. К ней шел пологий, совершенно голый скат. Наступление «в лоб», с охватом деревни справа и слева.

Красные развили сильнейший огонь, под которым роты в центре стали залегать. Охват деревни с флангов встретил препятствие: красные занимали позиции и на хребте, круто подымавшимся над деревней. Сильная их к.-атака на правый фланг полка, принудила его к отходу и лишь выдвинутые три роты резервного б-на задержали красных и отбросили их. Однако, нового порыва вперед не последовало, т. к. было приказано отходить. Это было вызвано угрожающим положением для всего полка на его левом фланге.

Верстах в пяти к северу от д. Кононовка, у подножья того же хребта, что и эта деревня, находился х. Погорелова, занятый красными. Для наблюдения за ним было выслано 15 всадников. И вот, в то время, как полк вел наступление, красные из хутора перешли в наступление, угрожая полку глубоким охватом слева. В это время в резерве полка оставалась лишь одна 9-я Офиц. рота, из которой, с твердым заданием задержать пр-ка, была выслана полурота с двумя пулеметами.

Первыми на помощь 15 всадникам прискакали пулеметы. Их огонь задержал левый фланг и центр двух густых цепей красных. Правый их фланг, прикрытый складкой местности, продолжал быстро наступать. Пулеметы стали отходить, да они и не могли больше стрелять, т. к. в них кипела вода. Подошедшая офиц. полурота к.-атакой смяла передовую цепь пр-ка, взяла пленных, но не устояла перед его второй цепью и только благодаря открывшим снова огонь пулеметам, красные были остановлены и через короткое время, с наступлением ночи, отошли в свой хутор.

Наступление не только Офиц. полка, но и Кубанского в этот день было неудачным и при том, приведшее к огромным потерям. 50 офицеров, половины своего состава лишилась полурота 9-й роты, остановившая наступление красного Тимашевского крестьянского полка, силой в 1.000 чел. До 400 чел. потерял весь полк.

Полк отошел в исходное положение за гребень. Ветреная, морозная ночь. Чтобы хоть немного укрыться от ветра, копали себе ямы с помощью небольшого количества кирк и лопат. Грелись у немногих костров.

Жертвенно работали сестры милосердия и санитары. Не хватало подвод для эвакуации раненых. Их мучил еще и холод. Сестра Левицкая (забылось ее имя), сняв с себя ватную безрукавку, закутала ею раненого грузина. Сильно давал о себе знать и голод. Пулеметчики

поделились запасом холодной еды с этой сестрой, а она раздала ее раненым. Светлая память сохранилась о сестре Левицкой, юной девушке, дочери попечителя Виленского учеб. округа, как и обо всех сестрах в эту ночь, после тяжкого и кровавого боя.

Поздно ночью привезли ужин и холодный: не нашлось достаточно дров. Уснуť никому не пришлось.

18 н о я б р я. Все ожидали с утра возможности «согреться» повторным наступлением на д. Кононовка, но день прошел без перемен. Был бой у кубанцев, в результате которого они взяли несколько хуторов перед хребтом.

Когда стемнело, 1 и 2 б-нам было приказано выдвинуться на пол-расстояния к д. Кононовка, а 3-му б-ну — к х. Погорелова и окопаться. Напрашивался вывод: на утро атака. Но с другой стороны: если будет атака, то зачем окапываться, тем более, что нет шанцевого инструмента? Копались всю ночь. Не спали.

19 н о я б р я, весь день б-ны пролежали под обстрелом шагах в 800 от красных. Кое как спасались от холода беготней вдоль фронта. Были потери. Развлекались стрельбой. А у кубанцев снова шел сильный бой: они отбивали атаки красных.

Вечером узнали, что на участке кубанцев ранен ген. Тимановский, которого заместил полк. Гейдеман, а в командование полком вступил полк. Булаткин.

Опять кошмарная ночь. Марковцы находили единственное объяснение своему положению: из каких-то высших соображений, их задача держать пр-ка в непрерывном напряжении и под угрозой внезапной атаки. Ночью выпал сильный туман.

20 н о я б р я. Никаких распоряжений, никаких перемен.

Когда туман рассеялся, снова показался горный хребет, но только в нижней своей части: вершина его была покрыта несущимися облаками. Усилилась перестрелка.

Но вот, часов около девяти, по цепи передано: приготовиться к атаке, что всех обрадовало и как будто согрело. А не более как через час, все услышали глухие арт. выстрелы в тылу у красных, а затем и пулеметную стрельбу; звуки боя непрерывно приближались.

— Наша конница в тылу у красных! — был вывод.

— Вперед! — раздалась, наконец, команда и в мгновение Марковцы понеслись вперед, не обращая внимания на встречный огневой ливень. Но он быстро прекратился: красные оставляли свои позиции и поднимались на возвышенность вправо и влево от деревни. Расстроенные порывистым наступлением цепи полка, в облаках шли вперед уже своими обрывками, мелкими соединениями, терявшими между собой зрительную связь и не видевшими пр-ка. Лишь временами, когда рвались

облака, появлялась возможность наблюдения на сотню—другую шагов; цепи сталкивались, перемешивались...

«Нам открылась жуткая картина прошедшего здесь боя» — записал один из участников. — «Все поле было покрыто трупами. Между ними, кое-где еще бегали одиночные люди, случайно уцелевшие и не знавшие куда бежать... Видно было, что здесь отходила густая цепь противника и... залегла навсегда. Еще и еще такие же «мертвые цепи»... Вот стоит брошенная подвода с пулеметом. Вокруг нее лежит убитая прислуга, а лошади... целы».

Куб. стр. полк наступал правее. Его цепи также разорвались в облаках. Пр-к перед ним отходил в порядке, т. к. туда атака конницы не докатилась. Временами противники обнаруживали себя на коротком расстоянии и тогда неслась сильная стрельба.

С цепями кубанцев ехал верхом с двумя ординарцами вр. ком-щий бригадой, полк. Гейдеман. Он свернул вдоль цепи влево. Цепь прервалась, но полк. Гейдеман продолжал ехать дальше. Он проскакал немало, когда увидел идущую цепь и, подъехав к ней что-то сказал. И... вдруг, из нее раздались выстрелы по полк. Гейдеману и бывшим с ним двумя верховым. Цепь оказалась красной. Один ординарец, однако, успел ускакать и сообщить кубанцам о случившемся. Кубанцы нашли два истерзанных трупа. Озлобленные, они рванулись вперед и уже никому не давали пощады.

Скоро весть о смерти полк. Гейдемана дошла до Марковцев, которые также перестали брать пленных...

«По мере приближения к с. Спицевка (6 вер. от д. Кононовка), число бегущих безоружных красных увеличивалось. Ища спасения от конницы, они бежали на пехоту».

К вечеру бр-да сосредоточилась в с. Спицевка. Красные отошли к востоку за р. Калаус и к югу. Кон. дивизия нанесла им огромные потери: одними пленными ею было взято до 2.000 чел., захвачено 40 пулеметов, 7 орудий и большой обоз.

Одержан большой успех, но доля Марковцев в нем ничтожна. Иная их доля огромна — доля кровью и жизнями: за 4 дня боев у д. Кононовка полк потерял до 500 чел.; ранен ген. Тимановский; убит полк. Гейдеман.

Полк Гейдеман был похоронен в Екатеринодаре в склепе нового Войскового собора, там, где покоился ген. Алексеев.

21—27 н о я б р я полк, совершенно неожиданно для него, спокойно простоял в с. Спицевка на теплых квартирах. Получил пополнение — 400 чел. из иногородних куб. обл., мобилизованных красными и взятых в плен. Получил он и небольшое количество теплого белья и обмундирования, но не получил обуви, в которой была крайняя нужда, т. к. снабжение за счет «красного интендентства» резко пало: у красных также был обувной кризис.

Арт. див-н, наконец-то, усилился прибывшим взводом 1-й батареи и вскоре и двух орудийной гаубичной бат-ей, везомой обывательскими волами. Див-он получил пополнение солдатами, сменившими в качестве ездовых оставшихся еще в этой роли офицеров. Офицеры были нужны для 3-й батареи, из которой ушли все офицеры-гвардейцы на формирование своей гвард. батареи. С уходом их, 3-я батарея сняла красные погоны и надела черные — марковские. 1 артил. див-он стал чисто Марковским.

В эти дни корпус ген. Врангеля, взяв с. Петровское, вел бои вместе с отрядом ген. Станкевича на нижнем течении р. Калаус, против 4-й стр. див. красных, силою в 20.000 шт. и саб. (сов. данные), выставив заслон в южном направлении, где сосредоточены были две группы пр-ка: у с. Благодарное и с. Новоселицкое, каждая, по сведениям ген. Деникина, силою около 10.000 шт. и саб.

Против этих 2-х групп стоял теперь 1-й арм. корпус с приданной ему Куб. каз. див. ген. Покровского. Общая численность корпуса была около 6.000 шт. и саб. (Такую же численность 1-го корпуса приводит и советская книга «XI армия в боях на Сев. Кавказе...», но силы красных она приводит иные: «Благодарненская» группа — 3-я Таманская стр. див. имеет — 24.456 шт., 2.359 саб., 338 пул. и 66 орудий; «Новоселицкая» — кон. дивизия — 2.510 саб., подчиненная 3-й Там. стр. див.). 1-й корпус располагался: на линии сел Северное и Калиновка — отряд ген. Колоссовского, в кот. вошел еще Куб. стр. п., а позднее — Св.-гренадерский, на фронте свыше 10 вер.; на линии сел Грушевка—Донская Балка — дивизия ген. Покровского, на фронте до 25 вер.

28 н о я б р я. Офиц. ген. Маркова полк выступил в с. Сергиевка, а на следующий день

29 н о я б р я, пошел дальше в с. Грушевка, проделав за два дня около 50 вер. Переходы были тяжелые: дорога все время шла в гору, дул восточный ветер, было холодно. Ожидаемого у с. Грушевка боя не произошло: красные очистили село на виду у Марковцев под давлением одного из конных полков дивизии ген. Покровского. Полк расположился по квартирам под охраной этого кон. полка.

30 н о я б р я. К утру село в густом тумане. Полк еще спал, когда в охранении раздалась стрельба. Едва полк собрался на церковной площади, пули уже свистели вдоль улиц с трех сторон. Полк. Булаткин послал б-ны по трем направлениям и они выбили из села ворвавшуюся в него красную кав. дивизию. В полку и в бывшей с ним батарее были единичные потери, но серьезно пострадал обоз, уходивший из села и атакованный красными.

После боя казачий полк ушел к северу на присоединение к своей дивизии. Оставшись один, Марк. полк выставил охранение на все четыре стороны, т. к. в тактическом отношении его расположение было чрез-

вычайно опасным: он выдвинут углом в сторону пр-ка, находится в котловине, базируется на с. Сергиевка, где стоял штаб корпуса, отстоящее на 25 верст, а соседей вправо и влево имеет не менее чем в 12 верстах. Полк мог быть легко окружен.

Ко всему, и самый вид с. Грушевка был весьма неприглядным: самое бедное село в Ставр. губ. и по утрам, благодаря своему высокому расположению, часто покрытое туманом. «Гиблым местом» показалось оно Марковцам.

По 13 декабря включительно, полк простоял более или менее спокойно в селе. Однако, эти дни проходили для него не без тяжелых испытаний: усилились морозы, доходившие до 15° ниже нуля, дули сильные ледяные ветры, свирепствовали мятели. Охранение, требовало большого наряда и частых смен. Особенно памятна ночь под Николин день, 6 декабря, когда сменять охранение приходилось каждые 15 минут.

6, 7 и 8 декабря из-за мороза и страшной пурги не могла быть произведена эвакуация больных, число которых росло каждый день. Перед этим, в одном из транспортов замерзла заболевшая сестра милосердия. Ко всему, на долгие часы прерывалась телефонная связь со штабом корпуса: страшные ветры рвали телефонную линию.

С 6 декабря для полка служба стала еще тяжелее, т. к. 1-й б-н ушел в с. Калиновка.

1-й б-н был вызван в с. Калиновка, чтобы, оставаясь в этом селе, прикрыть тыл отряда ген. Колоссовского, с утра 6 декабря выступившего в южном направлении, с задачей взять с. Александровское — 20 вер. от Калиновки. Село намечалось взять комбинированным ударом — с фронта, вдоль большой дороги, Куб. стр. полком с батареей и обходом с запада, через с. Круглолесское, конным отрядом, выступление которого назначено несколькими часами раньше выступления Куб. п-ка.

Погода была отчаянная. Не найдя на сборном пункте в назначенное время 1 конн. полк, в. ст. Растегаев решил выполнить задачу самостоятельно, силами своего большого дивизиона. Гору Главную див-он перевалил, ведя коней под узду, а затем рысью двинулся дальше. В с. Круглолесское он ворвался не встретив сопротивления, захватив в плен полк красных и, весьма кстати, походные кухни с готовым обедом. Подкрепившись и согревшись, он немедленно двинулся на с. Александровское, ворвался в него, но, встретив сопротивление, вынужден был отступить обратно в с. Круглолесское и там заночевать, а на утро, не имея связи, отправиться в свое исходное положение, в с. Северное.

Однако, неудачный налет див-на на с. Александровское, имел положительный результат: через час-два, красные были легко выбиты из села Куб. стр. и 1 конн. Офиц. полками.

Для в. ст. Растегаева его налет на селах Круглолесское и Александровское имели два противоположных последствия: строгий выговор ген. Колоссовского за неустановление с ним связи, и благодарность ген. Казановича за блестящие действия его дивизиона.

Село Александровское удерживалось Куб. стр. полком с батареей, а потом сменившим его Св.-гренадерским отрядом, до 13 декабря. Оно было оставлено по приказанию, т. к. в это время красные перешли в наступление и создавалась угроза тылу 1-го арм. корпуса.

12 декабря красные перешли в наступление по долине р. Мокрая Буйвола в направлении на с. Сергиевка, тесня части ген. Покровского.

13 декабря, они уже были в 15 вер. от с. Сергиевка, угрожая глубокому тылу бат-нам Марковцев в с. Грушевка. В этот день в Грушевку пришли два б-на Куб. стр. полка. Составился отряд в четыре б-на при 7 орудиях, которому приказано наступлением на с. Медведское ударить в тыл красных и отбросить их на восток. В командование этим отрядом должен был вступить, назначенный к-ром офиц. ген. Маркова полка, полк. Сальников, приезд которого ожидался ночью.

14 декабря отряд готовился выступить с рассветом, не ожидая, пока ему на смену придет из с. Калиновка 1-й б-н офиц. полка.

Ввиду приезда полк. Сальникова, б-ны Марковцев построились на час раньше, чтобы установить первый контакт со своим новым командиром. У всех было естественное желание увидеть и услышать того, кому они подчиняются и, тем более, перед выполнением весьма серьезной задачи, и еще и потому, что о нем до сего времени они ничего не слышали и не знали. То, что полк. Сальников был при штабе Добр. армии, им ничего не говорило.

Утро туманное: ничего не видно в 25 шагах, и мороз свыше 10°. Марковцы, в ожидании выхода командира из штаба полка, стали мерзнуть; ждать же пришлось долго. Встреча прошла быстро: полк. Сальников поздоровался и... это все. Первое впечатление совершенно не в пользу командира.

Отряд тронулся. Впереди б-ны Марковцев. До с. Медведское 15 вер. Дорога шла в гору, но идти было легко и даже пелись песни.

После первой остановки, в голову колонны вышли б-ны Кубанцев. Почему? — встал перед всеми вопрос. Марковцы с полной уверенностью в успехе готовы были атаковать красных, а их отводят назад. Но может быть есть серьезная опасность с тыла? Вывод был определенный: у нач-ка отряда отсутствует твердая уверенность в принимаемых им решениях. Полк. Булаткин, к которому обращались с вопросами по этому поводу, отмалчивался.

Туман разрежался, но видимость едва превышала сотню шагов. Судя по тому, что дорога стала снижаться, решили — скоро село и атака.

Наконец колонна Марковцев остановилась и все услышали впереди глухую стрельбу. Время шло, но никаких перемен. Ясно — с атакой произошла заминка. Но вот, б-ны стали разворачиваться в боевой порядок и двинулись вперед вправо от дороги. Они шли ничего не видя перед собой. По цепям защелкали пули, но почему-то в левый их фланг; они остановились. Оказалось, дорога при спуске постепенно сворачивала вправо, сворачивали невольно и цепи, подставив пр-ку свой фланг. Нужно было изменить направление, а когда передвижение закончилось, прошло приказание: отойти и ждать у дороги распоряжений. Атака села не только оказалась неудачной, но она и не состоялась.

Туман быстро исчезал, однако с того места, где собирались роты не было видно ни села, ни пр-ка, ни кубанцев. Все это скрыто волнистым скатом. Но все увидели большую колонну красной кавалерии у себя в тылу, верстах в полутора, вблизи той дороги, по которой они недавно шли. По колонне начали пристрелку пулеметы.

Нервы у Марковцев взвинчены до предела от всего происшедшего и происходящего с начала этого дня. И не только у рядовых. Когда от полк. Сальникова к к-ру б-на, полк. Волнянскому, подъехал офицер с приказанием: «Б-ну атаковать колонну кавалерии», полк. Волнянский в присутствии офицеров и солдат возбужденно ответил:

— Передайте к-ру полка, что я команду батальоном пехоты, а не кавалерией и поэтому атаковать кавалерию в чистом поле не могу.

Вторичного приказания не последовало. Кавалерия пр-ка продолжала оставаться на месте, пока ее не скрыла наступившая ночь.

Негодование в полку своим новым командиром было всеобщим и открытым, но Марковцы сохраняли выдержку и самообладание. Исходя из создавшегося положения, они приходили к выводу: несмотря на мороз, переночевать здесь, а утром атаковать. Таково же решение было и начальства. Полк. Булаткин коротко сказал: «Ночевать останемся здесь!» и приказал б-нам построиться в тесное каре, окружив его повозками и выставив пулеметы. Всегда очень внимательный, отвечающий до этого всем на задаваемые ему вопросы, всегда освещающий обстановку, теперь он сухо просил не обращаться к нему с вопросами.

Мороз усиливался и перевалил 15°. Спасения от него — никакого. Короткое время — оживление: сдалась конная застава красных, оставленная для наблюдения за отрядом. Ее ком-р сообщил об уходе кав. бригады и только после этого было разрешено разводить костры. Но не было дров. Артиллеристы жгли деревянные снарядные ящики. Страдали части повозок. Костров горело мало, небольших, да и те скоро потухли. Сидевшие у них, спасая ноги, портили себе от огня обувь. Некоторые рискнули снять сапоги, но большинство не пошло на эту разумную меру: а если тревога?

«Мы лежали прижавшись тесно друг к другу, как будто теплее было рукам, туловищу... Мерзли ноги, но старались не обращать на это внимания».

«Помню только, что я окончательно замерз».

Пулеметчики? Они замерзли до того, что их уже не беспокоила замерзшая вода в пулеметах. Атакуй пр-к, он взял бы всех голыми руками.

В стороне села всю ночь раздавались короткие пулеметные очереди: стреляли красные, чтобы не дать замерзнуть воде в своих пулеметах.

Так проходила кошмарная двенадцатичасовая ночь на высокой возвышенности перед с. Медведское.

15 декабря. Перед рассветом, часа за два — подъем. И сразу же раскрылся результат ужасной ночи: многие оказались с отмороженными носами, ушами, щеками и, особенно, ногами. Боль сразу же дала себя чувствовать: люди не могли стать на ноги, не могли держать винтовок... Но заниматься собой не приходилось: команда — «строиться!» Становились в свои ряды далеко не все. Роты тронулись, на ходу рассыпаясь в цепи...

Пулеметный и все усиливающийся руж. огонь, резкие выстрелы и полет пуль, визг рикошетирующих, только усиливали порыв. Красные бежали к селу. На окраине села новый взрыв огня: из-за заборов, из-за разных построек, из-за деревьев садов стреляли свежие силы красных, только что вышедшие из теплых домов. Но все было сметено, даже без того, чтобы был пущен в ход штык. Красные оставляли село и в беспорядке отходили на восток и на север. Их массы хорошо были видны на противоположном пологом подъеме из лощины. Их не преследовали и только батареи, спускаясь к селу, выйдя из облаков и увидя красных, открыли по ним огонь. Прошло часа два и больше, а массы красных, оставивших села Орехово и Высоцкое, обтекали Медведское с севера. За ними шли редкие лавы казаков.

Марковцы, войдя в село и убедившись, что пр-к отходит, быстро рассыпались по домам: их загнал холод, их пробудил голод. Вряд ли удержали бы их от этого командиры. В домах им не пришлось просить еду, не пришлось и ждать ее: она была уже приготовлена для красных. С радостью жители поили и кормили «белых». Вскоре части получили свои квартирные районы и, наконец, могли начать отдых в тепле. В охранение стал Куб. стр. полк.

Незначительные потери понес в атаке села Офиц. полк, но мороз за ночь вырвал из его рядов очень и очень многих. В атаку б-ны перешли едва в половинном составе, другая половина бессильно тянулась за ушедшими цепями, а частью даже не двинулась с места. Некоторые были настолько сильно обморожены и так страдали, что просили их пристрелить. Было к тому же опасение появления с тыла кр. кавалерии, но,

к счастью, этого не произошло, да и скоро из села выехали подводы за отставшими.

До 400 чел. обмороженных, и только Офиц. полка, было собрано в одном районе села. Весь незначительный медицинский и санитарный персонал полка, сам едвадвигающийся, должен был оказать и раненым, и обмороженным немедленную помощь. Но помогли ему женщины села: они растирали обмороженных снегом, гусиным салом, они согревали их горячим молоком и пищей, которые сносились из всех домов. А через несколько часов, они же помогали грузить на подводы пострадавших, для отправки их в тыл, заботясь, чтобы в пути им не было бы очень холодно. До 50 подвод, с более чем тремястами человек, выехало по дороге на село Сергиевка.

В последующие дни часть из них вернулась в полк. Их, шутя, прозвали «мнимо-обморожившимися».

16 декабря. Рано утром — подъем. Двум б-м Марковцев (около 500 шт.) с 5 орудиями, при содействии слева кон. бригады ген. Покровского, приказано взять находящееся в 10 вер. восточнее с. Шишкино. Назначение для наступления столь незначительных сил в направлении концентрации главных сил пр-ка и при том — наступление вглубь его расположения (Село Сухая Буйвола — 10 вер. к северу от с. Медведское — занято красными), показалось всем очень странным: половина пехоты отряда оставалась на месте. Кроме того, местные жители говорили, что к красным подошли подкрепления и подвезены снаряды и патроны.

Был мороз, хотя уже и не столь жестокий. Легкий туман. Колонна Марковцев, под командой полк. Булаткина, тронулась за походной заставой. Не доходя полутора верст до села, застава была обстреляна охранением пр-ка из-за каменного забора, но атакой моментально сбита его.

В это время из села выходили и разворачивались, занимая позиции перед селом и в огородах вправо и влево от него, массы красных. На ходу развернулись и марковские б-ны. Красные открыли сильнейший пул., руж. и арт. огонь. Марковцы, хотя и поддержанные своими батареями, вынуждены были наступать перебежками. Пр-к не выдержал, стал отходить, но, видимо, преднамеренно, т. к. в самом селе он сразу же стал оказывать серьезное сопротивление, также, как и в огородах, цепляясь за каждый дом, за каждую изгородь. С церковной колокольни строчила два его пулемета. Продвижение шло медленно, но, тем не менее, пр-к принужден был очистить почти половину села, отойти за ложбину, его пересекающую и, даже, оставить свою батарею, попавшую под обстрел. Но... приказание: «Немедленно отходить».

Оказалось, что пр-к глубоко обходит полк слева. Наступавшая там конная бригада, была опрокинута красными, перешедшими в к.-наступ-

ление с трактором, вооруженным пулеметами. Из-за складки местности, не сразу был замечен этот обход.

Отход Марковцев происходил в крайне тяжелых условиях, под непосредственным давлением, перешедшего в наступление в селе, пр-ка. Пал убитым героический, энергичный и распорядительный полк. Волнянский. Его едва успели вынести. Б-ны несли жестокие потери.

Окружение их в селе не произошло лишь благодаря высокой жертвенности батарей. Они по взводно, по орудийно, до последней возможности, не обращая внимания на рвущиеся вокруг снаряды, на пули, сдерживали красных. У одного орудия пал сраженный снарядом исключительный во всех отношениях по своим высоким качествам к-р 1 арт. див-на, полк. Миончинский, сподвижник ген. Маркова, славный доброволец. (Полк. Миончинский и полк. Волнянский были похоронены в склепах Кубанск. Войскового Собора, где лежали ген. Алексея и полк. Гейдеман.)

Оставив село, Марковцы остановились на линии того каменного забора, откуда начали наступление. Бой, однако, кончался не для всех рот. На самом правом фланге полка, по огородам, наступала 12 рота. Она дошла до ложбины, перескававшей село, когда услышала стрельбу слева и сзади себя и остановилась. Вскоре увидела и заходящую ей в тыл от села цепь. Красные! Заместивший тяжело раненого к-ра роты, кап. Пиллера, кап. Залесский, повернул роту в обратном направлении и атаковал обходящую цепь красных. Красные не знали о роте, находящейся у них в тылу, и были ошеломлены ее появлением. Моментально около 100 чел. было взято в плен. Один из красных сказал:

— Зачем вы нас берете в плен, когда вы сами в плену? Ваша кавалерия уже давно отступила и все ваши ушли из села. Отходите скорей, а попадетесь — и вас и нас расстреляют.

Только теперь рота поняла в каком положении она оказалась и только в этот момент прибежал совершенно обезумевший и запыхавшийся связник с запрздалым приказанием отходить.

Кап. Залесский собрал роту и с пленными повел ее по огородам в тыл и, когда рота была уже на линии западной окранны села, она вдруг натывается на лежащую густую цепь красных. Шедшие впереди роты пленные, попав к своим, мгновенно разбегаются, а красная цепь, повернув назад, встречает роту огнем в упор. Рота бросается в штыки...

Пор. Петушков бросается с криком: «Боже Царя храни» и падает заколотым. Свирепая схватка роты в 50 чел. с массой красных, штыковая и огневая...

В это время, остановившиеся другие роты обнаруживают отсутствие 12 роты. На шум идущего в огородах боя, высылаются рота и она принимает на себя пробившихся 25 чел. Это было уже наступающей ночью.

Все роты в сборе, но б-ны почему-то продолжают стоять на месте

и даже выставили охранение. До красных несколько сот шагов. Редкая перестрелка. Усталые, голодные, морально потрясенные и ко всему — на холоде, Марковцы лежат на мерзлой земле час, другой... Почему их держат здесь? Или на утро повторение атаки? Разрывается бомба — один убит, четверо ранено, несколько контужено. Вторая — один тяжело ранен, несколько контужено. Пр-к стрелял без бомбомета.

Наконец получено приказание: возвратиться в с. Медведское. Молчаливо, бездумно, машинально шли роты с сильно поредевшими рядами: свыше 200 чел. из 500 потеряли оба б-на. Около полуночи пришли они в Медведское и уснули мертвым сном.

А из села опять уходил большой транспорт с ранеными и с ним полк. Булаткин, испытывающий острую боль в обмороженных ногах, которую он напрасно хотел побороть в течении суток.

17 декабря. Утром на рассвете началась стрельба в сторожевом охранении, которое нес Куб. стр. полк. Пр-к наступал широким фронтом с охватом села справа и слева. Туман позволил ему подойти почти вплотную. Стрелки не смогли сдержать пр-ка и скатывались с бугров в село. Красные следовали по пятам.

Когда Марковцы, сонные, на ходу натягивающие на себя шинели и снаряжение, выскакивали из домов, пули уже роем носились по улицам. Б-ны приняли бой на улицах, в огородах и садах, среди построек и выбили красных. 2-й б-н занял позицию на восточной окраине; 3-му приказано выдвинуться на бугры к югу. Сбивая красных с бугров на склоне возвышенности, он занял позицию так, что его правый фланг мог наблюдать и обстреливать местность далеко вправо, почти на том месте, где двое суток назад была проведена отрядом морозная ночь. Влево, к северу от села, с поддержкой всех орудий отряда, разворачивались б-ны Кубанцев.

Пр-к готовился к новой атаке; многочисленные орудия подготавливали ее. Атаку он начал после полудня. Его массовые цепи и резервы шли на сближение. Бой разгорался. Уже 2-й б-н на восточной окраине села отбивает атаки. В 3-м б-не сильный огневой бой с приблизившимся почти вплотную пр-ком.

Никогда еще до сего времени среди Марковцев не вырывалось открытое признание: «Страшно!», а теперь оно произносилось. Им казалось, что они не уцелеют от огня пр-ка, не устоят и не уйдут от его массы. Сказывалось и то, что среди них уже не было полк. Булаткина и Волнянского, не было и многих к-ров рот, а сомнение в нач-ке отряда, благодаря которому накануне б-ны понесли большие и напрасные потери, теперь уже перешло в недоверие.

Марковцы сдерживают пр-ка, но местами, все же, вынуждены подаваться назад. Убит офицер, выгнать его поползли два других и... остались лежать трое. Сильный бой шел у Куб. стрелков и шел не

в их пользу: их б-ны и поддерживающие их семь орудий не в состоянии сдержат красных, обходящих село с севера.

Когда пришло приказание Марковцам отходить, то оно уже было запоздалым для 3-го б-на, которому нужно было предварительно спуститься с возвышенности в село. Ему оставалось отходить по буграм и ложбинам вдоль южной его окраины. Трудно пулеметным двуколкам, санитарным повозкам: на помощь лошадям впрягались люди. Так отходил б-н 2-3 вер., пока не вышел на линию западн. окраины села и... не уперся в глубокий, с крутым скатом, овраг. Объехать его можно было лишь у села, но там уже пр-к. В другую сторону овраг тянулся до бесконечности. Раздумывать не приходилось: было лишь одно решение — перейти овраг и при том, как можно скорее, т. к. к югу, верстах в 2-3 видна колонна кавалерии, неизвестно чья.

Скат оврага крутой, покрытый навееанным снегом и глубиной аршин 25-30. Противоположный подъем из него — пологий. Итак, главное спуститься. Ротам это не составляло труда: люди катились на спинах, на подводах?

Первым решил спуститься нач-к 5 пулемета, пор. Малышев. Он приказал возжами и веревками вязать колеса пулемет. двуколки, затормозив их совершенно, да еще вставить в колеса винтовки. Сделав это и облегчив двуколку от патронных ящиков, которые были сброшены в овраг, пор. Малышев, сказав: «Все равно погибать!» — приказал номерам уцепиться за задок двуколки, чтобы не дать ей опрокинуться, подвел ее к обрыву и перекрестился. Сделав первые шаги, лошади сразу же были посажены на задние ноги и... коренник, с уцепившимся за узду пор. Малышевым, пристяжная, двуколка, ездовые... все вихрем, в облаке снега, понеслись вниз. К счастью, как край оврага, так и его дно были покрыты толстым слоем снега и спуск прошел благополучно. Это всех подбодрило и через минуту скатился с тем же успехом пулемет пор. Стаценко, а еще через несколько минут, туда летели все пулеметы, подводы, ящики... На дне оврага все барахтались в снегу, вытаскивая двуколки, подводы на менее заснеженное место, подбирали ящики... Все грузилось снова на подводы. Спуск прошел без жертв, увечий и даже контузий.

Через пол-часа вся колонна на колесах (роты ушли вперед) выезжала по пологому подъему из оврага и, попав на дорогу, направилась в с. Орехово. Теперь уже не была страшна и видимая колонна кавалерии, которая к тому же оказалась «своей». От нее подъехал офицер-кубанец и спросил:

— По приказанию ген. Покровского, разрешите узнать кто и какой части обоз, решившийся на такой безумно-отважный спуск в овраг? и передал от генерала его восхищение.

К вечеру б-ны полка и команды сосредоточились в с. Ореховка, расположившись по квартирам, выставив охранение. Потери полка за

день боя не превышали 60 чел., но из с. Медведское санитарная часть полка не успела вывезти 10-12 тяжело-раненных. Чрезвычайно пониженным было настроение всех.

*
**

То, что конные части ген. Покровского оказались на правом фланге, заставляло предполагать об опасности на этом фронте. И, действительно, произошло следующее:

В с. Грушевка, через несколько часов после ухода из него, 14 декабря, отряда, пришел из с. Калиновка 1-й б-н Марковцев. Этот и следующий день он простоял в селе более или менее спокойно, будучи лишь обременен необходимостью держать всегда охранение на 4 стороны, на которое уходило до трети его численности. (В б-не около 400 штыков).

16 декабря б-н отбил наступление кр. пехоты. На следующий день, 17 декабря, наступление красных возобновилось. Перед селом занимала участок 1-я рота всеми взводами, с 500 шагами интервала между ними. Отбив атаку до обеда, рота подверглась более сильной атаке во второй половине дня. Донесение к-ра роты о необходимости немедленной поддержки, осталось без последствий. Посланные за патронами люди вернулись с сообщением, что обоза они не нашли. Рота не знала, что в это время остальные роты развернулись на северной окраине села против наступавших лав кр. кавалерии и догадались только тогда, когда лава появилась за ее левым флангом. Рота стала отходить к селу, но два ее взвода были настигнуты кавалерией; другие два взвода она постигла уже в селе. Отбились от нее только 20 чел., кот. догнали б-н, отходивший на с. Калиновка. Б-н потерял около 100 чел., из которых на 1-ю роту пришлось до 60 чел. (Дня через два к остатка 1 роты присоединились три ее офицера, успевшие укрыться в селе. Они слышали разгул красных и расстрел захваченных в плен. Ночью крестьяне, переодев их в крестьянское одеяние, вывели их за село, указав направление на с. Сергиевка. Это было тяжелое и жуткое путешествие, но... выбрались.)

С захватом красными с. Грушевка, на правом фланге отряда нависла опасность, чем и объяснялось появление частей ген. Покровского на его правом фланге.

*
**

18 декабря. Отряд спокойно простоял в с. Ореховке. Пр-к отдыхал и дал отдых отряду. Стоял мороз до 10° и туман. Но отдых все же был относительный, т. к. требовалось выставление сильного охранения и полная боевая готовность. Как и в с. Медведское, Марковцы занимали восточную и южную окраины села. У одной из застав, к югу

от села, стояло даже одно орудие, имевшее хороший обстрел вправо и влево, но весьма скверный перед собой.

Вечером подошел 1-й б-н и расположился в западной половине села, за ложбинкой, его разделяющей. Офиц. полк был в сборе.

19 декабря. Ночью мороз стал сильно спадать, но выпал густой туман. Марковцы проснулись рано. Их разбудило, услышанное от входящих в дома, слово «туман», не предвещавшее ничего хорошего. И, действительно, пр-к снова повел охват села своими силами.

Около 7 ч. утра в сторожевом охранении началась стрельба, по характеру которой можно было судить о наступлении красных. К югу от села бегло стреляло на заставе орудие. Когда б-ны построились, то можно было понять одно: сел глубоко охватывается пр-ком. Заставы стали отходить. Орудью, путь которого с заставы не шел прямо в село, а некоторое расстояние проходил по возвышенности вдоль него, ввиду того, что этот путь оказался перерезанным красными, оставалось одно: спускаться без дороги с кручи и под обстрелом. Убиты коренной конь и ездовой, ранены еще два коня. Новое препятствие — забор... Вывести орудие невозможно. Отходящий с восточной окраины б-н помочь ничем не может и орудие оставляется.

А в это время уже шел бой в западной части села, куда ворвались красные, совершившие по возвышенности глубокий обход его с юга. Но стоявший там 1-й б-н выбил их и отбросил. С севера красные тоже охватывали село, перед которыми отходил Куб. полк. Марковцы быстро оставили с. Ореховка и, перейдя по мосту через следующую ложбину, вошли в начинавшееся сейчас же с. Высоцкое.

Было около 10 час. Б-ны развернулись на восточной и южной окраинах села и отбросили преследовавших их с бешеным порывом красных. Однако, слева безудержно отходили стрелки, оголяя левый фланг их, а справа появилась кр. кавалерия, глубоко охватывающая село.

Полку приказано прикрыть отход батарей и обозов, собравшихся в селе. Но что-то медленно отходили они. Марковцы сдерживали красных, все более и более сживающих их с трех сторон. Их не поддерживала своя артиллерия, т. к. была в движении. Сильно гремела артиллерия красных, но она главную массу своих снарядов слала в тыл, за село. Все чувствовали что-то недоброе.

А за селом в это время происходило следующее: из села по выгону в пол-версты шириной, к двум мостам через ложбину, скакали обозы и батареи. Это по ним и мостам били батареи красных. Один мост был поврежден прямым попаданием снаряда и на нем застряла подвода. Движение шло по другому мосту с остановками, задержками, но все же сравнительно благополучно.

Офиц. полк отходил во всю ширину села уже сжатым с трех сторон. Село длинное. Схватки на улицах, в садах, огородах. Если красным

не удавалось расстроить сопротивление полка, то, главным образом, благодаря героизму его пулеметчиков.

Но вот село почти пройдено и полку оставалось проскочить только выгон, а его пулеметам — единственный мост, находящийся уже не только под орудийным, но и пул. обстрелом с фланга. Положение тяжелое. Это очевидно и для пр-ка. Он переходит в атаку по селу, удивительно смелую и уверенную и... усеивает улицы, огороды своими убитыми и ранеными.

А в следующий момент из села по выгону к мосту, под обстрелом уже мчалась полным карьером пулем. двуколка с ездовым и пулеметным офицером, проскочила мост и через минуту-другую пулемет уже строил по красным. За первым пулеметом последовал второй, третий... Огонь пулеметов и остановившихся батарей ослабил огонь красных по выгону и мосту. Полк смог отойти за ложбину.

Он остановился на небольшом гребне с сельским кладбищем на нем. Но задержаться ему на этой удобной позиции не пришлось: слева кубанцы отходили и на фланг полка выходили красные. Полк продолжал отход через широкую ложбину на следующую возвышенность.

Это был отход бойцов морально и физически утомленных до предела, безразличных ко всему, что бы ни случилось. Каждый ушел в себя, шел молча, машинально, не оглядываясь назад, не ощущая никакой опасности. Не замечали они как сильно потеплело и что к их ногам приставала грязь. Не изменилось их состояние даже при появлении в цепи к-ра корпуса, ген. Казановича, возмущенным голосом кричавшего:

— Марковцы! Позор! Если бы ваш Шеф, ген. Марков, увидел ваше отступление! Немедленно вперед!

С усталым безразличием Марковцы машинально повернули и также спокойно пошли вперед и с ними верхом на коне к-р корпуса. Но, едва цепи поднялись на возвышенность с кладбищем, как попали под сильный огонь с левого фланга и поднимавшихся на нее густых цепей красных и... повернули назад, без того, чтобы раздалась для этого команда. Команды не было. Ни слова ни сказав, ускакал и ген. Казанович.

Полк поднимался на возвышенность под обстрелом красных и залег на гребне. Никто не заметил, что он лежит в грязи. Все видели, что красные наступают, но у них было полное, безразличное спокойствие. Только пулеметчики вяло устанавливали и нацеливали пулеметы. И только, когда красные спустились в ложбину и до них оставалось 500-600 шагов, был открыт огонь. Красные, оставляя своих убитых и раненых, быстро отошли на свою возвышенность. Марковцы не двинулись с места и прекратили огонь.

Темнело. Красные стали подбирать своих раненых. Ни одного выстрела не было произведено по ним. Не изменил состояния Марковцев даже этот успешный боевой эпизод.

С наступлением ночи полку было приказано отходить. Все с тем

же полнейшим безразличием собирались роты, выходили на дорогу и куда-то шли. Многие пулеметы отстали. Это те, которые были вдали от дороги. Лошади выбились из сил, давно не кормленные и не поенные, и тащить двуколки по черноземной грязи не могли. Не помогало и известное средство — «играть» перед ними пучком сена (сена они получали вообще весьма мало; больше солому). Пулеметчикам приходилось разгружать двуколки, оставив на них только пулеметы, чтобы лошади могли дотянуть их по дороге, а самим раза два-три возвращаться за патронными ящиками.

Полк пулеметы не нагнали, в темноте свернув не по той дороге, но натолкнулись на едущую батарею, бывшую при Куб. полку. В батарее никто не знал куда пошел Офиц. полк и пулеметам оставалось только следовать за батареей. Наконец, приехали в х. Колонтаевский, где оказались еще несколько отбившихся от полка пулеметов. Искать ночью полк нельзя было и думать. Решили заночевать. Попытка найти что-либо съестное не увенчалась успехом и пулеметчики заснули голодными.

А Офиц. полк, пройдя верст восемь, остановился на голом высоком гребне, где-то на половине расстояния между селами Высоцкое и Сергневка, в грязи, сырости и на холоде. Б-ны, слегка лишь разойдясь по гребню, залегли где остановились и уснули. Было выставлено какое-то охранение. Появились было несколько костров, для которых не пожалели подвод, но и те скоро погасли. Полная тишина. Никаких разговоров, «И только слышно было, как лошади жевали солому».

20 декабря. Уже совершенно рассветало, когда Марковцы как по команде, проснулись, зашевелились, стали вяло подниматься и, наконец, производить более энергичные движения, чтобы стряхнуть с себя охватившую их сырость, размять окоченелое тело. Мрачная картина окружающей местности не могла влить в них никакой бодрости. Полное спокойствие на участке не всколыхнуло нервы. Все были в каком-то оцепенении. Несколько оживились, когда б-ны стали разводиться по гребню, на указанные им боевые участки. А потом занялись разведением костров и кипячением чая без чайной заварки. Как-то вдруг дал себя чувствовать сильный голод, но сумки бойцов были совершенно пусты.

Медленно восстанавливалось сознание. Медленно развивались разговоры. Да к этому и не было побудительных причин: на фронте полное спокойствие. Вперед видно версты на две, но там ни одного человека, ни одного живого существа.

Прежде всего была осознана малочисленность рот, в которых оставалось по 20-40 чел. Затем возник вопрос о патронах: в сумках у бойцов их оставалось ничтожное количество, и всех беспокоило отсутствие многих пулеметов. А фронт полка в 300-350 штык. растянут на 2 версты. Большие интервалы между ротами.

Роты, б-ны, полк? Это, в сущности, одни только слова без содер-

жания. Тогда даже не знали, кто командует ротой, б-ном... Ведь, один за другим выбывали командиры.

— Ваня! Ты командуешь ротой? — спрашивают нач-ка отделения.

Тот отвечает:

— Как будто — я!

— А батальоном? — и ответ: — Кажется...

Из старших нач-ков в полку — «как будто» остался один полк. Сальников, которого никто не видел со времени принятия им полка. Видели ком-ра корпуса, но его не видели. Он командовал не так, как ген. Марков или полк. Тимановский и полк. Гейдеман, Булаткин и даже полк. Наркевич. Он «руководил» боевыми операциями из квартиры штаба и руководил скверно. Всем особенно памятно: ночь под с. Медведское и бессмысленное наступление на с. Шишкино. Таково общее мнение и оценка.

К полудню к полку присоединились пропавшие пулеметы, ставшие в незанятые интервалы между ротами, что весьма подбодрило всех. Встали на позицию тут же, почти в цепях, орудия.

Пулеметчики дали некоторое освещение обстановки в тылу: сзади, верстах в пяти, долина р. Калаус с хуторами, в которых ничего съестного достать нельзя; дальше в тыл — с. Сергиевка и будто бы там обоз и кухни, но село эвакуируется и ожидать подъезда кухонь не приходится; и это еще и потому, что дорога убийственно тяжелая: они, пулеметчики, употребили 4 часа, чтобы подъехать к полку. Как оборачивается боевая обстановка не столь интересовало всех, как питание. Оставалось применить крайнюю меру — затянуть покрепче пояса.

Сведения относительно эвакуации с. Сергиевка были близкими к правде: 19-го красные выбили Св.-гренадерский отряд из с. Калиновка и подошли на 5 вер. к с. Сергиевка, но 20-го они были отброшены и с. Калиновка занято снова б-ном Кубанцев.

В 1-й из этих дней едва не было захвачено красными одно орудие, при чем погибли 4 офицера, батарейных телефонистов: один был убит пулей, другой — зарублен, а два — прап-ки Степанов и Меньков, взятые в плен, после издевательств над ними, голыми были облиты керосином и сожжены живыми. Жутко! Не забыть этого! Эта книга — им Памятник.

Во второй половине дня со стороны с. Высоцкое показались небольшие силы красных, остановившиеся в двух верстах на гребне. Их обстреливали несколькими снарядами. У всех несколько обострились нервы и голод не так сильно давал себя чувствовать. А тут подошла ночь, похолодало и опять заботы о самосогревании и об усиленной бдительности.

Вторая ночь на высоких холмах.

21 декабря. Под утро получен приказ: в случае наступления пр-ка, оказать ему самое упорное сопротивление и не дать себя опрокинуть в долину р. Калаус. От этого сопротивления будет зависеть успех маневра в тыл красным конницы ген. Врангеля.

У Марковцев чувство полного безразличия ко всему, сменилось чувством надежды. Они приготовились, собрав остатки своей воли и своих физических сил. Они сказали друг другу: «Теперь держись! Держись, не взирая на силы врага!»

Едва засерело, раздалось несколько выстрелов на сторожевых постах. Сигнал, по которому Марковцы моментально были на своих местах. Зашелкали затворы их винтовок и пулеметов. Когда отбежали посты, сообщившие — «красные наступают», все уже было готово. Тишина и полное внимание вперед. Легкий туман. Видимость шагов на шестьсот.

Но вот, в тумане появляются силуэты...

Огонь!

И... в ответ, красные рванулись вперед с могучим криком — «Ура». Но они, то залегают, открыв бешенную стрельбу и тогда смолкает их «Ура», то снова с криком бегут вперед, но только на коротком расстоянии.

Красные лежат шагах в трехсот. Они отчетливо видны. Стоя стреляют по ним Марковцы. Удержатся ли Марковцы?

На правом фланге полка, «Ура» красных не прерывается: там они дорвались до цели, сбили, прорвали фронт... Там идет нервная стрельба; почти смолкли пулеметы... Но вот снова затрещали пулеметы... Сдержат ли противника Марковцы?

Прорвавшиеся вперед красные попали под огонь с флангов. Они остановились, залегли; они расстроены. «Ура!» — закричали Марковцы, ринулись в контр-атаку и сбили красных.

И вот, там, где был прорван фронт Марковцев — красные бегут, а за ними неудержимо жиденькие группы последних. Там оказался прорванным фронт наступающего пр-ка. Полк перешел в к.-наступление.

И внезапно, когда навстречу отступающим красным подошли их резервные цепи, те повернули назад и вместе с резервами бешенно перешли в к.-атаку. Огонь не сдержал их. Неизбежна штыковая схватка, чтобы остановить пр-ка, но силы для этого ничтожны и... Марковцы побежали назад. Все кричали «Стоять!», но никто не останавливался. Сзади их несло — «Ура». Все бежали с одной мыслью: встретить пр-ка со своей позиции, где снова заняли свои места пулеметы.

И вот, в этот момент, навстречу бегущим вылетает лавой сотня, сабель в 60, 2-го Уманского полка и врубается в цепи красных. Марковцы мгновенно поворачиваются и также бросаются на них... Красные бегут по всему фронту. До 300 чел. их сразу же попадают в плен.

Когда Марковцы поднялись на гребень, то они увидели массы бегущих красных. Нагнать их невозможно, даже доблестной сотне казаков, остановившейся на гребне на взмыленных конях. Видно, как бежали красные также и перед стоявшим левее Куб. полком. Какое-то время все оставались зрителями наблюдаемой картины и решили: конница Врангеля в тылу у красных. И, действительно, далеко к востоку, вдоль р. Мокрая Буйвола, слышна была арт. стрельба.

Полк стал сворачиваться. Снова поредел его ряды: свыше 60 чел. выбыло из строя. Менее 300 шт. осталось в нем. В иных ротах не насчитывалось и 15 штык. Тревога овладела всеми. За сутки до этого никто не обращал внимания на свою малочисленность; ее видели и только. Но теперь был успех. Мораль поднялась, ожило сознание. «Пополнимся немедленно пленными» — решили все и сами выбирали пленных и вливали их в свои ряды. Сотней человек пополнился полк и пополнился бы большим числом, если бы большинство пленных не было уведено в тыл.

В колонне полк тронулся к с. Высоцкое. Теперь у всех одно сильное стремление: в село, в теплые дома, утолить жажду, голод, выспаться, отдохнуть. Но полк не остановился в этом селе (в нем остановились Кубанцы). Немного терпения, усилий: рядом следующее село — Ореховка.

Не для всех, однако, выпало счастье отдыха: 7 и 8 роты с 7 пулеметами и сотня доблестных Уманцев назначены в сторожевой отряд. Задача: обеспечить с. Ореховка с южной стороны, для чего сразу же, не входя в село, подняться на возвышенность справа настолько высоко, чтобы иметь хорошее наблюдение к югу, затем, свернув влево, идти вдоль села до дороги на с. Грушевка, где и остановиться.

Полк входил в село, а отряд поднимался без дороги, по размокшему чернозему на возвышенность. 47 штыков (наличный состав 7 и 8 рот), три номера при каждом пулемете и 60 всадников. Скоро пул. лошади выбились из сил и пришлось принять крайнее решение: пулеметы снять с двуколок и тащить одной лошадию каждый; оставить с собой одну подводу с пул. лентами, с двойной лошадиной тягой; двуколки же отправить в село.

Когда отряд подошел к дороге, он был обстрелян конной заставой пр-ка. Вскоре появилась колонна кр. кавалерии и впереди ее лава. Пулем. огнем кавалерия была остановлена. Но, по отряду был открыт огонь батареи с поразительной точностью. К счастью часть снарядов не рвалась, а отряд применился к местности: лег в грязь.

Наступали сумерки и стрельба прекратилась.

Вскоре сотня была отозвана в село. Ждали отзыва и Марковцы и только в полночь они получили ожидаемое распоряжение. В село они спустились до того уставшими, что не пытались даже искать районы своих частей, завалились спать в ближайших домах. И только на утро

они вышли свои районы и своих, еще спящих крепким сном. Но что за вид был у них: покров грязи облеплял всех с ног до головы, все исхудали, едва произносили слова. Они выделялись среди проводших спокойно ночь, хотя и те выглядели отчаянно. К тому же в течение недели никто не брился.

22 декабря. День прошел совершенно спокойно и даже не было выставлено охранение. Сказался большой успех, одержанный конницей ген. Врангеля. Ее удар, направленный на центр расположения Благодарненской группы красных, по известным Марковцам селам — Шишкино, и Медведское, стоил последним больших потерь: до 1.000 пленными, 12 орудий и 65 пулеметов. Кроме того, разобщил на две части группу красных, значительно тем ослабив ее. С этого дня ген. Врангель вступил в командование группой Добр. армии, в которую вошел и 1-й арм. корпус.

За день Марковцы хорошо отдохнули и привели себя в сравнительный порядок. Отношение к ним жителей было в высшей степени внимательное и радушное. К красным же жители относились с открыто высказываемой ненавистью. Впоследствии немало мобилизованных Ставроп. губ. служило в марковских частях и они на деле проявляли эту ненависть.

23 декабря. За ночь подморозило и, когда утром наиболее численно сильному 1-му б-ну приказано было перейти в с. Грушевка, занятое частями ген. Врангеля, он собрался и выступил в довольно бодром настроении. 20-ти верстный переход, хотя и через высокую возвышенность, не был утомительным.

Прийдя в село, б-н нашел там валявшихся на его окраине 20 офицеров и 6 солдат, убитых и еще не погребенных крестьянами. Это были убитые и расстрелянные красными, в бою 16 декабря. Их скромно похоронили на кладбище.

Вечером выпал большой снег, а затем температура стала быстро падать и установился настоящий трескучий мороз.

24 декабря. Рождественский сочельник. 2 и 3 б-нам хорошо в теплых домах. Мечтали провести в них, среди крестьянских семей, хотя бы первый день Великого Праздника, но пришло приказание: выступить в с. Кононовка, с задачей выбить из него красных. Мечта оказалась разбитой, однако сейчас же родилась другая: встретить праздник во взятом селе.

Мороз до 20°. С утра густой туман. Переход в 20 верст. Выйдя из Ореховки и идя в гору и по снегу, через несколько верст колонна расстроилась. Мороз подгонял. Все покрылись инеем и стали неузнаваемыми, представляя собой каких-то сказочных рождественских гномов.

Ожидаемого боя не произошло. Красные увидев приближающиеся колонны (в село шел и Куб. стр. п.), очистили село. Марковцы располо-

жились на восточной его части, на южной и западной стали Кубанцы и выставили охранение.

Как бы то ни было, хотя и в боевой обстановке, но праздник Рождества Христова удалось встретить в тепле и при радушном внимании крестьян.

25 декабря. Рождество Христово. Мороз и опять густой туман. Ночь прошла спокойно, спокойно начался и день. Однако, туман заставляет беспокоиться: «Не хотелось бы плавать в тумане».

Приближалось обеденное время и тем более приятное, т. к. хозяйки готовили праздничный обед не только для своих семей, но и для «гостей». Однако...

— В западной части села арт. стрельба! — сообщили случайно выходявшие на двор. Ожидание обеда сменилось приготовлением к бою. Вскоре и короткое приказание: «Строиться!» и через несколько минут часть рот с пулеметами шли на выстрелы.

Бой был недолгим: ворвавшаяся в село кавалерия красных была выбита стрелками с подошедшими Марковцами.

Вечером из Грушевки пришел 1-й б-н.

26—30 декабря полк спокойно стоял в селе, неся охранение. Объяснение этому было такое: красные уже не могут вести активных действий и другое: ген. Врангель готовит новый удар в тыл пр-ку, за которым последует новый скачек вперед.

За эти дни в полк вернулось около 200 чел., выздоровевших от ран и от обмороживания, но ушли из него 30 пулеметчиков в учебно-пул. команду при формирующемся в Ставрополе запасном б-не полка. Кадр последнего составлялся из выздоровевших от ран, а состав пополнялся пленными. В Ставрополе же была окончательно сформирована хоз. часть полка.

31 декабря полк сделал «скачек» вперед, в с. Александровское, занятое конницей ген. Врангеля. Здесь он встретил Новый — 1919 год, с определенными надеждами на скорый конечный успех на Сев. Кавказе и поход уже не на юг, а на север.

1-2 января 1919 г. Новый «скачек»: полк, после короткого боя, занял с. Саблинское, а на след. день одним б-ном — с. Греческое. Он вошел в район, где еще не были части Добр. армии; в район глубокого тыла красных. Оба села, в значительной их части, были заняты тысячами раненых и больных красных, оставленных без медицинской помощи и без какого либо за ними ухода. Помочь этой массе полк ничем не мог, да и держался он от них изолированно, чтобы тифозная зараза, уже вырывавшая из его рядов свои жертвы, не охватила сильнее его.

3-4 я н в а р я, неожиданно, 6-ны полка выступали, но не в южном направлении, а в западном и собрались в с. Нагута, ближе к ст. Минеральные воды, около которой в это время вел бои 3-й арм. корпус.

5 я н в а р я, 2-й 6-н перешел в поселок при ст. Нагута, а

6 я н в а р я, он и батарея построились: им будет делать смотр ген. Деникин. С возбужденной радостью выстраивался 6-н в 200 шт. (человек 15-20 осталось на квартирах из-за слабости и состояния обуви), с 6-8 пулеметами. Внешний вид бойцов был потрепанный и усталый. Шинели еще не освободились от покрова грязи; еще не были зашиты на них дыры, оставленные пулями. Сапоги, ботинки нечищены. Но они сохраняли свой высокий и твердый дух.

Ген. Деникин обходил фронт выстроившихся, глядя в глаза каждому своим пронизательным и грустным взглядом. И чувствовалось всеми, что он старается проникнуть в глубину их переживаний, ощущений, понять их дух. Он сказал приблизительно следующее:

— Я с глубокой радостью и в то же время и с глубокой скорбью следил за боевой работой вашего полка. С радостью, потому, что с каждым боем вы вписывали в историю своего полка беспримерные страницы жертвенности и доблести в обстановке исключительно тяжелой; и скорби, потому, что ряды ваши с каждым боем заметно редели, пополнять их было нечем, но вы продолжали, не взирая на свою малочисленность, упорно делать свое дело.

Теперь настало время заслуженного вами отдыха. За полтора-два месяца отдыха, который будет у вас, вы отдохнете и пополнитесь, а затем откроете большую Московскую дорогу. Передайте мой привет всему полку.

Громким, искренним и полным преданности «Ура» ответили бойцы своему Вождю. Ободренные и оживленные разошлись они по своим квартирам. Радовались они не столько оценке их походов и обещанному отдыху, сколько скорому своему выходу на «большую Московскую дорогу».

7 я н в а р я привет Главнокомандующего 2-й 6-н передал 1 и 3 бат-м, также пришедшим на ст. Нагута. Походы и бои на Сев. Кавказе для 1-го Офиц. ген. Маркова полка окончились. В этот день была взята ст. Минеральные Воды и полк находился уже в глубоком тылу — свыше 40 верст от фронта.

150 тысячная Сев. Кавк. XI армия красных отступала по всему фронту, от Кавказских гор до р. Маныч, а через месяц от нее остались жалкие отряды, искавшие лишь спасения. Исключительную заслугу в одержанной победе ген. Деникин приписывал ген. Врангелю, которого 10 января назначил Командующим Добр. армией.

После вывода из боев 1 Офиц. ген. Маркова полка, стали выводиться и батареи 1 арт. див. 1 и 3 батареи остановились на ст. Минеральные Воды; взвод 2 бат-и, дошедший с 1 Офиц. конн. ген. Алексеева полком до г. Георгиевска, также перешел на ст. Минеральные Воды. Надолго, до первых чисел февраля задержалась на фронте лишь 1-я легко-гаубичная батарея, приданная Куб. стр. полку и участвовавшая с ним в усмирении непокорных аулов Ингушетии.

Задержана была надолго на фронте 1 Инж. рота, получившая еще 8 декабря шефство имени ген. Маркова. Она продолжала обслуживать Владикавказскую жел. дорогу и ответвления от нея на Св. Крест, на Кисловодск, на Ставрополь и далее — ветки на Дивное и Благодарное. Ее жел. дорожный взвод, помимо налаживания связи и движения по жел. дорогам, своими вспомогательными поездами все время принимал участие в боевых действиях. У ст. Петровское вспомогатель № 1 вывел, едва не попавший в руки красных, бронепоезд «Адмирал Непенин».

С началом января прекратила свое существование 1-я пех. дивизия в том составе, в котором начала поход на Кубань. Вышел из ее состава доблестный Куб. стр. полк, с марта, еще в 1-м походе, бившийся совместно с 1-м Офиц. полком, под командой ген. Маркова. Вышел и славный Особый конн. див-он 1-й пех. дивизии, сначала, при ген. Маркове — «особая сотня», всегда называемый «Марковским» и носивший черные, марковские погоны. Он был влит в Куб. каз. дивизию ген. Шкуро и с малочисленным Партизанским полк. этой дивизии, составил 1-й полк, приняв название «Партизанский», но оставив для себя и всего полка черные марковские погоны, в память ген. Маркова. Полком стал командовать героический к-р бывшего «Марковского» див-на, полковник Растегаев.

ИТОГИ

Марковцам весьма памятен их зимний поход по горам Ставроп. губ. с жестокими боями. За 7 недель ими пройдено по прямой линии всего лишь около 250 верст и только 3 недели проведено собственно в боях. Но эти три недели стоили полку очень дорого. Выступив из г. Ставрополя в составе 2.000 чел., за время похода получив пополнение до 400 чел., влитыми пленными — около 100 чел. и вернувшимися в разное время по выздоровлению до 400 чел., он закончил поход в составе менее 800 чел. Итог: свыше 2.200 чел. убитыми, ранеными и обмороженными, без вести пропавшими (около 60 чел.) и больными потерял он. Зимний поход и бои оказались по числу выбывших из строя наиболее тяжелыми из всех предыдущих периодов. До 40 чел. потерял и 1-й арт. дивизион.

Всегда чувствительны потери, но особенно когда оне в среде авторитетного по чинам, по годам, по доблести, по водительству — командного состава. Марковцы понесли такие потери, вознаграждаемые, незаменимые: полк. Гейдеман, Миончинский, Волнянский — убиты, ген. Тимановский — ранен, полк. Булаткин — обморожен. Даже уход из строя полк. Наркевича — «орла Недреманной горы», которого «рассчитали», как он говорил, и то чувствовался...

Не было у Марковцев за минувший поход боевых успехов, больше неудачи... Но все же, в плане общих операций, они достойно делали свое дело и способствовали успехам. Делали малыми, молодыми силами и не только рядового состава, но и командного. Полк вышел из боев, как никогда, с молодым, обер-офицерским командным составом. Но сохранил бодрый, борческий свой дух.

За зимний поход Марковцами было взято до 1.000 чел. в плен, много пулеметов. Противнику нанесены большие потери. Так бились они. Оставалась у них одна маленькая горечь: потерянное оружие не удалось в боях возместить трофейным. Они подобрали где-то брошенное красными.

*
**

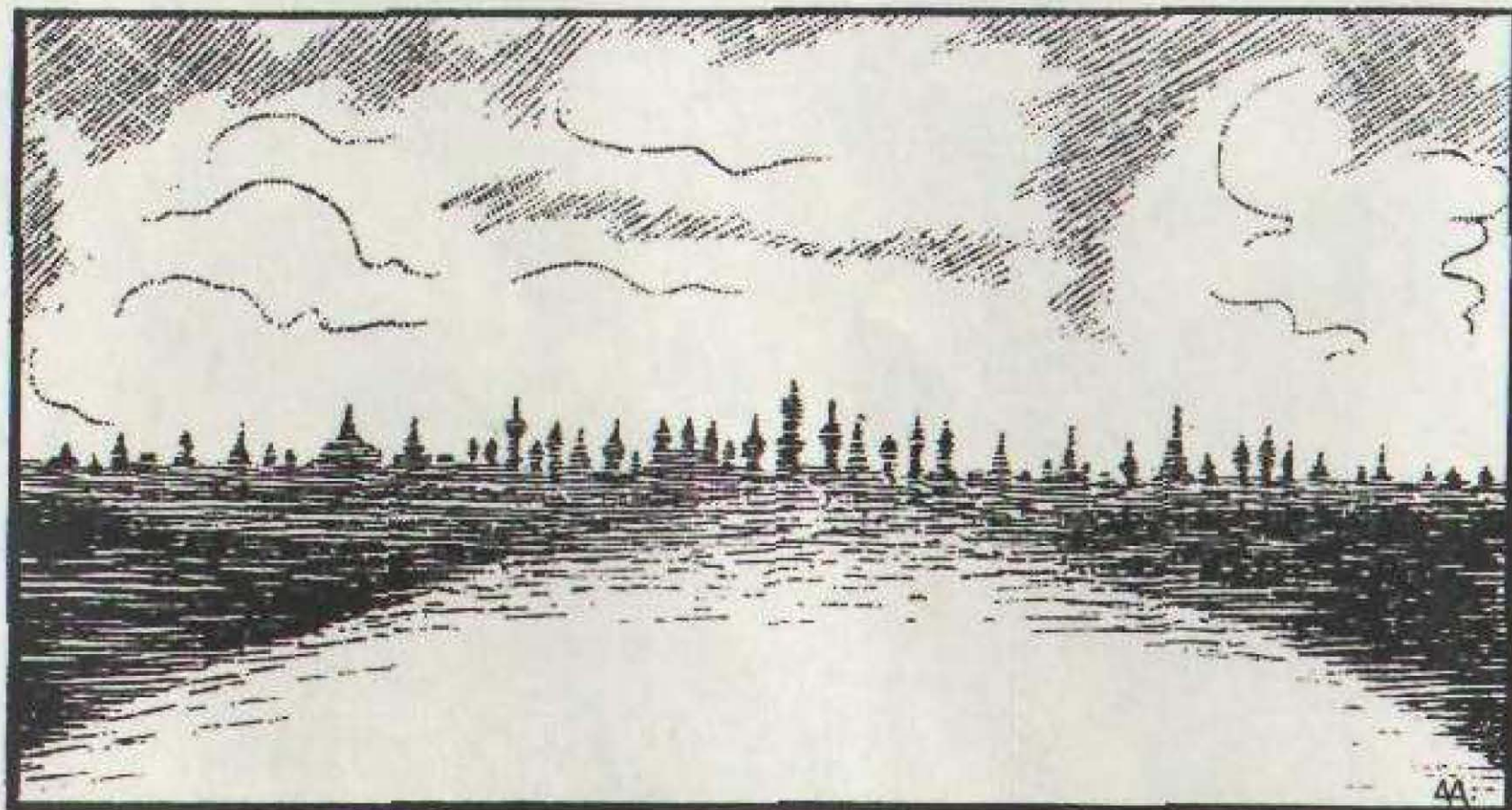
С концом 1918 г. и началом 1919-го, кончилась для марковцев 11-ти месячная борьба на Сев. Кавказе, начатая 1-м Куб. походом и 14-ти месячная, включая период боев на Дону.

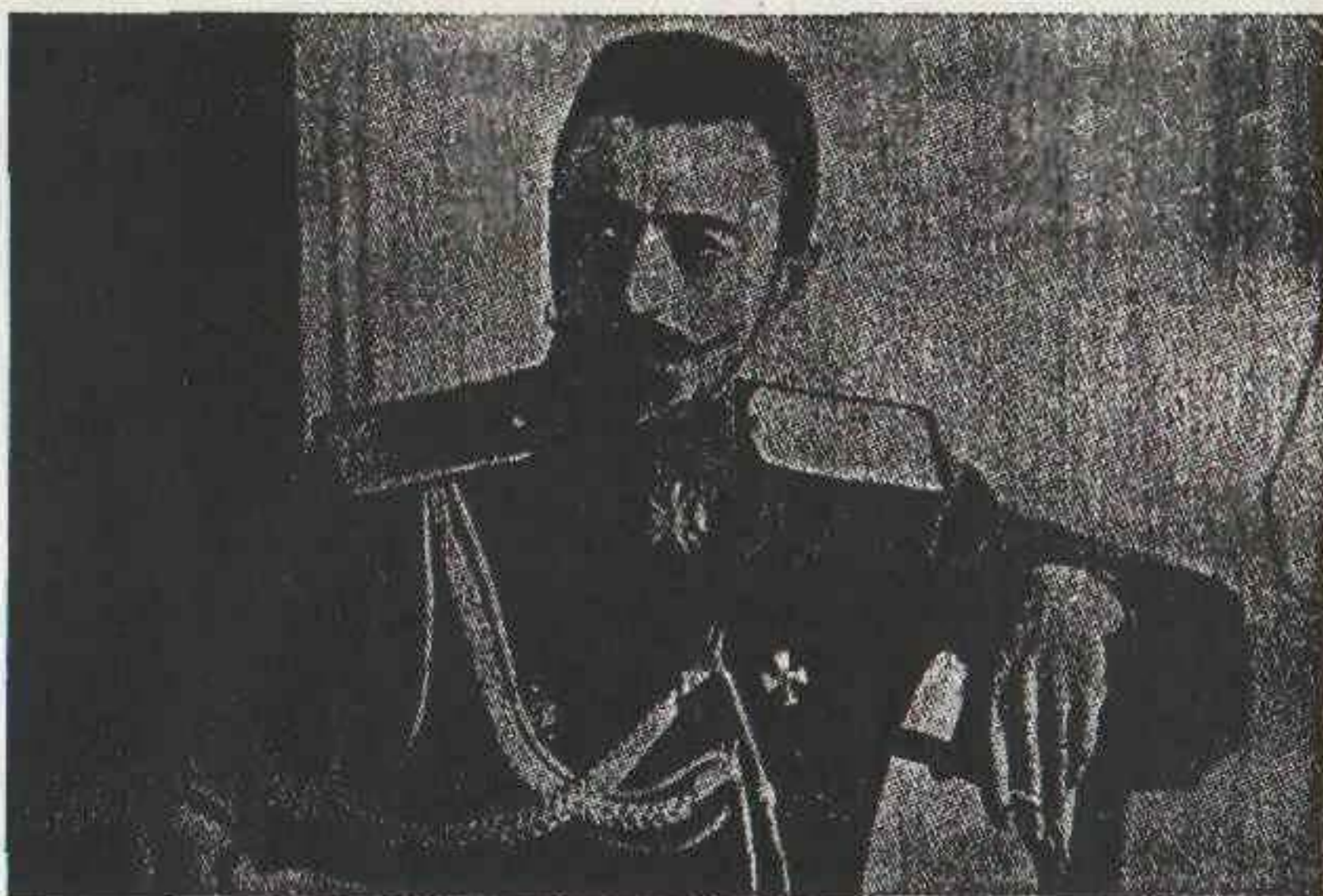
Она стоила им огромных потерь. В общей сложности для 1-го Офиц. ген. Маркова полка и всех «марковских» частей (артиллерии и инженерных), исключая период до 1-го кубанского похода — они могут быть исчислены в количестве более, чем 10.000 чел.

Эти потери не оказались напрасными: освобождена от врага большая территория, созданы для армии — обеспеченный тыл и богатая база снабжения, открыто «окно в Европу» и установлена связь с союзниками по Вел. войне и была надежда на их всемерную помощь.

Маленький «свечеч», зажженный ген. Алексеевым, разгорелся в огромный факел, не только светивший на всю Россию, но уже и грозящий испепелить зло и врагов ее.

Марковцы сделали свое дело и теперь стремились скорее в поход по «Большой Московской дороге».

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА МАРКОВА

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА БУДУЩЕГО МАРКОВЦА С ГЕН. МАРКОВЫМ

1911-1912 годы. В Петербурге молодой студент, Д. Незнамов, нередко посещал своего дядю, ген. Незнамова, профессора Военной Академии ген. Штаба. Племянник преклонялся перед большим умом своего дяди и не оставался равнодушным и к той сфере знаний, которые были его специальностью — Военной науке.

Однажды у ген. Незнамова его племянник встретил и познакомился с молодым подполк. ген. Штаба, Марковым. То, что дядя, человек преклонных лет, очень ценил 32-х летнего офицера и то, что этот офицер произвел сразу же огромное впечатление не только своим внешним обликом, энергией, но и живым, глубоким и всеобъемлющим умом и даром речи, Д. Незнамов почувствовал в подполк. Маркове исключительного человека и незаурядного офицера и возымел желание встречаться с ним чаще. Дядя удовлетворил это его желание и дал ему разрешение присутствовать при их разговорах.

Беседы ген. Незнамова и подполк. Маркова касались гл. обр. военных тем, иногда отвлекаясь на вопросы высшей государственной политики. Но все темы разговоров всегда носили характер стремления к нахождению лучших положительных решений и никогда не соскальзывали на путь критики. Это были разговоры двух умных и рассуди-

тельных людей. Из них Д. Незнамов постигал то, что до этого его мало интересовало или о чем он знал лишь поверхностно.

Армия! Русский Солдат — «имя общее для 1-го генерала и последнего рядового!» Стратегия, тактика... Роль офицера в армии в мирное и военное время!..

Д. Незнамов слушал с огромным вниманием и глубокими переживаниями. Перед ним ярко вставали картины и образы выполнения гражд. долга перед Родиной — ее народа, облаченного в солдатскую форму.

Напомнили ему старо-русское: «Ляжем костями за Русь!» Но тут же и слова ген. Гурко: «Вы говорите — ляжем костями? Но мне нужно, чтобы пали костями не вы, а турки!» Необходимость достижения «малой кровью», которая может быть только при умелом водительстве войсками их начальниками.

Требования, предъявляемые к офицерам, качества, которым они должны были обладать, оказались чрезвычайно огромными и тяжелыми. Д. Незнамов стал понимать и ценить Офицера.

Говорилось о состоянии Военной науки в России. Тут было не все благополучно, хотя урок Русско-Японской войны и не прошел даром. Нужно непрерывное развитие творческой мысли; не только учет опыта на победах и поражениях, но и проникновение в будущее, создание новых методов и способов в ведении боев и сражений. Стратегия и тактика не могут оставаться неизменными: новое оружие — новая тактика, но и новая тактика — новое оружие.

Но есть и неизменное: прежде всего — правильно и всеобъемлюще поставленная Идея войны и знание — «чего я хочу», т. е. задачи войны. Затем — неизменные принципы в ведении боевых действий. Суворов учил: «Быстрота, глазомер, натиск»; он говорил о «подлой ретираде»; о том, что «пуля — дура, штык — молодец». Есть и такой принцип: «Противник обходящий может быть легко обойден».

Молодого студента, эти врезавшиеся в память принципы, поразили не своим утверждением, а — глубоким их разъяснением, которое он вынес из разговоров двух теоретиков Военной науки. Его поразили утверждения, шедшие будто бы в разрез с понятием воинской дисциплины — «беспрекословного и точного выполнения приказаний начальников»; утверждения: «Местный судит лучше. Я — вправо, должно влево, меня не слушай». «Не придерживайся устава, как слепой стены»... И еще, Суворовское: «Нам тяжело, но и противнику не легче»

Для Д. Незнамова было над чем серьезно задуматься и в размышлениях о слышанных разговорах, он приходил к заключению, что ведение войны не есть чисто техническое дело, но чрезвычайно глубоко связано с психологией бойцов и их развитием, а среди них и гл. обр. нач-ков — офицеров. Он стал понимать, что военное дело — не просто ремесло, а искусство.

Ген. Незнамов говорил: «Я не поставлю удовлетворительной от-

метки за пассивное решение задачи». Подполк. Марков утверждал, что при пассивном выполнении задач и даже при полу-мерах, невозможен решительный успех; чаще это приводит к неуспеху и лишнему пролитию крови. Воинские качества: дисциплинированность, мужество, храбрость и др. сами по себе для нач-ков не являются абсолютно ценными качествами: дисциплина должна быть сопряжена с разумностью, мужество — с силой воли и силой влияния на подчиненных; храбрость должна быть активной и должна быть связана с инициативой.

Теме — инициатива, особенно уделялось внимание. Инициатива на верхах командования и инициатива на всех его ступенях, до самой низшей включительно. На верхах командования, где ставятся задания и проводятся они с намерением заставить пр-ка действовать в зависимости от принятых ими решений; на низах — когда инициативой нач-ков разрушаются планы и намерения пр-ка на тактич. участках боя, когда захватываются тактич. рубежи, когда пр-к становится в менее удобное положение и когда это используется для развития успеха. Инициатива — это постановка задач диктуемых обстановкой в каждый момент боя. Активность, — это выполнение этих задач.

Об активной храбрости, основанной на проявлениях инициативы, разговор был особенно серьезен. Высказывалось утверждение, что она легко может перейти в партизанство, даже помимо воли и сознания начальника, т. е. к действиям, имеющим чисто местное значение, без всякой связи с общими действиями и могущих привести хотя и к успехам, но коротким и местным, не приводящим к общему успеху. Ставилась дилемма: активная храбрость — партизанство или пассивное регулярство. Подполк. Марков высказывался горячо за предпочтение активной храбрости, однако, подчиненной общей задаче. «Чаще активное партизанство предпочтительней пассивного регулярства» — говорил он. Он утверждал, что регулярство очень часто создает и покрывает безответственность начальников. Приводились десятки примеров, когда «пассивное регулярство» приводило в лучшем случае к сохранению положения, а... «активное партизанство» к большим успехам.

Принцип: «противник обходящий легко может быть сам обойден», находит свое решение, когда в полной мере осуществляются инициатива, активная храбрость, «партизанские» меры... При регулярстве в этом случае достаточно донести об обходе противника, принять пассивные меры и ждать распоряжений начальства.

В уме и чувствах Д. Незнамова от этих разговоров совершалась целая революция, успокоить которую он мог не сразу. Приходилось серьезно задумываться над всеми этими проблемами, но осуществить которые можно было лишь зная тактику, будучи активно храбрым и держа в руках свою часть. Ему было ясно насколько глубоко проникнут знанием Военной науки и Военной психологии его дядя, ген. Незнамов, человек кабинетного труда. Ему становилось понятным то внимание, которое уделял дядя молодому офицеру, подполк. Маркову. И Д. Незна-

мов был полностью увлечен последним, который в его глазах, в его представлении, был уже не только кабинетным, штабным работником, но и строевым, боевым офицером. Подполк. Марков стал для него ярким типом русского офицера, идеалом Офицера. Он стал его кумиром.

В отсутствии подполк. Маркова, Д. Незнамов расспрашивал своего дядю о нем и дядя удовлетворял его просьбы.

*
**

Сергей Леонидович Марков родился 7 июля 1878 года в семье офицера. Окончил 1-й Моск. Кад. корпус. С блестящим аттестатом об окончании, в 1895 г., кадет Марков поступил в Константиновское артил. училище, которое также блестяще окончил в 1898 г. и был выпущен подпоручиком Лейб-Гвардии во 2-ю арт. бригаду.

Увлечение подпор. Марковым военными науками побуждает его поступить в 1902 г. в Императорскую Николаевскую Военную Академию. Он выдерживает двойной конкурсный экзамен; в стенах Академии предается изучению Военных наук и завоевывает исключительное внимание к себе среди всех профессоров.

В 1906 г., блестяще окончив Академию, в чине капитана, Марков, чтобы испытать полученные им знания на практике, добровольно отправляется на фронт Русско-Японской войны. В Манчжурии он служит в штабе 1-го ари. корпуса, проводит лихие разведки, исключительно точные рекогносцировки. Его служба отмечается рядом боевых наград до ордена Св. Владимира включительно и отличной аттестацией.

По окончании войны, кап. Марков отбывает годичный строевой ценз командования ротой в Л.-Гв. Финляндском полку, а затем служит на должностях по ген. Штабу в 16 пех. дивизии, Варшавском воен. округе и в Управлении Ген. Штаба.

В 1909 г. он уже подполковник, а в 1911 г. назначается штатным преподавателем в Военной Академии, где читает курс Истории военного искусства периода Петра Великого и одновременно в Павловском воен. и Михайловском арт. училищах читает лекции по Воен. географии и Тактике.

В военной печати подполк. Марков помещал обратившие на себя внимание статьи о боевой подготовке армии, вынесенные на основании опыта Русско-Японской войны.

В ВОЕННЫХ УЧИЛИЩАХ

Юнкера Павловского воен. училища, готовящиеся стать офицерами, естественно обращали большее внимание на такие предметы, как тактика, фортификация, артиллерия, чем на военную историю и географию, особенно на последнюю, т. к. она не находила в их представлении

ясного практического применения, да и была в сущности мало интересна. Поэтому, воен. география проходилась юнкерами формально лишь для получения хорошей отметки. Это был предмет подсобный для основных и имевший второстепенное значение.

Но преподавать его стал подполк. Марков, не терпящий формального отношения к делу, внесший в преподавание живой дух, связавший все, что давалось предметом воен. географии с реальной жизнью, с войной, со всеми деталями, с которыми столкнется офицер на войне. Начав с того, что он привлек внимание юнкеров к себе — видом, манерами, живостью и энергией, красивой речью, ее образностью, постепенно, но и быстро, он увлек юнкеров и самым предметом. Все: и местность, и жизненные ресурсы и само население районов возможных боевых действий, все принимало важное значение.

Подполк. Марков коротко, выпукло и ясно рисовал жизненные картинки, в которых участвовали леса, реки, болота, горы, ресурсы районов, само население, благоприятно или неблагоприятно относящееся к армии. «Вообразите» или «фантазируйте» — говорил он юнкерам и, нарисовав картину, спрашивал: «Как вы поступаете?». Для пояснения, он рассказывал примеры из военной истории, касающиеся действий мелких воинских частей, т. е. таких, начальниками каких могут быть молодые офицеры. Он говорил, что примеры, рассказываемые им и те примеры, которые юнкера, а затем офицеры прочтут в книгах («читать всегда нужно. Много читать!») и даже их богатая фантазия не покроют всех возможных на войне случаев; часто случаи могут быть совершенно не предусмотренные, но знания и «реальная фантазия» облегчат быстрое решение всяких задач.

На образных примерах подполк. Марков развивал у юнкеров между прочим два важных чувства: наблюдательность и соображение. Вот пример:

Офицер послан в разведку на приграничную с соседним государством полосу. Он отлично знает воен. географию; он даже специально подготовился к этой разведке. Выполняя полученное задание, офицер проходя населенный пункт, видит, что учитель играет с детьми. Дело нормальное, но офицер все же заинтересовался игрой. Оказалось, учитель играет с детьми «в войну». Он разделил детей на две стороны: желтую и синюю и всегда проводит решение игры так, что «желтая» сторона побеждает «синюю». При каждой такой победе учитель говорит детям, что «желтые» победили потому что у них было больше порядка, они слушаются своих нач-ков, они более смелы и пр. Дети в восторге, все, и «желтые», и «синие».

«Какой вывод делает офицер?» — спрашивает подполк. Марков. Ответ: ведется моральная подготовка детей к войне и им внушается, что при известных условиях желтые (японцы!) должны всегда побеждать синих (русских!).

«Что требуется от разведчика?» Ответ: знать местность, население и... быть наблюдательным во всем и всегда.

Другой пример. Разведчик направляется в приграничную зону Вост. Пруссии. В лесу он наталкивается на... проволочные заграждения. Разведчик сообразителен: он видит в проволочных заграждениях не случайность и доносит куда следует. Делу дается ход: Герм. Прав-ву делается запрос. Оно отвечает: «Русский рогатый скот часто ищет тень в жаркую погоду, входит в лес, ломает и портит деревья. Проволока оберегает лес». Подполк. Марков расшифровывает этот ответ: «Конечно, господа, рогатый скот это наша кавалерия в предстоящих боевых действиях в Вост. Пруссии». Так указан был не только пример сообразительности разведчика, но и определенно сказано было о возможной войне с Германией. Результат: «фантазия» юнкеров стала развиваться сильнее, а интерес к воен. географии возрос настолько, что этот предмет занял в их представлении первостепенной важности положение среди остальных предметов.

Во время занятий подполк. Марков задавал неожиданные вопросы, обращаясь то к одному, то к другому юнкеру. Беда, если юнкер не даст ответа, но хуже, если он что-то ответит, лишь бы ответить. Подполк. Марков не стеснялся и отчитывал круто. Особенно страдными часами для юнкеров были репетиции, которые они должны были сдавать. Подп. Марков не ценил формального запоминания предмета, а глубину его осознания и усвоения. Он признавал продуманные, серьезные ответы. Иные ответы вызывали с его стороны резкую отсылку юнкеров «на свое место» и постановку неудовлетворительной отметки. Особенно трепетали перед его добавочными вопросами. Одному юнкеру подполк. Марков задал такой вопрос:

«Скажите, о каком событии теперь много пишут газеты?

Вопрос ошеломил всех, тем более потому, что юнкерам было не до чтения газет. Однако, некоторые, хотя и с неуверенностью, сказали о разгоравшихся событиях на Балканах. Подполк. Марков тут же объяснил свой вопрос: юнкерам и офицерам необходимо всегда быть в курсе всех важных событий, особенно могущих вызвать войну; ничто не должно смутить офицера, привести его в растерянность, т. к. в любой момент и в любом положении офицер должен быть готов к выполнению своего долга, сохраняя полное спокойствие духа. Зная где и какие произойдут события, он подготовится к ним морально не только сам и подготовит к ним своих подчиненных, но и возьмется за учебник воен. географии, тактики и др. книги.

В Михайловском арт. Училище, подполк. Марков преподавал Историю русской армии. Для артиллеристов этот предмет не казался особенно важным, однако, и тут он привлек к преподаваемому им предмету большое внимание и интерес. Он не ограничился одними словестными лекциями, но дополнил их выпуском своих «Записок по истории русской армии» — эпохи реформ 1856-1891 г.г. Он

обращал внимание на необходимость перенесения центра тяжести обучающихся «из области запоминания в область понимания».

Записки подполк. Маркова относились к Русско-Турецкой войне 1877-1878 г.г. и они касались и направляли «понимание» этих событий не только в области чисто боевой, но и понимания политической обстановки и причин вызвавших войну. И не только этого: он дал описание театра войны и обращал внимание на «самобытные национальные черты нашей армии и русского солдата, гибкие формы боевого порядка, развитие духа». Он напоминал о возвращении «к той старине и тем порядкам, создателями и вдохновителями которых были Румянцев и Суворов». Читая лекции, он напоминал «о боевой связи артиллерии с другими родами войск» и приводил выписку из наставления ген. Скобелева, выписку, «каждое слово которое имеет силу и свою глубокую ценность и до наших дней».

«Когда раздастся священный зов к атаке, артиллерия должна забыть себя и всецело отдаться на поддержку товарищей... Она должна, не обращая внимания ни на что, обгонять атакующие части и своим огнем, всегда особенно страшным с близкого расстояния, поколебать сердце противника. В эти решающие мгновенья, артиллерия должна иметь душу, ибо артиллерист — не машинист... Артиллерия должна беззаветно лечь вся, если это нужно для успеха атаки, точно также, как беззаветно кладет свои головы пехота, атакуя противника. Часть прикрывающая артиллерию не выдаст ее».

Так, преподавая один определенный предмет, подполк. Марков не обособлял его, а связывал с другими предметами, создавая цельную картину, в которой этот предмет получил свое место и свое значение.

Будут проходить годы, начнутся огромные события и юнкера, став офицерами, не забудут своего преподавателя, подполк. Маркова, учившего их «реальной фантазии» и реальным действиям.

НА ФРОНТЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

С началом великой войны, Воен. Академия закрылась и все преподаватели и слушатели ее получили назначение в армию.

Полк. Марков, произведенный в этот чин, служил короткое время в штабе Юго-Западного фронта с Нач. Шт., ген. Алексеевым, затем в штабе 19 пех. дивизии и, наконец, получил пост Нач. Штаба 4-й стрелк. «Железной» бригады, которой командовал ген. Деникин.

Лучше не написать о полк. Маркове, чем написал о нем ген. Деникин в главе 10-й первого тома «Очерков Русской Смуты», поэтому, здесь будет сказано коротко.

Ген. Деникин не знал полк. Маркова, но слышал о нем, как о весьма незаурядном «профессоре» Академии. Ген. Деникин, окончивший

Академию, зная недостатки и Академии, и преподавания в ней, где было много рутины, отнесся к прибывшему, как к «профессору» — офицеру теории и канцелярскому, хотя и штабному, работнику. Но быстро он изменил свое мнение: работа полк. Маркова, помимо великолепного знания штабного дела, велась в тесной духовной и служебной связи с частями бригады, переформированной в дивизию.

Ген. Деникин пишет, что полк. Марков настолько вникал и стремился влиять и даже довлеть в сферах строевых частей, что быстро завоевал к себе... ненависть строевых нач-ков. Последние возмущались вмешательством в их дела, иногда грубого и резкого «штабного», хотя и нач. Штаба. По природе, полк. Марков не был только критиком: все его указания, советы и пр. имели основания в присущих ему, представлениях о строевой и боевой службе. Он чувствовал себя способным к этой службе; более того — он рвался к ней. Но для этого нужно было оставить штабную работу и перейти в строй.

И случай представился: в 13 стр. полку выбыли из строя к-р полка и все штаб-офицеры и полк. Марков просил ген. Деникина назначить его в 13-й полк. Ген. Деникин охотно согласился, назначил его временно к-ром полка и ходатайствовал об утверждении в должности «на законном основании». Утверждение, после сложной переписки, пришло лишь через 2 месяца.

В течении 14 месяцев, полк. Марков со своим 13-м стр. полком вписывал в его историю славные боевые страницы. Достаточно сказать, что за это время он получил орден Св. Георгия 4 ст., Георг. Оружие и был представлен к чину генерала за боевые отличия. И главной наградой для него было общее признание его, и не только в рядах 4 стр. дивизии, как выдающейся храбрости и умения ком-ра. Ненависть к нему сменилась любовью и восторгом. Полк. Марков мог гордо носить высокие боевые награды, зная, что ими больше его гордятся его подчиненные. Однажды он даже высказал честолюбивую мысль: «Теперь, или орден 3-й степ., или деревянный крест».

По окончании законного годичного командования полком, в апреле 1916 г., полк. Марков был переведен на Кавказский фронт Нач. Штаба 2-й Кавк. каз. дивизии, куда прибыл произведенным уже в чин генерала. Пробыв там несколько месяцев, томясь бездействием (дивизия несла в сущности охранную службу), ген. Марков был вызван в Петроград лектором во вновь открытую Академию Ген. Штаба.

СНОВА В АКАДЕМИИ

В ноябре 1916 г., в Петрограде съехалось свыше 200 офицеров, командированных для прохождения сокращенного курса Академии Ген. Штаба. Эти офицеры должны были потом, по окончании Академии, восполнить большой недостаток офицеров — специалистов в работе в штабах. Все они были в чине не ниже поручика; все прошли практи-

чески боевую службу на фронте, имели боевые награды и были переранены. Первые разговоры их — о программе курса и о профессорах и преподавателях.

Преподавателем предмета «Общая тактика» числился Ген. Штаба ген.-майор Марков. Мало, кто знал и слышал о нем до приезда в Академию, но тут все узнали, что ген. Марков — молодой генерал, только что произведенный в этот чин, что он — кавалер ордена Св. Георгия 4 ст. и Георг. Оружия и что он прошел на фронте годичный стаж командования полком и показал себя, как ком-р полка, с самой блестящей стороны. Но вопрос: каким он будет как профессор? — оставался не раскрытым и не ясным. Большинство не предполагало, что молодой генерал может быть хорошим преподавателем по такому серьезному предмету, как общая тактика.

Первая лекция.

В аудиторию быстрыми шагами вошел молодой генерал, поднялся на кафедру и поклонился вставшим офицерам. Генерал был в защитной форме, но с серебряными погонами и аксельбантами Ген. Штаба, с орденом Св. Георгия на груди, при шашке с Георг. темляком. Он окинул взглядом своих черных глаз всю аудиторию и сказал: «Прошу сесть, г.г. офицеры!» Вошел он и произнес первые слова не как «человек науки», а как офицер, начальник. «Игра», «поза» — промелькнула мысль у некоторых слушателей.

В наступившей тишине, ровным, твердым и четким голосом, ген. Марков начал вступительную к лекции речь:

«Господа! Мне впервые приходится читать лекцию в столь блестящей по заслугам и боевому опыту аудитории. Но г.г. офицеры! не забудем, что быть может наиболее достойнейшие не здесь, а остались на проволоке!» Короткий поклон и продолжал:

«Я, ген. Марков, приехал к вам с Кавк. фронта. Будем вместе беседовать по тактике. Поменьше зубрежки. Дело — военное, дело — практическое; никаких трафаретов, никаких шаблонов...» и, с кафедры сверкала живая мысль, категорически порвавшая со всеми шаблонами прошлого и мятежно устремленная к поискам новых свободных путей.

Первое впечатление: генерал глубоко продумал практику боевой службы; он знает, любит и глубоко понимает свой предмет.

Один из слушателей Академии, подполк. Пермяков записал:

«Лекции проф. С. Л. Маркова пользовались большим успехом. Блестяще излагаемые методы ведения современного боя, были подкрепляемы примерами из опыта текущей войны на Кавк. и Зап. фронтах, участником и непосредственным руководителем коих был генерал, или же был из свидетелем. Эти лекции, излагаемые в коротких и резких штрихах не профессором-теоретиком, а боевым генералом-профессором, имевшим за плечами двухлетний опыт на строевых и штабных ступенях

боевой деятельности, были ценнейшим вкладом для «имеющих уши — слушать».

Во всех лекциях ген. Марков не только всегда ярко и четко проводилась идея или идеи, но и ощущалась сильная одухотворенность всего им высказываемого. Дух возбуждает идеи; ум их творит; воля их осуществляет. В боевой практической жизни должна быть гармония: духа, ума и воли. Ген. Марков делил всех на: одухотворенных и неодухотворенных; на идейных и безидейных; на волевых и безвольных, как бы ставя перед каждым слушателем задачу: разобраться в себе и развить в себе эти три качества. Верность присяге и чувство долга он считал далеко недостаточными.

«Дух должен быть свободен от теорий, хотя книги надо читать». «Знание, которые вы получите здесь, вам необходимы. Вы вернетесь в штабы, но вы должны всегда думать и знать, что знание необходимо не для того, чтобы быть штабными работниками, а работниками-руководителями в реальном деле — бою». Или, вдруг, ген. Марков скажет так:

«Забудьте все теории, все расчеты. Помните одно: нужно бить противника и, выбрав место и время для удара, сосредотачивайте там наибольшее количество ваших сил. Демонстрации? Да! Но не в ущерб силам для удара. И вообще — демонстративные удары оставьте, как достояние книг. Весь ваш дух должен быть мобилизован на месте удара».

Иногда смелые высказывания ген. Маркова казались слушателям вызванными влиянием условий войны на Кавк. фронте и недооценки условий на главном. Но и на эти мысли был ответ. Ген. Марков называл войну на Кавк. фронте «поэтической», «а мы — не поэты. Офицеры должны уметь воевать в любой обстановке, обстановка же на фронте большой войны дает большие возможности для проявления своего духа». «Активность всегда и всюду основа успеха».

В своих требованиях к слушателям ген. Марков был строг. На его вопросы, на задаваемые им задачи, должны быть точные ответы, короткие, ясные, полные. В представляемых схемах он ценил не красоту, а наглядность. Свою неудовлетворенность ответом, ген. Марков проявлял резко: обрывал отвечающего, отправля «на место», стучал мелом, ломал его... Однажды даже швырнул мел, но тут же извинился. Его побаивались, однако общая оценка молодого генерала была: строг, но справедлив.

Он не говорил о дисциплине, но всегда и во всем требовал ее косвенным путем. Опоздавшему на лекцию офицеру он скажет: «Если вы задержались игрой на бильярде, идите — продолжайте». Все лекции генерала налагали огромное впечатление: они не только давали знания, но и заставляли творчески работать мысль; они не только возбуждали дух, но и побуждали к его развитию, укреплению, усилению; они требовали неуклонно волевого саморазвития.

Немного месяцев пробыл ген. Марков лектором в Академии: его тянуло на фронт и он высказался откровенно и решительно, когда закончил свою очередную лекцию:

«Все это, господа, вздор, только сухая теория! На фронте, в окопах — вот где настоящая школа. Я ухожу на фронт, куда приглашаю и вас!» И он уехал.

За немногие месяцы преподавания в Академии, ген. Марков оставил в офицерах неизгладимую и незабываемую о себе память.

Ген. Марков в Штабе 10-й армии на должности генерала для поручений, где его застает революция. Помимо основной работы, он работает в комитетах, он выступает на митингах, успокаивает «взбунтовавшихся рабов». Затем он в Ставке Верх. Главнокомандующего — ген. Алексеева вторым генерал-квартирмейстером, где ген. Деникин — Нач. Штаба. Потом вместе с ген. Деникиным — Нач. Штаба Зап. фронта и несколько позднее — Юго-Западного. Наконец — общая судьба его и ген. Деникина — Бердичевская тюрьма и их с ген. Корниловым — Быховская и бегство всех на Дон к ген. Алексееву для борьбы с большевиками.

В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Почти вся эпопея ген. Маркова в Добр. армии, поскольку она была на глазах находящихся в его подчинении солдат, офицеров и добровольцев — описана в этой книге. Добавить к ней нечего, разве только следует записать сжато общую характеристику облика ген. Маркова.

О ген. Маркове писалось много и многими, как еще в России в период борьбы, так и за рубежом. Ему посвящались полностью целые номера периодических изданий, напр. № 15 газеты «Свободный Казак», издававшейся в Екатеринодаре, № 3 журнала «Донская волна». О нем много написано ген. Деникиным в его книге «Очерки русской смуты» и рассказано им на собраниях, посвященных его памяти.

«Умевший честно подчиняться своему начальнику, не теряя инициативы, умевший властно приказывать своим подчиненным, Марков был один воплощенный порыв. Он никогда не нуждался в повторении приказа об атаке. Он наступал и преследовал своим полком с удалью, с увлечением, не раз, как под Журавиным, Чарторийском и Луцком, теряя связь с дивизией, забираясь в тыл противнику, прославив себя и свой 13 стрелк. полк. Но если Японская война и Отечественная создали боевую славу Маркову, то 1-й Кубанский поход облек его имя легендой».

«Словно кусочек былинного эпоса, словно полотно старой батальной картины, когда не было еще умопомрачительной техники и личная доблесть решала участь сражений...»

Это характеристика нач-ком своего подчиненного. Но отвлечемся на минуту от свидетельства ген. Деникина, чтобы дать характеристику подчиненного своему начальнику. Кем она дана — неизвестно.

«Стройная, подвижная, порывистая фигура. Она появляется всюду, то верхом на своем маленьком коне, то мчится бегом, то внимательно смотрит за противником... Бой тяжелый. Но ген. Марков всегда спокоен. Его приказания коротки и тверды. Он смотрит своими черными глазами прямо в глаза своим. Все ясно в полученных от него приказах. Он не задерживает около себя своих, отсылая их к своим частям. Ни одного лишнего слова, фразы... Не видно никогда его волнения; помахивающая плеть, бьющая по голенищу сапога, не выдает волнения, а наоборот — волю, силу, уверенность.»

«Вид партизана, а не штабного. Вид военачальника, вид строевика.»

«Марков где-то здесь!» — говорят в цепях. Глаза его ищут и, если и не находят его, то все же спокойны. Спокойны, что не будет томительных минут ожиданий, может быть колебаний. Спокойны, т. к. не сомневаются, что пойдут в наступление. Итти в наступление лучше и легче, не взирая ни на какое противодействие противника, чем томительно чего-то ждать.»

«Ген. Марков жил великим чувством ответственности. Он нес ее не за себя, а за подчиненных, за те задачи, которые ложились на часть. Ему была чужда поза, роль нач-ка. Он был одной частью целого — части. Как на каждого чина этой части ложилась известная ответственность, так и на него. Но он ее не чувствовал, о ней не говорили, на нее не ссылался — он выполнял свой долг, как и каждый, с той лишь разницей, что его долг и ответственность как нач-ка были соответственно выше и суровее. Его часть на отдыхе — он обязан обеспечить ей отдых; она на передовой линии — он обязан все предусмотреть, все взвесить.»

«Вот почему он часто не отдыхал, не мог дать себе возможность соснуть и даже утолить свой голод. «Ангел Хранитель» — в одних случаях, «Шпага Корнилова» — в других.»

Но обратимся снова к свидетельствам ген. Деникина.

«В его (ген. Маркова) ярко-индивидуальной личности нашел отражение пафос добровольчества, свободного от темного налета наших внутренних немощей, от разъедающего влияния политической борьбы. Марков всецело и безраздельно принадлежал армии. Судьба позволила ему избежать политического омута, который засавывал других.»

В одной из своих речей ген. Деникин развил эту характеристику ген. Маркова:

«Догматизм и политическая нетерпимость были чужды Маркову. Те острые вопросы, которые разъедали и теперь разъедают наши ряды, он решал для себя и за себя не насилая ничью совесть и исходя исключительно из так или иначе понимаемой целесообразности. И когда в горячие минуты боя слышался его обычный приказ: «Друзья, в атаку, вперед!» — то части, которыми он командовал, люди, которых он вел на подвиг и смерть, шли без колебаний, без сомнений. Их не смущала пресловутая «неясность и недоговоренность» лозунгов. Они несли свои головы не за революцию, не за реакцию, не за «землю и волю», и не за помещичью реставрацию, не за «рабочий контроль», и не за «эксплоатацию капиталом». Суровая и простая обстановка первых походов и в войнах, и в вождях создавали такую же упрощенную, быть может, военную психологию Добровольчества; одним из ярких представителей ее был Марков. «За Родину!» Страна поработана большевиками, их надо разбить и свергнуть, чтобы дать ей гражданский мир и залечить тяжелые раны, нанесенные войной и революцией. В этом заключалась вся огромная, трудная и благодарная задача Добровольчества».

Ген. Деникин напишет и следующее:

«Конечно, Маркова, как человека вполне интеллигентного, не могли не интересоваться вопросы государственного бытия России. Но напрасно было бы искать в нем определенной политической физиономии: никакой политический штамп к нему не подойдет. Он любил Родину, честно служил Ей — вот и все.»

«А смерть ждала его. И поразила тогда, когда Добр. армия вышла из окружения на широкую дорогу, когда так нужны были люди таланта, воли и доблести; поразила человека предназначенного, казалось, самой судьбой для командования Добр. армией в составе развернувшихся впоследствии Вооруженных сил Юга России. Той армией, которая шла к Харькову и Орлу.»

«Судьбы Господни неисповедимы».

Это было 12 июня 1918 года.

«Белый Витязь!» — «Шпага ген. Корнилова!» — «Рыцарь без страха и упрека!» Человек, в котором редкостью сочетались качества выдающегося офицера Ген. Штаба и качества храбрейшего строевого офицера.» — «И кто знает, был бы жив он, быть может, все колесо Белой борьбы повернулось бы в иную сторону. Ведь не даром же на нем примирялись все казачьи течения и его проектировали избрать Атаманом всех казачьих войск, а мы, офицеры регулярной армии, видели в нем такого нач-ка, за которым каждый пошел бы и в огонь, и в воду», — так писал участник 1-го Куб. похода в рядах Куб. стр. полка, ген.-шт. полк. К. Н. Николаев. И он закончил свою статью так:

«Генерал Марков — неотъемлемое и драгоценное достояние Национальной России и какой бы в будущем не стала наша Родина и ее армия, она не может не чтить память одного из лучших Ее сынов — Сергея Леонидовича Маркова, отдавшего за Нее свою жизнь в самую тяжелую пору ее государственного бытия.»

ЗАВЕТЫ ГЕН. МАРКОВА

Писанных заветов ген. Марков после себя не оставил, но он всей своей жизнью и служением родине, показал образцовый пример и прежде всего — пример Гражданина.

Гражданский долг является естественным и необходимым для всех граждан страны, дабы она могла жить «во славе и благоденствии». Одним из видов этого долга является — долг воинский: быть защитником Родины от врагов внешних и внутренних. Потрясения, выпавшие на Родину, потребовали от всех огромного напряжения сил и жертвенности и в особенности от армии. Требовалось:

любовь к родине подтверждать нужными ей делами;

любя ее «великой, единой, неделимой», не терять веру, что она снова будет такой;

веря в это — верить в народ ее, начиная с самого себя — веры в себя;

армия — единственная сила, могущая спасти родину, поэтому все для нее, включая самого себя.

«Борьбу продолжать».

Во всем этом ген. Марков дал пример Гражданина-Солдата.

Ген. Марков на Дону. Он — ближайший помощник Вождей. Он выполняет всевозможные задачи и главную — формирование армии. Армию нужно снабдить всем и прежде всего — вооружить непоколебимым борческим духом. Он беседует с прибывающими добровольцами, вникает в их психологию, настроение и безжалостен к склонным блюсти свои личные интересы, подымает настроение других, крепит у сильных...

«Не будем ничего желать себе. Нам ничего не надо, кроме одного: да здравствует Россия!»

«Нас мало, но и с малыми силами можно делать великие дела.»

Что бы ни говорил ген. Марков, где бы то ни было и когда бы то ни было, все подтверждалось им на его личных примерах. Слова не расходились с делом.

Чтобы оценить его, не находили слов. «Кусочек былинного эпоса»... «Крылья Добр. армии»... «Меч ген. Корнилова»... «Ангел Хранитель»... все как-то не полно. «Рыцарь России?» — да! Рыцарь! — «без страха

и упрека», несущий собой девизы: «Меч и Крест», «Доблесть и скромность» и... «Жизнь и смерть во благо Родины».

Таковы заветы, оставленные ген. Марковым — Великим патриотом, Гражданином и Солдатом, всем русским людям Вечной России и ее армии.

«Для увековечения памяти первого командира 1-го Офицерского полка, части этой впредь именоваться — «1-й Офиц. ген. Маркова полк». Так сухим, официальным языком приказа чины полка получили большую честь именоваться «Марковцами». Позднее, шефство это получили: 1-я Офиц. батарея и 1-я Инж. рота, со входящими в нее железнодорожным и телеграфным взводами. А год спустя его получили и сформированные 2 и 3 Офиц. полки и арт. бригада, составившие «Офицерскую ген. Маркова дивизию» с Инж. ротой и санитарной летучкой. Еще позднее шефство ген. Маркова было дано Черноморскому конн. дивизиону. Отдельно от дивизии шефство имели: жел.-дор. и телеграф. роты, развернувшиеся из взводов. Имели его и бронсавтомобиль и бронепоезд.

Высокая честь наименоваться Марковцами налагала на всех великую ответственность за Родину, за дело борьбы. Вот основы ответственности, как они выявились и проявлялись по заветам ген. Маркова.

Твердое сознание и выполнение гражд. долга перед Россией не только самими Марковцами, но по их примеру и их побуждению всеми русскими людьми.

Стойкая и неослабляющаяся ни при каких обстоятельствах непримиримость к узурпаторам власти на Родине.

Родина должна быть освобождена, какие бы сроки на это не требовались. «Приказ себе». «Забыть себя — служить России». «Все для армии».

Быть безсменно у Национального Знамени, но с ним не «стоять», не «выжидать», а бороться, чтобы водрузить его на свое место.

Для Марковцев:

«Да здравствует Россия» — их клич.

«Без страха и упрека» — их борьба.

«Крест и Меч» — веление их совести.

«Доблесть и скромность» — их поведение.

«Жизнь и смерть за счастье Родины» — смысл их существования.

Под влиянием ген. Маркова выработались и боевые традиции:

— Не спрашивать куда и зачем идем, а выполнять полученный приказ.

Не считаться с силами врага, а бить его.

- Беречь патроны и не забывать, что у них есть штык специального назначения.
 - Атаковать стремительно; на атаки пр-ка отвечать контр-атаками.
 - Охранение для того, чтобы по первому его выстрелу быть на передовой линии.
 - Вынужденно отходить, значит собираться для немедленного перехода в контр-наступление.
 - «Быстрога, глазомер, натиск» и инициатива.
 - Взаимная выручка пехоты и артиллерии.
 - Не оставлять раненых и убитых.
 - Порядок и Дисциплина; Дисциплина в ее глубоком понимании.
- Велик и славен был ген. Марков!
Велики и ответственны его заветы!
-

МАТЕРИАЛЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДЛЯ КНИГИ

1. — «Очерки Русской Смуты» ген. Деникина.
2. — «Записки Генерала Врангеля».
3. — «История Марковского Артиллер. Дивизиона», изданная в 1931 г. Исторической комиссией бригады, в составе 20 чел.
4. — Сборник «В память 1-го Кубанского похода». Изданный в 1928 г. в Белграде под редакцией ген. Казановича, Кириенко и полк. Николаева.
5. — Календарь боевых действий ген. Маркова полка (дивизии), составленный историч. комиссией полка в Париже в 1937 г. в составе 3-х человек (кап. Дедусенко, кап. Рузданова и кап. Шевчука.
6. — Статьи из журнала «Донская Волна» — 1918 г. и газеты «Свободный Казак» 1919 г.
7. — Статьи из журналов и газет, изданных за рубежом: «Добролеи», «Часовой», «Вестни Общества Галлиполийцев» и др., а также и из специальных выпусков: «Ген. С. Л. Марков», «Шаблиевка» — издания 1938 г. и сборник статей Марковцев-артиллеристов, выпущенный в 1931 г., без особого заглавия, но под таким четверостишием:

Годы, меняясь, пройдут...
Пусть же всегда для народа
Жгучим примером живут
Дни Ледяного похода.

П. П. Булыгин.

8. — Кроме того, использован архив Марковского артиллерийского дивизиона с многочисленными подробными воспоминаниями артиллеристов.

СПИСОК

ДАВШИХ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПЕРВОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ

№№	Чин и Фамилия	Часть до начала 1-го похода	Часть в походе
1	Кап. Рейнгард	1 Офиц. б-н	1 рота
2	Ш.-Кап. Козлов	»	»
3	Кап. Махнушка	»	»
4	Пор. Бенедиктов	»	»
5	Пор. Яковлев	»	»
6	Полк. Марченко	»	»
7	Подполк. Бутенко	»	»
8	Подполк. Залеткин	»	»

9 Подполк. Смола-Смоленко	2 Офиц. б-н	2 рота
10 Пор. Котягин	»	»
11 Шт.-Кап. Новиков	Роств. Офиц. рота	»
12 С. у. оф. Платов	4 Основн. рота	»
13 Полк. Алабовский	3 Офиц. б-н	3 рота
14 Кап. Замалуев	»	»
15 Кап. Веселовский	»	»
16 Кап. Тимченко-Островерхов	Гвард. рота	»
17 Полк. Савельев	Прик. к ударн. див-ну	4 рота
18 Подполк. Федоров	Прик. к Морск. роте	»
19 Полк. Биркин	Новочер. кад. корпус	»
20 В. Стар. Суровецкий	»	»
21 Ш.-Кап. Романов	3 Киевск. шк. прап.	Юнкерск. бат-н
22 Подпор. Овсянников	Юнкерск. бат-н	»
23 Подпор. Лебедев	»	»
24 Пор. Гольдшмидт	»	»
25 С. Мил. Курбская Нина	»	»
26 С. Мил. Викторова Шура	»	»
27 Кап. Дончиков	Студенч. бат-н	»
28 Пор. Меньшаков	»	»
29 Пор. Корольков	Технич. рота	1 Инжен. рота
30 Кап. Кузьминский	»	»
31 Кап. Ошевнев	»	»
32 Кап. Латкин	»	»
33 Пор. Дорожкин	»	»
34 С. Мил. Горбенко Елена	»	»
35 Ш.-Кап. Гернберг	Парт. отр. Сот. Грекова	Техн. рота. Штаб ген. Корнилова
36 Кап. Рылов	Броневые части	Штаб. ген. Корнилова
37 Ш.-Кап. Терентьев	1-я батарея	«Артил.» 5 рота

Чины не Марковских частей.

38 Ген.-Л. Писарев	Куб. отряда	К-р Пластун. б-н, затем Партиз. п. полка
39 Ген.-М. Черепов	Нач. част. г. Ростова	
40 Ген.-М. Растегаев	Куб. отряда	Кон. бригада. Во 2-м походе-к-р отдельной «Мар- ковской» сот.при 1 пех. дивизии
41 Г.-Шт. Полк. Николаев	»	1 Куб. стр. полк
42 Подполк. Пермяков	»	»

43 Полк. Левитов	<u>Партиз. ген.</u> <u>Корнилова отряд</u>	Корн. уд. полк.
44 С. Мил. Колесникова Фанна	Куб. отряда	Во 2-м пох. 1 Оф. ген. Маркова п.
45 Корнет Адамович	Прибыл в Новочеркасск с ген. Алексеевым и был для связи при ген. Богаевском	
46 Пор. Осмоловский	Кубанский отряд	К-да кон. связи при ген. Маркове

Примечание: Лица под №№ 1, 2, 3 и 4 кроме личных воспоминаний, дали коллективное описание формирования и боев 1-го Офицерск. бат-на.

под № 19 представил рукопись неизданной книги: «Корниловский поход».

под № 34 Записки которой, даны ее сестрой Евгенией, позднее также с. милосердия ж.-д. взвода.

О втором Кубанском походе

Помимо всех вышепоименованных чинов, за исключением некоторых, дали свидетельства (устные, письменные, дневники, записные книжки) следующие:

1. Кап. Стаценко	18 Пор. Пепескул
2 Кап. Зражевский	19 Ш.-Кап. Никульников
3 Кап. Гапон	20 Пор. Сенаторов
4 Пор. Незнамов	21 Кап. Усиков
5 Подпрап. Сербинов	22 Кап. Языков
6 Кап. Чеботкевич	23 Пор. Гутов
7 Кап. Погорлецкий	24 Подполк. Павлов
8 Кап. Месняев	25 Кап. Залевский
9 Шт.-Кап. Лавров	26 Кап. Ушаков
10 Кап. Янчук	27 Пор. Нечаев
11 Кап. Моисеенко	28 Подполк. Касьянов
12 Свящ. (Кап.) Пляшкевич	29 Кап. Стрелин
13 Кап. Шевчук	30 Кап. Третьяков
14 Кап. Гутброт	31 Кап. Белов
15 Кап. Шилов	32 Кап. Мудров
16 Подполк. Ждановский	33 Ш.-Кап. Лукашев
17 Кап. Касмачевский	34 Пор. Тягун

Из не Марковцев:

- 1 Пор. Яковлев Кубанского стр. полка.
- 2 Полк. Нилов Командир бронеавтомобиля «Верный».
- 3 Полк. Колтышев Штаба ген. Деникина.

О действиях жел.-дор. взвода 1 Инж. роты материалы представил кап. Орехов.

О ген. Маркове — его преподавании в Академии Ген. Штаба дали свидетельства: полк. Щепин и подполк. Пермяков, а в Военных училищах: подполк. Сагайдачный и кап. Коломзин.

Приведенные списки не полны: свидетельства нескольких лиц, принявших советское гражданство, хотя и учтены, но их фамилии не помещены в этой Книге Верных.

БЛАГОДАРНОСТЬ

От имени Марковцев приносится глубокая благодарность лицам, сделавшим тот или иной вклад в дело составления и издания книги.

Всем, давшим свои свидетельства.

Корнету Двигубскому, представившему 4 проекта рисунка заглавного листа.

Кап. Астрафьеву, представившему ряд рисунков для текста.

Полк. Ген.-Штаба Николаеву, чертившему схемы и перепечатававшему черновые тетради.

Всем, кто помогал делу денежными взносами, бумагой, предоставлением разных материалов.

Всем, кто сделал взносы в фонд издания.

Всем, кто морально поддерживал дело, в частности — оповещал в выпуске книги и оказывал содействие в ее распространении.

Всем — Спасибо!

Подполковник Павлов.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
ВСТУПЛЕНИЕ	7
1917 ГОД	9
ЗА РОССИЮ	45
ЗАРОЖДЕНИЕ АЛЕКСЕЕВСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ОРГАНИ- ЗАЦИИ	46
ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ	73
1918 ГОД	73
ПЕРВЫЙ ПОХОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ	117
За рекой Кубань	158
Ледяной поход	171
НА ЕКАТЕРИНОДАР	187
Смерть ген. Корнилова	201
СНОВА НА ДОНУ	237
ВТОРОЙ ПОХОД НА КУБАНЬ	263
Смерть ген. Маркова	269
В тыл армии Сорокина	287
На Екатеринодарском направлении	294
Освобождение Черноморского побережья	305
В ЕКАТЕРИНОДАРЕ	311
Смерть ген. Алексеева	317
ЗАРОЖДЕНИЕ БЕЛОЙ ИДЕИ	318
АРМАВИРСКИЕ БОИ	322
СТАВРОПОЛЬСКИЕ БОИ	338
ПАМЯТИ ГЕН. МАРКОВА	377
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Списки первопоходников и второпоходников, давших свиде- тельства для книги	393

ОТПЕЧАТАНО В ПАРИЖЕ
1 ДЕКАБРЯ 1962 Г. В ТИПОГРАФИИ
СЕРГЕЯ БЕРЕЗНЯКА
— IMPRIMERIE BERESNIAK —
18-20, RUE DU Fg DU TEMPLE
—— PARIS-11° ——